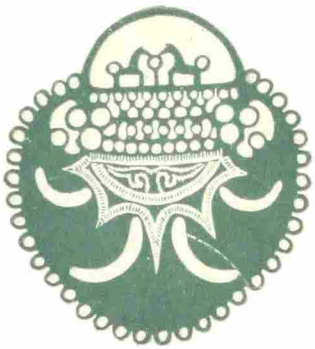
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



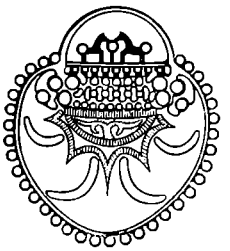
1

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Адрес редакции:

Москва, В-36, 1-я Черемушкинская ул., д. 19, тел. В 6-94-45

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-00738 Подписано к печати 16/I-1963 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 10,5
Печ. л. 28,77+1 вкл. Уч.-изд. л. 30,4 Тираж 2000 экз. Заказ 1283

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

Статьи

Г. П. ГРИГОРЬЕВ

СЕЛЕТ И КОСТЕНКОВСКО-СТРЕЛЕЦКАЯ КУЛЬТУРА

Со времени окончательного оформления науки о палеолите в начале XX в. утвердилось мнение, что в палеолите в отличие от более поздних эпох на территории приледниковой Европы не существовало обособленных археологических культур, развитие повсюду шло по одному пути, ориньякскую эпоху закономерно сменила солютрейская, а солютрейскую — мадленская.

Советские ученые усвоили положение о закономерности и обязательности этих этапов, обосновав его со своих позиций: так, по мнению П. П. Ефименко, деление верхнего палеолита на ориньяко-солютрейскую, мадленскую и азильскую эпохи соответствует определенным этапам развития первобытного общества и хозяйства [1], поэтому такие эпохи общезначимы в пределах приледниковой Европы. Оседлый образ жизни европейских ориньяко-солютрейцев обусловил расцвет кремневой техники, а подвижный образ жизни мадленского населения приледниковой Европы вызвал ее регресс [2]. По П. И. Борисковскому, ориньякская эпоха соответствует начальному, примитивному этапу развития охотничьего оружия, солютрейская эпоха — вершина развития кремневого оружия, а мадленская соответствует упадку кремневой техники в связи с увеличением роли охотничьего оружия из кости [3].

Вместе с тем, в последнее время различными учеными были выделены гримальдийская, перигордийская и селетская культуры в Европе, капсийская и оранская культуры в Африке. Выяснилось отсутствие для некоторых территорий этапов, которые считались закономерными и обязательными для всей приледниковой Европы: в Германии нет солютрейских памятников, типично мадленские памятники не известны восточнее Швейцарии, солютрейские памятники Венгрии и Чехословакии соответствуют по времени ориньякским памятникам Франции.

Селетские памятники на территории Венгрии были выявлены еще до 1914 г., но в центре внимания они оказались в 20—30-х годах XX в. в связи с дискуссией об их возрасте и происхождении. Работы Ф. Прошека по хронологии и культурному облику этих памятников [4] окончательно доказали, что эти памятники предшествуют по времени со-

---

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 287.

[2] Там же, стр. 489.

[3] П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, 40, 1953, стр. 402—404; его же. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы, ч. II. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 5, примеч. 3.

[4] F. Prošek. Szeletien na Slovensku. SA, I, 1953, стр. 133—150.

лютрейской культуре Франции и морфологически отличны от солютре. Они, по общему мнению, представляют особую селетскую культуру по имени многослойной пещеры Селета в Венгрии.

Селетские памятники уже давно попали в поле зрения советских археологов, начиная с работы С. Н. Замятнина о Карачаровской стоянке [5], но преимущественное внимание к ним можно отметить после поездок П. П. Ефименко, П. И. Борисковского и А. Н. Рогачева в Чехословакию (а П. П. Ефименко также и в Венгрию) и знакомства с материалами на месте. После поездки П. П. Ефименко выдвинул положение, что «...на ...востоке Европы, как и в условиях Чехословакии, основная линия развития культуры позднепалеолитического общества в ориньяко-солютрейское время должна была вполне отвечать тому, что носит название селета» [6]. Далее положение о том, что в Европе местное население с начала верхнего палеолита развивалось по селето-солютрейскому пути, а ориньякцы, гримальдийцы и капсийцы были пришельцами из более южных районов Европы, распространяется им вплоть до Франции [7]. Селетская культура по П. П. Ефименко [8] на территории Чехословакии, Венгрии и Украины формируется путем постепенной эволюции из мустье. Вслед за мустье идут памятники шипкинского или протоселетского этапа (Шипка, Исловская пещера, пещера Над Качакем), далее ранний селет (Барца II, нижний слой Дзеравой скалы, Ивановцы, Замаровцы) и поздний селет (Лишень у Брно).

В послевоенные годы главным образом А. Н. Рогачевым был обнаружен ряд памятников докостенковского времени на Среднем Дону. Все эти памятники, по А. Н. Рогачеву, делятся на две группы: памятники нижней гумусовой толщи (костенковско-стрелецкая культура и нижний слой Костенок V) и памятники верхней гумусовой толщи (Городцовская стоянка, Маркина гора, 2-й и 3-й слои, 2-й слой Тельманской стоянки, верхние слои Волковской стоянки и др.) [9]. П. П. Ефименко интерпретировал новые костенковские материалы иначе, основываясь на стратиграфии селета. По его мнению, нижний слой Костенок I, верхний слой Тельманской и нижний слой и пункт А Волковской стоянки представляют позднюю ступень селетской культуры, которая затем развивается в костенковскую культуру. Второй слой Маркиной горы и Городцовская стоянка относятся к пережиточной селетской культуре костенковского времени.

Каждая из этих хронологических групп заключает стоянки, разновременные геологически; как в той, так и в другой группе есть стоянки, залегающие в надгумусовом суглинке, и стоянки, залегающие в верхней или нижней гумусовой толще. Анализ кремневого инвентаря этих стоянок показывает, что нижний слой Костенок I отличается от верхнего слоя Костенок XII (пункт А) [10]. Своеобразие же верхнего слоя Тельманской стоянки признает и сам П. П. Ефименко, подчеркивая его происхождение от особого неизвестного пока варианта раннеселетской культуры [11]. Верхний слой Волковской стоянки наиболее близок к определенной группе стоянок, которые залегают в верхней гумусовой

---

[5] С. Н. Замятнин. Карачаровская палеолитическая стоянка. Аспирантский сборник ГАИМК, 1929, I, стр. 11.

[6] П. П. Ефименко. Костенки I. М.— Л., 1958, стр. 449.

[7] Там же, стр. 447; его же. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. СА, XXVI, 1957, стр. 46.

[8] Мы следуем более позднему, хотя и более краткому варианту селетской концепции П. П. Ефименко, изложенному в книге «Костенки I», стр. 410—449.

[9] А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, 59, 1957, стр. 118—134.

[10] П. П. Ефименко. Костенки I, стр. 435—441.

[11] П. П. Ефименко. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы, стр. 49.

толще. Для этой группы стоянок (Маркина гора —2-й слой, Городцовская стоянка, Волковская стоянка — верхние слои в пунктах А и Б) характерно наличие группы архаичных, мустьерообразных орудий. Это в первую очередь скребла овальные, сделанные из плитчатого кремня, вогнуто-выпуклые скребла, скребла с двусторонней ретушью выпуклого края [12]. Характерны острия разных типов — ланцетовидные [13], листовидные [14], широкие асимметричные на отщепе [15]. Резцов обычно мало, они двух типов — угловые и косоретушные [16]. Скребки в этой группе стоянок также представлены одинаковыми типами: треугольные скребки с ретушью по краям [17], мелкие скребочки на правильных пластинках [18], двойные скребки, скребки со скошенным лезвием. Весьма частый тип — долотовидное орудие [19]; характерны укороченные орудия с непараллельными краями. Проколки обычно сделаны из отщепов и имеют широкий слабо выделенный треугольный клюв. К сходству типов следует добавить сходство в технических приемах: противолежащая ретушь на остриях, подтеска оснований орудий, ретуширование крупных пластин приемом, которым пользуются для выделки долотовидных орудий,— чешуйчатой подтеской. Сходен и материал, из которого изготовлялись орудия: цветной кремень коричневого и желтого цвета, плитчатый кремень, кварцит, реже — светлый меловой кремень. Вероятно, эти памятники не строго одновременны. Судя по обилию острий, еще очень массивных и грубых, по наибольшему количеству ретушированных по краю скребков, по ничтожно малому количеству резцов, Маркина гора — древнейшая стоянка в этой группе. Верхний слой Костенок XII содержит уже очень мало острий, лишь незначительная часть скребков имеет ретушь по краям, орудия изготовлены из правильных пластин. Можно предполагать, что это более поздний памятник в данной группе.

Эта группа памятников бесспорно раньше времени верхнего слоя Костенок I как по геологическим данным, так и по данным стратиграфии (2-й слой Маркиной горы перекрыт слоем, в инвентаре которого имеется наконечник с боковой выемкой) и моложе памятников костенковско-стрелецкой культуры, судя по стратиграфии Костенок XII. Вряд ли эту группу памятников можно отнести к селетской культуре, так как она не содержит двустороннеобработанных орудий. Наиболее вероятно, что эти памятники относятся к самостоятельной местной культуре, происхождение которой нам неясно. Относительно времени существования стрелецких памятников А. Н. Рогачев писал, что этот «...тип памятников ... может рассматриваться в качестве памятников, соответствующих если не начальному, то все же раннему времени эпохи верхнего палеолита», что... «большого хронологического разрыва между позднемустьерскими и древними костенковскими памятниками не было» [20]. П. П. Ефименко, напротив, считает, что костенковско-стрелецкие памятники отделены от мустьерского времени шипкинским и раннеселетским этапом, так как они тождественны памятникам позднего этапа селетской культуры в Чехословакии.

Рассмотрим под этим углом зрения селетскую культуру. Накопленного материала по селетской культуре достаточно только для того, чтобы охарактеризовать всю культуру в целом; территориальные разновидности селета и его развитие во времени, происхождение и конец сейчас

---

[12] А. Н. Рогачев. Ук. соч., рис. 30, *12, 13*; рис. 37, *14*.
[13] Там же, рис. 57, *9*.
[14] Там же, рис. 29, *9*.
[15] Там же, рис. 37, *9—11*; рис. 57, *17*.
[16] Там же, рис. 57, *16*.
[17] Там же, рис. 29, *3*; рис. 30, *3—4*; рис. 37, *4*; рис. 57, *4*.
[18] Там же, рис. 30, *2*; рис. 37, *1*; рис. 57, *1—3*.
[19] Там же, рис. 30, *7—11*; рис. 37, *6—7*.
[20] Там же, стр. 121, 123.

неясны. Начало селета совпадает с началом верхнего палеолита, геологическая дата поздних селетских стоянок различными археологами определяется по-разному [21]. Существенное значение имеет и то, что материал по селету неоднороден по своему происхождению (из пещерных и открытых лёссовых стоянок, из мастерских).

Разделение селетской культуры на территориальные варианты пока еще не выглядит достаточно убедительно. Так, наконечники с округлым основанием есть не только в Венгрии, но и в Моравии (Гана) [22] и в Словакии [23]; наконечники типа Мораваны-Длга есть не только в Словакии, но и в Моравии [24] и в Венгрии [25]; наконечники с заостренным основанием есть и в Моравии [26] и в Венгрии [27]. Прочий инвентарь — скребки, скребла, резцы — также очень однороден. Хотя селетская культура длилась достаточно долго, ее ступени мало разнятся друг от друга; ее развитие можно представить себе в виде медленной эволюции, без появления новых типов или исчезновения старых [28].

Для выделения селетский культуры необходимо установить, какие именно типы скребков, резцов, проколок, скребел, острий для нее характерны и каковы количественные соотношения этих типов орудий.

Из всех орудий селета и костенковско-стрелецкой культуры в какой-то мере сходными можно считать лишь три типа: наконечники, мелкие скребочки и ножи-скребла. Но треугольных наконечников с вогнутым основанием в Чехословакии и Венгрии нет, мелкие скребочки характерны для ориньякских памятников Чехословакии типа Кехнец, Милгост, Сенья и не встречаются в селетских памятниках. Из четырех известных нам с территории Чехословакии экземпляров так называемых «ножей с обушком» или ножей-скребел лишь один имеет обушок, у прочих же обушка нет и по форме они отличаются от костенковских ножей, будучи более укороченными и резко асимметричными [29].

Не ограничиваясь этими тремя видами, сравним типы скребков, скребел, резцов и пр. в селетской культуре и в нижнем слое Костенок I. Среди селетских скребков можно выделить следующие типы: обычные скребки на конце пластинки (рис. 1, *14*), высокие скребки с лезвием в форме стрельчатой арки (Spitz-bogenkratzer) (*16*), подтреугольные скребки с плоскоретушированной спинкой (*15*). В Костенках же мы имеем другие типы скребков: эллипсоидные с краевой ретушью и с подретушировкой с брюшка (*1*), высокие скребки с прямым лезвием и ретушью с брюшка (*2*), подтреугольные короткие скребки, резко сужа-

---

[21] L. Zotz. Altsteinzeitkunde Mitteleuropas. Stuttgart, 1951, стр. 134—194; F. Prošek. Szeletien na Slovensku, стр. 142; J. Barta. Paleolitické osídlenie sprašovéy stanice ve Vičkovciach. AR, IX, 1957, стр. 753—761; его же. K problému listovitých hrotov typu Moravany-Dila. SA, VIII, 2, 1960, стр. 310—311.

[22] B. Klima. Vavřinový list z Haňé. AR, VI, 1, 1954, стр. 88—89.

[23] J. Bárta. Ук. соч., табл. V, *1, 2, 3*.

[24] K. Valoch. Výzkum na paleolitickém nalezišti v Neslovicích, okr. Rosice. ČMM, XLIII, 1958, рис. 7; его же. Nové paleolitické nálezy z Brna-Kohoutovice. AR, VII, 1, 1956, рис. 55.

[25] O. Herman. Der paläolitische Fund von Miskolz. Mitt. der Anthropol. Ges. in Wien, 1893, стр. 77—82.

[26] H. Breuil. Notes de voyage paléolithique en Europe Centrale. L'Anthropologie, 1924, XXXIV, рис. 4.

[27] М. Габори. Солютрейская культура Венгрии. ААН, 3, 1953, табл. XI, *1* (текст на русск. яз.).

[28] F. Prošek. Szeletien na Slovensku, стр. 148.

[29] Два в Замаровцах (F. Prošek, V. Ložek. Výzkum sprašového profilu v Zamarovcich u Trenčína. Antropozoikum, IV, 1954, табл. I); один в Несловицах (B. Klima. Současný stav problematiky aurignacienu a gravettienu. AR, XIII, 1, 1961, рис. 58); один в Мораванах-Длга (J. Barta. K problemu listovitých hrotov typu Moravany-Dlha..., табл. IX, *4*).

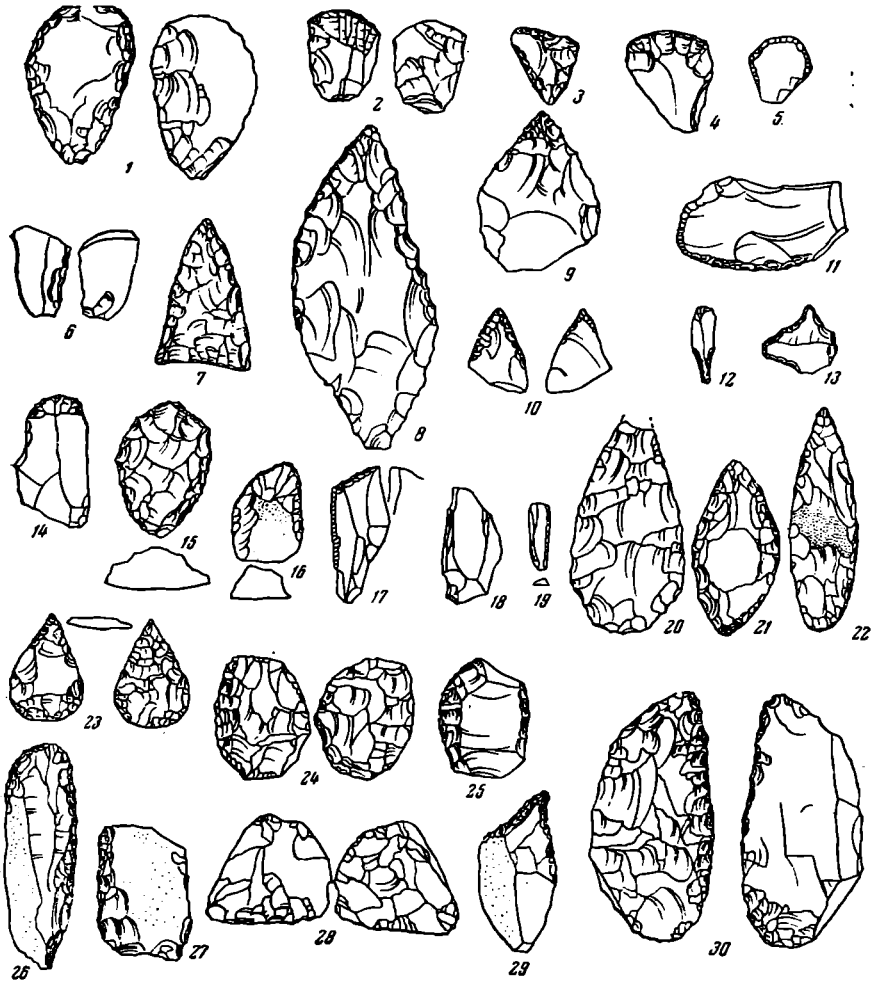


Рис. 1

1—13 — Костенки I, нижний слой; *14* — Моравany I (Моравия); *15, 16, 21, 24—28* — Несловице (Моравия); *17* — Желешице (Моравия); *18, 19* — Ивановце-Скала (Словакия); *20* — Янкович (Венгрия); *22* — Селета, верхний слой (Венгрия); *23* — Моравany-Длга (Словакия); *29* — Оржехов (Моравия); *30* — Замаровце (Словакия)

ющиеся к основанию, асимметрично отклоненному по отношению к лезвию (*3, 4*), округлые скребки (*5*). Резцы в селете — срединные (*18*) и боковые (*17*), в нижнем слое Костенок I резцы преимущественно супоневского типа (*6*). Селетские наконечники разнообразны по форме: в форме листа тополя (*23*), в форме листа бука (*20*), обоюдоострые листовидные (*21*), с округлым основанием (*22*). Наконечники из Костенок известны одной только формы — треугольные с вогнутым основанием. О ножах-скреблах мы уже говорили выше. В Костенках I имеются острия, близкие к остроконечникам, но с двусторонней обработкой (*9,10*). В селетских памятниках таких острий нет. Селетские скребла очень разнообразны: с прямым лезвием (*27*), с выпуклым лезвием (*25*), округлые (*24*). Некоторые авторы относят к скреблам и крупные ретушированные пластины (*26*).

В Костенках все скребла только одного типа — подтреугольной формы с выпуклым лезвием (*11*). Проколки в Костенках миниатюрные, с тонким выделенным лезвием (*12,13*). Селетские проколки почти всегда изготовлены на углу пластины (*29*). Пластиночки или острия с притупленным краем (*19*) в нижнем слое Костенок I неизвестны. Детальное

сопоставление показывает, что кремневый инвентарь нижнего слоя Костенок I не имеет общих черт с инвентарем селетской культуры [30].

П. П. Ефименко к числу селетских стоянок относит те, которые чехословацкие и венгерские археологи считают ориньякскими, часто связывая их с определенной ступенью французской ориньякской культуры [31]. Эти аналогии с местной французской культурой ошибочны, и термин «ориньяк» здесь служит лишь для отличия их от другой местной культуры — селета. Поскольку П. П. Ефименко связывает мелкие скребки наших памятников с мелкими скребками ориньяка, рассмотрим вопрос о различиях селета и ориньяка.

Интересующие нас мелкие скребки связываются с группой ориньякских памятников типа Кехнец, Милгост, Сенья [32]. Ориньякские памятники отличает от селетских полное отсутствие (Барца II, Жлутава) или же наличие единичных обломков селетских наконечников, повышенное содержание скребков и резцов (свыше двух третей всех орудий, в противоположность селету, где эти две группы составляют от четверти до половины всех орудий), малое количество и иная форма скребел. В ориньяке постоянно присутствуют скребки с заостренным основанием, крупные скребки с ретушью по краю, чего нет в селете. Те специфические селетские черты, которые связывают воедино разновременные и удаленные географически селетские стоянки в одну культуру, в ориньякских стоянках отсутствуют.

Поскольку древнейшие памятники Костенок не относятся к селетской культуре, их датировка, как это следует из работ А. Н. Рогачева, определяется геологическим положением и наличием мустьерских пережитков. В последнее время П. И. Борисковский привел ряд возражений против датировки древнейших памятников в Костенках, залегающих в нижней гумусовой толще, ранней порой верхнего палеолита (нижние слои Костенок I, Костенок XII, Костенок XVII). Не останавливаясь на аргументе геологическом (сейчас есть очень много оснований сомневаться в рисском возрасте ранней поры верхнего палеолита), разберем археологические доводы. По мнению П. И. Борисковского, «...наиболее древние, по геологической датировке, памятники Костенок обнаруживают весьма развитую технику обработки кремня и кости при отсутствии сколько-нибудь выраженных мустьерских элементов». В них «...мы ...или вовсе не обнаружим никаких следов мустьерской техники, или же встретим очень редкие единичные орудия, несколько напоминающие мустьерские, но не в большем количестве, чем они встречаются в таких сравнительно поздних памятниках, как... верхний слой Костенок I, Тимоновка, Елисеевичи» [33]. Действительно, мустьерообразные типы орудий встречаются и среди мадленских стоянок (Тимоновка), но они составляют там десятые доли процента. В Костенках I и Волковской стоянке мустьерские типы составляют гораздо бо́льшую долю — 14% в нижнем слое Костенок I и 20% в нижнем слое Волковской стоянки. По О. Н. Ба-

---

[30] Против отнесения к селету стоянок Русской равнины в последнее время выступили А. Н. Рогачев и О. Н. Бадер (см.: А. Н. Рогачев. Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы, стр. 45; О. Н. Бадер. Стоянка Сунгирь, ее возраст и место в палеолите Восточной Европы. Тр. КИЧП, XVIII. 1961, стр. 128).

[31] Fr. Prošek. Paleolitická stanice Barca II. AR, VIII, 3, 1956, стр. 305—311; B. Klima. Zjišťovačí výzkum vyšinných stanic u Napajedel. AR, IV, 5, 1952, стр. 385—388; K. Valoch. Paleolitická stanice na Stranské Skale u Brna. ČMM, XXXIX, стр. 5—25.

[32] L. Bánesz. Mladopaleolitické objekty v Seni I. SA, VI, 1, 1959, стр. 5—20; его же. Paleolitická stanice pri Kechneci. SA, VII, 2, 1959, стр. 206—240; его же. Přišpevok k poznaniu aurignacienu na východnom Slovensku. Študijné zvesti AU SAV, 1, 1956, стр. 1—23.

[33] П. И. Борисковский. Некоторые спорные вопросы периодизации позднего палеолита Русской равнины. Тр. КИЧП, XVIII, 1961, стр. 46—47.

деру, в кремневом инвентаре стоянки Сунгирь скребловидные орудия составляют 12,5% [34]. Надо сказать, что процент мустьерских типов в ранних верхнепалеолитических стоянках далеко не постоянен. Так, в перигордийских слоях мустьерские типы составляют иногда более 40% [35], тогда как в одновременных ориньякских памятниках доля мустьерских типов ничтожна, как правило 1—3%. Есть памятники, относящиеся к первой ступени ориньяка, но вовсе не содержащие остроконечников и скребел (Бланшар) [36]. Селетские памятники, с ранним возрастом которых П. И. Борисковский теперь соглашается, содержат весьма значительную долю скребел и остроконечников (12—17%) [37], тогда как ориньякский слой Бабина содержит ничтожную долю мустьерских типов (около 2%), все орудия там изготовлены на крупных правильных пластинах [38]. Поэтому нельзя считать разновременными нижние слои Костенок I и Костенок XVII на том основании, что Костенки XVII не содержат мустьерских типов, а в Костенках I их довольно много. Мустьерские скребла, острия и ядрища являются достаточным основанием для датировки ранних костенковских памятников ранней порой верхнего палеолита, так как они играют такую же роль, как и в селетских памятниках и бо́льшую, чем в ориньякских памятниках Среднего Днестра.

Таким образом, селет и костенковско-стрелецкая культура являются одновременными, независимыми, не связанными родством культурами.

К настоящему времени распространилось мнение, что из нижнего слоя Костенок I происходит костенковская культура, так же как и в Чехословакии из позднего селета типа Мораван-Длга и Лишени происходит культура Дольних Вестониц — Павлова. Однако в Австрии, где селетская культура не обнаружена, мы знаем костенковско-виллендорфскую культуру, которая не моложе, а скорей древнее, чем Петржковице. Наоборот, в Венгрии, где селетские памятники имеются в большом количестве, нет костенковской культуры. Это заставляет особенно тщательно проверить утверждения о генетической связи Петржковиц и селета. Б. Клима видит селетское влияние (но не селетские формы) в пластинках, ретушированных по краю, преимущественно в форме полумесяца [39]. Таких пластин нет в селетской культуре, но они есть в памятниках Австрии. В селете нет ни крупных длинных скребков с ретушью по краю, ни пластиночек развитых форм с притупленным краем, как в Петржковицах. П. П. Ефименко видит селетское наследие в значительной роли клинков-наконечников и в наличии мустьерских пережитков [40] (большое количество таких орудий, как скребла). Однако клинки-наконечники такого рода, как в Дольних Вестоницах и Павлове, отсутствуют в селете, но есть в Виллендорфе, начиная с 5-го слоя. Мустьерские элементы в Петржковицах представлены 2,7% скребел и еще меньшей долей их в Павлове, что несравнимо с обилием и разнообразием скребел в селете. О связи костенковской культуры с нижним слоем Костенок I говорят на основании наличия мелких скребков и скребел в верхнем слое Костенок I. Однако мелкие скребки в нем, как известно, являются при-

---

[34] О. Н. Бадер. Стоянка Сунгирь..., стр. 124.

[35] F. Bordes. Le passage de Paléolithique moyen au Paléolhitique supérieur. Neandertal Centenary. Köln — Graz, 1958, стр. 177.

[36] D. de Sonneville-Bordes. Le paléolithique supérieur en Périgord. Bordeaux, 1960, стр. 231—256, таблицы.

[37] K. Valoch. Étude statisthique du Szeletien. L'Anthropoligie, 61, 1—2, 1957, стр. 87.

[38] А. П. Черныш. Поздний палеолит Среднего Поднестровья. Тр. КИЧП, XV, 1959, стр. 22.

[39] B. Klima. Vysledky archeologického výzkumu na taborišti lovců mamutů v Petřkcovcích, okr. Ostrava, v roce 1952 a 1953. Časop. slezského musea, IV, 1955, стр. 30.

[40] Там же.

месью из 2-го слоя, а те скребла и остроконечники, которые опубликованы П. П. Ефименко, не похожи на мустьерские типы нижнего слоя. Весь прочий инвентарь верхнего слоя также не обнаруживает сходства с нижним слоем.

По нашему мнению, нельзя считать доказанным как участие селетской культуры в качестве составного элемента, наряду с ориньяком при образовании костенковско-виллендорфской культуры [41], так и наличие прямой генетической связи между селетом и костенковско-виллендорфской культурой [42].

Таким образом наметились два направления: одни (А. Н. Рогачев, О. Н. Бадер, чехословацкие и венгерские ученые) считают, что селет и костенковско-стрелецкая культура — две местные культуры, возникшие независимо друг от друга, другие (П. П. Ефименко, П. И. Борисковский, А. П. Черныш) считают, что селетская и костенковско-стрелецкая культуры представляют единый для всей приледниковой Европы солютрейский этап. Большинство западноевропейских ученых считает селет особой, местной центральноевропейской культурой. Факты показывают, что так называемая солютрейская техника возникает на разных территориях в Европе в разное время.

Техника двусторонней обработки кремневых наконечников отмечена впервые уже в мустьерское время (Германия: Мауэрн, Ранис и др.) [43]. На территории Венгрии и Чехословакии эта техника возникла с начала верхнего палеолита в селетской культуре, прекратившей свое существование во втором интерстадиале вюрма или еще раньше [44].

Солютрейская культура на территории Франции появилась спустя некоторое время после конца селетской культуры, что следует из сопоставления радиокарбоновых и геологических дат.

Радиокарбоновая дата Павлова, стоянки, бесспорно существовавшей в третьем стадиале вюрма,—22 850 лет до н. э.; для селета эта дата является terminus ante quem. В то же время дата перигордийского слоя абри Пато —22 500 лет, а это не самый конечный горизонт перигордийской культуры. Дата так называемого «протосолютрейского» слоя в пещере Верхняя Ложери —18 600 лет до н. э.

Все эти факты свидетельствуют о том, что столь долго господствовавшее представление о существовании единых закономерных этапов развития верхнепалеолитической кремневой техники, в частности солютрейского этапа, для всей приледниковой Европы бездоказательно. Подобные этапы можно выделить лишь в пределах одной культуры, на одной сравнительно узкой территории.

В настоящее время положение о весьма ограниченном распространении селетской культуры, характерной для Венгрии и Чехословакии, признается почти всеми археологами. Ряд археологов высказался против отождествления памятников костенковско-стрелецкой культуры с селетом (А. Н. Рогачев, О. Н. Бадер, П. И. Борисковский). По П. П. Ефименко, костенковская и селетская культуры генетически связаны, потому что и там и тут важную роль в инвентаре играет кремневый клинок-наконечник [45]. П. П. Ефименко относит к селетско-солютрейской культуре все стоянки, где есть клинки-наконечники, независимо от их формы.

---

[41] B. Klima. Ук. соч., стр. 30; V. Ložek, F. Prošek. Stratigrafické otazky ceskoslovenského paleolitu. Pamatky archeologické, XLV, 1954, стр. 60.

[42] П. П. Ефименко. Костенки I, стр. 434.

[43] L. Zotz. Das Paläolithikum des Weinberghöhle. Quartar-Bibliothek, II, Bonn, 1955, стр. 118—192; L. Zotz. Altsteinzeitkunde Mitteleuropas..., стр. 134—194.

[44] F. Bordes, K. Voloch. Loess de Tchecoslovaquie et loess de France du Nord. L'Anthropologie, 61, 3—4, 1958, схема на стр. 284—285; F. Bordes. Radiocarbone et correlations loessiques. Там же, 5—6, схема на стр. 572.

[45] П. П. Ефименко. Костенки I, стр. 434.

Следует отметить, что даже сторонники взглядов П. П. Ефименко придерживаются по этому вопросу противоположного мнения [46].

Десять лет назад А. Н. Рогачевым впервые был поставлен вопрос о своеобразии верхнепалеолитической культуры Восточной Европы. Материалы Костенок IV и нижних слоев Костенок I и Тельманской стоянки, введенные им в науку, послужили опорой в постановке и решении этого вопроса. Теперь этот вопрос находится в центре внимания всех археологов-палеолитчиков.

Если раньше задачей археолога было, отвлекаясь от черт различия территориально удаленных памятников, найти приблизительное сходство с французским эталоном, отнести анализируемые памятники к какой-то ступени, то он, естественно, обращал внимание только на «руководящие ископаемые»— солютрейские наконечники, мадленские гарпуны, ориньякские скребки, ибо только они, взятые в отрыве от всех прочих типов орудий, встречаются почти на всем европейском континенте. Теперь уже не может быть использована такая методика. Выделение культур в верхнем палеолите обязывает археолога-палеолитчика действовать методами, которые применяются в археологии более поздних периодов — обращать внимание на все типы орудий, не деля их на «руководящие ископаемые» и обычные, «нехарактерные» типы. Отражением этого является так называемый статистический метод, где все типы орудий в равной мере подвергаются анализу.

Сейчас существование археологических культур верхнепалеолитического времени признается многими советскими археологами и геологами, как это показало рабочее совещание по стратиграфии и принципам периодизации палеолита Восточной Европы. Так, П. И. Борисковский, долгое время выступавший против существования локальных различий, пишет: «Выделение в позднем палеолите Русской равнины нескольких ступеней... не означает полного отрицания более дробных локальных групп...», хотя такие группы, по его мнению, «...мало имели общего с хорошо выраженными неолитическими локальными группами, различаясь между собой лишь некоторыми второстепенными, часто неотчетливыми признаками» [47]. Вряд ли можно согласиться с последним утверждением. Между нижними слоями Селеты и Бабино I, на наш взгляд, существует не меньшая разница, чем между стоянками льяловской и балахнинской культур. Вряд ли можно отнести различия между нижними слоями Костенок I и Костенок XVII к второстепенным и неотчетливым. То же самое можно сказать про ориньякскую и перигордийскую культуру во Франции.

Вопрос о существовании культур в эпоху верхнего палеолита очень важен, так как, помимо узко специального значения, то или иное решение этого вопроса существенно изменит наши общие представления о ранних этапах развития родового строя.

---

[46] П. И. Борисковский. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы, II, стр. 16.

[47] П. И. Борисковский. Некоторые спорные вопросы периодизации позднего палеолита Русской равнины, стр. 49.

Л. П. ХЛОБЫСТИН

К ИСТОРИИ НЕРПИЧЬЕГО ПРОМЫСЛА НА БАЙКАЛЕ

В средней части оз. Байкал, близ мыса Св. Нос, расположены Ушканьи острова. От материкового берега острова удалены на 6 *км*. В группу Ушканьих островов входят о. Большой, площадь которого около 12 *км*^{2}, и три Малых, наибольший из которых о. Долгий равен 0,5 *км*^{2}. Постоянного населения острова до недавнего времени не имели, однако совершенно безлюдными они не оставались. Сведения о следах пребывания древних людей на Ушканьих островах были впервые опубликованы П. П. Хороших [1]. Он указал, что на Большом Ушканьем острове имеется пещера, около которой найдена керамика железного века. В 1950 г. проф. М. М. Кожов доставил в Иркутский краеведческий музей маленький шлифованный нож из зеленого нефрита. По сведениям музея, он найден в этой пещере [2].

В 1959 г. лимнологи, работавшие на острове, обнаружили древнюю керамику, о чем любезно сообщили Иркутской археологической экспедиции (начальник М. П. Грязнов). В результате этого сообщения и было предпринято обследование Ушканьих островов. Во время разведки автору удалось посетить два острова: Большой и Долгий.

Остров Большой, густо поросший хвойным лесом, имеет 10 террас, но археологические находки, сделанные в пяти пунктах, приурочены только к нижней террасе (рис. 1).

Пункт I. На южном берегу острова близ края высокой (до 10 *м*) крутой террасы, среди корней поваленной лиственницы в раскопе площадью 9 *м*^{2} были найдены черепки красноглиняного сосуда и отщепы кварцита, на одном из которых имеется ретушь. Находки залегали в слабогумусированной коричневатой почве на глубине 5—10 *см*. По сохранившимся обломкам трудно судить о форме сосуда. Он был лепным, тонкостенным, имел прямой венчик, около которого располагался орнамент из валика и косых нарезок. По краю венчика нанесен узор из кружков (рис. 2, *1*). Исходя из характера керамики, данное местонахождение можно датировать эпохой бронзы.

Пункт II. В бухточке на северном берегу острова находки были сделаны в трех местах. В восточной части бухты найден крупный обломок венчика лепного сероглиняного сосуда эпохи железа, украшенный налепными валиками с защипами и маленькими глубокими ямками (рис. 3, *1*). В западной части бухточки, в обнажении обрывистого берега, в основании красноватого суглинка, лежащего между дерном и галечником, на глубине 15—18 *см* на протяжении 12 *м* найдены отщепы кремня и кварцита, большой кварцитовый скребок (рис. 4, *4*) и мелкие обломки

[1] П. П. Хороших. Пещеры Байкала. «Природа», 1948, 12, стр. 49.
[2] Иркутский краеведческий музей, инв. № 2574.

тонкой красноглиняной керамики. На осыпи подобрана тонкая галечка с отверстием в центре, сделанным двусторонним сверлением (рис. 4, *5*). В 70 *м* к западу в таких же условиях залегания были найдены обломки одного сосуда, орнаментированного рядами узкой «отступающей лопаточки», сгруппированными попарно (рис. 2, *5*). Вместе с ними встречены отщепы обычного для байкальских стоянок зеленоватого кремня и кость

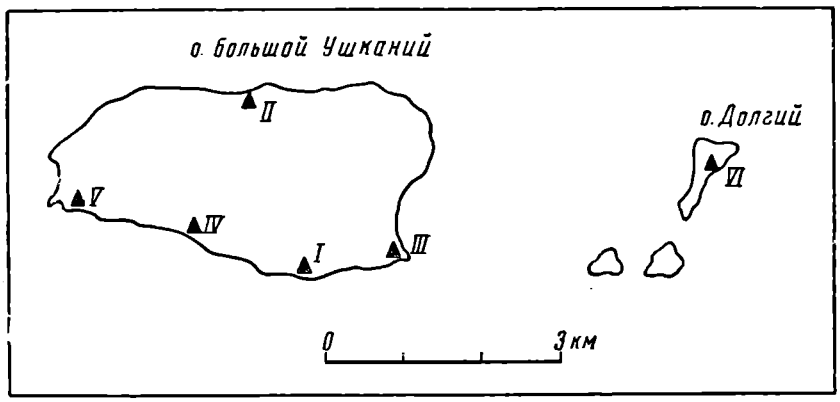


Рис. 1. Местоположение археологических памятников на Ушканьих островах

нерпы. Оба последних местонахождения следует датировать на основе керамики глазковским временем (эпохой бронзы).

Пункт III. У юго-восточного мыса острова на границе соприкосновения галечного пляжа со скальными выходами высокого берега расположена пещера. Ее аркообразный вход обращен на юго-юго-восток. Пещера углублена в скалы на 3 *м*, наибольшая ширина ее 5,9 *м*, высота сводчатого потолка — 3,15 *м*. Заложенный у западной стенки пещеры шурф дал следующую стратиграфию: 1 — серая известково-углистая пыль (0—0,15 *м*); 2 — первый черный углистый слой (0,15—0,2 *м*); 3 — грязно-белая известковая масса (0,2—0,29 *м*); 4 — второй черный углистый слой (0,29—0,34 *м*); 5 — плотная известковая корка (0,34—0,38 *м*); 6 — третий углистый слой (0,38—0,4 *м*), переходящий в материковый темно-серый крупный песок и гальку. Во всех слоях, за исключением плотного известкового, где найдены лишь мелкие неопределимые кости, встречались черепки плоскодонных глиняных сосудов и кости нерпы, часто раздробленные и обгорелые.

В первом пылевидном слое под средним из трех уложенных в ряд камней обнаружена цилиндрическая ямка диаметром 14 *см*, прорезавшая нижележащие слои вплоть до третьего углистого. На дне ямки найдены кости нерпы и 13 мелких мраморных галек.

В двух верхних слоях было найдено много черепков сосудов курыканской культуры. Они украшены тонкими, иногда рассеченными валиками, бороздками, ногтевыми вдавлениями (рис. 3, *2, 3, 5—10, 12*), маленькими ямками. Аналогии этой керамике встречаются среди курыканских сосудов шатровых могил и поселений Байкала [3].

Во втором углистом слое найдены сильно шлакированные неорнаментированные черепки, толстые и грубые. В третьем углистом слое привлекает внимание обломок венчика сосуда, украшенного налепными, рассеченными валиками и глубокими ямками (рис. 3, *11*). Этот сосуд толще и грубее сосудов верхних слоев. Залегание этого сосуда в самом

[3] Н. Н. Агапитов. Прибайкальские древности. ИВСОРГО, 1881, XII, 4—5, табл. V, *5*, *9*, а также коллекции Иркутской археологической экспедиции, хранящиеся в ГЭ.

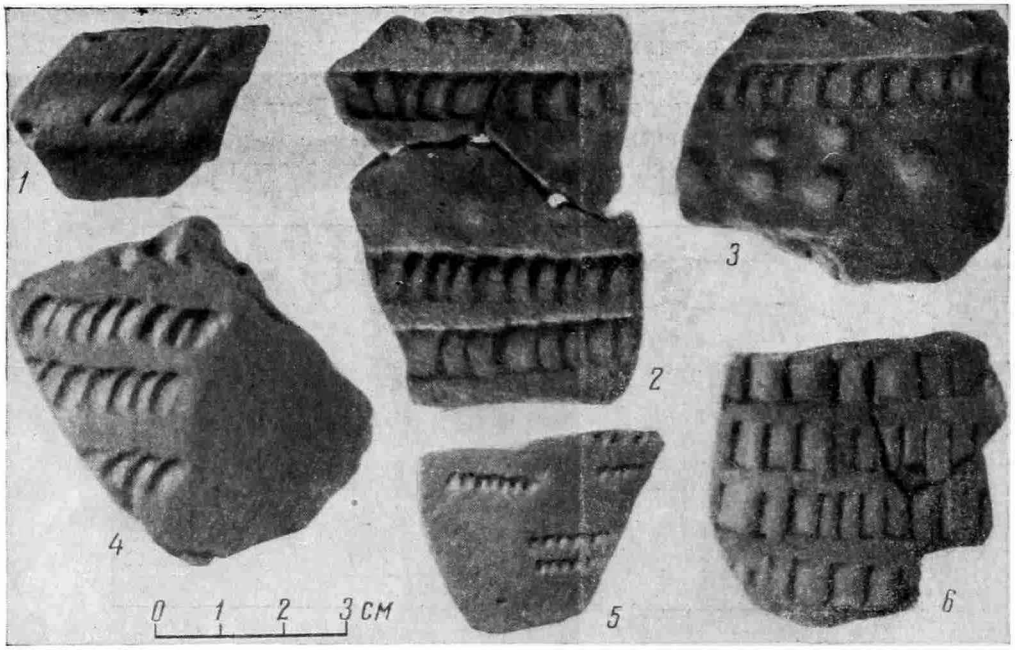


Рис. 2. Керамика бронзового века. Ушканьи острова

нижнем культурном слое позволяет датировать его более ранним временем, чем курыканские сосуды и предположительно отнести к рубежу нашей эры.

Каменных орудий в пещере не найдено. Точильные же камни из мелкокристаллических пород, которые встречались при раскопках, явно употреблялись для заточки металлических орудий. Поэтому диссонансом ко всему найденному в пещере материалу является нефритовый нож, числящийся, как выше отмечалось, происходящим из этой пещеры. Когда-то вода заходила в пещеру, обязанную своим происхождением абразивному воздействию волн на береговые скалы. Освобождение пещеры от воды произошло, согласно теории В. В. Ламакина, вследствие прерывистых поднятий Ушканьих островов из вод Байкала[4]. Заселена она была вскоре после того, как обсох ее пол, сложенный крупным песком и галькой. Время первичного заселения пещеры можно на основе керамики нижнего культурного слоя предположительно отнести к началу нашей эры. Преобладание курыканской керамики говорит о том, что пещера наиболее часто посещалась охотниками за нерпой в период, относящийся ко второй половине I тысячелетия.

Пункт IV. Примерно в центральной части южного берега, около зимней базы лимнологов, в шурфе, заложенном на огороде, были найдены совместно с костями нерпы обломки толстостенных сосудов, украшенных рассеченными валиками, близкие к черепкам из верхних слоев пещеры (рис. 3, *10*).

Пункт V. В юго-западной части острова, около мыса Тонкого, первая терраса понижается до 3 *м*. Здесь в бухточке, недалеко от метеостанции, на осыпи разрушающегося берега и в коричневом суглинке на глубине до 25 *см* двумя отдельными скоплениями были найдены кости нерпы. В одном случае они сопровождались лепной неорнаментированной керамикой, в другом — обломками лепных сосудов, орнамент которых составляли ряды «отступающей лопаточки». Один сосуд украшен близ венчика двумя рядами выпуклин (рис. 2, *2*). Подобный орнамент-

[4] В. В. Ламакин. Ушканьи острова и проблема происхождения Байкала. М., 1952.

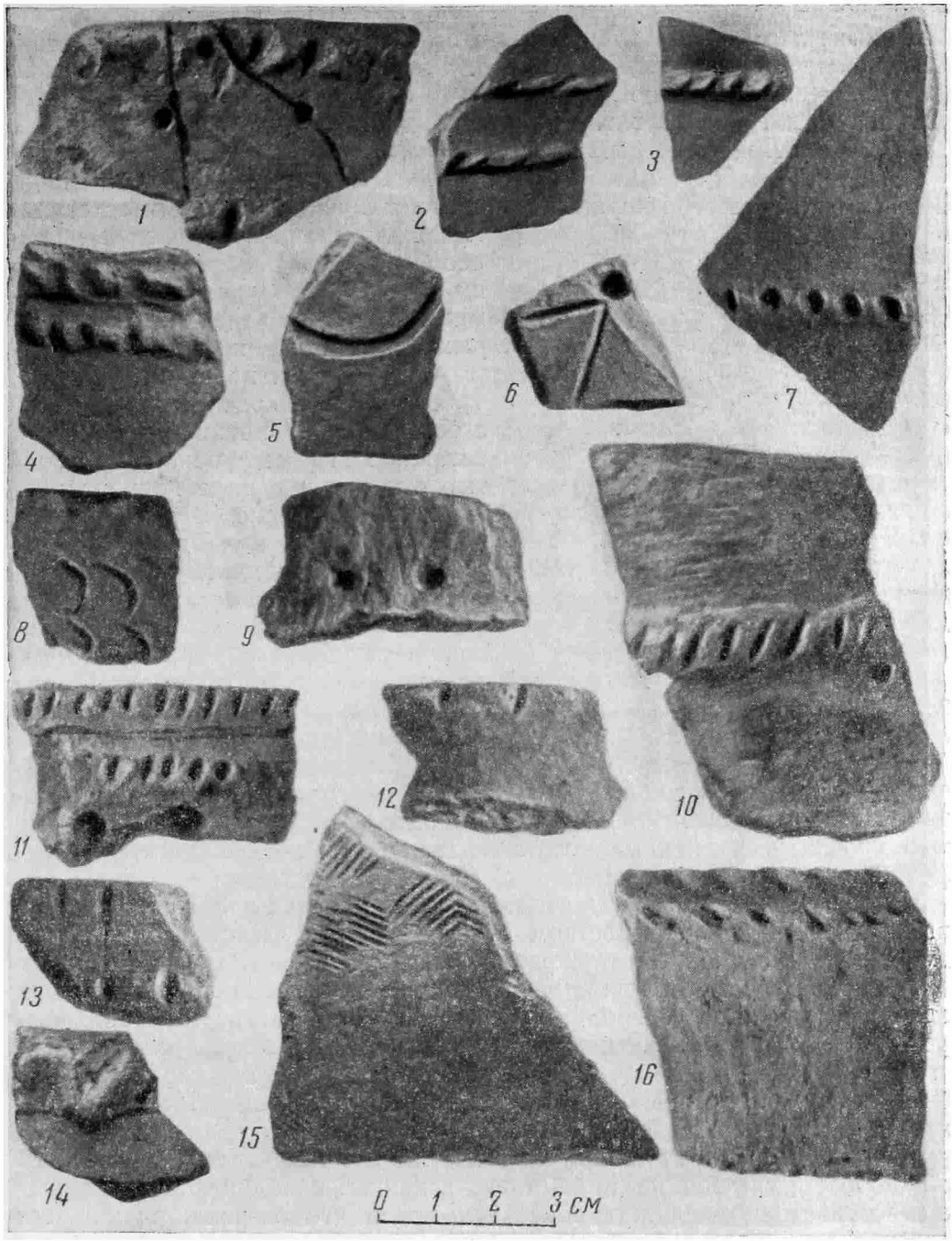


Рис. 3. Керамика железного века. Ушканьи острова

имеется на сосуде, найденном И. И. Веселовым у с. Степной Дворец в устье р. Селенги, который А. П. Окладников датирует глазковским временем [5]. Часто встречается он и на глазковских сосудах, составляющих основную массу керамики стоянки Улан-Хада.

Около зданий метеостанции на поверхности встречены обломки курыканских сосудов.

Следы посещения Ушканьих островов древними охотниками были обнаружены и на о. Долгом, имеющем, подобно другим Малым Ушканьи-

[5] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 43, 1955, стр. 128—129, рис. 51.

им островам, низкие скалистые берега, поросшие редкостойным лиственничным лесом. Излюбленным местом стоянок была бухта на восточной стороне острова, защищенная от господствующих северо-западных ветров. На ее крутом, но невысоком (до 5 *м*) берегу сосредоточены все находки. Культурные остатки, как показали зачистки береговой бровки, залегают линзами и встречаются на протяжении 100 *м*.

Первыми посетителями острова были люди глазковского времени, оставившие после себя керамику, орнаментированную рядами «отступающей лопаточки» (рис. 2, *6*). При сборах на галечно-суглинистой осыпи берега попадались черепки керамики и более позднего периода: курыканской с налепными, расчлененными защипами валиками (рис. 3, *4*) и уйгурской красноглиняной толстостенной, украшенной штампом, оставляющим неглубокие желобчатые отпечатки в виде концентрических ромбов (рис. 3, *15*). Кроме обломков сосудов найдены отщепы кремня, халцедона и кварцита, кремневые ножевидные пластинки, обломок кварцитового ножа, осколок шлифованного нефритового изделия, скребки и обломок формы для отливки ножа, сделанной из песчаника (рис. 4, *3*).

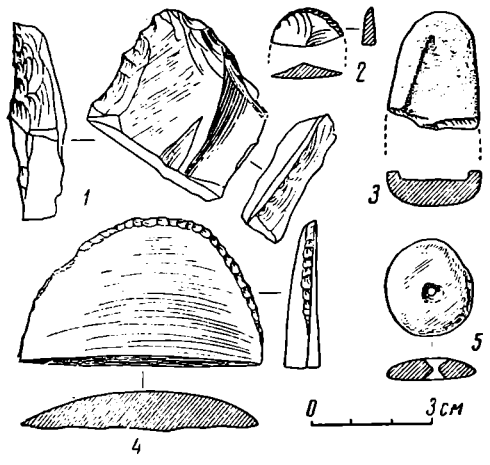


Рис. 4. Каменные изделия. Ушканьи острова

Среди скребков привлекает внимание массивный экземпляр, изготовленный из плитки кремнистого сланца (рис. 4, *1*). Аналогии ему можно указать среди каменного инвентаря стоянок Антипиха близ Читы и Талцак-Булак в Монголии [6].

Находка литейной формы, являющейся редкостью для Байкала, служит еще одним доказательством существования в лесном Прибайкалье самостоятельного бронзолитейного производства.

Так же как на стоянках Большого Ушканьего острова остатки древних изделий были найдены на о. Долгом вместе с костями нерпы, часто раздробленными и обожженными.

Судя по незначительности культурного слоя и малому числу находок, обнаруженные места поселений являются кратковременными стоянками охотников на нерпу. Небольшие размеры островов не могли позволить людям с присваивающим или скотоводческим хозяйственными укладами надолго обосновываться на них. Многочисленные находки костей нерпы [7] на местах стоянок служат доказательством, что острова, славящиеся и сейчас нерпичьими лежбищами, были известны обилием тюленя и в далекие от нас времена.

Нерпа, или байкальский тюлень, составляет одну из интереснейших «зоологических загадок» этого величественного озера. Начиная с Аввакума, отмечавшего в своем «Житии», что в Байкале «вода пресная, а нерпы и зайцы великие в нем; во окияне в море большом, живучи на Мезени, таких не видал» [8], байкальский тюлень привлекал к себе внимание многих

[6] Материалы из раскопок А. П. Окладникова находятся в ЛОИА АН СССР.

[7] Исследование остеологического материала, проведенное Н. Н. Мельниковой, показало, что почти все найденные кости принадлежат байкальскому тюленю. Исключение составляет кость лошади, найденная в пещере Большого Ушканьего острова.

[8] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Изд. «Academia», 1934, стр. 111.

пытливых умов. Наиболее полные исследования о нем принадлежат З. Ф. Сватошу и Т. М. Иванову [9].

Весной, следуя за отступающими льдами, нерпы мигрируют в северную часть Байкала, носящую название «Подлеморья». После исчезновения последних льдин начинается возврат нерпы, сопровождающийся выходом ее на береговые лежбища. На Ушканьих островах лежбища бывают летние (конец июня — начало августа) и осенние (со второй половины сентября до появления льда). Но осенью на берег выходит немного тюленей (щенные самки), а частые сильные ветры, дующие в это время с северо-северо-запада (до 45% ветреных дней) [10], и волнение на море связывают поездку на Ушканьи острова в это время с большим риском, да и шансы на успешную охоту малы. Поэтому, вероятнее всего, Ушканьи острова являлись местом односезонного, летнего промысла.

Учитывая большую примитивность приемов охоты, практиковавшихся нерповщиками в недавнем прошлом на Ушканьих островах, можно предположить, что почти те же приемы были известны и в древности. Вероятно, древние охотники высаживались на островах за несколько дней до начала летних лежбищ и ждали в укромном месте (не разводя костров, чтобы не спугнуть осторожную нерпу) ее появления у берегов. В ожидании охоты нерповщики могли заниматься починкой своих орудий и изготовлением новых. Необходимо было также устраивать засады и подходы, так как при охоте на лежбищах главное — отрезать выползшего на берег зверя от воды. Застигнутых врасплох животных можно легко убить любым оружием — палками, дубинками.

Такой способ охоты был широко распространен. Он отмечен в Северной Европе [11] и был в ходу в сравнительно недавнее время и на самом Байкале. На Малых Ушканьих островах нерповщики использовали устроенные среди прибрежных камней укромные ходы, по которым подкрадывались к лежащим на берегу животным и за один выход убивали дубинками и обухами от 4 до 12 нерп [12]. Эти ходы, подновлявшиеся почти ежегодно, могли быть сооружены в очень отдаленные времена.

Охотники съедали часть мяса убитых нерп на месте. От их пиршеств до нас дошли раздробленные и обожженные кости. Количество ластовых костей (74%) по отношению к остальным костям определенно превышает нормальное анатомическое соотношение. Это указывает на то, что ласты употреблялись здесь же, на островах, а туши увозились. Вероятно, у древних жителей Байкала, как и у других народов, занимавшихся тюленьим промыслом, ласты считались лакомой пищей, по праву достававшейся охотнику [13].

Откуда приезжали на острова древние охотники, куда они возвращались, увозя свою добычу, — пока неясно. Возможно, что их постоянные поселения находились на п-ове Святой Нос и других близлежащих участках восточного берега Байкала. Но на всем огромном протяжении этого берега исследовались лишь стоянки на р. Баргузин, наиболее близкие к Ушканьим островам; вся же остальная береговая линия Байкала к северу от устья этой реки вплоть до долины Верхней Ангары остается в археологическом отношении неизвестной.

Ушканьи острова смогли стать местом промысла нерпы только в эпоху ранней бронзы, когда люди научились делать хорошие лодки. Начало же охоты на байкальского тюленя, судя по береговым прибайкальским

---

[9] З. Ф. Сватош. Байкальский тюлень и промысел его. Харьков, 1925; Т. М. Иванов. Байкальская нерпа (Phoca sibirica gmelin), ее биология и промысел. Изв. Биол.-геогр. н.-и. и-та при Иркутском ун-те, НИИ, VIII, 1—2, 1938, стр. 5—119.

[10] А. В. Вознесенский. Очерк климатологических особенностей Байкала. СПб., 1908, стр. 295—296.

[11] Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 85—86.

[12] Т. М. Иванов. Ук. соч., стр. 62.

[13] Дж. Г. Д. Кларк. Ук. соч., стр. 90.

стоянкам относится к неолитическому времени. Так, при раскопках стоянки Улан-Хада кости нерпы были найдены во всех культурных слоях, начиная с самого нижнего. Исследование остеологического материала Улан-Хады позволяет говорить о том, что на всем протяжении существования поселения промысел нерпы имел большое значение в хозяйстве, несмотря на изменение форм последнего. В неолититических и глазковских слоях, где определено присутствие костей медведя, бобра, косули, оленя, лося и нерпы, кости нерпы составляют более трети всего количества костей и занимают первое место по числу особей. Подобное явление наблюдается и в курыканских слоях, где кости нерпы встречены совместно с костями лошади, крупного и мелкого рогатого скота.

Кости нерпы найдены и на всех других древних поселениях Байкала, где только сохранился и был определен остеологический материал. Примечательно соседство древних поселений и нерпичьих лежбищ. Человек явно стремился селиться ближе к местам промысла. Например, в районе с. Горемыки древние поселения располагаются недалеко от нерпичьих лежбищ; вокруг мыса Колокольного — обычного места выхода нерп на берег — также обнаружен ряд стоянок. Совпадения в расположении стоянок и лежбищ так часты, что можно надеяться обнаружить в будущем древние поселения в Чивыркуйском заливе, у мыса Котельникова, в бухте Аяя, где имеются лежбища нерпы. Древний нерпичий промысел, вероятно, первоначально имел место только на лежбищах (летних и осенних).

Зимний лов нерп на льду развился, очевидно, позже, когда появилось специальное орудие — гарпун, известный лишь с эпохи развитого неолита Прибайкалья (серовская культура) [14]. Гарпуны часто встречаются в погребениях и на поселениях Прибайкалья. Наиболее массивные из них могли употребляться для охоты на нерпу, что должно было сделать зимний промысел более продуктивным. Охотники Прибайкалья не выработали сложный поворотный гарпун, более удобный при охоте на морского зверя, хотя попытки изобрести его делались, в чем нас убеждает костяной наконечник, найденный в нижнем серовском слое стоянки Семеновка на Ангаре [15]. Этот наконечник имеет удлиненное треугольное перо, сегментовидное в сечении, и конический черешок, на конце обломанный. Размеры наконечника: длина пера 6 *см*, длина сохранившейся части черешка 2 *см*. Характерной особенностью наконечника является наличие почти в центре его сквозного отверстия, предназначенного для привязывания линя. Благодаря такому устройству и небольшим размерам этот наконечник, отделившись от древка, мог поворачиваться в теле животного, т. е. выступать в роли поворотного гарпуна. От развитых эскимос-

---

[14] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950, табл. 6. До появления гарпуна, на лёд к продушине, вероятно, были перенесены приемы охоты, близкие к употребляемым на береговых лежбищах. В. Ф. Зуев, описывая приемы «звероловства», характерные для ненцев XVIII столетия, рассказывает о таком зимнем способе охоты на нерпу, какой мог иметь место и на Байкале. «Зимою же, когда реки льдом покроются, то иные звери проделывают пролубки, из коих на вольный воздух выходят, а промышленники подле оной пролубки кладут небольшую доску, а с другой стороны сами в снег неподалеку от оной зарываются; и когда тюлень выйдет из пролуби, то оне доскою на долгом ремне задерживают пролубь и тут его бьют палкой или ножом колют». См. «Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов, сочиненное студентом Василием Зуевым». Тр. Ин-та этнографии, новая серия, т. V, 1947, стр. 80. На северо-восточном побережье Большеземельской тундры этот способ охоты сохранился до наших дней. Мог на Байкале применяться в древнее время и лов «сеголеток» — детенышей тюленя при помощи сети, ставившейся в гнездовых дырах. Такой способ лова практиковался до недавнего времени байкальскими бурятами.

[15] Раскопки В. Е. Ларичева, материал хранится в ЛОИА АН СССР. См.: З. А. Абрамова, В. Е. Ларичев, Е. Ф. Седякина. Новые данные по древней истории Прибайкалья (по данным раскопок 1958—1959 гг.). Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960, стр. 9.

ских форм последнего семеновский наконечник отличает наличие черешка, свободно вставлявшегося в древко, в то время как для эскимосских поворотных гарпунов характерно наличие втулки. По способу соединения с древком при помощи черешка семеновский наконечник сближается с древними формами гарпунов.

Употребление гарпуна как простого, так и поворотного сделало охотника более активным. Отыскав при помощи собаки (так поступали байкальские тунгусы) устраиваемые нерпой во льду продухи, которые на Байкале приурочены к трещинам сжатия и торосам, охотник забивал их снегом, оставляя один продух, у которого и ожидал появления нерпы. Достаточно было нерпе показаться в продухе, как гарпун вонзался в тело животного, а линь не позволял ему скрыться.

В отличие от других промысловых животных нерпу могли добывать почти круглый год, а охота на нее давала меха и такие ценные продукты, как не боящиеся воды прочные шкуры и жир, который годен для употребления в пищу и является хорошим материалом для обработки кож. «Молоко» — особое вещество, находящееся в пищеварительных органах нерпят, могло применяться при выделке шкур [16].

Обилие костей нерпы на древних поселениях служит хорошим доказательством огромного значения нерпичьего промысла в хозяйстве байкальских племен, составлявшего известную привилегию последних. Продукты этого промысла могли употребляться для обмена с племенами, не занимавшимися охотой на нерпу. В недавнее время обмен продукции морского зверобойного промысла имел широкое развитие у оседлых эвенков, чукчей и других племен Магаданской области, Камчатки и Чукотского полуострова [17]. Вероятно можно предположить, что трудоемкий, но производительный нерпичий промысел был одной из причин, ускоривших экономическое развитие и приведших первобытную общину Прибайкалья к расслоению.

В специальной литературе указывалось, что нерпичий промысел на Байкале имеет трехсотлетнюю давность [18]. Последние открытия, сделанные на Байкале, заставляют значительно удревнить эту дату.

---

[16] Н. Н. Топорков. Экономическое значение нерпичьего промысла. «Северная Азия», 1926, кн. 5—6, стр. 63.

[17] Н. Н. Билибин. Обмен у коряков. Л., 1934; У. Г. Попова. О народностях Магаданской области. Магадан. 1957, стр. 15, 22.

[18] Т. М. Иванов. Ук. соч., стр. 114.

В. П. ПЕТРОВ, М. Л. МАКАРЕВИЧ

СКИФСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА

I

Скифскую генеалогическую легенду Геродот передает в двух вариантах. Согласно версии, которую Геродот приписывает скифам-борисфенитам, от брака Зевса с дочерью реки Борисфена родился первый человек Таргитай. У Таргитая было три сына. От старшего, Липоксая, произошли скифы рода авхатов, от среднего, Арпоксая — катиары и траспии и от младшего, Колаксая — паралаты. Легенда о прародителях, первом человеке и трех племенных героях-эпонимах тесно переплетается с преданием о золотых предметах: плуге, ярме, секире и чаше, упавших с неба. Чудесные знамения засвидетельствовали, что дары, ниспосланные прародителями, предназначались меньшему сыну Колаксаю. Старшие братья, «поняв... передали младшему все царство». «Так рассказывают скифы о своем происхождении...»,— констатирует Геродот (IV, 5—7) [1].

Другая версия (Геродот приписывает ее понтийским грекам) достаточно близка к первой, хотя между ними имеются некоторые несоответствия. Так, первый вариант ограничивался упоминанием о прародительнице как о дочери реки Борисфена; вторая легенда описывает праматерь как «существо смешанной породы», «...у которой верхняя часть тела от ягодиц была женская, а нижняя змеиная». Существенно переработана вступительная часть в повествовании о праотце. Тема мифологического праотца, скупо освещенная в первом варианте, приобретает большую насыщенность. Вместо Зевса в понтийской версии выступает Геракл. Его приход и встреча с женщиной-змеей превращается в пространное и занимательное повествование. Всего этого нет в версии, которую Геродот назвал «скифской», противопоставив ее «греческому» варианту. Все остальное в греческой понтийской легенде сохраняет местный колорит. В ней точно также идет речь о трех сыновьях и их соперничестве, удерживается противопоставление младшего и старших сыновей, сохраняется предание о небесных дарах, опознании и признании младшего брата как избранника и истинного наследника царства [2].

Кроме двух вариантов легенды, передаваемых Геродотом, та же легенда известна в записи Диодора Сицилийского (ок. 80—29 гг. до н. э.). Диодор ссылается на «скифские предания». Придерживаясь этих преданий, Диодор повествует о «рожденной землею деве», у которой «...верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя змеиная». От ее брака с Зевсом родился сын, по имени Скиф, который,«...превзойдя славою всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами». «В числе потомков этого царя (Скифа) были два брата, отличавшиеся

[1] В. В. Латышев. Scythica et Caucasica, т. I, СПб., 1893, стр. 12, 13.
[2] Там же, стр. 12.

доблестью; один из них назывался Пал, а другой Нап. Когда они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назвались народы, один Палами, а другой Напами» (II, 43, 3—4) [3].

Как видим, Диодор различает три генерации: легендарных прародителей, их сына и его потомков, среди которых он выделяет двух братьев, племенных героев-эпонимов, родоначальников отдельных племен. Первый человек именуется у Геродота Таргитаем, у Диодора — Скифом. Племенных предков у Геродота три, у Диодора их два. В Диодоровой записи отсутствует упоминание о небесных дарах, чудесном золоте и знамениях. Оба автора, Геродот и Диодор, согласны в том, что прародительницей скифов была змееногая дева, однако у Геродота в борисфенитской версии она представлена как дочь реки, тогда как Диодор называет ее «землерожденной». Как Геродот, так и Диодор не приводят туземного имени прародителя, называя его Зевсом (Геродот в понтийской версии — Гераклом).

Отцовская тема в скифской генеалогической легенде, очевидно, и во времена Геродота не была достаточно выразительна. Первое место в легенде принадлежало праматери, праотцу отводилось второстепенное место. Его образ в древнейшей части предания подчинен материнской теме. Праматерь — своя и здешняя; она исконная обитательница страны, дочь реки Борисфена. Отец, напротив, не здешний. Согласно одной версии, он далекий небожитель, свидетельствующий о себе чудесными дарами и знамениями; согласно другой — это пастух, случайно забредший в Гилею. Он неожиданно появляется и столь же внезапно уходит.

Б. Н. Граков в своей известной статье о «Скифском Геракле» отметил двуслойный характер легенды [4], что совершенно правильно; можно было бы говорить даже о ее многослойности. Легенда существовала весьма длительное время, она неоднократно перерабатывалась, пополнялась новыми темами, творилась вновь и вновь. Отцовская тема, привнесенная в первоначальное содержание материнского мифа, когда общественное сознание уже не могло мириться с мыслью о безотцовском происхождении племени, рода или лица, не ослабила значения образа змееногой праматери. Образ праматери-змеи сохранил свою выразительность, тогда как образ праотца не смог приобрести достаточной определенности.

Как уже упоминалось, Геродот и Диодор ничего не говорят о туземном образе праотца. Б. Н. Граков сделал остроумную попытку внести ясность в вопрос об имени скифского праотца, сопоставивши Таргитая борисфенитской легенды с Гераклом понтийской версии. «Греческим,— замечает Б. Н. Граков,—...является прежде всего переименование Таргитая в Геракла» [5]. С этим утверждением необходимо согласиться, поскольку Таргитаю и Гераклу в легенде отведена одинаковая роль предков племенных героев-эпонимов. Однако они не тождественны, так как Геракл, подобно Зевсу, выступает как супруг змееногой праматери, а Таргитай — как ее сын. Он первый человек в ранее безлюдной пустыне, «скифский Адам, которого скифы считали сыном Зевса, прижитого им от дочери реки Борисфена» [6].

Предание о первом человеке отсутствует в греческом пересказе. В результате изменился счет поколений, произошло смещение персонажей, что в свою очередь привело к изменению их генеалогической соотнесенности. Как праотец племенных героев-эпонимов Геракл заменил первого

---

[3] Там же, стр. 458.
[4] Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, 34, 1950, стр. 12.
[5] Там же, стр. 8.
[6] С. А. Жебелев. Геродот и скифские божества. ИТОИАЭ, I(58), 1927, стр. 87.

человека Таргитая, но как супруг праматери он заменил не Таргитая, а Зевса борисфенитской версии.

Скифская генеалогическая легенда — многоплановая. От древнейшей части легенды не трудно отличить позднейшие, в особенности ту часть, которую следует обозначить как «царскую». В легенде нашел отражение переломный этап древней истории Приднепровья, переход к новому общественному состоянию, этап сложения союзноплеменных отношений. Племенная расчлененность сохраняется, однако все резче обозначается тенденция к укреплению межплеменных связей и в конечном счете к слиянию племен. В своем конспекте книги Л. Моргана «Древнее общество» К. Маркс замечает: «Союз племен является ближайшим подобием народа» [7].

Образование союза племен восходит, по всей вероятности, еще к догеродотовскому времени, более раннему, чем времена Атея или Скилура. Во всяком случае, легенда в том виде, в каком ее записал Геродот, носит вполне сложившийся характер союзноплеменного предания. Вожди отдельных племен в борьбе за союзноплеменную власть нуждались в идеологическом обосновании своих притязаний.

В царском варианте легенды древний материнский миф, носивший некогда характер родового предания, существенно перерабатывается. Ссылка на праматерь приобретает новое значение как доказательство исконной общности всех племен, входивших в данный племенной союз. Согласно легенде, все родственные племена происходят от одной праматери — дочери реки Борисфена по одной версии, полуженщины-полузмеи — по другой.

Наряду с этим в содержание легенды вводится новая тема власти. К материнскому мифу присоединяется предание о реликвиях. Если материнский миф подтверждал единство происхождения авхатов, катиаров, траспиев и паралатов, и сказание о трех братьях провозглашало братскую родственность племенных владык, то предание о реликвиях обосновывало союзноплеменное главенство паралатов, потомков Колаксая. Предание о реликвиях сообщило скифской генеалогической легенде династический характер. В противовес притязаниям соперничающих племенных вождей, легенда отстаивает права паралатов, тех, которые, претендуя на господство в скифском племенном союзе, называли себя потомками Колаксая, младшего из трех братьев. Паралаты — «царские». Они чаще называются царскими, нежели как-нибудь иначе. Это название прочно укрепилось за ними и заставило забыть их давнее племенное имя.

Колаксай — младший. Как младший, в соответствии с законами минората, он — подлинный властитель, владыка всех владык, избранник неба, царь, указанный чудесными знамениями. Легенда нарочито подчеркивает, что признание власти младшего Колаксая было добровольным актом. Братья правильно поняли смысл знамений и добровольно, без принуждения, «передали младшему все царство».

У скифов Поднепровья в V в. до н. э., во времена Геродота, уже существовал вполне сложившийся союзноплеменной культ как общественное установление, имелись реликвии союзноплеменного значения, их почитание, обязательное для всех членов племенного союза, выработанный обрядовый ритуал, цикл годовых празднеств, богатые жертвоприношения, вера в приметы и знамения; существовали, очевидно, и толкователи последних. Пересказавши предание о золотых предметах, дарах, упавших с неба, о происхождении регалий, Геродот сообщает: «Вышеупомянутое священное золото цари их ревностно охраняют и ежегодно чтут богатыми жертвами» (IV, 7).

В свете всего изложенного возникает возможность уточнить некоторые положения. Так, по мнению С. А. Жебелева, «своими предками

[7] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, IX, М., 1941, стр. 79.

скифские цари считали Зевса»[8]. Б. Н. Граков, трактуя Таргитая как скифского Геракла, видел в нем «родоначальника царской династии»[9]. В свою очередь, А. П. Иванова, в отличие от других авторов, считает, что «...женщина-змея являлась владычицей скифской земли и родоначальницей скифских царей»[10]. Ту же мысль высказывает М. Ф. Болтенко. Он тоже рассматривает «змею-деву древнейших скифских этногенетических сказаний как родоначальницу древнейших владык Северного Причерноморья»[11].

К сожалению, с приведенными высказываниями нельзя согласиться. По прямому смыслу легенды, никто из названных персонажей не является родоначальником царской династии. Зевс и праматерь — родители первого человека Таргитая; Таргитай — отец трех племенных героев-эпонимов. Все эти герои-эпонимы одинаково ксаи, но только Колаксай и его потомки — цари. По его имени все борисфениты именовались сколотами.

В заключение раздела следует остановиться на пересказе скифской генеалогической легенды в поэме «Аргонавтики» Валерия Флакка (умер ок. 80—90 гг. н. э.).

Валерий Флакк в своей поэме повествует: «...легион Бизальты и предводитель Колакс тоже божественной крови: Юпитер произвел его на Скифском побережье вблизи зеленой Мираки и Тибисенских устьев, прельщенный (если *это* достойно веры) полузверским телом и не устрашенный двумя змеями нимфы» (VI, 46—50)[12]. К этому рассказу Валерий Флакк присоединяет упоминание о геральдических изображениях, которые, по его свидетельству, якобы имелись на щитах легионеров. На воинских щитах были помещены зигзаговидные перуны Юпитера, а также символы Колакса — воздушные драконы и змеи с головами, обращенными одна к другой. «Вся фаланга носит на резных покровах (щитах) Юпитеров атрибут — разделенные на три части огни (т. е. перун). Кроме того, сам *Колакс* собрал воздушных драконов, отличие матери Оры, и с обеих сторон противопоставленные змеи сближаются языками и наносят раны точеному камню» (VI, 54).

Свидетельство Валерия Флакка в высшей степени ценно. Оно подтверждает, что предание о Колаксае и змееногой праматери сохранилось в памяти населения Северного Причерноморья вплоть до первых веков нашей эры, а также и то, что, помимо устного предания, существовали изображения, указывающие на Колаксая и змееногую праматерь.

II

Многочисленные археологические находки убедительно показали, что наряду с записями скифской генеалогической легенды у Геродота, Диодора и Валерия Флакка (V в. до н. э.— I в. н. э.) в ту же эпоху в Северном Причерноморье и Поднепровье были широко распространены разнообразные изображения змееногой женщины. Эти изображения встречаются одинаково на геммах, нашивных золотых бляшках одежды и надгробных покрывал, гипсовых налепах деревянных саркофагов, украшениях конской сбруи, плитах каменных зданий и проч.

Наш обзор не претендует на исчерпывающую полноту. Остановимся на некоторых находках, начав с Кубани. Так, на тонкой золотой бляшке

---

[8] С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 87.
[9] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 12.
[10] А. П. Иванова. Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора. СА, XV, стр. 198.
[11] М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника. МАСП, I, Одесса, 1957, стр. 28.
[12] В. В. Латышев. Ук. соч., т. II, вып. 1, СПб., 1904, стр. 207, 208.

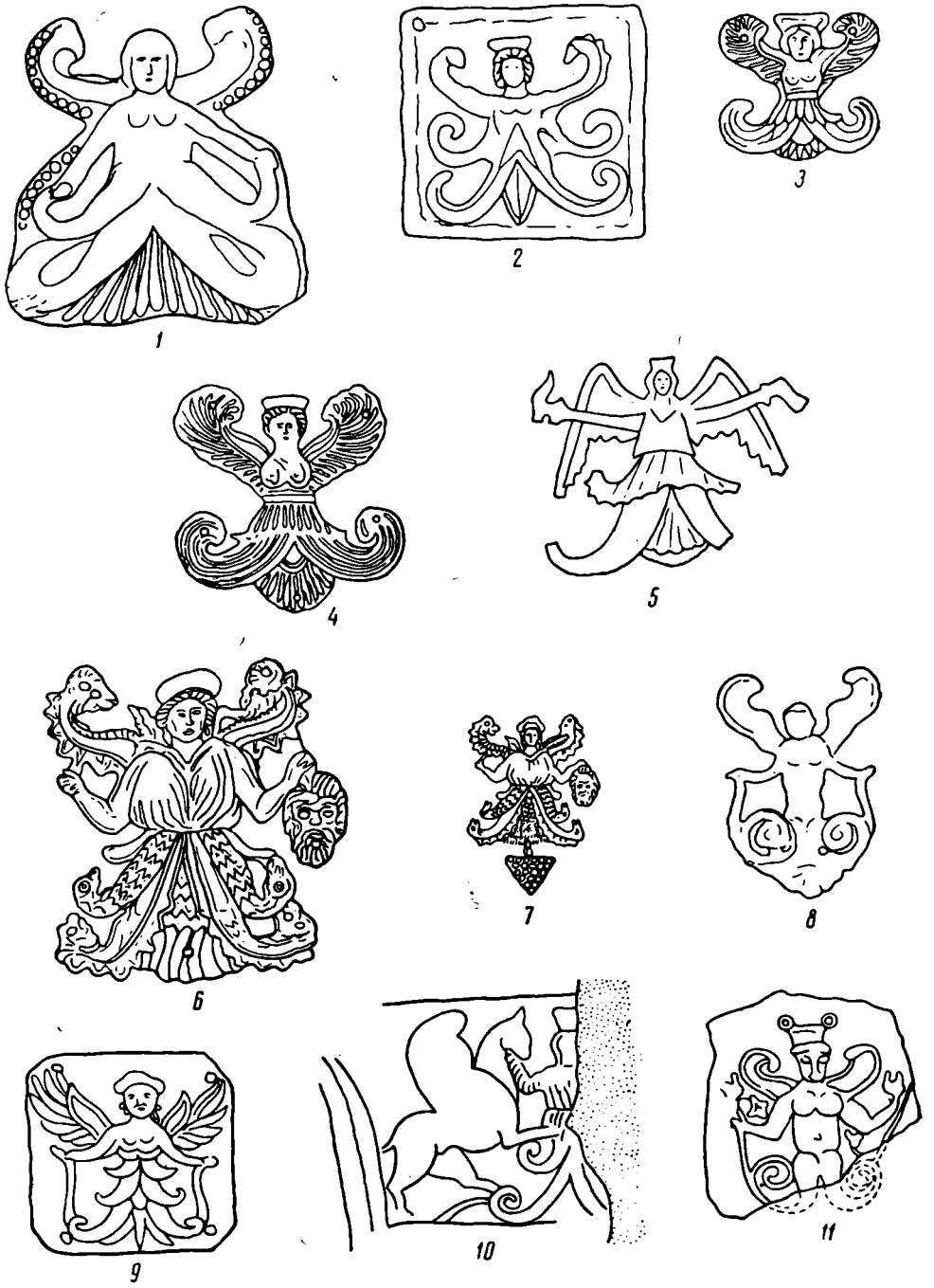


Рис. 1.

1 — бляшка из станицы Лабинской; *2* — бляшка из ст. Елизаветинской; *3—5* — бляшки из кургана Б. Близница; *6—7* — бляшки из кургана Куль-Оба; *8* — налеп на саркофаге из Керчи; *9* — бляшка из Херсонеса; *10* — каменный карниз из Херсонеса; *11* — глиняная плитка из Херсонеса.

из станицы Лабинской (рис. 1, *1*) изображена женщина с обнаженной грудью и двумя парами змеиных ног. Опущенными руками она сжимает змеиные шеи. За ее спиной как бы в виде крыльев выступают два драконьих туловища с зубчатой гривой и головами, обращенными одна к другой [13].

[13] Любопытен комплекс нашивных бляшек из ст. Лабинской с изображениями: медузы (1), грифона (2), коней (3), львов (15), зайца (1). ОАК за 1909 и 1910 гг.,

На бляшке, найденной при раскопках кургана у ст. Елизаветинской (вторая половина V в.— IV в. до н. э.; рис. 1, *2*), изображена женщина без рук с калафом на голове и двумя парами кольцеобразно загнутых змеиных ног. Из-за плечей у женщины, наподобие крыльев, выступают драконьи туловища с зубчатой гривой и головами, повернутыми к женщине на уровне ее лица [14]. М. И. Ростовцев указывает, что змеиные ноги и крылья этой стилизованной крылатой богини «оформлены в виде растительных побегов» [15]; это, конечно, не совсем верно, поскольку завитки змееголовых крыльев и ног явственно сохраняют свой звериный облик, независимо от растительных побегов в их орнаментальной передаче.

Змееногая на бляшках кургана Большой Близницы (Таманский полуостров, вторая половина IV в. до н. э.; рис. 1, *3—4*) представлена в виде бюста, без рук, с обнаженной грудью и калафом на голове [16]. «Вместо рук сделаны два завитка, в которых еще неясно видны основные формы крыльев, тогда как завитки, которыми оканчивается нижняя часть, едва только напоминают эти формы» [17]. Исследователи разошлись во взглядах на бляшки. М. И. Ростовцев отнес их к группе «пластинок в форме крылатой богини со змеями» [18]. А. П. Иванова считает возможным говорить о «широко распространенном в боспорской декоративной скульптуре мотиве — изображениях женской полуфигуры, ноги которой переходят в растительный орнамент» [19]. Думаем, что бляшки из Большой Близницы не имеют прямого отношения к изображениям женщины вместе с растительным орнаментом. Мастер, изготовлявший штамп, со всей очевидностью исходил из образа змееногой женщины. Он дал упрощенную схему, что позволило Л. Стефани писать о «пластинках, изображающих женщину в виде арабеска» [20].

При дальнейших раскопках Большой Близницы были найдены бляшки (рис. 1, *5*) несколько иного типа, а именно с изображением «крылатой женской фигуры в калатосе и исподней одежде; нижняя часть этой фигуры оканчивается тектоническим украшением; руки, в которых она держит какие-то неясные атрибуты, далеко протянуты в обе стороны» [21]. Если полагаться на достоверность рисунка, опубликованного в ОАК за 1866 г. [22], то нижняя часть женской полуфигуры представляется, как обычно, в виде двух пар змеиноголовых ног. Что касается крыльев, то они, в отличие от прочих изображений, нисколько не похожи по своим очертаниям на змеиные или драконьи, это — птичьи крылья.

Для понимания символики описываемых изображений особое значение приобретают бляшки из Куль-Обы близ Керчи (рис. 1, *6—7*) [23].

стр. 214, рис. 245. Высказывая мнение, что «...львиноголовые грифоны имеют непосредственное... отношение» к культу змееногой богини, Д. Б. Шелов по поводу бляшек из Лабинской замечает, что «на золотых бляшках, изображающих змееногое божество, крылья богини оканчиваются рогатыми головами этих грифонов» (Д. Б. Шелов. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье. КСИИМК, 34, 1950, стр. 68, рис. 18, *5*).

[14] ОАК за 1912 г., стр. 57—58, рис. 84. Бляшка опубликована в перевернутом виде. Очевидно, смысл изображения не был понят.

[15] M. Rostowzew. Skythien und der Bosporus. Berlin, 1931, стр. 290—291.

[16] ОАК за 1865 г., стр. V; ср. E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 427, рис. 318, *5*.

[17] Л. Стефани. Объяснение нескольких древностей, найденных в 1864 году в Южной России. ОАК за 1865 г., стр. 70.

[18] M. Rostowzew. Ук. соч., стр. 402, прим. 1.

[19] А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 188; A. P. Iwanowa. Gestalten der örtlichen Mythologie in der Kunst des Bosporus. Das Altertum. Berlin, т. V, 1959, стр. 239.

[20] Л. Стефани. Ук. соч., стр. 70.

[21] ОАК за 1866 г., стр. 8.

[22] ОАК за 1866 г. Атлас, табл. 1, рис. 37.

[23] ДБК, табл. XX, *8*; А. Ашик. Боспорское царство, ч. III, Одесса, 1849, рис. 142; П. П. Сабатье. Керчь и Босфор. СПб., 1851, стр. 118—119; табл. V, *1*; M. Rostovtseff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 73 и 130, рис. 17.

Они позволяют лучше уяснить основное содержание образа. Здесь четко переданы очертания драконьих и змеиных голов в профиль, воспроизведена чешуя, покрывающая туловища, и выделены зубчатые гривы на шеях чудовищ. В согнутой левой руке змееногая женщина держит голову-маску бородатого мужчины (по мнению А. Ашика [24]) или маску бородатого сатира или пана (по Л. Стефани [25]). Рауль-Рошетт считает, что женщина держит за рога голову Пана с бородой [26]. Эту же мысль поддерживает Д. Б. Шелов, указывая, что «сатир, служащий лицевым типом пантикапейских монет IV века, связан с местным культом змееногой богини» [27].

В отличие от других изображений, на бляшке из Куль-Обы туловища драконов с змеевидными головами и небольшие крылья за спиною женщины изображены в отдельности, расчленены [28]. Что касается нижней части женской полуфигуры, то Рауль-Рошетт на пластинке из Куль-Обы различал две пары туловищ: одну, по его мнению, грифонов и другую — змей [29].

До сих пор речь шла о нашивных бляшках. Раскопки в Керчи и ее окрестностях дали находки налепов, украшавших саркофаги. Отлитые из гипса или алебастра изображения не всегда бывают выразительны. Так, было бы трудно решить, представляют ли серповидные крылья у гипсовой фигурки змееногой женщины, опубликованной в ОАК за 1891 г. (рис. 1, *8*), завитки крыльев или же нечетко воспроизведенные в гипсе изображения драконьих туловищ. Опущенными вниз и раскинутыми в стороны руками женщина сжимает шеи верхней пары змей. Змеи нижней пары свернуты в двойной клубок, как если бы художник-мастер хотел придать им вид орнаментальных волют, превратив их в условный знак, напоминающий схематические украшения из гипса на том же саркофаге [30].

Изображения змееногой женщины, встреченные в синдо-меотском и боспорском искусстве, характерны не только для юго-восточной, но и для юго-западной части Крыма. Они одинаково представлены как в археологических памятниках Пантикапея, так и Херсонеса. Так, в 1893 г. при раскопках могильника в Херсонесе у южной городской стены в каменном гробу с детским погребением были найдены «три нашивные золотые пластинки с изображением грифона, льва и женской фигуры с завитками вместо ног» [31]. На голове у женщины (рис. 1, *9*) калаф обычного типа, грудь обнажена, руки опущены вниз и сжимают шеи змей. За спиною женщины вместо драконьих туловищ двойная пара крыльев. Нижняя часть женской полуфигуры представлена в виде трех пар симметрично расположенных завитков. Змеи изображены отдельно от завитков ног.

Можно сказать, что в этом случае мотив змееногой женщины превращается в мотив женщины с змеями [32].

Из других находок в Херсонесе назовем грузило для рыболовных сетей в виде усеченной пирамиды с изображением «голой женщины,

---

[24] А. Ашик. Ук. соч., стр. 63, рис. 142.
[25] Л. Стефани. Ук. соч., ОАК за 1866 г., стр. 71.
[26] П. П. Сабатье. Ук. соч., стр. 119.
[27] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 65.
[28] П. П. Сабатье. Ук. соч., стр. 119.
[29] Там же.
[30] ОАК за 1891 г., стр. 56, рис. 34—35.
[31] ОАК за 1893 г., стр. 4—5, 60—61, рис. 1—3; Н. Пятышева. Культ грекотавро-скифского божества в Херсонесе. ВДИ, 1947, 3, стр. 214.
[32] Для изображения «женщины с змеями», в отличие от «змееногой женщины», характерна известная гемма из Юз-Обы. См. ОАК за 1860 г. Атлас, стр. 84, табл. IV, *6*. Ср. W. H. Röscher. Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie, т. 1, 2. Лейпциг, 1886—1890, стр. 1711.

вывороченные ноги которой изображают две змеи»[33], а также гемму из яшмы с резным изображением змееногой женщины[34].

Особый интерес представляет находка, сделанная при раскопках в Херсонесе в 1905 г.[35]. Дело в том, что нашивные бляшки с изображениями грифона, льва, змееногой женщины встречаются в отдельности. Тематическая взаимосвязь, то, как они нашивались на одежду и погребальные покрывала, остается неясной. Найденный в 1905 г. обломок карниза от храма или здания (рис. 1, *10*) позволил раскрыть сюжетную линию связей. Грифон и женщина изображены на камне вместе. Женщина с калафом на голове змееногая. У нее нет крыльев; вместо ног две пары завитков с волютами на концах. Правой рукой, согнутой в локте, она касается шеи грифона. К. К. Косцюшко-Валюжинич писал о «грифоне с львиной головой и ласкающей его женщине с завитками вместо ног». «Женщина положила руку на шею грифона, как бы лаская его»,— замечает Д. Б. Шелов. При всем том, нельзя упускать из вида, что бляшки с изображениями змееногой женщины и грифона составляют принадлежность похоронного ритуала. Для последнего характерны сцены борьбы, пожирания, убийства, преследования. Хищный зверь терзает поверженного оленя. Змееногая женщина душит, сжимает шеи змей. Не исключена возможность, что в данном случае воспроизведена сцена с подобным сюжетным содержанием.

Среди находок из Херсонеса необходимо остановиться на плитке из глины, обнаруженной в 1946 г. в слое римского времени III—IV вв. (рис. 1, *11*). Согласно Н. Пятышевой, «на лицевой стороне пластины высоким рельефом изображена обнаженная женская фигура со стилизованными крыльями за плечами, змеевидными (от колен) ногами, переходящими в стилизованные растительные завитки, концы которых с листьями и цветами находятся в руках изображенной фигуры»[36]. При объяснении рисунка следует иметь в виду, что нижняя часть барельефного изображения змееногой женщины напоминает общий контур гипсового налепа на саркофаге из Керчи (см. выше). В обоих случаях женщина сжимает руками шеи верхней пары змей, тогда как нижняя пара трактована как спирально загнутый внутрь волют без всякого отношения к растительному орнаменту[37].

---

[33] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году. ИАК, 16, СПб., 1905, стр. 76.

[34] Н. И. Репников. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 году. Херсонесский сборник, II, Симферополь, 1927, стр. 186, рис. 45, *11*.

[35] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году. ИАК, 25, 1907, стр. 140, рис. 30; Н. Пятышева. Ук. соч., стр. 214; Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 69, рис. 18, *б*.

[36] Н. Пятышева. Ук. соч., стр. 218.

[37] Следует заметить, что прорись, опубликованная Н. Пятышевой, неточна. Так, дорисованный волют нижнего завитка должен быть обращен внутрь, а не наружу. Черты лица слишком сбиты, чтобы с уверенностью говорить о «бычьей морде» или «опущенных рогах». Спорным является также и то, переходят ли ноги в змееголовые или же растительные завитки, сжимает ли женщина шеи змей или же побеги с листьями, как полагает Н. Пятышева. Правда, в Северном Причерноморье наряду с змееногими изображениями женщины встречаются и изображения растительного типа. Например, на глиняном штампе II—III вв. из Илурата (1949 г.) левая рука на изображении женщины «заканчивается древесной ветвью («проросшая рука»); по бокам изображены крылатые животные (по-видимому, грифоны)» (см. В. Ф. Гайдукевич, С. И. Капошина. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 185—186, рис. 15; В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, 85, 1958, стр. 81). Сравни также поколенное изображение женской фигуры с поднятыми вверх руками («поза оранты») и с непропорционально большими листьями вместо кистей рук на огромной мраморной стеле из Керчи (1911 г.) (см. В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. ИАК, 56, стр. 18—19, рис. 7; А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 20—202, рис. 7; ее же. Образы местной мифологии в искусстве Босфора. Уч. зап. ЛГУ, 160, вып. 20, 1954, стр. 257).

В заключение несколько слов по поводу хорошо известного изображения змееногой женщины на конском золотом налобнике из Цимбалки на нижнем Днепре, возле сел. Белозерки [38]. На голове у женщины калаф, грудь прикрыта, длинная одежда перехвачена поясом. Ниже от лона женщина изображена змееногой с двойными туловищами в многоярусной последовательности сначала рогатых драконов, далее грифонов, ниже — завитков с волютами и без них, затем стилизованных ответвлений, образующих пальметку. Книзу до края пластины идут вытянутые побеги, оканчивающиеся змеиными головками на сплетенных узлом шеях. Опущенными руками женщина держит драконов за рога. Рисунок носит все признаки декоративной стилизации. Чтобы заполнить пространство в нижней части пластины, мастер комбинирует, эклектически соединяет различные варианты изображений змеиных и драконьих туловищ, произвольно увеличивает число «ног», завитков, волют, изгибов. С той же целью в верхней части пластины он нарочито пририсовал сверху калафа два вычурной формы побега и пальметку, завершающую собой сложную композиционную конструкцию.

Налобник из Цимбалки не единственный. Наряду с ним следует упомянуть о серебряном блюде Чертомлыцкого кургана с изображением змееногой женщины [39]. Традиционный образ сохранен, но многое изменено и доработано. Изменены очертания калафа. Руки женщины подняты и касаются краев головного убора. По обеим сторонам головы помещены два цветка. Очертания змеиных туловищ превращены в систему сплетений. Изгибы завитков нарочито продолжены и расположены по краям рисунка как чисто орнаментальный мотив. При всем том остается очевидным, что, вопреки высказывавшемуся мнению, здесь представлен не «бюст, вырастающий из чрезвычайно пышного растительного орнамента» [40], а та же полуфигура змееногой женщины в окружении орнаментальных сплетений, хотя и напоминающих растительные побеги, но восходящих в конечном счете к первичному образу змееголовых ног.

III

Вопрос о связях легенды в записях Геродота, Валерия Флакка и Диодора, с одной стороны, и соответствующих изображений в декоративном искусстве Северного Причерноморья,— с другой, не совсем ясен. По мнению М. И. Ростовцева, изображения змееногой женщины, представленные на конском налобнике из Цимбалки, нашивных бляшках, украшениях саркофагов римского времени в Пантикапее, подтверждают легенду, приведенную Геродотом [41]. Того же мнения придерживаются Н. Пятышева [42] и А. П. Иванова [43]. Д. Б. Шелов возражает против подобного взгляда и сомневается, можно ли сопоставить эти изображения змееногого божества с легендой о жившей где-то у Днепра ехидне, полуженщине-полузмее, о которой повествует Геродот. Однако ему кажется бесспорной связь «изображений змееногого божества с культом богини, азиатской «владычицы зверей», одним из аспектов которой, вероятно, и является змееногая богиня» [44].

Таким образом, на сегодня среди исследователей наметились две точки зрения. Согласно одной из них, признается связь изображений и

[38] ОАК за 1868 г., стр. XV; И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности, II, СПб., 1889, стр. 115—116, рис. 99; E. H. Minns. Ук. соч., стр. 166 и 269, рис. 54—55; M. Rostovtzeff. Ук. соч.

[39] И. Толстой, Н. Кондаков. Ук. соч., стр. 110—111, рис. 97—98.

[40] А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 188.

[41] M. Rostovtzeff. Ук. соч., стр. 107—108, 130.

[42] Н. Пятышева. Ук. соч., стр. 215.

[43] По мнению А. П. Ивановой (Ук. соч., стр. 198), приводимое в легенде «описание этого существа смешанной породы чрезвычайно точно соответствует изображениям его на памятниках Северного Причерноморья».

[44] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 65.

скифской генеалогической легенды, согласно другой, эта связь отрицается. Правда, в последнем случае по вопросу о местных аспектах образа Великой матери, владычицы зверей, между отдельными исследователями нет полного согласия. Если Д. Б. Шелов, как мы видели, склонен сближать образы владычицы зверей и змееногой богини, то В. Ф. Гайдукевич образ владычицы зверей сближает с изображением на глиняном штампе I—II вв. из Илурата, о котором упоминалось выше и который не имеет ничего общего с мифологической темой полуженщины-полузмеи [45].

В нашу задачу не входит решение вопроса о генетических связях образа Великой матери и змееногой богини. Для нас гораздо важнее отметить типологическое тождество образа змееногой женщины в легенде и на изображениях, общую распространенность этого образа одинаково у скифов-борисфенитов Поднепровья, в синдомеотской среде Приазовья, на Боспоре, в юго-восточном Крыму и на побережье западного Крыма. При этом, отмечая тождество данного образа от нижнего Днепра до Кубани, мы не можем не учитывать, что типологические и генетические связи совпадают далеко не всегда. Типологическое сходство еще ничего не говорит о тождестве происхождения.

О легенде мы должны судить на основании всех доступных нам источников, в том числе на основании устной традиции. Устная сказочная традиция достаточно убедительно сохраняет сюжетную схему, которая свойственна легенде. Хотя сказка утратила свою исконную связь с родом, потеряла свое первичное значение племенного повествования, но во всем прочем сюжетная структура легенды и сказок (речь идет о группе так называемых «волшебных сказок») [46] обнаруживает значительное сходство.

Вводную часть легенды и волшебных сказок одинаково образует рассказ о родителях. В центре событий стоят сыновья. Их обычно три, но только один из них подлинный герой, наследник и избранник. Признание его приходит после ряда испытаний. Законным наследником становится младший брат в соответствии с бытовавшими некогда нормами минората; соперники изобличены и отвергнуты, а герой получает царство. Этим обычно и завершается сказка.

Скифская генеалогическая легенда со всей очевидностью укладывается в рамки того же сюжетного построения, которое впоследствии ляжет в основу соответствующей группы волшебных сказок [47]. Данная сюжетная схема уже окончательно сложилась к V в. до н. э.; к этому времени она бытовала в Поднепровье, однако это вовсе не значит, что сказки и легенда, скифский генеалогический миф генетически взаимосвязаны. Не следует упрощать проблему. Морфологическая общность структуры — это одно, происхождение легенды и сказки — другое.

Не иначе решается вопрос о хронологической соотнесенности легенды и изображений. Изображения, о которых шла речь выше, получают

---

[45] На глиняном штампе из Илурата представлена стоящая в центре женщина с распростертыми руками. «Левая рука заканчивается ветвью, на правой помещен крестообразный знак, может быть обозначающий летящую птицу... Справа и слева у ее ног представлено по крылатому зверю. У зверей, по-видимому, птичьи головы (грифоны?)... Представленная на илуратском штемпеле композиция иконографически напоминает хорошо известное в античном мире изображение владычицы зверей... Однако образ богини здесь осложнен ярко выраженным растительным мотивом».— В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 81, рис. 76, 77.

[46] В. Пропп. Морфология сказки. Л., 1928, стр. 71—72. В. Я. Пропп выдвинул «тезис о полном единообразии строения волшебных сказок», «о чрезвычайно тесном морфологическом родстве сказок». «Все волшебные сказки однотипны по своему строению»,— утверждает автор (стр. 33, 115, 126).

[47] «Подобное строение обнаруживает и ряд древнейших мифов, причем некоторые мифы дают этот строй в удивительно чистом виде. Это, по-видимому, та область, к которой восходит сказка».— В. Я. Пропп. Ук. соч., стр. 109.

распространение примерно с середины IV в. до н. э. По сравнению с записью легенды у Геродота они появляются лет на 50 позднее, в иных исторических условиях чем те, которые породили возникновение скифского союзноплеменного предания. Их распространение связано с развитием городского ремесла, расцветом ювелирного искусства, достигающего высоких ступеней художественного совершенства.

Достаточно сослаться на конский налобник из Цимбалки с изображением змееногой женщины. Мастер, изготовивший этот налобник, предельно усложнил традиционный образ. Для него мифологическая тема — декоративный мотив, повод к созданию орнаментальной схемы, заполняющей свободное пространство пластины. В других случаях изображение змееногой женщины приобретает вид арабеска, превращается в условный символ, в некий знак, первичное содержание которого улавливается далеко не сразу.

Мы имеем все основания говорить о различных этапах осмысления первичной мифологической темы змеи-праматери. Теряя племенные черты, данный образ в конечном счете срастается с синкретическими культами эллинистического времени. Местные элементы попадают под влияние малоазиатских, античных и прочих культов, взаимно скрещиваются, и в этой пестроте разнообразных скрещений бывает трудно отделить следы местных традиций от привнесенного извне.

Скифская генеалогическая легенда возникла задолго до того, как была записана Геродотом. Она существовала и после него. О бытовании скифского генеалогического предания в I в. до н. э. свидетельствует запись Диодора, в I в. н. э.— запись Валерия Флакка.

К римскому времени относятся алебастровые налепы на саркофагах из Пантикапея, глиняная плитка с изображением змееногой женщины из Херсонеса [48]. О переживаниях тех же представлений, возможно, свидетельствует также обычай носить височные кольца и браслеты с змеиными головками, находки которых встречены в ряде скифо-сарматских могильников, датируемых рубежом и первыми веками нашей эры [49].

Что можно сказать о бытовании мифологического образа праматери-змеи в доскифское время? Некоторые исследователи делали попытки решить этот вопрос, привлекая для подтверждения связей трипольские статуэтки. Так, указывая на «совершенно змеиный изгиб шеи» трипольских фигурок из раскопок И. Я. Стемпковского у сел. Красногорки близ Тирасполя, М. Ф. Болтенко пытался сопоставить их с образом змеи-девы «древнейших скифских этногенетических сказаний» [50], что, конечно, не решает вопроса.

Еще меньше может дать указание К. Болсуновского на предание о змеях в земле невров. Высказав мнение, что спиральный орнамент три-

---

[48] По мнению Н. П. Сорокиной, на глиняной плитке из Херсонеса изображена не полуженщина-полузмея, а полуженщина-полуптица. См. Н. П. Сорокина. Навершие боспорского надгробия с фигуркой из собрания Исторического музея. Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 95—96, примеч. 25. Для подобного объяснения нет достаточных оснований. У полуженщины-полуптицы («сирены») — голова женщины, туловище и ноги — птицы, тогда как у змееногой женщины голова и туловище человеческие, ноги в виде змеиноголовых завитков. Подборка Н. П. Сорокиной интересна как свидетельство того, что в Северном Причерноморье бытовали одновременно оба образа: змееногой женщины и полуженщины-полуптицы; античные образы скрещивались и сосуществовали с местными мифологическими представлениями и образами.

[49] А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, 35, 1910, стр. 100, рис. 21, *3* и *4*; Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, 98, 1961, стр. 75, табл. 34, *11*; В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 131, рис. 146; В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 127, табл. III, *6—8*, *10*; Н. А. Богданова. Отчет о раскопках могильника рубежа и первых веков нашей эры в районе сел. Заветное в 1959 г.; то же в 1960 г. Архив ИА АН УССР; Є. Ф. Покровська. Г. Т. Ковпаненко. Могильник біля с. Калантаєво. Археологія, XII, 1961, стр. 137, рис. 7, *1—3*.

[50] М. Ф. Болтенко. Ук. соч., стр. 28.

польской керамики символизирует змею, К. Болсуновский сделал попытку увязать этот мотив с преданием, записанным у Геродота, о змеях, населявших земли невров, где некогда обитали трипольские племена [51].

Гораздо больше могут дать находки женских фигурок из раскопок раннетрипольских поселений в сел. Сабатиновке на среднем Буге; здесь встречены статуэтки, у которых посредством краски или углубленных линий на ногах изображены змеи [52]. Сабатиновские статуэтки показывают, что в трипольское время образ родовой матери увязывался с мифологическим представлением праматери-змеи и находил себе воплощение в пластических изображениях женщины с змеиными ногами. Огромный хронологический разрыв, а также отсутствие промежуточных звеньев осложняет решение вопроса о генетических связях мифологического образа полуженщины-полузмеи в трипольское время с аналогичным образом, нашедшим свое отражение в скифской генеалогической легенде.

К сказанному присоединяется еще одна трудность: общая неразработанность вопроса о длительности бытования тех или других мифологических мотивов. Правда, в настоящее время начинают накапливаться необходимые данные. В качестве примера можно сослаться на наблюдения К. В. Тревер, В. Н. Лазарева и В. А. Богусевича относительно образа собаки-птицы (Сэнмурва — Симаргла) [53]. Эти наблюдения убедительно показали, что образ собаки-птицы, засвидетельствованный находками в скифских курганах VI—V вв. до н. э., из кургана близ ст. Елисаветовской, из IV Семибратного кургана и других, находит себе позднейшие соответствия в древнерусском искусстве, в находках из Гнездова, на каменных плитах черниговского Борисоглебского собора (конец XII в.), Георгиевского собора 1234 г. в г. Юрьеве-Польском и др.

Так перед нами постепенно открываются в перспективе пути, которые позволят с большей уверенностью, чем это было до сих пор, говорить о сроках и этапах бытования ряда мифологических представлений — образов, относящихся к скифскому времени: полуженщины-полузмеи, собаки-птицы, полуженщины-птицы и т. д.

ПРИЛОЖЕНИЕ к рис. 1

1 — ОАК за 1909—1910 гг., стр. 214, рис. 245; *2* — ОАК за 1912 г., стр. 58, рис. 84; *3* — ОАК за 1865 г. Атлас, табл. III, рис. 5; *4* — ОАК за 1865 г. Атлас, табл. III, рис. 4; *5* — ОАК за 1866 г. Атлас, табл. I, рис. 37; *6—7* — Древности Боспора Киммерийского, табл. XX, *8*; А. Ашик. Боспорское царство, ч. III, Одесса, 1849, рис. 142; *8* — ОАК за 1891 г., стр. 56, рис. 35; *9* — ОАК за 1893 г., стр. 4, рис. 2; *10* — ИАК, 25, 1907, стр. 140, рис. 30; *11* — Н. Пятышева. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе. ВДИ, 1947, № 3/21, стр. 213

---

[51] К. Болсуновский. Символ змия в «Трипольской культуре». Киев, 1905, стр. 6.

[52] М. Л. Макаревич. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури. АП, IV, 1952, стр. 89—95; его же. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II. КСИА, 3, 1954, стр. 94; А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення. АП, IV, 1952, стр. 81, табл. I, *1*.

[53] К. В. Тревер. Собака-птица: Сэнмурв и Паскудж. Юбилейный сборник в честь Н. Я. Марра. М.—Л., 1933, стр. 293—328; В. Н. Лазарев. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. История русского искусства, I, М., 1953, стр. 436; В. А. Богусевич. Зображення Сімаргла в древньоруському мистецтві. Археологія, XII, 1961, стр. 76—91.

О. Н. МЕЛЬНИКОВСКАЯ

О ВЗАИМОСВЯЗИ МИЛОГРАДСКОЙ И ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУР В ЮЖНОЙ БЕЛОРУССИИ

Особое внимание ученых, занимающихся проблемой происхождения славян, в последние годы привлекает вопрос о происхождении памятников зарубинецкой культуры, без решения которого не могут быть не только разработаны, но даже всерьез поставлены проблемы этногенеза восточнославянских племен. Не упоминая здесь различные точки зрения по этому вопросу, существующие в советской науке, остановимся только на одной из них, а именно на мысли В. Н. Даниленко о генетической связи зарубинецкого населения с населением, оставившим памятники милоградского и подгорцевского типов. Впервые эта точка зрения была изложена В. Н. Даниленко при публикации материалов подгорцевских памятников Киевщины [1], позже к ней присоединился один из исследователей зарубинецких памятников Белоруссии Л. Д. Поболь [2]. Однако взгляды авторов не были аргументированы. Более обоснованно к рассмотрению этого вопроса отнесся П. Н. Третьяков при публикации материалов раскопок Чаплинского городища. В результате рассмотрения данных, которые могли бы быть привлечены как свидетельство преемственности, а также данных, противоречащих этому, П. Н. Третьяков пришел к убеждению, что вопрос о характере взаимоотношений милоградского и зарубинецкого населения не может получить окончательного разрешения без дополнительных наблюдений [3].

Такие наблюдения не раз были сделаны нами при раскопках поселений и могильников милоградской и зарубинецкой культур на Верхнем Днепре. Наиболее яркий и убедительный материал в этом отношении дали раскопки Милоградского городища 1957 г. Материал настоящей статьи подтверждает выводы, сделанные также на основании исследования других памятников, в частности городища и двух сопутствующих ему могильников (милоградского и зарубинецкого) в дер. Горошков Речицкого района Гомельской области [4].

---

[1] В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Докл. VI научн. конференции Ин-та археологии, Киев, 1953, стр. 208.

[2] Л. Д. Поболь. Поселения и могильник зарубинецкой культуры в Чаплине. Автореф. канд. дис. М., 1960, стр. 17.

[3] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, 70, 1959, стр. 151—152. Позже тем же автором было высказано основанное, в частности, и на наших работах, мнение об отсутствии генетической преемственности между милоградской и зарубинецкой культурами. См.: П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1, 1960, стр. 40; его же. Моховское второе городище. КСИА АН СССР, 81, 1960, стр. 48.

[4] О. Н. Мельниковская. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии. СА, 1962, 1, стр. 163—172.

Городище у пос. Милоград Речицкого района Гомельской области, расположенное на правом берегу Днепра, несколько ниже устья р. Березины, является одним из окраинных северных пунктов по отношению ко всему милоградскому культурному массиву. Далее на север, примерно с широты г. Рогачева, начинается обширная область, занятая в древности племенами, оставившими «городища со штрихованной керамикой»[5]. Городище открыто разведками белорусских археологов в 30-х годах[6], в 1951 г. обследовано Верхнеднепровским отрядом Славянской экспедиции. В 1952 г. Ю. В. Кухаренко был заложен раскоп (10 × 10 *м*) в центральной части площадки городища, а также траншея за валом[7]. С 1954 г. раскопки проводятся автором. В настоящее время общая площадь, вскрытая на городище и за его валами, составляет более 1000 *м*^{2}.

Городище находится в 100 *м* на север от поселка, в урочище Колеевка. Оно занимает мыс, образованный высоким правым берегом Днепра и большим оврагом. Городище имеет, как это встречается на памятниках милоградского типа, кроме внутреннего укрепления также дополнительную укрепленную внешнюю площадку, на которой культурный слой отсутствует (рис. 1). За пределами укрепления, на плато, раскопано жилище, синхронное городищенским комплексам. Кроме того, на юг от городища, через овраг от него, располагается селище.

Культурный слой городища хорошо выражен. Он представляет собой серую оподзоленную супесь мощностью в среднем 0,4—0,6 *м* и подстилается чистым светлым песком. Слой однороден по структуре, стратиграфически не расчленяется. Основной материал из раскопок представлен типичной милоградской керамикой, однако встречается и зарубинецкая керамика. Последняя часто покрыта штриховкой — результат близкого соседства культуры «городищ со штрихованной керамикой», встречаются и отдельные милоградские черепки со штрихованной поверхностью. Ни одного чистого зарубинецкого комплекса на городище нет. Еще при раскопках 1955 г. наше внимание привлек тот факт, что зарубинецкие материалы здесь не представляют собой самостоятельного компонента. Так, при раскопках за пределами городища (в поисках могильника) в 1955 г. на раскопе III было обнаружено углубленное в материк жилище[8], в заполнении которого наряду с большим количеством милоградской керамики было встречено несколько зарубинецких черепков, в том числе от лощеных мисок. Условия, в которых обнаружено жилище,— отсутствие культурного слоя, углубленность постройки, ненарушенность подстилающего и перекрывающего ее светлого песка — позволяют относить весь материал из заполнения к одному времени (рис. 2). Зарубинецкие включения есть также в комплексе одного из жилищ на городище (раскоп II 1955 г.), однако, поскольку оно наземное, картина здесь менее четкая.

Участок, вскрытый в 1957 г. (раскоп IV, 200 *м*^{2}), занимает западный угол основной площадки городища, у подножья вала (рис. 1). Уже на уровне первого пласта наряду с обломками сосудов милоградского типа встречено несколько обломков от зарубинецких сосудов с защипами по краю, а также борт лощеной миски. Основной насыщенный находками горизонт залегает на глубине 0,2—0,4 *м*. Здесь встречена керамика и милоградского, и зарубинецкого типов (стратиграфически она не расчленяется), большое количество находок, значительная часть которых связывается с пятном жилища. О наличии жилища можно было

---

[5] А. Г. Митрофанов. К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Автореф. канд. дис. Л., 1955.

[6] Фонды Ин-та истории БАН, № 1490.

[7] Ю. В. Кухаренко. Отчет о раскопках на территории БССР летом 1952 г. Архив ИА АН СССР. Р-1, д. № 688.

[8] О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, 70, стр. 32, рис. 7, *1*.

Рис. 1. Общий план городища Милоград

1 — места раскопов и траншей; *2* — номера раскопов

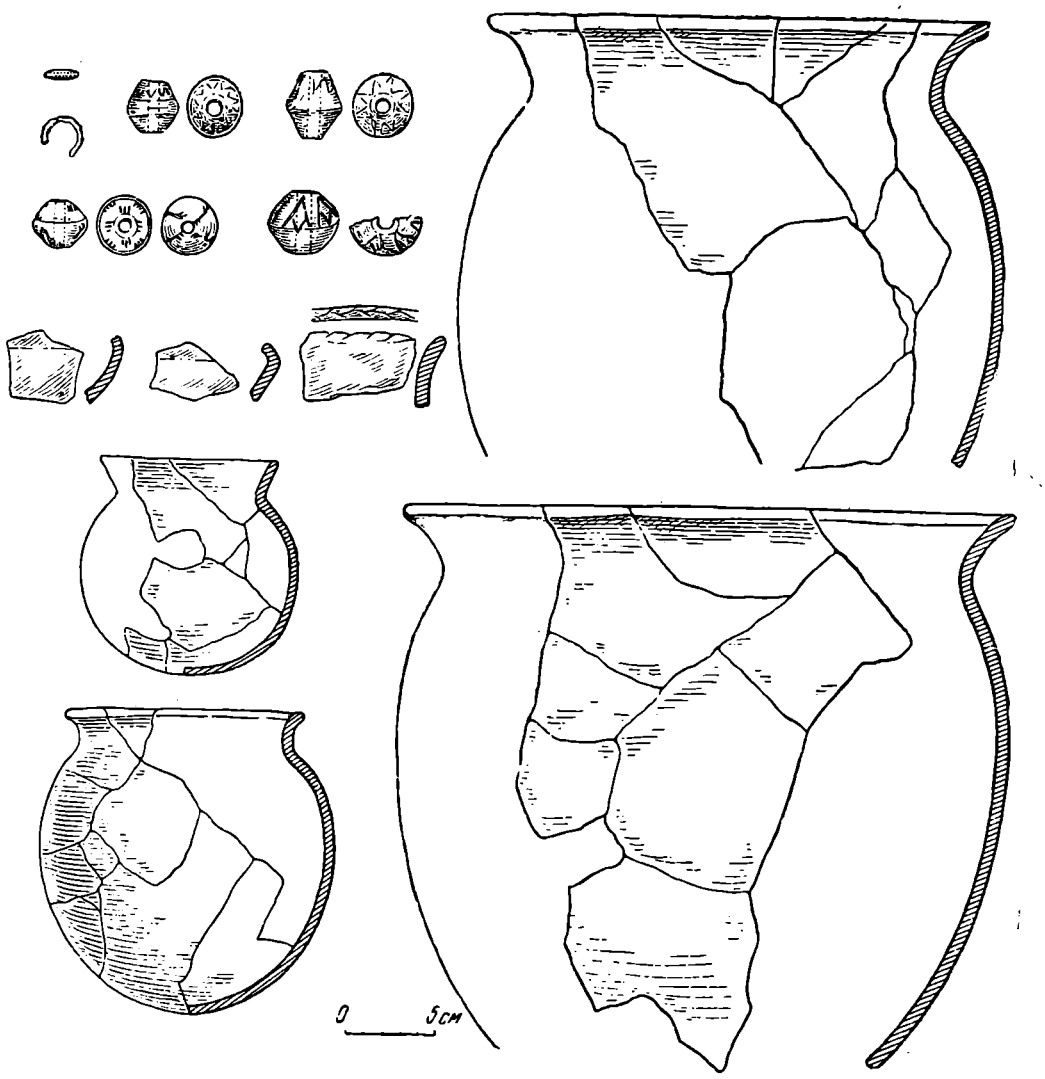


Рис. 2. Комплекс находок из жилища на раскопе III

судить примерно с глубины 0,25—0,30 *м* не только по цвету грунта, но и по интенсивности заполнения. На этом уровне, по-видимому являвшемся уровнем древнего горизонта, в слое встречено также много камней. Точные контуры жилища зафиксированы на уровне зачистки по материку, на глубине 0,4 *м*. Жилище имело округлую форму диаметром 6 *м* с выступом с западной стороны (рис. 3, *1*) и ярко выделялось темным цветом на фоне светло-желтого песка. Пятно жилища окружали ямки от столбов, некоторые из которых имели углистое заполнение. Жилище было углублено от уровня зачистки в материк на 0,15—0,35 *м* (от уровня древнего горизонта на 0,25—0,45 *м*), неравномерно на разных участках, но с пологим переходом (южная часть жилища мельче). Заполнение его темное, углистое, встречаются также шлакированные черепки и металл. Участки, прилежащие к жилищу, также носят следы сильного действия огня, что позволяет утверждать, что оно погибло в результате пожара. На поверхности пола жилища (твердый обожженный углистый грунт) заметны следы от столбов (рис. 3, *2*). Два столба, стоящие рядом в центре (а не один, как обычно, что вызвано большими размерами жилища), имели большой диаметр и глубину. Очевидно, они являлись основой несущей конструкции шатрового перекрытия. Той же цели служили,

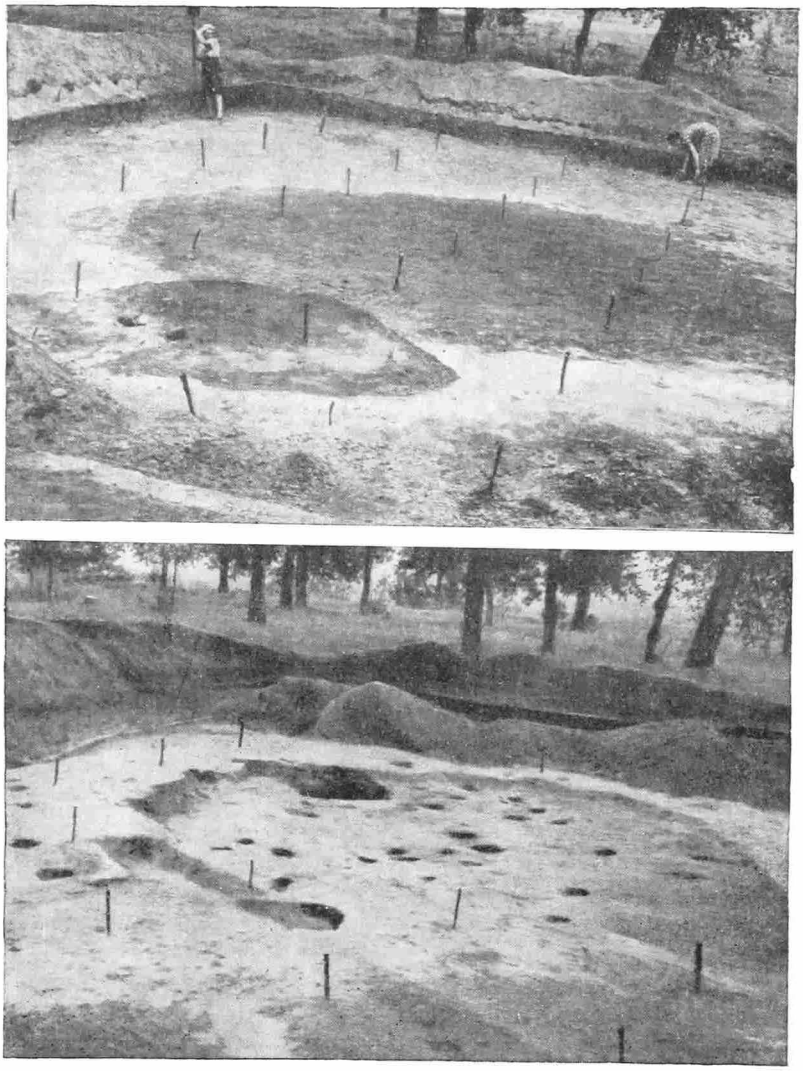


Рис. 3. Жилище в раскопе IV

1 — зачистка пятна жилища; *2* — пол жилища после расчистки

по-видимому, столбы, ямы от которых образуют как бы круг на расстоянии примерно 1,5 *м* от стен жилища, внутри его. Кроме того, большое число столбовых ям и ямок от плетня расположено снаружи от линии жилища. По-видимому, они являются следом невысоких стен, служивших опорой для шатра. Некоторые столбовые ямы удалены от углубления жилища на 1—1,5 *м,* здесь же местами имеются следы каких-то ограждений в виде многочисленных ямок от плетня или тонких канавок с темным заполнением. Возможно, к дому примыкали сени или были сделаны навесы (рис. 4). Вход в дом был скорее всего с юго-восточной стороны, как это прослежено у постройки за валом.

При зачистке пятно жилища имело равномерную окраску, что свидетельствует о ненарушенности его поздними ямами (рис. 3, *1*). В полу жилища, на глубине 0,4—0,5 *м* от его уровня, была яма, связанная с очагом. Участок пола вокруг нее был особенно плотным и углистым. Бóльшая часть вещей, обнаруженных в жилище, концентрируется вокруг ямы и на некотором расстоянии от нее, т. е. в северо-восточной части жилища (рис. 4). На площади постройки нет никаких более ранних ям, которые могли быть перекрыты постройкой.

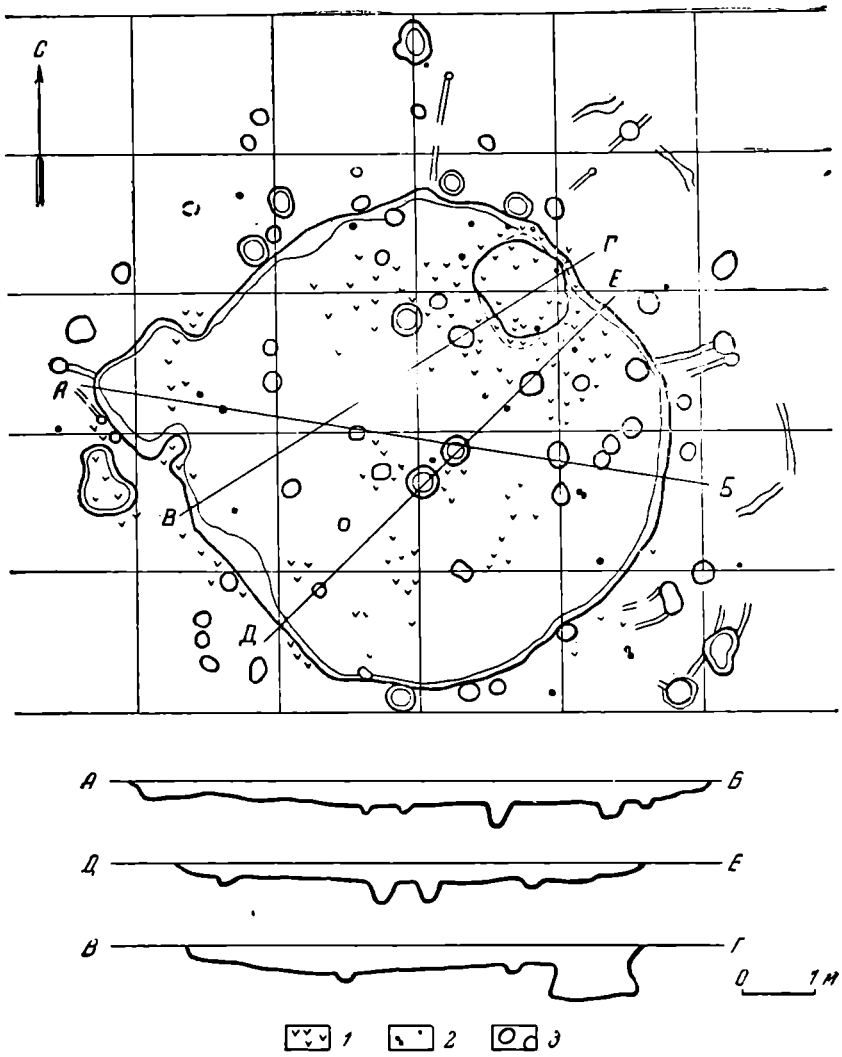


Рис. 4. План и разрезы жилища на раскопе IV

1 — уголь; *2* — находки; *3* — ямы

Жилища, близкие описанному, прослежены нами на других участках Милоградского городища, а также на городище Горошков, где в заполнении некоторых жилищ также имелись зарубинецкие включения. Жилище, раскопанное на Милоградском городище в 1957 г., типично для памятников милоградской культуры Южной Белоруссии.

Керамика из заполнения жилища распределялась на его площади более-менее равномерно, за исключением северо-восточной части жилища, где вокруг ямы ее было больше. Материал с площади пятна жилища выделен с момента появления его контуров. При выборке материал брался по горизонтам. Во всех горизонтах заполнения милоградские формы керамики сочетались с зарубинецкими, образуя большой одновременный комплекс (рис. 5, *10—12*). Сделан подсчет (по венчикам) милоградской и зарубинецкой керамики из заполнения жилища. Из 360 обломков керамики, найденных в жилище, милоградских венчиков было 40, зарубинецких 33 (из них 6 лощеных). Распределение их в жилище показано на таблице.

Милоградская керамика представлена типичными венчиками, бо́льшая часть которых неорнаментирована, что является одним из характерных признаков поздних форм. Некоторые венчики украшены ямочными или пальцевыми вдавлениями по шейке. Найдены также нижние

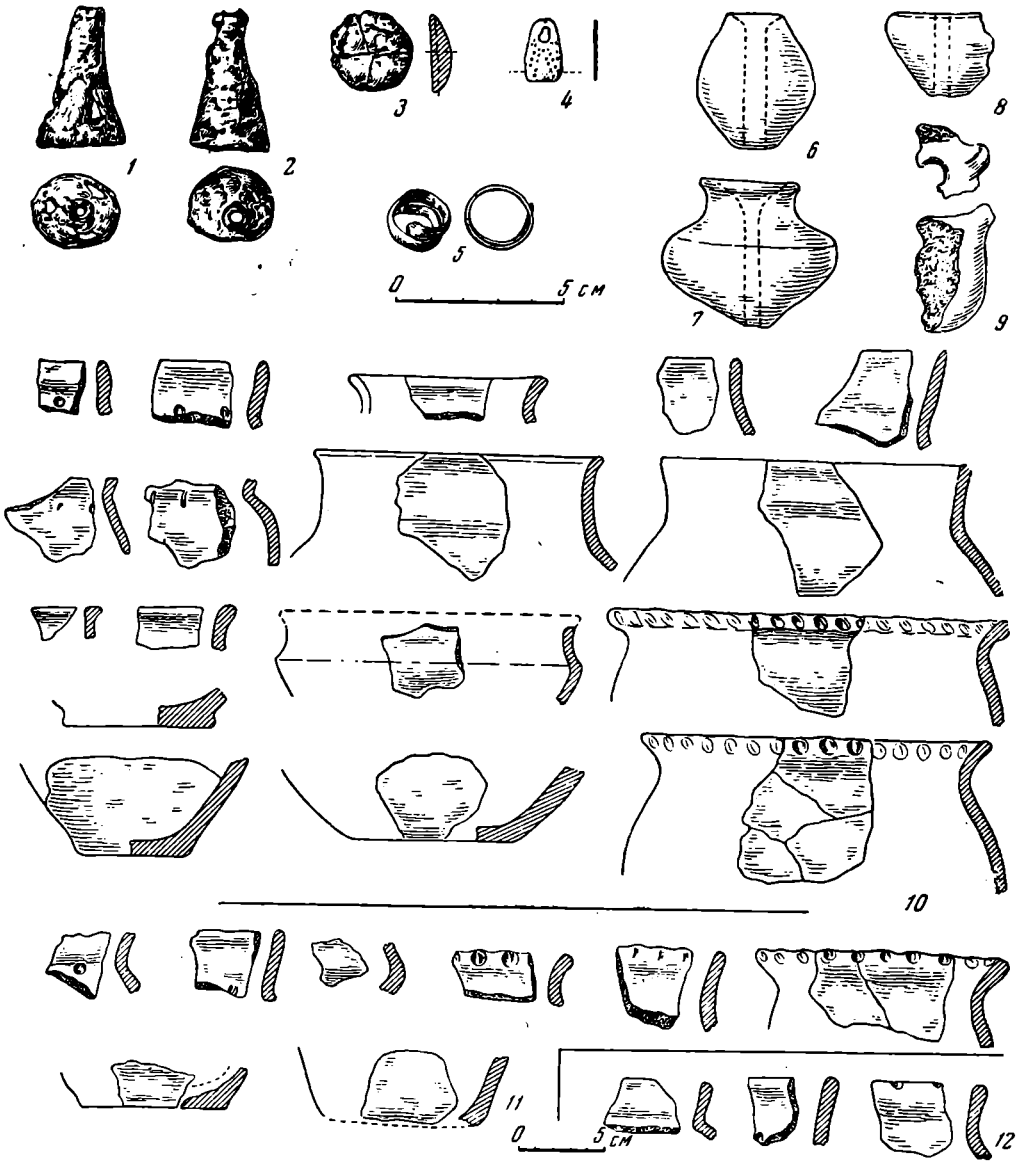


Рис. 5.

1—7 — находки, связанные с жилищем, на раскопе IV; *8—9* — грузики в форме зарубинецкой миски и кубка с ручкой; *10—12* — образцы керамики из заполнения жилища (*10* — от зачистки до основания жилища; *11* — с пола жилища; *12* — из очажной ямы)

круглодонные части сосудов. Зарубинецкая керамика представлена обломками плоскодонных горшков с защипами по венчику и лощеных мисок. Резко профилированные стенки последних позволяют отнести их к поздней поре существования зарубинецких памятников на рассматри-

Место залегания обломков керамики	Милоградских	Зарубинецких	Из них лощеных
Зачистка по материку	8	4	—
Заполнение ниже уровня материка	20	17	4
Пол жилища	4	6	2
Очажная яма	2	1	—
Северо-восточная часть жилища	6	5	—

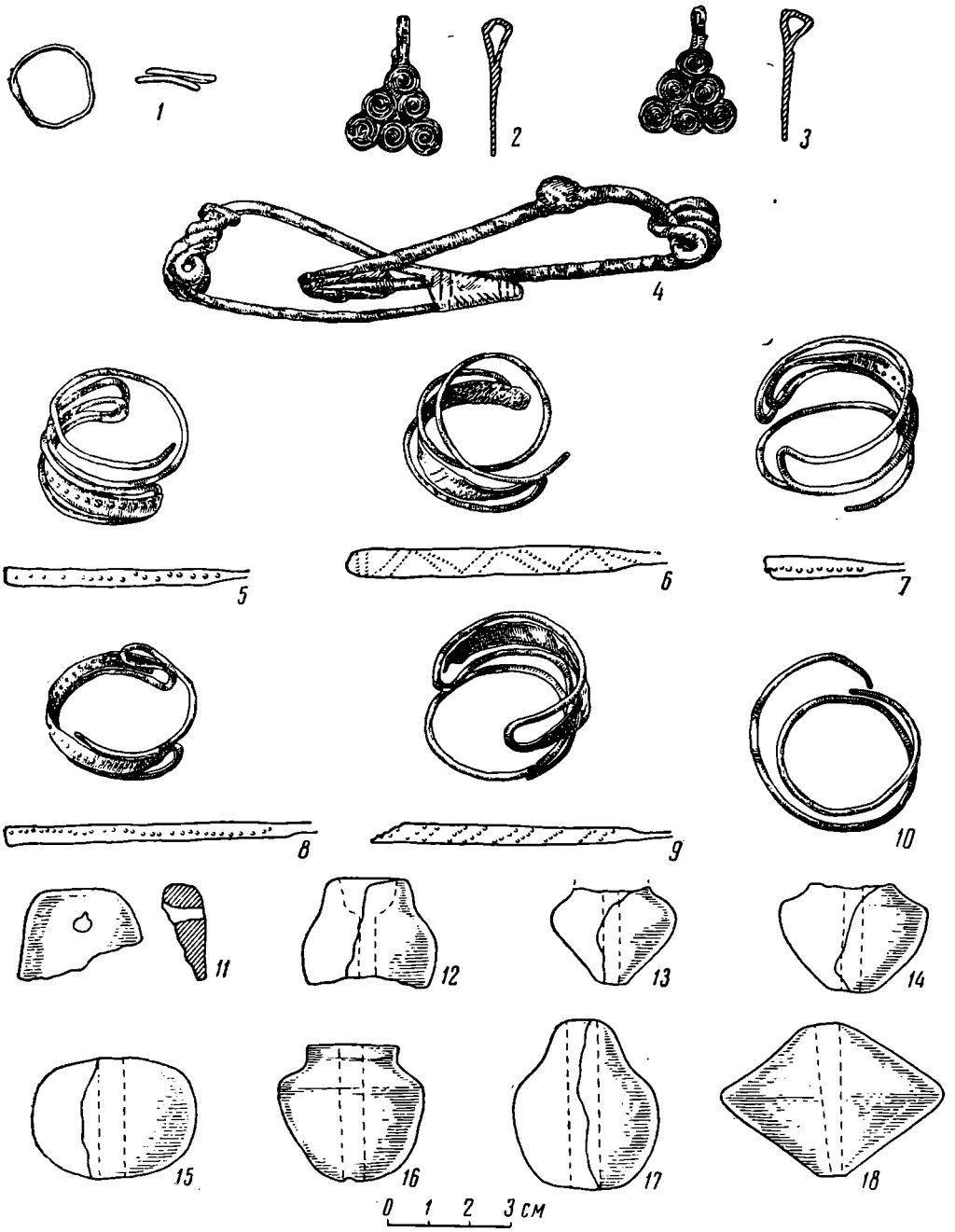


Рис. 6. Комплекс находок из жилища на раскопе IV

ваемой территории [9]. Для керамики из жилища, так же как и для остальной посуды с этого городища и других памятников, характерно резкое отличие милоградского и зарубинецкого комплексов, не позволяющее говорить о преемственности в формах сосудов.

Благодаря пожару в жилище был оставлен хороший комплекс металлических находок, в основном бронзовых. Почти все они представляют собой украшения, которые объединяются попарно. К ним относятся: две литые бронзовые подвески треугольной формы с петлей для подвешивания, составленные из трех восьмеркообразных спиралей (рис. 6, *2—3*); шесть браслетообразных колец, которые могли служить височ-

[9] Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник. МИА, 70, 1959, табл. IV, *8*, табл. VII, *24* и др.

ными украшениями. Использованию их в качестве браслетов противоречит небольшой диаметр (4—4,5 *см*). Кольца сделаны из тонкой круглой бронзовой проволоки, сложно изогнутой в несколько оборотов, с мягкими поворотами на 180° по отношению к первоначальному направлению; один конец ее расплющен в пластинку и орнаментирован пунсоном (рис. 6, *5—10*). Там же найдены бронзовое колечко, сделанное из круглой в сечении проволоки с заходящими концами (очевидно, на колечко надевалась одна из треугольных подвесок, описанных выше (рис. 6, *1*)), и две фибулы — бронзовая и железная. Обе фибулы однотипны: со сплошным пластинчатым приемником, круглой в сечении дужкой и четырехвитковой пружиной. Приемник бронзовой фибулы орнаментирован. Фибула эта была сломана, на дужку намотана железная проволока и из нее выведена игла. На спинке железной фибулы прикипел небольшой кусок железа. Фибулы найдены сцепленными одна с другой (рис. 6, *4*). Они позволяют с уверенностью датировать весь комплекс находок I в. н. э., что находит подтверждение и в поздних формах лощеной посуды из заполнения жилищ. Ни одна из отдельных находок в комплексе не противоречит этой дате.

Кроме перечисленных вещей с жилищем связана находка полого бронзового конуса с отверстием сверху (рис. 5, *2*) и второго такого же конуса, имеющего три треугольные прорези (рис. 5, *1*). Внутри обоих изделий сохранились следы железа, вероятно, они служили колокольчиками. Близ жилища найдена трапециевидная бронзовая подвеска, украшенная пунсоном (рис. 5, *4*).

Находка фибул хорошо датирует комплекс, это избавляет нас от необходимости приводить много аналогий вещам; укажем только на некоторые из них. Точной аналогией треугольным подвескам является находка с городища у дер. Темное на Десне — памятника позднего этапа юхновской культуры [10]. Восьмеркообразные спиральные бляшки как составной элемент различных изделий из бронзы встречены нами при раскопках городища в Горошкове (где из них выполнен полый ажурный браслет типа латенских древностей) и на городище в Асаревичах. Находка проволочной височной подвески, близкой милоградским браслетообразным кольцам, известна из нижнего слоя городища Банцеровщина, который датируется фибулой с подвязанной ножкой I—II вв. н. э. [11] Колокольчики с прорезями встречаются на зарубинецких памятниках Белоруссии [12]. Аналогии трапециевидным подвескам многочисленны, хронологический диапазон их очень широк. Назовем ближайшую территориально — городище Колочин I, где находка подвески, возможно, связана с немногочисленными зарубинецкими материалами в нижнем слое [13], а также хорошо датированные фибулой находки трапециевидных подвесок с Банцеровщины [14] вместе с упомянутой выше проволочной подвеской.

Обнаружение в одном ненарушенном, хорошо датированном комплексе материалов двух культур — милоградской и зарубинецкой (позднего периода последней) с различными формами керамики позволяет сделать, на наш взгляд, вывод об отсутствии непосредственной преемственности в материалах указанных культур, о сосуществовании их на Гомельщине на определенном отрезке времени и о близости населения

---

[10] В. П. Левенок. Городища юхновской культуры. КСИА, 7, 1957, стр. 50, рис. 1, *4*.

[11] А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. СГАИМК, 7—8, 1932, стр. 57, табл. 1, *12*, *25*.

[12] А. Зьм. Каваленя, С. С. Шутаў. Матарьялы з дагісторыі Тураўшчыны. Працы археолегічнай камісіі, II, стр. 357, табл. VIII, *13*.

[13] Э. А. Сымонович. Раскопки городища Колочин I в Южной Белоруссии. КСИИМК, 77, 1959, стр. 72—73, рис. 29, *6*.

[14] А. Н. Лявданский. Ук. соч., стр. 57, табл. I, *24*.

обеих групп. Выводы эти подтверждаются рядом других данных. Позволим себе с этой точки зрения охарактеризовать в нескольких словах картину, которую дают поселения и могильники. В Южной Белоруссии имеется много милоградских городищ, не содержащих зарубинецких материалов (из исследованных нами — Моховское I Лоевского района, Глыбовское и Колочинское II Речицкого района, Асаревичское Комаринского района Гомельской области и др.). На поздних милоградских памятниках зарубинецкие включения часты (Горошковское, Милоградское городища Речицкого района). Изредка они преобладают в слое (Моховское II, Чаплинское городище Лоевского района). Имеются также неукрепленные зарубинецкие поселения, известные пока преимущественно при городищах (Горошков, Городок, Щитцы [15] и т. д). Культурный слой на смешанных милоградско-зарубинецких памятниках обычно однороден и не позволяет сделать стратиграфических наблюдений. Стерильных и иных прослоек (например, со следами пожарищ) в слое обычно нет. В то же время зарубинецкие находки залегают всегда в верхних пластах. Чистые зарубинецкие комплексы на памятниках со смешанным материалом часто не могут быть выделены. Исключение представляют только те немногие памятники, где зарубинецкие материалы преобладают (например, Чаплинское городище).

Зарубинецкую и милоградскую культуру в Южной Белоруссии характеризуют при общей близости типа разные элементы в устройстве жилищ, прежде всего отсутствие или наличие выступа по одной из стен — столь характерного признака жилищ милоградской культуры. Жилище, раскопанное на зарубинецком селище в дер. Горошков, близкое по своему типу милоградским жилищам, характеризовалось скоплением глиняной обмазки, которая никогда не сопутствует остаткам милоградских жилищ. В целом же типы зарубинецких жилищ изучены пока слабо (как на территории Белоруссии, так и на Среднем Днепре).

Что же касается находок с поселений, то следует отметить отсутствие форм, которые можно было бы рассматривать как переходные. При прямой генетической преемственности без изменений в составе населения многочисленные предзарубинецкие материалы дали бы нам примеры эволюции милоградской керамики к зарубинецкой, чего, однако, не наблюдается. Мало того, исследование поздних милоградских комплексов, синхронных зарубинецким (которые часто выделяются благодаря наличию зарубинецкой керамики или металла в них), позволило нам выделить позднюю группу милоградской керамики, отличающуюся рядом признаков от ранней, что, однако, не приближает ее и к зарубинецкой керамике. Позднюю милоградскую керамику характеризует упрощение и меньшее разнообразие форм по сравнению с более ранней, окончательное исчезновение плоских и уплощенных днищ, которые всегда становятся круглыми, частая потеря орнамента на сосудах (рис. 2). Среди милоградских материалов, в том числе и зарубинецкого времени, нет ни одного сосуда с лощеной поверхностью или с характерными для зарубинецкой керамики защипами по краю венчика. Следует отметить, что край венчика милоградских сосудов вообще никогда не орнаментировался. На зарубинецких сосудах в некоторых случаях имеются характерные для милоградских форм пальцевые вдавления по шейке, однако, во-первых, этот прием не может рассматриваться как переходный, так как в сочетании с орнаментированным краем относится всегда только к зарубинецкому времени, во-вторых, он характерен и для зарубинецкой посуды других территорий, где памятников милоградской культуры нет (например, на Верхней Десне под Брянском [16]), а также встречается на

[15] Деревни Городок и Щитцы — Лоевский район Гомельской области.

[16] А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. Доклад, прочитанный на заседании сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР 30 ноября 1961 г.

позднескифской посуде в лесостепи [17]. В то же время возможность некоторого влияния милоградской керамики на зарубинецкую не следует исключать совсем. Очень показательными в этом отношении являются примеры изготовления отдельных грузиков («пряслиц») не в форме милоградских сосудов, а в форме мисок и кубков зарубинецкого типа (рис. 5, *8—9*), причем поверхность некоторых грузиков залощена, чего мы никогда не наблюдаем на более ранних формах [18]. В то же время такие грузики не встречены в чистых зарубинецких комплексах, для которых прежде всего характерны биконические формы с резным и накольчатым орнаментом (встречающиеся также и на милоградских памятниках).

Об отсутствии непосредственной преемственности в материальной культуре и сосуществовании милоградского и зарубинецкого населения на территории Белоруссии свидетельствуют и материалы могильников — как зарубинецких, так и милоградских. Несмотря на общие черты в погребальном обряде того и другого населения: грунтовой характер могильников, безурновые трупосожжения и сочетание круглых ям с удлиненными,— при одних и тех же поселениях встречаются могильники той и другой культуры с различными элементами погребального обряда и инвентарем. Могильники обеих культур отличает однородность инвентарей — они пока не дают примеров смешанных милоградско-зарубинецких комплексов, что, по-видимому, следует объяснять особой стойкостью традиций в области погребального обряда. В керамике из погребений, так же как и на поселениях, нет переходных форм. Как и на поселениях, на могильниках, по-видимому, имеются материалы, синхронные зарубинецким.

Таким образом, изучение памятников конца I тысячелетия до н. э.— начала I тысячелетия н. э. показывает, что в это время в Южной Белоруссии еще продолжают обитать милоградские племена. Наряду с ними на этой же территории появляются и племена — носители зарубинецкой культуры. Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют говорить о прямой преемственности в материальной культуре того и другого населения. В то же время значительное количество общих черт, в том числе такие существенные, как совместная жизнь на поселениях, близкий тип жилищ, общие моменты в погребальном обряде, некоторые общие категории находок и т. д., тесно сближает между собой указанные группы памятников, не позволяет резко разграничить их, что отчетливо наблюдается, например, на смежной территории, занятой в тот же период балтийской культурой городищ со штрихованной керамикой. Момент этот был справедливо подчеркнут П. Н. Третьяковым, отметившим, что столь тесного контакта, как между милоградскими и зарубинецкими памятниками, не дает ни одна другая группа верхнеднепровских памятников [19].

В характере и конкретных формах сосуществования милоградских и зарубинецких племен пока не все стороны ясны. По-видимому, особенности во взаимоотношениях этих двух групп населения должны объясняться не этническими различиями, а окраинным положением и длительным отрывом территории Белоруссии от основных этногенетических процессов, протекавших в смежных областях Днепровского Правобережья.

---

[17] В. Г. Петренко. Культура племен правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. МИА, 96, 1961, стр. 87, рис. 10, *2*.

[18] Милоградской керамике Белоруссии лощение не свойственно. Оно характерно только для древнейших милоградских памятников Волыни, где является одним из свидетельств связи милоградских памятников с местными тшинецко-комаровскими памятниками.

[19] П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура, стр. 40, 42.

В. И. КАДЕЕВ, Л. А. СОЛНЦЕВ, Л. Д. ФОМИН

О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ХЕРСОНЕСЕ

Данные естественных наук все более прочно входят в исследования по археологии. Все шире используются археологами результаты спектральных, химических и металлографических анализов, которые позволяют выяснять химический состав металлов, определять характер сплавов, устанавливать технику изготовления различных металлических изделий и орудий труда, ставить вопрос об источниках сырья и т. д.

Однако до настоящего времени еще нет специальных работ, которые бы опирались на данные массовых анализов античных металлических изделий из городов Северного Причерноморья. И если при изучении металлообработки Ольвии [1] и Боспора [2] некоторые шаги в этом направлении делались, то в исследованиях по Херсонесу анализы совершенно не использовались.

При раскопках античного Херсонеса довольно часто встречаются слитки, шлаки цветных металлов, обломки тиглей, реже — обломки каменных литейных форм и другие остатки производства [3]. В 1904 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил, по-видимому, монетный двор эллинистического времени с бронзовыми заготовками для монет [4]. Все эти данные позволили исследователям Херсонеса говорить о существовании местного литейного дела и обработки цветных металлов [5].

Однако, кроме установления факта существования в античном Херсонесе местного производства по обработке цветных металлов, никаких других данных об этом производстве мы не имели. В связи с этим и возникла необходимость провести спектральные и металлографические анализы цветных металлов для выяснения характера сплавов и техники изготовления некоторых орудий труда и массовых изделий в позднеантичном Херсонесе.

Спектральным исследованиям были подвергнуты остатки литейного производства, некоторые полуфабрикаты, орудия труда и массовые

[1] А. И. Фурманская. Ассы из раскопок Ольвии 1948 г., КСИА, № 3, 1954, стр. 61.

[2] И. Д. Марченко. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. МИА, 56, 1957, стр. 169.

[3] Г. Д. Белов. Раскопки Херсонеса в 1934 г. Симферополь, 1936, стр. 16; С. Ф. Стржелецкий. Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. ВДИ, 1951, № 2, стр. 140, рис. 4; Г. Д. Белов. Эллинистический квартал в Херсонесе. ВДИ, 1956, № 3, стр. 145; С. Ф. Стржелецкий. Херсонес Таврический. Путеводитель по музею. Симферополь, 1956, стр. 57.

[4] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году. ИАК, 20, 1906, стр. 17 сл.

[5] Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 61 сл.; Н. В. Пятышева. Ювелирные изделия Херсонеса. Тр. ГИМ, 18, 1956; С. Ф. Стржелецкий. Херсонес Таврический..., стр. 24, 57.

предметы быта и украшения — всего 62 предмета, главным образом, первых веков нашей эры [6].

Металлографическому анализу подверглись лишь те изделия, у которых технику изготовления визуально определить было невозможно или имелись затруднения в установлении последовательности их обработки. В связи с этим микроструктура была исследована у 23 образцов [7]. Кроме указанных анализов, для выяснения характера предыдущей обработки некоторых изделий был проведен отжиг нескольких образцов.

Спектральные исследования слитков, полуфабрикатов, гвоздей, рыболовных крючков и других предметов [8], местное производство которых вряд ли может вызвать сомнения, показали, что в позднеантичном Херсонесе для изготовления орудий труда и изделий применялись медь, бронза и латунь. Сравнение химического состава остатков литейного дела и предметов местного производства с составом остальных исследованных предметов не дает существенных расхождений. В связи с этим, очевидно, можно говорить о местном производстве не только гвоздей, рыболовных крючков, монет, но и многочисленных предметов быта и украшений.

Переходим к конкретному рассмотрению результатов анализов [9]. Исследованные слитки эллинистического времени оказались свинцовистой бронзой без цинка, но со значительной примесью алюминия (возможно, что последний попал из почвы, так как слитки не подверглись той тщательной очистке, какой подвергались другие образцы). Один из слитков первых веков нашей эры также бронзовый, со свинцом и цинком в качестве легирующих компонентов. Другой слиток этого времени оказался медью с небольшими естественными примесями олова и свинца.

Все исследованные гвозди оказались изготовленными из меди с небольшими естественными примесями олова и свинца, при отсутствии цинка. Твердость и прочность меди относительно невысоки, и в связи с этим некоторые авторы пытаются поставить под сомнение прежние результаты исследований химического состава античных гвоздей [10]. Наши анализы показывают, что гвозди делались из меди. Очевидно, благодаря тому, что они в процессе изготовления подвергались холодной деформации (проковке), их твердость и прочность, при одновременном снижении пластичности, могли увеличиваться в 2,5—3 раза по сравнению с недеформированной медью [11]. В связи с этим прочность медных гвоздей была почти равной прочности гвоздей, изготовляемых сейчас из стали. Из бронзы гвозди могли коваться лишь в виде исключения, так как бронза плохо поддается ковке.

Исследованию подверглись как позднеантичные, так и (для сравнения) раннесредневековые рыболовные крючки. Спектральный анализ показал, что рыболовные крючки изготовлены из меди и латуни. Медные крючки имеют естественные примеси олова, свинца и иногда цинка.

---

[6] Спектральные анализы были выполнены в спектральной лаборатории Украинского института металлов покойным М. Г. Скляром и на кафедре качественного анализа ХГУ В. И. Кадеевым под руководством доцента И. У. Мартынченко.

[7] Металлографические анализы производились на кафедре технологии металлов Харьковского автомобильно-дорожного института канд. техн. наук Л. А. Солнцевым и инженером Л. Д. Фоминым. Пользуемся случаем выразить благодарность Г. Д. Белову, И. А. Антоновой и В. В. Борисовой за предоставление образцов для исследований.

[8] Химический состав 20 исследованных херсонесских монет первых веков нашей эры также в основном совпадает с составом других изделий.

[9] Подробная характеристика состава херсонесских цветных металов и сплавов, а также вопросы о характере руд и источниках сырья в данной работе не затрагиваются.

[10] А. В. Королев. О ранней культуре обработки металлов в России. Тр. ИИТ, 7, 1954, стр. 41 сл.

[11] М. В. Мальцев, Т. А. Барсукова, Ф. А. Борин. Металлография цветных металлов и сплавов. М., 1960, стр. 9.

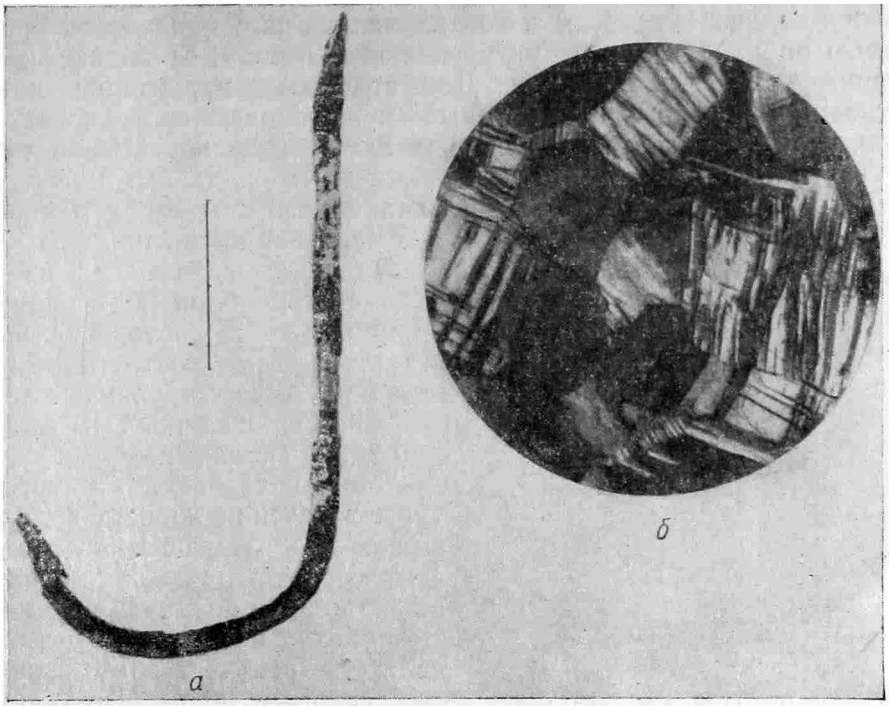


Рис. 1.

а — рыболовный крючок; *б* — микроструктура крючка. Увел. 270

При наружном осмотре рыболовных крючков на их поверхности были обнаружены параллельные риски, которые тянутся по всей длине крючков (рис. 1). Это позволяет полагать, что крючки изготавливались из тянутой нахолодно проволоки. Такой вывод подтверждается исследованием микроструктуры, характеризующейся наличием большого числа мелких зерен и линий скольжения (рис. 1, *б*).

Все исследованные браслеты, за исключением одного, сделанного из меди, оказались латунными. Олово и свинец в браслетах присутствуют в качестве очень незначительных примесей. Металлографическое исследование показало наличие однофазной структуры для всех браслетов (рис. 2). Структура браслетов характеризуется наличием двойников и небольшого числа линий скольжения. На поверхности некоторых браслетов видны следы ковки (гранность, следы ударов молотка). Ковка их, очевидно, проводилась в холодном состоянии с последующим отжигом, способствовавшим повышению пластичности проволоки, из которой изготавливался браслет. Для витых браслетов, изготовленных из тонкой проволоки с правильным круглым сечением и продольными параллельными рисками на поверхности, использовалась волоченая проволока.

Спектральные анализы показали, что фибулы (рис. 3, *а*) изготавливались из меди, бронзы и латуни. Во всех медных фибулах в качестве примесей имеются олово, свинец и цинк. Латунные фибулы имеют примеси олова и свинца. Микроструктура фибул характеризуется раздробленностью зерен с некоторой вытянутостью и наличием линий скольжения. Такая структура позволяет предположить, что проволока для фибулы была изготовлена нахолодно. Затем эта проволока отжигалась и из нее изготавливалась фибула.

Фибула имеет многофазную структуру (рис. 3, *б*) и большое количество пор, настолько крупных, что некоторые из них видны невооруженным глазом. Это позволяет говорить о том, что фибула была изготовлена отливкой без последующего отжига и обработки давлением.

Ключи-кольца (рис. 4, *а*) изготавливались из свинцовистой бронзы с примесью цинка. В микроструктуре ключей (рис. 4, *б*) видны округлые рассеянные включения свинца. Для структуры характерно дендритное строение; оси дендритов темные, междуосное пространство более светлое. Такая структура типична для литых изделий. Можно предположить, что подобные ключи изготавливались литьем в пластичную форму, очевидно в глиняную.

Рис. 2. Микроструктура кованого браслета. Увел. 270

Пилочка изготовлена из малооловянистой бронзы с примесью свинца, цинк в составе сплава отсутствует. В микроструктуре пилочки видны деформированные зерна с двойниками и большим количеством линий скольжения.

При исследовании микроструктуры в сечении хорошо видна трещина, продолжающаяся почти по всей высоте пилочки, не доходя, однако, до конца. Даже при небольшом увеличении видно, что трещина является некачественно выполненным сварным швом. По-видимому, пилочка была изготовлена следующим образом. Для повышения твердости и уплотнения металла малооловянистая бронзовая пластина была подвергнута интенсивной проковке до трещины около 0,5 *мм*. Затем для получения большей толщины полотна пилочки пластина была перегнута и подвергнута кузнечной сварке. Сварка, очевидно, производилась без флюса, и поэтому сварной шов имеет невысокое качество. После сварки и повторной проковки в холодном состоянии нарезались зубья пилы.

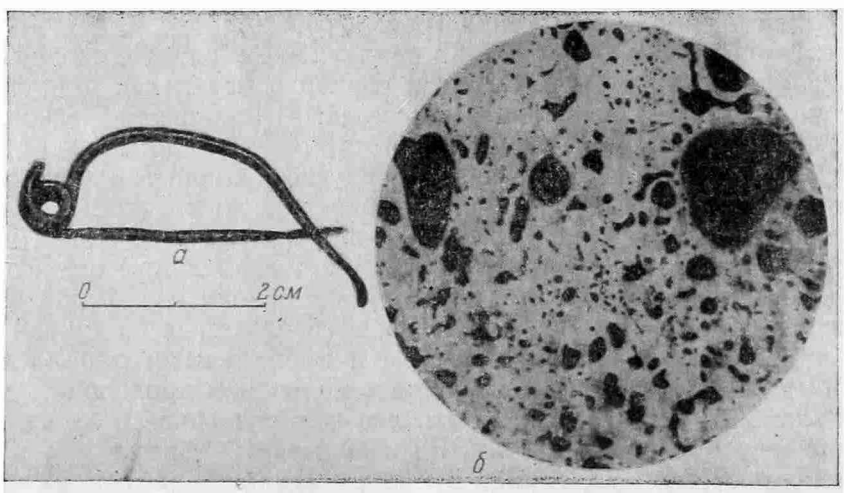


Рис. 3.

а — внешний вид фибулы из тянутой проволоки; *б* — микроструктура литой фибулы. Увел. 70

Для сравнения позднеантичных литых изделий из цветных металлов с раннесредневековыми по химическому составу, характеру сплавов и технике изготовления нами были проведены спектральные и металлографические анализы раннесредневековых пряжек и монет.

Поясные пряжки. Две из исследованных пряжек оказались бронзовыми, а одна, по-видимому, изготовлена из латуни (рис. 5, *а*). Во всех пряжках в большом количестве присутствуют свинец и цинк. Металлографический анализ также показал наличие большого количества свинца в структурах всех пряжек, равномерно рассеянного по всему сечению

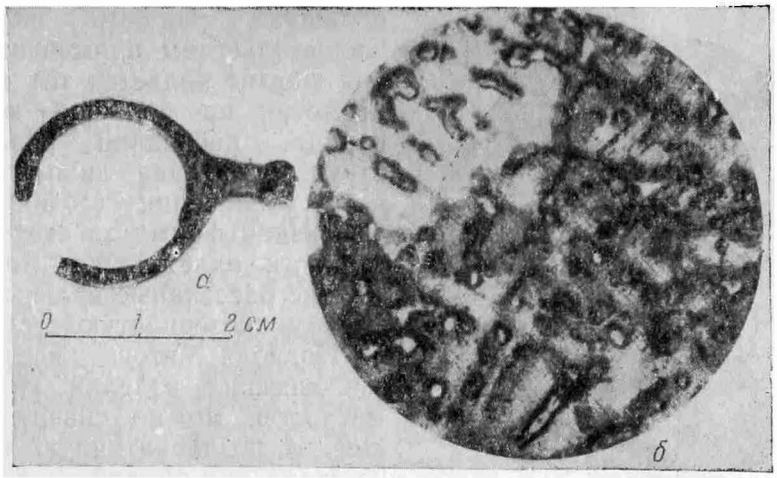


Рис. 4.

а — внешний вид ключ-кольца; *б* — микроструктура ключ-кольца. Увел. 200

отливки (рис. 5, *б*). Хотя обычно из-за разницы в удельном весе при большом количестве свинца в сплавах происходит расслоение (ликвация) компонентов, и равномерное распределение свинца получить бывает трудно, но в данном случае это, по-видимому, не имело значения, так как сечение отливки очень мало. Быстро возникающие и растущие оси дендритов твердого раствора, очевидно, препятствовали ликвации свин-

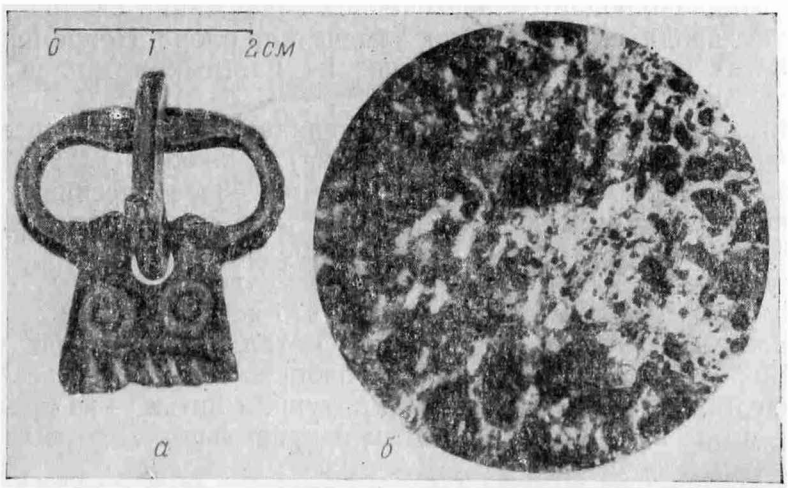


Рис. 5.

а — внешний вид пряжки; *б* — микроструктура пряжки. Увел. 200

ца. Литая дендритная структура и точность воспроизведения врезного орнамента на поверхности пряжки, отпечатки следов заглаживания поверхности формы и наличие следа разъема формы позволяют предполагать, что пряжки отливались в форму по выплавляемой модели.

Все монеты оказались бронзовыми с большим количеством свинца и примесью цинка. Количество олова в монетах различно, а в одной из мо-

нет Романа I олово наблюдается в виде совсем незначительной примеси. В остальном химический состав раннесредневековых монет, как и пряжек, не отличается от позднеантичных херсонесских сплавов.

Микроструктура монет представляет собой многофазное дендритное строение (рис. 6). Монеты, по-видимому, изготавливались путем отливки в жесткую массивную форму, возможно каменную. Такая форма дает большую скорость охлаждения. Свидетельством применения подобной формы является тот факт, что, несмотря на большое количество свинца, последний различим в структуре сплава лишь при большом увеличении (× 500). Только массивная форма за счет большой скорости охлаждения может дать мелкие рассеянные включения свинца и мелкозернистую структуру.

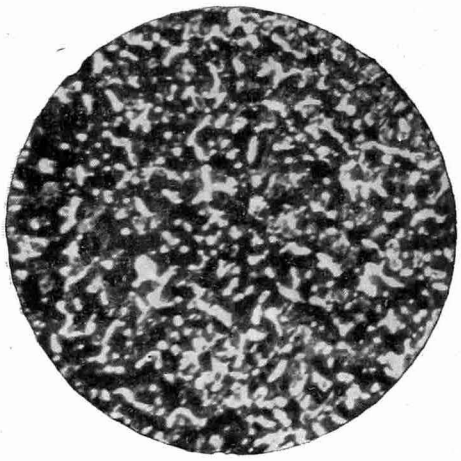


Рис. 6. Микроструктура монеты Романа I. Увел. 270.

Подводя итоги исследованию херсонесских изделий из цветных металлов, можно сказать следующее. В позднеантичную эпоху для изготовления орудий труда, предметов быта и украшений широко использовались медь, бронза и латунь. Бронза и латунь, по-видимому, производились на месте из привозного сырья. Химический состав остатков литья и готовой продукции позволяет говорить о том, что в Херсонесе использовалась медь, выплавляемая из сульфидных руд. Об этом свидетельствуют такие примеси, как мышьяк, никель, сурьма, кобальт. Цинк вводился в сплавы главным образом в качестве компонента, так как в медных изделиях примесь цинка зафиксирована лишь в единичных случаях. В позднеримских и раннесредневековых бронзах наблюдается повышенное содержание свинца, который, по-видимому, вводился в сплав как заменитель олова. Непременной примесью во всех херсонесских изделиях из цветных металлов является серебро.

По технологическим признакам применявшиеся в Херсонесе сплавы можно подразделить на литейные (бронза) и ковкие (латунь). Литейные сплавы использовались для изготовления более массивных изделий сложной конфигурации, а ковкие сплавы и медь — для изготовления кованых предметов и проволоки. Такое применение сплавов в производстве прослеживается при изготовлении всех исследованных образцов. Это может служить свидетельством того, что херсонесские мастера были хорошо знакомы со свойствами цветных металлов и сплавов. Следовательно, теперь можно с уверенностью говорить о том, что все кованые изделия изготавливались из меди или латуни, а литые — из бронзы, редко латуни, но не из меди, как об этом неправильно пишут в отчетах об исследованиях Херсонеса.

При изготовлении изделий из цветных металлов и сплавов применялись литье в пластичную и жесткую форму, горячая и холодная ковка и волочение. В необходимых случаях в процессе изготовления изделий из цветных металлов применялась кузнечная сварка. Некоторые изделия после холодной ковки подвергались отжигу для снятия наклепа, вызванного ковкой. Обычно отжигу подвергались изделия, которые в процессе дальнейшей обработки должны были изгибаться.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что в позднеантичном Херсонесе литейное дело и обработка цветных металлов были на довольно высоком уровне, несмотря на отсутствие собственной сырьевой базы.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

МАГИЯ И ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ В ЧЕРНЯХОВСКУЮ ЭПОХУ

Доводы в пользу культурно-этнического единства населения, оставившего памятники черняховского типа, основываются не только на сходстве вещевого комплекса, но прежде всего на поразительном единообразии всех элементов культуры и ее эволюции, а также на сходстве идеологических представлений на огромных территориях [1]. Новые важные доказательства родства всего черняховского населения дают результаты изучения магических культовых представлений, прослеживаемых по обряду погребения. При работах на могильниках черняховского типа в Среднем и Нижнем Поднепровье, Побужье и Поднестровье, то есть фактически во всех основных областях, где встречаются памятники полей погребений II—V вв. н. э., неоднократно были встречены разрушенные погребения с трупоположениями. Первооткрыватель черняховской культуры В. В. Хвойко выделил их в отдельную группу погребений «с недостающими частями скелетов». Автор считал, что разрушения произведены или в результате земляных работ или же здесь следует усматривать попытку к ограблению трупа [2]. Сведения о разрушении могил находим мы и у А. А. Спицына [3]. В. П. Петровым было высказано предположение, что трупы хоронили в полусидячем положении, в результате чего кости сползали и смешивались. Он допускал также, что смещение могло происходить и в результате ограбления могил [4]. Последнюю точку зрения поддержал и Э. А. Рикман после раскопок Будештского могильника в Молдавии [5]. Наблюдения Е. В. Махно при раскопках Переяслав-Хмельницкого могильника на Среднем Днепре, и автора настоящей статьи при раскопках могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре, привели обоих к одинаковым выводам о преднамеренном характере разрушений могил, но не с целью ограбления [6]. Г. Б. Федоров, встретив следы разрушений костяков при раскопках Малаештского могильника в Молдавии, объяснил это явление деятельностью грызунов [7].

[1] Э. А. Сымонович. О единстве и различиях памятников черняховской культуры. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 84—107.

[2] В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, XII, вып. 1 и 2, новая серия, СПб., 1901, стр. 184.

[3] А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 63.

[4] Д. Т. Березовец, В. П. Петров. Лохвицкий могильник. МИА, 82, 1960, стр. 90; В. П. Петров, М. Л. Макаревич. Масловский могильник. Рукопись, Архив ИА АН УССР.

[5] Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища. МИА, 82, стр. 322.

[6] В. К. Гончаров, Є. В. Махно. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницкого. Археологія, XI, 1957, стр. 142; Э. А. Сымонович. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре. МИА, 82, стр. 195—197.

[7] Г. Б. Федоров. Малаештский могильник. МИА, 82, стр. 276.

Следует рассмотреть все варианты, при которых в могиле оказывается разрушенный или неполный костяк. Кроме вышеприведенных случаев, известно и неполное, частичное захоронение трупа, а также случаи погребения в одну и ту же яму другого индивидуума, причем нередко повреждался ранее захороненный костяк (по Е. Беннингеру) [8]. Между тем ни одно из выше высказанных предположений не может служить объяснением всех особенностей разрушения могил в черняховское время.

Первое предположение, что здесь мы имеем дело с ограблением трупов, отпадает уже потому, что инвентарь, сопровождающий многие из поврежденных или даже уничтоженных костяков, как правило, полностью сохраняется. Характерно, что во многих случаях перекопан не весь скелет. При ограблении могил, как это прослежено на позднескифских могильниках в Неаполе Скифском и Золотой Балке, костяк в ограбленном захоронении всегда разворошен полностью. Наконец, судя по сохранившимся целиком захоронениям, в черняховскую эпоху хоронили покойников без драгоценностей. Находка единственной золотой монеты более чем на 250 погребений в Черняхове и одно серебряное колечко почти на сотню погребений могильника у овчарни совхоза Приднепровского в этом отношении являются убедительной иллюстрацией. Инвентарь, как уже отмечалось, обычно в разрушенных могилах сохраняется.

Высказанное В. П. Петровым предположение, что смещение костей скелета вызвано захоронением в сидячем или стоячем положении, исключается ввиду того, что часто недостает многих костей умершего, а оставшиеся кости бывают нередко сконцентрированы в разных участках длинной могильной ямы.

Смещение скелетов грызунами даже в пустых, незасыпанных землей могилах, как например, в подбоях или склепах, никогда не приводит к таким всеобщим разрушениям, какие мы видим на черняховских кладбищах. Кроме того, след грызуна хорошо виден в лёссовой почве и смещение грызуном одной или нескольких костей отлично фиксируется.

Гораздо больше оснований допускать на черняховских могильниках захоронение частей скелетов. Известно существование частичных захоронений в родственной и предшествующей черняховским памятникам зарубинецкой культуре [9]. Подобные захоронения встречены и в черняховских могилах. Так, Э. А. Рикманом на Будештском могильнике отмечены захоронения черепов. Однако захоронение части скелета на черняховских могильниках хотя и не исключено, но не типично. Обычно отдельно лежащие длинные кости или остатки черепа в могилах, где остальные кости отсутствуют, принадлежат детям, а мы знаем, что детские кости часто истлевают без остатка. Как правило, в разрушенных черняховских могилах кости перемешаны, что исключает захоронение части трупа. Нередко часть костей скелета прослеживается в заполнении могильной ямы, а другая часть на дне ее. Например в погребении № 8, в Журавке Ольшанской Черкасской области часть костей и находок в могиле залегала на глубине 0,60—0,65 *м*, а оставшиеся кости скелета располагались в беспорядке на дне могилы, имеющей глубину 0,85 *м* (рис. 1). Отметим, что как в разрушенных, так и в неразрушенных черняховских могилах всегда встречаются кости, принадлежащие только одному человеку. Это исключает предположение, что разрушение погребения могло произойти в результате захоронения покойников одного над другим.

Исключив вышеприведенные предположения о причинах разрушения погребений, отметим, что перекапывались только могилы, содержащие

[8] E. Benninger. Die Leichenzerstückelung als vor- und frühgeschichtliche Bestattungssitte. Anthropos, XXVI, 5—6, Wien, 1931, стр. 769—781.

[9] И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник. МИА, 70, 1959, стр. 68—69.

захоронения с северной ориентировкой покойников. Эти могилы содержат наиболее ранние погребения с трупоположениями. Время их существования ограничивается II—IV вв. н. э. Во второй половине III—IV вв. их вытесняют (какое-то время сосуществуют с ними) погребения, почти не содержащие инвентаря, ориентированные головой на запад[10]. Насколько позже V в. н. э. продолжают встречаться последние, в настоящее время сказать затруднительно.

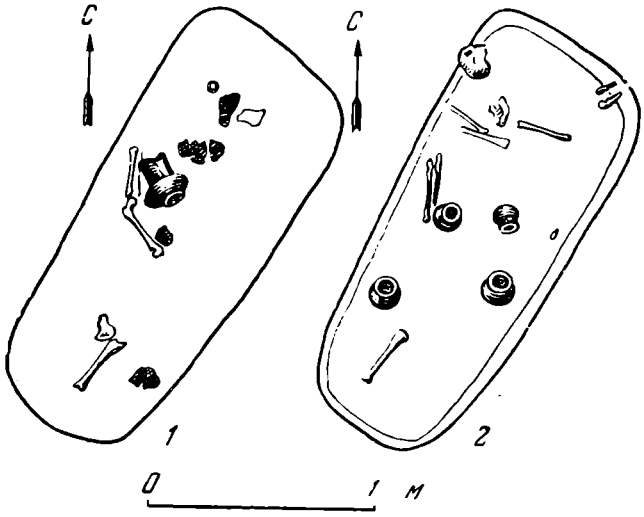


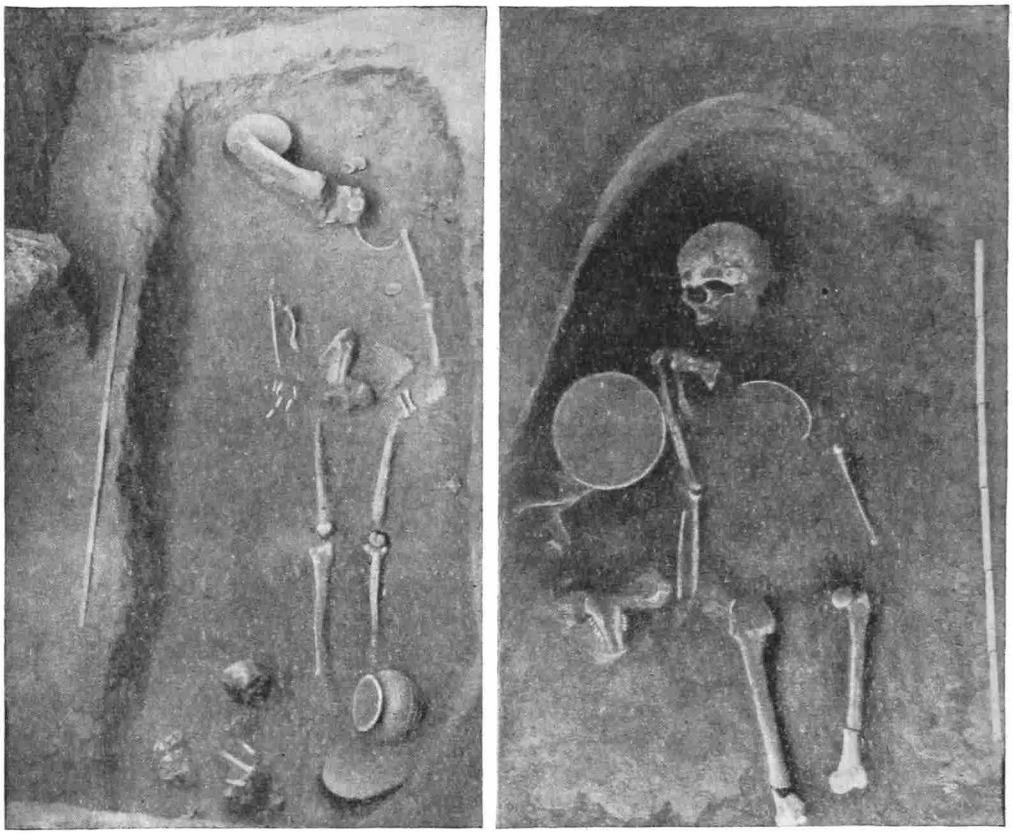
Рис. 1. План расчистки разрушенного погребения № 8 из Журавки Ольшанской

1 —заполнение могилы на глубине 0,6—0,65 *м*; *2* — дно могилы на глубине 0,85 *м*. Черным обозначены сосуды и их обломки

Погребения с северной ориентировкой бывают разрушены или частично или полностью. В первом случае всегда разрушалась верхняя часть туловища умершего. Иногда разбит или выброшен только череп, а иногда кроме того грудная клетка, руки и таз погребенного (рис. 2). Разрушители очевидно хорошо знали устройство могилы и подчас настолько точно рыли яму, что сразу же достигали черепа, и, обезглавив труп, зарывали яму, не притронувшись к остальным костям и инвентарю. Следует заметить, что могильные ямы этого типа имели достаточную ширину, так что прокопать яму, не задев стенок могилы, было нетрудно. Лишь в некоторых случаях могила оказывалась деформированной в результате перекапывания. Наблюдения Э. А. Рикмана на Будештском могильнике привели исследователя к выводу, что перекапывание могил производилось без нарушения их формы, что совпадает с нашими наблюдениями в районах Поднепровья. Так были разрушены погребения № 70 и 97 могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре, ряд погребений в Телешевке, Журавке Ольшанской, Деревянном, в центральных областях Украины и пр. Знание расположения костяка разрушителями говорит за то, что могилы перерывали ближайшие после умерших поколения, знавшие хорошо их устройство. Найти место могилы им помогали, вероятнее всего, холмики земли, а может быть и какие-то знаки или сооружения, обозначавшие места захоронений.

В могилах другой группы, то есть полностью разрушенных, все кости скелета оказываются перемешанными. Иногда большая часть скелета бывает выброшена и в могилах остаются отдельные кости. Типичный пример полного разрушения погребения дали пробные раскопки могильника в с. Малый Ржавец на Росаве. Там от захоронения остались только два обломка длинных костей, фрагменты двух гончарных сосудов и один

[10] Попытка классифицировать погребения с трупоположениями по другим несущественным признакам, которую предпринял Э. А. Рикман, основываясь на материалах Будештского могильника, неудачна. Э. А. Рикман. Могильник первых столетий новой эры у с. Будешты в Молдавии. СА, 1958, 1, стр. 188—189; его же. Жилища Будештского селища, стр. 322—326. Каждые новые раскопки могильников в разных областях Украины подтверждают более раннее время трупоположений с северной ориентировкой и более позднее — с западной ориентировкой.



1 *2*

Рис. 2. Частично разрушенные черняховские погребения с северной ориентировкой в Среднем Поднепровье

1 — погребение № 1 в с. Телешовка; *2* — погребение № 1 в с. Деревянное

неразбитый горшок. Подчас в одних и тех же могильниках встречаются погребения с северной ориентировкой как полностью перекопанные, так и частично разрушенные. Так, в упоминавшемся уже могильнике в с. Малый Ржавец у второго исследованного погребения была уничтожена только верхняя часть туловища, и кости брошены беспорядочной грудой в северной стороне могильной ямы, выше уровня дна могилы. Среди них лежал костяной многочастный гребень, скрепленный бронзовыми гвоздями. Ноги же погребенного находились в анатомическом порядке, но были задеты современным карьером для разработки глины.

Подобное же сочетание полностью и частично разрушенных скелетов встречено также нами в Журавке Ольшанской в Черкасской области и на могильнике у овчарни совхоза Приднепровского в Нижнем Поднепровье. Следует отметить, что во всех перекопанных могилах взрослые скелеты разрушены в местах сочленений костей, а сами кости были неполоманными, т. е. очевидно могилы перекапывались тогда, когда костяки еще не успевали совсем истлеть.

Потревоженные захоронения первого или второго типа известны в могильниках: Ромашки, Черняхов, Маслово, Лохвица, Переяслав-Хмельницкий, Деревянное, Телешевка, М. Ржавец, Журавка Ольшанская, Августиновка, Федоровка (?), овчарня совхоза Приднепровского, Данилова Балка (?), Будешты, Малаешты, то есть почти на всех могильниках, подвергшихся раскопкам (рис. 3). В полностью раскопанном нижнеднепровском могильнике у овчарни совхоза Приднепровского они

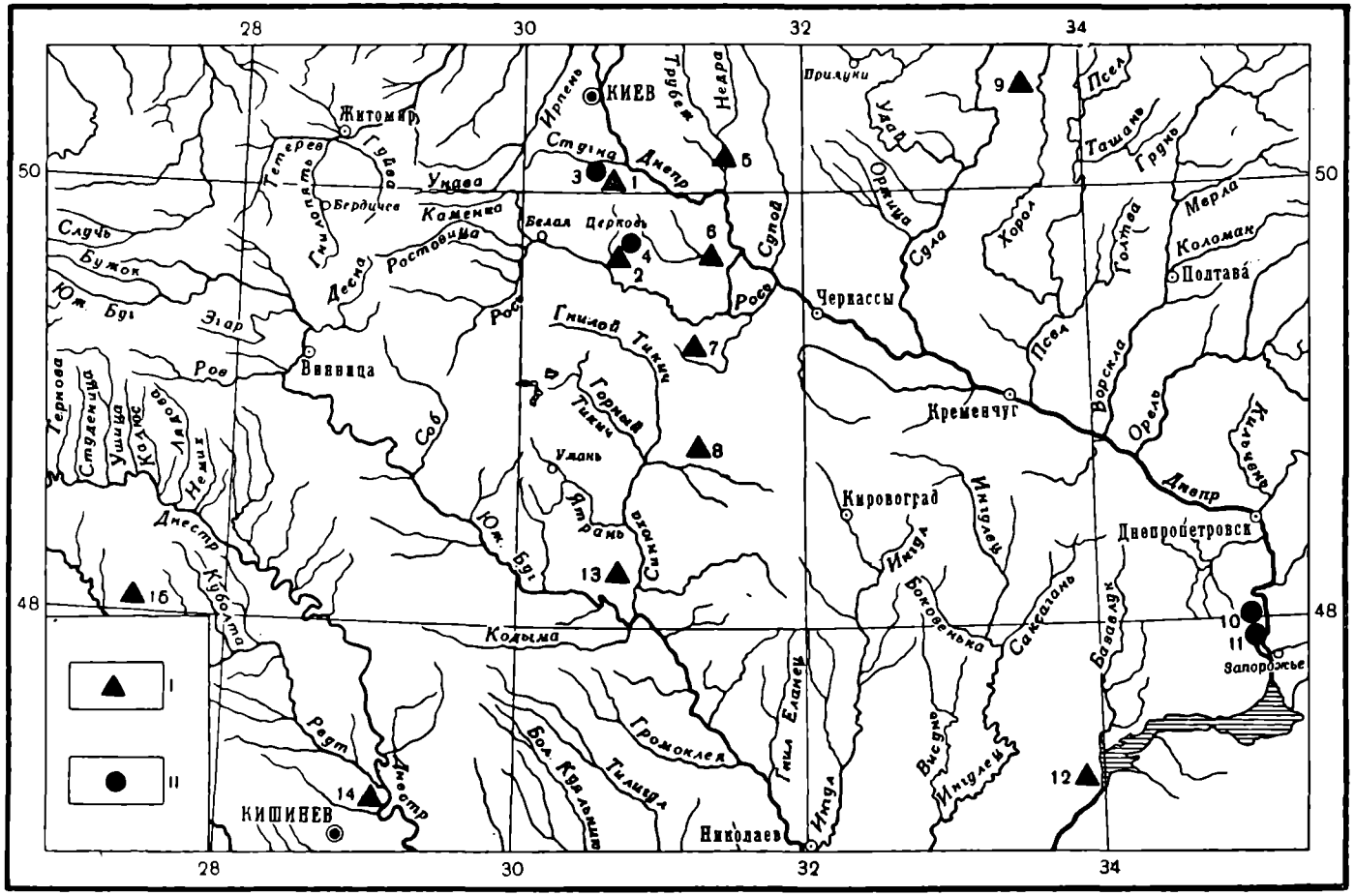


Рис. 3. Карта могильников черняховского типа с разрушенными погребениями

I — могильники с разрушенными погребениями с северной ориентировкой и с погребениями, обращенными головой на запад; II — могильники с разрушенными погребениями с северной ориентировкой (раскопаны частично)

1 — Черняхов; *2* — Ромашки; *3* — Деревянное; *4* — Телешовка; *5* — Переяслав-Хмельницкий; *6* — Малый Ржавец; *7* — Журавка Ольшанская; *8* — Маслово; *9* — Лохвица; *10* — Федоровка (?); *11* — б. Августиновка; *12* — Гавриловка (овчарня совхоза Приднепровского); *13* — Данилова Балка (?); *14* — Будешты; *15* — Малаешты

составляли почти половину всех погребений с северной ориентировкой (13 из 29).

В то же время в могильниках, где известны погребения только с северной ориентировкой, разрушенных погребений нет (Каменка, Привольное, Ново-Александровка (?), Волосское, Кантемировка [11]. Это обстоятельство, наряду с тем, что мы почти не знаем разрушенных погребений с западной ориентировкой, которые, как отмечалось, близки по времени погребениям с северной ориентировкой, но позже появляются и дольше продолжают существовать, позволяет утверждать, что могилы с северной ориентировкой разрушало именно то население, которое оставило захоронения с западной ориентировкой.

Следует оговориться, что в отдельных случаях повреждались и погребения с западной ориентировкой. Так в Ромашковском могильнике у одного из погребенных, ориентированного на юго-запад, не оказалось черепа. В этом погребении отмечено четыре сосуда и «лукообразная» фибула. Остальные погребенные, обращенные головами на запад, представляли собой обычные непотревоженные почти безынвентарные захоронения [12].

Необходимо также отметить, что по материалам старых раскопок В. В. Хвойко в Черняхове, а отчасти и в Ромашках нельзя составить достаточно ясного представления о соотношении захоронений, ориентированных головами на запад и юго-запад, и погребений с северной ориентировкой.

В новейших раскопках разрушенные погребения с западной ориентировкой, по сообщениям авторов раскопок В. К. Гончарова и Е. В. Махно, были встречены в Переяслав-Хмельницком могильнике. Там было отмечено пять таких случаев на 40 раскопанных погребений [13]. Однако в публикации не приведено общего плана исследованных погребений или хотя бы планов отдельных захоронений данного типа. Возникают сомнения, не могли ли в это число попасть и могилы с северной ориентировкой, но имеющие довольно сильные сезонные отклонения от меридиональной оси, в сторону запада? В ряде случаев (погребения № 8, 11, 17) авторы говорят о западной ориентировке разрушенных погребений, основываясь на находке черепа под западной стенкой могилы. Так как ориентировка могильных ям разрушенных погребений при этом не указана, то находки черепа не in situ ничего не говорят о положении костяка до разрушения.

Так как авторы публикации пишут о разрушении ряда могил современными земляными работами, не исключено, что в их число попали и погребения с западной ориентировкой, а перекопы были в статье не отмечены.

Как были взаимосвязаны и в какой степени этнического родства находились носители той или другой групп захоронений с трупоположениями — сказать трудно. По характеру антропологических материалов они не могут быть противопоставлены [14]. Близки они и по времени. Эти обстоятельства говорят о том, что в связи с изменениями идеологических, культовых представлений и соответственным изменением обряда погребения, некоторые прежние обычаи стали, по-видимому, представляться новым поколениям неправильными и опасными. Угроза вреда от мерт-

---

[11] Исключение составляют пункты в Деревянном, б. Августиновке, Телешевке, где были доследованы единичные погребения с северной ориентировкой, разрушаемые обрывом берега. Широких раскопок, которые бы могли установить наличие погребений, обращенных головою на запад, там не производилось.

[12] В. Козловська. Новіші археологічні досліди на терені Білоцерківщині. ХАМ, ч. 2, Київ, 1930, стр. 41.

[13] В. К. Гончаров, Є. В. Махно. Ук. соч., стр. 140—141.

[14] Т. С. Кондукторова. Палеоантропологический материал из могильника полей погребальных урн Херсонской области. Советская антропология, 1958, 2, стр. 70—71.

вых предков требовала их обезвреживания, что и достигалось путем перекапывания могил [15].

Обычай разрушать могилы известен у многих народов. В русской этнографии одной из специфических черт культа заложных покойников, описанного Д. Зелениным, является стремление к обособлению от лиц, умерших злой смертью, или чужаков, еретиков или колдунов-чародеев. В случае засухи, мора и пр. этим лицам приписывается причиненное зло, и могилы таких людей перекапывали, умерших поливали водой (в случае засухи), в других случаях уничтожали костяк, забивали в умершего кол и т. д. [16] Обычай этот восходит к глубокой древности. А. Афанасьев приводит для доказательства «Слово» Серапиона, направленное против выкапывания мертвых (XIII в.) или «Послание» Максима Грека (XVI в.), посвященное той же теме («раскопаем окоянного и извержем его негде дале и непогребена покинем») [17].

Обычай разрушать погребения был распространен в древние времена как у европейских, так и неевропейских народов.

В специальной статье, посвященной этому вопросу, Е. Беннингер собрал большой материал, причем, как он отмечает, особенно привился обычай разрушать погребения, начиная с эпохи переселения народов [18]. В самом деле, изучение меровингских погребений Е. Салиным [19] и аварских погребений Я. Эйснером и В. Будинским [20] подтверждают это наблюдение. Характерно, что нарушение могил, например у авар, носит, так же как и в черняховской культуре, массовый характер. Однако и в предшествующий период, в латенскую эпоху и римское время этот обычай был известен. Например, Блажей Бенадик, в содружестве с другими авторами специально изучавший кельтские погребения на юго-западной Словаччине, говорит с случаях разрушения могил у кельтов, хотя и не останавливается подробно на объяснении этого обычая [21].

Обратим также внимание на то, что на могильниках черняховского типа за рубежом, в Румынии по наблюдениям В. Ковач и Р. Вульпе мы

---

[15] Детские захоронения также могли казаться опасными для живых. Судя по этнографическим материалам на Украине, например, погребения некрещеных детей — потерят, которые после смерти превращались в мавок, представляли, по местным верованиям, большую угрозу для живущих (см. П. Чубинский. Труды этнографической и статистической экспедиции в юго-западный край. IV, СПб., 1877).

[16] Д. К. Зеленин. Древнерусский языческий культ «заложных покойников». Изв. АН, VI серия, Птгр., 1917, стр. 399—414; его же. К вопросу о русалках. Живая старина, 1911, год XX, СПб., 1912, стр. 363—406; Е. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М.—Л., 1957, стр. 39—40; Д. Фрезер. Золотая ветвь. Л., 1948, стр. 98.

[17] А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. III, М., 1869, стр. 572.

[18] E. Benninger. Ук. соч., стр. 777, 778.

[19] E. Salin. La civilisation Mérovingienne d'après les sépultures. Paris, 1952, стр. 346—354. «Обычай обезглавливать труп был практически обычным, но нерегулярным, поскольку прослежены случаи изолированно, на одном и том же могильнике. Ритуальное обезглавливание практиковалось только в некоторых обстоятельствах, еще необъясненных» (стр. 347). Этот обычай «должен был быть вызван страхом, который мертвые вызывали у живущих» (стр. 354). Как сообщает Е. Салин, у древних германцев подобный обычай также был распространен.

[20] Vojtech Budinský-Krička. Pohrebisko z neskorej doby avarskej v Žitavskej Tôni na Slovensku. SA, IV, 1, 1956, стр. 46, 59. «В то время как детские могилы (в Житавской Тони.— *Э. С.*) были без признаков нарушения, могилы взрослых без коня... были все разрушены, а из могил всадников была ненарушенная лишь могила 26. Неестественное положение костей в этих могилах... было связано, вероятно, с нарочным нарушением скелета... В некоторых случаях, скорее всего по суеверию, нарушали естественное положение, главным образом головы... J. Eisner допускает, что в некоторых случаях нарушение и опустошение могил произошло из-за веры в вампиров». Нарушителями могли быть «старожилы, которые после гибели аварского могущества из-за веры в магию или каким-либо иным причинам открывали могилы своих бывших повелителей» (русское резюме, стр. 69).

[21] Blažej Benadik, Emannel Vlaček, Cyril Ambros. Keltské pohrebiska na jugozápadnom Slovensku. Bratislava, 1957, стр. 116.

встречаемся с таким же обычаем, как и на Украине [22]. Таким образом, поверья о вредоносном действии умерших спорадически возникали и распространялись в определенных этно-культурных группах. Для нас не так важно установить, откуда первоначально к населению, оставившему черняховскую культуру, пришел обычай перекапывать могилы и расчленять трупы. Гораздо интереснее, в чем его специфика на нашей территории. Такую особенность, харатерную для местных племен, мы усматриваем в обычае разрушать только погребения с северной ориентировкой, причем прежде всего уничтожать верхнюю часть туловища или голову мертвеца.

Не распространялся ли обычай разрушать погребения предшественников также на погребения с трупосожжениями? Как известно, на многих черняховских могильниках были отмечены следы уничтоженных погребений с трупосожжениями. Последние обычно закопаны на глубине менее 1 *м*, и исследователи объясняли их разрушение вспашкой или размывом почвенного покрова. Так еще В. В. Хвойко объяснял разрушение могил с трупосожжением в Черняхове как результат вспашки [23]. На Масловском могильнике обломки керамики в слое дали повод исследователям предполагать разрушение могил с сожжением в результате земляных и земледельческих работ [24].

В Молдавии на могильнике Малаешты встречены обломки сосудов, позволяющие думать, что погребений с трупосожжениями было больше, чем их обнаружено [25].

Нельзя ли в вышеприведенных примерах усматривать следы преднамеренного разрушения захоронений?

По-видимому, нет. Для выяснения этого вопроса важными являются раскопки на могильниках у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре и, судя по описанию Г. Б. Федорова, на Малаештском могильнике в Молдавии [26]. На этих памятниках древний чернозем был перекрыт в позднейшие времена слоем глинистого намыва, нанесенного с ближайших склонов. Под этим стерильным глинистым слоем находятся погребения как с сожжением, так и с трупоположением. На могильнике у овчарни совхоза Приднепровского не встречено преднамеренно разрушенных погребений с кремацией. Вероятно сожжение, очищение трупа огнем рассматривалось как мера, отнимающая у души усопшего возможность вредить живым.

Обычно в обломках посуды черняховского типа, находимых на площади могильников, скорее всего следует усматривать остатки тризны, а вовсе не следы преднамеренно или случайно разрушенных погребений с трупосожжениями.

В связи с вопросом о разрушении могил следует обратить внимание на то, что в последние годы в советской археологической литературе возникло мнение о генетической преемственности черняховского населения

---

[22] V. Kovács. A marosszentannai népvándorláskori temetõ. Dolgozatok, III Koloszvar, 1912, стр. 250—367; R. Vulpe. Izvoare. Bibliotheca archaeologica, 1. Bucureşti, 1957, стр. 43—54. В Сентана де Муреш около $^1/_3$ всех погребений было разрушено. Там наряду с северной ориентировкой могил встречается западная. При этом костяки, ориентированные головами на запад, не содержат инвентаря и лежат без следов нарушения. В Извоаре непотревоженные погребения с западной ориентировкой Р. Вульпе отнес к позднесредневековому времени. Для датировки этих могил материал слишком незначителен. О существовании разрушенных захоронений в Спанцеве в Румынии мне любезно сообщил профессор Букур Митреа, который раскапывал этот могильник.

[23] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье, стр. 174.

[24] П. Смолічев. Археологічні досліди в околицях м. Златополя на Черкащині року 1926. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р., Київ, 1927, стр. 154—156; В. П. Петров, М. Л. Макаревич. Масловский могильник. Рукопись, Архив ИА АН УССР.

[25] Г. Б. Федоров. Итоги полевых работ советских археологов в 1955 году. ВАН СССР, 7, 1956, стр. 37; его же. Древние славяне и их соседи в Молдавии. Уч. зап. ИИЯЛ Молд. ФАН СССР (Серия историч., VI, Кишинев, 1957, стр. 241).

[26] Г. Б. Федоров. Малаештский могильник, стр. 254.

с позднескифскими и сарматскими племенами [27]. Между тем, характер разрушения позднескифских и сарматских могил свидетельствует о грабеже. Судя по раскопкам могильников Неаполя Скифского, Золотобалкинского и Николаевско-Казацкого, гробокопатели забирались в земляные склепы-камеры, содержавшие наиболее древние и богатые захоронения могильников. Проведя ход через свод или отвалив каменную плиту, закрывавшую вход, грабители очищали могилу, подчас вытаскивая для этого скелеты на поверхность. Так в Золотобалкинском могильнике было ограблено 7 из 17 раскопанных в 1958 г. склепов. На восточном некрополе Неаполя Скифского из общего числа 104 вскрытых могил было ограблено 14. Как исключение, встречаются на позднескифских могильниках и расчлененные захоронения и потревоженные коллективные погребения в склепах и ямах с подбоями, но они носят совершенно другой характер. Сарматские могилы, так же как и позднескифские, нередко бывают ограблены. В таких случаях картина, предстающая нашим глазам, также далека от ритуального разрушения черняховских могил, как далеки от них поздние скифские захоронения. Об ограблении подкурганных сарматских могил говорит П. Рау [28], К. Ф. Смирнов [29], В. П. Шилов [30] и многие другие [31].

Наблюдение Е. В. Махно о якобы ритуальном разрушении костяков в подкурганном сарматском могильнике Усть-Каменка на Нижнем Днепре пока является фактом обособленным, требующим подтверждения на дополнительном материале [32].

Особняком стоит вопрос о разрушении могил в дако-гетских областях. Так же как в черняховской культуре, там где господствует обряд трупосожжения, случаев преднамеренного разрушения могил не зафиксировано [33]. Между тем удивительное совпадение с черняховскими могильниками дает памятник липицкого типа на Гоевой горе [34], где прослежено сочетание погребений с трупоположением с северной и западной ориентировкой, причем среди первой группы некоторые оказались разрушенными. Это единичное явление требует внимательного изучения и объяснения [35].

Боязнь умершего, которая находила свое выражение в разрушении скелетов на черняховских могильниках, заставляла во многих случаях закладывать могилу камнями. Отдельные камни или своего рода каменная вымостка встречаются в могильных ямах захоронений как с северной, так и западной ориентировкой, хотя, следует заметить, этот обычай далеко не являлся обязательным для всех погребений.

---

[27] Ю. В. Кухаренко. Экономический строй и быт восточных славян в первой половине I тысячелетия. Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, стр. 64 сл.; И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, 1950, стр. 15 сл.; Г. Б. Федоров. О двух обрядах погребения в черняховской культуре. СА, 1958, 3, стр. 242 сл.

[28] P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, стр. 7—8, 14, 18.

[29] К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, 60, 1959, стр. 206—322.

[30] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, стр. 323—523.

[31] М. І. Вязьмітіна, В. А. Іллінська, Є. Ф. Покровська, О. І. Тереножкін, Г. Т. Ковпаненко. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень». АП, VIII, 1960, стр. 74, 75, 81 сл.

[32] Є. В. Махно. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці. АП, IX, 1960, стр. 37—38.

[33] M. Smiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce Wschodniej. Lwów, 1932 (см. раздел липицкая культура); М. Смішко. Доба полів поховань в західних областях УРСР. Археологія, II, 1948, стр. 104.

[34] К. В. Свешников. Могильники липицкой культуры в Львовской области. КСИИМК, 68, 1957, стр. 69.

[35] Попытка объяснения этих фактов была нами сделана в статье Э. А. Симонович. Об единстве и различиях памятников черняховской культуры. СА, XXIX—XXX, стр. 93.

* * *

Помимо общераспространенного в черняховское время обычая разрушать погребения предшественников, нами обнаружены случаи магических действий, совершаемых над умершими, характерные для областей Поднепровья. Так, на Нижнем Днепре встречены потревоженные могилы с северной ориентировкой, в которые брошены панцири черепах. В то же время панцири черепахи были отмечены в одном из самых северных черняховских могильников в с. Гурбинцы [36]. На упоминавшемся могильнике у овчарни совхоза Приднепровского в трех могилах из 106 обнаружены панцири черепах. Их количество колеблется от 3 до 5 штук в одной могиле. При этом залегали они выше дна могильной ямы, где лежали разметанные кости и остатки вещей, принадлежавших погребенному. У азиатских и индоевропейских народов с давних времен известно почитание в образе черепахи диска солнца (культ черепахи в Китае, древней Греции и т. д.) [37]. Не увеличивая число примеров этого распространенного культа, отметим, что уже не раз приходилось обращать внимание на существование в черняховской культуре обычая почитания солнца [38]. Это вполне естественно для народа-землепашца и скотовода, жизнь которого, тесно связанная с явлениями природы, зависела, в первую очередь, от животворящего солнца. Характерно, например, что угольки, символизирующие огонь, часто находят в черняховских могилах с трупоположениями как с северной, так и с западной ориентировкой на могильниках Поднепровья, Побужья и Поднестровья. В панцирях черепах, найденных в могилах, подвергшихся разрушению, также следует усматривать символы всеочищающего огня — солнца.

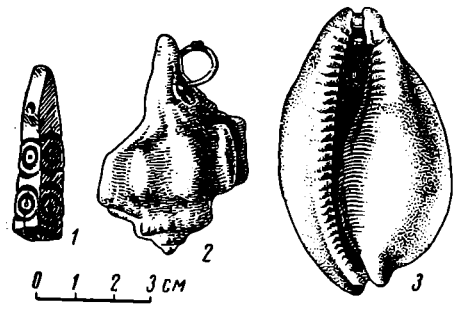


Рис. 4. Костяной четырехгранный амулет и морские раковины-подвески из погребений № 65 и 70 могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре

В том же нижнеднепровском могильнике в частично перекопанном погребении с трупоположением с северной ориентировкой (№ 65), у ног (непотревоженных при разрушении могилы), между бедренных костей были найдены: костяная пирамидальная подвеска, украшенная циркульными кружками со всех четырех сторон (рис. 4), и просверленная морская раковина с бронзовым колечком для подвешивания. Это был явно магический набор вещей. В другой могиле (№ 70) найдена морская раковина-подвеска (типа каури — рис. 4, *3*) и просверленная кость бобра. Костяные пирамидальные подвески встречаются во всех областях распространения черняховских памятников как ранних, так и поздних. Вот их перечень: б. Бизюков Монастырь [39], Вила Ярузская [40], Грушевка [41], Костянец [42], Лохвица [43], Максимовка [44], Ново-Александров-

[36] М. Макаренко. Археологічні досліди та розшуки на Прилуччині. Коротке звідомлення..., стр. 112.

[37] Л. Я. Штернберг. Первобытная религия. Л., 1936, стр. 388.

[38] Э. А. Сымонович. Две статуэтки коня из Побужья. КСИИМК, 72, 1958, стр. 27.

[39] В. И. Гошкевич. Древние городища низового Днепра. ИАК, 47, 1913, рис. 49.

[40] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, 4, стр. 186, рис. 13.

[41] Материалы из раскопок Э. А. Сымоновича в зоне затопления Каховской ГЭС в 1951 г.

[42] М. Ю. Смішко. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р. АП, III, 1952, стр. 369, табл. V, *10—11*.

[43] Д. Т. Березовец, В. П. Петров. Ук. соч., стр. 94.

[44] Выставка к объединенной сессии отделений исторических наук АН СССР и АН УССР 5—10 мая 1960 г. Раскопки Е. В. Махно, 1959 г.

ка [45], Гавриловка (совхоз Приднепровский) [46], Ромашки [47], Турия [48], Черняхов [49]. Кроме того, необходимо обратить внимание, что подобные подвески как исключение встречены на памятниках, не принадлежащих к черняховской культуре (с. с. М. Будки и Константиново б. Роменского уезда [50], Керчь [51]).

В ряде случаев эти подвески происходят с поселений и, следовательно, не являются специально принадлежностями похоронного ритуала. Размеры пирамидальных подвесок бывают разные, но длина их не превышает 5—7 *см*. Не регламентировано число кружков, которыми они покрыты. Циркульные кружки на этих подвесках дают основания видеть в них амулет, связанный с культом солнца, может быть даже символическое изображение солнечного божества. Циркульный орнамент нередко украшает в черняховской культуре столовую посуду, а также другие предметы, находившиеся в повседневном употреблении, как костяные гребни, бронзовые фибулы и пряжки. На посуде и гребнях эти кружки иногда имеют характер звездчатого знака. Возможно, что эти пирамидальные четырехгранные подвески у черняховцев, не знавших антропоморфных культовых изображений (по крайней мере в погребениях они не известны), символически изображали солнечное божество древних местных земледельцев. Вера в очистительное действие этих амулетов-символов заставляла их класть в некоторых случаях с магическими целями в могилы.

* * *

Таким образом, рассмотрев погребальные обычаи и некоторые предметы из могил, которые можно отнести к культовым, мы приходим к ряду заключений. Массовое разрушение ранних черняховских могил, содержащих погребения с северной ориентировкой, производилось несомненно с магическими целями,— для того, чтобы предохранить живых от воображаемого влияния умерших. Разрушения производило близкое по времени и, видимо, этнически родственное население, оставившее захоронения с западной ориентировкой, которые почти никогда не бывают перекопаны (если не учитывать указанные выше случаи). Нами уже было высказано предположение, что причины изменения погребального обряда и, в частности переход к западной ориентировке, связаны с изменениями культовых идеологических представлений в среде черняховского населения. Вероятно, это произошло в связи с распространением и принятием христианства некоторыми племенами, связанными с провинциально-римскими центрами. Выразительно характеризуют положение, сложившееся в среде местных племен, слова Квинта Септимия Флорента Тертуллиана, автора конца II — начала III в. н. э.: «Ведь в кого другого уверовали все племена, кроме Христа, который уже при-

---

[45] А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья. МИА, 82. Параллель этой находке А. Т. Брайчевская усматривает в подвеске из могильника в с. Привольном. Однако, если имеется в виду опубликованная Ю. В. Кухаренко подвеска из клыка животного с бронзовым навершием, тогда ее следует включить в другую группу амулетов (см. Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребения в с. Привольном. СА, XXII, 1955, стр. 137, табл. II, *20*).

[46] Ю. В. Кухаренко. Экономический строй и быт восточных славян... Очерки истории СССР, III—IX вв. См. рис. на стр. 75.

[47] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье, табл. XIX, *16*; М. Ю. Брайчевский. Ромашки. МИА, 82, стр. 111, 122, 125.

[48] Ю. В. Кухаренко. Клад из села Турии. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 149, рис. 51, *7*.

[49] М. Ю. Брайчевський. Стародавні східні слов'яни. Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957, см. рис. на стр. 325.

[50] Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., ИАК, 22, 1907, стр. 52, рис. 18.

[51] Фонды Гос. Эрмитажа, № 1820/501.

шел?.. Парфяне (Parthi), мидяне... и обитающие Понт и Азию (Asiam), и различные галльские племена и недоступные для римлян места Британии покорились Христу, *а также и страны* сарматов, даков, германцев, скифов и сверх того многих племен, областей и островов многих нам неизвестных, так что и перечислить их мы не в состоянии»[52]. Конечно, переоценивать подобные панегирические высказывания нельзя. Язычество соперничало с христианством еще во времена Киевской Руси, после признания христианства официальной религией. Да и прямых данных для доказательства распространения христианства в черняховскую эпоху у нас нет. Однако, предположение о принятии и распространении христианства является вполне допустимым и многое может объяснить в данном случае. Христианству у черняховцев предшествовал очевидно культ солнечного божества. Глубокую древнюю веру в силу огня — солнца новая распространяющаяся идеология не могла сразу вытеснить. Поэтому погребения с трупосожжениями не разрушались. Только постепенно в черняховской среде происходит вытеснение обряда кремации обрядом трупоположения с западной ориентировкой. Новые интересные данные о распространении культа огня — солнца дают находки в погребениях панцирей черепах и пирамидальных подвесок-амулетов, украшенных циркульными солярными знаками. Широкое распространение обычая разрушать с магическими целями погребения и новые доводы, подтверждающие почитание огня — солнца, являются еще одним доказательством этно-культурной близости племен на всей территории распространения черняховских памятников.

---

[52] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1949, 3, стр. 239.

В. М. ПОТИН

ФРАНЦУЗСКИЕ И ИТАЛЬЯНСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ КЛАДОВ X—XI вв. НА ТЕРРИТОРИИ СССР

При изучении монетных кладов обычно обращают внимание на количественно преобладающие в них монеты. Это закономерно, так как наиболее точные историко-нумизматические выводы, гарантированные от случайных обобщений, можно сделать при научной обработке массового материала. Но и редкие монеты, в немногих экземплярах примешанные к основному составу кладов, не должны оставаться вне поля зрения исследователя. Такие монеты могут послужить своего рода индикаторами, способствующими выяснению характерных особенностей клада, путей передвижения монетного серебра. К таким монетам мы можем отнести французские и итальянские денарии, найденные на территории древней Руси и Прибалтики. Среди многих тысяч монет различных государств, прежде всего Германии, в древнерусских кладах найдено всего 15 экземпляров французских и 16 экземпляров итальянских денариев. Три экземпляра итальянских монет обнаружены в пределах современной Эстонской ССР.

В русской и советской нумизматической литературе находки этих монет специально не изучались. Среди западноевропейских исследователей, касавшихся этого вопроса, можно назвать П. Хауберга, Н. Л. Расмуссона, Г. Гальстера, Т. Керсновскую и Ж. Лафори [1]. Но все перечисленные нумизматы, кроме Лафори, занимались почти исключительно ранними каролингскими денариями, чеканенными на территории Франции и Италии, почти не касаясь монет более поздней эпохи. Периоду X—XI вв. посвятил большую статью Ж. Лафори, которого в основном интересовали клады с французскими монетами на территории его родной страны и, в некоторой степени, такие же клады, обнаруженные в Западной и Центральной Европе. Перечень кладов Восточной Европы с французскими денариями в работе Ж. Лафори недостаточно полон [2].

---

[1] P. Hauberg. Les monnaies françaises du Moyen âge dans les trouvailles faites en Scandinavie. Procès-verbaux et mémoires du Congrès international de numismatique et d'art de la médaille contemporaine. Bruxelles, 1910, стр. 773—789; N. L. Rasmusson. Kring de Västerländska mynten i Birka. Отдельный оттиск из Från stenålder till rokoko. Studier tillägnade Otto Rydbeck den 25 augusti 1937 (б/г), стр. 113—135; G. Galster. Karolingske monter fundne i Danmark. NNA, 1951, стр. 28—40; J. Lafaurie. Le trésor monetaire du Puy (Haute — Loire). RN, серия 5, t. 14, Paris, 1952, стр. 59—169. Работа Т. Керсновской стала доступна автору уже после написания настоящей статьи. T. Kiersnowska. Monnaies carolingiennes sur les terres slaves. Wiadomosci numizmatyczne. V. 1961. Дополнительный выпуск «Polish numismatic news», 1961, стр. 90—98.

[2] J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 94.

Французские монеты были найдены в составе следующих кладов (в хронологическом порядке) [3] (рис. 1).

1. Новый Двор при р. Свислочь — притоке р. Березины (зарыт около 1000 г., известны 364 монеты) — 8 экз.— Лан, король Роберт II и епископ Адальберон (996—1031) [4].

2. Звенигород, на. р. Москве (1040 г., всего 1250 монет) —1 экз.— Руан, Ричард I Нормандский (943—996) [5].

3. Лодейное Поле (III), на р. Свири (1090 г., всего 2871 монета) — 1 экз., Париж, Генрих I (1031—1060) [6] (рис. 2, *1*).

4. Вихмязь, при р. Паше, притоке Свири (1090 г., всего 13 398 монет) — 4 экз., из них — Пуату, середина XI в.— 1 экз. (рис. 2, *2*); Мэн,

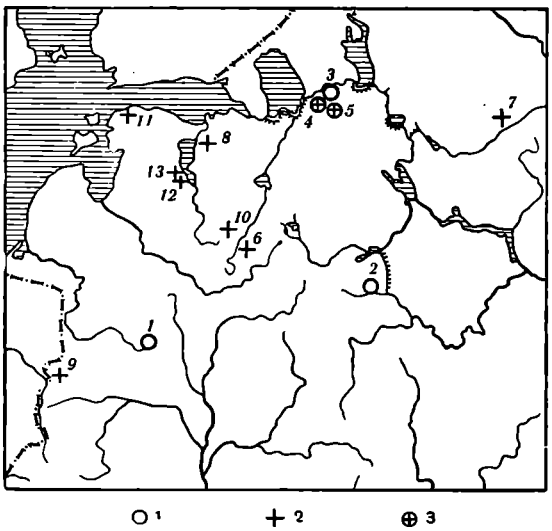


Рис. 1. Находки французских и итальянских монет X—XI вв. на территории СССР

1 — клады с французскими денариями;
2 — клады с итальянскими денариями;
3 — клады с французскими и итальянскими денариями

1 — Новый Двор; *2* — Звенигород; *3* — Лодейное поле (III); *4* — Вихмязь; *5* — Колголема; *6* — Васьково; *7* — Благовещенское; *8* — Нагинщина; *9* — Людвище; *10* — Ручьи; *11* — Кейла; *12* — Ряпина; *13* — Ару-

Герберт I (1015—1036) — 1 экз. (рис. 2, *3*); Мэн, Герберт II (1051—1062) — 1 экз. (рис. 2, *4*); Лан, король Роберт и епископ Адальберон (996—1031) — 1 экз.[7] (рис. 2,*5*).

5. Колголема, на р. Паше (вторая половина XI в., всего 4595 монет) — 1 экз., Париж, Генрих I (1031—1060) [8].

Итальянские денарии находились среди монет следующих кладов:

6. Васьково, в бассейне р. Ловати (после 1015 г., всего 4819 монет, из них 539 западноевропейских) — 1 экз., Павия, Оттон I—II (962—967) [9] (рис. 1, *6*).

---

[3] Не учитывались лотарингские монеты, чеканенные на территории *современной* Франции. Они составляют обособленную и довольно многочисленную в древнерусских находках группу и поэтому должны рассматриваться отдельно.

[4] N. Bauer. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts. ZfN, XXXIX, в. 1—3; Berlin, 1929, № 67, стр. 157; I. Iversen. Drei Funde mittelalterlichen Münzen in Russland. BBfMSW, VI, Berlin, 1871—1873, стр. 292, табл. LXXI, *13*; H. Dannenberg. Die deutschen Münzen der Sächsischen und fränkischen Kaiserzeit, I, Berlin, 1876, стр. 479, № 1264; т. II, Berlin, 1894, стр. 727; J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 94. Здесь и дальше номера кладов соответствуют номерам на карте (см. рис. 1).

[5] J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 94. Ср. B. de Koene. Ueber die im Russischen Reiche gefundenen abendländischen Münzen des X, XI und XII Jahrhunderts. Memoires de la Société impériale d'Archéologie, IV, St. Petersbourg., 1850, стр. 150—160.

[6] А. А. Маркова. Третий Лодейнопольский клад средневековых западноевропейских монет. НС, ч. II, М., 1957, стр. 136; Гос. Эрмитаж. Каталог 2662, № 414.

[7] Гос. Эрмитаж. Каталог 2528, № 58, 59, 60, 359. Монеты определены Н. П. Бауером.

[8] Гос. Эрмитаж. Книга поступлений 583, № 1261.

[9] N. Bauer. Die russischen Funde..., № 38, стр. 143.

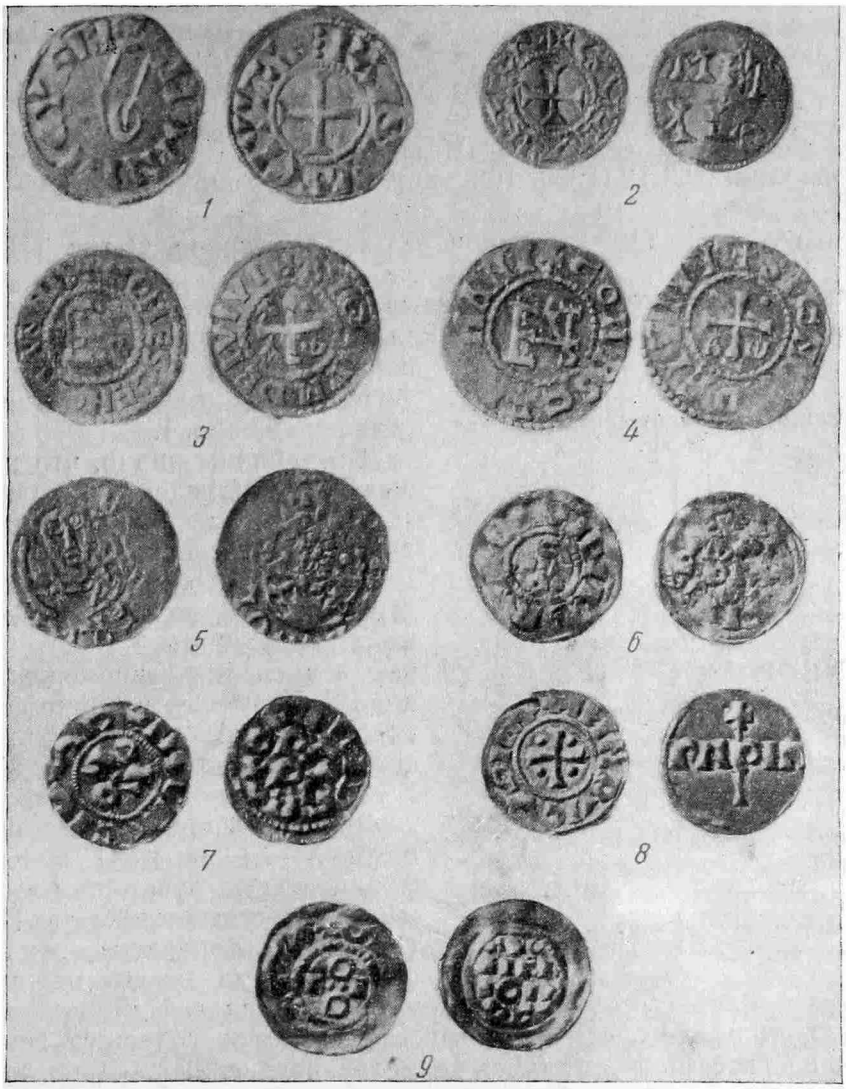


Рис. 2. Французские (1—5) и итальянские (6—9) монеты X—XI вв. на территории СССР. *1*—Париж, Генрих I, денарий; *2*—Пуату, обол; *3*—Мэн, Герберт I, денарий; *4*—Мэн, Герберт II; *5*—Лан. Роберт и Адальберон; *6* — Павия, Оттон I—II, денарий; *7* — Павия, Оттон II, денарий; *8*—Павия, Генрих II, денарий; *9*—Милан, Оттон II или III, денарий (№ 1— из Лодейнопольского клада, №№ 2—5 и 7—9 из Вихмязского клада, № 6 из Васьковского клада).

7. Благовещенское, на р. Устья (1030 г., всего 9 монет) — 4 экз., Павия, Оттон I (962—973) [10].

8. Нагинщина II, в бассейне р. Луги (после 1060 г., всего 837 монет) — 1 экз., Павия, Генрих II (1014—1024) [11].

9. Людвище, на водоразделе Западного Буга и Припяти (1060—1065 гг., всего 651 монета) — 2 экз., из них — Верона, анонимный чекан 1024—1026 гг.—1 экз., Верона, Генрих III (1039—1056) — 1 экз. [12].

В уже упоминавшемся кладе у дер. Вихмязь (1090 г.) — 4 экз., из них Павия, Оттон III (983—1002) — 1 экз. (рис. 2, *7*), Павия, Генрих II (1014—1024) — 2 экз. (рис. 2, *8*), Милан, Оттон II—III (983—1002) — 1 экз. [13] (рис. 2, *9*).

---

[10] N. Bauer. Nachträge zu den russischen Funden abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts. ZfN, XLII, 3—4, Berlin, 1935, стр. 175, № 15.

[11] Гос. Эрмитаж. Книга поступлений 583, № 1150, 1165, 1227.

[12] R. Gaetens. Der Fund von Ludwiszcze. Halle (Saale), 1934, стр. 99, № 296, 297.

[13] Гос. Эрмитаж. Каталог 2528, № 54—57.

В упоминавшемся выше кладе у Колголемы (вторая половина XI в.) — 3 экз., из них Павия, Оттон I (962—973) — 1 экз., Павия, Оттон III (983—1002) — 1 экз., Павия, Генрих II (1014—1024) — 1 экз.[14]

10. Ручьи, при оз. Полисто (около 1100 г., всего 2010 монет), Беневент? XI в.— 1 экз.[15]

11. Кейла. ЭССР (970, 51 экз). Верона, Оттон I (962—973) — 1 экз. [16].

12. Ряпина. ЭССР (1080, 163 экз.). Верона, Генрих III (1039—1056) — 1 экз.[17]

13. Ару. ЭССР (1090, 232 или 235 экз.). Верона, Оттон III (983—1002) — 1 экз.[18]

Доступные нам публикации называют на территории Центральной, Северной и Восточной Европы 27 кладов с более чем 30 французскими денариями X—XI вв.[19]. Географическое их распределение представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распространение французских денариев X — XI вв.

Страна, область	Число кладов	Число монет
Русь	5	15
Польша	7	7
Дания	3	4
Земли между реками Эльба и Одер	3	3
Поморье	2	3
Германия	2	2
Чехословакия	1	1
Готланд	1	1
Финляндия	1	1
Югославия	1	?
Швейцария	1	?
Всего:	27	37+??

Из таблицы видно, что наибольшее число находок приходится на западнославянские и восточнославянские земли.

На территории Скандинавских стран не раз отмечались находки монет каролингской эпохи, чеканенные в пределах современной Франции. Но наиболее поздние французские денарии в Скандинавии не выходят хронологически за рамки X в. Для древнерусских же кладов характерны французские монеты рубежа X—XI вв. и XI в. Клады с французскими денариями этого времени известны также в Поморье (Каменец, Хорников), в Польше (Познань), на землях между реками Эльба и Одер (Лейссов) и в Сомборском кладе. Наибольшее число французских монет среди древнерусских находок содержит Новодворский клад — восемь экземпляров денариев, чеканенных в Лане. Такие же денарии ланской чеканки были обнаружены в Вихмязском и Познанском кладах. По одному экземпляру денария Генриха I (1031—1060), чеканенного в Париже, известно в третьем Лодейнопольском, Колголемском и Сомборском кладах. Для находок Дании и Гольштейна (клад Фарве) характерны монеты, чеканенные нормандскими герцогами в Руане. Один такой денарий был в составе Звенигородского клада. В готландском кладе из Гандарве и финском из Наусиайнена находились по одной монете Рудольфа III (993—1032) Бургундского, чеканенных в Лионе. Денарии лионского чекана известны в находках Швейцарии (Золотурн) и Югославии (Сомбор).

Следовательно, анализ состава кладов говорит, что для монетных находок восточно- и западнославянских земель характерны французские монеты иной чеканки, чем для кладов, например, Дании.

[14] Гос. Эрмитаж. Книга поступлений 583, № 1261.

[15] Рукописное описание клада, составленное А. А. Марковой. Клад, определенный в Гос. Эрмитаже, хранится в Псковском областном краеведческом музее.

[16] BKE, тетр. 18, 1932, стр. 5—13; A. Friedental. Baltische Münzfunde des 9—12 Jahrhunderts. SGGA, Riga, 1936, № 27; Forvännen, 1933, стр. 370.

[17] SGEG, 1937, 11, стр. 44.

[18] H. Dannenberg. Ук. соч., II, стр. 533, № 84; N. Bauer. Die russischen Funde..., стр. 47—48, № 80.

[19] Точное количество французских монет в кладах из Золотурна и Сомбора неизвестно. Монетные клады на территории современной Франции не учитывались.

Обособленно стоят находки французских монет в погребениях на территории Венгрии. За исключением двух денариев, чеканенных Людовиком IV (936—954) в Лангре и обнаруженных в одном из погребений в Пештском комитате, все монеты принадлежат к IX в. [20].

Клады с итальянскими денариями (81 клад с 167, по другим данным 82 клада с 173 монетами) географически распределяются следующим образом (см. таблицу 2).

Так же как и французские денарии, итальянские монеты X—XI вв. в наибольшем количестве представлены в находках на восточно- и западнославянских землях. Подавляющее большинство итальянских монет, найденных в различных европейских государствах, чеканены в Павии и Вероне. Милан и Лукка представлены значительно реже, Рим и Беневент встречаются как исключение. Из 16 итальянских монет древнерусских кладов 12 денариев чеканены в Павии, два — в Вероне, один — в Милане, один — в Беневенте (?). Для кладов Поморья, земель между реками Эльбой и Одером, о. Борнхольма, так же как и для Руси, характерно преобладание павийских монет. Веронезские денарии имеют большое значение в находках Польши, Финляндии, Готланда и Восточной Прибалтики. В Польше веронезские денарии встречаются чаще в находках, сделанных восточнее р. Вислы. К находкам Восточной Польши территориально близок и древнерусский клад Людвище, имевший в своем составе два денария, чеканенных в Вероне [монета из клада у с. Скадино (Псковская область), отнесенная Н. П. Бауером к Нижней Саксонии, является в действительности денарием, чеканенным в Вероне при Конраде II].

Таблица 2

Распространение итальянских монет X—XI вв.

Страна, область	Число кладов	Число монет
Польша	28	72
Поморье	18	32 (37)
Земли между реками Эльба и Одер	8	21
Русь	7	16
Дания	4	6
Остров Борнхольм	4	5
Финляндия	3	5
Восточная Прибалтика	3	3
Германия	2	3
Готланд	2 (3)	2 (3)
Сконе	1	1
Норвегия	1	1
Всего:	81 (82)	167 (173)

Хронологически для Дании характерны находки итальянских денариев доттоновского времени, для о. Борнхольм, Поморья, Польши и Руси монеты, чеканенные при Оттонах, а иногда и при их преемниках. Следовательно, наблюдения за составом и хронологией кладов X—XI вв., содержавших французские и итальянские монеты, свидетельствуют, что и те и другие денарии проникали на Русь в конечном счете благодаря экономическим связям восточных и западных славян, что древняя Русь активно участвовала в общей экономической жизни средневековой Европы.

Конечно, некоторые коррективы в приведенные данные может внести публикация ряда еще не опубликованных находок, например шведских, но они, надо полагать, не изменят основных выводов. Последние подтверждаются и массовым анализом европейских монетных кладов, результаты которого изложены мною в специальной статье [21].

Отдельно надо упомянуть о более чем тридцати находках итальянских монет в Венгрии, содержавших свыше ста экземпляров денариев. Все

[20] L. Huszár. Das Münzmaterial in den Funden des Völkerwanderungszeit im Mittleren Donaubecken. AA, V, Budapest, 1954, стр. 73—74, 90, 100—101, 102; J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, II, Braunschweig, 1905, стр. 475—476.

[21] В. М. Потин. Некоторые вопросы торговли древней Руси по нумизматическим данным. ВИМК, июль-август 1961 г., № 4, стр. 67—79.

денарии чеканены в период с середины IX в. по середину X в. (позднейшие — в Павии, Вероне и Милане Лотарем II в 945—950 гг.). Все находки сделаны в погребениях, монеты, употреблявшиеся в качестве украшений, пробиты, иногда дважды [22]. По своему составу и характеру венгерские находки резко отличаются от древнерусских и поэтому не были включены в приведенную выше обобщающую таблицу.

* * *

Пользуясь только нумизматическими данными, мы могли бы прийти к выводу об отсутствии прямых русско-французских и русско-итальянских связей в раннем средневековье. Однако если мы расширим круг источников и привлечем по интересующему нас вопросу письменные и археологические данные, то получим несколько иную картину; обогатится и наше представление о торговых связях древней Руси. Так, известно о политических контактах между Русью и Францией в XI в. Женой французского короля Генриха I была дочь Ярослава Мудрого Анна [23]. Русь, русские люди и русские товары не раз упоминаются во французском эпосе [24]. Литературные источники говорят о тканях, привозимых из Руси [25]. О собольих мехах, этих несомненных доказательствах прямых или косвенных связей с Русью, неоднократно говорят литературные произведения и документы. В «Песне о Роланде» и «Антиохии», в стихах Гильома де Пуатье (1071—1127), во многих произведениях Кретьена де Труа (XII в.) называются собольи меха или одежда из них [26]. Как сообщает Вильям Ньюбургский (1136 — около 1198 г.), французский король Филипп II Август и Ричард I Английский, предприняв третий крестовый поход, запретили носить собольи и беличьи меха [27]. О сравнительной древности торговли собольими мехами свидетельствует и то, что во французском языке слово соболь встречается уже с XI в. (в начертании «sebelin», «sabeline», «sable» — с XII) [28].

Интересно постановление 1259 г. кельнского архиепископа Конрада. В нем говорится, что в Кельн, город, расположенный на Рейне — в преддверии Франции, привозятся не только западные товары, но и различные меха, в том числе собольи. В документе упоминаются купцы из различных частей Германии, Венгрии, Чехии, Польши и «других расположенных на Востоке стран» (aliis orientalibus partibus) [29].

---

[22] L. Huszár. Ук. соч., стр. 66, 67, 71, 72, 77—78, 80—83, 85, 88—94, 96, 97, 99—104; J. Hampel. Ук. соч., стр. 475—476, 479, 480, 488, 861, 872; D. Albricht-Rapincka. Italian Coins in Polish Early Medieval Hoards. Widomości numizmatyczne. V, 1961, дополнительный выпуск «Polish Numizmatic News», стр. 104—105.

[23] Al. Labanoff de Rostoff. Recueil de pièces historiques sur la reine Anne, ou Agnès épouse de Henri I, roi de France et fille de Jaroslaf I. Paris, 1825, раздел «Источника», стр. 1—57; см. также De Caix de Saint-Aymour. Anne de Russie, reine de France et Comtesse de Valois an XIe siecle. Paris, 1896.

[24] G. Lozinskij. La Russie dans la littérature française de moyen âge. Revue des etudes slaves, IX, 1—2, Paris, 1929; А. И. Дробинский. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе. ИЗ, 26, 1948, стр. 95—127.

[25] P. Michel. Recherches sur le commerce, la fabrication et L'usage des étoffes de soie, d'or et d'argent, I, Paris, 1852, стр. 209, 314; A. Schultz. Das höfische Leben zur Zeit der Minnessinger, I, Leipzig, 1889, стр. 339.

[26] А. И. Дробинский. Ук. соч., стр. 100, 108; K. Hüllmann. Städtewesen des Mittelalters. I, Bonn, 1826, стр. 60; G. Wüster. Die Tiere in der altfranzösischen Literatur (unter Ausschuss der Volksepen). Göttingen, 1916, стр. 81—82; Fr. Godefroy. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle, 7, Paris, 1890, стр. 270—271 (Sabelin, Sable); W. Förster. Wörterbuch zu Kristian von Troyes sämtlichen Werken. 2 Aufl. Halle a/S. 1933 (Romanische Bibliothek, XXI), стр. 227—228 (Sable), 232 (Sebelin).

[27] J. Beckmann. Beiträge zur Geschichte der Erfindungen. 5, Leipzig, 1800, стр. 73, прим. 105.

[28] R. Grandsaignes d'Hauterive. Dictionnaire d'ancien français. Moyen âge et Renaissance. Paris, 1947, стр. 524, 531; O. Bloch, W. v. Wartburg. Dictionnaire étymologique de langue française. Paris, 1950, стр. 539.

[29] Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins. II, Düsseldorf, 1846, № 469, стр. 261—262.

Наряду со всем этим нельзя не отметить следующие факты, безусловно свидетельствующие о русско-французских связях. В Суздальском соборе имелась дарохранительница лиможской работы XIII в.[30]. Близ Ростовского кремля найдена небольшая костяная статуэтка, имеющая аналогии в монументальной скульптуре Шартрского собора[31]. В Новгородском музее находятся оклады лиможской работы, по преданию, привезенные в Новгород Антонием Римлянином (XII в.)[32]. При раскопках Вщижа, города, прекратившего свое существование в 1238 г., был найден подсвечник лиможской работы XII — начала XIII в.[33].

Письменные и археологические памятники говорят и о русско-итальянских контактах. Летопись неоднократно сообщает о прибытии на Русь легатов римских пап Бенедикта VII (975—984), Иоанна XV (985—996), Сильвестра II (999—1002), а также свидетельствует об отправке князем Владимиром послов в Италию[34]. В 1007 г. Киев посещает группа учеников св. Ромуальда из Марина ди Равенна, возглавлявшаяся Бруно Кверфуртским (Бонифацием)[35]. Папские легаты, ведшие в 1054 г. переговоры в Константинополе, окончившиеся расколом Западной и Восточной церквей, вероятно, возвращались на родину через Русь[36]. Весной 1075 г. в Риме появляется князь Ярополк Изяславич, пытавшийся заручиться в междоусобной борьбе поддержкой Римской церкви ценой обещания признать власть папы[37]. В конце 80-х годов, вероятно, состоялся новый обмен посольствами между Киевом и Римом[38], а в начале следующего десятилетия на территории Италии развернулись трагические события, связанные с именем Евпраксии Всеволодовны, жены германского императора Генриха IV, ставшей жертвой борьбы между последним и папой Григорием VII[39].

Связи Руси с Италией могли осуществляться самыми различными путями и носили весьма разнообразные формы. В составе византийских войск русские появляются около 1025 г. и в 1040—1041 гг. в Южной Италии, в Сицилии. В. Г. Васильевский, а затем М. В. Левченко убедительно показали, что дело идет в данных случаях не о скандинавах, как считают представители норманизма, но о древних руссах[40]. На территории Украины найдены некоторые вещи, вероятно, южноитальянского происхождения. К ним можно отнести серебряную чашу с характерной для Южной Италии орнаментацией и латинской надписью из клада, най-

---

[30] Н. Н. Воронин. Археологические заметки. КСИИМК, 62, 1956, стр. 25—26.

[31] Там же, стр. 29.

[32] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. VI, СПб., 1899, стр. 159—160; Дмитрий Рязанский. О внутреннем устройстве и убранстве храмов Новгородского Антониева монастыря в XVII веке по сравнению с настоящим их состоянием. Тр. XV АС, I, М., 1914, стр. 235—236.

[33] Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. В кн.: «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 120.

[34] ПСРЛ, IX, СПб., 1862, стр. 39, 42, 57, 64, 68. Изложение событий и критику источников см.: Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV веках. М.—Л., 1959, стр. 25—44; E. Winter. Russland und das Papsttum. Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. Berlin, 1960, VI, 1, стр. 25.

[35] Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957, стр. 81—87; Б. Я. Рамм. Ук. соч., стр. 51—52; Bruno Widéra. Die gegenseitigen Wirtschaftlichen Beziehungen zwischen Deutschland und der Kiever Rus in der ersten Hälfte des XI Jahrhunderts. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1, 1955, стр. 32—33.

[36] Б. Я. Рамм. Ук. соч., стр. 57—58.

[37] Там же, стр. 64—67; Б. Д. Греков. Киевская Русь. Л., 1953, стр. 496.

[38] Б. Я. Рамм. Ук. соч., стр. 67—70.

[39] С. П. Розанов. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071—1109). ИАН СССР, 1929, серия VII, 8, стр. 617—646; Б. Я. Рамм. Ук. соч., стр. 71—72.

[40] В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI—XII веков. Труды В. Г. Васильевского, 1, СПб., 1908, стр. 176—377, 208, 296; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 388—389; см. также S. Ingolt. Historia spoleczna i gospodarcza sredniowiecza. Wrocław, 1949, стр. 175.

денного в 1876 г. в усадьбе Ю. Чайковского[41], бронзовую с ребристыми стенками ступку, хранившуюся в Днепропетровском музее и имеющую аналогии не только в некоторых музеях Болгарии, но и в музеях Джирженти и Катании на о. Сицилия[42].

Таким образом, если письменные и археологические источники говорят иногда о косвенных, иногда о прямых связях древней Руси с Францией и Италией, то пути проникновения денариев названных стран в Восточную Европу обычно не подтверждают непосредственных экономических контактов. Но противоречия между нумизматическими и другими данными лишь кажущиеся. В эпоху раннего средневековья, а иногда и позднее монетными находками отмечены не столько торговые пути вообще, сколько направления, по которым передвигалось серебро из стран добычи в страны потребления этого металла[43].

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Французские монеты X — XI вв. в кладах европейских государств
(в хронологическом порядке зарытия кладов)

№№ кладов п/п	Место находки клада	Дата зарытия клада	Французские монеты (перечень с указанием количества экземпляров)
1	Терслев, Дания	После 950	Нормандия, Вильгельм (927—943) — 2 экз.
1а	Юневад, Дания	Около 960	Шинон, Людовик IV (936—954) — 1 экз.; Руан, Карл Простоватый (898—923) — 1 экз.
2	Обжицко, Польша	Третья четверть X в.	Реймс, Лотарь (954—986) — 1 экз.
—	Парец, западнославянские земли между реками Эльба и Одер *	970	Лимож, Одон (888—896)—1 экз.
3	Турвя, Польша	970—973	Нормандия, Руан, Ричард I (943—996) — 1 экз.
4	Золотурн, Швейцария	990	Бургундия, Лион, Рудольф II (911—937) — ?
5	Вольсе, Дания	Около 1000	Нормандия, Руан, Ричард I (943—996) — 1 экз.
6	Клейн Рошарден, западнославянские земли между реками Эльба и Одер	Около 1000	Нормандия, Руан, Ричард I (943—996) — 1 экз.
—	Межешин (Мейстервальде), Поморье	Около 1000	Орлеан, IX в. — 1 экз.
7	Новый Двор, СССР	Около 1000	Лан, кор. Роберт II и еписк. Адальберон (996—1031) — 8 экз.
8	Бризниц, Германия — Быстшица (Пейстервиц), Польша	Около 1000—1005	Реймс — 1 экз.; Орлеан — 1 экз. Неопределенные с каролингской монограммой — 2 экз.
9	Кельч, Моравия	Начало XI в.	Прованс, Вьенн, Людовик Слепой (901—934) — 1 экз.
—	Тионвиль, Лотарингия	1010	Ремиремон, Сен-Дье?
—	Ковале (Коваллен), Польша	1010	Подражание каролингскому чекану — 1 экз.
10	Каменец (Шенинген), Поморье	1010—1015	Нормандия, Руан, Ричард I (943—996) или II (996—1021) — 1 экз.; Реймс, Арнульф (982—991, 996—1021) — 1 экз.

[41] Г. Ф. Корзухина. Серебряная чаша из Киева с надписями XII в. СА, 1951, XV, стр. 64—81; Г. Ф. Корзухина датирует чашу концом XI — первой половиной XII в. и предполагает, что она привезена на Русь Евфимией — дочерью Мономаха и женой венгерского короля Коломана. Первой же женой Коломана была дочь короля Рожера Сицилийского.

[42] В. А. Богусевич. Археологічні розкопки в Киеві на Подолі в 1950 р. Археологія, IX, 1954, стр. 48—49.

[43] См. В. М. Потин. Особенности притока западноевропейских денариев X—XI вв. и их распространение на территории древней Руси. ЗОАО, 1 (34), Одесса, 1960, стр. 163—174.

Продолжение

№№ кладов п/п	Место находки клада	Дата зарытия клада	Французские монеты (перечень с указанием количества экземпляров)
11	Лейссов, земли между реками Эльба и Одер	1015	Реймс, Арнульф (982—991, 996—1021) — 1 экз.
—	Вартково (Вертеков, Эйхштедтервальде или по соседнему поселению Драгоцице), Поморье	1010—1015	Париж, Людовик Благочестивый (814—840) — 1 экз.
12	Познань, Польша	1010—1020	Лан, Роберт II и Адальберон (996—1031) — 1 экз.
13	Коваль, Польша	1020	Лангр, Людовик IV (936—954) — 1 экз.
14	Плоцк, Польша	1020	Нормандия, Ричард I (943—996) — 1 экз.
15	Бежглув [(Бирглау) Польша	1025	Лангр, Людовик IV (936—954) — 1 экз.
16	Веловесь, Польша	1025	Невер — 1 экз.
17	Фарве, Гольштейн	1040	Нормандия, Руан, Ричард II—1 экз.
18	Звенигород, СССР	1040	Нормандия, Руан, Ричард I (943—996) — 1 экз.
19	Ноусиайнен, Финляндия	1040	Бургундия, Лион, Рудольф III (993—1032) — 1 экз.
20	Гандарве, о. Готланд	1047—1051	Бургундия, Лион, Рудольф III (993—1032) — 1 экз.
21	Туров (Цюссов), западнославянские земли между реками Эльба и Одер	После 1057 (?)	Лангр, Людовик IV (936—954) — 1 экз.
—	Торнбю, Дания	Третья четверть XI в.	Карл Лысый (848—877) — 1 экз.
22	Лодейное Поле III, СССР	1090	Париж, Генрих I (1031—1060) — 1 экз.
23	Вихмязь, СССР	1090	Графство Пуату, середина XI в.— 1 экз; графство Мэн, Герберт I (1015—1036) — 1 экз.; Герберт II (1051—1062) — 1 экз.; Лан, Роберт II и Адальберон (997—1031) — 1 экз., всего 4 экз.
23а	Колголема, СССР	Вт. пол. XI в.	Париж, Генрих I (1031—1060) — 1 экз.
24	Хорников, Поморье	Ок. 1090	Неустановленный монетный двор. Годфрид (Бульонский (1060—1093)) — 1 экз.
25	Цомбор, Югославия	1091	Париж, Генрих I (1031—1060); архиепископ Лион; архиепископ Безансон; архиепископ Вьенн; епископ Валанс; епископ Пюи (тип rosace); Нормандия, Ричард I (943—946) и варварский тип

* Клады X—XI вв., содержащие французские и итальянские монеты, чеканенные ранее X в., в общую нумерацию находок не включены.

2. Итальянские монеты X—XI вв. в кладах европейских государств

№№ кладов п/п	Место находки клада	Дата зарытия клада	Итальянские монеты (перечень с указанием количества экземпляров)
—	Овер Рандлев, Дания	910	Имп. Ламберт (895—898) —1 экз.
1	Терслев, Дания	Третья четверть X в.	Беренгар (887—924) (Милан?) — 1 экз.
1а	Юневад, Дания	ок. 960	Павия. Гуго и Лотарь IV (931—947)—1 экз.

Продолжение

№№ кладов п/п	Место находки клада	Дата зарытия клада	Итальянские монеты (перечень с указанием количества экземпляров)
2	Парец, западнославянские земли между реками Эльба и Одер	970	Павия, Гуго и Лотарь (931—945)— 1 экз.; Беренгар II и Адальберт (950—961) — 2 экз.; Оттон I — 5 экз.; Милан, Оттон I и II—2 экз.; Рим. Папа Иоанн XIII (965—972) — 1 экз.; всего 11 экз.
3	Кейла, СССР, ЭССР	970	Верона, Оттон I (926—972) — 1 экз.
4	Турвя, Польша	970—973	Павия, Беренгар II и Адальберт (950—961) — 1 экз.
5	Обжицко, Польша	70-е годы X в.	Павия, Беренгар — 1 экз. (обл.); Павия, Оттон I (962—973); Милан. Оттон I (962—973); Рим. Оттон I и Иоанн XIII; Капуя, Пандульф и Ландульф (964—968); всего более 8 экз.
6	Конгенс, Удмарк, Борнхольм	980	Павия, 2 экз.
7	Гралево, Поморье	990	Павия, Оттон III (996—1002) — 1 экз.
8	Александергоф, западнославянские земли между реками Эльба и Одер	990	Милан, Оттон II —1/2 мон. Павия, Оттон I—II (962—973) — 1 обл. Лукка, Оттон III—1, обл.; всего 3 экз.
9	Москоже (Ленц-Изенгоф), Поморье	995	Павия, Оттон I (962—973) —1 экз.
10	Нидерландин (II), западнославянские земли между реками Эльба и Одер	996	Павия, Оттон I (962—973) и Оттон II—1 обл; Верона, Оттон I (962—973) — 1 экз.; всего 2 экз.
11	Гралево (II), Поморье	После 996	Павия, Оттон III (996—1002) — 1 экз.
—	Чистевес, Чехия	Четвертая четверть X в.	Имп. Ламберт (895—898) — 1 экз.
12	Вицимице, Поморье	Перед 1000	Павия, Оттон I (962—973) или Оттон II (973—983) — 2 экз. (по другим данным 7 экз.)
13	Слупск, Поморье	Перед 1000	Павия, Оттон I (962—973) или Оттон II (973—983) — 1 экз. Верона, Оттон I или II — 1 экз.; всего 2 экз.
14	Полчин Здруй (Польцин), Поморье	Около 1000	Верона, Оттон I (962—973)—1 экз.
15	Гуслиново (Экштелле), Поморье	Ок. 1000	Беренгар — 1 экз. (Павия?)
16	Грогорд, Дания	Ок. 1000	Павия, Беренгар II и Адальберт (950—961) — 3 экз.
17	Кнудскер, Борнхольм	После 1000	Оттон III (983—1002) — 1 экз.
18	Ораниенбург, западнославянские земли между реками Эльба и Одер	1005	Милан (Оттон I—II), Павия (Оттон I—II), всего 2 экз.
19	Быстшица, Польша	1005	Павия, Оттон I—III (962—1002)— 3 + 2 обл.; всего 5 экз.
20	Яроцин, Польша	1005	Лукка, маркграф Гуго II (970—1002) — 1 экз.; Павия, Оттон I (962—973) — 2 экз.; Оттон I и II (962—983) — 2 экз.; всего 5 экз.
21	Мозгово, Польша на восток от р. Вислы	1010	Верона, Оттон III (996—1002) — 1 экз.
22	Цеханув (1901 г.), Польша на восток от р. Вислы	1010	Павия, Оттон III (983—1002)— 1 экз.
23	Ковале, Польша (Коваллен)	1010	Верона, Оттон — 1 экз., Павия, Оттон — 1 экз.; всего 2 экз.
24	Мункегород, Борнхольм	1010	Павия, Оттон I — 1 экз.
24а	Плоцк (1946—1947), Польша на восток от р. Вислы	После 1010	Павия, Оттон III (983—1002) — 1 экз.
25	Мястко (Руммельсбург), Поморье	После 1011	Павия, Оттон I (962—973) —3 экз.

Продолжение

№№ кладов п/п	Место находки клада	Дата зарытия клада	Итальянские монеты (перечень с указанием количества экземпляров)
26	Каменец (Шенинген), Поморье	После 1011	Павия (?), Оттон I—III (962—1002) — 1 экз.
26а	Пшибрув, Польша	После 1011	Павия, Оттон III (983—1002)— 3 экз.; Верона, Генрих II (1014—1024) — 1 экз.; всего 4 экз.
27	Добра, Польша на восток от р. Вислы	1012	Верона, Оттон I — 1 экз.
27а	Длуга Гослина, Польша	1014	Павия, Оттон II (983—1002)—1 экз.; (?) Беренгар (около 970) —1 экз., всего 2 экз.
28	Васьково, СССР	После 1015	Павия, Оттон I или II (962—983)— 1 экз.
28а	Жевин, Польша на восток от р. Вислы	1018	Верона, Беренгар II (950—961)— 2 экз.; Верона, Оттон III (983— 1002) — 1 экз.; всего 3 экз.
29	Цеханув (1890), Польша на восток от р. Вислы	1018—1020	Верона, Оттон I — 3 экз. (?)
30	Старыдворек, Польша	1020	Павия, Оттон III — 2 экз.; Верона, Оттон III—2 экз.; всего 4 экз.
31	Коваль, Польша	1020	Верона, Оттон I — 1 экз.; подражание предыдущей — 1 экз.; всего — 2 экз.
32	Кинно, Польша	1020	Верона, король Генрих II —1 экз.
33	Плоцк, (1907), Польша	1020	Верона, Оттон I (962—967) —1 экз.
33а	Брончин, Польша	1021	Павия, Оттон I—III (962—1002) — ? экз.
34	Стурке, Сконе	Первая четверть XI в.	Павия, Оттон — 1 экз.
35	Шваан, западнославянские земли между реками Эльба и Одер	1025?	Верона, Оттон III (996—1002) — 1 экз.
36	Эннер, Дания	Около 1025	Верона, Оттон — 1 экз.
37	Веловесь, Польша	1025	Павия — 1 экз.; Аквилея — 1 экз.; всего 2 экз.
38	Благовещенское, СССР	1030	Павия, Оттон I (962—973) —4 экз.
39	Хаттула, Финляндия	1030	Верона, анонимн. — 1 экз.
39а	Бжозове Нове, Польша на восток от р. Вислы	После 1031	Верона, Генрих II (1014—1024) — 4 экз.; Верона, анонимн. чекан 1024—1025 гг. — ? экз.; всего около 8 экз.
40	Эгерсунн, Норвегия	1035	Павия? — 1 экз.
40а	Иноврoцлав, Польша	1037	Аквилея, Поппо (1016—1044) — 1 экз.
40в	Ласк, Польша	1038—1040	Верона, Оттон I—III (962—1002)— 1 экз.
41	Вилькув, Польша	1039	Верона — 2 экз.
42	Машенице, Польша	После 1039	Павия, Оттон I—II (962—972) — 1 экз.; Оттон III — 2 экз. (из них один обломок); Генрих III (1039—1056)—1 обл.; всего 4 экз.
43	Любек, западнославянские земли между реками Эльба и Одер	1040	Павия, Генрих II (1014—1024) — 1 экз.
44	Фарве, Гольштейн	1040	Лукка, Оттон III (996—1002) — 1 экз. Павия, Оттон III (996— 1002) — 1 экз.; всего — 2 экз.
45	Гралево, Поморье (1818 г.)	1040	Павия, Оттон I—III (962—1002)— 1 экз.
46	Ноусиайнен (II), Финляндия	1040	Верона, анонимн. 1024—1036 или Генрих III (1039—1056)—3 (4?) экз.

Продолжение

№№ кладов п/п	Место находки клада	Дата зарытия клада	Итальянские монеты (перечень с указанием количества экземпляров)
47	Рутскер (II), Борнхольм	После 1050	Верона, Оттон I (936—973)—1 экз.
48	Щецин-Сверчево, Поморье	ок. 1050	Павия, Оттон I (962—973)—1 экз.; Оттон III (996—1002)—1 экз.
49	Равич, Польша	1050	Павия, Оттон III—2 экз. (один из них обл.); Верона, Оттон I (962—973)—1 экз.
50	Поморье (VII)	После 1055	Верона, Оттон III (996—1002)—1 экз.
51	Туров (Цюссов), Поморье	1057	Павия, Оттон I (962—973)—1 экз. Оттон III (996—1002)—1 экз.
52	Берлин 1, западносл. земли между реками Эльба и Одер	1060	Верона, анонимн.— 1 экз.
53	Мосина, Поморье	1060	Верона, Оттон III (983—1002). Подражание? — 1 экз.
54	Нагинщина (II), СССР	1060	Павия, Генрих II (1014—1024)—1 экз.
55	Райсио (Резо), Финляндия	1060	Милан — 1 экз.
55а	Пшемент, Польша	1061	Павия, Оттон I—III (962—1002)—1 экз.
56	Людвище, СССР	1060—1065	Верона, анонимн. (1024—1026) 1 экз.; Генрих III (1039—1056)—1 экз.; всего 2 экз.
57	Плоньск, Польша на восток от р. Вислы	1065	Павия, Оттон I—II (962—967) — 1 экз.; Генрих II — 1 экз.; Верона, Оттон III (983—1002) — 1 экз.; анонимн. — 1 экз.; всего 4 экз.
58	Гарде, Готланд	1060—1070	1 итал.
59	Желиславец (Зинцлов), Поморье	После 1061	Верона, Оттон III (996—1002) — 1 экз.
60	Альт-Теплиц, западнослав. земли между реками Эльба и Одер	1070	Верона — 1 экз.
61	Мехтерсгейм, Германия, Пфальц	Около 1073	Лукка, Генрих II (1014—1024) — 1 экз.
61а	Домброва, Поморье	После 1074	Италия (без более точного указания) — 3 экз.
62	Ряпина, СССР, ЭССР	1080	Верона, Генрих III (1039—1056) — 1 экз.
63	Лифриде, Готланд	1080	? — 1 экз.
64	Барвице, Поморье	1080—1085	Павия, Генрих III (1046—1056) — 1 экз.
65	Фоссберг, Поморье	После 1084	Лукка, Оттон III (996—1002) —1 экз.; Павия, Оттон III — 4 экз.; Верона, Оттон III — 1 экз.; всего 6 экз.
66	Сокольники (Ветриш), Польша	1085	Павия, Оттон — 1 экз.
67	Ару, СССР, ЭССР	1090	Верона, Оттон III (983—1002) — 1 экз.
68	Вихмязь, СССР	1090	Павия, Оттон III (996—1002) — 1 экз.; Генрих II (1014—1024)— 2 экз.; Милан, Оттон II — III (973—1002) — 1 экз.; всего 4 экз.
69	Стура Сойдебю, Готланд	1090—1100	Верона, Оттон — 1 экз.
70	Колголема, СССР	Вторая половина XI в.	Павия, Оттон I — 1 экз.; Оттон III — 1 экз.; Генрих II — 1 экз.; всего — 3 экз.
71	Ручьи, СССР	1100	Беневент? XI в. — 1 экз.

1 — J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 94, 107, прим. 65; *1а* — G. Galster. Ук. соч., стр. 36, 37, № 48, 53; *2* — H. Dannenberg. Ук. соч., I, стр. 41, № 1; M. Gumowski. Wykopaliska monet polskich z w. X i XI. Krakow, 1905. Оттиск из Rozprawy Akademii Umiejetnosti w Krakowie, Wydzial istoriczno-filologiczny, 48, стр. 20—21; б/№ — H. Dannenberg. Ук. соч., II, стр. 521—522, № 52; *3* — H. Dannenberg. Ук. соч., I, стр. 42—43; № 2; M. Gumowski. Ук. соч., стр. 20; *4* — J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 94; 112, № 12; R. Blanchet. Memoire sur les monnaies des rois de la Bourgogne transjuran. Mitt. antiquar. Gesellschaft in Zurich, XI, тетр. 3, 1856, стр. 51—73; H. Dannenberg. Ук. соч., I, стр. 44, № 4; *5* — R. Skovmand. De danske skattfund fra vikingetiden og den aldste middclalder indtil omkring 1150. Aarbőrger for Nordisk oldkyndighed og Historie. Kopenhagen, 1942, стр. 95—99, № 37; J. Lafaurie, Ук. соч., стр. 94; P. Hauberg. Ук. соч., стр. 778; *6* — H. Dannenberg. Ук. соч., II, стр. 535, № 88; M. Gumowski. Ук. соч., стр. 73; J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 94; б/№ — H. Dannenberg. Ук. соч., II, стр. 523, № 59; M. Gumowski. Ук. соч., стр. 61; J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 94; T. i R. Kiersnowscy. Wczesnosredniowieczne skrby srebrne z Pomorza Materialy. Warszawa — Wroclaw, 1959, стр. 69, № 99; *7* — N. Bauer. Die Russische Funde..., стр. 157, № 67; J. Iversen. Ук. соч.; H. Dannenberg. Ук. соч., I, стр. 479, № 1264; II, стр. 727; J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 94; *8* — H. Dannenberg. Ук. соч., II, стр. 523, № 60; J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 94; б/№ — H. Dannenberg. Ук. соч., II, стр. 525, № 62; M. Gumowski. Ук. соч., стр. 27; J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 94; J. Menadier. Funde deutscher Münzen aus dem Mittelalter. ZfN, XV, 1887, стр. 164, № 159, 160, 161; *9* — J. Stepkowa. Islamske stribro z nalezu v Kelci na Morave. № 3, IV, 1957, стр. 80; (V. Katz). Nalez minci a sekaneno stribra ze zacatku 11 stoleti u Kelce na Morave. NCC, XY, (1939), Praha, 1940, стр. 19, № 220; б/№ — L. Quintard. Description d'une trouvaille de monnaies messines des X et XI siècles. Nancy, 1886; его же. Le tresor de Thionville. Nancy, 1888; J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 114, № 15; б/№ — H. Dannenberg. Ук. соч., I, стр. 46, № 1; M. Gumowski. Ук. соч., стр. 33; J. Friedlaender. Der Kawallener Silberfund Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift, XI, Breslau, 1869, стр. 175, тетр. 22, № 15; *10* — H. Dannenberg. Ук. соч., II, стр. 526, № 64; M. Gumowski. Ук. соч., стр. 62—63; J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 94; E. Fiala. Ceske denary. Praha, 1895, стр. 165; T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 54, № 64; *11* — E. Bahrfeldt. Der Silberfund von Leissower Mühle. Berlin, 1896, стр. 28—30; H. Dannenberg. Ук. соч., III, стр. 766, № 108; M. Gumowski. Ук. соч., стр. 56; б/№ — H. Dannenberg. Ук. соч., IV, стр. 881—882, № 135; M. Gumowski. Ук. соч., стр. 63; J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 94; T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 35—36, № 19; *12* — H. Dannenberg. Ук. соч., IV, стр. 880—881, № 132; *13* — H. Dannenberg. Der Münzfund von Kowal. ZfN, II, 1875, стр. 332; *14* — C. W. Scherer. Denarfund von Plock. Berliner Münzblätter, NF, jg. 33, IV, № 126/127, Juni u. Juli 1912, стр. 372; *15* — J. Menadier und H. Nutzel. Der Denarfund von Birglau bei Thorn. ZfN, 1898; *16* — J. Menadier. Ук. соч., стр. 176; M. Gumowski. Ук. соч., стр. 37; *17* — J. Friedlaender, K. Mullenhoff. Der Silberfund von Farve. Kiel, 1850, стр. 47—48; *18* — B. de Koehne. Ук. соч., стр. 105—106; J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 94; *19* — H. Salmo. Deutsche Münzen in vorgeschichtlichen Funden Finnlands. Helsinki, 1948; J. Lafaurie, Ук. соч., стр. 94; *20* — G. Arwidsson, P. Berghaus, M. Dolley, B. Malmer och U. S. Linder Welin. En wikingatida silverskatt fran Gandarve i Alva på Gotland. Gotlandskt arkiv. Vysby, 1957, стр. 36, № 15; *21* — T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 106, № 179; б/№ — P. Hauberg. Myntforhold'og Udmyntninger in Danmark indtil 1146. Kjobenhavn, 1900; *22* — А. А. Маркова. Ук. соч., стр. 136; *23* — Гос. Эрмитаж, каталог 2528, № 58—60, 359; *23а* — Гос. Эрмитаж. Книга поступлений 583, № 1261; *24* — M. Gumowski. Ук. соч., стр. 68—69; T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 51, № 57; *25* — J. Lafaurie. Ук. соч., стр. 118—119, № 28; F. Poly d'Avant, Monnaies feodales de France, III, Paris, 1862; № 5028, стр. CXIII, рис. 3; № 5371; стр. CXXII, рис. 3; № 4821, стр. CVI, рис. 10; № 4690, стр. CII, рис. 19, № 5969, стр. CXXXVIII, рис. 17.

б/№ — R. Skovmand. Ук. соч., стр. 66—67, № 13; *1* — R. Skovmand. Ук. соч., стр. 79—81, № 24; 1а — G. Galster. Ук. соч., стр. 38, № 58; *2* — H. Dannenberg. Ук. соч., II, стр. 521—522, № 52; I. Friedlaender. Der Münzfund von Paretz. ZfN, IX, 1882, стр. 291—292; *3* — BKE, 18, 1932, стр. 5—13; A. Friedenthal. Baltische Münzfunde des 9—12 Jahrhunderts an der Hand einer Münzfund-Karte. Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga. Vorträge zur Hunderjahrfeier, 1934. Riga, 1936, стр. 151, № 27; Fornvännen, 1933, стр. 370; *4* — J. Menadier. Funde deutscher Münzen aus dem Mittelalter. ZfN, XV, 1887, стр. 170; *5* — там же; *6* — R. Skovmand, стр. 127—130, № 61; *7* — T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 50, № 53; *8* — E. Bahrfeldt, A. Mieck, Der Hacksilberfund von Alexanderhof. Prenzlau, 1902; *9* — A. Suhle. Zwei Hacksilberfunde. Оттиск из Bodendenkmalpflege in Meklenburg. Jahrbuch 1954, Schwerin, (1956), стр. 167—169; T. i R. Kiernowscy. Ук. соч., стр. 50, № 53; *10* — J. Menadier. Der Fund von Niederlanden. ZfN, XXIII, 1902, стр. 89—94; T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 75, № 113; *11* — T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 50, № 53; M. Gumowski. Ук. соч., стр. 72—73; R. Turek. Minzdatierte frühgeschichtliche tschecnische Funde. Sla-

via antiqua, I, Poznan, 1948, стр. 485—535; *12* — T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 117, № 197; I. Friedlander. Der Fund von Witzmitz. ZfN, VI, 1879, стр. 242—251; *13* — H. Dannenberg. Ук. соч., II, стр. 522, № 56; там же, I, стр. 43—44, № 3; *14* — T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 83, № 126; *15* — M. Gumowski. Ук. соч., стр. 22; E. Fiala. Ук. соч., № 8; *16* — R. Skovmand, стр. 59—60, № 9; *17* — R. Skovmand. Ук. соч., стр. 127, № 59; *18* — H. Dannenberg. Ук. соч., III, стр. 765, № 105; *19* — там же, II, стр. 525, № 62; J. Menadier. Funde deutscher Münzen..., стр. 164; *20* — ZfN, VII, стр. 155—156; *21* — T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 72, № 107; *22* — M. Gumowski. Ук. соч., стр. 28; *23* — I. Friedländer. Der Kewallener Silberfund. Schlesiens Verzeit in Bild und Schrift. Elfter Bericht. Breslau, 1869, стр. 174, 175; *24* — R. Skovmand. Ук. соч., стр. 122—126, № 57; C. J. Thomsen. Der Munkegaard Fund BB fMSW, III, 1866, стр. 33; *24a* — A. Gupieniec. Skarb wczesnosredniowieczny z Plocka. Materialy wczesnosredniowieczne, V, Warszawa, 1960, стр. 56; D. Albrycht-Rapnicka. Italian coins in Polish early medieval hoards. Polish numismatic news. 1961. Warszawa (1961); Wiadomosci numismatyczne, R. V. zeszyt dodatkowy, стр. 102, 109; *25* — T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 68, № 98; *26* — T. i R. Kiersnowscy, Ук. соч., стр. 54, № 64; *26a* — S. Slaski, S. Tabaczynski. Wczesnosredniowieczne skarby srebrne Wielkopolski. Materialy. Warszawa — Wroclaw, 1959, стр. 54, № 105; *27* — H. Dannenberg. Ук. соч., I, стр. 47—48, № 12; *27a* — S. Slaski, S. Tabaczynski. Ук. соч., стр. 18, № 18; D. Albrycht-Rapnicka. Ук. соч., стр. 101; *28* — Гос. Эрмитаж. Книга поступлений 44а, № 349; N. Bauer. Die russischen Funden..., стр. 143, № 38; *28a* — M. Gumowski. Polskie skarby monet X—XI wieku (Materialy). Warszawa, 1953, стр. 144; D. Albrycht-Rapnicka. Ук. соч., стр. 103; *29* — J. Menadier. Der Fund von Ciechanow. Berl. Mzbl. XVII Jahrgang, 1896, № 192, стр. 2082; *30* — J. Menadier. Funde deutscher Münzen..., стр. 174; M. Gumowski. Wikopaliska monet..., стр. 32—33; *31* — H. Dannenberg. Der Minzfund von Kowal. ZfN, II, 1875, стр. 329, № 62, 63; M. Gumowski. Wikopaliska monet..., стр. 35; *32* — там же, стр. 36; *33* — Berl. Mzbl. NF, IV; 1912, стр. 372; *34* — S. Slaski, S. Tabaczynski, Ук. соч., стр. 13, № 9; *34a* — R. Skovmand. Ук. соч., стр. 140, № 33; *35* — Lisch und Masch. Der Silberfund von Schwaan. Schwerin, 1861. Оттиск из Jahrbuch aus d. Vereins für Meklenburg. Geschichte, XXVI, стр. 11; *36* — R. Skovmand. Ук. соч., стр. 150, № 10; *37* — J. Menadier. Funde deutscher Münzen..., стр. 176; M. Gumowski. Wikopaliska monet..., стр. 37; *38* — N. Bauer. Nachträge..., стр. 173, № 15; *39* — HBzN, тетр. 9/10, 1955/1956, (т. III), Hamburg, 1956, стр. 268—269; *39a* — D. Albrycht-Rapnicka. Ук. соч., стр. 104, 109; *40* — H. Holst. Iten-og innenlandske Mynter i Norske funn nedlangt for ar 1100, NNA, 1943, стр. 84, № 60, e; *40a* — S. Slaski, S. Tabaczynski. Ук. соч., стр. 24, № 39; D. Albrycht-Rapnicka. Ук. соч., стр. 100, 109; *40б* — D. Albrycht-Rapnicka. Ук. соч., стр. 103, Pl. VII. 3; A. Gupieniec. Skarb monet wczesnosredniowiecznych z Lasku. Prace i materialy museum archeologicznego i etnograficznego w Lodzi, Seria archeologiczna, № 1, Lodz, 1956, стр. 117—145; *41* — M. Gumowski. Wikopaliska monet..., стр. 41; *42* — K. Chmielecki. Wykopaliska monet i srebra Maszenice, Nieciszewo, Poczalkowo w swetle najnowszych Badan. Оттиск Rocznik XIV Towarzystwa naukowego w Toruniu. Torun, 1907, стр. 30; *43* — H. Dannenberg. Münzfund von Lübeck, IV, 1877, стр. 68, № 110; *44* — I. Friedlaender, K. Mullenhoff. Der Silberfund von Farve. Kiel, 1850; M. Gumovski. Wikopaliska monet..., стр. 74; H. Dannenberg. Die deutschen Münzen..., I, стр. 51, № 21; *45* — T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 49, № 52; *46* — H. Salmo. Ук. соч., стр. 3; *47* — R. Skovmand. Ук. соч., стр. 163, № 33; M. Gumowski. Ук. соч., стр. 77; *48* — T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 102, № 170; *49* — M. Gumowski. Ук. соч., стр. 41; *50* — T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 129, № 235; *51* — T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 106, № 179; *52* — Mitteilungen der Numismatischen Gesellschaft in Berlin, III, 1857, стр. 205, № 125; *53* — T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 70, № 104; *54* — Гос. Эрмитаж, книга поступлений 583, № 1150, 1165, 1227; *55* — H. Salmo. Ук. соч., стр. 16; *55a* — S. Slaski, S. Tabaczynski. Ук. соч., стр. 54, № 104; *56* — R. Gaettens. Ук. соч., стр. 99, № 296, 297; *57* — BBfMSW, VI, 1871—1873, стр. 264; *58* — P. Hauberg. Myntforhld og Udmyntninger..., стр. 172, № 113. Стенберегр не упоминает об итальянской монете в указанном кладе. См. M. Stenberger. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, I—II, Stockholm, 1958, 1947; *59* — T. i R. Kiersnowscy. Ук. соч., стр. 126; № 227; *60* — H. Dannenberg. Die deutschen Münzen..., IV, стр. 883; № 142; *61* — C. W. Scherer. Der Denarfund von Mechtersheim (Pfalz). Berlin, 1911, стр. 7; *61a* — T. i R. Kiernowscy. Ук. соч., стр. 37, № 21; *62* — SGEG, 1937, II, стр. 44; *63* — M. Stenberger. Ук. соч., стр. 148, № 365; *64* — T. i R. Kiernowscy. Ук. соч., стр. 29—30, № 3; *65* — T. i R. Kiernowscy. Ук. соч., стр. 116, № 193; *66* — M. Gumowski. Wikopaliska monety..., стр. 43—44; E. Bahrfeldt. Nachträge zum Aufsatze von Dr. Menadier. Funde deutscher Münzen aus dem Mittelalter. ZfN, XVI, 1888, стр. 95; *67* — H. Dannenberg. Die deutschen Münzen..., II, стр. 533, № 84; *68* — N. Bauer. Die russischen Funde..., стр. 47—48, № 80; Гос. Эрмитаж, каталог № 2528, № 54—57; *69* — B. Schnittger. Silverskatten från Stora Sojdeby. Stockholm, 1915, стр. 38; *70* — Гос. Эрмитаж. Книга поступлений 583, № 1261; *71* — Рукописное описание клада А. А. Марковой (Гос. Эрмитаж; Псковский музей).

О. Г. ЧАЙКОВСКАЯ

РАСКОПКИ В КЛЮНИ И ХАРАКТЕР КЛЮНИЙСКОГО ИСКУССТВА

Если образованного человека спросить, что известно ему о Клюни, он ответит, что это музей в Париже. В наше время только историки знают, каким могуществом и влиянием обладало некогда знаменитое клюнийское аббатство, расположенное совсем не в Париже (нынешний музей Клюни — это всего лишь один из домов, где останавливались приезжавшие в Париж клюнийские монахи), а в Бургундии, недалеко от Макона. Сюда стекались толпы паломников, на поклонение святыням ехали могущественнейшие государи Европы. Современники называли его вторым Римом.

Однако в представлении историка с Клюни связано несравненно большее, чем просто воспоминание о знаменитом аббатстве. Основанный в 910 г. клюнийский монастырь стал источником широкой церковной реформы. В течение X в. множество монастырей Франции один за другим становятся клюнийскими, т. е. вводят у себя строгий бенедиктинский устав, объявляют свою независимость от какой бы то ни было власти, светской или церковной. В XI в. это уже мощная конгрегация монастырей, разбросанных не только по Франции, но и в Италии, Испании и других странах. Каждый из этих монастырей становится владельцем обширных земельных угодий и множества зависимых крестьян. Каждый обладает в окрестностях огромным влиянием. Главою конгрегации остается бургундский монастырь Клюни, чьи аббаты становятся крупнейшими политическими деятелями Западной Европы, советниками, а нередко и судьями королей.

Клюнийское движение сыграло значительную роль в истории западноевропейского общества. Именно клюнийской реформе католическая церковь, с развалом Каролингской империи пришедшая было в полный упадок, обязана своим восстановлением и возвышением средневекового папства. Наконец, как известно, очень велика роль Клюни в развитии средневековой культуры.

Клюнийское искусство создало целую архитектурную школу и стало новым этапом в развитии романского стиля. Клюнийские строители первыми разрешили многие технические проблемы. Например, впервые была решена труднейшая задача перекрытия главного нефа таким образом, чтобы было возможно его освещение, что до тех пор архитекторам не удавалось; впервые были открыты оконные проемы под основанием свода; клюнийская архитектура вводит стрельчатые очертания сводов и арок, пролагая, таким образом, путь готике. Именно здесь решаются многие инженерные задачи. Влияние клюнийской архитектуры было столь велико, что его можно обнаружить в тот период повсюду, где только было распространено католичество.

История клюнийской конгрегации и всего клюнийского движения в целом давно привлекала внимание историков, ей посвящено огромное число работ — монографий и статей, основывающихся главным образом на письменных источниках, весьма многочисленных (сборники грамот одного только клюнийского монастыря составляют несколько увесистых томов). Клюнийские монахи оставили множество богословских трактатов, житий, сборников проповедей, посланий и других образцов церковной литературы.

В XIX в. памятники материальной культуры французского средневековья привлекают внимание археологов и архитекторов. Начинается реставрация средневековых церквей и соборов. Однако реставрационные работы часто велись весьма грубо, отсутствующие элементы здания произвольно заменялись новыми, далеко не всегда соответствующими общему стилю. Реставрация порою несла с собою разрушение, что вызвало резкий протест со стороны многих ученых, особенно археологов [1]. Вокруг средневековых церквей шли ожесточенные споры [2]. Вокруг клюнийского монастыря не было споров, так как он уже не существовал.

Во время великой французской буржуазной революции аббатство было конфисковано, а земли его распроданы. Тогда же были разрушены и монастырские здания, в частности знаменитый клюнийский собор. Акварель первой половины XVIII в.[3] сохранила нам вид этих развалин, когда огромным изуродованным остовом еще стояли остатки апсиды и боковых нефов, однако скоро исчезли и они. От грандиозного собора, самого большого и величественного, какой знал романский стиль, осталась ничтожная часть — две боковые башни большого трансепта, да часть малого. В XIX в. место, где стоял собор, застроили, использовав при этом его же собственные старые камни. Там, где некогда возвышался величественный неф, расположился государственный завод племенных жеребцов, часть территории заняли гостиница, гараж и дорога. Словом, если не считать остатков трансептов, от собора почти ничего не осталось, когда сюда явились археологи американской Академии Средних Веков.

Не трудно представить себе, какое значение для социально-экономической истории средневековья, для изучения быта этой эпохи и ее искусства должны были иметь раскопки в Клюни, которые начались в июне 1928 г.

План клюнийского собора (как потом оказалось, неточный) был известен археологам. Это классический план бенедиктинской церкви в форме креста, усложненный с развитием монастырского зодчества. Он являл собой «архиепископский крест», двойной благодаря двум трансептам (рис.1). Неф собора, огромный, сильно вытянутый, заканчивался очень красивой в плане абсидой с пятью радиальными капеллами. Главному нефу собора предшествовал обширный нартекс. Именно на территории нартекса был сделан первый раскоп. Второй был заложен на месте главного портала. Одновременно начались раскопки в крайней точке апсиды — часовне св. Андрея. Четвертый раскоп был начат непосредственно близ сохранившейся башни большого трансепта.

Уже этот первоначальный период раскопок дал интереснейшие результаты. Во втором раскопе, у главного портала были найдены беспорядочно разбросанные в земле куски скульптуры, обломки фигур, несколько голов, очень искусно сделанных, камни, украшенные резьбой.

Раскопки, начатые в 1928 г., продолжались до 1938 г., когда работы были приостановлены, а затем надолго прерваны войной. Только в 1949 г. раскопки возобновились. Всего в ходе работ было сделано 90 раскопов;

---

[1] P. Léon. La vie des monuments français, Paris, 1951, стр. 360.
[2] Там же, стр. 427.
[3] Speculum, XXIX, 1954, № 1, стр. 43, рис. XVI, a.

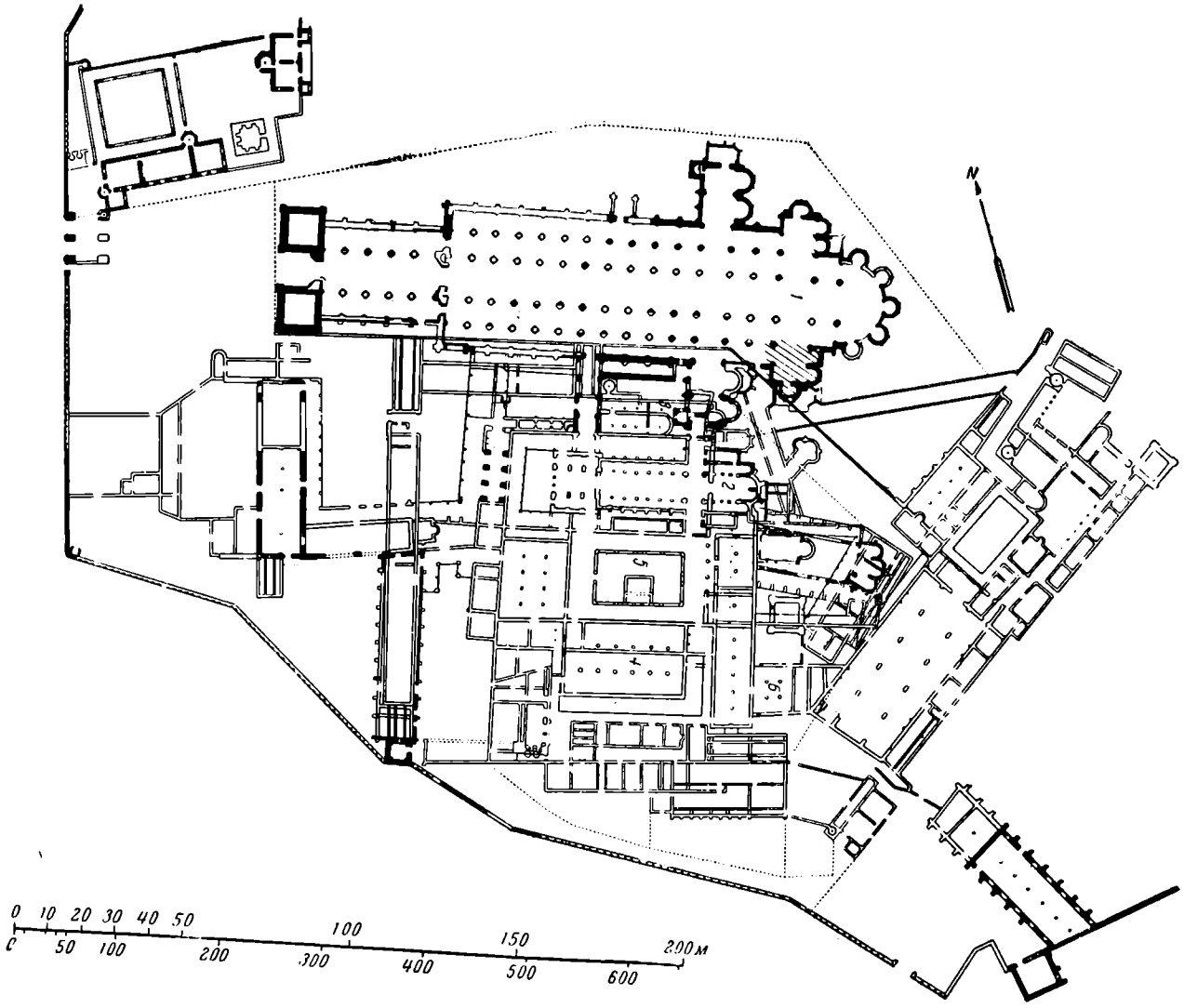


Рис. 1. План клюнийского аббатства. Жирной чертой обозначены сохранившиеся или открытые в процессе раскопок части здания. Штриховкой показаны сохранившиеся до нашего времени башни большого трансепта

1 — Клюни III; *2* — Клюни II; *3* — Клюни I; *4* — рефекторий; *5* — клуатр; *6* — дортуары

последний в 1950 г. завершил собою работу экспедиции. Результаты раскопок можно представить себе на основании рис. 1.

Многолетние раскопки позволили воссоздать точный план собора, установить даты создания его частей, что было, разумеется, нелегко, так как в течение веков он перестраивался и достраивался. Наконец, в результате раскопок стала возможна реконструкция этой величественной романской церкви. Найденные экспедицией многочисленные фрагменты позволяют восстановить детали здания, в частности композицию тимпана главного портала.

Работы экспедиции существенно дополняют то, что известно нам по письменным источникам. Как известно, основу клюнийского монастыря положил герцог Гийом Аквитанский, когда подарил монахам принадлежавшее ему в Бургундии небольшое владение. Археологи добрались до остатков этой усадьбы — охотничьего домика герцога, как полагает Конент,— и древней часовни. Раскопки показали, как возводились монастырские здания, как при аббате Берно возникла первая церковь, приземистая и маленькая. Поскольку, однако, X век принес Клюни богатство, политическую власть и всеевропейскую славу, убогая, тесная церковь уже не устраивала больше монахов. В конце X в. появляется новая, построенная при знаменитом аббате Майоле и освященная в 981 г. Эти церкви принято называть Клюни I и Клюни II, в отличие от большого собора конца XI в.— Клюни III, который и был главным предметом раскопок.

Археологическая экспедиция обнаружила следы подсобных и хозяйственных помещений монастыря, дортуары монахов, рефекторий (трапезную), кухню, кладовые, пекарни, мастерские, госпиталь и странноприимный дом. Словом, раскопки дали огромный материал для изучения быта эпохи. Но венцом их и крупнейшим успехом археологов были работы, связанные с реконструкцией клюнийского собора, которая потребовала большого труда. Данные раскопок тщательно сравнивались с описаниями аббатства, составленными в XVII—XVIII вв.

Результатом этой работы явилась реконструкция, сделанная одним из руководителей работ К. Дж. Конентом, воспроизведенная затем в моделях.

Важнейшей задачей археологов было определить время, когда строился собор. Уже данные раскопок 1928—1929 гг., исследование сохранившихся кусков трансепта, обломков главного портала, капителей обхода хора (амбулатория), некогда венчавших мраморные колонны,— все это заставило археологов прийти к выводу, что основная часть собора построена в конце XI в. Этот вывод, опровергающий точку зрения некоторых немецких и французских ученых, полагавших, что Клюни III является порождением XII в., вполне согласуется с данными письменных источников. Они сообщают нам, что собор был начат в 1088 г., освящен папой Урбаном в 1095 г. В 1109 г., как полагают, постройка в основном была закончена. В 1125 г. произошла катастрофа: рухнул свод нефа. Подобного рода катастрофы были не редкостью в тот период — освоение кладки арок и сводчатого перекрытия шло медленно, методы их искали вслепую, без всяких расчетов, поэтому возможность неудачи была весьма велика. Свод клюнийского собора был вскоре восстановлен, после чего было совершено его окончательное освящение (1130—1131 г.). Таким образом, строительство основной части собора было делом аббата Гуго (аббат с 1049 по 1109 г.). При аббате Петре Достопочтенном (XII в.), которому нередко приписывали строительство Клюни III, на самом деле возведена только часть нартекса .

Выводы клюнийской экспедиции весьма важны для понимания развития архитектуры и искусства Франции этого периода. Они убеждают, что именно от собора Клюни и через него распространялись новые культурные традиции. Клюнийские архитекторы, возведшие величественные

своды нефа и главного трансепта (это Гунзо или Гаузон, работавший над проектом, и Гезело, или Гезелон, осуществлявший все строительство), а также оставшиеся неизвестными резчики по камню, создавшие знаменитые клюнийские капители, художники и другие мастера создали образцы, которым нередко потом подражали строители других французских (и не только французских) монастырей.

Результаты раскопок несколько лет публиковались в журнале Speculum. На основании данных раскопок были прочитаны курсы в университетах и сделаны специальные доклады (в частности, на конгрессе, который собрался в 1949 г. в самом Клюни). Данные раскопок вошли во все новейшие работы, посвященные истории культуры и искусства этого периода.

В нашей науке, к сожалению, они известны далеко недостаточно. Сошлемся в качестве примера на такое издание, как «Всеобщая история архитектуры» (1958 г.) Академии архитектуры СССР. В разделе о романском искусстве три клюнийских собора, которые мы условились называть Клюни I, Клюни II и Клюни III, удивительным образом соединены в один, который в течение X—XI вв. якобы несколько раз перестраивался, пока не достиг размеров и вида Клюни III. Между тем раскопки ясно показали три здания, расположенные в разных местах (только Клюни III занял часть того пространства, где когда-то стоял маленький клюнийский собор первых лет существования монастыря).

Теперь, когда заполнен существенный пробел в истории средневековой культуры этого периода, мы должны составить о ней более полное представление.

* * *

Если X век был периодом, так сказать, первой клюнийской волны, когда монастыри поднимались из развалин или строились заново, то с середины XI в. начинается вторая волна: клюнийский орден, теперь уже богатый и могущественный, перестраивает свои соборы, заменяет старые и тесные новыми, большими и просторными.

Времена изменились. Теперь уже не только местная знать и окрестные жители собирались в монастырской церкви, но и многочисленные паломники. Эпоха крестовых походов еще не наступила, однако паломничества во второй половине XI в. были так многочисленны и многолюдны (главным образом — в Рим, Святую Землю и в испанский монастырь Сант-Яго Компостелла), что этот период некоторые историки называют периодом «крестовых походов до крестовых походов». Знатные паломники ехали верхом, простолюдины шли. Все они продвигались от монастыря к монастырю, которые играли роль своего рода гостиниц средневековья.

Первые клюнийские церкви были рассчитаны в основном на одну лишь братию, новые должны были вмещать уже огромные массы народа. Первыми перестраивают свои соборы те монастыри, которые стали местом паломничеств или были расположены на их путях. Внешний вид соборов и их интерьер должны были сильно измениться. Собор раздается вширь, вглубь и в длину. Неф вытягивается, появляются боковые нефы, иногда по два с каждой стороны. Нартекс, или Галилея (называемый так потому, что здесь оканчивались процессии монахов) вырастает в огромное здание, которое само по себе представляет нередко роскошную церковь. Сильно развивается апсида. Возникает обход хора (амбулаторий), соединяющий боковые нефы и создающий возможность многолюдных процессий и шествий, которые, продвигаясь одним боковым ходом, обтекали алтарь и возвращались другим. Если раньше в бенедиктинских базиликах существовал один алтарь, расположенный над криптой, то теперь появляется несколько малых. В соответствии с этим возникают

и малые апсиды-капеллы, радиально расположенные и украшающие центральную апсиду.

Сильно изменяется и внешний вид зданий. Возникают величественные башни. Вырастает великолепный портал (появляется перспективный портал с уменьшающимися вглубь арками), украшенный скульптурными фигурами. Масса здания, расчлененная этажами, украшается аркадами, фризами, пристенными колоннами и пилястрами.

Рис. 2. Клюнийский приорат Вольвик. Капитель (первая половина XII в.)

Порождение бурной эпохи паломничеств и путешествий, «открывания» новых земель, средневековый собор неизбежно должен был совмещать в себе различные элементы и быть средоточием различных влияний. В Клюни III искусствоведы находят сочетание стилей раннего христианства, римской классики, романского и многочисленных восточных — византийского, арабского, сирийского и даже армянского и грузинского.

Францию охватывает строительная лихорадка. Монастырские мастера (иногда они составляют своего рода артели, переходящие от аббатства к аббатству) выполняют труднейшие работы. По-видимому, мастера эти принадлежали к разным социальным слоям. Можно предположить, что положение мастера и художника повышало социальный статус человека — так, некий Фулько, серв аббатства Сент-Обен в Анжере, заключивший договор с аббатом на роспись церкви, становится по этому договору свободным, получает виноградник, дом и вступает в число «светских братьев» [4] (полумонашеская организация при монастыре). Когда умер знаменитый художник (иллюминатор) Клюни, аббат Гуго приказал служить по нем заупокойную службу, как по знатному князю [5].

Строительство соборов требовало огромных средств. Вне сомнения, монастыри получали их, не только увеличивая поборы с зависимых крестьян аббатства, но и получая помощь от могущественных сеньоров. Так, испанский король Альфонс VI в 1080 г. даровал на предполагаемое строительство собора 10 тыс. талантов [6], а в 1090 г. установил даже ежегодный чинш в пользу Клюни, по-видимому, также в связи со строительством. Светские сеньоры могли принимать в нем и более непосредственное участие. Так, одному из клюнийских приоратов (Вольвик) сеньор Гийом де Без преподнес колонну, на капители которой было запечатлено, как Гийом передает эту колонну аббату из рук в руки (рис. 2).

Французские соборы второй половины XI в. определяют собой огромный сдвиг, если не сказать перелом, в развитии романского стиля Франции. С понятием «романский стиль» в нашем представлении зачастую связаны тяжелые низкие своды на приземистых массивных столбах, мрачные стены, ощущение грубой весомости всего здания. Роден, любитель и знаток средневековых соборов Франции, пишет в своей книге о

[4] J. Evans. Art in mediaeval France 987—1498. London, New York, Toronto, 1948, стр. 15.

[5] F. Heer. Aufgang Europas. Wien — Zürich, 1949, стр. 407.

[6] Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny, ed. Bruel, IV, Paris, 1888, № 697.

них, что романский стиль — это стиль «смиренный и темный, как само рождение религии», что романская церковь напоминает глухой склеп, где нет воздуха, где «одна лишь тишина вибрирует, как свет», где «искусство в плену». Скудость убранства, простота скульптурных украшений и бедность их мотивов, бессюжетных, сводящихся подчас к довольно убогому орнаменту, Роден объясняет церковным мировоззрением тех времен. Монашеский аскетизм, презрение к миру определили собою это убожество и простоту, говорит он[7]. Обратившись к церковной литературе X—XI вв., мы действительно убедимся в том, что в основе ее лежит одна главная мысль — отрицание мира. Крупнейшие церковные авторы и деятели клюнийского движения аббаты Одо, Одило, Гуго и другие не устают твердить, что земная жизнь есть всего только горький сон, от которого хочется поскорее проснуться для жизни вечной, что мир земной исполнен одного зла и достоин только презрения. Это мрачное миросозерцание воспевало избавительницу смерть, прославляло страдание, как залог будущего спасения, оно создало культ слез, культ могильного праха, как символа человеческой бренности.

Как только мы обратимся, однако, к романским соборам времен Клюни III, нам тотчас станет ясно, что к ним все это не имеет никакого отношения.

Реконструкция Конента дает нам возможность представить себе внутренность знаменитого собора. Спокойно и торжественно поднимается вверх многоярусный главный неф из светлого известняка. В нем много пространства и много воздуха. Многочисленные окна трифория — заслуга клюнийской архитектуры — освещают его. Правда, толщина стен (2,5 *м*) должна была сильно затруднять проникновение света в здание, тем не менее сама композиция его создает чувство простора. Столбы, на которые опираются своды и которые так часто придавали раньше романским зданиям их тяжеловесный характер, здесь обработаны многочисленными стройными колоннами, создающими впечатление легкости. Это ощущение усиливают эмпоры, галереи боковых нефов, открывающиеся в главный неф изящными и богато украшенными аркадами. Вообще весь интерьер собора изобилует колоннами (всего их в соборе, считая и внутренние и расположенные по фасаду, было около тысячи), пилястрами, тонко профилированными карнизами. Настоящей гордостью искусства той поры являются капители клюнийского собора — некоторые из них были обнаружены в ходе раскопок, часть сохранилась вместе с башнями трансепта. Каменные цветы и листья сплетаются здесь с фигурами живых существ.

Апсида собора расписана яркими фресками, тимпан портала украшен скульптурой. Сверкает бронза и золото канделябров. Вспомним при этом, что средневековая скульптура была раскрашена — так, у головы, найденной близ главного портала, были розовые губы, голубые глаза, коричневая борода и т. д. Раскрашивались и капители колонн, которые, вероятно, очень ярко горели на фоне светлого известняка. Все вместе взятое должно было поражать своим величием и роскошью, подчас, должно быть, довольно варварской. Словом, здесь мы найдем весьма мало сходства с теми смиренными и темными романскими церквами, о которых говорит Роден. В самом подражании классическим образцам уже было что-то языческое и праздничное.

Интерьер собора производит впечатление величественной соразмерности, в его пропорциях не мрачная отрешенность от мира, а светлое утверждение его; и не смирение здесь, а, как раз напротив, величие и гордыня, торжествующее сознание своего могущества.

Этот резкий переход в развитии романского стиля от Клюни II к Клюни III ясно ощущали уже сами современники. Когда монахи после

[7] A. Rodin. Les cathédrales de France, Paris, 1921, стр. 78.

старого собора вошли в новый,— рассказывает биограф аббата Гуго, строителя Клюни III,— им показалось, что они из темницы вышли на волю и что теперь у них «словно бы каждый день пасха»[8]. По красоте своей эта церковь,— добавляет анонимный автор «Чудес св. Гуго»,— может быть названа скорее обиталищем ангелов и местом их прогулок[9].

Не только монастырская церковь изменяет свой характер, но и некоторые монастырские здания. Обычно рефекторий и другие подсобные помещения, как свидетельствуют раскопки, отличались простотою. Зато большое развитие получает клуатр, крытая галерея или дворик, соединяющий монастырские строения с собором. Здесь монахи проводили часть дня, здесь в определенное время они могли разговаривать друг с другом (в клюнийских монастырях соблюдался обет молчания; были часы, когда монахам воспрещалось разговаривать совсем и можно было объясняться только знаками). Клуатр, подобно собору, становится все более изящен по своим пропорциям и богат по своей отделке, невысокие колонны изящных аркад придают ему праздничный вид.

На первый взгляд мы сталкиваемся здесь с неразрешимым противоречием. Мировоззрение, насквозь проникнутое мраком и пессимизмом, жаждой смерти и культом старых костей, удивительным образом порождает искусство праздничное, радостное, пронизанное сознанием жизненной силы.

Действительно, как могли люди, презирающие мир, создать эти цветы и листья капителей, на которые не устает радоваться глаз, зачем нужны им были прекрасные пропорции и яркие краски? Противоречие это кажется тем более неразрешимым, что другой вид клюнийского искусства — литература (прежде всего различные жизнеописания, чаще жития святых) — находится в точном соответствии с духом монашеского миросозерцания. Все здесь обескровлено, лишено красок, погублено тенденцией. Клюнийская житийная литература не только неспособна была создать реальные характеры, но, наоборот, фальсифицируя их в угоду бледному монашескому идеалу, она убивала их. Приведем в качестве примера житие Адельгейды, написанное клюнийским аббатом Одило[10].

Жизнь исторической Адельгейды вполне могла бы дать материал для рыцарского романа. Особенно бурной, исполненной приключений была ее юность. Так, например, она попала в плен к итальянскому королю и бежала ночью из окна неприступной башни замка Гарда по веревочной лестнице. С трудом избежала она погони — один из современников рассказывает, что юная Адельгейда лежала в меже, пока королевские всадники рыскали по полю. По зову Адельгейды в Италию пришел Оттон I, и гонимая королева стала его женой и могущественнейшей государыней Европы. Она пережила мужа и сына, стала правительницей при внуке, участвовала в придворной борьбе. Словом, перед нами яркая, энергичная личность и незаурядная судьба. Но как все это меркнет и увядает под пером клюнийского аббата! Утомительное перечисление добродетелей, чудес и добрых дел, обязательных для благочестивых сеньоров того времени,— раздача милостыни, посещение святых мест, строительство монастырей и дарения им,— делает ее совершенно неотличимой от героинь прочих средневековых житий.

Житийная литература клюнийской поры носит аристократический характер. Сколько бы авторы житий ни восхваляли смирение и бедность, героями своими они делают владетельных сеньоров, святых рыцарей и благочестивых дам. Когда клюнийский аббат Одо задумал написать

---

[8] Recueil des textes relatifs à l'histoire de l'architecture et à la condition des architectes en France au moyen âge XI—XII siècles, ed. V. Mortet, Paris, 1911, стр. 272—273.

[9] Speculum, V, № 1, 1930, стр. 87.

[10] Odilonis Epitaphiam Adelhaidis. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores, IV, стр. 633—645.

житие праведника и чудотворца, он избрал не монаха и не отшельника, но могущественного графа Орильяк [11]. Точно так же и аббат Одило не случайно избрал героиней жития Адельгейду. Процесс аристократизации церковной литературы шел очень глубоко. Жития населились знатью. Само священное писание теперь уже читают по-другому. Все эти святые пастухи, рыбаки и плотники, созданные фантазией угнетенного народа первых веков нашей эры, трансформируются вместе со своим богом. Они превращаются в могущественных рыцарей. С другой стороны, сонм святых пополняется за счет феодальных сеньоров. Создается новый, аристократический пантеон.

Все эти святые проходят перед нами бледными тенями, условными знаками добродетели, и не несут в себе ни одной человеческой черты. Эта безжизненная литература, повторяющая самое себя в бесконечных назиданиях, кажется несовместимой с клюнийской архитектурой. Трудно себе представить, что люди одного и того же круга, одних взглядов и настроений могли писать подобные жития и строить такие соборы.

Чтобы понять и объяснить это противоречие, необходимо несколько ближе приглядеться к характеру изобразительного искусства эпохи Клюни III — его живописи, скульптуре, архитектуре [12]. Это церковное искусство также носит на себе печать аристократизма, печать рыцарского происхождения. Эту мысль высказал еще французский искусствовед Фасийон и подробно развил в своей книге «Восход Европы» Ф. Хеер; ее разделяют и некоторые другие современные историки средневековой культуры.

В самом этом явлении нет ничего удивительного. Все, что мы знаем о клюнийской реформе — ее рождении, методах ее проведения и конечных результатах,— говорит нам о ее рыцарском характере [13]. Реформа от начала до конца была осуществлена силами крупного рыцарства, могущественных светских сеньоров. Одни из них строили монастыри, собирали монахов, дарили им земли и крестьян, другие — обычно сыновья или вассалы основателей — надевали рясу и становились аббатами, чтобы создать хозяйственную, политическую и духовную мощь обители. Как бы усердно ни провозглашалась независимость и свобода монастырей, они не могли не оставаться в сфере сильного влияния светской власти. И сколько бы ни менялся духовный облик человека после вступления его в монастырь, он не мог оставить за его стеной свое рыцарское воспитание и рыцарский нрав; он приносил их в монашескую келью вместе с сословными предрассудками и сословными вкусами.

Таким образом, в душе людей, создавших это искусство, должны были соединяться трудносоединимые взгляды и представления, что не могло не придавать самому искусству двойственный характер.

Дело усложняется тем, что очень трудно установить авторство, когда речь идет о средневековом соборе. Многое здесь определялось церковной традицией [14]. Большое влияние на характер собора должен был иметь аббат, а возможно и вся монастырская верхушка, те fratres seniores,

---

[11] Vita sancti Geraldi. Auriliacensis comitis, Migne, Patralogia Latina, т. 133.

[12] Следует заметить, что, говоря о клюнийском искусстве, я подразумеваю не только архитектурный стиль, родившийся в самом Клюни, а общий характер всего того искусства, которое было порождено клюнийским монашеством, независимо от архитектурной или иной школы, к которой относится тот или другой памятник.

[13] Подробнее см. об этом: О. Г. Чайковская. Клюнийское движение, X—XI вв., его социальный и политический характер. Сб. «Вопросы истории религии и атеизма», № 8, М., 1960.

[14] Так, по решению 2-го Никейского собора план и композиция церкви, а также монастырских строений должны были определяться церковной традицией. Фарфский устав (Фарфа — итальянское аббатство клюнийского ордена), принесенный из Франции, показывает, как подробно регламентировалось дело строительства церкви и других помещений монастыря. Здесь указана длина, ширина и высота церкви, число окон, толщина стен и т. д. (Migne, Patrologia latina, CL, стр. 1193).

которые вместе с аббатом управляли монастырем. Это были люди, отнюдь не удаленные от мира (как в этом нередко хотят убедить нас авторы средневековых житий, а за ними и некоторые западные ученые), но наоборот, вполне погруженные в дела его. Эти энергичные монахи разъезжали по Франции и за ее пределами, много видели, могли сравнивать и выбирать. Огромный размах клюнийской конгрегации, включавшей в себя монастыри нескольких стран, должен был способствовать проникновению в клюнийское искусство самых различных влияний, вплоть до восточных, широко идущих во Францию через Италию и Испанию.

Если план собора был в основном предрешен, то во многом другом аббат был свободен. От него зависело, избрать ли дорийскую волюту или коринфский акант. Сами аббаты подчас были весьма сведущи в архитектуре (так, Дезидерий, аббат крупнейшего монастыря и клюнийского центра в Италии Монте-Кассино, ставший папой после Григория VII, был архитектором) и сами составляли монастырские проекты [15]. К духовенству принадлежали и архитекторы собора Клюни III. Гунзо стал аббатом Бома (одного из первых клюнийских монастырей), Гезело был каноником в Льеже.

Огромная роль, естественно, принадлежала тем мастерам, которые строили собор непосредственно, от их вкуса и искусства зависело многое. Мы далеко не всегда знаем авторов проекта, что же касается резчиков по камню, скульпторов, художников, то их мы не знаем почти никогда. По своей квалификации эти люди были весьма неоднородны — так, среди капителей Клюни, наряду с необыкновенно изящными, попадаются грубые, топорные, сделанные, как полагает Конент, неискусной рукой какого-нибудь деревенского каменщика [16]. В строительстве собора так или иначе принимали участие и монахи и миряне. Мы сделали бы, однако, большую ошибку, если бы стали искать в этом органическом единстве каких-то отдельных черт, отражающих мирские или, наоборот, церковные тенденции. И если мы говорим о том, что это двойственное церковно-рыцарское движение породило двойственное искусство, то этим отнюдь не предполагаем эклетичное соединение в нем различных черт и элементов. Мы хотим только отметить те различные течения, которые, как нам кажется, слились в нем воедино. Это слияние органично, оно точно соответствует неразрывно соединенным началам монашеского и рыцарского в клюнийском движении в целом и в каждом его деятеле в отдельности. В чем же заключается эта «двойственность»?

* * *

Когда Роден вошел в древнюю романскую церковь, ему показалось, что он «вошел в собственную душу» [17]; ничто не проникало сюда, под эти своды, похожие на склеп, ничто не отвлекало мыслей и чувств. Что же должен был чувствовать человек, когда он ступал под грандиозные своды клюнийского собора, в этот простор, царство резного камня, ярких красок, сверкание бронзы и золота? Или в собор знаменитого аббатства Флери, ставшего в конце X в. центром северофранцузского монашества (рис. 3). Трудно отказаться от мысли, что перед нами дворец могущественного государя, поражающий своей чисто светской красотой и роскошью.

Оказывается, теперь монахам уже не мóлится под глухими тяжкими сводами среди голых стен. Говоря о величии и красоте клюнийского храма, автор «Чудес св. Гуго» простодушно добавляет, что теперь братии уже не придется роптать на низкие своды и она может «свободно

[15] О. Шуази. История архитектуры, II, М., 1937, стр. 230 сл.
[16] Speculum, IV, 1929, № 3, стр. 294.
[17] A. Rodin. Ук.соч., стр. 81.

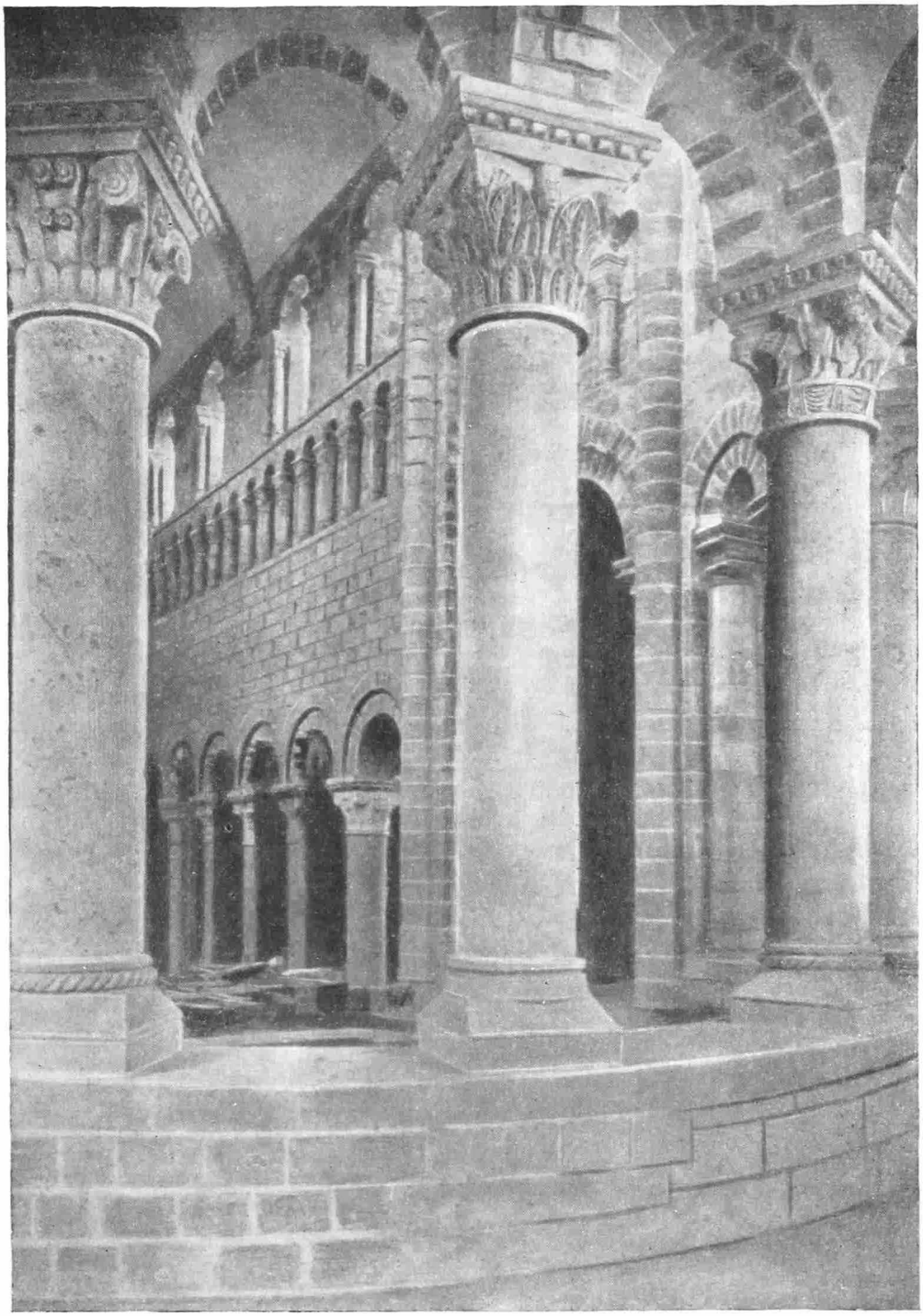


Рис. 3. Клюнийское аббатство Флери. Часть амбулатория (вторая половина XI в.)

и без печали предаваться божественному созерцанию». Видимо, для созерцания божества теперь требуются искусная кладка и богато украшенные капители. Не следует, конечно, преувеличивать светский характер клюнийской архитектуры. Все здесь организовано по бенедиктинскому плану, сжато в узкий неф, вознесено ввысь — это церковь. Вероятно, творцы ее самым усердным образом трудились «во славу божию» и строили «дом божий». И тем не менее в труде их независимо от них воплощалась эпоха, новое понимание и мира и религии. И чем ближе ста-

нем мы присматриваться к характеру и сюжету орнаментов, скульптуры и живописи, тем яснее мы это ощутим.

На первый взгляд клюнийские церкви производят впечатление величия и покоя. Очень часто так их и воспринимают. Ф. Хеер в своей книге видит здесь идеальное равновесие, внутреннюю гармонию и полное спокойствие [18]. Действительно, интерьеры клюнийских церквей нередко близки к классике, недаром они так много взяли от нее. Так, капитель коринфского ордера (рис. 4) указывает на тонкий вкус и большое искусство ее творца. Но уже в этой капители можно почувствовать значительное отклонение от античных образцов. В ее заостренных, вытянутых, словно бы немного смятых ветром листьях нет того покоя и внутреннего равновесия, которые отличают капители античного ордера.

Рис. 4. Клюни III. Капитель колонны амбулатория (около 1096 г.)

По большей части резчики по камню забывали об античных образцах. Подчас капитель украшается не условными завитками дорийского или листьями коринфского ордеров, но скульптурой, иллюстрирующей священное писание или являющей собою благочестивую аллегорию. Таковы капители клюнийского амбулатория, аллегорически изображающие Мужество, Мудрость (рис. 5) и др. На капители (рис. 6) изображены четыре реки рая, среди них — обнаженная человеческая фигура, опоясанная змеей. Четыре райских дерева изображают яблоню (дерево познания), смоковницу (символ грехопадения), виноградную лозу (символ искупления) и миндаль (знаменующий воскресение).

Однако очень часто монастырские мастера искали себе совсем иные сюжеты [19]. Капители колонн украшаются самыми причудливыми фигурами и узорами. Образцами могли служить узоры ковров, парчи, покрывал. Так, простодушные слоны на капителях клюнийского приората Монтьернеф (рис. 7) взяты с сирийского шелка, которым покрывали мощи святого. Сюжет для орнамента или скульптуры мог также создаваться под влиянием драматических произведений, которые разыгрывались в монастыре силами самих монахов (например, поклонение волхвов, встреча Христа с учениками, притча о деве разумной и деве неразумной и т. д.).

Иногда клюнийские мастера переводили в камень рисунки манускриптов монастырской библиотеки, орнамент заглавных букв и заставок, которыми так богаты средневековые рукописи. Обыкновение раскрашивать скульптурные изображения способствовало сближению каменного орнамента с рисунком. Этот последний вид капителей представляет для нас наибольший интерес. Уже сам орнамент монастырских манускриптов не может не привлечь нашего внимания. Причудливо и сложно вьется узор инициалов и заставок, в него обязательно вплетены могучие злые

[18] F. Heer. Ук соч., стр. 406.
[19] См. Evans. Ук. соч., стр. 32.

Рис. 5. Клюни III. Капитель колонны амбулатория. Мудрость (около 1096 г.)

звери, собранные в кольца гады и хищные орлы. В своих клювах, пастях, лапах держат они завитки букв и узоры орнамента (рис. 8); кажется, они грызут их и приходят в бешенство от того, что не могут перегрызть. Их когти, хвосты, в сильном движении изогнутые тела сами по себе образуют орнамент; повсюду из хитросплетений цветного узора мрачно и зло глядят их глаза. Почему же именно их, этих царственных и злых животных рисовали смиренные монахи в тиши монастыря?

Перейдя из манускрипта в камень романской капители, все это зверье не утеряло своего свирепого характера. На колонне клюнийского приората Лейрак (1072—1085) изображены хищники в таком изобилии, что в этом клубке когтей, хвостов, энергично упертых лап и оскаленных пастей просто трудно разобраться.

Странное впечатление производят эти сплетенные в борьбе твари, зажатые между глухими и гладкими камнями абака и стволом колонны. Такое же нагромождение хищников видим мы и на капители в Флери (вторая половина XI в.).

Рис. 6. Клюни III. Капитель колонны амбулатория. Четыре реки рая (около 1096 г.)

Рис. 7. Клюнийский приорат Монтьернеф. Капитель (около 1085 г.)

Рис. 8. Орнамент манускрипта аббатства Муассак (около 1070 г.)

Самые диковинные существа встречаются на церковных капителях этого века. В соборе святого Петра в Флавиньи изображены хвостатые звери (не то львы, не то лошади) на птичьих ногах и с волчьими головами. Кажется, что в них воплотились мечты чьей-то беспокойной души о невиданных странах и тварях — мечты, столь понятные в век, когда созревали идеи крестовых походов.

Быть может, одним из самых замечательных примеров являет собой колонна монастыря Суийяк, от основания до самого верха покрытая скульптурными изображениями каких-то фантастических животных, ужасных полузверей, полуптиц. Громоздясь друг на друга, упираясь друг в друга когтями, зло выкатив глаза, терзают они крепкими клювами все живое, что попадается на пути. Безнадежно беспомощным кажется среди этих могучих когтей и клювов слабое человеческое тело.

Откуда же пришла в церковную архитектуру эта струя мрачной энергии и жестокости, откуда это пристрастие к когтям и хвостам? Уж не с рыцарских ли гербов явились сюда эти львы, орлы и змеи?

Настроения борьбы, тревоги, ярости резко вторгаются в покойное и величавое равновесие клюнийских церквей. Удивительным образом, однако, это соединение казалось бы несовместимых тенденций не нарушает общего единства, не разрушает внутренней целостности всего здания. И все-таки характер его меняется. Потеряв в соразмерности, это искусство приобретает какую-то странную працию, диковатую живость, которые делают его еще более привлекательным. Феодальный мир с его тревогами и непрестанными сражениями, вторгаясь в церковную архитектуру, придает ей неповторимый колорит рыцарской эпохи. Однако как бы органично и неразрывно ни вплетались эти светские тенденции в архитектурный ансамбль, уже по одному своему сюжету они, казалось бы, должны были вступать в противоречие с тем «кротким духом бенедиктинства», о котором нередко говорят западные историки культуры. Между тем, чем ближе будем мы знакомиться с изобразительным искусством Клюни, тем более сомнительным будет нам казаться этот «кроткий дух».

Главный портал Клюни III, как уже говорилось, был украшен скульптурой, обломки которой дали возможность профессору К. Дж. Коненту совместно с Элен Клейншмидт реконструировать общий вид скульптурной группы [20]. На тимпане главного портала изображен Христос на престоле, обычный сюжет бенедиктинских церквей этого периода. Он же был повторен на фреске, украшавшей большую апсиду собора. Апсида была полностью разрушена, однако представление о ее живописи можно получить, ознакомившись со стенной живописью апсиды клюнийского приората Берзе-ла-Вий, которая являет собой подражание клюнийской. Уже Ф. Хеер, говоря об этой живописи, отмечал ее аристократический характер. В белом одеянии и пурпурной мантии на фоне голубого неба (в который раньше были вделаны металлические звезды) сидит величественный царь небесный и судья.

Этот сюжет — «Христос во славе», ставший традиционным в клюнийских монастырях, был почерпнут из Апокалипсиса и распространился во Франции благодаря так называемому «Беатус манускрипту», возникшему в Испании (Беатус — священник из Астурии) в VIII в. и представлявшему комментарий к Апокалипсису. Почти каждый крупный монастырь имел в своей библиотеке рукопись этого сочинения.

Христос, изображаемый в клюнийских церквах, это тот, о котором автор Апокалипсиса говорит в четвертой главе. В грозном и мрачном видении открываются ему небеса, и он видит бога со сверкающим лицом на престоле, от которого исходят «молнии, громы и гласы». Тут же восседают двадцать четыре старца в белых одеждах и золотых венцах. Перед престолом «стеклянное море, подобное смарагду», а вокруг престола диковинные твари — одна подобна льву, другая — тельцу, третья с человечьим лицом, четвертая «подобна орлу летящему». Эти фантастические твари показывают пророку будущее мира, когда «промчится конь бледный, имя которому смерть» и содрогнется земля, горы сдвинутся с места, «и солнце станет мрачно, как власяница, и луна сделается, как кровь», звезды посыпятся с неба на землю, а само небо совьется свитком и исчезнет. В великих муках будут погибать люди, станут просить смерти и не найдут ее.

Христос, изображенный здесь, не имеет ничего общего с Христом евангелий, кротким проповедником нищеты, смирения и любви к ближнему, чей образ рожден фантазией и надеждами угнетенного народа. В боге Апокалипсиса нет любви, это бог гнева и мести, он несет страдание и не знает жалости. Этого бога Страшного суда сделали клюнийцы своим богом. Как видно, «кроткие бенедиктинцы» обладали совсем не

---

[20] Speculum, XXIX, № 1, 1954, стр. 41.

Рис. 9. Сакраментарий из Ребэ (диоцез Мо), VIII в. Христос на кресте

таким уж кротким нравом и смиренными вкусами, как это нередко им приписывают.

Чтобы понять, насколько модифицировался образ Христа с развитием клюнийской культуры, стоит только сопоставить этого клюнийского бога с Христом старых бенедиктинских монастырей той поры, когда монашество не приняло еще столь аристократического характера и не приобрело такого могущества. Сравним изображение Христа в одном из монастырских манускриптов XI в. с его изображением в рукописи сакраментария [21] из Ребэ (диоцез Мо) VIII в. Различие здесь настолько разительно, что его трудно счесть случайным.

[21] Сакраментарий — церковная книга, в которой содержатся тексты литургии.

Сакраментарий изображает Христа, распятого на кресте (рис. 9). Руки и ноги его пробиты большими гвоздями, из бока хлещет кровь. Рисунок слаб и примитивен, но он привлекает к себе внимание глазами Христа, которые господствуют здесь и создают настроение. Этот взгляд не только глубоко осмыслен, он очень сложен по содержанию. Художник повторил его в еще более выразительном рисунке того же сакраментария, изображающем инициал «О»,— взгляд трагический, исполненный боли и словно бы налитый слезами (рис. 10). Художник упорно искал средства, чтобы с максимальной силой выразить всю глубину страдания, поэтому рисунок производит впечатление большой человечности.

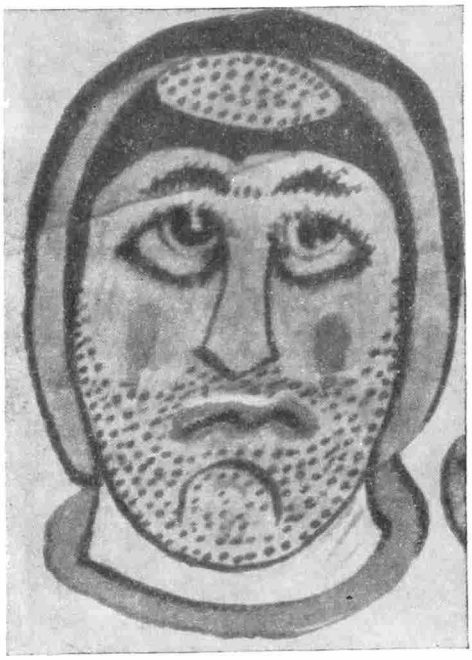


Рис. 10. Сакраментарий из Ребэ (диоцез Мо), VIII в. Инициал О

Обратимся к «Беатус-манускрипту» из монастыря Сен-Север, составленному между 1028 и 1072 гг. и богато иллюстрированному. Художник рисует ужасные картины страдания и гибели людей в день Страшного суда. Здесь и гигантская саранча Апокалипсиса, посланная богом на погибель людям, и апокалиптические звери, и ужасные безглазые трупы. На одной из страниц этого манускрипта изображен и Христос (рис. 11). Он восседает в кругу мандорлы, которую поддерживают два ангела — тоже традиционный мотив клюнийских монастырей. Как бы ни было неумело изображение, не может быть сомнений — это бог Апокалипсиса. Все здесь в энергичном движении — и ангелы с разметанными крыльями, и сам Христос. И в этом рисунке тоже самое замечательное — глаза. Точка, поставленная в центре широко обведенного глазного яблока на клюнийском рисунке, создает впечатление, что глаза эти выкатываются от бешенства,— эффект, который вряд ли мог остаться незамеченным автором и, по-видимому, был им рассчитан. Если целью франкского рисунка было вызвать сострадание, то этого — один только страх. Клюнийским монахам, по-видимому, не хотелось изображать Христа поверженным и страдающим, им гораздо ближе по духу был победитель и властелин.

Живописные скульптурные изображения Христа в клюнийских церквах носят более спокойный характер, однако подчас далеко не такой спокойный, как им приписывают. Тимпан клюнийского аббатства Муассак (рис. 12) изображает ту же традиционную сцену, которая описана в четвертой главе Апокалипсиса. В полукруге арки, богато украшенной орнаментом, сидит Христос с двадцатью четырьмя старцами. Все фигуры сделаны в высшей степени искусно. Однако Христос здесь очень похож на идеального Карла Великого в кругу своих советников и военачальников. Это могущественный феодальный сеньор, широкоплечий, статный и бородатый. Ни тени сострадания или вообще мысли нет на этом лице,— одно лишь сознание власти. Скульптура производила бы впечатление покоя, если бы не фигуры ангелов и особенно апокалиптических тварей, которые придают ей тревожный характер и вновь напоминают нам узоры клюнийских манускриптов. Могучая фигура рыцаря Христа, статуарная, застывшая, окружена атмосферой страха и трево-

Рис. 11. «Беатус-манускрипт» из аббатства Сен-Север (1028—1072 гг.). Христос

ги, соответствующей духу Апокалипсиса. Поэтому и статуарность ее лишена покоя, но по контрасту с окружающим движением создает впечатление напряженности. Тимпан опирается на одинокую колонну, рассекавшую вход пополам. Она кажется сплетенной из каких-то сильных и страшных животных, не то львов, не то псов, покрытых узорами шерсти.

На тимпане южного портала церкви в Болье сцена страшного суда представлена с еще большим напряжением. Здесь уже все в смятении — фигуры Христа, старцев, ангелов. В нижней части тимпана, под ногами Христа скачут львы и вепри, ползут, свиваясь в кольца, какие-то гады. Все вместе взятое производит очень мрачное впечатление. Глядя на эти

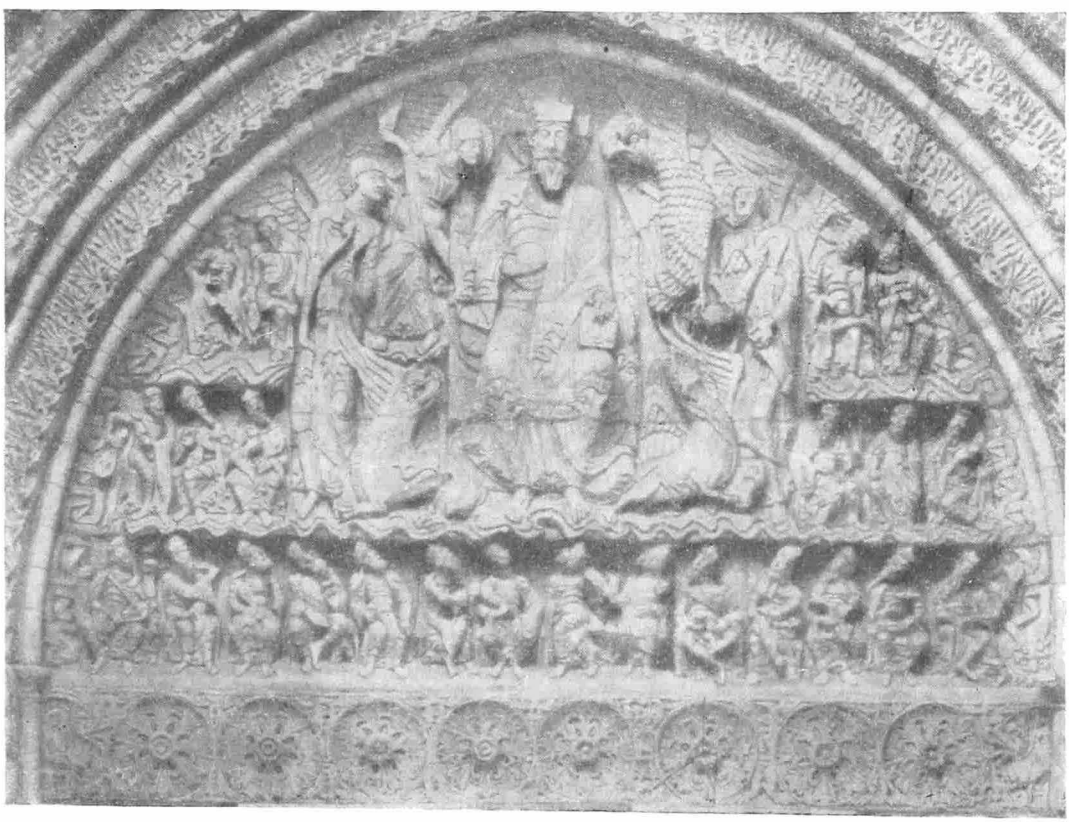


Рис. 12. Клюнийское аббатство Муассак. Тимпан Южного портала (около 1110 г.)

тимпаны или на колонну из монастыря Суийяк, трудно согласиться с Ф. Хеером, когда он говорит о гуманности, умиротворенности и полном покое этого искусства.

Когда мы говорим, что в монастырское искусство вторгается со своими тревогами феодальный мир, это не значит, что мы предполагаем чисто внешнее влияние и вторжение, подобное нападению соседнего феодала на монастырские угодья. Это вторжение феодального мира в самую душу монаха.

Человек, стоящий под сводами одного из клюнийских соборов, невольно поддается обаянию его величественных пропорций, и у него может создаться впечатление, что клюнийская конгрегация была идеальным миром светлой радости и покоя. «Тот, кто вступает в бенедиктинское аббатство,— пишет Джоан Ивенс, один из крупных знатоков средневековой культуры,— чувствует себя в ином мире. Борьбе и опасности сюда нет ходу... Эти монахи жили в прелестном мире камня, великолепно расположенного и красиво построенного, украшенного скульптурой, сверкающего бронзой, сияющего золотом и красками, полного ароматом курений. Их руки не знали ни меча, ни заступа, но только перо и пергамент» [22]. Увы, тот, кто изучал, например, клюнийский картулярий, никак не сможет согласиться с этой идиллической картиной. Действительно, клюнийские монахи не знали меча и заступа, однако это далеко не значит, что мысли их были освобождены тем самым для одной лишь науки и молитвы. Они были заняты тысячью различных вещей, в том числе и хозяйственных. Бесчисленные грамоты клюнийского картулярия доказывают нам, что покупкой, продажей, обменом земельных участков с крестьянами и без крестьян занимались не только аббаты, но и многие монахи. Владения монастыря, разраставшиеся с огромной быстротой, требовали тем большего внимания и забот, что росли они за счет дарений земельных участков различной величины и качества, далеко разбросанных друг от друга,— то это были целые поместья, то куски луга, то четверть церкви, то половина мельницы. Создавалась весьма пестрая и сложная картина монастырского хозяйства, которым не так-то легко было управлять.

Да и не одно хозяйство занимало клюнийских монахов. Они были крупными политиками, принимали самое деятельное участие в делах светских сеньоров, с которыми их связывали тесные узы сословных связей или родства. Но дело, конечно, не только в том, что монахи отвлекались от молитвы и латыни для более мирских дел. Само их мировоззрение должно было быть сложным и противоречивым, как сложным и противоречивым было мировоззрение всей эпохи. Это проявлялось и в большом и в малом.

Разве не резкий контраст для нас являет собою изящный филактерий [23], с большим вкусом украшенный тонкой чеканкой и драгоценными камнями, единственное назначение которого — заключать в себе старый отвратительный зуб или почерневшую кость? И разве не странно читать нам в хрониках о благочестивых сеньорах, которые дерутся из-за этой святыни и каждый надеется унести ее с собою хотя бы и ценой крови? Все это так же сложно, как и храм, величественный и спокойный, чьи колонны несут на себе клубок хищных тел, когтей и клыков.

Никак не следует думать, что монастырь жил в тиши и полном покое — даже о полной безопасности его не может быть и речи. Сомнительной представляется и мысль, подробно развитая Ф. Хеером в его книге [24], где он говорит, что клюнийская культура и особенно клюнийское искусство оказывали огромное облагораживающее влияние, под

[22] J. Evans. Ук. соч., стр. 31.

[23] Филактерий — небольшой переносной реликварий, в котором реликвии носили во время процессии.

[24] F. Heer. Ук. соч., стр. 389.

воздействием которого рыцари той поры уже перестали быть прежними феодальными разбойниками. Монастырские хроники переполнены жалобами на притеснения и насилия, которые творили светские сеньоры по отношению к церкви, не останавливаясь порою даже перед прямым вторжением в аббатство. Более того, благочестивый строитель монастырей, защитник и друг монахов, явившись войною в пределы своего соседа, не задумываясь разрушал монастырь и жег его прекрасный собор.

Нельзя также думать, что монастырская община представляла собой нечто вроде единой дружной семьи. В среде монахов неизбежно возникали группировки, враждующие между собой. Источники часто доносят нам отзвуки таких внутримонастырских бурь даже и в самом Клюни. Правления великих аббатов Одо и Одилона сопровождались жестокой борьбой. Чаще всего она обнаруживалась в тот момент, когда умирал аббат и начиналась борьба за его сан. Жестокость этой борьбы подчас приводила в ужас даже современников той беспощадной эпохи. Так, некий аббат Трансмунд, чтобы смирить строптивого монаха, приказал вырвать ему язык и глаза. Папская власть в этот период была в руках Григория VII, в прошлом клюнийского монаха. Он не только выступил в защиту аббата, но впоследствии сделал его епископом.

Смысл и характер клюнийского движения раскроется нам только в том случае, если мы станем его рассматривать во всей сложности и противоречии, в столкновении множества различных определяющих его факторов. Точно так же и клюнийское искусство не может быть понято, если не видеть в нем порождение сложной и противоречивой эпохи.

* * *

Отмечая, однако, в романском искусстве второй половины XI в. это сочетание покоя и тревоги, радостного и зловещего, светлого и мрачного начала — сочетание, которое во многом создает его прелесть,— мы не можем не чувствовать, что покой и равновесие здесь преобладают и господствуют. Отметив сложность и противоречивость этого искусства, мы все же можем согласиться с теми, кто утверждает его светлый, радостный и гуманистический характер.

Своды клюнийских соборов поднимаются высоко, но в движении этом нет ничего исступленного, преувеличенного, никакого фанатизма или мистического экстаза. Это поистине эпическое величие, согретое подчас большой человечностью.

Ту же спокойную красоту видим мы во многих капителях и скульптуре Клюни III. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на голову спящего воина, найденную во время раскопок. Это прекрасное тихое лицо поражает своей гармоничностью [25].

Вторжение в клюнийское искусство темы жестокости и тревоги легко находит свое объяснение в особенностях эпохи, а равно в рыцарском характере самого церковного движения X—XI вв. Откуда же все-таки пришло в это монашеское искусство все то светлое и радостное, что делает его столь человечным? Как мы уже видели по клюнийской литературе, монастырскому мировоззрению этот светлый гуманизм отнюдь не был ствойствен. Зато если обратиться к другому виду литературы этого периода — рыцарскому эпосу, то здесь, как нам кажется, мы найдем чрезвычайно важные для нас черты сходства, которые позволят, быть может, лучше понять характер клюнийского искусства в целом. Вспомним «Песнь о Роланде» — этот чисто рыцарский эпос, от начала до конца порожденный бурной феодальной эпохой XI—XII вв.

Уже с самого начала «Песни» в ней возникает тревога, предчувствие гибели героев. Императору Карлу снятся тревожные сны — на него напа-

---

[25] Speculum, VI, 1931, № 1, стр. 14, рис. 11 а.

дают то вепрь, то барс (кажется, что в этих сновидениях Карла ожили каменные капители клюнийских соборов). Но это только лишь начало. Атмосфера тревоги все сгущается, пока не разрешается катастрофой боя. В сценах битвы все время, сплетаясь, борются два противоположных чувства: ощущение трагизма происходящего и безмерная, свирепая, чисто дикарская, чисто рыцарская радость битвы. «Песнь о Роланде» одна из самых жестоких и кровавых поэм в мировой литературе.

Автору (и его слушателям) мало общего описания боя, когда «течет ясная кровь» и «труп на труп валится», он с увлечением входит в подробности, и подробности эти ужасны. Ему нужно видеть, как «мозги глядят и пучатся сквозь щели» черепа, как меч «проходит промеж глаз, через кость лобовую». Ему радостно видеть, как Роланд «пронзает щит и разбивает латы, кости дробит, сквозь грудь пробил он рану, высадил вон весь позвоночник сразу». Герои гордятся своими ударами и радуются чужим. Когда герцог Самсон, сражаясь с альмансором, ему «сердце рассек и легкое порвал»,— «вот баронский удар»,— говорит епископ Турпин.

Казалось бы, не может быть и речи о человечности этой поэмы, между тем она исполнена глубокого гуманизма.

Как бы ни отталкивали нас все эти чудовищные подробности, атмосфера нарастающего боя неудержимо и властно затягивает нас. Все это потому, что исход боя предрешен и что герои предательством обречены на гибель. Сквозь гром битвы, хруст костей, крики радости и похвальбы все сильнее слышится нарастающая нота печали. Это последняя битва Роланда и Оливье. Тема верности, неподкупной дружбы, благодаря неизбежной и близкой смерти героев достигает в поэме огромной эпической силы. Именно она делает человечным этот бесчеловечный бой. Однако «Песнь» идет дальше — она показывает не только радостный пыл битвы, но и поле боя после того, как он окончен, показывает его глазами смертельно раненого Роланда, который бредет по полю, разыскивая своих мертвых товарищей. Эти страницы — одни из самых трагических и сильных в мировой литературе.

Так среди массы бытовых подробностей, подчас наивных, подчас бесчеловечных, возвышаются величественные своды рыцарского эпоса. Человечность здесь прорывается сквозь дикую грубость эпохи, сквозь сословные предрассудки и зверскую жестокость рыцарских нравов. Однако, как бы мы ни содрогались от описания раскроенных черепов и распоротых тел, эти кровавые детали никак нельзя изъять из «Песни», не разрушая ее основ.

Точно так же нельзя изъять из бенедиктинских соборов хищных зверей и орлов.

Западноевропейское рыцарство легко вступает в союз с церковью и порождает рыцарско-церковные гибриды, будь то клюнийское движение или крестовые походы с их идеалом святого рыцаря. Клюнийская церковная литература этого периода тоже есть порождение такого рыцарско-монашеского гибрида и носит на себе, как мы уже говорили, ясную его печать.

Но, несмотря на весь свой аристократизм, житийная литература по духу своему глубоко чужда и противоположна рыцарскому эпосу. Герои житийной литературы с самого начала предназначены небесам. Невесомые и безликие проходят они по жизни, чтобы легко переступить ее грань и оказаться наконец в долгожданном раю. И если они снова — уже в качестве видения — являются на землю, они кажутся столь же бестелесными и бледными, что и при жизни.

Стоит ли говорить о том, что полнокровные характеры Роланда и его друзей полярны этим бледным теням. Роланд принадлежит жизни, и смерть его для певца — величайшая трагедия.

Церковная литература оказалась бесплодной, она не создала ни одного характера, который стал бы достоянием мирового искусства, и ни-

чего не могла передать последующим поколениям. Церковная тенденция, чуждая жизни, убивала характеры и уничтожала жизненные краски [26]. То, чего не смогла сделать литература, сделало зодчество.

На языке камня бенедиктинское монашество заговорило совсем по-другому. Архитектура вообще очень часто раньше других видов искусства находит способ наиболее точно и полно выражать свою эпоху. Кроме того, здесь, несмотря на бесконечную церковную регламентацию, церковная тенденция не сковывала так искусство, как в том случае, когда речь шла о слове. Все самое возвышенное и человечное, что несла в себе эпоха, нашло свое выражение в пропорциях бенедиктинских храмов. Нам кажется, что это произошло потому, что в соборах, рожденных рыцарско-монашеской средой, светское, рыцарское, жизненное преобладало. И подобно тому, как величайшие произведения рыцарского эпоса выражали собою человечность эпохи, так и соборы второй половины XI в. несут на себе печать гуманизма. Это то лучшее, что прорывается к нам сквозь жестокость, предрассудки и невежество раннего средневековья и что мы называем народностью. Вот почему времена столь бурные и жестокие создали столь ясное и гармоническое искусство, вот почему оно, рожденное чуждой нам средой и малопонятной эпохой, так трогает нас и сегодня.

[26] Любопытным примером могут служить клерикальные обработки «Песни о Роланде». Так, в пересказе «Песни», сделанном регенсбургским священником Конрадом в начале XII в., поэма наполняется нудными нравоучениями и вялыми славословиями богу и святым. Могучий Роланд, чей характер в «Песне» так ярок и оригинален, превращается в носителя стандартной добродетели (строитель церквей, защитник духовенства и т. д.), какие переходят из жития в житие. См. Ruolantes Liet, Göttingen, 1838, ed. J. Grimm.

Т. В. РАВДИНА

ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ ДРЕВНЕГО СЛОЯ МОСКВЫ

В статье «К вопросу о начале Москвы» Р. Л. Розенфельдт на основании анализа вещевого и керамического материала из раскопок в Зарядье доказал [1], что датировка древнейших слоев Зарядья XI веком ошибочна оттого, что М. Г. Рабинович в своих работах [2]: 1) произвольно выбирает наиболее раннюю дату бытования вещей, найденных в древнем культурном слое Зарядья (стеклянных браслетов, шиферного пряслица, свинцовой гирьки, поливных черепков); 2) ошибочно дает более раннюю датировку некоторых вещей (поливных красноглиняных ангобированных черепков, свинцовой гирьки); 3) относит к древнейшему слою вещи, найденные в лежащих выше горизонтах XV в. (свинцовая пломба, свинцовая гирька [3], серп, сошники [4]); 4) отождествляет предматериковый слой Зарядья с домонгольским [5], хотя из девяти раскопов 1949—1951 гг. домонгольский слой был только в двух [6].

Возражения М. Г. Рабиновича [7] на статью Р. Л. Розенфельдта фактически не обоснованы и не опровергают того положения, что в Зарядье нет культурного слоя старше XII в.

1. Среди керамического материала из Зарядья действительно нет сосудов XI в. и тем более гнездовского типа X в. Мне, как и Р. Л. Розенфельдту, тоже пришлось изучить московскую керамику и прийти к тому же выводу, что «в основании культурных напластований в Зарядье

---

[1] Р. Л. Розенфельдт. К вопросу о начале Москвы. СА, 1957, № 4, стр. 95—97.

[2] М. Г. Григорьев. Древняя Москва. Сб. «По следам древних культур». «Древняя Русь», М., 1953; М. Г. Рабинович. Материалы по истории великого посада Москвы. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954, стр. 59—94; его же. Великий посад Москвы. КСИИМК, 57, 1955, стр. 78—82; М. Г. Рабинович, Г. П. Латышева. Из древнейшей истории Москвы. М., 1961, стр. 55—61; М. Г. Рабинович. Об этническом составе первоначального населения Москвы. СЭ, 1962, № 2.

[3] Р. Л. Розенфельдт. Ук. соч., стр. 96 и 97, сноски.

[4] М. Г. Рабинович (Великий посад Москвы, стр. 82) пишет, что «в древнейшем горизонте культурного слоя найден железный серп», Э. А. Рикман (Результаты археологических наблюдений в Зарядье, КСИИМК, 57, стр. 89) указывает, что «серп найден между сваями фундамента китайгородской стены и относится, следовательно, ко времени до XVI века». М. Г. Рабинович (там же, стр. 82) пишет, что уже с самого начала существования посада Москва снабжала продукцией своих ремесленников (в частности сельскохозяйственным инвентарем) окрестное сельское население, примером чему служат серп и два парных сошника. Э. А. Рикман в названной выше статье (стр. 89) отмечает, что «стратиграфических оснований для датировки пары сошников, найденных на глубине 4 м близ дома № 7 по Зарядьевскому переулку, нет... Они относятся ко времени до XVIII века». В статье «Материалы по истории великого посада Москвы» (стр. 76) М. Г. Рабинович датирует сошники по-другому: «в слое XV века, ниже пожара, найдены два сошника».

[5] М. Г. Рабинович. Великий посад Москвы, стр. 80.

[6] В IV и VIII раскопах — см. М. Г. Рабинович. Материалы.., стр. 82.

[7] М. Г. Рабинович. О начальном периоде истории Москвы. СА, 1958, № 3, стр. 62—63.

лежит обычная керамика XII—XIII вв., имеющая ближайшие аналогии в вятической курганной керамике»[8]. Раннекруговых и тем более лепных сосудов X — начала XI в. никогда в Зарядье найдено не было, и никто такой керамики в Зарядье не видел.

2. Возражение М. Г. Рабиновича против поздней датировки Р. Л. Розенфельдтом поливной керамики из нижних слоев Зарядья — не по существу: пять красноглиняных, иногда белоангобированных поливных обломков из раскопок в Зарядье в 1949—1951 гг.[9] ничего общего не имеют с русской домонгольской поливной керамикой, с которой их сравнивает М. Г. Рабинович. Домонгольская поливная керамика хорошо известна из древнерусских слоев XII—XIII вв.[10], это керамика со светло-серым асбестовидным тестом, покрыта поливой без предварительного ангобирования. В Зарядье не найдено ни одного обломка такой поливной керамики, а при раскопках в Кремле — один обломок[11].

3. М. Г. Рабинович возражает против предложенной Р. Л. Розенфельдтом датировки шиферных пряслиц по диаметру внутреннего канала на том основании, что она якобы «не подтверждается материалами Екимауцкого городища или иных памятников»[12]. Это возражение несостоятельно. С X по XIII в. шиферные пряслица действительно изменяются в сторону уменьшения размеров сечения внутреннего канала — это замечено Г. А. Авдусиной на огромной коллекции шиферных пряслиц из Новгорода и Р. Л. Розенфельдтом на шиферных пряслицах из других памятников. Например, самые ранние новгородские пряслица X в. имеют, как правило, сечение канала 9—10 *мм*, а самые поздние — XIII в., как правило, 6—7 *мм*; шиферные пряслица из городищ X в. Екимауцы и Алчедар имеют сечение канала 10—12 *мм*. Шиферные пряслица из слоя XI в. Белоозере имеют сечение канала 7, 8 и 9 *мм*, причем в раскопе площадью 300 $м^2$ и мощностью культурного слоя 80 *см* их найдено 50 экземпляров (а стеклянных браслетов — ни одного!).

В Городце на Волге, основанном русскими во второй половине XII в. и впервые упомянутом в летописи под 1172 г., в небольшом раскопе найдено 85 стеклянных браслетов и только 10 шиферных пряслиц с диаметром канала 5, 6, 7 *мм*[13].

При раскопках в Московском Кремле найдено на 250 $м^2$ 19 шиферных пряслиц, из них 14 (!) пряслиц имели диаметр канала 6 *мм*, три пряслица с каналом в 7 *мм*, одно — с каналом 8 *мм* и одно — 9 *мм*[14]. Подавляющее большинство кремлевских пряслиц — поздние.

Приведенные данные из «материалов Екимауцкого городища и иных памятников» достаточно убедительно показывают необоснованность возражения М. Г. Рабиновича об отсутствии хронологической типологии шиферных пряслиц.

К доказательствам Р. Л. Розенфельдта об отсутствии в Зарядье слоев старше XII в. можно добавить следующие: М. Г. Рабинович в своих работах, основанных на собственных раскопках, говорит о стеклянных

---

[8] Р. Л. Розенфельдт. Ук. соч., стр. 97.

[9] Все обломки выставлены в экспозиции Археологического отдела Музея истории и реконструкции Москвы.

[10] В Чернигове в раскопах IX и X встречена домонгольская поливная керамика в хорошо датированных жилищах № 3, 4 и 10 XII—XIII вв. Самая ранняя дата поливной керамики — рубеж XI—XII вв. Отчет Черниговской экспедиции за 1959 г., Альбом. Архив ИА АН СССР, д. № 2078.

[11] Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 1959 г. Архив ИА АН СССР, д. № 2004. Опись индивидуальных находок, № 177.

[12] М. Г. Рабинович. О начальном периоде истории Москвы, стр. 63.

[13] А. Ф. Медведев. Отчет об археологических раскопках в Городце на Волге в 1960 г. Архив ИА АН СССР, д. № 2359.

[14] Опись индивидуальных вещей II раскопа. Отчет об археологических раскопках в Московском Кремле в 1959 г., №№ по описи 24, 109, 111—113, 173, 176, 184—186, 192, 275—281, 334.

брас*летах* и шифер*ных* пряслиц*ах*[15], как датирующих нижние слои Зарядья домонгольским временем. Но при его раскопках 1949—1951 гг. в девяти раскопах было найдено только о д н о шиферное пряслице (при раскопках 1953—1957 гг. А. Ф. Дубынина — еще два пряслица) и только семь стеклянных браслетов. А ведь в каждом древнерусском поселении или слое XI—XIII вв. находят десятки шиферных пряслиц, а в слоях XII—XIV вв.— сотни стеклянных браслетов. «Относительно русских земель можно сказать, что шиферные пряслица проникали решительно во все углы каждого княжества, каждого племени»[16]. В XIII в. в древнерусских памятниках уже мало шиферных пряслиц, так как они характерны для XI—XII вв.[17]. В Зарядье за все годы найдено только три шиферных пряслица, следовательно, древнейшие слои Зарядья с бо́льшим основанием можно датировать XIII, чем XII веком.

Статистика распределения по пластам стеклянных браслетов, найденных в Зарядье при раскопках А. Ф. Дубынина в 1953—1955 гг., показывает, что наибольший процент стеклянных браслетов найден в предматериковом пласте (точнее — в нижних 10 *см* на материке)[18]. А временем наибольшего распространения стеклянных браслетов была середина XIII в.[19] Этим временем и следует датировать древнейшие слои Зарядья, раскопанные в 1953—1955 гг.

В Зарядье не найдены такие характерные домонгольские вещи, как амфоры и тонкостенные прозрачные стеклянные сосуды, что наряду с отсутствием шиферных пряслиц свидетельствует скорее о XIII, чем о XII в. для древнего слоя Московского посада.

По мнению М. Г. Рабиновича, в «коричневом» слое Зарядья наряду со стеклянными браслетами встречены вещи, характерные для русских городов XI—XIII вв.: «стеклянные перстни и бусы, обычные для славянских поселений и погребений», «железные ножи с характерной горбатой спинкой»[20]. На самом же деле все пять стеклянных перстней из Зарядья[21] представляют собой толстые (три голубых, один желтый, один синий) перстни из непрозрачного стекла, датируемые концом XIII—XIV в.[22] В славянских поселениях и погребениях домонгольского времени такие перстни никогда не встречаются, следовательно, домонгольских стеклянных перстней при раскопках в Зарядье не найдено. Ножи с горбатой спинкой совершенно не характерны для древнерусских городов[23].

Бронзовые булавки из Зарядья М. Г. Рабинович относит к XII—XIII в.[24], ссылаясь при этом на бронзовую «булавку» из Старой Рязани. Эти две булавки[25] ничего общего не имеют с бронзовым писалом, найденным А. Л. Монгайтом в 1949 г. в Старой Рязани[26], и, следовательно,

---

[15] М. Г. Рабинович. Материалы... стр. 79.

[16] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 466.

[17] Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 109; его же. Дендрохронология Новгорода. СА, 1962, № 1. Все последующие ссылки на новгородскую хронологию 1958 г. подразумевают поправку дендрохронологией 1962 г.

[18] А. Ф. Дубынин. Археологические исследования 1955 г. в Зарядье. КСИИМК, 77, 1959, стр. 92.

[19] Б. А. Колчин. Хронология...

[20] М. Г. Рабинович. Материалы..., стр. 79; его же. Великий посад Москвы, стр. 80.

[21] Выставлены в экспозиции Археологического отдела Музея истории и реконструкции Москвы.

[22] Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия в древнем Новгороде. Автореферат канд. дис. М., 1961; Б. А. Колчин. Хронология..., стр. 106, 108—109; М. Г. Рабинович. Материалы..., стр. 78.

[23] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 54—56. Кроме того, достаточно просмотреть ножи из коллекций нескольких древнерусских памятников, чтобы убедиться в этом.

[24] М. Г. Рабинович. Материалы..., стр. 81.

[25] Выставлены в экспозиции Археологического отдела Музея истории и реконструкции Москвы.

[26] А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани. КСИИМК, 38, стр. 17, рис. 8, 9.

не могут быть привлечены для датировки слоя в Зарядье XII—XIII веками.

Костяные проколки не являются характерными только для ранних славянских слоев, как думает М. Г. Рабинович[27], а встречаются так же часто и в более поздних слоях (XII—XIV вв.)[28].

М. Г. Рабинович в своих работах по Зарядью не учитывает исследований археологов, занимающихся древней Русью, по датировкам вещей внутри всего домонгольского периода. Он не учитывает, что стратиграфическая статистика количества стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, обломков амфор, домонгольской поливной керамики и других датирующих вещей дает основание для датировки по векам или полувекам внутри всего периода X—XIII вв.

Исследованиями Новгородской экспедиции были документированы ранее сделанные наблюдения о появлении и исчезновении шиферных пряслиц раньше стеклянных браслетов, о появлении стеклянных браслетов русского производства с XII в. и о бытовании их в послемонгольское время[29], о времени бытования разных типов замков, ключей, кресал и др.

А М. Г. Рабинович по наличию одного шиферного пряслица и семи стеклянных браслетов (на девять раскопов), при отсутствии вещей и керамики, типичных для X—XI вв., датировал древнейший слой Москвы сначала X и позднее XI в.[30]

* * *

В полемике о времени начала Москвы обе спорящие стороны высказали мнение, что для окончательного выяснения времени начала Москвы необходимо произвести раскопки и наблюдения в Московском Кремле.

Такие раскопки и наблюдения за культурным слоем были произведены в 1959—1960 гг. в юго-западной половине Кремля (рис. 1).

В древнейшем (третьем, по терминологии М. Г. Рабиновича, см. статью в этом номере) культурном слое было прослежено три горизонта: 1) коричневый без щепы, 2) коричневый со щепой, 3) предматериковый (табл. 1).

Каково заполнение датирующим материалом этих древнейших горизонтов по данным II раскопа?

Первый горизонт — коричневый без щепы. Среди керамики 21% составляет красная керамика (появление которой исследователями датируется концом XIII—XIV вв.[31]), 29% — керамика переходная от красной к серой (в курганах не встречающаяся) и 50% — керами-

---

[27] М. Г. Рабинович. Материалы..., стр. 82.

[28] В Любече, Новгороде, Пинске, городище Слободка и др.

[29] А. В. Арциховский. Стратиграфическая датировка грамот и надписей. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1951 г. М., 1953, стр. 56; Б. А. Колчин. Хронология..., стр. 107 и 109.

[30] До сего дня в текстах экспозиции Археологического отдела Музея истории и реконструкции Москвы сказано, что начало Москвы относится к X или XI в. В витринах под заголовками «Орудия производства московских ремесленников и предметы быта XI—XIII веков» и «Изделия московских ремесленников XI—XIII вв.» выставлены вещи, не имеющие ничего общего ни с XI, ни с XII вв. и относящиеся в основном к XIII—XIV и более поздним векам: серп XVI в., кресало XVI—XVII в. (которое М. Г. Рабинович в работе «Из древнейшей истории Москвы», стр. 57 и 67, относит к X—XI вв.), ножи моложе XIII в., три замка XIV—XV вв., ключи XIII—XIV вв., две серьги XIV—XV вв. Более древних вещей раскопки в Зарядье в 1949—1951 гг. не дали.

[31] Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде (1943—1944). МИА, 12, 1949, стр. 128; М. Г. Рабинович. Московская керамика. Там же, стр. 61; П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. КСИИМК, 62, 1956; Н. Н. Воронин, Раскопки в Ярославле. МИА, 11, 1949, стр. 186—187.

ка серая[32], преимущественно гладкая, крепкая, которая в курганах почти не встречается[33]. Уже на основании массового керамического материала можно датировать коричневый слой без щепы суммарно послемонгольским временем. Находки обломков среднеазиатской поливной керамики золотоордынского времени, ниже первого горизонта не встречавшейся, подтверждают эту дату[34]. Стеклянные непрозрачные бирюзовые и желтые перстни конца XIII—XIV в. встречены только в первом

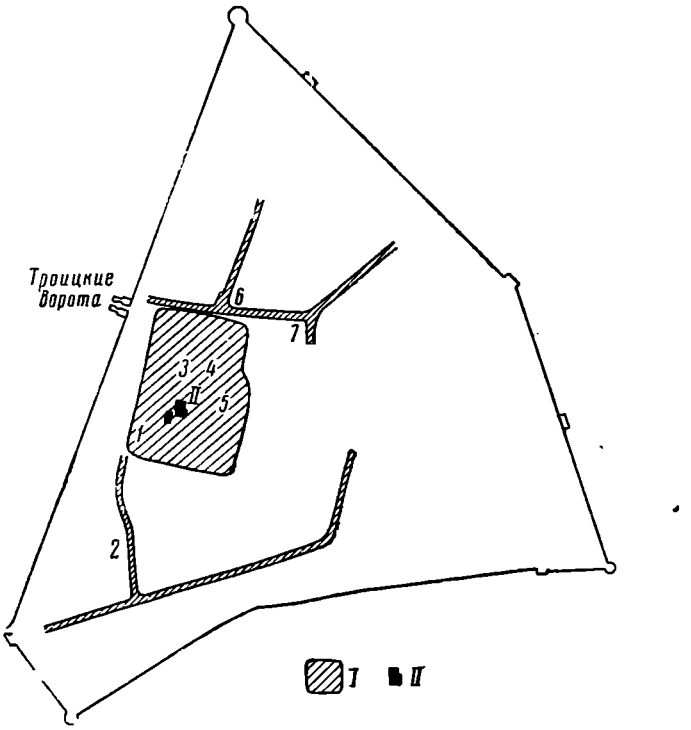


Рис. 1. План Московского Кремля с отмеченными местами археологических наблюдений и раскопок

I — площадь археологических наблюдений 1959—1960 гг.; *1—7* — пункты, откуда взят материал; *II* — раскопы 1959 г.

горизонте, глубже их нет. Выше первого горизонта не было ни одного стеклянного браслета, в первом горизонте найдено 24% всех стеклянных браслетов, остальные 76% найдены ниже. Все это свидетельствует о том, что верхней датой коричневого горизонта без щепы является первая половина XIV в.— время, когда прекращается бытование стеклянных браслетов[35] и появляется красная керамика.

В верхнем горизонте найдены: кресало XIV—XV вв.[36]; нож со штифтами на плоском черенке для накладной рукояти (рис. 2, *1*) — такие ножи

---

[32] Терминология керамики дана по М. Г. Рабиновичу (см. М. Г. Рабинович. Московская керамика... Шкала керамики дана в отчете об археологических работах в Московском Кремле).

[33] См. коллекции горшков из древнерусских курганов Подмосковья, хранящиеся в музеях Истории и реконструкции Москвы, Кафедры археологии МГУ и в ГИМ.

[34] М. Г. Рабинович. Материалы..., стр. 78.

[35] А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, 11, 1949, стр. 124; его же. Стратиграфическая датировка грамот и надписей..., стр. 55; А. Ф. Дубынин. Археологические исследования 1955 г. в Зарядье, стр. 92; Б. А. Колчин. Хронология..., стр. 109.

[36] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло, стр. 104, рис. 87, *2*, *3*.

в домонгольское время не бытовали; шпора с шарообразным шипом, «наиболее характерным для XIII в.»[37]; янтарный шестиконечный крестик, в домонгольских слоях не встречающийся; ключ XIII—XIV вв., дужка замка с гребешком XIII—XIV вв.

Все вещи, характерные для домонгольского времени, встречены в лежащих ниже горизонтах: коричневом со щепой и предматериковом, за исключением одного шиферного пряслица и восьми обломков амфор.

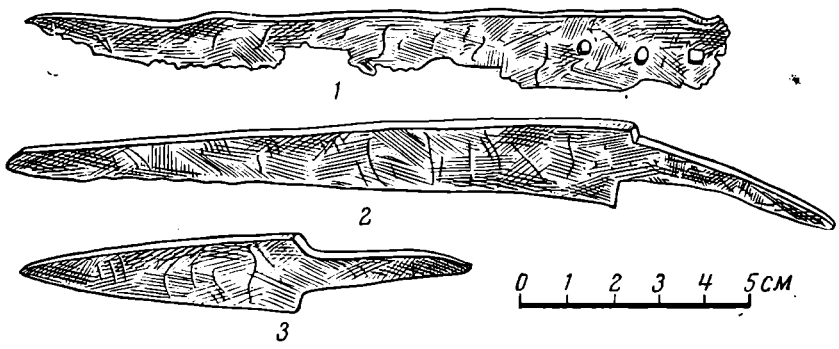


Рис. 2. Ножи из раскопок и наблюдений в Кремле

1 — из верхнего горизонта древнего культурного слоя II раскопа; *2, 3* — из предматерикового горизонта к северу от раскопов

Второй горизонт, наиболее мощный — коричневый со щепой. Красная керамика (1%) встречена только в верхних сантиметрах горизонта щепы, а ниже идет только серая и курганная керамика.

В горизонте щепы найдены 55% всех обломков стеклянных браслетов, 64% всех стеклянных бус, бронзовая овальноухая пуговица, два бронзовых гладких перстня. Внизу слоя щепы найдено 60% всех осколков стеклянных сосудов (остальные найдены ниже, в предматериковом слое), половина шиферных пряслиц, сердоликовая бипирамидальная и две хрустальные бусины, две стеклянные рыбовидные фиолетовые бусины, бронзовый четверной браслет, обломок бронзового семилопастного височного кольца. Ввиду того, что самые поздние шиферные пряслица и стеклянные сосуды, характерные для времени до середины XIII в.[38], начали попадаться только внизу горизонта щепы и шли глубже (в предматериковый горизонт), нижнюю часть щепы нужно датировать временем не раньше первой половины XIII в. Витой четверной браслет и рыбовидные бусины не считаются ранними среди домонгольских вещей. Верх горизонта щепы датируется концом XIII —началом XIV в. по наличию самой ранней красной керамики.

Третий горизонт — предматериковый, менее мощный, чем слой щепы. Вся керамика серая, одинаковая с керамикой из вятических курганов Подмосковья (рис. 3). Найдены следующие вещи: 21% всех стеклянных браслетов; бубенчик со щелевидной прорезью (датируется концом XI — серединой XIII в.); бронзовый замок в виде фигуры фантастического животного — такие замки датируются А. П. Смирновым по Булгарам X—XIV вв.[39] Остальные вещи из предматери-

[37] Определение А. Ф. Медведева в 1962 г. Аналогичная нашей шпора найдена в Новгороде в 13 ярусе, датируемом 1270-ми годами (А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, МИА, 65, 1959, стр. 186, 187, рис. 21, *б*; стр. 190, правая; Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода, стр. 137).

[38] Ю. Л. Щапова. Ук. соч.; ее же. О применении качественного спектрального анализа стекла при изучении истории стеклоделия древней Руси. СА, 1960, № 1, стр. 99.

[39] А. П. Смирнов. Волжские Булгары. М., 1951, стр. 118, 119, 197. По мнению А. Ф. Медведева, такие замки датируются XII—XIV вв.

Горизонты древнейшего культурного слоя	Массовая керамическая посуда			Редкая керамическая посуда			Непрозрачные стеклянные перстни	Прозрачные стеклянные перстни	Стеклянные браслеты	Шиферные пряслица	Обломки стеклянных сосудов	Ключи, замки	Ножи
	красная	красно-серая	серая	среднеазиатская поливная	поливная красноглиняная	обломки амфор							
Коричневый без щепы	21%	29%	50%	7	7	8	4	—	36	1	—	3 XIII — XIV вв.	2 XIV — XV вв.
Коричневый со щепой	1%	7%	92%	—	1	2	—	—	82	7	18	XII — XIII вв.	XII — XIII вв.
Предматериковый	—	—	100%	—	—	3	—	1	31	8	13	Бронзовый замок в виде фигуры животного	—

кового горизонта такие же, как из нижней прослойки щепы: шиферные пряслица, осколки стеклянных сосудов, стеклянная рыбовидная фиолетовая бусина, семилопастное височное кольцо, хрустальная шарообразная бусина. Найдена маленькая зонная непрозрачного стекла бусина печеночного цвета [40]. В статье Ю. Л. Щаповой о стеклянных бусах Новгорода (1956 г.) «красными» названы бусы печеночного цвета, найденные в ярусах X—XI вв. и сделанные путем разрезания стеклянной трубочки. Но бусы печеночного цвета известны из вятических курганов Подмосковья, где они найдены с вещами XII в.: семилопастными височными кольцами, прозрачными желтыми, зелеными, фиолетовыми и бирюзовыми бусами, витыми гривнами и браслетами, решетчатыми перстнями [41]. В предматериковом слое Кремля найдена хрустальная бипирамидальная бусина. Такие бусы также не раз встречены в подмосковных курганах с вещами XII—XIII вв.: с сердоликовыми бипирамидальными и хрустальными шарообразными бусами, семилопастными височными кольцами, рубчатыми и решетчатыми перстнями, овальным кресалом (Митяево 8), витыми браслетами [42].

Шиферные пряслица из предматерикового слоя и из нижней прослойки щепы лежат очень кучно: из 19 шиферных пряслиц II раскопа 13 найдено на 4 *м*² в юго-восточном углу раскопа, образуя скопление (рис. 4, *1*) [43].

---

[40] Отчет об археологических работах в Московском Кремле. Опись II раскопа, № 306.

[41] См. инвентарь курганов Беседы 8, Деревлево 1, Матвеевская 1 и 1в, Салтыковка 3.

[42] См. инвентарь курганов Бессониха 1, Дубки 1, Никоново 4, Одинцово III, Пузиково 1, Пирогово 5, Саларево 3, Фили 3в.

[43] Отчет об археологических работах в Московском Кремле. Планы горизонтов со щепой и предматерикового. В раскопе в Пинске нижние три слоя не содержали стеклянных браслетов по всей площади раскопа, но имели шиферные пряслица

Кресало	Шпора	Семилопастные височные кольца	Янтарь	Бубенчик со щелевидной прорезью	Браслет витой четверной	Бронзовые украшения	Бусы				Прочие вещи	Дата
							стеклянные круглые	стеклянные рыбовидные	хрустальные	сердоликовые		
1 XIV—XV вв.	Резкопрофилированная с шипом XIII в.	—	Шестиконечный крестик	—	—	—	4	—	—	—	Раковина каури	Вторая половина XIII — первая половина XIV в.
—	—	1	—	—	1	Пуговица овальноухая. Два гладких перстня	21	2	2	1		XIII век
—	—	1	Кусочек	1	—	—	9, в том числе печеночного цвета	1	2, в том числе бипирамидальная	—		Вторая половина XII в.

Если нижняя прослойка щепы датируется временем не раньше начала XIII в., то нижележащий предматериковый слой должен быть датирован временем немногим более ранним — рубежом XII — XIII вв. — второй половиной XII в.

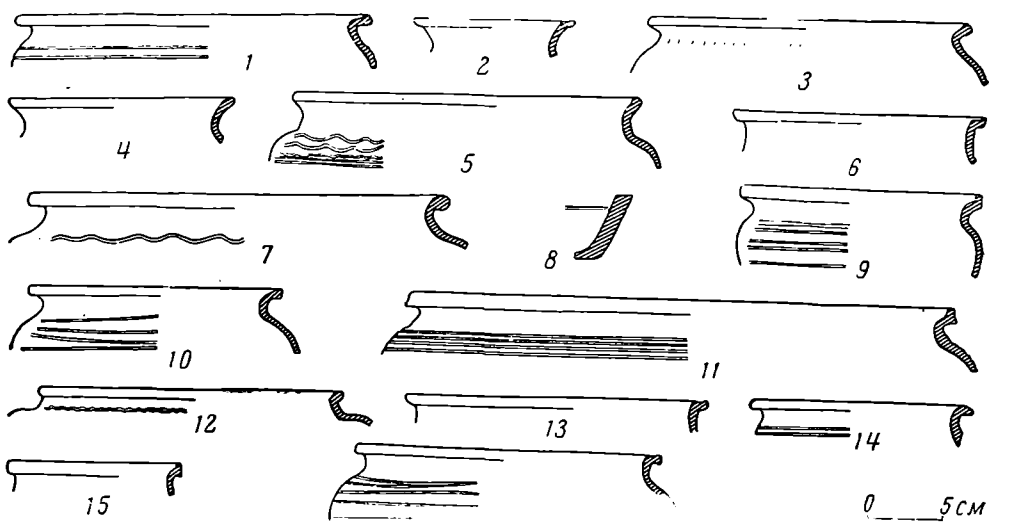


Рис. 3. Керамика предматерикового слоя II раскопа

На основании анализа 65 стеклянных изделий из раскопок в Кремле видно, что, кроме трех, все эти стеклянные изделия сделаны по русскому рецепту из калиево-свинцовых стекол, массовое производство которых началось с XII в.[44].

(рис. 4, 2). А во II раскопке в Московском Кремле нет такого слоя, где были бы одни шиферные пряслица без стеклянных браслетов, так как стеклянные браслеты идут до материка по всей площади раскопа.

[44] Ю. Л. Щапова. О применении... стр. 97.

Вещевой и керамический материал предматерикового слоя не содержит в себе ничего специфического для XI— первой половины XII в.

При раскопках в Суздале в 1958 г. в предматериковом слое специального стратиграфического раскопа половину керамики составляла керамика XI — начала XII в. (рис. 5), в нижних пластах были найдены многослойные ножи, выполненные в технике XI — первой половины XII в.;

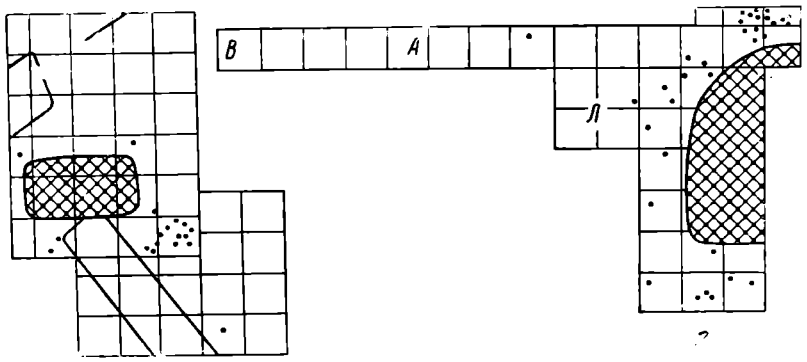


Рис. 4. Топография находок шиферных пряслиц во II раскопе Кремля *(1)* и в раскопе в Пинске *(2)*

двумя пластами выше был прослежен слой строительного мусора 1222—1225 гг. от постройки Рождественского собора. На основании всех этих данных предматериковый пласт в Суздале был датирован рубежом XI—XII в.[45] (табл. 2).

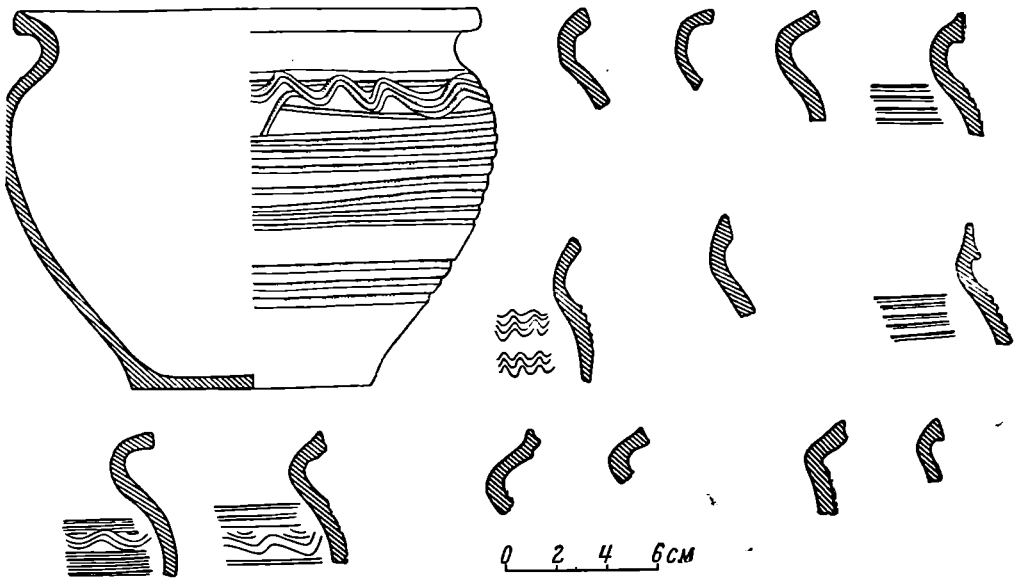


Рис. 5. Керамика предматерикового слоя в Суздале

Если сравнить стратиграфическое размещение типов керамики и датирующих вещей в Суздале и Московском Кремле, то видно, что предматериковый слой в Суздале древнее, а предматериковый слой раскопа в Московском Кремле относится ко времени не старше второй половины XII в.

[45] Н. Н. Воронин. Отчет о работе Суздальского отряда Среднерусской экспедиции 1958 г. Архив ИА АН СССР, д. № 1869.

Таблица 2

Пласты	Массовая керамическая посуда					Домонгольская поливная керамика	Обломки амфор	Обломки плинф
	XVI—XX вв. (чернолощеная, белая и др.)	XIV—XV вв. (краснолощеная, красная средняя, переходная от красной к курганной)	XII—XIV вв.	XI — начала XII вв.	Лепная			
I	Абсолютно преобладает чернолощеная	—	—	—	—	—	—	—
II	Преобладание чернолощеной	Немного	—	—	—	—	—	—
III	8%	47%	45%	—	—	—	—	—
IV	7%	33%	60%	—	—	2	3	7
V	—	10%	90%	—	—	1	3	Много (слой строительного мусора 1222—1225 г.)
VI	—	—	75%	23,5%	1,5%	2	—	Десятки
VII—VIII	—	—	48%	50%	2%	1	1	—

Таблица 2 (продолжение)

Пласты	Шиферные пряслица	Стеклянные браслеты	Ножи	Ключи, замки	Другие датирующие находки	Дата
I	—	—	—	—	Изразцы современные и XVIII — XIX вв. Современные вещи	XVIII — XX вв.
II	—	—	—	—	Изразцы рубежа XVII—XVIII вв.	XVI — XVII вв.
III	—	—	—	—	—	XIV—XV вв.
IV	—	2	Торцовая наварка стали (XII — XIII вв.)	XIII—XIV XII — XIII	—	XIII—XIV вв.
V	—	2	Торцовая наварка стали XII — XIII вв.	—	Кусочек янтаря	Первая половина XIII в.
VI	2	—	Трехслойный нож XI — XII вв.	—	—	XII в.
VII—VIII	2	—	Трехслойный нож XI — начала XII в.	—	Гребень костяной двусторонний XII — XIII вв. Стеклянный сосуд конца XI — конца XII в.	Рубеж XI — XII вв. — первая половина XII в.

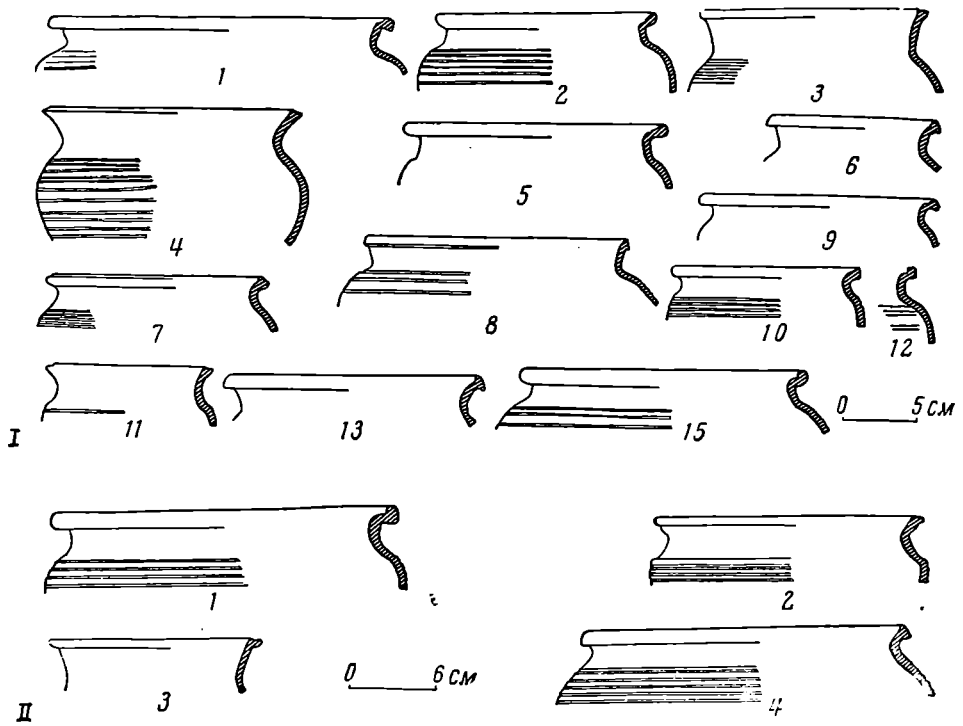


Рис. 6. Керамика предматерикового слоя в юго-западной части Московского Кремля
I — из котлована; *II* — изо рва в южной части Кремля

Археологические наблюдения за культурным слоем Московского Кремля, охватившие большу́ю площадь, дали следующий материал: из неперекопанных участков предматерикового культурного слоя (рис. 1, пункты 1—7) западнее и южнее I и II раскопов (пункты 1, 2) на еще большей глубине, чем в раскопах, в мощном слое щепы и в предматериковом слое найдена только курганная керамика из грубого теста недостаточного обжига; формы горшков XII—XIII вв. (рис. 6), орнамент расположен (за одним исключением) только в верхней части горшков и состоит из ровных и параллельных полос; два раза встречен волнистый орнамент. Найдены осколки стеклянного сосуда и обломки амфоры. Предматериковый культурный слой здесь датируется домонгольским временем XII—XIII вв., но керамики и вещей, типичных для XI в., здесь не найдено.

Культурный слой к востоку и северу от раскопов и от Троицких ворот дал очень тонкую прослойку предмонгольского времени. Здесь (рис. 1, п. 3) прямо на материке были найдены два ножа поздних форм (рис. 2, *2, 3*) и красная керамика. В северной части котлована под нынешним Дворцом съездов (рис. 1, п. 4) красная керамика была найдена уже на расстоянии 20—30 *см* от поверхности материка; в 20—30-сантиметровом слое выше материка находилась серая керамика и стеклянные браслеты. В восточной стене котлована (рис. 1, п. 5) на расстоянии 25 *см* от материка была найдена типично красная керамика, а на материке — бронзовый пластинчатый перстень с чеканным орнаментом. Керамики и вещей, типичных для XI — начала XII в., не найдено.

В траншее, идущей от Троицких ворот к Ивановской площади (рис. 1, пункты 6, 7), в предматериковом слое найдена керамика XIII в. и один стеклянный браслет. И дальше к востоку предматериковый слой с серой керамикой гораздо тоньше слоя с красной керамикой XIV—XV вв., следовательно, он датируется XIII в., как непосредственно предшествующий слою с красной керамикой.

Итак, к северу и востоку от раскопов в Кремле предматериковый слой является более поздним, чем в юго-западной части. А в Зарядье, где при многолетних раскопках не найдены ни шиферные пряслица, ни обломки амфор, ни осколки стеклянных сосудов, поселение возникло, очевидно, позже, чем в юго-западной части Кремля. Раскопы А. Ф. Дубынина, расположенные севернее раскопов М. Г. Рабиновича, дали большее число (300) стеклянных браслетов, почти не найденных в прибрежных раскопах 1949—1951 гг.

Если датировать древнейший слой Москвы XI в., это значит игнорировать датировочные выводы археологов-исследователей древней Руси. В настоящее время уже хорошо известны русские вещи отдельно X, XI, XII, XIII вв. И если при многолетних раскопках в Москве — в Зарядье и в Кремле — ни разу не встречены горшки типа рис. 5, бубенчики с крестовидной прорезью, ни одной золотостеклянной или сребростеклянной бусины, ни одной бусины-лимонки, ни одного ножа с толстой спинкой, узким и коротким лезвием и длинной ручкой (т. е. выполненного в технике X — первой половины XII в.), ни одного ключа-лопаточки; если встречено очень мало шиферных пряслиц (всего 22 на многие сотни квадратных метров), то это значит, что в Москве, даже в ее древнейшем центре — Боровицком холме, не было поселения XI — начала XII в. Как бы сильно ни перекапывали Москву и ее Кремль, в ее культурном слое обязательно должны были сохраниться обломки керамики и вещей X—XI вв., если бы в это время здесь было поселение. В Чернигове, например, культурный слой значительно перерыт работами XVIII в., неперекопанных участков так же мало, как в Московском Кремле, но при раскопках Чернигова постоянно встречались во вторичном залегании шиферные пряслица, бусы золотостеклянные и лимонки, обломки горшков гнездовского типа и другие вещи X — XI вв.

Москва впервые в письменных источниках упоминается в 1147 г., и никакой более ранней даты, чем вторая половина XII в., по археологическим материалам раскопанной части города мы дать не можем.

Очевидно, Москва наряду с Переяславлем Залесским, Юрьев-Польским, Дмитровом была действительно основана Юрием Долгоруким в середине XII в.

А. Г. ВЕКСЛЕР

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШЕЙ ДАТЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

(На материале кремлевского раскопа II)

Историческое значение Московского Кремля не может не вызывать внимания к его начальной дате. Археологически достоверные материалы о его ранней истории были получены при новых работах в Кремле в 1959—1960 гг.[1]

Наиболее полно кремлевская хронология и стратиграфия прослежены в раскопе II, в центре двора Теремов. В этой части Кремля, несмотря на многие века непрерывного строительства, удалось выявить следы первоначального поселения. Раскопки здесь представляли значительные трудности из-за перекопанности культурного слоя, нарушенного многими поздними кладками и ямами разного времени. При трех общих слоях в раскопе (площадь его составляла 170 *м*^{2}) на разных участках оказались свои стратиграфические особенности горизонтов внутри слоев. Причем сопоставлявшиеся по однородной окраске и консистенции грунта горизонты иногда имели разные даты (из-за перекопанности слоя), и наоборот, горизонты с разным составом грунта порой оказывались одновременными. Поэтому материал с северного, южного, центрального участков (разорванных кладками) учитывался отдельно (рис. 1). Только это и помогло обнаружить остатки древнего слоя.

Автор настоящей статьи при датировке раскопа исходит из метода самостоятельной датировки каждого горизонта на всех участках. В этом причина его расхождения в датах с Т. В. Равдиной[2], дающей суммарную дату однородных по цвету горизонтов.

Хронологию раскопа попробуем показать на примере наиболее важного участка — стратиграфического шурфа, проведенного в юго-восточной части раскопа (первоначально размером в 4 *м*^{2}, а затем расширенного до 10 *м*^{2}). Шурф был заложен в самом начале раскопок для получения стратиграфии раскопа и последующей послойной раскопки и велся одновременно со снятием строительного мусора (I культурного слоя) и расчисткой сооружений XVII в.

Экспедиция вынуждена была работать в сжатые сроки, но шурф был начат сразу, и резерв времени позволил провести его с максимальной тщательностью (работой руководила Т. В. Равдина). Землю здесь снимали ножами прослойками по 1,5—2 *см*. Находки и керамику учитывали по слоям, а внутри слоев по горизонтам и пластам. Шурф был начат с уровня кирпичного пола подвалов палат царицы Натальи Кирилловны — с глубины 2,5 *м*. Его конфигурация была связана с направлением вымостки пола и первоначальными границами раскопа.

[1] Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. Археологические работы в Московском Кремле. См. в настоящем номере СА.

[2] Т. В. Равдина. Еще раз о датировке древнего слоя Москвы. См. в настоящем номере СА.

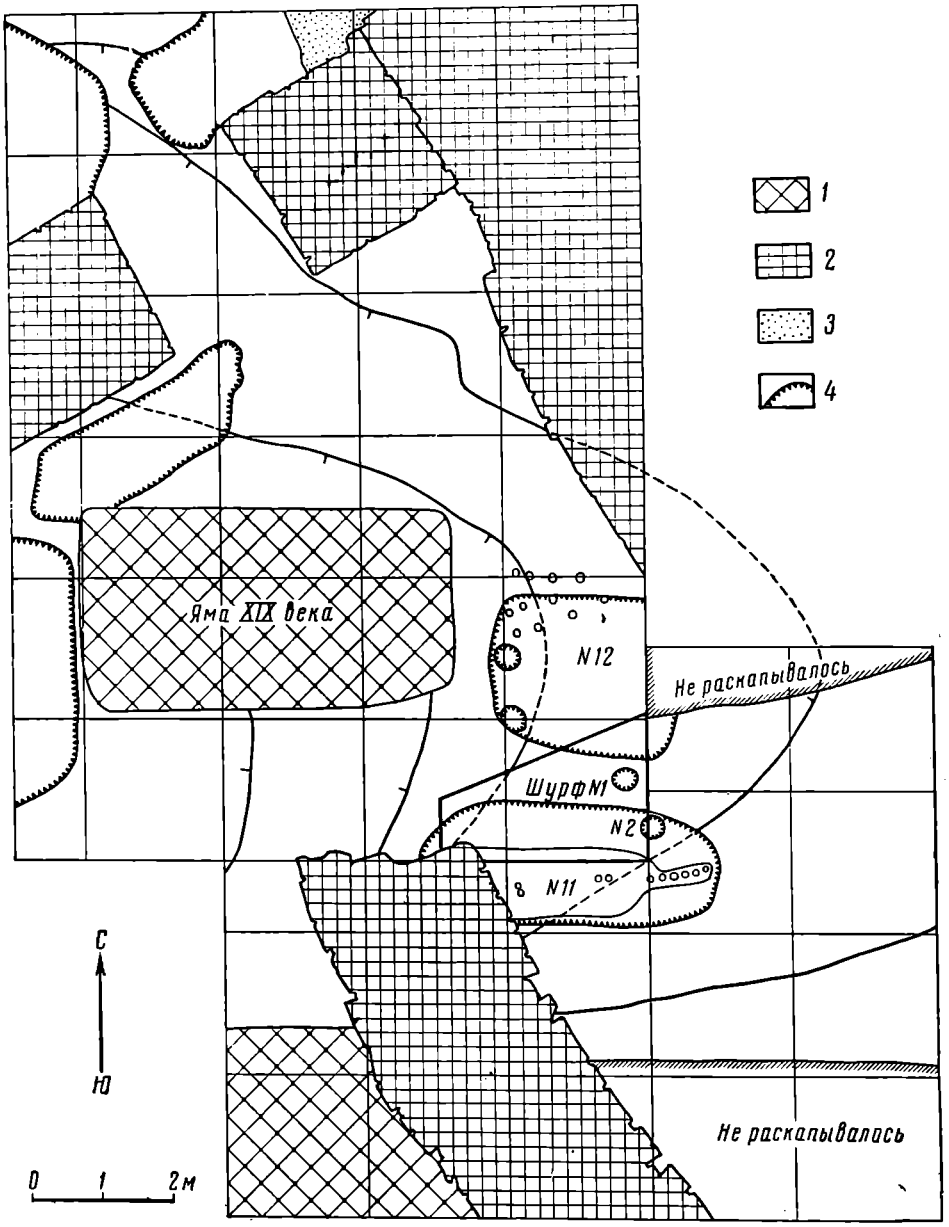


Рис. 1. План поверхности материка кремлевского раскопа II

1 — перекоп; *2* — белокаменная кладка; *3* — песок; *4* — ямы

Под известью и песчаной подушкой пола XVII в. в шурфе открылся II культурный слой («черная земля») мощностью 20—25 *см* (рис. 2). Оказалось, что верх слоя здесь срезан при строительстве XVII в., сохранился лишь его нижний горизонт — черная, вязкая (в нижней части — черно-коричневая) земля с вкраплениями глины, песка и угольков. Слой подстилала угольная прослойка. Единственной находкой в слое был обломок стеклянного гладкого темно-зеленого браслета. Среди керамики оказалось 97,3% серой и переходного типа от красной к серой [3] и только 2,7% красной. Это не противоречит датировке нижнего горизонта слоя (как и в других частях раскопа) второй половиной XIII в. По-видимому,

[3] Подробную характеристику типов керамики см.: Н. Н. Воронин. Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 1959 г. Архив ИА АН СССР, № Р-1, № 2004, стр. 8, 9.

слой начал отлагаться после татаро-монгольского разгрома и пожара Москвы 1238 г.

Ниже, под угольной прослойкой, начался III культурный слой («коричневая земля»), шедший до материка. В этом домонгольском слое выделялись три горизонта, различавшиеся по цвету и составу.

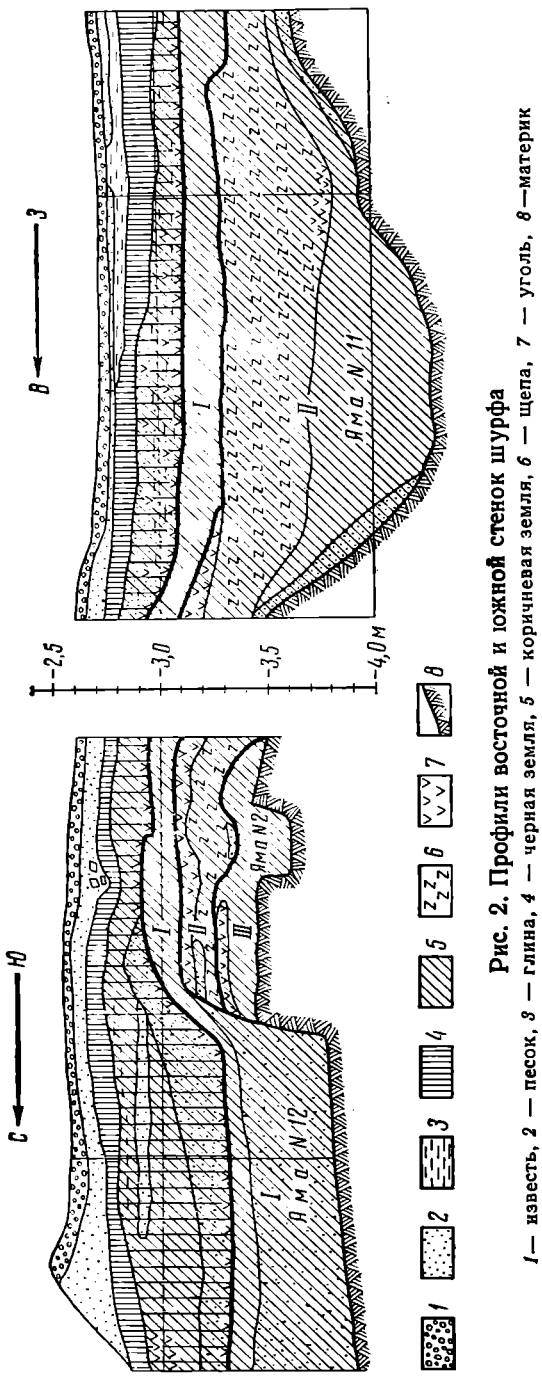


Рис. 2. Профили восточной и южной стенок шурфа

1 — известь, 2 — песок, 3 — глина, 4 — черная земля, 5 — коричневая земля, 6 — щепа, 7 — уголь, 8 — материк

1-й горизонт — коричневая земля с примесью коры и включениями коричневато-серой супеси — имел в центре толщину около 20 *см,* а к северу резко понижался и значительно утолщался, заполняя яму № 12 (основание полуземлянки). В этой яме супесь из нижней части первого горизонта шла до материка. Среди находок 1-го горизонта: изогнутая шпора с шарообразным шипом (шип, известный по многочисленным аналогиям XII в., дата по Новгороду — первая половина XIII в.) [4], железная прямоугольная пряжка с обоймой и язычком (в Новгороде характерна для слоев XIII в. [5]), стеклянные зонные синяя и зеленая прозрачные бусины (датируются XII в. и ранее [6]), зонная фиолетовая бусина (существование этих бус по новгородской хронологии ограничено XII—первой половиной XIII в. [7]), 12 обломков стеклянных браслетов — четырех крученых и восьми гладких (коричневого, зеленого, голубого, фиолетового, сургучно-красного цвета). В керамике оказались только серые горшки, формы которых отличаются от керамики предыдущего слоя менее отогнутым венчиком и более покатыми плечиками. Дата горизонта: в пределах второй четверти — середины XIII в.

2-й горизонт коричневого слоя был густо насыщен щепой, видимо, вследствие близкого крупного строительства (возможно, крепости конца XII — начала XIII в. [8]). В цен-

[4] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 186, рис. 21, *6*.
[5] Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, 2, стр. 100.
[6] Там же, стр. 105.
[7] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 169.
[8] Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. Ук. соч.

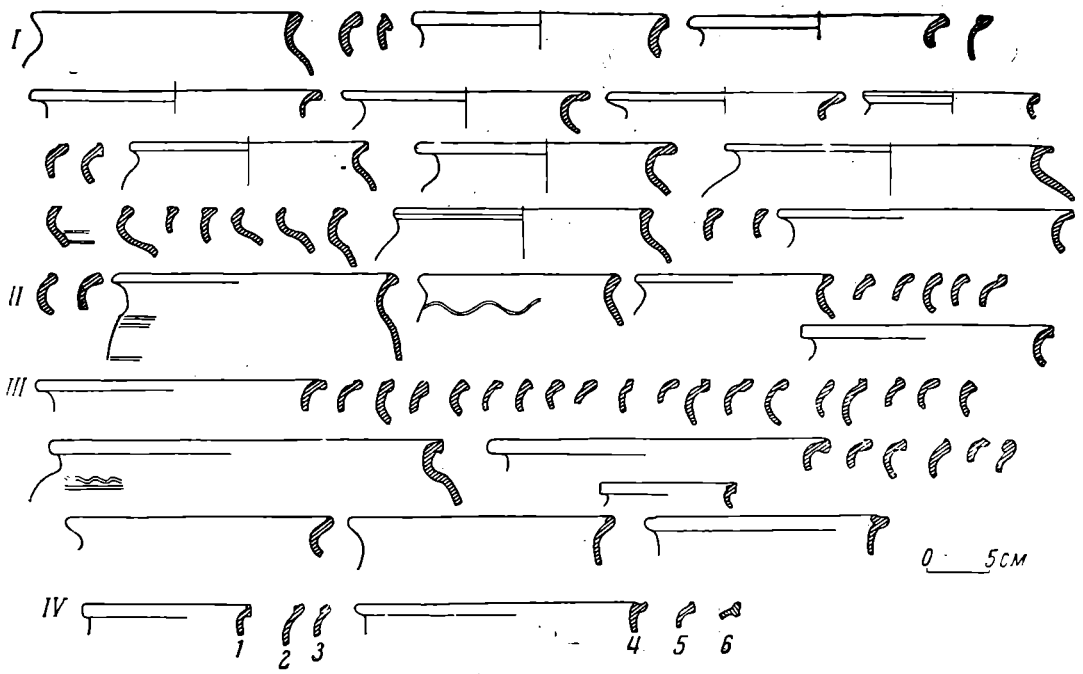


Рис. 3. Таблица керамики из шурфа (составлена Т. В. Равдиной)

I — слой черной земли, *II* — первый горизонт коричневого слоя, *III* — второй горизонт коричневого слоя — щепа, *IV* — третий горизонт коричневого слоя — предматериковый

тральной части шурфа горизонт имел толщину 8—50 *см* (он значительно утолщался в южной части, а затем резко понижался к югу и заполнял яму № 11, которая была вырыта в материке и содержала остатки двух частоколов, укрепленных бревнами). Во 2-м горизонте были найдены: четыре шиферных серых биконических пряслица (общий диаметр пряслиц 19—22 *мм*, диаметры каналов 6—8 *мм*), одиннадцать обломков стеклянных браслетов — шесть крученых и пять гладких (зеленого, фиолетового, желтого, коричневого цвета), четыре стеклянные зонные зеленые бусины, пять обломков стеклянных тонких прозрачных желтоватых бокалов (в древней Руси характерны для второй половины XI — середины XIII в. [9]), две стеклянные винтообразные желтая и зеленая бусины (аналогии в курганах вятичей встречаются с середины XII в. [10]), бронзовая овальноухая пуговица (по курганам Подмосковья датируется домонгольским временем [11]). Керамика горизонта — вся серая, шероховатая, бугристая, рыхловатая в изломе. Итак, шиферные пряслица, обломки бокалов, овальноухая пуговица относятся ко времени домонгольского нашествия — XII — началу XIII в. Остальные находки не противоречат этой дате горизонта.

3-й, предматериковый, горизонт состоял из плотной коричневато-серой супеси толщиной около 20 *см*. Состав находок на этом уровне отличался в различных частях шурфа. Это объясняется тем, что в центре шурфа горизонт был не потревожен, а с севера и юга выявились ямы № 12 и 11 (см. выше). При зачистке материка в нем обнаружены две столбовые ямы диаметром 32 *см*, выброс из которых и был границей перекопа в южной части шурфа. В профиле восточной стенки заметно, что выброс

---

[9] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 109.

[10] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 140.

[11] А. Л. Монгайт. Салтыковские курганы. МИА, 7, 1947, стр. 86; Г. П. Латышева. Отчет о раскопках курганов Поваровка III в 1954 г. Архив ИА АН СССР, № 960, стр. 11.

клином вдается выше уровня угольной прослойки, являвшейся верхней границей непотревоженного предматерикового горизонта (см. рис. 2).

В центральной части шурфа над непотревоженным материком оказались обломок стеклянного желтого непрозрачного бокала, обломок амфоры, шесть шиферных розовых зонных и биконических пряслиц (общий диаметр пряслиц 19—22 *мм*, диаметры каналов 6—7 *мм*[12]). Керамика в предматериковом горизонте только серая, с обильной крупной примесью, шершавой и бугристой поверхностью. Формы верхней части сосудов оказались близки формам древнерусской городской керамики, характерной для XI в. Таковы, например: 1) верх хорошо профилированного горшка (рис. 3, *5*). Венчик его отогнут наружу и слегка загнут внутрь, образуя на верхнем срезе небольшой уступ. Шейка низкая, а плечико высокое. В Новгороде такие сосуды (тип. IV-В) встречены в 25—21-м ярусах, т. е. бытовали с начала XI до рубежа XI — XII вв.[13]; 2) прямой венчик с краем, косо срезанным внутрь (рис. 3, *2*). Шейки нет, стенка слабо изогнута. Сосуд изготовлен из рыхлого, плохо обожженного теста, с примесью дресвы и большим количеством слюды. В Новгороде это тип III-В, характерный для XI в.[14], в Старой Рязани он относится к древнейшей гончарной керамике[15]; 3) часть сосуда со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 3, *4*). Внешний край венчика вытянут вверх, на верхнем срезе проходит ложбинка. В Новгороде это тип III-Г, наиболее характерный для 21—19-го ярусов, т. е. для конца XI — начала XII в.[16]. В Смоленске он наиболее многочислен на рубеже XI—XII вв.[17]

Таков состав вещевых находок и керамика предматерикового горизонта центральной части шурфа.

Шиферные пряслица без стеклянных браслетов в древнерусских городах встречаются в слоях более ранних, чем XII века. В Новгороде шиферные пряслица бытовали больше всего тогда, когда стеклянные браслеты еще не появились (т. е. до XII в.)[18]. В Пинске слой с наибольшим количеством шиферных пряслиц и первыми находками стеклянных браслетов датирован Т. В. Равдиной концом XI — началом XII вв.[19] Действительно, именно в этом слое там найден обломок корчаги с именем Ярополка, владевшего Турово-Пинским княжеством в 1078—1086 гг.

Метод датировки слоя по соотношению находок шиферных пряслиц и стеклянных браслетов, безусловно, может быть использован и в Москве. Амфора, обломки стеклянных бокалов, шесть шиферных пряслиц и отсутствие стеклянных браслетов (при обилии их в верхних горизонтах) приводят к датировке непотревоженного участка шурфа концом XI — началом XII в. Площадь описанного участка невелика, но совершенно очевидно, что при столь сильной нарушенности материка только такие участки древнейшего горизонта и могли уцелеть. Характерно, что древ-

[12] Диаметр внутреннего канала у шиферных пряслиц, по нашим наблюдениям, зависит от общего диаметра самих пряслиц. Так, если при общем диаметре 19—22 *мм* у кремлевских пряслиц канал имеет диаметр 6—8 *мм*, то, соответственно, при большем общем диаметре —25—27 *мм* диаметр у канала —9—10 *мм*. В домонгольских слоях в Москве встречены и такие бо́льшие пряслица с диаметром канала 9—10 *мм* (см. Археологические фонды Музея истории и реконструкции Москвы, Кремлевская коллекция № МКр-59, РП-249, Зарядьевская коллекция МЗ-49— № 5852).

[13] Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, 55, стр. 238, рис. 4, *1*; Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. СА, 1962, № 1, стр. 137.

[14] Г. П. Смирнова. Ук. соч., стр. 238, рис. 4, *5*.

[15] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955, рис. 87, *5*.

[16] Г. П. Смирнова. Ук. соч., стр. 238, рис. 4, *4*.

[17] Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках в Смоленске в 1951 и 1952 гг. Приложение: Г. П. Смирнова. Классификация керамики, тип 28. Архив ИА АН СССР, № Р1, 618; Р1, 702.

[18] А. В. Арциховский. Стратиграфическая датировка грамот и надписей. В кн.: А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953, стр. 56.

[19] Т. В. Равдина. Надпись на корчаге из Пинска. КСИИМК, 70, 1957, стр. 152.

ний участок оказался именно на восточном крае раскопа,— видимо, здесь начинался склон древнего городища (уклон поверхности материка в раскопе II составляет около 2 *м*, а сравнительно с соседним раскопом — 1 — 3,5 *м*).

Кроме находок в стратиграфическом шурфе, долетописная датировка предматерикового горизонта раскопа II подтверждается рядом находок на других участках раскопа [20].

Таким образом, уже в конце XI в. поселение, несомненно, выходило за границы древнейшего укрепления и шло как к северу, по берегу р. Неглинной, так и к востоку — по берегу р. Москвы (где в Зарядье также сохранились участки XI в. [21]). Следы северного посада и обнаружены в раскопе II.

Новые данные о раннем заселении Московского Кремля и его посада вполне согласуются со всей суммой ранее известных фактов: случайными находками древних вещей и монет, летописным сообщением о размещении в Москве в 1147 г. двух княжеских дружин, топонимикой и историческими свидетельствами, связанными с Кучкой и его родом и, наконец, со сказаниями о начале Москвы.

[20] Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. Ук. соч.

[21] М. Г. Рабинович. Великий посад Москвы. КСИИМК, 57, 1955, стр. 82 (и другие работы); А. Ф. Дубынин. К истории Московского посада. КСИИМК, 68, 1957, стр. 123 (и другие работы).

М. А. ИЛЬИН

К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ВИДЕ СОБОРА XIV в. В КОЛОМНЕ

В трудах по древнерусскому искусству до сих пор удерживается мнение о скромном масштабе архитектурно-строительной деятельности на территории Московского великого княжества во второй половине XIV — начале XV в. Это суждение возникло лишь потому, что большинство построенных за это время зданий не сохранилось. Но стоит перечислить летописные известия, посвященные тем или иным постройкам, дополнив их сведениями из других источников, как картина резко изменится.

Н. Н. Воронин одним из первых отверг предвзятую точку зрения. Он исследовал группу памятников Коломны конца XIV в., основываясь как на внимательном изучении источников, так и на археологических раскопках [1]. «Путешествие» Павла Алеппского [2], естественно, послужило краеугольным камнем для суждений о том немногом, что дошло до нас от храмов этого древнего города. Наблюдательный сирийский путешественник порой настолько точно описывает отдельные особенности памятников, что можно их себе достаточно хорошо представить. Этому помогают упоминаемые им детали, встречающиеся в более поздних сохранившихся произведениях. И все же храмы Коломны остаются во многом загадкой.

Успенский собор Коломны, начатый постройкой не позднее 1379 г., занимает среди памятников города, конечно, первое место. Он подробнее, чем остальные, описан Павлом Алеппским. Храм, по его словам, производил большое впечатление своей величественностью и высотой. Этому впечатлению немало способствовал высокий цокольный этаж — подклет, где размещались «склепы и подвалы». Именно благодаря подклету церковь была «приподнята на значительную высоту». Тот же подклет придавал собору вид «как бы висячего». В церковь «всходят по высокой лестнице» (а не лестницам.— *М. И.*), которая, естественно, должна была располагаться на его западной стороне. Слова же о входе в церковь «с трех сторон, соответственно ее трем дверям» следует, мне кажется, понимать как указание на трехстороннюю ступенчатую хорошо видную пирамиду лестницы, подводившую к площадке перед запад-

[1] Н. Воронин. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского. МИА, 12, 1949, стр. 217—237. Предшествующая работа А. И. Некрасова — «Возникновение московского искусства», М., 1929 — после исследований Н. Н. Воронина, в части, касающейся памятников Коломны, настолько не соответствует действительности, что ссылки на нее лишены смысла. См. также: Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков, т. II, М., 1962, стр. 194—203.

[2] Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, 2, М., 1897, стр. 148—149.

ным порталом собора. Такие лестницы, как известно, немало способствуют впечатлению величественности здания.

Н. Н. Воронин справедливо остановил внимание на этой важной части храма. Но в предложенной им реконструкции собора [3] совершенно не видны марши лестницы, о высоте которой говорит Павел Алеппский. Лестница (или лестницы, так как автор предполагает наличие трех, у каждого входа в собор) заменена выступающим вперед крыльцом, от которого вдоль стен собора спускаются в разные стороны два сравнительно узких марша, скрытых глухими парапетами. Подобный вид лестницы (или лестниц) скорее свойствен памятникам XVI—XVII ст.: он не создает ощущения высоты или торжественности.

Определение вида храма «как бы висячего» могло возникнуть лишь при наличии гульбища на аркадах, охватывавшего собор с трех сторон (за исключением восточной, где располагалась апсида), так как обработки высокого цоколя-подклета ложными арками древнерусское зодчество не знало. Лишь при подобном композиционном приеме могло появиться приведенное определение характерного облика собора. Хорошо известно, что любовь к таким гульбищам-террасам, на которые зрительно как бы ставилось здание и на которых даже разбивались «висячие сады», прочно утвердилась в последующей московской архитектуре [4].

Для реконструкции предполагаемого внешнего вида нижней части собора следует привлечь ряд памятников, правда возведенных позднее, но весьма близких по своим формам к собору Коломны. Среди них можно назвать собор Новоспасского монастыря 1491—1496 гг. Он имел подклет с гульбищем, вдоль которого даже была поставлена аркада на столбах-колоннах [5]. К этой же группе принадлежит и собор Ферапонтова монастыря того же 1491 г., у которого, как и у собора Коломны, имеется лишь одна западная лестница [6]. Наконец, сюда же можно отнести и собор Симонова монастыря. П. Н. Максимов считает, что этот храм XVI в. с аркадным гульбищем повторял более древний собор 1379—1404 гг. [7].

Восстанавливаемый по описанию Павла Алеппского и храмам-репликам, Успенский собор Коломны был весьма оригинальным произведением, хотя в нем нашли себе место отдельные приемы, встречавшиеся в более ранних зданиях. Так, высокие наружные лестницы — «высокие степени» упоминаются летописью как в тверском соборе Спаса 1284—1290 гг. [8], так и в Московском Успенском соборе 1326 г. Под 1472 г. московская летопись сообщила, что встречавший великого князя митрополит Филипп, выйдя из собора «...с мосту большего сшед каменого до кладезя площадного...» [9].

Появление в храмах Твери и Москвы конца XIII — начала XIV в. высоко поднятых полов с высокими же открытыми лестницами было, надо думать, обусловлено желанием усилить впечатление величественности от этих по существу скромных зданий. Идейно-политические взгляды Твери и Москвы того времени не только отвечали этим жела-

---

[3] История русского искусства. Изд. АХ СССР, I, М., 1957, стр. 79.

[4] Г. Штейман. Решение некоторых конструктивных проблем в русском зодчестве XVI—XVII веков. Сб. «Памятники культуры», 3, М., 1961, стр. 199 и сл.

[5] Н. Померанцев. Новый памятник московской архитектуры конца XV века. Сообщ. ИИИ, I, М., 1951, стр. 63—68.

[6] Н. Н. Воронин также приводит его как памятник, близкий собору в Коломне. Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 239.

[7] П. Максимов. К характеристике памятников московского зодчества XIII—XV веков. МИА, 12, стр. 214—216. Лестницы у всех входов этого собора типичны для XVI в.

[8] Н. Воронин. Тверское зодчество XIII—XIV вв. Изв. Отд. истории и философии, 1945, № 5, стр. 379.

[9] ПСРЛ, XXV, М.— Л., 1949, стр. 292.

ниям, но обусловливали их. Помимо этого, тверской и московский храмы были соборами, приспособленными для погребения князей и епископов. Высокие полы перекрывали своего рода подклеты, где размещались сами погребения. Памятники Коломны (Воскресенская церковь, городской собор и др.), по-видимому, были одними из первых, если не первыми, где подклеты обрели самостоятельный архитектурный облик. Уже одна эта деталь вносила во внешний вид Успенского собора Коломны такие черты, которые делали его непохожим на предшествующие сооружения, в частности на памятники Владимира-Суздаля, связь с которыми так любят подчеркивать исследователи.

Подклет как бы возносил основной объем храма. Он увеличивал фактически и зрительно общую высоту сооружения, придавал зданию величественный облик. Такое композиционное построение не требовало каких-либо крупных осложняющих общее объемное построение храма частей, в виде башен, приделов, притворов. Более того, они просто были здесь излишни[10]. Помимо этого, подклет с гульбищем на арках делал храм похожим на своего рода ступенчатую пирамиду — подклет с гульбищем, объем храма, венчающая глава. Такое построение находило себе гармоническое соответствие в ступенчато-пирамидальном завершении храма в виде ярусов закомар и кокошников.

Появление подклета с наружным гульбищем на аркадах и высокой лестницей (или лестницами — ведь не везде была лишь одна лестница у западного входа) заставило зодчих показать, если так можно сказать, «чистый» объем храма, обретший теперь полную законченность своей формы, в то время как во Владимире-Суздале он был виден лишь в верхних своих частях, возвышаясь над притворами, галереями и верхами лестничных башен. Для конца XIV в. такая композиция была новым словом, отвечала новым художественным идеалам эпохи. Именно поэтому всякие дополнительные объемные элементы в данное время не могли найти себе места.

Следует вместе с тем отметить, что появление аркадных форм гульбища у подклета было подготовлено аркадами галерей владимиро-суздальских памятников, в первую очередь такими памятниками, как церковь Покрова на Нерли и Дмитровский собор. Галереи владимиро-суздальского зодчества как бы опустились, а сам храм поднялся над ними, достигнув полной обозримости. Однако отмечая эту преемственность, столь обычную для средневековья, стоит не столько подчеркивать ее, сколько указать на отличие памятников Коломны от храма Владимирского княжества, поскольку принцип «вознесения» храма отсутствовал в последних. Он проявил себя в храмах конца XIII — начала XIV в., находившихся вне пределов Владимиро-Суздальской земли.

Заканчивая описание собора в Коломне, Павел Алеппский говорит, что «над нартексом есть еще ярус, где помещается казнохранилище епископа...». Этот текст дал повод исследователям считать собор шестистолпным, со своего рода притвором с западной стороны, который обусловил появление на северном и южном фасадах дополнительного деления. Однако Павел Алеппский совершенно отчетливо указывает на то, что «с каждой из четырех стен церкви есть нечто вроде трех арок», т. е. каждый фасад был разделен вертикально только на три части — прясла, завершенных закомарами. Ни о каких дополнительных членениях с севера и юга не говорится. В то же время, если бы наружный объем нартекса существовал в том виде, в каком он изображен на реконструкции Н. Н. Воронина, он был бы обязательно отмечен Павлом Алеппским, даже если предположить, что нартекс-притвор был понижен по отношению основной части храма (что вряд ли возможно из-за наличия

[10] Приделы и крытые галереи на подклети появляются с XVI в.

казнохранилища; помимо этого, подобные соборы в архитектуре того времени неизвестны).

А. И. Некрасов был первым, который предположил наличие в соборе шести столбов и западного нартекса, включенного в его общий объем. Он основывался при этом на убеждении, что существующий собор XVII в. построен на стенах собора Дмитрия Донского. Частичные раскопки Н. Н. Воронина опровергли все эти домыслы. Н. Н. Воронин пришел к выводу, что: 1) существующее здание собора не имеет никакого отношения к первоначальному храму XIV в. и 2) апсида последнего, как его южная и западная стены, оказались внутри новых стен, заложенных на новом фундаменте [11]. Вместе с тем исследователь высказал мнение, что предполагаемые им размеры древнего собора примерно должны быть 15,60 × 25,38 *м*.

Опровергнув «произвольную фантазию» А. И. Некрасова, Н. Н. Воронин все же принял его мнение о шестистолпии храма и нартексе, включенном в его общий объем. Основанием для сохранения этого мнения были предполагаемые габариты древнего здания и слова Павла Алеппского о том, что соборный храм «есть великая церковь...» и что она «весьма величественна и высока».

Обратимся к предположенным размерам собора XIV в. и сопоставим их с размерами более или менее одновременных ему храмов. Предполагаемые Н. Н. Ворониным размеры собора в Коломне мало чем отличаются от обычных, поскольку, например, собор начала XV в. в Дмитрове имеет 16 *м* ширины, собор Троице-Сергиева монастыря — 17 × 21 *м*, собор Андрониева монастыря — 14 × 19,5 *м* (все цифры даны обобщенно). Все эти соборы — четырехстолпные, что показательно для решения интересующего нас вопроса. Что же касается предполагаемой большей длины собора Коломны, то эта особенность легко объясняется наличием гульбища или притвора (с западной стороны), что и дает увеличение на 4—5 *м* по сравнению с названными выше соборами.

Но где же мог размещаться нартекс с казнохранилищем вверху? До проведения соответствующих раскопок здесь могут быть высказаны два предположения. При описании внешнего вида собора Павел Алеппский о нем ничего не говорит. Это дает право думать, что нартекса-притвора, как самостоятельного объема или части собора, вообще не существовало. Знаменательно, что Павел Алеппский упоминает о нартексе бегло вслед за текстом, где он описывает подвалы и склепы подклета, т. е. там, где речь идет о внутренних помещениях, а не наружных объемах собора. Поэтому закономерно предполагать, что нартекс входил в состав самого храма. Иными словами, это была часть собора, расположенная под хорами, где помещалось казнохранилище. Пониженная высота этого места, в какой-то мере обособленного от основной части храма, даже как бы противопоставленного подкупольному пространству, динамично подымающемуся ввысь, могла вызвать названное определение автора. Это тем более вероятно, что эта часть храма могла напомнить ему знакомый по византийской архитектуре нартекс.

Среди более поздних памятников древнерусского зодчества сохранился храм, к тому же трехглавый, как и собор Коломны, внутренний вид которого дает возможность представить себе внутренний облик собора Дмитрия Донского. Таков Благовещенский собор Московского Кремля в том виде, в котором он был построен в конце XV в. (14 × × 17,5 *м* с галереями 24 × 24 *м*) [12].

Г. К. Вагнер опубликовал весьма интересную статью, посвященную частному вопросу убранства Георгиевского собора в Юрьеве-Поль-

[11] Н. Воронин. К характеристике..., стр. 230—231.

[12] Н. Виноградов. Новые материалы по архитектуре древней Москвы. Сообщ. ИИИ, I, М.— Л., 1951, стр. 69—78.

ском[13]. На приведенной им схематической реконструкции основных объемов собора он убедительно показывает наличие двухъярусного — двухэтажного западного притвора. Такого рода притвор, охватывавший лишь одно среднее западное деление собора, мог существовать и в Коломне. Обращение к подобному приему в московском каменном зодчестве XIV в. не вызывает особого сомнения, поскольку особенность архитектурной композиции собора в Юрьеве-Польском использовалась и при постройке первого московского собора 1326 г.[14]. Следует вместе с тем отметить, что формы такого притвора не удержались в русской архитектуре.

Как же был решен верх собора Коломны? Павел Алеппский говорит, что он походил «на кедровую шишку или артишок». Большинство исследователей, в том числе и Б. А. Огнев[15], полагают поэтому, что верх коломенского собора был похож на верх звенигородского собора «на городке». Однако я склонен оспаривать это мнение. Первое, что говорит против трехглавия поставленного на «кедровую шишку» верха собора,— это вся система крестовокупольного храма, увенчанного ярусами кокошников и завершенного главой. Б. А. Огнев убедительно показал[16] упорную работу мастеров различных артелей, сооружавших «звенигородские храмы», ставивших себе целью достигнуть наиболее совершенного построения центрического по своей природе сооружения. Они то уменьшали выступ апсид, то сдвигали на восток барабан с куполом. Но несмотря на все старания, добиться законченного и целостного решения им не удалось, поскольку в заданных частях подобного храма было много противоречивого или даже взаимоисключаемого. Постановка же двух глав на восточных углах храма в Коломне, при предположенном сходстве с собором в Звенигороде, не только не способствовала центрическому решению, но намного его ухудшала.

Русское зодчество последующего времени знает ряд случаев, когда центрический куб основного храма увенчивался трехглавием (Благовещенский собор, собор Богоявленского монастыря в Кремле, собор Покровского Суздальского монастыря), но знаменательно, что верха этих соборов были построены иначе, чем это имело место в Звенигороде.

Постановка двух глав на угловых восточных делениях, водруженных, кроме того, на диагональные кокошники, не могла иметь места и потому, что при таком расположении они частично бы находились не над восточными помещениями собора, а приходились бы над восточными столбами[17].

Помимо этого, на угловых делениях храма, подобного Звенигородским соборам, нельзя было поставить две главы, поскольку пяты всех его закомар, так же как и капители пилястр, располагаются там на одном уровне. Тем самым создается некая «горизонталь», которая призвана уравновесить различную высоту закомар при перекрываемых ими пряслах стен, имеющих различную ширину. Наличие же двух глав зрительно сильнейшим образом нарушает достигнутое таким образом равновесие. Помимо того, постановка глав на угловых частях уничтожала бы два из четырех диагональных кокошника второго яруса, что вновь сильнейшим образом нарушало бы принцип центричности, который стремились осуществить мастера. Именно поэтому звенигородский собор, несмотря

---

[13] Г. Вагнер. Аркатурно-колончатый фриз Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.). СА, 1961, № 3, стр. 85—101.

[14] К. Романов. О формах московского Успенского собора 1326 и 1472 гг. МИА, 44, 1955, стр. 7—19.

[15] Б. Огнев. Успенский собор в Звенигороде на городке. МИА, 44, 1955, стр. 57.

[16] Б. Огнев. Некоторые проблемы раннемосковского зодчества. «Архитектурное наследство», 12, 1960, стр. 45—62.

[17] Любезно указано С. С. Подъяпольским.

на наличие предела [18], расположенного аналогично приделу Дмитрия в соборе Коломны, не имел трехглавия.

Н. Н. Воронин, реконструируя верх собора в Коломне, на основе верха звенигородского храма ставит боковые главы на диагональные кокошники. Такая постановка глав вряд ли могла иметь место в XIV в. Мы находим ее позднее, в XVII в., когда подобным образом ставили главы на ярусные кокошники верха или на деревянные венчающие «бочки». Следует также думать, что боковые главы собора в Коломне были световыми, т. е. открытыми внутрь, а не глухими декоративными, как это было принято в XVII в. В реконструкции Н. Н. Воронина они не могут быть световыми, так как поставлены на своды диагональных, декоративных по своей природе кокошников. Следовательно, реконструировать верх собора в Коломне в формах, близких собору в Звенигороде, нет возможности, не впадая в значительные противоречия. Подобный центрический по замыслу и построению верх не мог иметь угловых глав. Завершение собора Коломны было, очевидно, скомпановано по-другому. Но как?

Ответ на этот вопрос дает собор Андроникова монастыря (рис. 1). Здесь с редким совершенством разработано такое центрическое построение башнеобразного завершения, которое без всяких натяжек может полностью быть сохранено при наличии боковых глав на восточных углах храма. Более того, решение центральной части верха подчиняет себе угловые части. Последнее сделалось возможным потому, что углы собора понижены. Здесь могли стоять световые главы с барабанами, в основании которых, как и у центрального, могли располагаться «короны» небольших кокошников.

Предполагаемая реконструкция собора в Коломне, как говорится, снимает противоречия. Но все же восстанавливать первоначальный вид храма, точно следуя за архитектурой собора Андроникова монастыря, было бы неверно. Наличие хор или двухъярусного притвора в западной части предопределило значительную высоту угловых делений и тем самым центральных прясел стен. Именно такое оригинальное построение и заставило Павла Алеппского сказать, что церковь «весьма величественна и высока». В то же время храм, подобный собору Андроникова монастыря, лишь поставленный на подклет, вряд ли вызвал бы подобное определение. Необходимость «тянуть» формы храма ввысь (из-за наличия хор или притвора), видимо, и вызвала катастрофу 1380 г.

Следовательно, можно представить верх собора в Коломне в виде башнеобразного объема, осуществленного примерно так, как это имеет место в соборе Андроникова монастыря. Боковые же главы были расположены подобно главам собора Успенского монастыря в Старице.

Где мог быть расположен резной пояс в коломенском храме? Мастер собора Андроникова монастыря должен был отказаться от этой детали, поскольку композиционные особенности памятника не позволяли этого сделать, не нарушая характера устремленных вверх архитектурных форм. Зодчие более поздних памятников, как собора Рождественского монастыря в Москве начала XVI в. и собора Успенского монастыря в Старице 30-х годов того же столетия, попробовали подчинить расположение пояса ступенчатой системе общей композиции объемов храмов, расположив его отрезки на различных уровнях. В соборе Рождественского монастыря пояс даже занял место карниза, отрезав поля тимпанов закомар от расположенных ниже стен. Подобное расположение раздробленного на части и потерявшего единство пояса, при сравнительно незначительной высоте храмов, заставило поместить окна либо под поясом (Рождественский собор), либо введя их в его структуру (Старица), что «посадило» объемы храмов, заставило их выглядеть низкими, призе-

[18] Б. Огнев. Ук. соч., стр. 51.

Рис. 1. Собор Спас-Андроникова монастыря в Москве

мистыми, тяжелыми. Тем самым был нарушен принцип стройности, торжественности и вертикальной направленности — тех самых архитектурных качеств, которые отметил Павел Алеппский в соборе Коломны.

Для их сохранения необходимо было «ставить» окна на пояс так, как это было сделано в «звенигородских храмах». Высота угловых членений (из-за хор или притвора) позволяла расположить пояс в одном уровне, не нарушая пропорционального соотношения членений стен, что зрительно поддерживало подъем вверх масс здания.

Однако эти пропорциональные соотношения нарушались в средних пряслах из-за их повышенных размеров. Плоскость стен, охватывавших тимпаны средних закомар и распространявшаяся до верха окон над орнаментальной каймой, должна была выглядеть слишком пустой и, следовательно, дисгармонирующей с архитектурой здания. Помимо этого пустота этой плоскости подчеркивала изменившиеся соотношения членения стены — высота до пояса была меньше, чем верхняя часть. Для маскировки образовавшейся пустой плоскости мастер мог разместить

Рис. 2. Успенский собор в Коломне, XIV век. Реконструкция по рисунку автора

здесь киот или орнаментальную вставку. Церковь Ризположения в Московском Кремле, как и собор Троице-Сергиева монастыря, дает наглядное представление о том, как это могло быть сделано.

Таким образом, в своих основных массах собор в Коломне представляется снаружи довольно правильным объемом со стенами, расчлененными вертикально на три деления — прясла. Он стоял на аркадном подклете с гульбищем, на который с западной стороны вела одна открытая пирамидальная лестница (рис. 2.) По середине стен проходил орнаментальный пояс, поверх которого находились окна. Поскольку угловые деления были понижены, центральное средокрестие, увенчанное главой, выделялось особенно сильно, что достигалось и высоким постаментом, обработанным кокошниками наподобие верха собора Андроникова монастыря. Примерно такие же декоративные формы и детали украшали боковые главы, стоявшие на восточных углах храма. Внутри он имел четыре столба, хоры или двухъярусный высокий притвор и повышенное ступенчатое построение подкупольных сводов и арок.

Перечисленные особенности не столько сближают собор Коломны с владимиро-суздальской архитектурой XII—XIII вв., сколько отличают его. Поэтому прав Н. Н. Воронин, когда он говорит о «критие» владимирских образцов мастерами Дмитрия Донского и указывает на отличие

памятников московского зодчества от произведений домонгольского времени и псковского собора 1365—1367 гг., справедливо отмечая, что Полоцк и Чернигов лежали в XIV в. за рубежами Руси, а их памятники были, вероятно, забыты [19]. Однако невозможно согласиться с пониманием Н. Н. Ворониным роли традиции и национального своеобразия архитектуры, которое заставило исследователя утверждать прочность владимиро-суздальского наследия в культурном и политическом развитии Московского княжества [20]. Факты архитектурно-художественного порядка, как и общественно-политические идеи того времени, свидетельствуют об обратном. Если же говорить о роли традиции, то скорее следует видеть ее в неизменных поисках новых форм, созвучных времени, а не в ретроспективности отдельных быстро исчезающих мотивов. Москва уже в эти годы стремилась так или иначе показать свое ведущее положение, когда так сильно почувствовалось начавшееся возрождение Руси, столь тесно связанное с борьбой против татар.

Самостоятельный и оригинальный характер собора Коломны заставляет задуматься над происхождением его архитектурных форм. Ведь невозможно предполагать, что он начал собой новое направление в развитии русской каменной архитектуры, хотя обрушение его верха в 1380 г. заставляет думать, что конструкция последнего могла содержать какие-то новые элементы. Очевидно, он имел предшественников. Поскольку памятники Владимиро-Суздаля, как и других центров, отпадают, то их следует искать на московской же почве. Такими прототипами могли служить каменные храмы Москвы начала XIV в. Они уж не так далеко отстояли по времени от храмов второй половины XIV в. в Коломне. Ведь их разделяли какие-то 50—60 лет, что для средневековья было весьма небольшим сроком. Преемственная связь между двумя этими группами произведений вполне возможна и реальна [21]. Сохранившиеся сведения, а также архитектурные детали московских храмов первой половины XIV в. подкрепляют предположение о роли этих зданий в сложении архитектурных особенностей московского зодчества конца XIV—начала XV в. Выше было указано, что московский Успенский собор 1326 г. имел высокие лестницы, отмеченные летописью. Упоминая об этих лестницах, летописец выделил бросавшуюся в глаза особенность — их высоту. При разборке храма Спаса на Бору XVI в. был найден кусок резной плиты — пояса, украшавшего стены предшествовавшего здания начала XIV в. [22].

Уже эти сведения, при всей их фрагментарности, говорят о том, что храмы Москвы начала XIV в. были наделены оригинальными чертами. Нет ничего удивительного, что они не только удержались в дальнейшем строительстве, но и развивались. Следует думать, что своеобразие завершения постамента под главой имело место в первых каменных храмах Москвы. Как бы ни была близка связь между первым московским Успенским собором и собором Юрьева-Польского, все же следует думать, что храм Москвы уже имел отличавшие его детали и формы [23]. Мастера Дмитрия Донского не только воспользовались тем, что давали им московские соборы начала XIV в., но и значительно усовершенствовали намечавшиеся в них приемы, положив крепкое начало дальнейшему развитию московской архитектуры.

---

[19] Н. Воронин. К характеристике..., стр. 234, 235, 236.

[20] Там же, стр. 235.

[21] Аналогичное имело место в архитектуре XVI века. Так, формы церквей с. Юрки на и Трифона в Напрудной рубежа XV—XVI веков были повторены и совершенствованы в родственном храме Исидора Блаженного в Ростове середины XVI столетия.

[22] П. Максимов. К характеристике..., стр. 210.

[23] А. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII вв., М 1936, стр. 185.

Публикации

О. Н. БАДЕР

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ РИСУНКИ КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ (ШУЛЬГАН-ТАШ) НА УРАЛЕ

Предварительные сообщения о результатах первого обследования этого уникального памятника, произведенного экспедицией Института археологии в 1960 г. [1], в настоящее время, после работ 1961 г., могут быть дополнены, уточнены и иллюстрированы копиями древних рисунков.

Открытия замечательных произведений реалистического искусства эпохи палеолита на стенах и потолках пещер Юго-Западной Европы, сделанные в конце XIX и в XX в., показали, что эти памятники локализуются преимущественно в Кантабрии, в Пиренеях и к северу от них, в Южной Франции. Несмотря на обилие исследованных пещер в Чехословакии, Австрии и на смежных им территориях Средней Европы, так же как и в Восточной Европе, подобные памятники обнаружены не были.

В СССР за последнюю четверть века в археологической литературе высказывались мнения о палеолитическом возрасте древних изображений, открытых в четырех, очень далеко отстоящих друг от друга пунктах. Это — геометрические начертания в навесах Мгвимеви в Грузии, частью покрытые «тонкой сталагмитовой коркой, ниже по склону имеющей большую мощность и содержащей в себе включения в виде палеолитических кремневых орудий и расколотых костей» [2]; это — прочерченные и выбитые на потолках и стенах гротов частью окрашенные рисунки на Каменной Могиле близ г. Мелитополя, у берегов Азовского моря [3]; красные рисунки в навесах и гротах Зараут-Сай в Южном Узбекистане, близ Термеза [4], и прочерченные на скалах рисунки близ дер. Шишкино, в Восточной Сибири, на берегу Лены [5]. Однако были высказаны и сом-

[1] О. Н. Бадер. Следы древнейшей пещерной живописи на Южном Урале. СА, 1961, 3; его же. Работы Уральской палеолитической экспедиции в 1960 г. Вопр. археол. Урала, 2, Свердловск, 1962.

[2] С. Н. Замятнин. Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры (Грузия). СА, III, 1937, стр. 69.

[3] О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. МИА, 2, 1941, стр. 126; его же. Петрогліфи Кам'яної Могили. Сб. «Палеоліт і неоліт України». Київ, 1941 (1947), стр. 297; В. М. Даниленко. Про наскельни зображення Кам'яної Могили. Археологія, IV, 1950, стр. 89; М. Я. Рудинский. Каменная Могила. КСИА, 1, 1952, стр. 21; его же. Кам'яна Могила. Київ, 1961.

[4] А. Рогинская. Зараут-Сай. Ж. «Вокруг Света», 1946, 10, стр. 61—62; ее же. Зараут-Сай. М.— Л., 1950; А. А. Формозов. Книга о древней наскальной живописи в Узбекистане. СЭ, 1951, 3.

[5] А. П. Окладников. Древнейшие наскальные изображения Северной Азии. СА, XI, 1949; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. М.— Л., 1959.

нения в палеолитическом возрасте некоторых из этих изображений, содержащиеся и в уже указанной литературе. В основе этих сомнений лежало отсутствие неопровержимых данных для столь ранней датировки, которая основывалась главным образом на стилистическом анализе рисунков. Так, за пределами Советского Союза Банди и Марингер сочли возможным приписать группе наиболее архаичных изображений Каменной Могилы, во главе с плохо выполненной фигурой мамонта, позднеориньякский возраст [6], тогда как Кюн сопоставляет изображения Каменной Могилы со стилизованными наскальными рисунками Швеции [7], а Гейслер — с культурой мегалитов [8].

Поэтому большое внимание привлекло новое открытие несомненно древних изображений на стенах Каповой пещеры на Южном Урале, сделанное зоологом А. В. Рюминым в 1959 г., ровно через 80 лет после открытия Марселино Саутуола первых палеолитических рисунков в Альтамирской пещере.

В докладах и многочисленных статьях, напечатанных в газетах и популярных журналах, А. В. Рюмин сообщал о рельефных, гравированных, прочерченных и нарисованных красной, желтой и черной краской изображениях пещерных медведей, волка, лисы, бизона, пещерного льва, антилоп, лошади, мамонта, саблезубого тигра и других животных в галереях как нижнего, так и верхнего этажей пещеры. При этом он датировал эти изображения всеми тремя эпохами верхнего палеолита.

Институт археологии Академии наук СССР поручил мне обследовать древние изображения в Каповой пещере, что и было выполнено в 1960 и 1961 гг.

Пещера Каповая (или Шульган-Таш) является одной из больших пещер Южного Урала. Она находится в Бурзянском районе Башкирской республики, в горном течении р. Белой, на ее правом берегу (рис. 1). Впервые она была обследована и описана более 200 лет назад, в 1760 г., П. И. Рычковым [9], через 10 лет, в 1770 г.— акад. И. И. Лепехиным [10], несколькими исследователями на протяжении XIX в., а в советский период, в 1923 г.— Г. В. Вахрушевым, в последней работе которого [11] приведена и библиография литературы о пещере; в 1960 и 1961 гг. пещера обследовалась экспедицией Башкирского университета под руководством И. К. Кудряшова и Е. Д. Богдановича, заснявшей инструментальный план пещеры, которым мы и пользуемся.

Пещера имеет очень эффектный, широкий вход. Под его величественной аркой выходит из-под скал речка Шульгановка и вскоре впадает в Белую (рис. 2). Обширные, местами грандиозные полости пещеры образовались в толще известняков верхнего девона и нижнего карбона, они составляют несколько ярусов или этажей и, по данным спелеологической экспедиции, имеют общую протяженность до 1,5 *км* (рис. 3).

Вход в пещеру находится на высоте 7,5 *м* над уровнем Белой. Галереи нижнего этажа тянутся на 300 *м* в глубь горы; дно их постепенно повышается до 26 *м* над уровнем реки. Нижний этаж отличается сыростью, особенно в период таяния снегов и в дождливое время года.

---

[6] H.-G. Bandi, J. Maringer. Kunst der Eiszeit. Levantekunst. Arktische Kunst. Basel, 1955, стр. 27, 162.

[7] H. Kühn. Felsbilder Europas. Stuttgart, 1952, стр. 192.

[8] A. Häusler. Die Felszeichnungen der Kamennaja Mogila bei Melitopol und die megalithischen Einflüsse in Südrussland. Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle — Wittenberg, VII, 2, Halle (Saale), 1958.

[9] П. И. Рычков. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой... «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». СПб., март, 1760.

[10] И. Лепехин. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1802.

[11] Г. В. Вахрушев. Загадки Каповой пещеры. Уфа, 1960.

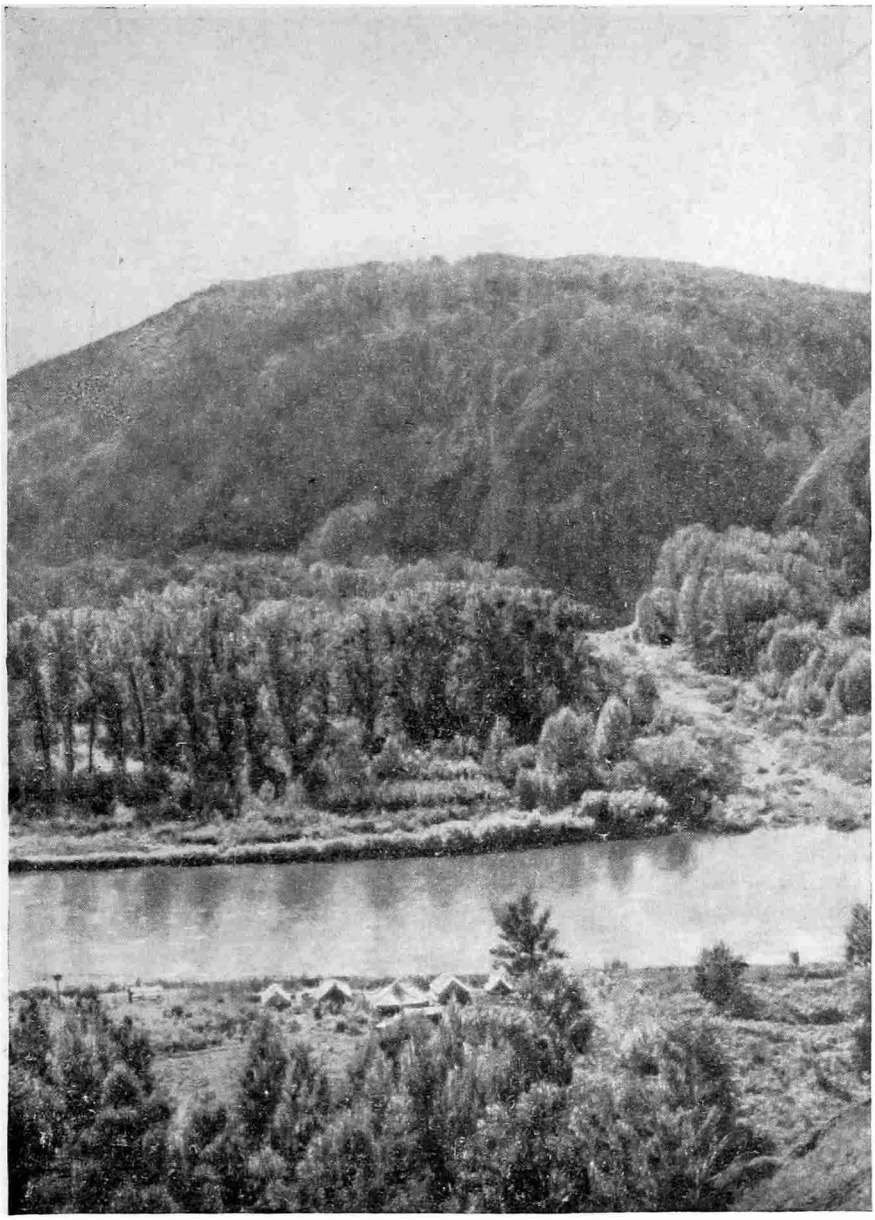


Рис. 1. Долина Белой и вид на лагерь экспедиции с утеса у Каповой пещеры

Путь на второй этаж открывается в левой стороне нижнего этажа, в 140 *м* от входа в пещеру, и представляет собой несколько круто поднимающихся полостей (рис. 4), заканчивающихся широким и высоким, почти вертикальным колодцем. Этот ход трудно и рискованно преодолевать без лестниц; высота его над смежной частью нижней галереи 29 *м*. Галереи верхнего этажа отличаются большей сухостью. Их пол, в отличие от нижнего этажа, заваленного камнями сравнительно свежих обвалов, обычно покрыт глинистыми наносами. Высота пола основной части верхней галереи над уровнем Белой 50 *м*.

Детальное изучение всех изображений, указанных А. В. Рюминым [12], привело членов экспедиции к единодушному заключению, что подлин-

[12] Например, Lénigme de la grotte de Kapovaia. France — URSS magazine. Сентябрь 1960, № 176, стр. 35—37; А. В. Рюмин. Пещерная живопись позднего палеолита на Южном Урале. «Archeologicke rozhledy», XIII, вып. 5, 1961, стр. 712—732.

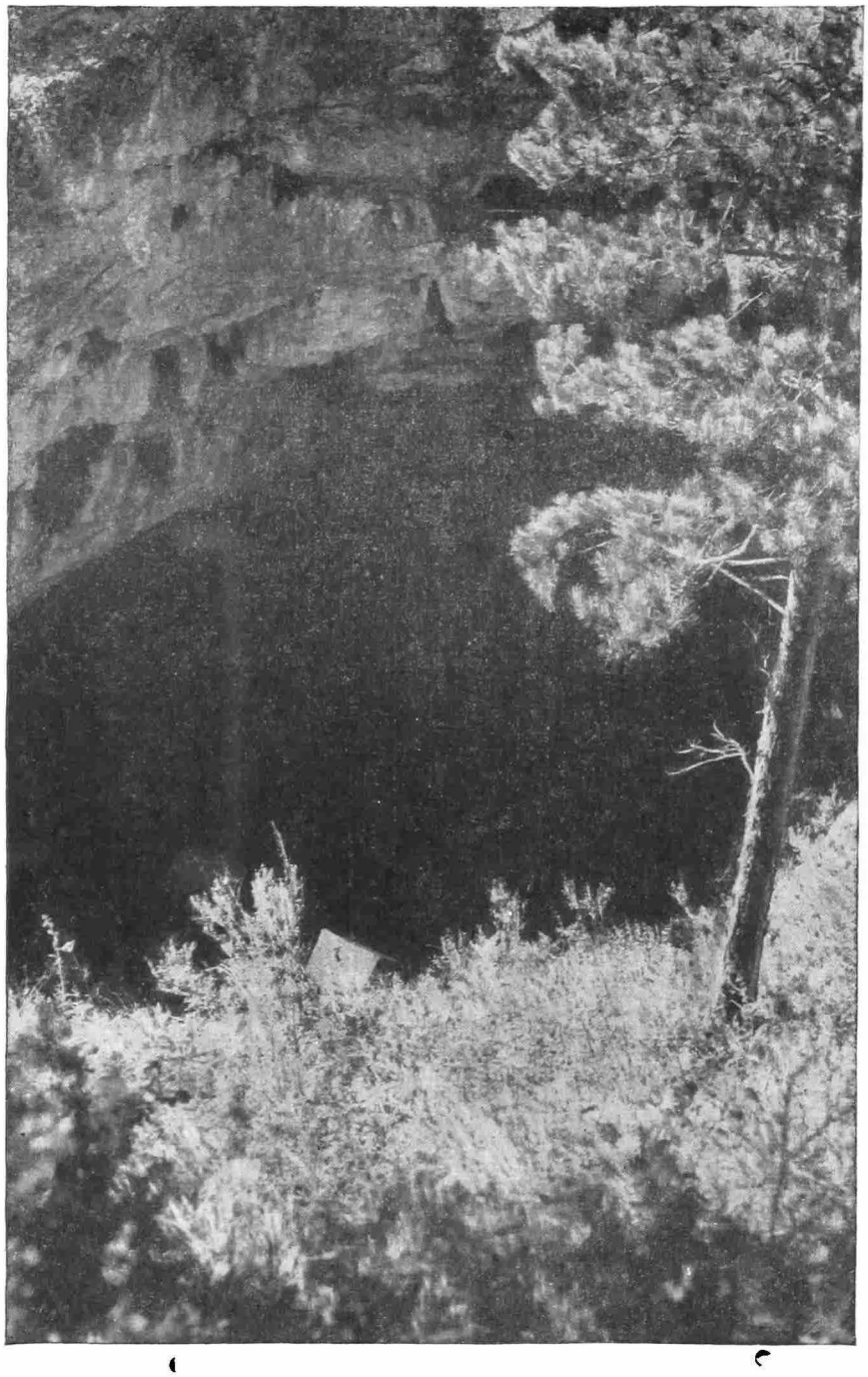


Рис. 2. Вход в пещеру

ными произведениями человека являются лишь рисунок лошади на втором этаже пещеры и расположенные рядом с ним рисунки, выполненные красной краской; все прочие «изображения» в виде рельефов, гравировок и прочерченных контуров, опубликованные А. В. Рюминым, не существуют, представляя собой игру природы, имеющую случайное и приблизительное сходство с фигурами или головами некоторых животных[13]. Особенно досадна публикация рисунка махайрода из нижнего этажа и «архаического» рисунка с верхнего, которые А. В. Рюмин считает наи-

[13] О. Н. Бадер. Следы древнейшей пещерной живописи.

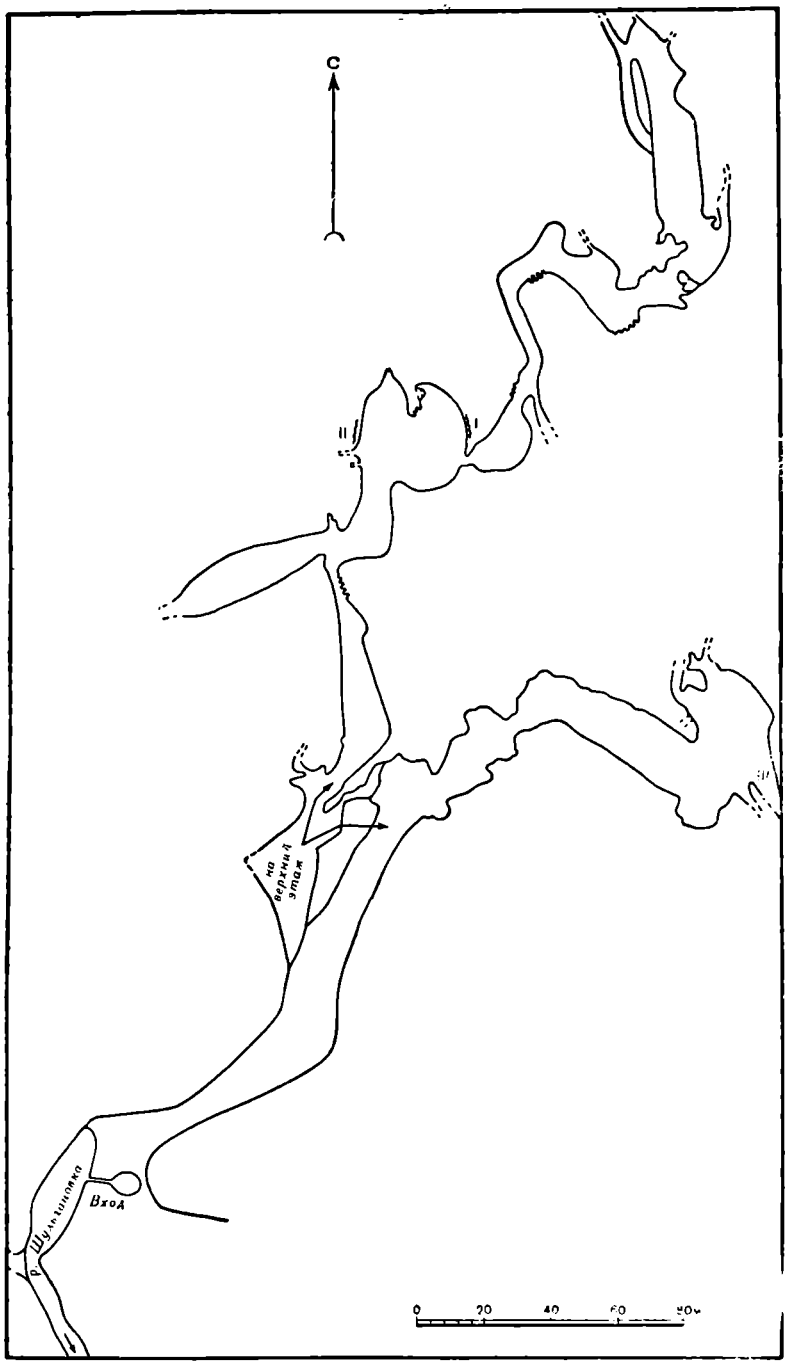


Рис. 3. План передней части пещеры

I — первая группа рисунков верхнего этажа; *II* — вторая группа рисунков верхнего этажа; *III* — рисунки на потолке большого дальнего грота нижнего этажа

более древними рисунками пещеры. Оба эти рисунка сделаны углем совсем недавно, в наши дни; уголь не успел закрепиться на поверхности, он свеж и мажется. Тем же углем сделан глаз у опубликованной им же головы верблюда, представляющей собой сочетание нескольких случайных трещин и выпуклостей на обвалившемся сверху каменном блоке [14]. Некоторые рисунки воспроизведены у А. В. Рюмина по-разному; напри-

[14] А. В. Рюмин. Пещерная живопись..., рис. 256.

мер, рисунок мамонта издан по крайней мере в трех вариантах: то с бивнями [15], то без них [16].

Отдавая должное А. В. Рюмину как первооткрывателю палеолитических рисунков и как неутомимому исследователю Каповой пещеры, советские археологи осуждают ту опрометчивость, с которой он,— не археолог, а зоолог по специальности,— бесконтрольно опубликовал и продолжает публиковать в наших и зарубежных изданиях некритично, тенденциозно воспринятые им «фигуры» животных и свои дилетантские обобщения; это рождает весьма нежелательный отклик и, в частности, за рубежом, где воспринимают А. В. Рюмина как одного из советских археологов.

Рис. 4. Подъем снаряжения и канистры с водой в верхнюю галерею пещеры

Так, принимая во внимание рисунок саблезубого тигра, на котором мы уже останавливались, а также фантастические рисунки «слонов с короткими хоботами, львов, антилоп и доисторических носорогов», он приходит к заключению, что «первобытный человек на Южном Урале застал теплый климат» [17]; учитывая это, он определяет начало ориньякской эпохи на Южном Урале, а вместе с тем и возраст древнейших рисунков Каповой пещеры в 120—150 тысяч лет [18]. Немного позже он подтверждает: «Климат, аналогичный африканскому, существовал здесь около 100 000 лет тому назад. Урал был тогда населен тропическими животными, так что саблезубый тигр мог там частично сохраниться» [19]. Далее читаем, что в ледниковое время Пиренеи и Южный Урал были своеобразными убежищами, где сохранялась высокая культура палеолита; «очевидно, из Пиренеев человек заселял Западную Европу, а с Урала — Восточную Европу и Сибирь» [20]. «Культура Индии, Вавилона, Египта, может быть, имеет свои корни в культуре Южного Урала» [21].

Эти утверждения не нуждаются в комментариях.

Кроме того, в статьях того же автора содержатся столь же фантастические утверждения, что «кроме рисунков в самой пещере, вблизи нее на берегу реки Белой имеются гигантские изваяния львицы, бизона, головы львов. По размерам их можно сравнить с египетскими сфинксами» [22].

Нам приходится останавливаться на публикациях А. В. Рюмина и других авторов, пишущих с его слов, потому что через их посредство в СССР и за его пределами широко распространяются фантастические представления о замечательном археологическом памятнике и о его

[15] Там же, рис. 248.

[16] J. Guryev. In primordial Darkness. «Moscow News» от 17 февраля 1962.

[17] А. Рюмин. Первобытный человек на Южном Урале. Газ. «Магнитогорский Металл» от 12 августа 1959 г.

[18] Там же.

[19] L'énigme de la grotte de Kapovaïa...

[20] А. Рюмин. Первобытный человек в Каповой пещере. Газ. «Советская Башкирия» от 6 апреля 1961 г.

[21] А. Рюмин. Первобытный человек на Южном Урале.

[22] А. Рюмин. Первобытный человек на Южном Урале. Альманах «Туристские тропы», кн. 4, М., 1961, стр. 63.

значении в первобытной истории Афроевразии, бросающие тень на престиж советской археологии [23].

Теперь вернемся к подлинным рисункам, нанесенным красной краской на стену верхнего этажа пещеры. Влево от фигуры лошади на той же плите имеются две фигуры мамонтов, идущих в разные стороны. Направо от лошади — фигура третьего мамонта, обращенного головой влево, а под ней — густо-красная фигура носорога (рис. 5); эти две фигуры ошибочно приняты А. В. Рюминым за одну фигуру гигантского оленя высотою около 2 *м* [24]. Еще правее — вторая лошадь и четвертый мамонт меньших размеров, расположенные друг под другом. Под фигурой носорога — непонятное крупное изображение какого-то предмета, сделанное той же краской [25].

Все фигуры нанесены красной минеральной краской (темного или более светлого тона) на гладкую поверхность известняковой стены огромного подземного зала. Рисунки имеют характер силуэтных; красные контуры подчеркиваются более густым наложением краски, но и внутри контуров поверхность камня закрашена. Длина фигур варьирует между 44 и 112 *см*.

Стиль рисунков — реалистический. Каждое из животных легко узнается по характернейшим особенностям его фигуры: мамонт — по своеобразному профилю головы и спины, дикая лошадь, похожая на лошадь Пржевальского,— по относительно короткому туловищу и изогнутой шее и т. д.

Все животные изображены идущими, на рисунках видны все четыре ноги. У первого, левого мамонта бивни не нарисованы, у двух других они лишь намечены, но в обоих случаях по два бивня. Фигура носорога несколько коротка, чем напоминает скорее элласмотерия; это может объясняться ограниченностью пространства, занятого рисунком между фигурой лошади и вертикальным желобом в стене; голова носорога плохо сохранилась. Впрочем, этот рисунок имеет очень близкую аналогию в гравированной фигуре носорога из грота Коломбьер (Франция), отличающейся столь же короткими пропорциями и массивностью [26].

Все семь фигур первой плиты нарисованы отдельно, в разном масштабе, на различных уровнях и не представляют связной композиции.

Перед фотографированием, зарисовкой и описанием рисунков с них были смыты многочисленные надписи туристов, сделанные черной и белой красками, мелом и углем. К сожалению, среди них выделялась своими размерами неоднократно повторенная надпись «МГУ».

За древность рисунков говорит прочность их краски, образовавшей на известняковой поверхности стены естественные, несмываемые и нестираемые фрески, в чем мы смогли убедиться при удалении с рисунков надписей. Контуры рисунков, в отличие от надписей туристов, нечетки, расплывчаты. На закрашенной поверхности местами наблюдаются кальцитовые новообразования — белые корочки в трещинах и довольно значительные известняковые натеки в виде выпуклых полушарий, не имеющих на своей поверхности ни малейших следов краски.

Химический анализ двух образцов краски, произведенный в химической лаборатории Центральной художественной реставрационной ма-

---

[23] Например, из Франции в 1960 г. у нас был получен запрос от адвоката Фернана Досе из Ренна, который недоумевает по поводу достоверности рисунка махайрода в Капповой пещере и определения возраста рисунков в 100 тысяч лет и просит дать ему разъяснения. Надеюсь, что г-н Досе почерпнет их из этой статьи.

[24] L'énigme de la grotte Kapovaïa...; А. В. Рюмин. Пещерная живопись позднего палеолита...

[25] Копии рисунков в половину натуральной величины выполнены в пещере художниками К. Н Никахристо и Е. А. Устиновым, фотоснимки — А. К. Тарасевичем и Ч. А. Гагманом, реставрационные работы начаты Н. А. Гагманом.

[26] Raymond Furon. Manuel de préhistoire générale. Paris, 1951, рис. 21.

стерской в Москве, показал, что она состоит из красной земли (охры?) с примесью животного клея.

Палеолитический возраст рисунков Каповой пещеры, в отличие от других, упомянутых выше древних рисунков на территории СССР, доказывается самим сюжетом их: присутствием носорога, характерных фигур дикой лошади, близкой лошади Пржевальского, и преобладанием изображений мамонтов, нарисованных чрезвычайно живо.

В том же большом зале верхнего этажа пещеры мы обнаружили вторую группу красных рисунков, состоящую из четырех идущих друг за другом фигур животных, расположенных на разных уровнях на равной высоте от покатой глинистой поверхности пола. Первое из этих животных, наиболее крупное, является, по-видимому, носорогом, второе — мамонтом (рис. 6), третье мамонтом, возможно, детенышем, идущим вслед за матерью, четвертое — также мамонтом. Только эта последняя фигура мамонта выполнена силуэтно, в преобладающем стиле рисунков первой группы. Три первые фигуры выполнены грубыми, местами расплывшимися контурами.

Зал рисунков во втором этаже расположен на расстоянии около 300 *м* от входа в пещеру. По обстановке, глубине расположения в пещере и своему общему характеру рисунки Каповой пещеры вполне соответствуют тому, что мы знаем о палеолитических рисунках Юго-Западной Европы.

Однако стиль рисунков, в особенности рисунков мамонтов, не имеет прямых аналогий на Западе. От известных изображений мамонтов в пещерах Комбарель, Фон де Гом и им подобных наши отличаются тем, что они нарисованы краской без следов гравировки, тогда как французские рисунки или целиком резные (например, в Комбарель), или раскрашены после предварительно намеченных гравировкой контуров (например, в Фон де Гом); последние рисунки наиболее близки нашим. В Испании имеются рисунки слонов, выполненные одной красной краской, но и они контурные (например, Кастильо, Пиндаль). По технике нанесения рисунков Каповой пещере близка пещера Нио во Франции, содержащая исключительно черные фрески[27], напоминающие грубые литографские изображения[28]; рельефные изображения и многоцветные рисунки в этой пещере отсутствуют.

В то же время нельзя не обратить внимание на сходство в изображении передней, хоботной части на первом (левом) рисунке мамонта первой плиты Каповой пещеры и на гравированном изображении мамонта из палеолитической стоянки Мальта в Восточной Сибири[29]. Весьма возможно, что это сходство является первым признаком существования особого, в широком смысле урало-сибирского стиля в палеолитическом искусстве, что согласуется со значительным своеобразием резной кости из стоянок Сибири. Во всяком случае, учитывая расстояние в 4000 *км*, отделяющие Урал от Пиренеев, можно ожидать существенных различий в конкретных путях развития стилей палеолитического искусства в этих удаленных областях и, следовательно, при сравнении уральских рисунков с французскими и испанскими следует соблюдать осторожность.

Поэтому уточнение возраста первых уральских рисунков в пределах верхнепалеолитической эпохи при ограниченном количестве материала наталкивается на большие трудности.

Обе группы реалистических рисунков второго этажа Каповой пещеры не вполне идентичны, они не созданы одним первобытным художником и вряд ли сделаны в один день или в какой-то очень короткий,

---

[27] Г. Обермайер. Доисторический человек. СПб., 1914, стр. 285.

[28] Г. Осборн. Человек древнего каменного века. Л., 1924, стр. 313.

[29] М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальте. Сб. «Палеолит СССР». ИГАИМК, 118, 1935, рис. 33.

Рис. 5. Рисунок носорога

Рис. 6. Рисунок мамонта

ограниченный срок. Об этом говорит не вполне одинаковый стиль рисунков — частью контурных, преимущественно силуэтных, их чисто художественная неравноценность.

Но, с другой стороны, нет оснований для существенного хронологического разделения рисунков. Рисунки первой плиты, образующие в общем однородную группу, имеют во второй группе ближайшую аналогию в виде четвертой, правой, силуэтной фигуры мамонта, а первые три

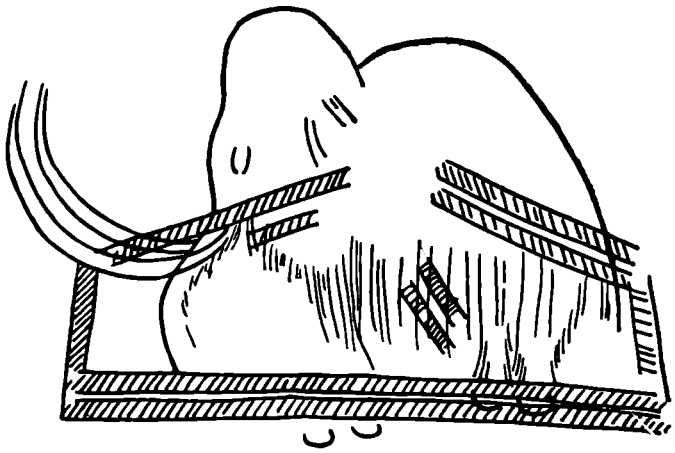


Рис. 7. Рисунок бизона с нанесенными на него изображениями жилищ (пещера Фон де Гом, Франция)

контурные фигуры второй группы перекликаются с фигурами третьего мамонта и отчасти левой лошади первой группы: внутри контуров этих рисунков краска наложена слабо, а на указанной фигуре мамонта местами и вовсе отсутствует.

Надо полагать, что рисунки Каповой пещеры принадлежат какому-то ограниченному времени верхнего палеолита, которому было свойственно бытование монохромных контурных и силуэтных рисунков, быть может, времени перехода от одного стиля к другому.

Если обратиться, со сделанными выше оговорками, к брейлевской периодизации пещерной живописи Юго-Западной Европы [30], то нетрудно увидеть, как в раннемадленское время первоначальная ориньякская живопись, состоявшая из простых контуров и грубых изображений красной и черной краской, со слабыми попытками дать тени или совсем без них, переходит в длительную стадию одноцветных — черных или красных рисунков. Именно на этой, раннемадленской стадии техника нанесения рисунков претерпевает значительные изменения: от простой линейной передачи фигур, точечной и непрерывной — к полуокраске и полной окраске, постепенно распространяющейся на тело животного от его линейных контуров.

Рисунки Каповой пещеры соответствуют приведенной выше общей характеристике раннемадленской живописи Франции и, если развитие палеолитической живописи Урала шло аналогичными путями, могут относиться к тому же раннемадленскому времени.

В нижнем этаже пещеры нами обнаружены еще несколько групп красных рисунков, частью очень плохой сохранности. Главная группа находится в заднем, высоком зале галереи первого этажа, на покатом, низком потолке, на расстоянии 275—280 *м* от входа в пещеру. Она состоит из нескольких геометрических фигур в виде хижин (?), лест-

[30] H. Breuil. Quatre cents siècles d'art pariétal. Les cavernes ornées de l'âge de renne. Paris, 1952.

ниц, косых штрихов, в значительной части покрытых ароганитовой коркой и кальцитом, из-под которых их может освободить только кропотливый труд реставраторов. Большие красные пятна просвечивают из-под натеков на потолке выше первой, верхней «хижины».

Детальное ознакомление с полным собранием наскальных рисунков Урала, составленным В. Н. Чернецовым, убеждает в отсутствии среди них близких аналогий нашим рисункам, что может указывать на донеолитический возраст последних. В то же время в некоторых пещерах Франции и Испании, таких как Фон де Гом, Комбарель, Альтамира, Марсула, Кастильо, Пиндаль, давно известны вырезанные, чаще нарисованные на камне фигуры в виде хижин, разрисованных щитов, решеток, лестниц, простых комбинаций штрихов и точек и пр. В пещере Нио, содержащей, как и Каповая, только красочные фрески, имеются многочисленные знаки и комбинации точек, нанесенные красной краской. В Фон де Гом, помимо замечательной реалистической живописи, есть изображения в виде хижин и изогнутых лестниц, т. е. фигуры, наиболее близкие изображениям нижнего этажа Каповой пещеры.

Некоторые крупнейшие специалисты, как А. Брейль и Г. Обермайер, сближают рассматриваемую группу изображений Франции и Испании по их стилю с рисунками на гальках Мас д'Азиля. Их относительно поздний возраст доказывается также тем фактом, что, например, рисунки хижин в некоторых пещерах перекрывают реалистические рисунки животных эпохи палеолита (рис. 7), а на украшенных резьбой костяных предметах домашнего обихода из стоянок тех же территорий нет фигур в виде хижин, лестниц и пр. Однако А. Леруа-Гуран находит возможным объединять подобные схематизированные фигуры с реалистическими рисунками пещеры [31].

Все это заставляет предполагать эпипалеолитический, мезолитический возраст схематических изображений указанного типа как в Юго-Западной Европе, так и на Урале. Вопрос об их датировке может быть окончательно решен только дальнейшими исследованиями.

В двух смежных залах нижнего этажа пещеры, расположенных ближе к выходу, также имеются следы рисунков в виде красных пятен и полустертых геометрических фигур того же характера. Одно из красных пятен уходит под аллювиальные наносы на дне пещеры и должно быть освобождено раскопками.

Поиски палеолитических изображений в пещерах СССР в связи с открытием в Каповой пещере вырастают в одну из важных самостоятельных задач советской археологии.

---

[31] André Leroi-Gourhan. Art et religion au paléolithique supérieur. Cours public de préhistoire 1960—61. Sorbonne. Paris.

Г. П. СЕРГЕЕВ

РАННЕТРИПОЛЬСКИЙ КЛАД У с. КАРБУНА

Осенью 1961 г. на юго-западной окраине с. Карбуна Чимишлийского района Молдавской ССР во время ремонта шоссейной дороги учеником карбунской школы Владимиром Горецким в разрезе дорожного кювета, на глубине около 80 *см* был обнаружен клад, состоящий из 852 предметов раннего этапа трипольской культуры.

В музей поступили 444 медных предмета, из них — 2 топора, 4 спиральных браслета, браслет из восьми пластин с завернутыми в трубочку концами, 2 диска с крестообразными знаками, 14 пластин-подвесок, 11 пронизок, 377 бусин, 23 антропоморфные фигурки, плоская пластина в форме фаллоса, 2 пластины. Из белого и цветного мрамора и камня в кладе было 26 предметов, в том числе: 2 топора, пластина, 23 бусины. 127 предметов из кости, из них — 124 подвески из зубов оленя, зуб-амулет человека, миниатюрная женская статуэтка-подвеска; 254 предмета из морских раковин, среди них 143 бусины и 111 пластин.

Перечисленные предметы лежали в сосуде грушевидной формы, в горловину которого был вставлен (вверх дном) небольшой сосуд с каннелированной поверхностью.

Автор данной статьи и В. И. Маркевич осмотрели место, где был найден клад. Это пологий холм, опускающийся с северного склона долины к речке Карбуна — правому притоку р. Ботны.

На этом мысе находится большое трипольское поселение с хорошо сохранившимся культурным слоем. Примерно на глубине 80—100 *см* мы нашли обломки сосудов с углубленным орнаментом, плоскую ручку от ковша раннетрипольского типа, кремневый резец, скребло и кости животных. На поселении, в срезе грунтовой дороги, идущей к песчано-глинистому карьеру, была обнаружена в неглубокой яме печь с гладким подом, обмазанным вместе со стенками слоем глины в 1—2 *см* толщиной. Печь круглой формы имела в сохранившейся части диаметр около 1 *м*.

Во время разведок мы ограничились контрольной прокопкой места, где лежал клад. Здесь оказался очень плотный суглинок с вкраплениями чернозема и слой золы, залегавшей ниже клада на 30—40 *см*.

Карбунский клад раннетрипольского времени (этап А по периодизации Т. С. Пассек) имеет огромное научное значение. Столь большой по количеству и разнообразию предметов, Карбунский клад — исключительная и пока единственная находка не только для СССР, но и всего континента Восточной Европы.

Описание предметов клада мы начнем с глиняных сосудов.

Сосуд грушевидной формы (рис. 1,*2*), в котором находились вещи (высота 25 *см*, наибольшая ширина 31,5 *см*, диаметр горловины около 11,5 *см*, диаметр дна 12,3 *см*). Цвет сосуда — желтовато-розовый, места-

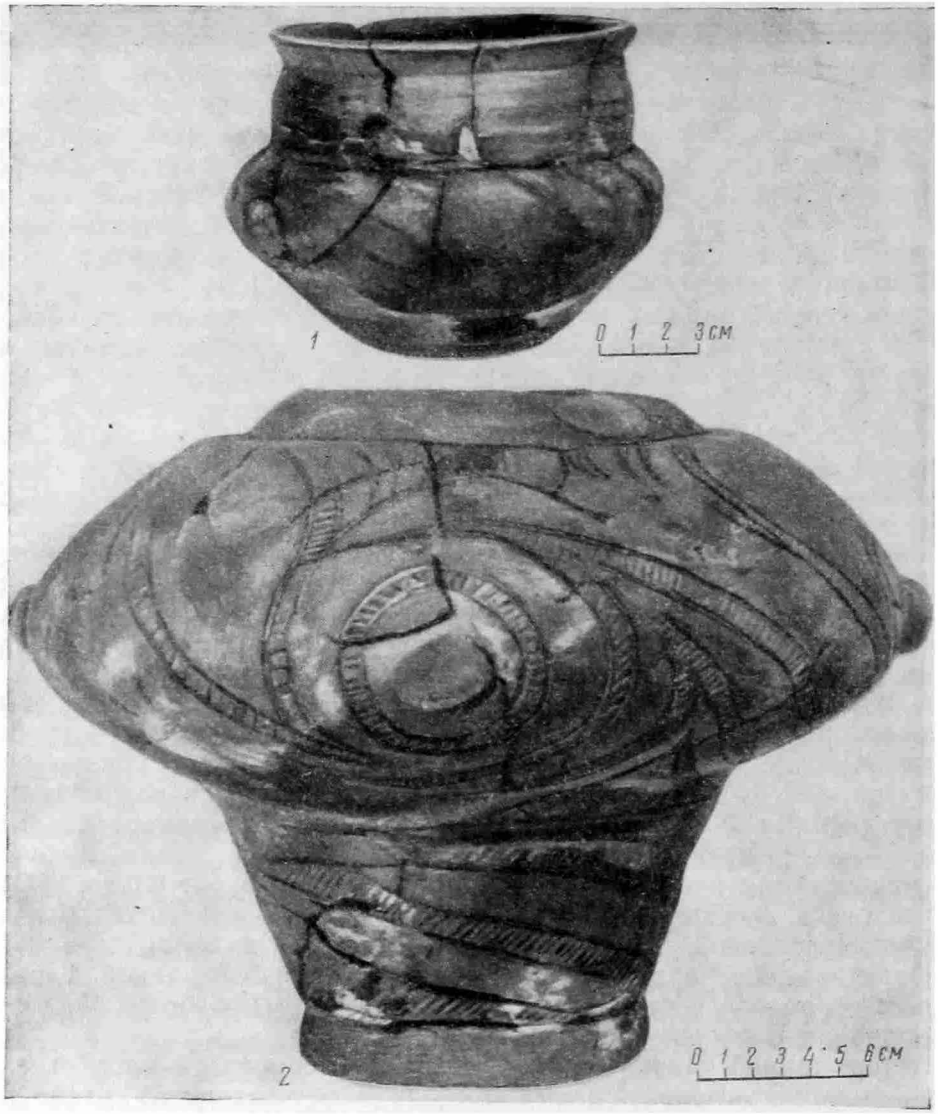


Рис. 1. Сосуды, в которых был найден клад

ми заметны темно-серые пятна. На всей поверхности сосуда углубленный орнамент из лент, состоящих из двойных полос, пространство между которыми заполнено мелкими штрихами. Сильно наклоненный внутрь край горла орнаментирован кругами с отходящими от них наискось полосами; на выпуклых боках симметрично расположены четыре налепных бугорка со сквозными вертикальными отверстиями. Налепные бугорки окружены лентами, образующими два круга с отходящими от них наискось отрезками лент.

Близкие карбунскому по форме и орнаменту являются сосуд из раннетрипольского поселения у с. Солончены I МССР [1], а также грушевидные сосуды из Ленковец Черновицкой области [2] и из поселения у с. Александровки Одесской области [3].

[1] Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, 84, 1961, рис. 13, *9*.

[2] К. К. Черниш. Ранньотрипільське поселення Ленківці на Середньому Дністрі. Київ, 1959, рис. 24.

[3] А. Л. Есипенко. Раннетрипольское поселение Александровка. МАСП I, Одесса, 1957, табл. 1, *1*, *2*.

Второй сосуд (рис. 1,*1*), закрывавший горловину первого (высота 10,3 *см*, ширина 13 *см*, диаметр венчика 11 *см*, диаметр дна 4,5 *см*), желтовато-серого цвета, в тесте примесь мелкозернистого песка. Внутри и снаружи стенки сосуда залощены, средняя часть тулова выпуклая, с четырьмя налепами в виде шишечек с крестообразными углублениями; стенки сосуда покрыты наискось каннелюрами. На горле пять каннелюр, снизу которых расположен ряд мелких углублений; по краю венчика также ряд углублений.

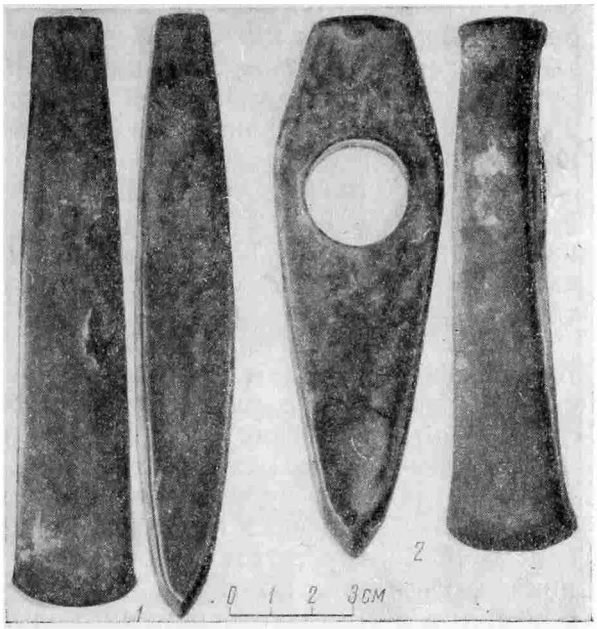


Рис. 2. Медные топоры

Ближайшими аналогиями этому сосуду являются каннелированные раннетрипольские сосуды из поселения у с. Голерканы Криулянского района МССР [4].

Карбунский клад замечателен своим огромным количеством (444) разнообразных предметов из меди [5]. Предварительные наблюдения позволяют отметить, что все медные предметы клада сделаны путем горячей ковки с последующей шлифовкой поверхности изделия в холодном виде (топоры, браслеты, антропоморфные фигурки). При изготовлении предметов круглых и цилиндрических форм после ковки применялась еще прокатка на твердой основе (бусины, пронизки). Большая часть пластин-подвесок и антропоморфных фигурок сваривалась из двух пластин в нагретом виде, что четко заметно на некоторых изделиях простым глазом. Такие технические приемы при изготовлении медных вещей характерны для ранних периодов обработки металла, когда не была еще известна плавка.

Из этого большого количества медных предметов к орудиям труда относятся лишь два топора. Карбунские топоры, выкованные из больших кусков самородной меди, являются уникальными изделиями древнетрипольского кузнеца-медника. Один из топоров (рис. 2, *1*) — четырехгранный, почти квадратный в сечении, имитирует форму весьма распространенных в триполье каменных клиновидных топоров. Длина топора — 14,5 *см;* ширина округленного лезвия—3 *см*, сечение обуха — 17 × 1,3 *см*. Поверхность гладкая, покрыта благородной патиной, местами изумрудно-зелеными пятнами; следов работы на лезвии не заметно, но тыльная часть (обух) от ударов осела, получив при этом характерное расширение профиля. На широких концах обуха и возле лезвия ясно видны многочисленные насечки от легких ударов. Вероятно, топор был использован в качестве молотка и наковаленки при ковке медных предметов, возможно и при раскалывании дерева; в кладе он лежал на мраморном топоре.

Совершенно уникален для раннего триполья второй медный топор-молоток (рис. 2,*2*). Он выкован из чистой меди, имеет полукруглое,

[4] Т. С. Пассек. Ук. соч., рис. 17, *1*, *10*, *11*.

[5] Результаты спектрального и структурного анализов медных предметов, проводимых в настоящее время в лаборатории ИА АН СССР Е. Н. Черных и в лаборатории кафедры археологии МГУ Н. В. Рындиной, будут освещены в специальных статьях.

слегка расширенное лезвие, длина 12,1 *см*, ширина лезвия 3,2 *см*, сечение обуха 2,1×2,3 *см*; лезвие тупое, с двумя древними вмятинами от ударов. Поверхность топора сохранилась настолько хорошо, что виден цвет металла и лишь кое-где выступают темно-зеленые крапинки окиси меди. Такая сохранность позволяет хорошо видеть мельчайшие детали на поверхности орудия. На его обеих щечках возле лезвия заметны многочисленные мелкие насечки в поперечном направлении; на узких боках возле обуха имеются такие же следы ударов, причем на углу их больше и расположены они в диагональном направлении к плоскости тыльной части; головка обуха расплющена, слегка скошена в сторону рукояти. Достойно восхищения отверстие для рукояти диаметром 23×25,5 *мм* с идеально ровными и гладкими стенками. Отверстие делалось на твердом стержне, одновременно с процессом ковки всего тела топора [6].

Топоры не использовались по своему функциональному назначению, а применялись, видимо, как орудия ударного характера и в качестве наковален, о чем можно судить по расплющенной шляпке обуха одного из топоров и по следам мелких насечек на боковых плоскостях обоих топоров.

Такое явление вполне объяснимо тем, что медь по своим физико-техническим свойствам была значительно мягче камня. Лезвия карбунских топоров очень круты и слишком тупые для того, чтобы ими можно было рубить древесину даже мягкой породы.

Интересными находками последних лет древнейших медных орудий являются долота и пробойники, обнаруженные в 1951 г. в Румынии под развалинами жилища в горизонте Сэлкуца III (раскоп 1 *b*) и опубликованные Д. Берчиу [7]. Этот тип орудий встречается как в культуре Гумельница в Румынии, Болгарии, так и в культуре Бодрогкерестурской в Венгрии и в других синхронных культурах. Но в ареале культуры в Сэлкуца в Румынии медные долота, как пишет Д. Берчиу — единственные: одно из них длиной 13,8 *см* весит 480 *г*, другое длиной 14 *см* — 330 *г*. В приведенном анализе металла отмечается, что они содержат 99,46 и 99,57% чистой меди. О действительном назначении этих медных орудий можно судить даже по изданным схематическим изображениям — они скорее напоминают топорики, чем долота, и их следует сближать с топорами Карбунского клада.

Из медных поделок, содержавшихся в Карбунском кладе, следует упомянуть о двух пластинках со следами ковки (рис. 3,*1*) толщиной 4 и 3 *мм*. Хранение в кладе таких незначительных медных кусочков показывает, насколько древний человек дорожил медью.

К уникальным предметам украшений Карбунского клада относится наручный браслет из восьми медных пластин с завернутыми трубочкой концами для скрепления их шнурами (рис. 3, *2*). На всех пластинах в местах прикосновения шнура заметны характерный закругленный край и выемка, образовавшаяся в результате износа металла. Браслет состоит из пластин неодинаковой формы и размеров, изготовленных путем горячей ковки; некоторые из них, как это можно видеть даже простым глазом, для необходимой толщины соединены, скованы из двух тонких пластинок. Размеры пластин от 1,2×1,7 до 4,2×3,5 *см*, толщина от 0,5 до 2 *мм*.

Все пластины этого браслета хорошей сохранности и лишь незначительно покрылись окисью темно-зеленого цвета.

Также хорошо сохранились спиральные браслеты, сделанные из выкованных медных прутьев, не утративших своей первоначальной

---

[6] Подобной формы медные топоры известны по находкам в Венгрии.

[7] D. Berciu. Contributu la problemele neoliticului in Rominia in lumina noilor Cercetări. Bucureşti, 1961, рис. 70 и 71.

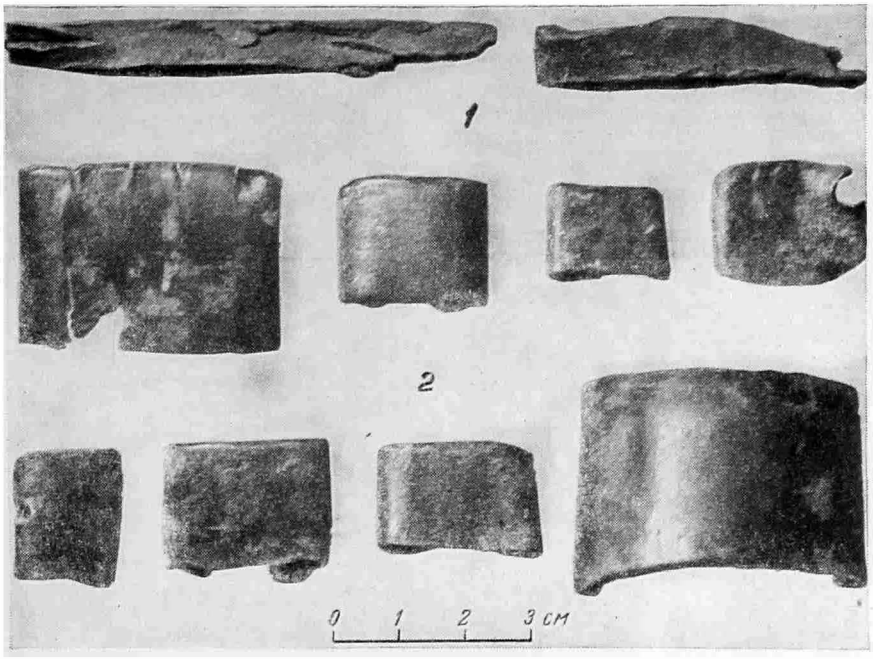


Рис. 3.

1 — медные пластины со следами ковки; *2* — медные пластины наручного браслета

гибкости. Два больших парных браслета диаметром 8 и 9 *см* имеют по пяти витков с заходящими концами (рис. 4, *1, 2*), длина прутьев 1,24 и 1,45 *м*, толщина 5 *мм*. Два браслета меньших размеров (диаметром 6,3 *см*) имеют по три витка (рис. 4, *3, 4*), длина прутьев 0,63 и 0,53 *м*.

Карбунские спиральные браслеты имеют сходство с браслетами клада, случайно обнаруженного в 1950 г. в Румынии на трипольском поселении у Хэбэшешт [8]. Браслет этого клада в пять витков имеет диаметр 6,8 *см*, браслет из трех витков — 7 *см*; оба содержат 99,9% чистой меди.

В Карбунском кладе было 11 пронизок в форме трубочек различных диаметров, форм и размеров, свернутых путем прокатки из медных пластин, выкованных, как это можно судить по некоторым экземплярам, из нескольких тонких пластинок (рис. 5). Особенно выделяются две верхние пронизки из тонких пластинок с поперечными рубчиками: продольные края не заходят друг на друга, как у большей части трубочек, а плотно прижаты срезами с едва заметным «швом». Вся поверхность этих пронизок хорошо заглажена без каких-либо изъянов.

Среди медных предметов Карбунского клада имеется огромное количество (377 шт.) тяжеловесных бус, которые носились, вероятно, не на одной, а на нескольких низках (рис. 6). В кладе они какое-то время лежали, видимо, не россыпью, а нанизанными на шнур, сохранив на некоторых слипшихся экземплярах изгиб этого шнура.

Размеры бусин варьируют от 4 до 17 *мм* в диаметре и от 2 до 13 *мм* ширины, с различными диаметрами отверстий (от 2 до 7 *мм*). Большая часть бусин цилиндрической формы нарезана из трубочек. Подобную технику изготовления медных бусин из клада в Хэбэшешти Вл. Думитреску отмечает предположительно, а на цилиндрических бусинах нашего клада она подтверждается полностью. На одной из бусин великолепно

[8] Vladimir Dumitrescu. Le dépôt d'objets de parure de Hăbăşeşti. Dacia. Nouvelle serie I, 1957, рис. 1.

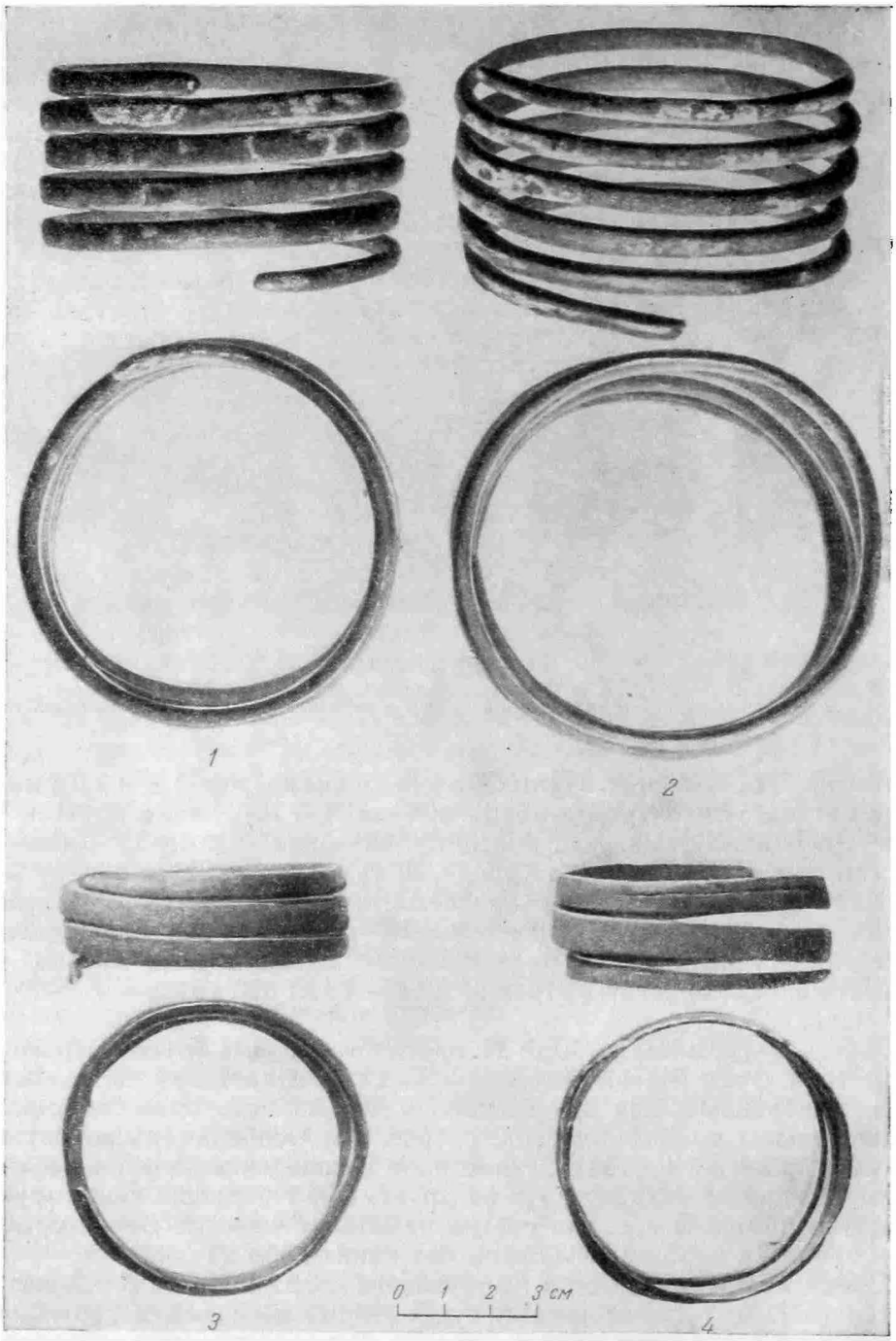


Рис. 4. Медные браслеты

сохранился недоведенный до конца надрез, сделанный с помощью острой кремневой пластины, оставившей характерные следы. По этому надрезу можно заключить, что разрезание трубок на части, соответствующие размерам бусин, производилось на холодном металле. Круглые бусины ковались каждая отдельно из продолговатых кусков меди, свернутых колечком, затем обкатывались. Такой технический прием наложил свой отпечаток: бусины приобрели шаровидную или цилиндрическую форму с закругленными краями и выпуклой полукруглой спинкой.

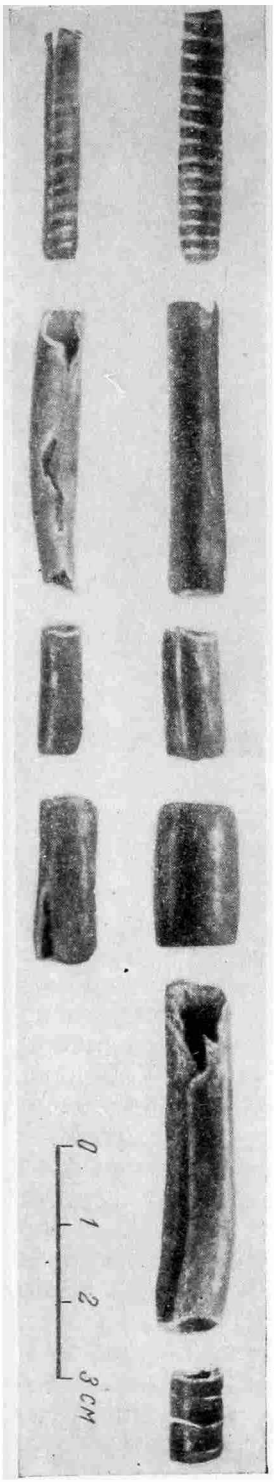


Рис. 5. Медные пронизки

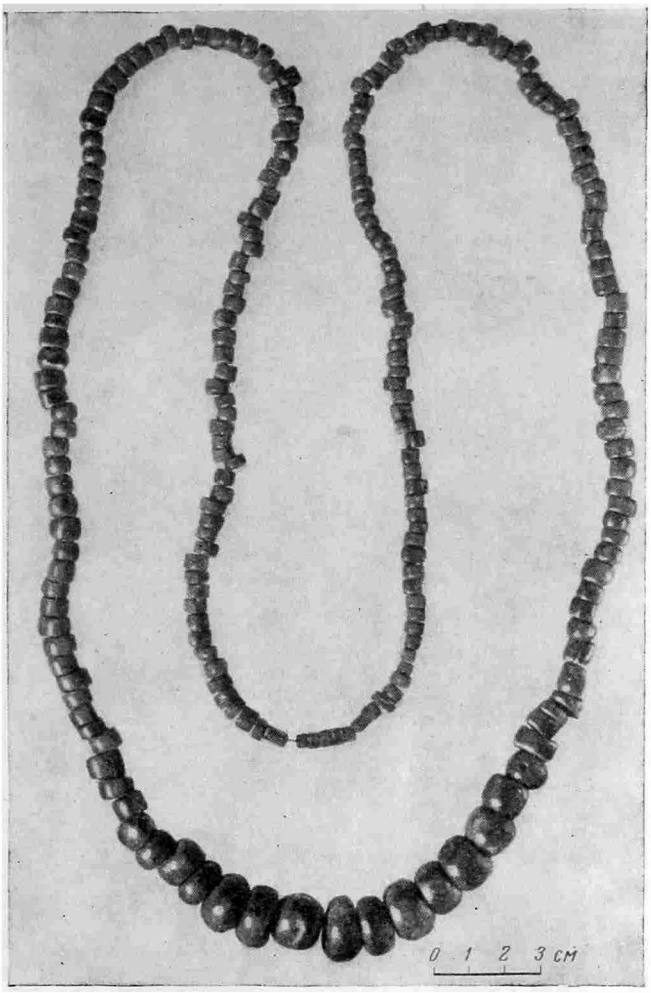


Рис. 6. Медные бусы

Кроме Хэбэшештского клада, находки медных бусин в раннетрипольских памятниках единичны. Т. С. Пассек отмечает, что «медные изделия в этот ранний период триполья — большая редкость, поэтому особо ценны находки на поселении у с. Берново-Лука Кельменецкого района Черновицкой области медного кованого крючка для ловли рыбы, а также медной бусины и обломка медного шила. Находки эти подчеркивают межплеменные связи, существовавшие у племен Поднестровья с теми районами, где имелась самородная медь, прежде всего — с районами Балкан и Прикарпатья»[9].

К предметам украшений в Карбунском кладе относятся пока не имеющие аналогий в памятниках ранних этапов трипольской культуры пластины из меди, прикреплявшиеся, вероятно, к одежде (рис. 7); размеры пластин 3—3,8 × 1,2—2 *см*, толщина от 0,5 до 2 *мм*.

[9] Т. С. Пассек. Ук. соч., стр. 60.

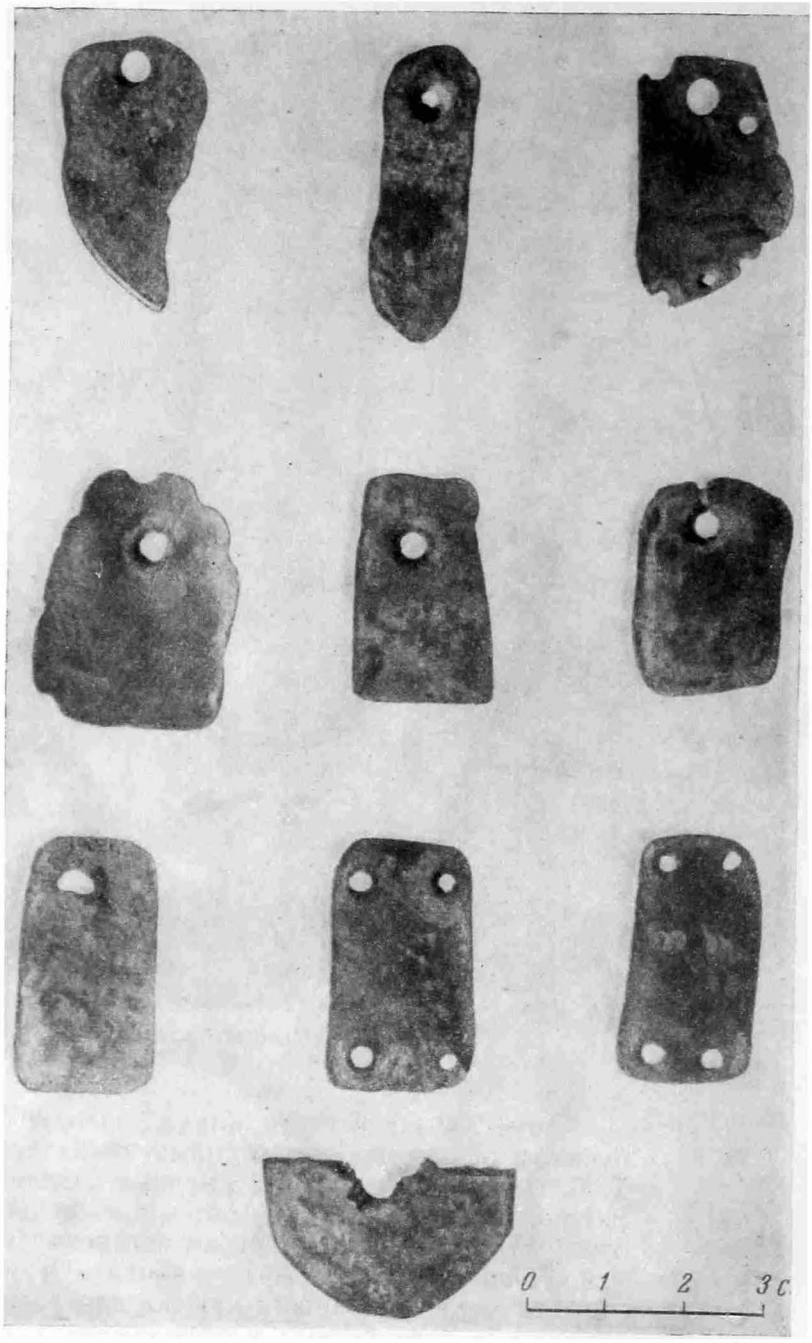


Рис. 7. Медные пластины-подвески

Несколько отличны от этих подвесок медные пластины (рис. 8), напоминающие антропоморфные фигурки.

Большой интерес представляют медные антропоморфные пластинчатые фигурки Карбунского клада. В поселениях раннего триполья на территории юга СССР плоские костяные антроморфные фигурки балканодунайского типа были найдены в Сабатиновке и во Флорештах [10]. На

[10] Т. С. Пассек. Результаты археологических раскопок у с. Флорешты в Молдавии. Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960, рис. 5, *8—11*.

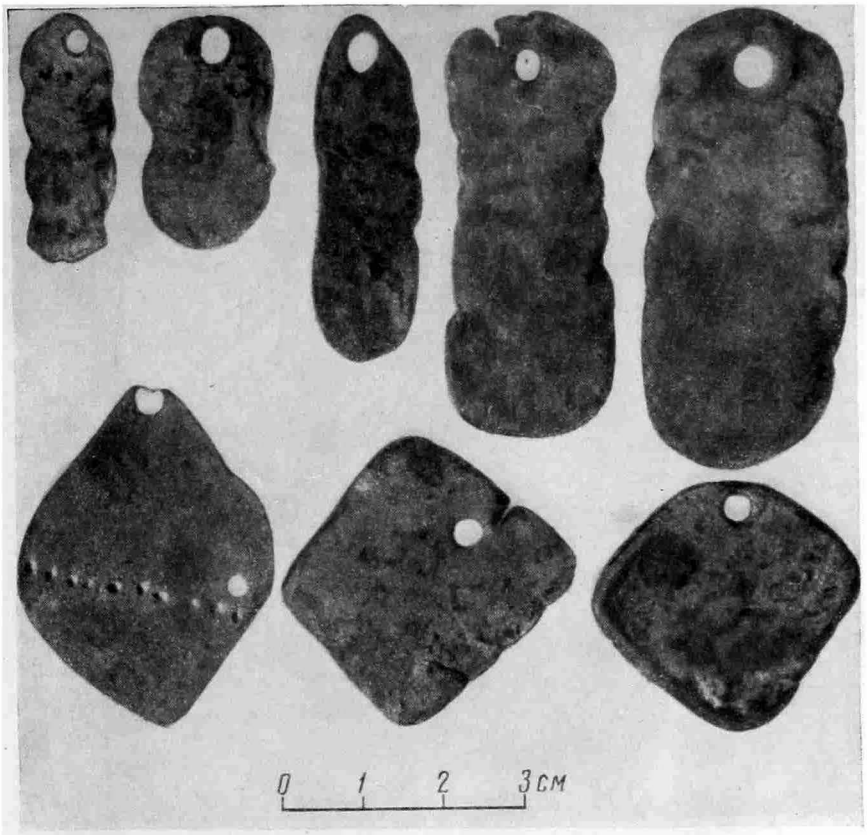


Рис. 8. Медные пластины в форме антропоморфных фигурок

территории Подунавья, в Румынии и Болгарии широко известны антропоморфные изображения, но все они также сделаны из кости, и лишь изображения Карбунского клада, не имеющие аналогий, сделаны из массивных медных кованых пластин (рис. 9) толщиной от 1 до 4 *мм*. Антропоморфные фигурки и подвески меньших размеров изображены на рис. 10, *1—13*. Одна из них (рис. 10, *10*) близка к костяным изображениям из Подунавья.

Антропоморфная фигурка (рис. 10, *12*) из толстой медной пластины — необычной формы, напоминающей грубую «каменную бабу» поздних культур причерноморских степей и Молдавии. Отверстие, просверленное с двух сторон, расположено не по средней оси фигуры, а сбоку: вероятно, второе отверстие намечалось мастером рядом, справа, но не было сделано, быть может, по причине трудности сверления толстой пластины. Любопытно заметить, что на одной стороне этой фигуры, как и на антропоморфных фигурках на рис. 10, *2—5*, имеются совершенно одинаковые продолговатые углубления в виде насечек. Этот факт можно объяснить тем, что перечисленные предметы культа находились в руках одного мастера, работавшего одним орудием.

Из всех антропоморфных изображений особо выделяется фигура из медной пластины толщиной 1,5 *мм*, шириной 6, 1 *см*, длиной 12,8 *см*, с округлым основанием и прямым зубчатым стержнем (рис. 11, *1*). Мы склонны считать это изображение фаллосом. Культ плодородия как в виде женского, так и мужского начала имел место у ранних трипольцев [11]. Об этом свидетельствуют глиняные мужские статуэтки с подчеркнутыми особенностями мужского пола, найденные в Луке-Врублевец-

[11] М. Л. Макаревич. Об идеологических представлениях у трипольских племен. ЗОАО. 1960, т. 1 (34), рис. 3, *10*.

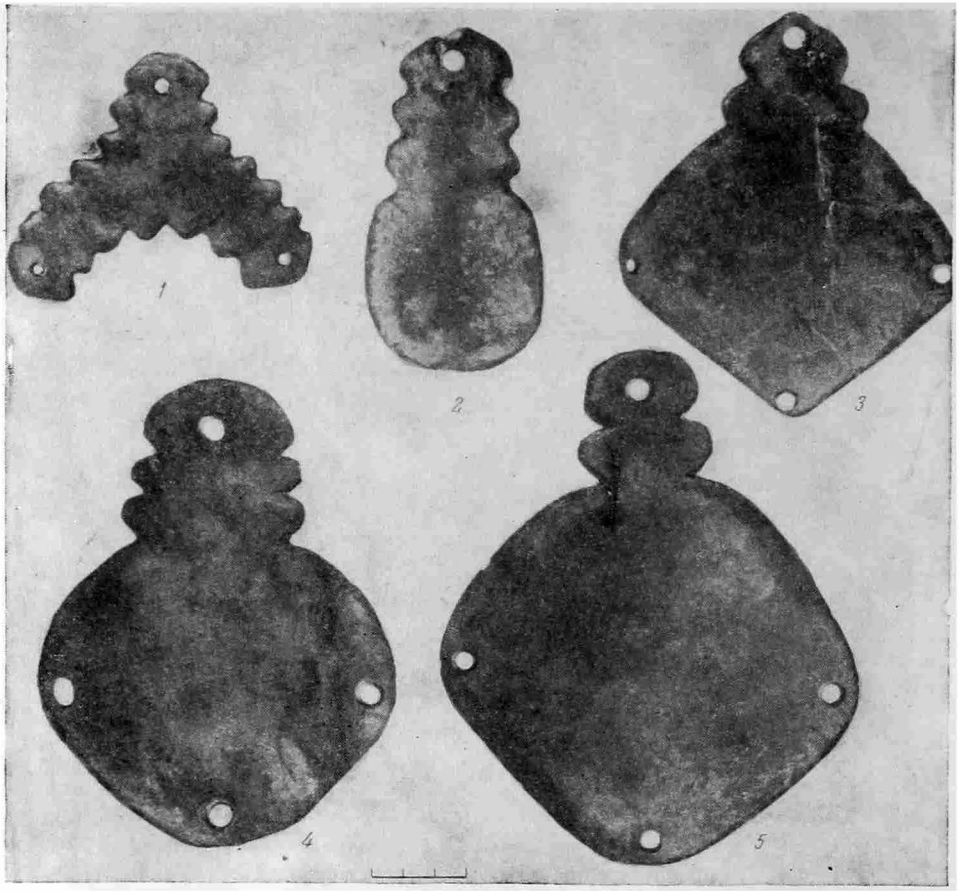


Рис. 9. Антропоморфные фигурки из медных пластин

кой [12], Ленковцах [13] и в Сабатиновке II [14]. Может быть, следует к этому же разряду культовых принадлежностей отнести и другие карбунские фигуры, по своей форме близкие к описываемому предмету (рис. 9, *2* и рис. 10, *9*).

В числе медных предметов Карбунского клада имеется интересная пластина (толщиной 1,5 *мм*, диаметрами 8,6 и 6,8 *см*), выпуклая с одной и вогнутая с другой стороны, изображающая антропоморфную личину с двумя симметрично расположенными отверстиями, тремя шишечками на спинке, как бы имитирующими глаза и рот, и такими же шишечками, обрамляющими овальный край личины (рис. 11, *11, 3*). От долгого ношения боковые шишечки в двух местах протерлись насквозь и на гладкой блестящей лицевой поверхности заметны многочисленные царапинки в различных направлениях. Шишечки набиты тупым, слегка округленным стержнем; в некоторых местах четко видно, что пластина была скована из двух листов. Сказать уверенно, какое назначение имела эта пластина, пока трудно, несомненно лишь то, что, как и все антропоморфные фигуры, она относится к предметам культа, олицетворяя, быть может, солнце, обоготворявшееся всеми древнеземледельческими племенами. Здесь следует упомянуть о коническом диске с шишечками из Хэбэшешт, возможно, имеющем общее назначение с пластиной из Карбуны.

---

[12] С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублезецкая. МИА, 38, 1953, стр. 367, табл. 75.

[13] К. К. Черниш. Ук. соч., стр. 80.

[14] М. Л. Макаревич. Ук. соч., стр. 295.

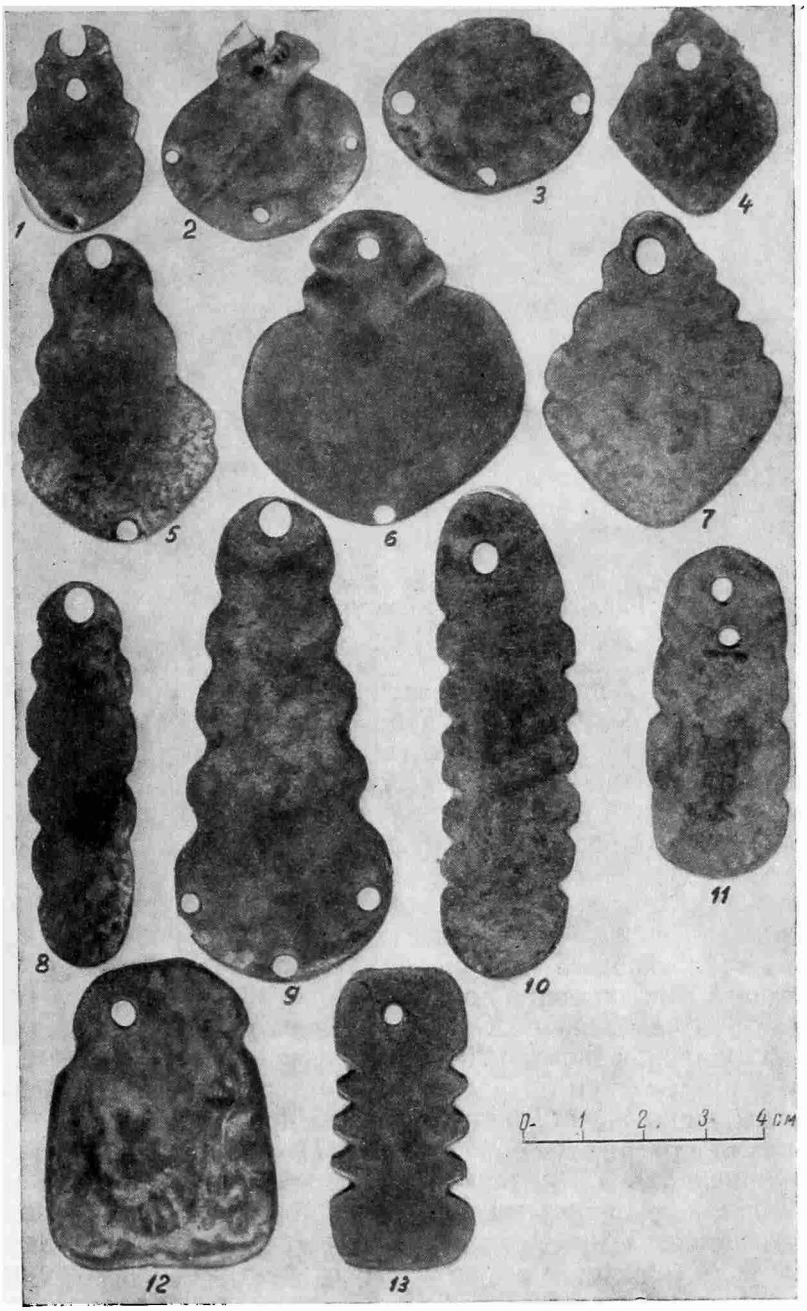


Рис. 10. Антропоморфные фигурки из медных пластин

К предметам культа солнца, как нам кажется, следует отнести и медный диск (диаметром 9 *см*, толщиной 1 *мм*) с четырьмя отверстиями (два из них сохранились неполностью) возле края и круглым отверстием в центре косого креста, выбитого двумя рядами точек (рис. 11, *2*). От второго такого же диска сохранились два фрагмента.

Карбунский клад содержит 127 предметов из кости. 124 подвески из зубов оленя (рис. 12), составлявшие ожерелье, имеют признаки длительного ношения: поверхность их сильно заполирована, края круглых сверлин значительно потерты. Ушки у некоторых экземпляров отломились, однако украшения с такими дефектами не бросались, а бережно хранились и были положены в клад вместе с другими ценностями.

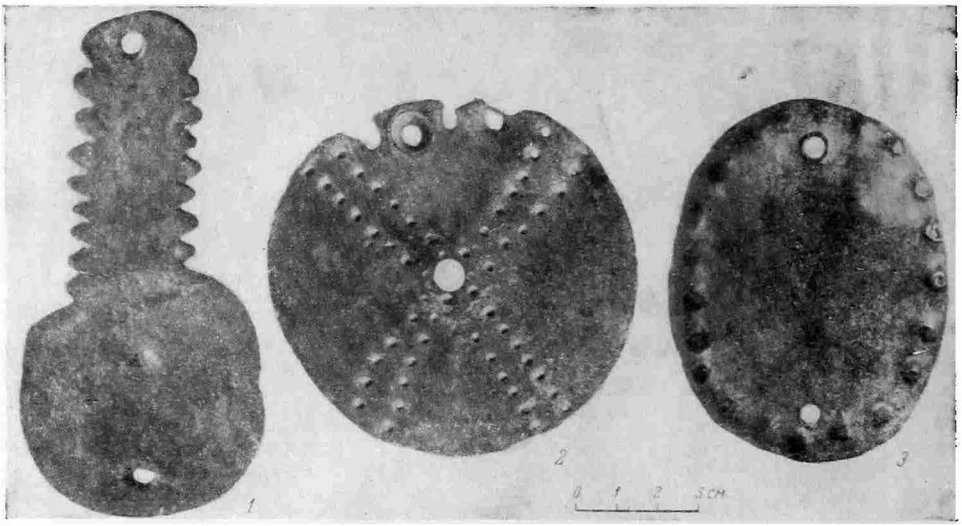


Рис. 11. Фигуры из медных пластин

Подобные украшения были известны еще в палеолите. У раннеземледельческих племен подвески из зубов оленя найдены в Луке-Врублевецкой [15] и в значительном количестве — в Хэбэшештском кладе. Подвески-имитации оленьих зубов (12 штук), сделанные из крупных трубчатых костей, настолько хорошо копируют внешнюю форму настоящих зубов, что на первый взгляд трудно отличимы от натуральных (рис. 13, нижний ряд).

Любопытную особенность имеет один из самых маленьких зубов оленя, возможно, висевший в ожерелье вместе с остальными зубами. Коронка этого зуба скошена и сбоку подпилена, вся верхняя половина и полость надреза заполирована до блеска (рис. 13, *3*).

Коренной зуб человека пожилого возраста с хорошо сохранившейся коронкой находился, вероятно, в ожерелье в качестве амулета. Между коронкой и корнем с двумя отростками просверлены два отверстия конической формы, одно из них полностью не просверлено, так как край сверлины попал в развилку корня (рис. 13, *1*).

Весьма оригинальна миниатюрная антропоморфная женская статуэтка-подвеска с подчеркнутыми бедрами и тонкой высокой талией, без головки, сделанная из толстой трубчатой кости (рис. 13, *2*); поверхность ее заглажена до блеска; края круглого отверстия имеют следы потертости от шнура; высота фигурки 2,1 *см*, ширина 1,5 *см*, толщина 6 *мм*.

Среди костяных предметов имеется пронизка длиной 2 *см*, диаметром 8 *мм* из трубчатой кости птицы или грызуна — точно такая же пронизка была найдена в Луке-Врублевецкой [16].

Карбунский клад содержит 253 предмета из раковин, нашивавшихся на одежду и головной убор и носившихся ожерельями. Они изготовлены из крупных раковин с красивыми ярко-фиолетовыми прожилками, розовато-белого и чисто-белого цветов с восковым отливом. Многие украшения от соприкосновения с медью, лежавшей в одном сосуде с ними, приобрели ярко-зеленый или же бледно-зеленый цвет [17].

---

[15] С. Н. Бибиков. Ук. соч., стр. 363.

[16] С. Н. Бибиков. Ук. соч., табл. 71, *ф*.

[17] Интересно отметить, что на оборотных сторонах 22 перламутровых пластин, т. е. плоскостях, прилегавших к материалу, на котором они, по-видимому, были нашиты, сохранились следы тонкого красителя багряно-красного цвета. При действии слабым раствором соляной кислоты краска совершенно обесцвечивается. Такое явление не

Перламутровые украшения состоят из плоских или дуговидных пластин с отверстиями на концах (рис. 14); пластин из целой створки с тремя отверстиями и крупных частей раковин с одним и двумя отверстиями (рис. 15); и цилиндрических бусин (143 шт., рис. 16). Одна из бусин по форме аналогична известняковой бусине из Хэбэшешт.

Сверлины на пластинах и у бусин по форме аналогична изров — примерно от 5 до 2—1 *мм*.

Среди перламутровых украшений есть подвески в форме оленьего зуба с сильно обтертыми краями и пуговица (рис. 16).

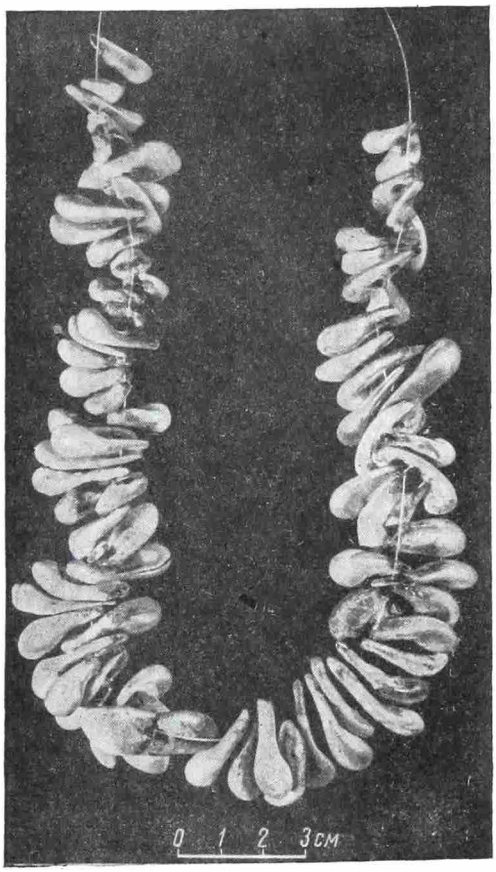


Рис. 12. Подвески из зубов оленя

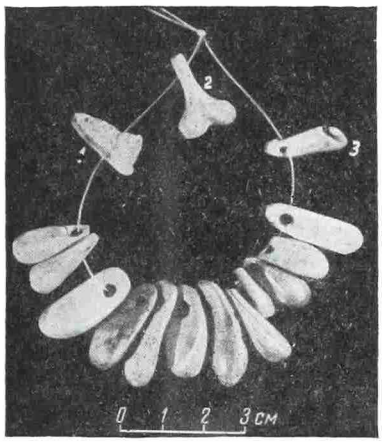


Рис. 13. Костяные подвески

1 — зуб человека; *2* — костяная фигурка (?); *3* — зуб оленя; нижний ряд — костяные имитации зубов оленя

Грани у всех перламутровых предметов заглажены, перемычки между отверстиями некоторых пластин сильно протерты нитью, кромки некоторых отверстий проносились от длительного употребления. Поверхность бусин и пластин гладкая. Отверстия на толстых пластинах просверливались с обеих сторон, на конус, как на медных подвесках. Так же сверлились бусины, причем у более длинных для соединения отверстий перемычка просверливалась третьей, боковой сверлиной. У некоторых бусин сверлины очень точны.

Прямых аналогий таким украшениям среди находок в раннетрипольских поселениях мы не имеем, и лишь небольшое количество украшений, сделанных из местного материала — раковин Unio, позвонков рыб и клыков дикого кабана, было найдено в Луке-Врублевецкой [18].

наблюдается с минеральной краской (охрой). Обесцвечивание краски действием кислот объяснимо тем, что краситель на карбунских пластинах — растительного или животного происхождения, может быть, является знаменитым финикийским пурпуром, который добывался из особых, средиземноморских моллюсков.

[18] С. Н. Бибиков. Ук. соч., стр. 61, 363.

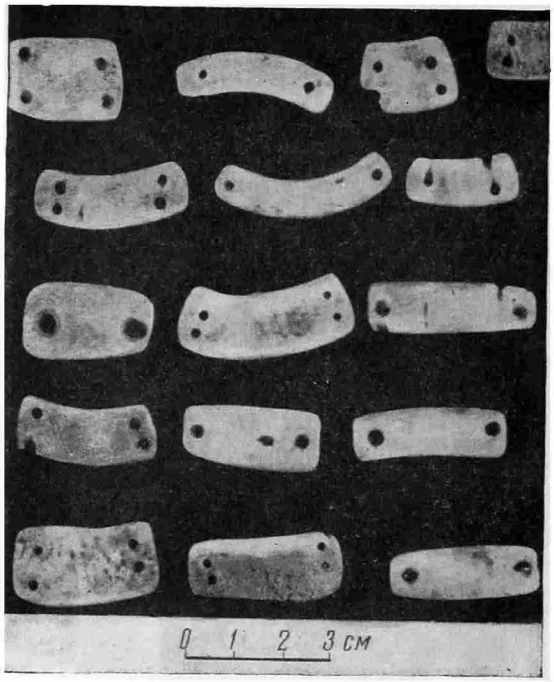


Рис. 14. Пластины из морских раковин

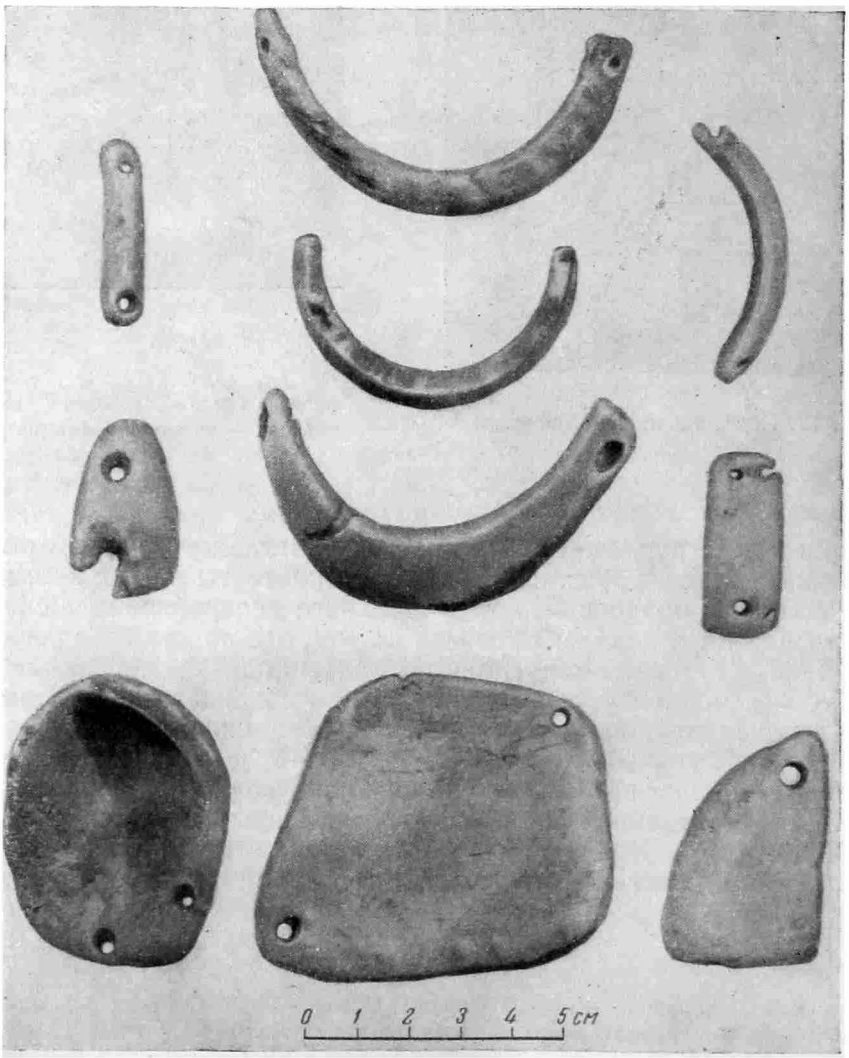


Рис. 15. Пластины из крупных частей морских раковин

Вместе с перламутровыми бусами в кладе было 16 бусин из белого и цветного мрамора с красно-коричневыми и черными жилками и из мрамора желтоватых оттенков. Мраморные бусины повторяют форму перламутровых (рис. 17), длина их от 3,1 до 0,6 *см*. В числе этих бусин две очень близки к формам бусин Хэбэшештского клада.

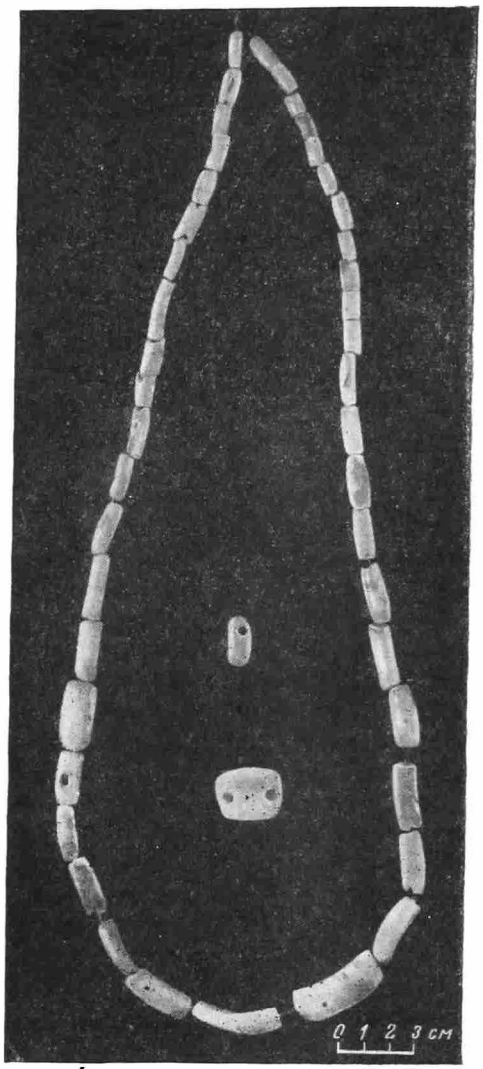


Рис. 16. Бусы из морских раковин, подвеска и пуговица

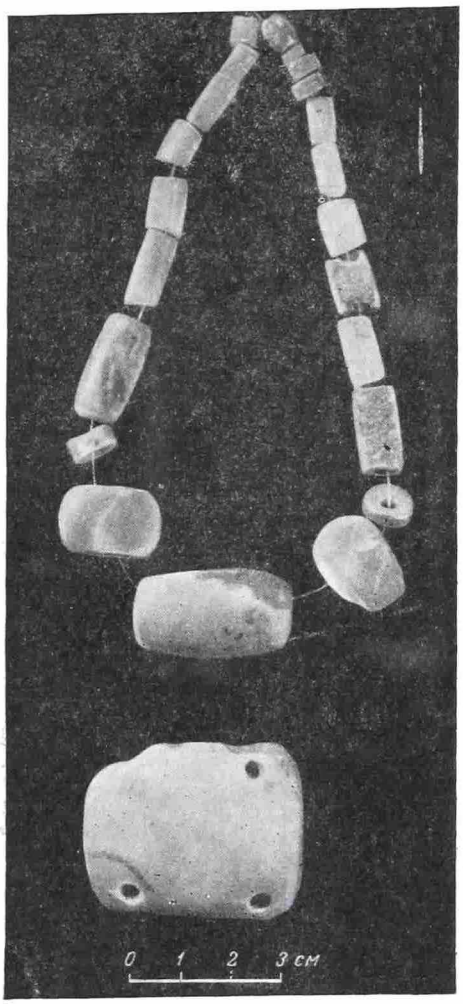


Рис. 17. Мраморные бусины и пластина

Три мелкие бусинки из камня зеленого цвета — бирюзы, возможно из Синайского месторождения, имеют форму кружков с узким ободком (рис. 17 — верхние справа).

В кладе находилась также массивная четырехугольная пластина из белого мрамора с круглыми сверленными с двух сторон отверстиями (рис. 17, внизу). Пластина вогнуто-выпуклая, толщиной 1,1 *см*.

Совершенно исключителен по изящности формы и тщательности отделки топор из белого мрамора с округленным тупым лезвием. Его длина 20,4 *см*, ширина в средней части 5,6 *см*, наибольший диаметр обуха 2,9 *см* (рис. 18). Отверстие для рукоятки (диаметром 2 *см*) абсолютно точное, с заполированными стенками, на которых заметны тонкие царапинки вдоль сверлины. Поверхность топора зашлифована до блеска.

Карбунский мраморный топор не уступит любому нефритовому топору знаменитого Бессарабского клада.

Этот топор уже в силу технических свойств материала и особой чистоты отделки не мог иметь практического значения, не был ни орудием труда, ни оружием, а скорее был, очевидно, символическим, как парадная принадлежность, символ власти и почета родоплеменного вождя.

Второй каменный топор сделан из зеленоватой сланцевой породы, так же хорошо отделан, имеет длину 11 *см*, наибольшую ширину 4 *см*, ширину лезвия 2,4 *см* (рис. 19). Боковые грани округлены, лезвие тупое, со скошенным носком, прямоугольный в сечении обух с закругленными углами и округленный в сторону широких плоскостей имеет мелкие выбоины и сколы по краю с одной стороны. На хорошо зашлифованных плоскос-

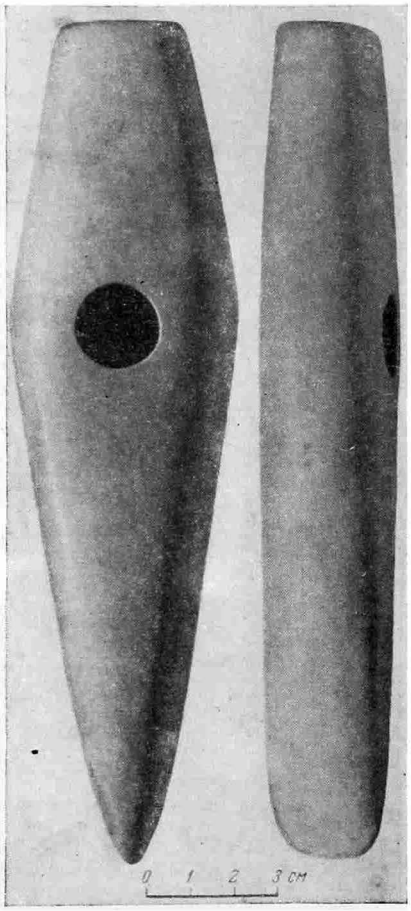


Рис. 18. Топор из белого мрамора

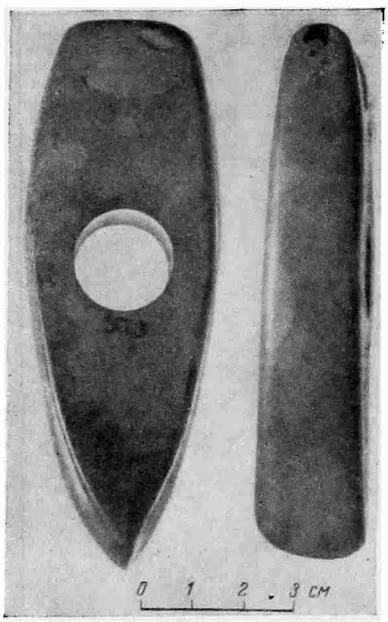


Рис. 19. Топор из сланца

тях топора, возле обуха, так же как у медных топоров имеются мелкие насечки, свидетельствующие о его применении в качестве наковаленки и молотка. Сверлина топора (диаметр 1,9 *см*) очень правильна, без характерных выбоин и кольцевых заусениц, имеющихся на большей части каменных топоров эпохи бронзы.

Все предметы клада, за исключением, быть может, некоторых, подвергшихся переделке и реставрации, не были сделаны на поселении у с. Карбуна, а принесены пришельцами из районов Восточного Средиземноморья, о чем свидетельствуют медные предметы, украшения из раковин, вероятно, средиземноморских моллюсков и предметы из мрамора (топор, пластина, бусины), особенно белого, близкие месторождения которого известны, например, на Балканах.

Однако, кроме Балкан месторождения белых и цветных мраморов имеются и в других, более южных районах, и уверенно отнести к тому или иному месторождению карбунские мраморные изделия мы не можем.

Следует выразить уверенность, что тщательное исследование вещей Карбунского клада в совокупности с данными, которые, возможно, в ближайшее время будут получены в результате раскопок ряда вновь открытых раннетрипольских поселений Попрутья, окончательно решат вопрос в пользу южного, средиземноморского происхождения трипольской культуры.

Карбунский клад, как и поселение, на котором он обнаружен, датируемый нами IV тысячелетием до н. э., показывает довольно высокую степень развития культуры раннетрипольских племен.

Карбунский клад свидетельствует о накоплении в раннем триполье и сосредоточении большого количества вещей, особенно медных, в одних руках.

Небезынтересно отметить, что в Карбунском кладе было только три топора, которые можно считать орудиями труда, наибольшая же часть клада состоит из предметов украшений (817), среди которых 444 медных. Владельцем клада был крупный родовой или родоплеменной вождь, в силу своей первобытно-патриархальной власти имевший возможность приобрести в личную собственность такое несметное по тому времени богатство. Наличие значительного количества культовых предметов заставляет думать, что владелец клада наряду с общественными «светскими» исполнял и жреческие функции.

Нам не известно, в силу каких причин был зарыт клад. По-видимому, что-то случилось не только с кладовладельцем, но, возможно и со всем населением данной местности.

Будем надеяться, что раскопки на широкой площади Карбунского поселения, как и на других синхронных памятниках Попрутья, прольют свет на многие вопросы, позволят на основе фактического материала более полно охарактеризовать начальный период трипольской культуры.

Э. В. ХАНЗАДЯН

ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БЛИЗ КИРОВАКАНА

В 1959 г. в окрестностях Кировакана, на полевом участке Коси-Котер близ сел. Жданово, мною было обнаружено энеолитическое поселение.

В 1960 г. в западной стороне поселения для устройства водоема и прокладки водопроводных труб был прорыт ров (глубиной 2—3 *м*, шириной 3 *м* и длиной около 250 *м*), прорезавший культурный слой. Здесь, на шестой террасе поселения у края рва, на площади в 25 $м^2$ были проведены небольшие раскопки с целью выяснения характера и мощности культурных напластований.

Поселение Коси-Котер расположено на высоком мысу, который с двух сторон окружен глубокими ущельями с текущими по ним речками. С юго-запада мыс представляет собой ступенчатый холм, состоящий из десяти больших террас, каждая из которых имеет около 15 *м* ширины. Вершина мыса гладкая и плоская, в течение веков она использовалась под пашню. И в настоящее время как вершина, так и поверхность террас используются в тех же целях.

Раскопками установлено, что древнее поселение имеет два слоя. Первый — верхний слой толщиной 1,5 *м* относится к эпохе широкого освоения железа (VIII—VI вв. до н. э.), второй слой, залегающий на глубине около 2 *м* от дневной поверхности и содержащий очень интересный материал, относится к эпохе энеолита.

Во втором слое были обнаружены остатки круглого жилища, которое выходило за пределы раскопа и из-за отсутствия материальных возможностей полностью не было раскопано. Стены постройки толщиной около 1 *м* сохранились на высоту 1 *м* и были сложены из шести рядов необработанных камней. Раскопанная нами часть имела 3 *м* длины. Снаружи стены обнаружены следы глиняной обмазки толщиной около 2—3 *см*. Глинобитный пол толщиной 6—10 *см* лежал на материке.

Круглопланные и овальные жилища характерны для поселений эпохи энеолита Армении и были открыты в других древнейших поселениях. Круглые жилища раскопал Е. Лалаян в Эларском поселении [1]. Круглопланные дома, сложенные из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте и с примыкающими к ним прямоугольными сооружениями, раскопаны в Шенгавитском поселении [2], в энеолитическом слое Гарни [3], в нахичеванском Кюль-Тепе [4], в с. Озни (Гуния) Цалкинского района (Грузия) [5], в энеолитических поселениях Северо-Восточного Кавказа

[1] Е. А. Байбуртян. Культовый очаг из раскопок Шенгавитского поселения в 1934—1937 гг. ВДИ, 1938, № 4, стр. 258.

[2] Е. А. Байбуртян. Орудия труда в Древней Армении. ВИИЛ Армении. Ереван, 1938, вып. 1, стр. 203.

[3] Раскопки 1960—1961 гг. экспедиции ИАЭ АН АрмССР под руководством Б. Н. Аракеляна.

[4] О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе. Баку, 1959, стр. 25—29, рис. 16, 19—22 (на азерб. яз.).

[5] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 26, 30.

(Каякенте и Луговом) [6], в слое «К» в Геок-Тепе (около оз. Урмия) [7]. Совершенно аналогичная картина наблюдается в поселениях Малой и Передней Азии. Круглые и прямоугольные постройки, близкие к упомянутым выше, были открыты, например, при раскопках в Тель-Арпачия, близ Ниневии [8].

Культурный слой Кироваканского поселения насыщен большим количеством вещей. На полу жилища были найдены много кусков горелого дерева и соломы, каменное колесообразное грузило, кости животных и обломки посуды, характерной для культуры куро-аракского энеолита, с черной, лощеной до блеска наружной поверхностью, с выемчато-выпуклым, резным и рельефным орнаментом и полушаровидными ручками.

Древние предметы оказались не только на полу жилища, но и в яме эллипсоидной формы, открытой в центральной части раскопа. Яма глубиной 60 *см*, длиной 2 *м* и средней шириной 1,5 *м* была заполнена золой вместе с обломками зернотерок, головкой веретена, вкладышами от серпа, небольшим колесом из туфа, клыком кабана и обломками чернолощеной орнаментированной посуды. По всей вероятности, эта яма служила для золы и отбросов. Подобные ямы открыты в Шенгавитском и Эларском поселениях [9], в нахичеванском Кюль-Тепе [10].

Недалеко от раскопа, на несколько метров выше, у окраины рва были открыты три ямы в виде усеченного конуса, в плане круглые, с более широкой нижней частью (диаметр верхней части 0,8 *м*, нижней — 1,15 *м*, глубина 0,75 *м*). Ямы внутри были обмазаны глиной и заполнены углями, пережженной землей и обломками сосудов. Очень возможно, что здесь мы имеем дело с очажной ямой типа современного тондыра. Аналогичные очаги типа тондыра найдены в Долинском [11] и Луговом поселениях [12].

В северо-восточном углу раскопа был обнаружен четырехугольный очаг, сложенный из камней; недалеко от него найдены четыре полуобожженных оленьих рога и фаланги оленей (рис. 1) с просверленными отверстиями, служившие подвесками.

Кроме описанных очагов, в поселении Коси-Котер обнаружены части переносного глиняного очага шенгавитского типа. Очаг был сделан из обожженной глины, имел плоское дно и толстые стенки, верхняя плоская поверхность которых с двух краев имеет пояс из резных заштрихованных треугольников.

Из шести обнаруженных на поселении обломков зернотерок (рис. 2) две ладьевидные, а четыре — удлиненные, эллипсовидные. Одна из ладьевидных зернотерок с узким приподнятым краем сделана из коричневого гранита, другая — из черного пористого базальта, также с приподнятым краем, имеет сильно сработанную поверхность. Судя по размерам и формам, они скорее представляют собой верхние терочные камни, которые по длине превосходили ширину основного нижнего камня. Обилие зерно-

---

[6] Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема каякентского энеолита. СА, XXII, 1955, стр. 7; его же. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 36.

[7] T. Burton-Brown. Excavations in Azarbaijan 1948. London, 1951, стр. 30, рис. 22.

[8] M. E. Mallowan. Cruikshank Rose. Prehistoric Assuria the Excavations at Tall Arpachiyah. London, 1935, стр. 29—32, рис. 13, 20, табл. I *d*.

[9] Е. А. Байбуртян. Орудия труда в Древней Армении, стр. 198; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 36; его же. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 173.

[10] О. А. Абибуллаев. Раскопки холма Кюль-Тепе близ Нахичевани в 1955 г. МИА, 3, 1941, стр. 153, рис. 6; стр. 154, рис. 7; стр. 171.

[11] А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, 3, 1941, стр. 153, рис. 6; стр. 154, рис. 171.

[12] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 42.

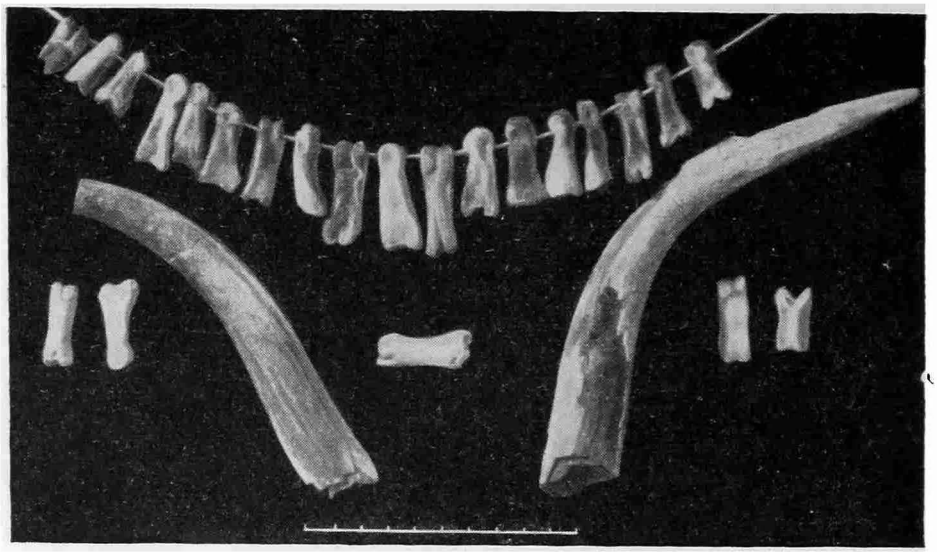


Рис. 1. Оленьи рога и фаланги

терок в нашем поселении, как и во всех памятниках куро-аракского энеолита, свидетельствует об интенсивном развитии зерновой культуры в эпоху энеолита.

О наличии такого хозяйства говорят также часто встречающиеся в поселениях энеолитической эпохи вкладыши от серпов, служивших для сбора урожая. В нижнем слое Коси-Котер была найдена часть такого вкладыша из розового кремня, удлиненной трапецеидальной формы. Она обработана со всех сторон, имеет двустороннюю ретушь (длина сохранившейся части 3,2 *см*, ширина 2,8 *см*).

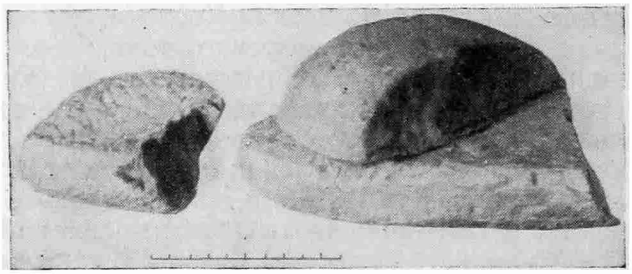


Рис. 2. Каменные зернотерки

Вкладыши от серпов такого же типа найдены в большом количестве как в Армении (Шенгавите [13], Шреш-Блуре [14], Муханнат-Тепе [15], Гарни), так и в Грузии и Азербайджане — в с. Озни (Гуния) [16], в нижнем слое циклопической крепости Бешташена [17], в нахичеванском Кюль-Тепе [18], в Мингечауре [19], в энеолитических поселениях Северо-Восточно-

[13] Гос. историч. музей Армении. Инв. № 1330/247, 248, 332, 354, 359, 364, № 1442/140, № 1618/74.

[14] Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении, стр. 175.

[15] Гос. историч. Музей Армении. Инв. № 1439/523.

[16] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, стр. 29, табл. XLI.

[17] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 109, 110, 112.

[18] О. А. Абибуллаев. Ук. соч., стр. 439, рис. 76.

[19] Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 24, 28, 29, табл. III—IV.

го Кавказа [20]. Они имели широкое распространение также на древнем Востоке как в Месопотамии, так и в Египте, в поселении Фаюма [21] и в других местах.

В слое были найдены также каменные терки и пестики. Терка небольшая, короткой кубической формы, с округленной ходовой частью (рис. 3, *5*). Один из найденных здесь пестов сделан из серого камня длиной 6,5 *см* (рис. 4, *2*), другой из булыжника длиной 13 *см* (рис. 4, *1*).

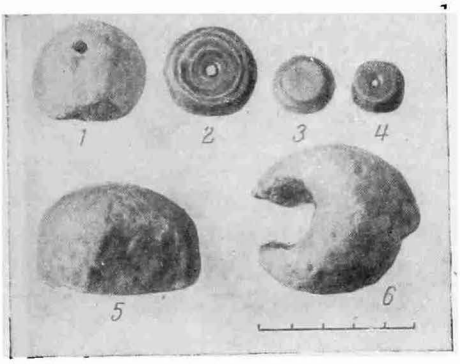


Рис. 3
1 —костяная головка веретена; *2, 3, 4*—каменные пуговицы; *5* — терка; *6* — булава

Особый интерес представляют два оленьих рога, концы которых были заострены (рис. 1). По всей вероятности, ими выкорчевывали плоды и корни растений.

Таким образом, комплекс предметов из раскопок поселения Коси-Котер дает нам представление об энеолитической культуре местных племен, основой хозяйства которых были земледелие и скотоводство. Развитие земледелия документируется находками обломка вкладыша от серпа, зернотерок, пестов, терочников и других орудий, а скотоводство — остеологическим материалом [22]: костями быка (типа Bos primigenius), лошади (типа Equus caballus), буйвола (типа Bubalus) и свиньи (Sus scrofa).

Наряду с земледелием и скотоводством важное место у обитателей этого поселения занимала охота. Из костей диких животных обнаружены кости благородного оленя (Cervus elaphus), косули (Capreolus capreolus), безоаровой козы (Capra acgagrus) и кабана.

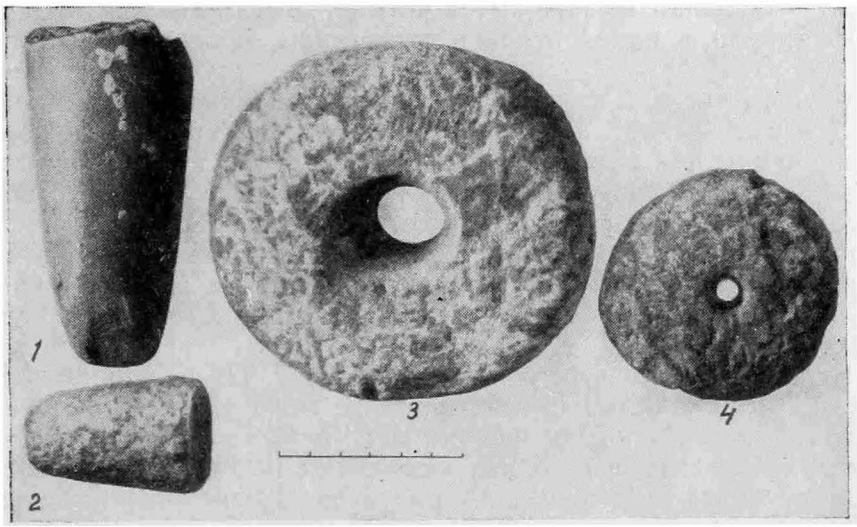


Рис. 4. Каменные предметы
1, 2 — песты; *3, 4* — грузила

В древности, как показывают работы геоморфологов и материалы из наших раскопок, местность была покрыта широколиственными лиственными лесами [23].

[20] Б. А. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, 1958, стр. 23; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 50, рис. 8.
[21] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 72, рис. 11.
[22] Определение С. Межлумян.
[23] Породы дерева определены Л. Паланджян.

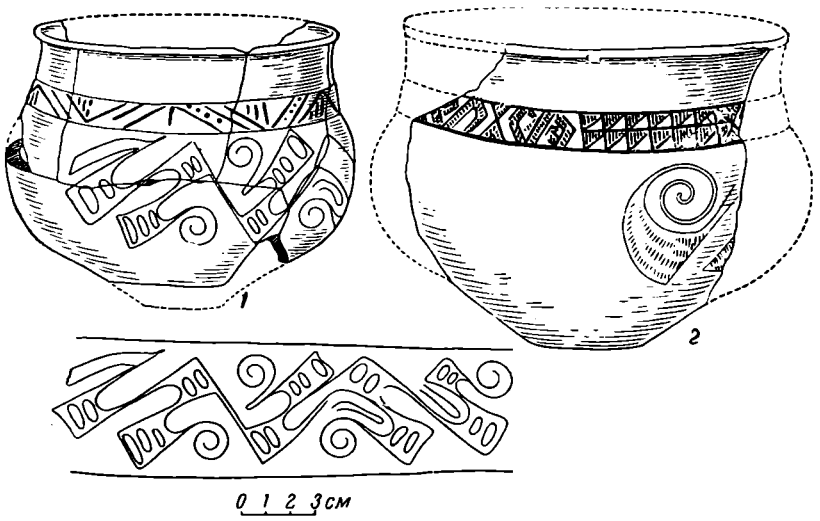


Рис. 5. Глиняные кубки

1 — красный; *2* — чернолощеный

В поселении была найдена головка веретена из кости (рис. 3, *1*), свидетельствующая о наличии ткачества. Здесь была найдена часть просверленного навершия булавы (рис. 3, *6*) из твердого светлого камня. Подобные, но незаконченные булавы были найдены в Шенгавите [24]. Целые булавы известны из Эчмиадзинского района [25]. Каменные булавы были широко распространены и в Закавказье и в Передней Азии.

На нашем поселении найдены также три каменные пуговицы (рис. 3, *2—4*) — бóльшая из них имеет четыре резных концентрических круга — и грузила в виде дисков с отверстием, просверленным в центре (рис. 4, *3, 4*).

Большой интерес в комплексе материала из описываемого нами поселения представляет высококачественная и высокохудожественная посуда. Общим для всех сосудов является то, что они сделаны от руки; глиняное тесто красного, черного и желтого цвета и хорошо обработано. Все сосуды широкогорлые, имеют сильный блеск и довольно хороший обжиг. Некоторые из них снаружи и внутри покрыты ангобом. Орнамент нанесен на необожженную глину путем вдавливания и резьбы. По имеющимся фрагментам выделяются разные типы глиняных сосудов.

1. Кубки с тонким черепком (рис. 5, *1, 2*). Их отличительные признаки — широкая прямая шейка, широкие бока и очень маленькое донышко. У основания шейки нанесен пояс резного прямолинейно-геометрического орнамента, а на боках — выемчато-выпуклый узор, состоящий из ряда замкнуто-геометрических рисунков, заканчивающихся спиральными завитками. Обработка поверхности тонкая. Сосуды с наружной стороны имеют красный, желтый и черный цвет. Внутри сосудов серый, черный, желтый и розовый ангоб.

2. Части больших горшков без шейки, со вздутыми плечиками и грубо обрезанным выгнутым венчиком (рис. 6, *1*). На плечиках имеются желобчатые замкнутые композиции, заканчивающиеся спиральными завитками. Для них характерны и узоры, состоящие из концентрических кругов, и орнамент, напоминающий стебельки и листья. По-видимому, этот орнамент является локальной особенностью.

---

[24] Гос. историч. музей Армении. Инв. № 1330/9.

[25] Там же. Инв. №№ 777/20, 766/189.

3. Части четырехугольных кружек с плоским дном и отвесными стенками. Венчик снаружи имеет небольшой рельеф и заканчивается прямым или косо обрезанным углом. Тулово украшено выемчато-выпуклым геометрическим орнаментом, черная поверхность лощеная и подкладка розовая.

4. Обломки цилиндрических банок с толстым черепком, с небольшим рельефным венчиком, с чернолощеной поверхностью и розовой подкладкой (имели ручку, от которой в одном случае сохранилось основание).

5. Части чаш, с орнаментом и без него, двух типов — с короткой слабо вогнутой шейкой и без шейки. Имеют тонкий, несколько выгнутый венчик, серую и чернолощеную поверхность и коричневую подкладку. Некоторые под венчиком имеют резной геометрический орнамент.

6. Части глиняных сосудов раструбчатой формы с линейно-точечными и выемчато-выпуклыми узорами, с желтой и серой лощеной поверхностью.

7. Горшок желтоватый, большой, с цилиндрической шейкой, широким туловом, без орнамента, с широким плоским, несколько вогнутым дном. Шейка отделяется от тулова уступом, ручка начинается от венчика, с которым она составляет треугольное мысовидное расширение. Имеет буровато-желтоватую поверхность. Этот горшок как своей ручкой, так и формой, качеством глины отличается от всех других глиняных изделий, найденных в Коси-Котер.

8. Урны крупного размера, тяжелые, толстостенные (до 1,5 *см* толщины), с широким горлом (диаметр более 29 *см*), снабженные у венчика выступающим угловатым кантом. Средняя часть тулова выпуклая. Горло отделено от тулова пояском резного прямолинейно-геометрического орнамента. На пояске имеется маленькая рудиментарная непроемная ручка. Средняя часть тулова орнаментирована выемчато-выпуклыми композициями, оканчивающимися спиральными завитками (рис. 7, *1*).

Кроме этих восьми типов, найдены черепки от сосудов, дающие нам разнообразные образцы выемчато-выпуклых, желобчатых и рельефных узоров, для которых частыми мотивами являются спирали, концентрические круги, спиральные завитки, поля, заполненные глубокими овальными ямками. Имеются черепки от сосудов с широкими поясами геометрических узоров на выпуклой части тулова. Встречаются обломки от сосудов с очень сложными орнаментальными композициями. Например, один из обломков орнаментирован треугольником, обращенным вершиной вниз; внутри него два завитка, под треугольником симметрично расположены два прямоугольника, заполненные круглыми ямками, оканчивающиеся завитками (рис. 6, *2*). Встречаются также черепки от сосудов, у которых горло украшено выемчато-выпуклым орнаментом. На одном из них очень оригинальны очковидные спирали, соединенные узором в виде наконечника стрелы, внутри которого помещены три эллипсовидные ямочки. Этот орнамент уникален и пока не имеет аналогий в керамике куро-аракского энеолита. Техника выполнения орнамента хорошо видна на обломке сосуда, изображенном на рис. 7, *3*. Здесь орнамент выполнен путем оттисков треугольников, прямых линий и плоских полей; художник-керамист имел набор штампов.

Найдены также обломки крышек дисковидной формы с черной и бурой полированной поверхностью, розовой и бурой подкладкой. Такие крышки очень характерны для керамики куро-аракского энеолита.

Для сосудов поселения Коси-Котер характерны также ручки. По форме их можно разделить на следующие типы: полушарные и овальные ручки с широким горизонтальным цилиндрическим отверстием и такие же ручки, но без отверстия, рудиментарные (большие и миниатюрные).

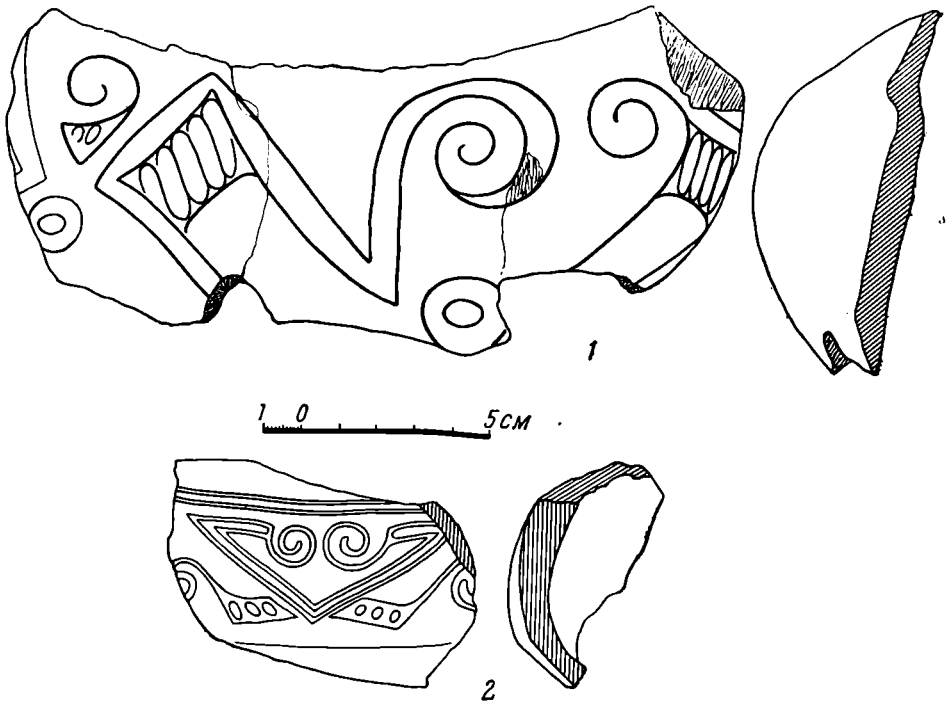


Рис. 6.

1 — часть горшка с растительным орнаментом; *2* — обломок сосуда со сложным орнаментом

Встречается и вариант полушаровидных ручек, помещенных на край венчика, верх которых уплощается на уровне венчика, превращаясь как бы в треугольное мысовидное расширение края сосуда над ручкой. Найдены также бороздчатые удлиненные горизонтальные ручки. Все эти ручки тоже имеют аналогии в памятниках куро-аракского энеолита.

Орнаментация керамического комплекса Коси-Котер имеет следующие характерные черты:

1. Большинство черепков украшено узко-линейным, выемчато-выпуклым и рельефным орнаментом, нанесенным на необожженную глину путем вдавливания и резьбы.

2. Выемчато-выпуклый орнамент, выполненный исключительно путем вдавливания. Линейно-геометрический орнамент наносился двумя способами: вдавливанием и резьбой. Некоторые прямолинейные орнаменты исполнены очень небрежно, грубо.

3. Прямолинейно-точечный резной орнамент исключительно геометрического характера; его обычные мотивы — заштрихованные углы, лестнички, треугольники, ромбы и меандры (рис. 5, *1, 2;* 6, *1*).

4. Выемчато-выпуклый узор на широкой части тулова, занимающий часть поверхности сосуда. Он выполнен как узкими неглубокими штрихами, так и широкими и более глубокими выемками.

Излюбленными элементами для выемчато-выпуклых узоров являются спирали, спиральные завитки с многочисленными вариациями, концентрические круги, растительные стебельки, широкие желобчатые углы, иногда усложненные добавочной рубцовкой. Безусловно, некоторые из этих орнаментальных композиций содержат пиктографические представления, но пока трудно их расшифровать.

Кроме локальных отличительных черт, посуда поселения Коси-Котер обнаруживает удивительно близкие аналогии в соответствующих комплексах куро-аракского энеолита.

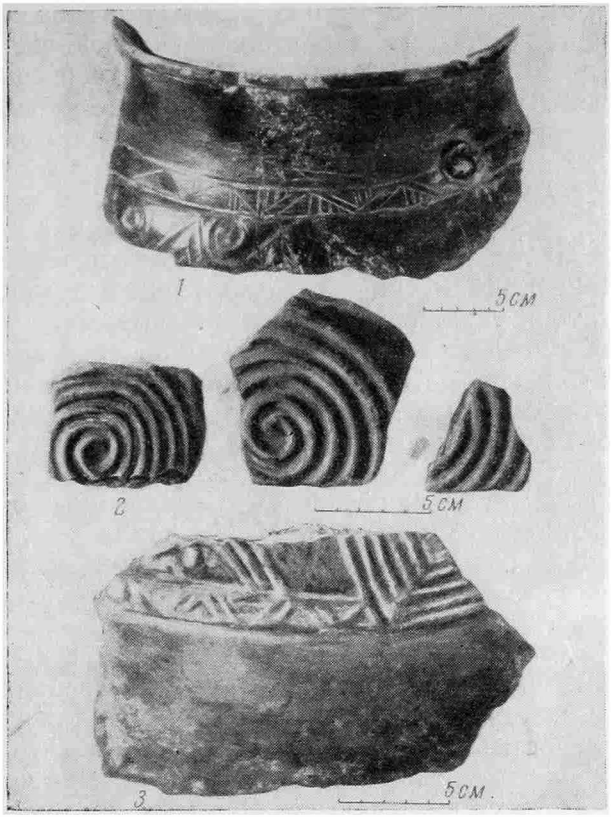


Рис. 7.

1— урна крупного размера; *2* — спиральный орнамент; *3* — штампованный орнамент

Особенно большое сходство выявляется с посудой из поселения Такаворанист (расположенного в 4 *км* от Коси-Котер). Близость посуды проявляется не только в формах и ее орнаментации, но и в технических приемах лепки сосудов [26].

С посудой из эчмиадзинских поселений сосуды Коси-Котер сходны характером орнамента и способами его выполнения, но в то же время они имеют и отличительные особенности: на сосудах Эчмиадзина вообще отсутствует линейно-геометрический орнамент, переход от шейки кубков к широкой части тулова отмечен только горизонтальной линией. У сосудов из Коси-Котер преобладает выемчато-выпуклый орнамент с узкими и неглубокими штрихами и сложной композицией, а в эчмиадзинских образцах орнамент исполнен исключительно желобчатой, сильно углубленной линией. Здесь спиральные завитки заменены концентрическими кругами. Орнамент более монументален, но упрощен и имеет исключительно растительный характер [27].

При сопоставлении материалов, добытых на Коси-Котер, с шенгавитским материалом ярко бросаются в глаза как местные особенности, так и общие черты. Обоим присущи многообразие форм, одинаковая техника выполнения орнамента, его мотивы. Но при сочетании на кружках линейного и выемчато-выпуклого орнамента в Шенгавите доминирует линейно-геометрический, который получает здесь большое развитие и занимает довольно большую площадь, покрывая всю шейку сосуда, а иногда даже среднюю выпуклую часть тулова [28].

---

[26] Гос. историч. музей Армении. Инв. № 1475/18, 53, 57.
[27] Там же. Инв. № 604, 605, 606, 607, 776/113.
[28] Там же. Инв. № 1330/32, 37, 43, 100, 296, № 1442/131.

В Шенгавите имеется также группа черепков эчмиадзинского характера, диракларского типа (где характерный широкожелобчатый орнамент спутан мелкой рубцовой штриховкой). В Шенгавите встречаются и черепки эларского типа с выгнутыми ямками. Вообще шенгавитская посуда носит все характерные черты керамики энеолитических памятников Закавказья, отличаясь при этом и определенным своеобразием.

В посуде Коси-Котер обнаруживается сходство и с энеолитической керамикой Гарни, особенно по форме и орнаментации кубков первого типа [29]. Несмотря на то, что в Гарни встречаются черепки типа Шенгавит (развитый линейно-геометрический узор), здесь доминируют черепки от сосудов типа Элар, украшенные вогнутыми ямками.

Керамический комплекс из Коси-Котер имеет свои аналогии не только в памятниках Советской Армении, но и в многочисленных энеолитических памятниках, расположенных к западу и к юго-западу от ее границ.

Керамике Коси-Котер особенно близок материал равнины Игдыр (у подножья г. Арарат). В сел. Яйцы (непосредственно к западу от Игдыра) найдены чернолощеные чаши, кружки, украшенные шевронами, спиралями и концентрическими кругами [30]. На одном из обломков повторяется композиция со спиральными завитками, как в Коси-Котер (рис. 7, *2*) [31]. Аналогичная керамика найдена и в поселении у сел. Малаклю [32], в той же Игдырской равнине.

По форме и размерам коси-котерские кубки отчасти напоминают сосуды из ряда памятников областей оз. Ван: из погребений Эрнис [33] (на северо-восточном берегу оз. Ван), из поселения Ыремир [34] (к юго-востоку от Ванской крепости) и т. д.

Довольно близкие аналогии мы находим и в посуде поселения Караз (около Эрзерума). Здесь встречаются обломки от кружек, основание горла которых также украшено поясом линейно-геометрического узора [35]. Для посуды из Коси-Котер и из Караза характерны рельефные спирали [36]. Однако в Каразе встречаются не только очковидные, рельефные спирали, но и другие варианты, в которых мы наблюдаем тенденцию геометризации спиралей [37], так же как и на сосудах из поселения Амиранис Гора в Южной Грузии [38]. Рельефный очковидный и двойной спиральный узор, как известно, является характерной особенностью орнаментации куро-аракского энеолита.

Кружки с раздутым туловом и маленьким вогнутым дном, хранящиеся в Государственном музее Грузии [39], напоминают кубки из Коси-Котер. здесь повторяется та же композиция со спиральными завитками (рис. 5, *1*).

Кружки из Коси-Котер с аналогичной орнаментацией имеют аналогии в керамике из Акстафачайского поселения в Казахе [40], в Сабуртало

---

[29] Гарни. Раскопки 1961 г., № 125в.

[30] С. А. Burney. Eastern Anatolia in the chalcolitic and Early Bronze Age. Anatolian Studiens, VIII, 1958, рис. 128, 129, 131.

[31] Там же, рис. 130.

[32] Раскопки П. Ф. Петрова. Материалы в Гос. музее Грузии. Инв. 30-14. Изданы Б. А. Куфтиным (Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВМГ, XIII-В, 1944, стр. 73—81).

[33] С. А. Burney. Ук. соч., рис. 77—84.

[34] Там же, рис. 130.

[35] H. Z. Kosay, K. Turfan. Erzurum-Karaz kazisi raporu. Belleten Turk tarik kurumu, XXIII, № 91, 1959, стр. 406, 159.

[36] Там же, стр. 403, 391.

[37] Там же, стр. 406.

[38] Гос. музей Грузии. Экспозиция.

[39] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий»..., стр. 97—98, табл. XXIV, *1*, *2*. Эти сосуды Е. Лалаян передал в Музей Грузии в 1905 г. Б. Куфтин относит их к нахичеванской Кюль-Тепе. Однако они совсем не характерны для керамики этого поселения.

[40] Г. Исмаилов, И. Г. Нариманов. Акстафачайское поселение близ г. Казах (АзССР), СА, 1962, № 4.

(Тбилиси) [41], в Бешташени [42], а на западе доходят до поселения Хазар-Тепе (область Малатии) [43]. Такие же выемчато-выпуклые спиральные завитки встречаются и на сосудах из поселений Сирии и Палестины (Кирбет-Керак) [44].

Все приведенные нами аналогии свидетельствуют о наличии в основном единой культуры, охватывавшей огромную территорию.

Граница этой древней земледельческо-скотоводческой культуры на севере достигает сел. Мужичи (ЧИАССР), на юге охватывает области оз. Ван и доходит до оз. Урмия (Геой-Тепе); на северо-западе эта культура охватывает район Эрзерума (Караз), а ее элементы доходят до областей Сивас; на юго-западе элементы этой культуры проникли довольно далеко, дойдя до Сирии и Палестины (Табара эль Акрад, Кирбет-Керак).

Что же касается определения хронологии этой культуры, то большинство специалистов справедливо датируют куро-аракский энеолит III тысячелетием до н. э. Но до настоящего времени еще четко не выделены последовательные этапы его развития. Однако некоторыми исследователями сделан ряд интересных наблюдений относительно периодизации памятников энеолита Закавказья, в частности Армении.

Так, на основании анализа керамики и особенно ее орнаментации Б. Б. Пиотровский установил относительную периодизацию энеолитических поселений Армении. Эчмиадзинские поселения он отнес к более раннему времени, чем Шенгавит [45].

Изучение керамики из поселения Коси-Котер позволяет нам высказать предположение, что она занимает как бы промежуточное положение между более ранней эчмиадзинской и сравнительно поздней шенгавитской керамикой. На этом основании поселение Коси-Котер может быть датировано первой половиной III тысячелетия до н. э.

---

[41] Материалы в Гос. музее Грузии.

[42] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 479, табл. CXX.

[43] С. А. Burney. Ук. соч., стр. 195.

[44] Ruth B. K. Amiran. Connections between Anatolia and Palestina in the Early Bronze Age. Reprinted from the Exploration journal, 2, № 2 1952, табл. 5, 9.

[45] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 34—36.

Б. В. ТЕХОВ

РАСКОПКИ ТЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА В 1960 г.

Изучение памятников поздней бронзы и раннего железа Центрального Кавказа имеет большое значение для выяснения многих актуальных вопросов по древней истории и этнических связей древнейших племен края.

В результате работ последних лет удалось установить, что богатая бронзовая культура Центрального Кавказа бытовала не только на северном склоне Главного Кавказского хребта, но что истоки ее уходят далеко на южные его склоны. Выясняется, что эти два склона Главного хребта были заселены племенами, генетически связанными между собой и характеризуемыми одинаковым способом производства орудий труда, погребальным обрядом и религиозными представлениями. До последнего времени на южном склоне Кавказского хребта не проводились систематические археологические работы, и поэтому в специальной литературе освещались только материалы кобанской бронзы северной части Центрального Кавказа. Этот пробел в некоторой степени восполняется результатами исследований позднебронзовых памятников горной полосы Юго-Осетинской автономной области. В этом районе проводились небольшие работы Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР, а до 1954 г. на территории области проводились систематические археологические работы экспедициями Института историии АН Гр. ССР, Государственного музея Грузии и Тбилисского Государственного Университета, но работы эти велись только на плоскостной зоне, тогда как горная полоса оставалась неисследованной.

В 1959 г. Институтом Истории АН Грузинской ССР была организована археологическая экспедиция под руководством Г. Ф. Гобеджишвили для изучения памятников бронзовой эпохи на южном склоне Главного Кавказского хребта. Основными объектами работы экспедиции явились могильные памятники и древние рудники Рачи и некоторые другие памятники эпохи поздней бронзы Южной Осетии. В данной статье будут рассмотрены материалы, полученные в 1960 г. Тлийским отрядом экспедиции.

В результате работ отряда на Тлийском могильнике было вскрыто 41 погребение, давшее богатый материал VIII—VII вв. до н. э. Во вскрытых могилах оказались как одиночные, так и коллективные захоронения, в том числе несколько могил детей.

В каменной насыпи, которой были перекрыты все погребения, обнаружен бронзовый плоский топор с боковыми выступами. Топор этот является почти первой подобной находкой не только в данном могильнике, но и в горной полосе Юго-Осетии в целом. Он имеет полукруглое лезвие, узкий продолговатый обух с двумя боковыми выступами (рис.1). По фор-

ме он очень сходен с подобным топором из Рачи с такими же выступами. Он близок и плоским топорам Цхинвальского клада, хранящимся в музее Грузии, с той только разницей, что на одном из них кроме боковых выступов имеется выступ и на обухе (на другом же топоре боковые выступы отсутствуют, зато на обухе он имеет три роговидных выступа) [1]. Подобные плоские топоры как с боковыми выступами, так и без них, в эпоху поздней бронзы широко были распространены по всему Кавказу, хотя Б. А. Куфтин считал, что плоский топор отсутствовал на Северном Кавказе [2]. В последние годы во многих пунктах на Северном Кавказе [3] (Пятигорск, Бургустан, Эшкакон, Березовский могильник и др.) были обнаружены плоские топоры, и среди них есть экземпляры с боковыми выступами. Говоря о плоских топорах Краснодарского музея, А. А. Иессен отмечает, что они не типичны для собственно кобанской группы, но характеризуют металлургическое производство колхидской группы Западной Грузии. Между тем топоры эти были обнаружены в Восточной Грузии (Мцхета, Цхинвали, Цоиси, Тли и др.). Они одинаково встречаются и на Центральном Кавказе и в Закавказье. Е. И. Крупнов считает этот тип топоров характерным для культур Закавказья, Передней и Малой Азии, где, по его мнению, и следует искать их первичные и наиболее ранние формы.[4]

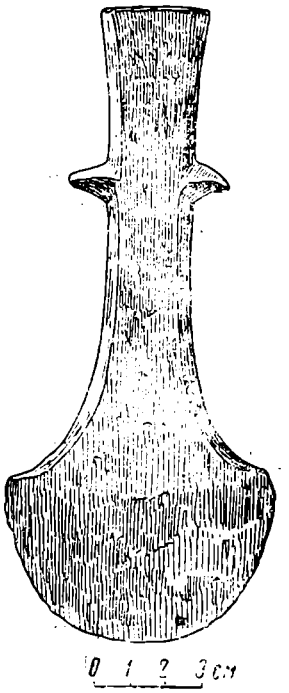


Рис. 1. Бронзовый топор

Б. А. Куфтин называл эти топоры теслами; А. М. Тальгрен предполагал, что плоский топор с боковыми выступами является орудием горного дела и своим широким распространением обязан мореходным народам, искавшим металл [5]. Критикуя точку зрения А. М. Тальгрена, Б. А. Куфтин замечает, что изящная форма этого топора и отсутствие экземпляров со следами грубого употребления не дают достаточных оснований поддержать мнение А. М. Тальгрена. В действительности, если плоские топоры употреблялись в металлоизыскательских работах, то почему ни на одном экземпляре не сохранились следы удара, или для чего понадобились роговидные выступы на противоположной стороне лезвий, имеющиеся не только на цхинвальских экземплярах, но и на топорах Сасирети, Мцхета, Лучхуми, Севанского озера, Зангезура и др.? На некоторых известных в специальной литературе топорах имеются и боковые и роговидные выступы, например, на плоском топоре из с. Лайлаши (Лечхуми) [6]. Есть топоры, не имеющие ни тех, ни других выступов. Ни на одном плоском топоре нет следов удара другим предметом. Правы были Н. В. Трубникова и Г. К. Ниорадзе, писавшие о том, что топоры эти служили для

---

[1] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 19, табл. XV, *5*, *6*.

[2] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВМГ, XIII — В, 1944, стр. 32.

[3] Н. М. Егоров. Могильник у реки Эшкакон. КСИИМК, 64, 1956, стр. 135, 136, рис. 58, *2*. А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. МИА, 23, 1951, стр. 91, рис. 20, *2*.

[4] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 199.

[5] A. Tallgren. Die Kupfernen Flachäxte mit seitlichen Zäpfen. SMIA, XXVI, 1912, стр. 24, 25.

[6] М. М. Иващенко. Материалы к изучению культуры колхов. Материалы по истории Грузии и Кавказа. II, 1941, стр. 17, рис. 10, *б*.

резания кожи [7]. Некоторые плоские топоры, видимо, применялись и для обработки дерева.

Кроме плоского топора, в насыпи над погребениями находились и другие бронзовые предметы (булавки, бусы, обломки фибул и др.).

Во всех вскрытых в 1960 г. погребениях наблюдалась скорченность костяков и неустойчивость их ориентировки. В некоторых погребениях оказалось по три-четыре бронзовых предмета (погр. №№ 69, 93), а в других количество погребальных предметов доходило до шестнадцати и больше (погр. № 76, 98 и др.). В погребальном инвентаре одинаково встречались предметы вооружения, украшения и пр. Предметы вооружения представлены бронзовыми и железными топорами, кинжалами и кинжальными клинками. В некоторых погребениях предметы вооружения отсутствовали. В них, видимо, были погребены женщины, с которыми были положены только предметы украшения. В погребении № 83 при костяке найдена бронзовая кружка с одной ручкой, верх которой изображает голову животного. Подобные кружки встречались и в других комплексах в 1957, 1958 гг. [8]; они найдены в количестве до полутора десятков.

Все бронзовые кружки одинаковой формы: с прямым венчиком, расширенным, вогнутым внутрь дном; на ручке, начинающейся ниже венчика,— изображение головы животного (рис. 2, *1, 2*). Сделаны они по способу изготовления бронзовых сосудов Центрального Кавказа — из нескольких склепанных пластинок.

По технике изготовления эти кружки сближаются не только с бронзовыми сосудами Северного Кавказа (Кобанский могильник) [9], но и с киммерийскими бронзовыми сосудами [10]. В эпоху поздней бронзы как в предгорных, так и в горных районах Центрального Кавказа бытовали глиняные кружки такой же формы. В самом Тлийском могильнике были обнаружены только две глиняные кружки, являющиеся прототипами бронзовых. Аналогичные глиняные кружки имеются в материалах Нацаргора близ Цхинвали [11].

Особого внимания заслуживают бронзовые ведра с маленькими двухсторонними петлевидными ушками, соединенными проволочной ручкой (рис. 2, *3, 4*). Ведра изготовлены из тонких склепанных пластинок; донья ведер склепаны с туловом. Эти сосуды, видимо, служили для переноса пищи. Сосуды этой формы с некоторым усовершенствованием, но значительно больших размеров сохранились у осетин до XIX в.

Другую группу составляют бронзовые миски (рис. 2, *5, 6*) с плоским дном. Они все глубокие, с прямыми невысокими венчиками. Миски эти встречались и в комплексах 1957—1958 гг. Некоторые в древности были починены [12], иные сохранились плохо и во время раскопок распались. Бронзовые миски Тлийского могильника повторяют форму глиняных мисок конца II тысячелетия до н. э. Форму и размеры этих мисок можно сопоставить с глиняными мисками из многих пунктов самой Юго-Осетии, в частности из Цхинвальского кирпичного завода № 2. [13]

---

[7] Н. В. Трубникова. К вопросу о назначении кобанских «сечек». КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 49—53; Г. К. Ниорадзе. Археологические раскопки в с. Квишари. ВМГ, XV — В, 1948, стр. 12—14.

[8] Б. В. Техов. Могильник эпохи поздней бронзы в с. Тли. СА, 1960, 1, стр. 171, рис. 7.

[9] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, 1900, табл. XXXVI, *22*.

[10] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 128.

[11] Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 92—96, табл. XXXIII, *5*.

[12] Б. В. Техов. Об одном погребальном комплексе из с. Тли. СА, 1961, 4, стр. 131, рис. 4, *1*.

[13] Коллекции Юго-Осетинского музея краеведения.

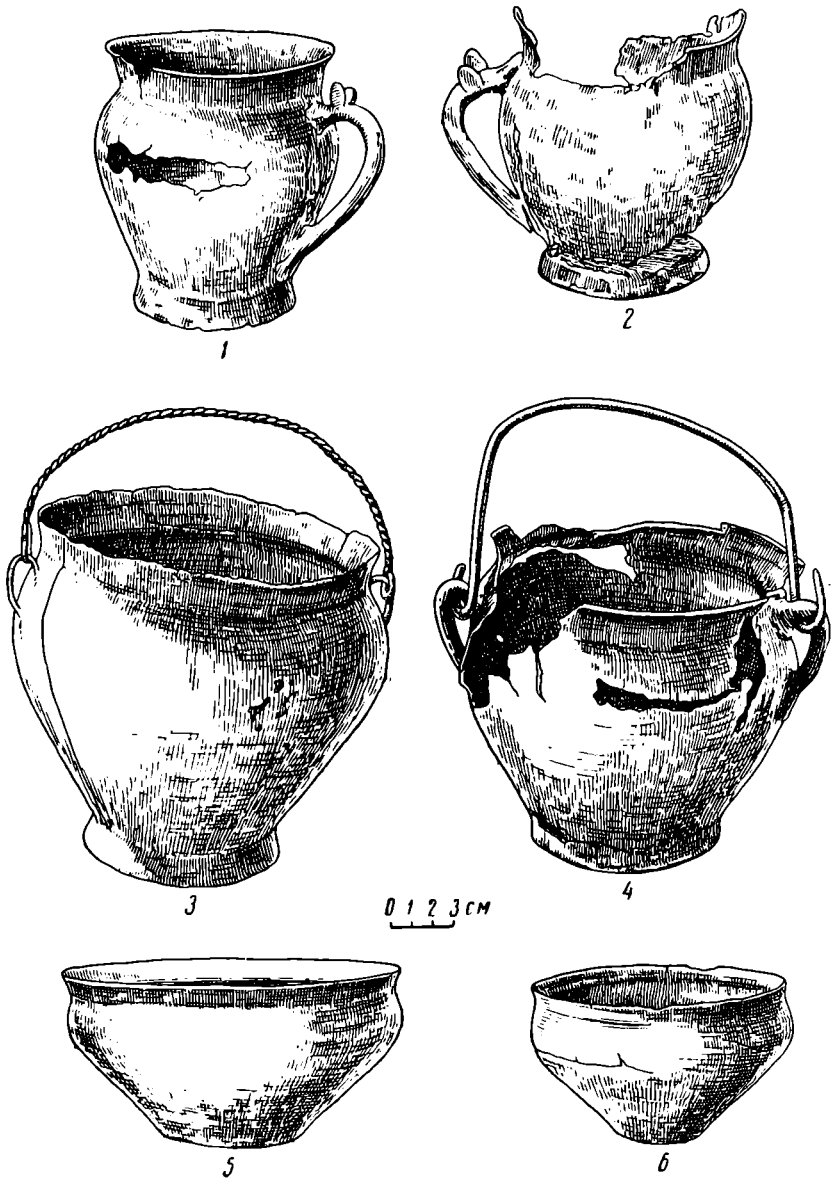


Рис. 2. Бронзовые сосуды

1,2 — кружки из погр. № 83 и 76; *3,4* — ведра из погр. № 68 и 69; *5,6* — миски из погр. № 63 и 82

До первой половины XX в. подобные же деревянные миски бытовали у горцев Центрального Кавказа, у осетин-горцев бытуют и сейчас. Сходные с тлийскими бронзовые миски известны из Кобанского могильника [14]. Они почти полностью повторяют друг друга, что свидетельствует о видимой генетической связи этих двух памятников Центрального Кавказа.

Наиболее многочисленной группой бронзовых изделий из погребений могильника являются предметы вооружения, в частности топоры, кинжалы, кинжальные клинки, наконечники копий и др.

Бронзовые топоры (рис. 3) представлены разными типами. Есть топоры с полукруглыми лезвиями, клиновидным обухом и овальным про-

[14] J. de Morgan. Mission scientifique dans le Caucase. I, Paris, 1889, стр. 183; П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XLI, *9*.

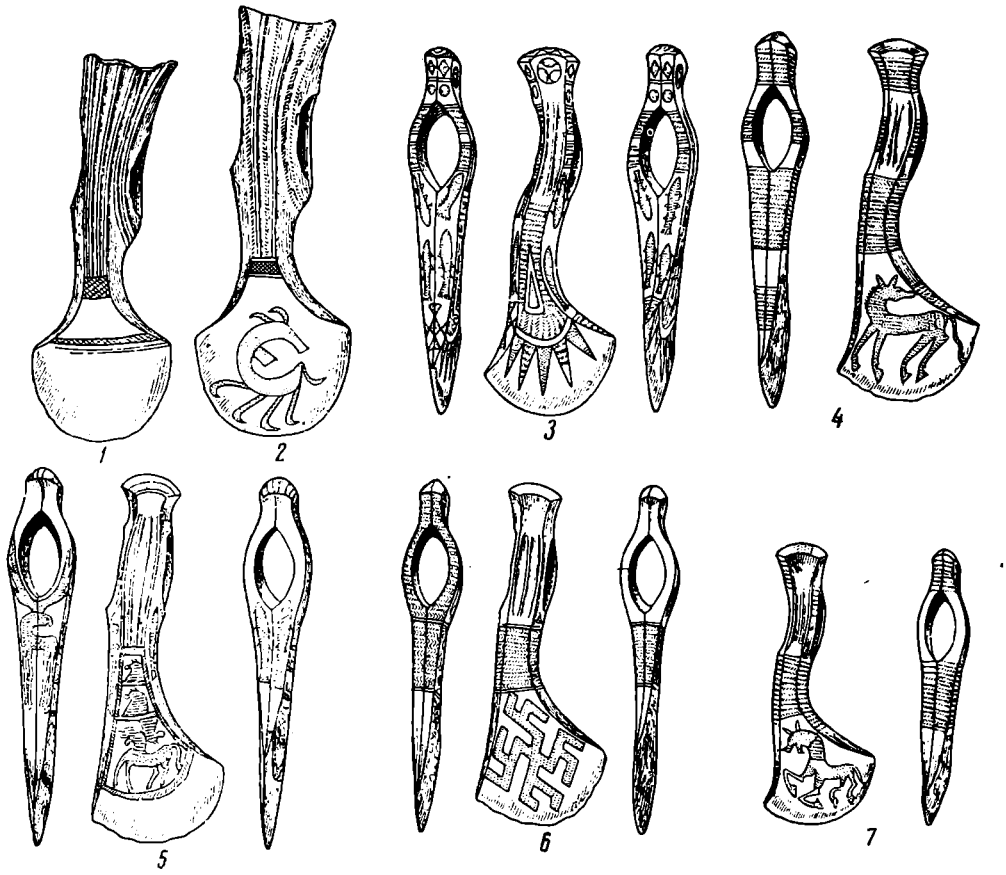


Рис. 3. Бронзовые топоры

1 — из погр. № 68; *2* — из погр. № 69; *3* — из погр. № 87; *4* — из погр. № 98; *5,6* — из погр. № 76; *7* — из погр. № 63

ухом (рис. 3, *1*, *2*). Обушные части этих топоров имеют узкие грани, на которые нанесен елочный или точечный орнамент. Наиболее узкая часть топоров этого типа украшена сетчато-заштрихованным поясом, такие же пояса украшают иногда и лезвийную часть топора. На лопасти некоторых топоров этого типа мы видим схематические изображения животного с широко открытой пастью, повернутой назад головой, коротким телом и ногами, оканчивающимися крюками (рис. 3, *2*).

Эти топоры и в специальной литературе известны как колхидские боевые топоры, и до сих пор они считались характерными для района исторической Колхиды. Они известны на Северном Кавказе, в частности в Кобанском могильнике, но по сравнению с другими типами топоров они здесь представлены в меньшем количестве. В исследуемом же нами могильнике они в количественном отношении не уступают другим топорам. Во всех вскрытых в 1957—1960 гг. погребениях их найдено свыше полутора десятка. Топоры этого типа из Кобанского могильника П. С. Уваровой выделены в тип Г, а Ф. Ганчар [15] назвал их первым типом кобанского топора. Рассматриваемый тип бронзовых топоров, видимо, не чужд для Центрального Кавказа, в особенности для горных его районов. Это хорошо подтверждается материалами из с. Тли.

В специальной литературе хорошо известны топоры восточногрузинского типа формы амазонской секиры. Несмотря на то, что рассматриваемый нами памятник географически относится к Восточной Грузии,

[15] F. Hančar. Die Beile aus Koban in der Sammlung Kaukasischer Altertümer. Wiener prähistorische Z., XXI, 1934, стр. 19.

здесь ни одного топора восточногрузинского типа не обнаружено. Этот тип топора достигает границы горной и предгорной полос, а дальше не встречается. Все это свидетельствует о том, что горные районы Центрального Кавказа в эпоху бронзы были заселены племенами, материальная культура которых кое-какими своеобразными чертами отличалась от культуры племен предгорий Восточной Грузии, но эти племена не могли быть изолированы друг от друга.

Помимо топоров с полукруглым лезвием и клиновидным обухом, в тлийских материалах 1960 г. в достаточном количестве представлены топоры с двухсторонне изогнутым корпусом и полуовальным лезвием (рис. 3, *4*, *7*). Топоры эти очень изящны, украшены геометрическими фигурами, крестиками, изображениями животных и рыб. Чаще всего на топорах данного типа встречается елочный орнамент, причем одинаково на обушной и лезвийной частях топора. Топор из погребения № 87 (рис. 3, *3*) полностью повторяет форму кобанских топоров, хранящихся в Сенжерменском музее и в разных музеях Кавказа. Не только этот, но и все приведенные на рис. 3 топоры находят самые близкие и точные аналогии в кобанских материалах. Все это свидетельствует о генетической связи северного и южного склонов Главного Кавказского хребта, хорошо прослеживающейся и в изобразительном искусстве. Например, почти все бронзовые предметы украшены одинаковыми изображениями и сюжетами. Самым же излюбленным мотивом у племен обеих сторон хребта было изображение рыб (связанное, по мнению некоторых ученых, с природной стихией), змей, фантастических животных и др. Все эти сюжеты встречаются вместе и, видимо, связаны с водой, так как изображенные на топорах фигуры имеют лапы, подобные хвостам рыб, изображенных на этих же топорах (рис. 3, *5*).

На топоре из погребения № 98 изображение напоминает коня с повернутой назад головой (рис. 3, *4*), а на топоре из погребения № 63 изображена собака с открытой пастью, поднятыми ушами и опущенным вниз хвостом (рис. 3, *7*). Такими же фигурами собак украшены и некоторые кобанские топоры и другие бронзовые изделия, хотя П. С. Уварова писала, что «собака — весьма редкое явление для Кобани». А. А. Миллер полагал, что изображение собаки не только обычно в древностях Кавказа (в основном на кобанских изделиях.— *Б. Т.*), но и наличествует в многочисленных вариантах [16]. У племен Центрального Кавказа в начале I тысячелетия до н. э., видимо, было развито яйлажнопастушеское скотоводство, а с ним и была связана собака как лучшая охрана скота, почему ее изображения и встречаются в искусстве эпохи поздней бронзы Центрального Кавказа чаще других животных.

Изображения собак в Кобанском и в Тлийском могильниках украшают лопасти бронзовых топоров с двухсторонне изогнутыми в противоположных направлениях корпусами. Эти топоры в литературе известны как чисто кобанские боевые топоры [17]. Они были распространены к югу и к северу от центральной части Кавказского хребта. На этой территории с этими топорами в эпоху поздней бронзы бытовали и другие топоры с прямым корпусом, граненой обушной частью и вогнутым внутрь лезвием (рис. 3, *5*, *6*). Топоры эти в свое время были выделены П. С. Уваровой в тип Б, а позднее О. М. Джапаридзе выделил их во второй тип своей классификации. По мнению Е. И. Крупнова, эти топоры одинаково часто встречаются не только на территории прикобанской и кобанской культур, но даже в Колхиде, почему он и считает его атипич-

---

[16] А. А. Миллер. Изображения собаки в древностях Кавказа. ИРАИМК, II, 1922, стр. 289.

[17] Е. И. Крупнов. Ук. соч. стр. 83; его же. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 96—97; О. М. Джапаридзе. Колхидский топор. ВМГ, XVI — В, 1950, стр. 35—89; его же. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953.

ным. Все топоры этого типа из тлийских погребений имеют затупленные лезвия, что еще раз подтверждает мнение Е. И. Крупнова о том, что они использовались в хозяйственных работах. Но вместе с тем тлийские топоры с прямым туловом опровергают мнение Е. И. Крупнова о том, что топоры 4-го типа по классификации Е. И. Крупнова никогда не украшались узорами. Все обнаруженные в Тлийском могильнике топоры этого типа украшены либо гравировкой, либо изображениями животных. Топоры из погребения № 76 украшены изображением оленя, лошади и тремя лошадиными головами позади нее (рис. 3, *5*). На втором топоре из того же погребения (рис. 3, *6*) имеется узор в виде усложненной свастики, заполненной мелкими точками, и елочный узор.

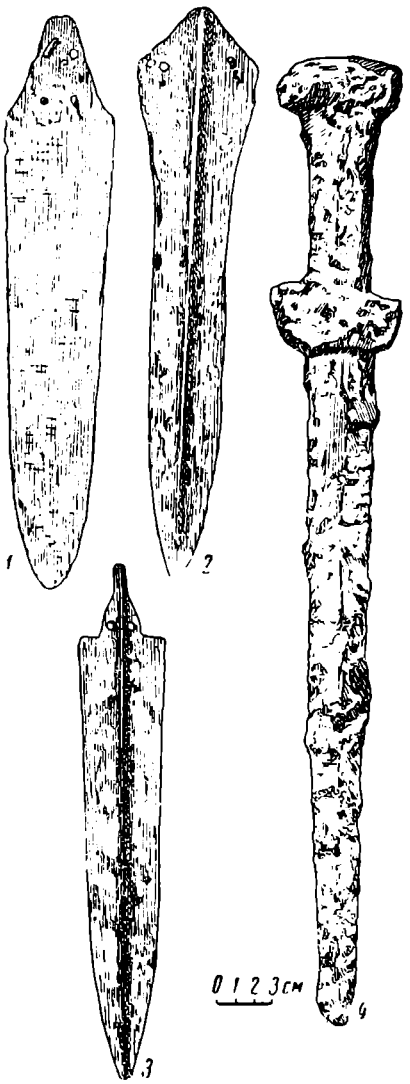


Рис. 4. Бронзовые и железные кинжалы
1,2 — из погр № 98; *3* — из погр. № 63; *4* — железный акинак из погр. № 68

Эти топоры, подобно рассмотренным выше, характерны для могильников Центрального Кавказа. Вместе с чисто кобанскими экземплярами они имеются в Цхинвальском кладе музея Грузии. Достаточное количество топоров данного типа собрано в Юго-Осетинском краеведческом музее, большая часть происходит из с. Цоиси [18]. Они встречаются на обширной территории Закавказья и Северного Кавказа, но больше всего их было обнаружено на Центральном Кавказе.

Наиболее многочисленную группу находок в тлийских позднебронзовых комплексах составляют бронзовые кинжальные клинки и предметы украшения. Кинжальные клинки (рис. 4) самых разнообразных форм: плоские с маленьким треугольным черенком (рис. 4, *1*); с суженой средней частью и широким плоским ребром твердости (рис. 4, *2*); с узким средним ребром и треугольным черенком (рис. 4, *3*). Формы всех этих клинков были широко распространены в конце II и начале I тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе, в Закавказье, на Центральном Кавказе в особенности. Некоторые из кинжалов этих форм встречаются в Мцхетском могильнике, в Триалети, Сасирети [19], а также на территории северных и западных районов Внутренней Картли (селения Хвце, Корнис и др.) [20]. Более близкие аналогии рассматриваемым клинкам можно привести из раскопок Г. Ф. Гобеджишвили в Геби.

---

[18] Коллекции Юго-Осетинского музея краеведения № 1019/827.

[19] Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, стр. 74, 75.

[20] Колекции Юго-Осетинского музея краеведения.

В тлийских могилах довольно часто встречаются кинжалы, отлитые вместе с ручками. Некоторые из них украшены изображением змей, а клинок из погребения № 15 по обе стороны узкого среднего ребра имеет спиральный орнамент.

Раскопками 1960 г. хорошо были представлены железные топоры, кинжальные клинки, ножи, акинаки. Топоры и клинки повторяют форму бронзовых изделий, железные акинаки здесь обнаружены впервые (рис. 4, *4*). Они имеют узкое продолговатое лезвие с незаметным средним ребром. Ручки массивные с перекрестьем. На лезвиях некоторых акинаков сохранились следы дерева, по-видимому, от ножен.

В погребении № 98 найдены одни железные предметы: секира, акинак и наконечник копья. Железная секира (рис. 5, *1*), как и обнаруженные в других погребениях топоры, имеет самые близкие аналогии в северокавказских материалах (в Луговом могильнике [21]), в Восточной Грузии (в Мцхетском могильнике [22]). В указанных пунктах хорошо известны также железные акинаки (рис. 5, *2*), широко распространенные в конце VII в. до н. э. Р. М. Абрамишвили относит эти железные секиры, акинаки и наконечники копий к третьей ступени широкого освоения железа в Восточной Грузии. Железные акинаки на этой ступени являются новой формой вооружения. Широкое применение получили топоры-секиры, найденные во многих погребениях Мцхетского могильника, в Бешташени [23], Брильском могильнике [24]. Они встречаются в памятниках Абхазии [25], но железные кинжалы Абхазии больше походят на такие же кинжалы Тлийского могильника, чем на акинак, а топоры-секиры почти одинаковые. Такое же сходство прослеживается между железными наконечниками копий, хорошо представленных в Нестеровском и Луговом могильниках Северного Кавказа. Они отличаются от тлийских коротким листовидным пером и продолговатой трубчатой частью. Е. И. Крупнов среди них выделяет два экземпляра с узким листовидным пером, переходящим во втулку под резко

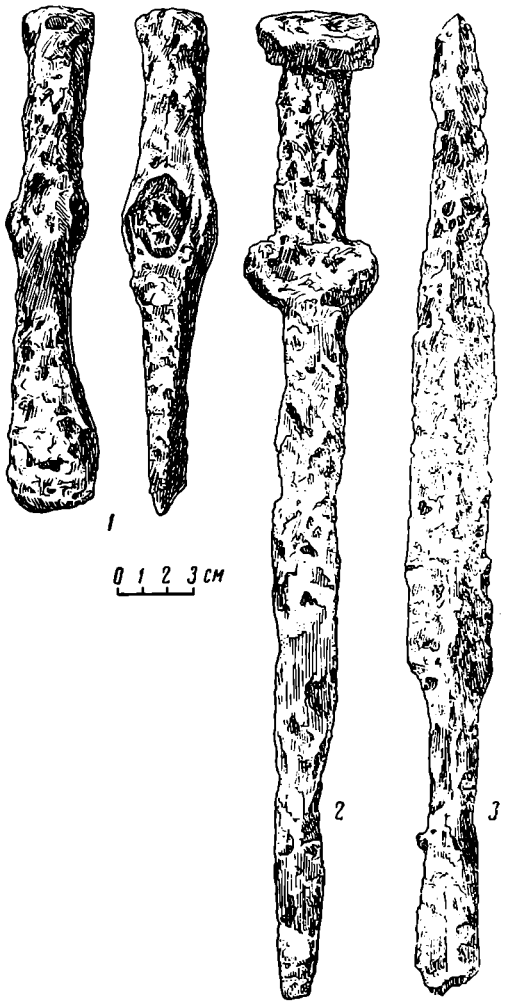


Рис. 5. Железный инвентарь из погр. № 93
1 — секира; *2* — акинак; *3* — наконечник копья

[21] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 2, 1957, стр. 161; его же. Древняя история Северного Кавказа, табл. I.

[22] Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. ВМГ. XXII-В, 1961, стр. 374, табл. XIX, *2*.

[23] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. XVI, *43*.

[24] Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. стр. 188.

[25] М. М. Трапш. Памятники колхидской и скифской культуры в с. Куланурхва Абхазской ССР. Абгосиздат, 1962, табл. XIII.

выраженным углом и со значительным реберчатым утолщением посредине пера. Этими же чертами характеризуются тлийские наконечники копий (рис. 5, *3*). Подобные наконечники копий и сопровождающие их предметы хорошо датируются второй половиной VII и первой половиной VI в. до н. э. и ведут свое происхождение от местных, более древних кавказских типов с несомкнутыми удлиненными втулками, еще кованных из бронзы, хорошо известных в памятниках эпохи бронзы Центрального Кавказа (Тли) и Закавказья (под Кедабеком). В этот период, как хорошо видно на материале из погребального комплекса № 93, в изготовлении оружия господствующее место занимает железо, окончательно вытеснившее бронзу. В тлийских комплексах железо представлено в основном в виде оружия, реже встречаются предметы украшения (фибулы). В некоторых комплексах (погр. № 93) бронза совершенно отсутствует, в других же погребениях (№ 90) встречаются только отдельные украшения из бронзы.

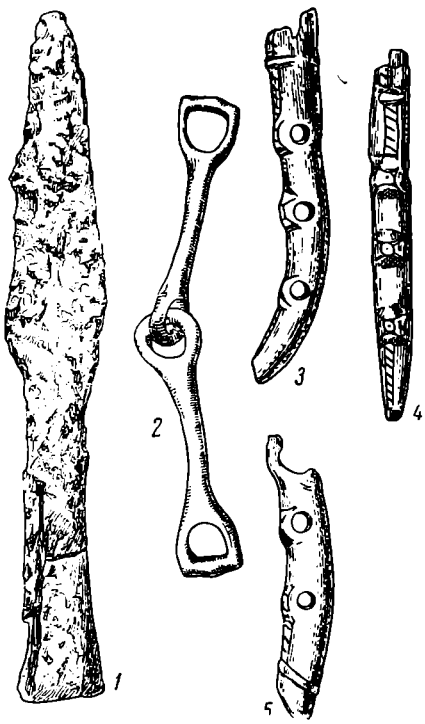


Рис. 6. Предметы из погр. № 68

1 — железный наконечник копья; *2* — бронзовые удила; *3—5* — костяные псалии

Формы рассмотренных выше железных топоров, акинаков, кинжальных клинков и наконечников копий, хорошо известные на Северном Кавказе, в конце VII в. до н. э. проникли и на южные склоны Главного Кавказского хребта. Культура ирано-язычных скифов в определенной степени оказывала свое влияние на культуру местных кавказских племен, но действенное влияние материальной культуры скифских племен не смогло вытеснить из употребления местных форм оружия и утвари. Наоборот, в скифское время кавказские бронзовые изделия бытовали в северных степных районах и даже на Украине. По мнению А. М. Лескова в каменных ящиках и в некоторых грунтовых погребениях горного Крыма II тысячелетия до н. э. нередко встречаются подлощенные сосуды, распространенные в памятниках северокавказской культуры [26]. Он также указывает на случайные находки эпохи бронзы кавказского происхождения. Кроме того, бронзовые сосуды Жаботина, Таганчи и Серебрянки по мнению исследователей попали туда с Кавказа и связаны с кавказской металлообрабатывающей техникой. Существует также мнение, что Крым, не имеющий своей меднорудной базы, с ранних времен снабжался металлом с Кавказа.

Интересный материал обнаружен в погребении № 68. Кроме железного акинака скифского типа, бронзового топора колхидского типа, железного наконечника копья (рис. 6, *1*). Здесь найдены бронзовые удила со стремяновидными концевыми ушками (рис. 6, *2*) и роговые псалии с отверстиями и резным орнаментом (рис. 6, *3—5*). Псалии и удила были обнаружены у черепа коня, лежавшего перед человеческим костяком. Здесь же лежал бронзовый топор (рис. 3, *1*).

Предметы конского убора часто обнаруживались в тлийских погребальных комплексах, в особенности сферические бронзовые бляхи с ма-

[26] А. М. Лесков. Таврская культура в горном Крыму. Автореф. канд. дис. М., 1961, стр. 10.

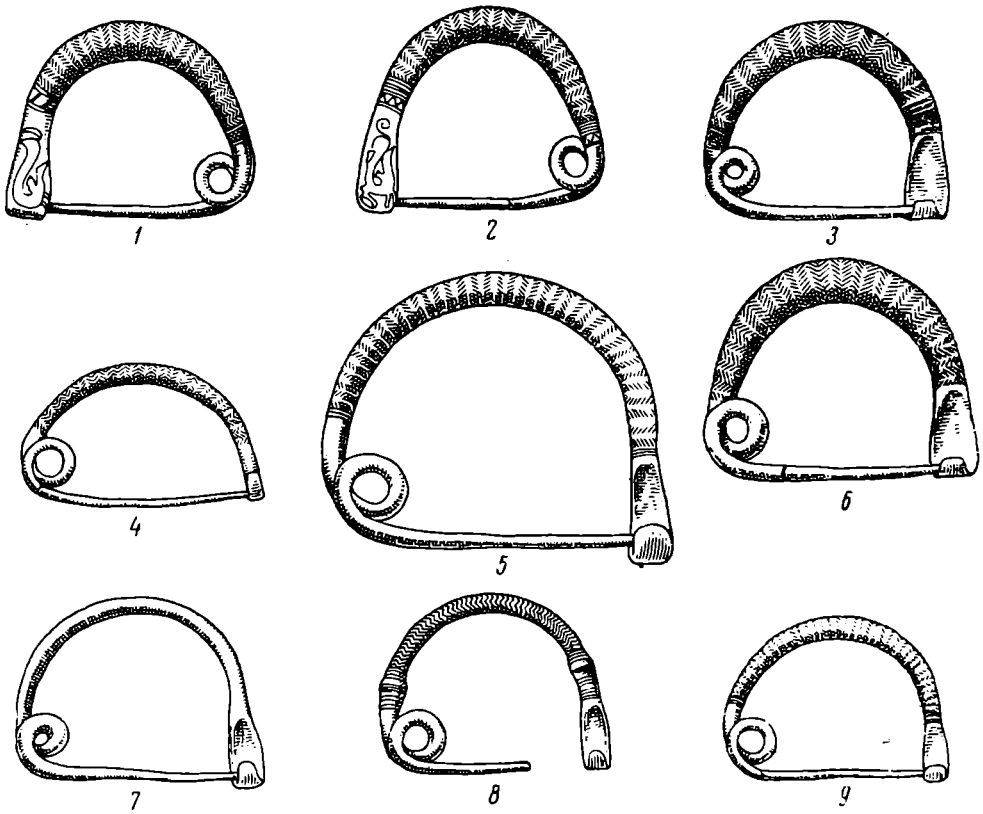


Рис. 7. Бронзовые фибулы

1 — из погр. № 98; *2* — из погр. № 87; *3, 4* — из погр. № 76; *5* — из погр. № 63; *6,7* — из погр. № 68; *8* — из погр. № 69; *9* — из погр. № 63

ленькими петлями на тыльной стороне. Удила и псалии найдены впервые. Удила из погребения № 68 относятся к третьему типу по классификации А. А. Иессена; они известны на Северном Кавказе, Подонье и Украине[27]. Удила типа тлийских сочетаются, главным образом, в комплексах, имеющих костяные трехдырчатые псалии. В ряде случаев они встречаются в комплексах с железными удилами. Удила из Тли полностью повторяют форму удил из кургана близ Келермесской станицы, жаботинских, куланурхвских удил. Они хорошо датируются второй половиной VII в. до н. э. В Закавказье удила рассматриваемого типа очень редки, известна лишь одна находка на территории Абхазии и вторая в Юго-Осетии.

Предметы украшения (дугообразные фибулы, поясные пряжки, кольца, браслеты, височные привески, пояса, булавки) имеются почти во всех погребениях, среди них преобладают фибулы (рис. 7), одинаковые по форме. За исключением нескольких экземпляров (рис. 7, *7*), все фибулы покрыты елочным узором. На фибуле из погребения № 98 (рис. 7, *1*) изображено животное с повернутой назад головой, длинным туловищем, острыми ушами, открытой пастью и маленьким хвостиком. За неимением места на оборотной стороне приемной части фибулы художник изобразил животное без ног. На другой фибуле животное изображено в той же позе, только с подогнутыми ногами (рис. 7, *2*).

Бронзовые фибулы в начале I тысячелетия до н. э. широко были распространены по обе стороны Кавказского хребта (Северная Осетия, Кабарда, Пятигорье, Западная Грузия, горная полоса Юго-Осетии, Абхазия), но большее количество происходит из памятников кобанской брон-

[27] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 52.

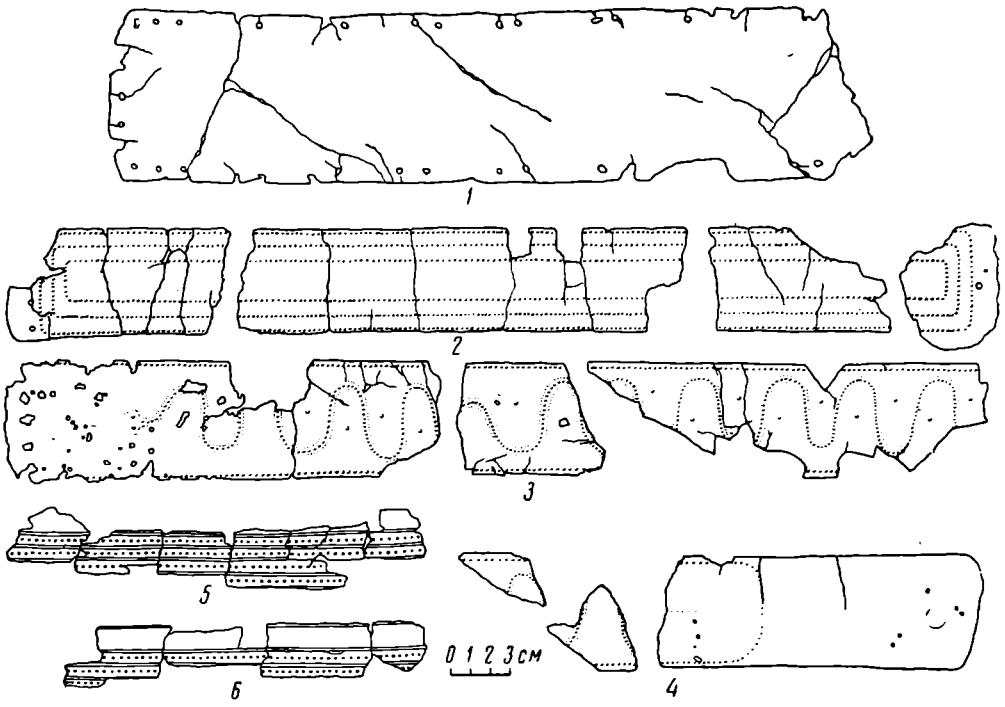


Рис. 8. Бронзовые пояса

1 — из погр. № 63; *2—4* — из погр. № 82; *5,6* — из погр. № 68

зы. Тлийские фибулы полностью совпадают с кобанскими, которые появляются на Кавказе с конца II тысячелетия до н. э. Бронзовая дугообразная фибула в течение пяти столетий сохраняла свою форму и необходимость для костюма. Со второй половины VI в. до н. э. бронзовые фибулы в основном сменяются железными, а те фибулы, которые еще изготовлены из бронзы, сильно уменьшаются в размерах, приемная часть и бронзовых и железных фибул расширяется. Более ранние фибулы на Кавказе и в Закавказье почти одинаковы, хотя в Закавказье они встречаются реже, чем на Центральном Кавказе. Несмотря на сходство культур Центрального Кавказа и Черноморского побережья (в частности, Колхидской низменности Грузии), фибулы на последней территории составляют наименьшую часть бронзовых изделий, тогда как в Тлийских и Кобанских материалах они многочисленны.

В рассматриваемых комплексах встречаются пояса узкие и широкие, орнаментированные и без орнамента (рис. 8).

На поясе из погребения № 82 (рис. 8, *3*) пунктиром изображена змея. Подобный пластинчатый пояс, только с двумя змеями, был обнаружен в 1958 г. в погребении № 50. Там же был найден бронзовый пинцет с такими же змеями, причем на одной из сторон его пластинки змея хватает лягушку. Все эти изображения имеют определенное значение и связаны с культом змеи.

Пояс из погребения № 68 имеет ребристую наружную поверхность (рис. 8, *5, 6*). Пояса этой формы также часто встречаются в тлийских материалах, они изготовлены из очень тонкой и хрупкой пластинки и поэтому распались на отдельные фрагменты.

Особого внимания заслуживает пластинчатый пояс, которым был опоясан один из костяков погребения № 76. Он был разломан на отдельные куски, но полностью восстановлен, нехватает только некоторых частей по краям. Длина пояса 103 *см,* ширина 10,5 *см* (рис. 9). Пояс богато украшен сценами, напоминающими охоту. По краям его сделана

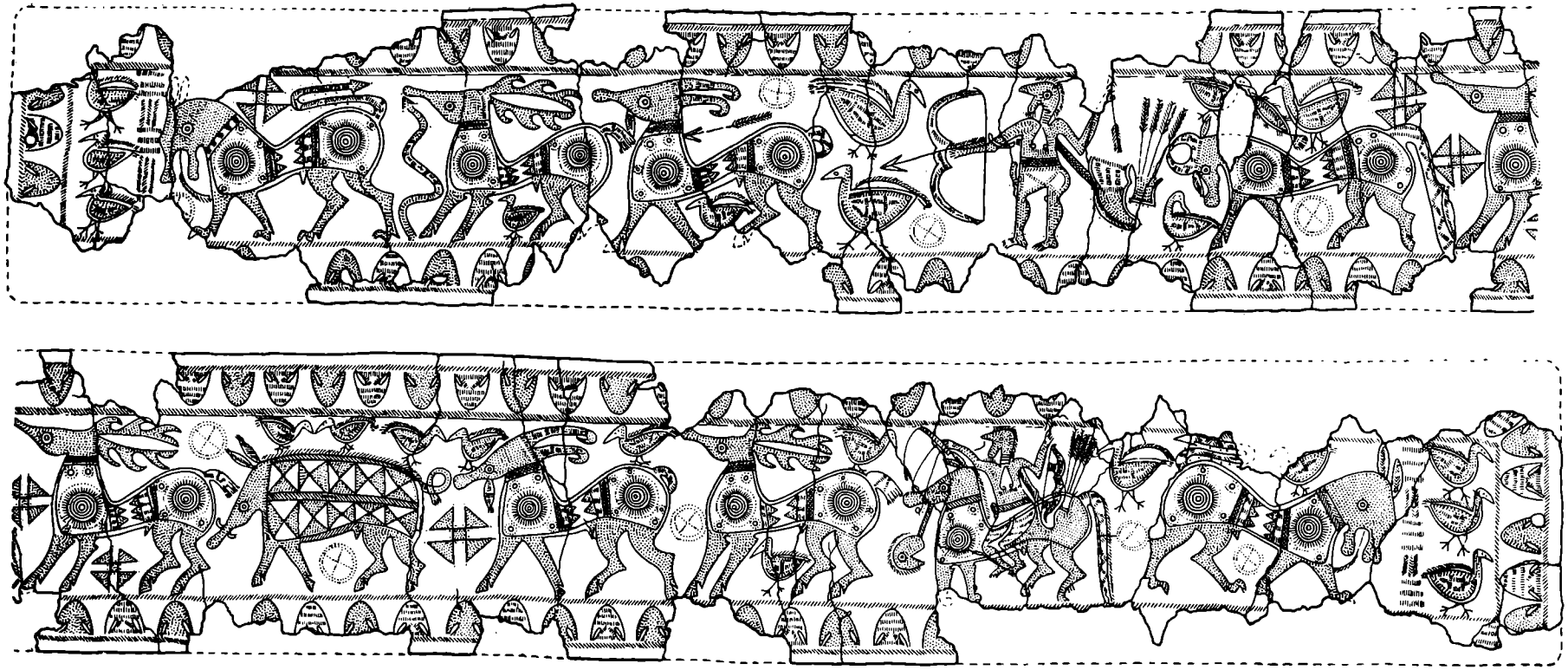


Рис. 9. Бронзовый пояс из погр. № 76

рамка из косых штрихов, она заполнена изображениями, напоминающими восточногрузинский топор.

Все основные фигуры пояса, за исключением одной, направлены налево. Семь птиц и одно из основных изображений обращены вправо. Все фигуры птиц и животных (куропатка, цесарка, осел, олень, горный тур, кабан, змея) реалистичны, за исключением двух крайних, и являются основными представителями фауны Центрального Кавказа. Пояс, несомненно, местного производства, поэтому на нем переданы животные, характерные для кавказского животного мира. Изображенные на туловищах животных солнце и другие светила, а также солярные знаки и кресты не лишены религиозного значения. На поясе в основном изображена охотничья сцена, но вместе с этим можно усмотреть в ней религиозно-мифический сюжет. Конечно, в ту древнюю эпоху охота была связана с определенным пантеоном антропоморфных божеств, олицетворявших главным образом солнце, луну и звезды.

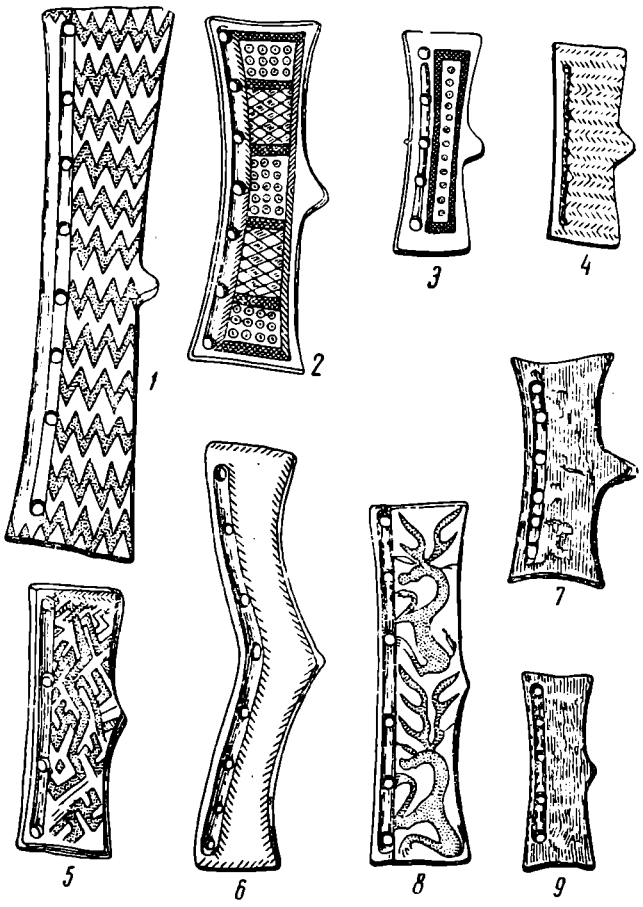


Рис. 10. Бронзовые пряжки

1 — из погр. № 76; *2* — из погр. № 87; *3,4* — из погр. № 82; *5* — из погр. № 83; *6* — из погр. № 83; *6* — из погр. № 68; *9*— из погр. № 98

Бронзовые пояса в I тысячелетии до н. э. широко были распространены в Закавказье и на Центральном Кавказе. Бронзовый пояс с охотничьей сценой был обнаружен в Триалети, в одном из погребений Маралын-Дереси, изображенные на нем фигуры размещены в двух рядах. На фигурах имеются такие же изображения солнца и других светил, как на тлийских. Особенно схожи фигуры свиней и оленей; лапы и хвосты крайних изображений тлийского и триалетского поясов почти одинаковы. Видимо, от такого же пояса происходят фрагменты, найденные П. С. Уваровой в Кобанском могильнике. Разница только в том, что на приведенных для сравнения поясах имеется по краям спиральный орнамент, а на тлийском он отсутствует. Кроме того, триалетский пояс шире и фигуры в нем помещены в два ряда.

Значительную группу изделий из Тлийского могильника составляют поясные пряжки. Среди них имеются большие экземпляры, орнаментированные разными узорами (рис. 10, *1*), полностью повторяющие кобанские пряжки. Имеются также пряжки средних размеров с орнаментами — кружковым (рис. 10, *2*, *3*), елочным (рис. *10*, *4*), в виде элементов меандра (рис. 10, *5*) и с изображениями животных (рис. 10, *8*). Были найдены пряжки меньших размеров без узора (рис. 10, *7*, *9*) и пряжка

изогнутой формы с простым узором из точек и косых штрихов (рис. 10, *6*). Из наших материалов самыми ранними являются большие пряжки. К концу VII в. до н. э. размеры пряжек намного уменьшаются и прямая форма заменяется изогнутой. Самые поздние пряжки маленького размера с сильно выступающим крюком в большинстве случаев без узора. Пряжки эти самое широкое распространение получили на Центральном

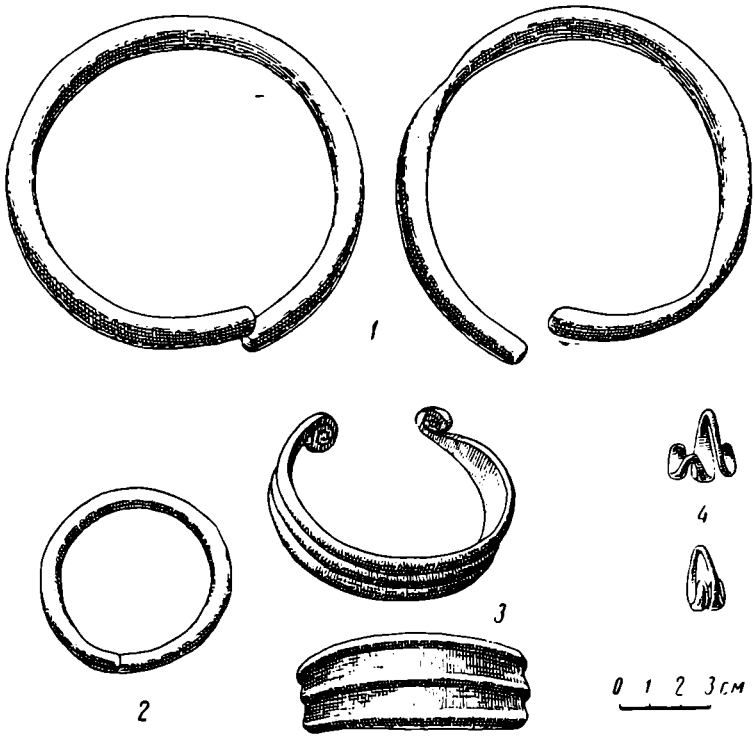


Рис. 11. Бронзовые предметы

1 — кольцо из погр. № 82; *2* — маленькое кольцо из погр. № 83; *3* — пластинчатый браслет с ребристой поверхностью; *4* — височные привески

Кавказье в первой половине I тысячелетия до н. э. и в основном известны в Кобанском и Тлийском могильниках. К концу I тысячелетия до н. э. рассматриваемые нами пряжки сменяются ажурными квадратными пряжками с мифологическими сюжетами, они просуществовали в течение трех-четырех столетий, их много на Северном Кавказе, в Раче, в Юго-Осетии и других районах Закавказья и Центрального Кавказа.

Значительный интерес представляют и другие предметы украшения, например, ножные кольца с разомкнутыми или сомкнутыми концами, часто встречаемые на ногах погребенных (рис. 11, *1*); среди них есть сильно изношенные от долгого употребления. Найдены сомкнутые кольца маленького диаметра (рис. 11, *2*). При погребениях также найдены пластинчатые браслеты с ребристой поверхностью и утонченными и завернутыми в спираль концами (рис. 11, *3*), обычные для Кобанского, Березовского и других могильников Северного Кавказа, височные привески в полтора и больше оборотов (рис. 11, *4*; рис. 12, *4*).

Булавки составляют самую многочисленную группу находок. Встречаются вилообразные булавки с двумя, тремя и больше зубцами (рис. 12, *2*), булавки с овальными шляпками (рис. 12, *3*), булавки с головками из пяти шишек (рис. 12, *6*) и др., все они характерны для Центрального Кавказа эпохи поздней бронзы. Больше всего их было найдено в могильниках у с. Тли (в особенности булавки с овальными шляпками и булав-

ки с пятишишечными головками). Они находят себе аналогии в могильниках Северной Осетии (Кобан, Верхняя Рутха) [28]. Эти булавки на Северном Кавказе бытовали и в позднекобанский период, т. е. в V—III вв. до н. э. Массивные булавки употреблялись для скрепления одежды. Мелкие булавки в основном служили головными шпильками, что хорошо было прослежено по материалам из могильников Центрального Кавказа (Тли, Кобан) [29].

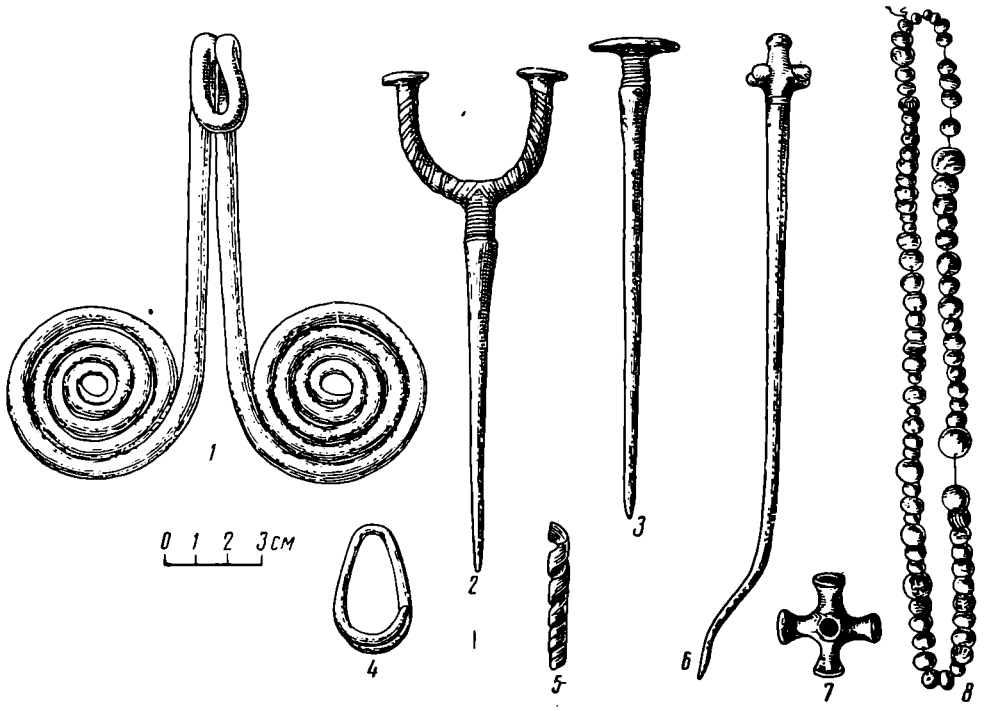


Рис. 12. Предметы украшения

1—5 — из погр. № 73; *6* — из погр. № 98; *7* — крестовидная подвеска из погр. № 98; *8* — сердоликовые бусы из погр. № 83

Крючки с двусторонне завернутыми спиральными завитками (рис. 12, *1*) и крестовидные подвески (рис. 12, *7*) в большом количестве были обнаружены в Тлийском могильнике. На северном склоне Центрального Кавказа они встречаются единицами; они известны в Кобанском, Каменномостском могильниках. Крестовидная привеска, повторяющая форму тлийских, была обнаружена в погребении скифского типа в Ольвии [30]. Она, видимо, попала туда с Центрального Кавказа.

Наибольшую группу предметов украшения тлийских комплексов составляют бронзовые спиральные трубочки (рис. 12, *5*) и бусы из сердолика и пасты (рис. 12, *8*), распространенные и на северном склоне Центрального Кавказа в памятниках, связанных с кобанской культурой первой половины I тысячелетия до н. э. Любопытно отметить, что, подобно другим памятникам позднебронзовой эпохи Центрального Кавказа, в тлийских погребальных комплексах имеются бронзовые фигуры животных, в частности собаки (рис. 13, *1—3*) с открытой пастью. На всех фигурах имеются петли для подвешивания. На шее фигурки из

[28] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 101—102.

[29] В. Б. Антонович. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 года. Тр. V АС, М., 1882, стр. 242.

[30] С. И. Капошина. Погребения скифского типа в Ольвии. СА, XIII, 1950, стр. 212 и 213.

погребения № 82 (рис. 13, *1*) через петлю продета бронзовая пластинка. Имеются также фигуры лошадей с такими же петлями (рис. 14, *5*). Они, видимо, были связаны с пастушеско-скотоводческим хозяйством древних племен края. В тлийских материалах довольно часто встречаются фигуры оленя, причем в некоторых могилах по два-три экземпляра (рис. 14, *6*). Были найдены также фигурки коровы (рис. 13, *4*), козы (рис. 14, *7*) и других животных. Все эти бронзовые фигурки находят себе точные аналогии в памятниках эпохи поздней бронзы Кавказа и Закавказья. Они характерны для Кобанского, Каменномостского, Гебского могильников. Фигурки оленя были найдены и в Мцхетском и в других могильниках Закавказья.

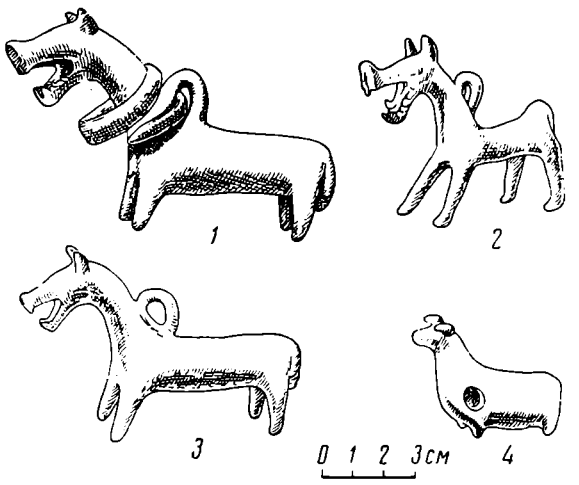


Рис. 13. Бронзовые фигурки

1 — из погр. № 82; *2* — из погр. № 88; *3* — из погр. № 80; *4* — из погр. № 75

На рис. 14 помещены вещи из погребения № 99: бронзовый кинжальный клинок, кольца с разомкнутыми концами, дугообразная фибула, ромбовидные пуговки и каменная булава с пятью шишечками. Как видно, в эпоху развитой бронзы на Центральном Кавказе, помимо бронзовых булав, получивших свою форму от каменных, продолжали существовать и их каменные прототипы. Каменная булава была найдена только в одном экземпляре в Тлийском могильнике. В низменном районе Восточной Грузии каменные булавы

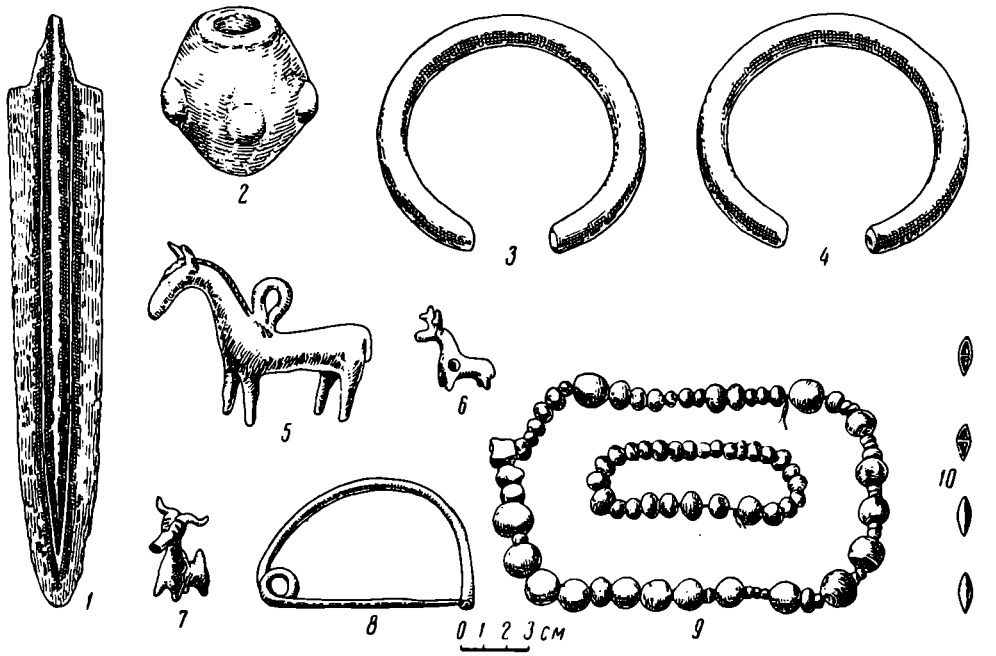


Рис. 14. Инвентарь из погр. № 99

1 — бронзовый кинжальный клинок; *2* — каменная булава; *3—4* — бронзовые ножные кольца; *5* — фигурка лошади. *6* — фигурка оленя; *7* — фигурка козлика; *8* — дугообразная фибула; *9* — бусы из сердолика и кости; *10* — ромбовидные пуговки

были найдены в Нульских погребениях [31], на холме Нацаргора близ города Цхинвали [32], а также в одном из тквиавских курганов [33]. Подобные каменные булавы были обнаружены в могильниках Фаскау, Рутха, датируемых второй половиной II тысячелетия до н. э. [34]. Каменная булава из Тли относится приблизительно к концу VIII в. до н. э. В этот период на Центральном Кавказе расцветала богатая бронзовая культура, в которой значительное место заняли железные предметы (кинжальные клинки, топоры, фибулы). К концу VII в. до н. э. культура местнокавказских племен переживает некоторое влияние культуры скифов. Формы скифского вооружения и снаряжения (акинаки, секиры, бронзовые удила, костяные псалии и другие предметы) распространяются по всему Центральному Кавказу. Формам могли подражать, но изделия изготовлялись на месте из местного сырья, местными мастерами.

По имеющимся материалам можно считать, что основным занятием племен Центрального Кавказа в первой половине I тысячелетия было скотоводство. С этой хозяйственной отраслью были связаны те многочисленные бронзовые фигуры животных и привески в виде изображения бараньих и бычьих рогов, которые были обнаружены в таких памятниках, как Тли, Кобан, Геби, Каменномостский могильник и др. Помимо скотоводства, у племен Центрального Кавказа в интересующую нас эпоху были развиты земледелие и высокопродуктивная металлургия. Общественный строй был патриархально-родовым, вступившим уже на стадию разложения. Создателями этой замечательной культуры были местные кавказские племена, входящие в кавказскую этно-языковую группу.

---

[31] Е. Г. Пчелина, А. П. Смирнов. Дневник археологических раскопок с. Нули Авневского сельсовета. Изв. ЮОНИИ, I, 1933, стр. 295—296.

[32] Г. Ф. Гобеджишвили. Холм Нацаргора. Мимонхилвели, II, Тбилиси, 1951, табл. IX, *4*.

[33] С. И. Макалатия. Археологические раскопки Тквиавских курганных погребений. Тбилиси, 1943, стр. 30, рис. 28.

[34] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 45.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

КРЕПОСТЬ НА ГОРОДИЩЕ У ХУТОРА БАТАРЕЙКА I

На Фанталовском полуострове производилось много разведок, но мало раскопок [1]. До сих пор еще неясно, к какому времени относится большинство расположенных там курганов, нам неизвестны типы поселений в этом районе и их хронология.

Один из интереснейших памятников представляет собой городище у селения Батарейка, находящегося немного западнее станицы Запорожской, которое с 1957 г. взято под наблюдение Таманским отрядом Института археологии АН СССР, а в 1960 г. было подвергнуто раскопкам.

Городище расположено на северном берегу Денского залива, в 2,1 *км* от юго-западного края селения Батарейка [2]. По береговому обрыву культурный слой мощностью до 2, 5 *м* прослеживается на расстоянии 220 *м* с запада на восток. Находки фрагментов керамики на пахотном поле прослеживаются более чем на 150 *м* к северу от берегового обрыва. Здесь выделяются небольшие возвышения, насыщенные обломками сосудов, известковой крошкой и даже осколками камней, по-видимому, они указывают на расположение жилищ. На западе городище ограничено небольшой балочкой, спускающейся к морю, на севере и востоке — небольшими понижениями почвы. Это равнинная часть городища, поверхность которой лежит в среднем на 2,5—3 *м* над уровнем воды в заливе.

В обрезе культурного слоя по обрыву были видны многочисленные фрагменты керамики, отдельные камни, зольные прослойки, развал печи, куски вымосток и даже небольшая часть площадки винодельни с девятью слоями светло-розовой цемянки. Винодельня была разрушена обвалами земли. В юго-восточной части городища, непосредственно у залива, находится курганообразный холм, который, собственно, и называется местными жителями «батарейка» (рис. 1).

---

[1] М. М. Кубланов. К истории Азиатского Боспора. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 203.

[2] Это название произошло от двух холмов, расположенных посреди современного селения и являющихся древними, по-видимому, античными памятниками. Такие холмы издавна местные жители называли «батарейками» или «батареями» (Я. М. Лазаревский. Курганы Таманского полуострова. Изв. АО II, вып. 1, СПб., 1861, стр. 29). Из хут. Батарейка происходит значительное количество случайных находок, которые, однако, никем еще должным образом не зарегистрированы. В Темрюкском краеведческом музее имеются пифос, надгробия, монеты и другие предметы из хут. Батарейка. Среди надгробий есть одно с надписью первой половины II в. н. э. (А. И. Болтунова. Надписи Боспора. ВДИ, 1959, 4, стр. 99—101). Жители селения часто находят монеты. Однако, связаны ли эти предметы с «батарейками», расположенными на территории селения, или с исследуемым нами городищем, находящимся в 2 *км* к западу от селения,— неизвестно.

В 1794 г. это место посетил Паллас, отметивший, что возвышенное укрепление за развалинами дер. Бушукай «имеет форму длинного четырехугольного редута, на углах с банкетами, в длину 65, а в ширину 50 шагов, въезд в него находится со стороны моря. Вокруг батареи шел ров, весьма неглубокий и поросший травою» [3].

Я. М. Лазаревский по поводу батарейки на берегу Денского залива замечает, что половина ее уже обвалилась в лиман. К. К. Герц, поль-

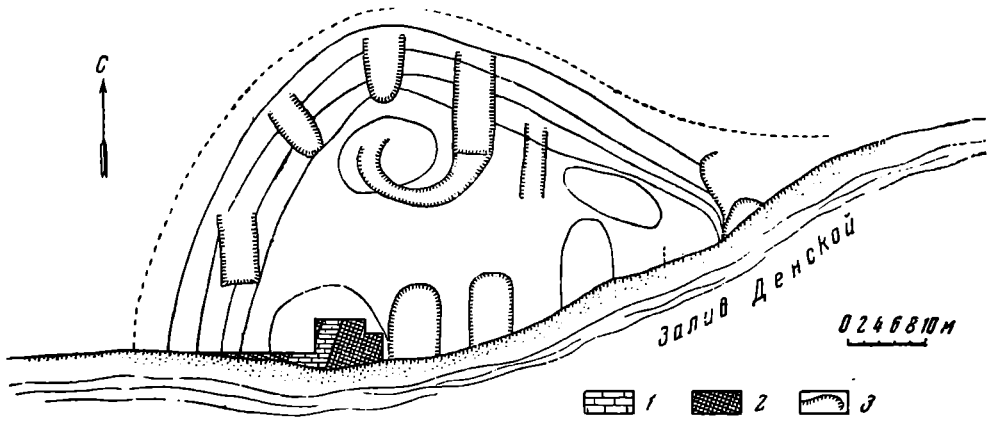


Рис. 1. План сохранившейся части крепости

1 — оборонительная стена; *2* — площадь раскопа; *3* — ямы

зуясь сведениями В. Г. Тизенгаузена, дополняет сведения Я. М. Лазаревского, приводя более точные размеры этой «батарейки»: «длина ее восточной стороны 20 саж., западной — до 27 саж., северной — 19, южной — 5 саж., высота до 5 сажен» [4]. Об этом городище упоминает и С. Ф. Войцеховский, который обратил внимание не только на «батарейку», но и на обширное городище, по его мнению представляющее остатки страбоновского Киммерика [5]. Однако эти упоминания не отвечают на вопрос о времени и характере городища, не дают объяснения происхождения «батарейки».

В настоящее время холмообразная часть городища представляет собой скругленный в результате оползания грунта треугольник, прямым углом обращенный на север; длинной стороной его является береговой обрыв. По этой линии длина между нижними краями осыпи «батарейки» — около 70 *м*, а наибольшая ширина с юга на север — около 40 *м*; высота холма над уровнем воды в заливе — до 8,5 *м*. Сравнение с описанием Я. М. Лазаревского и К. Герца, а особенно П. Палласа указывает на то, что за истекшее время разрушение городища, особенно восточного края «батарейки», усилилось.

В южной части почти отвесного обрыва культурный слой достигал толщины 5 *м*, а в разрезанных обрывом ямах спускался почти до уровня воды в заливе. На различных глубинах видны скопления керамики, золы, печины, обожженная земля, камни, горизонтальные ряды плит от вымосток, торец фундамента и сырцовые кирпичи. На западном краю профиля «батарейки» видны два мощных горелых слоя, лежащих на

---

[3] P. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793—1794. II, Leipzig, 1803, стр. 337 (см. русск. пер.— ЗООИД, XIII, Одесса, 1883, стр. 88).

[4] К. К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, стр. 111.

[5] С. Ф. Войцеховский. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени. Зап. Сев.-Кавказск. ОАИЭ. Ростов-на-Дону, 1929—1930, кн. 1 (т. III), вып. 5—6, стр. 9.

разных уровнях один над другим. В связи с продолжающимся разрушением «батарейки», в наиболее угрожаемом месте, у западного края ее, мы произвели зачистку берегового обрыва и заложили раскоп площадью 60 $м^2$. На исследованном участке зафиксировано шесть напластований, охватывающих период от I до VIII—X вв.: 1) вал и сырцовая оборонительная стена, 2) слой I в., 3) слой II—III вв., 4) позднеантичный слой IV в., 4) позднейший античный слой, 6) средневековый слой.

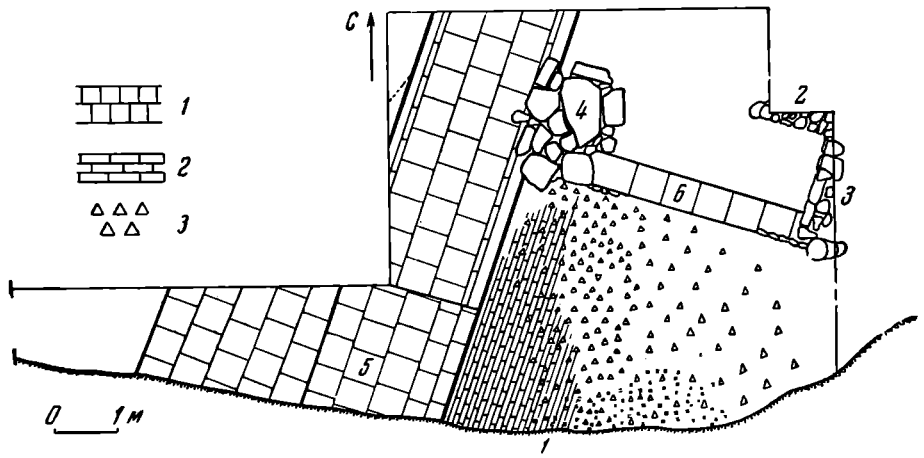


Рис. 2. План раскопа на подошве нижнего пожарища

1 — оборонительная стена; *2* — завал сырцов; *3* — завал керамики

Сырцовая кладка, обнаруженная в обрыве при зачистке, оказалась выходом оборонительной стены (№ 5,— рис. 2). Дальнейшая зачистка обрыва дала поперечный разрез стены и позволила определить основные элементы ее конструкции (рис. 3). Длина открытой части стены —7 *м*. Сырцовая кладка сохранилась на высоту 3,7 *м*. Стена на открытом участке тянется с юга на север, с отклонением на 20° к востоку. С внеш-

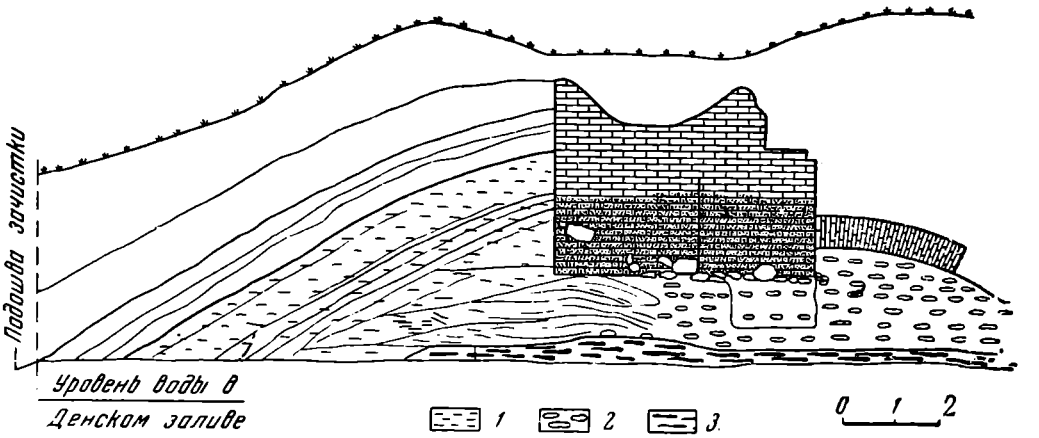


Рис. 3. Разрез оборонительной стены и вала

1 — глина желто-коричневых тонов; *2* — темная глина; *3* — материк

ней стороны основного массива стены шириною 2,16—2,2 *м* примыкает другой массив сырцовой кладки шириною 2,7 *м*, который под углом сходит на нет к основной линии стены. Общая ширина стены в южном конце достигает 4,9 *м*. Несомненно, что здесь находится поворот стены, возможно, оформленный башней.

Верхняя часть сырцовой кладки стены разрушена, сырец оплыл и смешался с грунтом, сохранившиеся части сырцовой кладки лежат на глубине 0,5—0,6 *м* от современной поверхности холма.

Стена сложена из квадратных желтоглиняных сырцовых кирпичей размером 0,52×0,52 *м*, толщиной 0,07 *м*. Иногда встречаются кирпичи толщиной 0,06 и 0,08 *м*, т. е. размеры кирпичей близки кирпичам, применявшимся в Греции. Широко применены и половинки таких кирпичей. Сырец положен на глиняном растворе, швы между кирпичами узкие, не превышающие 5—7 *мм*. Нижний ярус стены высотой примерно 1,5 *м* от подошвы сложен из темно-коричневых сырцовых кирпичей.

Укладка кирпичей в стене такова, что вертикальные швы в каждом горизонтальном ряду не совпадают, кирпичи лежали «вперевязь». Например, один хорошо прослеженный нами горизонтальный ряд был уложен по такой системе: посреди стены были положены три полных кирпича, по бокам их — поставленные на ребро сырцы (проходившие через несколько горизонтальных рядов) и по краям стены — сырцы половинного размера.

Подошва сырцовой кладки стены совершенно горизонтальна и лежит на 2,45 *м* выше уровня воды в заливе. В основании сырцовой кладки имеется фундамент из необработанных обломков известняка различного размера, лежащих горизонтальным настилом, нерегулярно и с пропусками. Строители учитывали, что большой каменный фундамент в данном случае не требовался, ибо основанием стены являлась мощная (до 1,3 *м* толщины) подушка из плотной глины. Эта подушка одновременно представляет собой основу вала, в который впущена сырцовая стена. Ниже залегает черная материковая глина.

Вал с внешней и внутренней сторон устроен неодинаково (рис. 3). С внешней стороны его высота у стены равна 3,7 *м*, ширина от сырцовой стены к западу превышает 8 *м*. Насыпь вала состоит из пластов глины неравной толщины, различных цветовых оттенков, равномерно спускающихся от стены к западу, причем верхние пласты опускаются ниже подошвы центральной части вала, что дает возможность предположить существование рва вокруг крепости. В центральной части вала под стеной глиняные прослойки горизонтальны. Поверх насыпи вала наклонно-изогнутыми линиями лежат пласты культурного слоя.

С восточной стороны стены равномерно изогнутым склоном спускается сплошной массив темной плотной глины, сливающейся с подушкой под стеною. Наибольшая толщина этого массива (у стены) — 2 *м*, стена входит в него на глубину 0,7 *м*. Поверх этого массива, непосредственно от внутрикрепостной стороны оборонительной стены идет сплошной завал сырцовых кирпичей шириной до 2,8 *м* и толщиной 0,6—0,7 *м*. Этот завал был покрыт слоем I в. Если завал сырцов представлял собою результат падения верхней части стены, то можно заключить, что он произошел вскоре после возведения самой стены, поскольку в этом месте между валообразным массивом и сырцовым завалом не накопилось культурного слоя. Такое разрушение стены могло быть следствием или землетрясения или вражеской осады. Например, у края обрыва обнаружен массив сырцов протяжением 2,8 *м*, лежащих на ребре плотно друг к другу. Если прибавить к сохранившейся высоте стены высоту упавшего массива, то высота кладки будет около 6,5 *м*.

Некоторые данные указывают на единство и близость по времени постройки вала и стены. Во-первых, помимо фанагорийской монеты II в. до н. э., найденной в позднеантичном слое, на городище пока не обнаружено материалов эллинистического времени. Отдельные черепки, найденные в массиве сырцовой кладки, у ее подошвы и в засыпи вала (фрагменты пифосов, ангобированных амфор, кувшинов, фрагменты терракоты), однотипны и могут быть датированы временем I в. до н. э.— I в. н. э. Во-вторых, во внешнем откосе вала, близко к подошве его,

в желтоглиняной прослойке прослежены обломки сырцовых кирпичей, подобных примененным к кладке стены. В-третьих, если бы вал существовал до постройки сырцовой стены, мы должны были бы ожидать более или менее одинакового устройства скатов вала (между тем они совершенно различны), а также зазоров между стеной и валом при устойстве котлована.

После открытия оборонительной стены на западном участке нетрудно оказалось определить ее направление по краю холма. Выход сырцовой кладки стены был обнаружен и на восточном краю обрыва. Расстояние между западным и восточным обрывами оборонительной стены, т. е. длина внутрикрепостной территории в сохранившейся части равна 42 *м*. О величине всей крепости судить трудно, но вероятно бо́льшая ее часть разрушена волнами Денского залива, который образовался в историческое время за счет постепенного разрушения берега[6].

Нужно полагать, что крепость была построена около начала нашего летоисчисления, во всяком случае ранее середины I в. н. э., поскольку нижний слой, зафиксированный на исследованном участке, относится к этому времени. Этот слой представляет собою сплошной пласт пожарища толщиною в среднем 0,3—0,58 *м*. Он лежит по всей площади раскопа, разделенный сырцовой кладкой (№ 6, рис. 2). Слой состоит из земли, смешанной с золой, сажей, угольками, обоженной глиной, кусками печины, обломками посуды; к югу от стены № 6 залегал сплошной завал печины и битой керамики. Ближе к стене этот слой лежит непосредственно на завале сырцов. Сырцовая стена (№ 6) помещения отходит под прямым углом от оборонительной стены к востоку, она пристроена к последней впритык и прослежена на длину 5 *м*; наибольшая высота ее 0,9 *м*, ширина 0,51—0,52 *м*, т. е. равна ширине квадратных сырцовых кирпичей, из которых она сложена. Сырцовые кирпичи желто-сероватого цвета толщиной 0,07 *м* были уложены на глиняном растворе в один ряд по ширине. Размеры кирпичей и техника кладки чрезвычайно близки примененным в оборонительной стене. Под южным краем кладки имеется фундамент в виде одного ряда мелких необработанных обломков известняка, служивший для выравнивания небольшого наклона в основании стены. Строение, которому принадлежит стена № 6, погибло в большом пожаре. В южной части раскопа, в углу, образуемом оборонительной стеной (№ 5) и стеною дома (№ 6), сырцы обеих стен сплошь покрыты сажей и прокалились докрасна.

Находки этого слоя в основном состоят из обломков посуды. От толстостенных сосудов здесь имеются фрагменты плоскодонных пифосов с ребром по плечам и лутериев светлой (синопской) глины, обычно относимых к периоду I в. до н. э.— I в. н. э. Обломков амфор сравнительно с общей массой находок немного, среди них больше всего фрагментов светлоглиняных узкогорлых амфор хорошего качества, подобных амфорам, обнаруженным в засыпи колодца I в. н. э. в Пантикапее[7]. Есть фрагменты красноглиняных амфор с массивными круглыми ручками, часть которых покрыта светлой обмазкой. Количественно преобладают сосуды типа больших красноглиняных кувшинов и корчажек, изготовленных на гончарном круге. Ручки их в большинстве плоские, но есть и витые; донья как плоские, так и на кольцевом поддоне. Часть этих сосудов ангобирована. Единичны обломки чашек и мисок. Значительную группу составляет сероглиняная лепная плоскодонная посуда (чашки, кувшины, миски, глубокие блюда или сковородки).

Из краснолаковой посуды больше всего найдено обломков от блюдец (рис. 4, *1*); кроме того, есть обломки высоких чашек с круто стоящим

---

[6] Д. Я. Беренбейм. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря. СА. 1959, 4, стр. 48.

[7] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг. СА, 1960, 2, стр. 176.

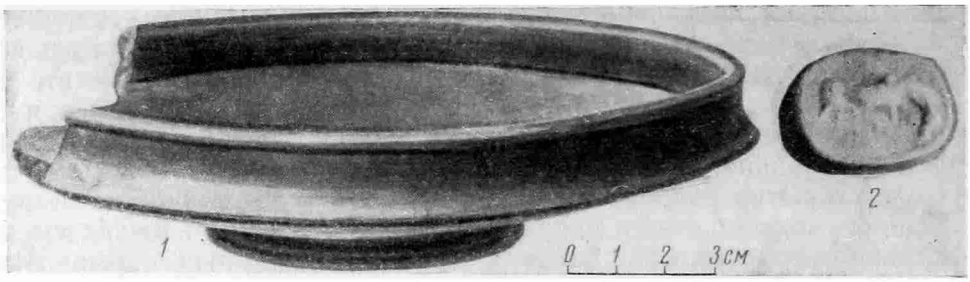


Рис. 4.

1 — краснолаковое блюдце I в. н. э; *2* — гемма

бортиком, флаконов и небольших кувшинов, некоторые из них были изготовлены из светлой глины. Ряд сосудов (чашечек и блюдец) имеет на дне клеймо в виде ступни в сандалии. Эта группа клейм хорошо известна и относится к I в. н. э.[8]. На дне краснолакового блюдца светлой глины было клеймо в виде колесика.

Небольшую группу составляют фрагменты тонкостенных небольших сосудов хорошей выделки — маленьких кувшинчиков, чашечек с ручкой, блюдечек, горшочка, флакона. Часть подобных сосудов имела светлую обмазку. Из прочих находок отметим фрагменты раскрашенного кувшина, фрагменты железных предметов, осколки стеклянных сосудов I в. н. э., среди последних есть расплавившиеся в бесформенную массу; здесь же найдена медная монета Котия I (45—62 гг.). К северу от стены № 6, в подошве горелого слоя найдено небольшое количество обуглившихся зерен. Весь комплекс находок характерен для I в. н. э.; судя по краснолаковой керамике и монете, пожар произошел приблизительно в середине столетия.

Слой, прикрывший нижнее пожарище, представляет собою мощный (1—1,4 *м*) пласт коричнево-желтого суглинка с включением зольносажистых прослоек, отдельных небольших камней (булыжников), перегнившей камки, осколков раковин-мидий, угольков и желтых сырцовых кирпичей. В профиле северного борта раскопа были отчетливо видны упавшие не только отдельные сырцы, но даже отдельные массивы сырцовой кладки стены. Слой относится к периоду II—III вв. Строительных остатков в нем на исследованном участке не обнаружено, прочими находками этот слой также не богат; отметим гемму от перстня с врезным изображением пасущейся лошади (рис. 4, *2*), чрезвычайно близкой изображенной на пантикапейской монете конца III в. до н. э.[9]. По-видимому жизнь поселения в этот период сопровождалась перестройками внутри крепости.

Следующий слой представляет собой сплошное пожарище (угли, зола, сажа, пережженная земля), мощность его неравномерна, но достигает в отдельных местах 0,7 *м*. К этому же слою относится неровно лежащий желтоглиняный массив (толщина до 0,8 *м*) упавших сырцовых стен дома. Общая толщина слоя доходит до 1,4 *м*.

Раскопки открыли часть дома, погибшего в сильнейшем пожаре (рис. 5). Здесь обнаружены остатки печи (1), фундаменты (2 и 3), вымощенная камнем часть пола (4) и многочисленные отдельные предметы. Остатки печи были обнаружены в профиле обрыва при его зачистке в виде дугообразного пятна, внутри которого находилась зола, сажа,

[8] Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 298—299, рис. 2; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, 25, стр. 156, рис. 36; Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. М., 1957, стр. 41, рис. 21.

[9] Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, табл. VII, *85*.

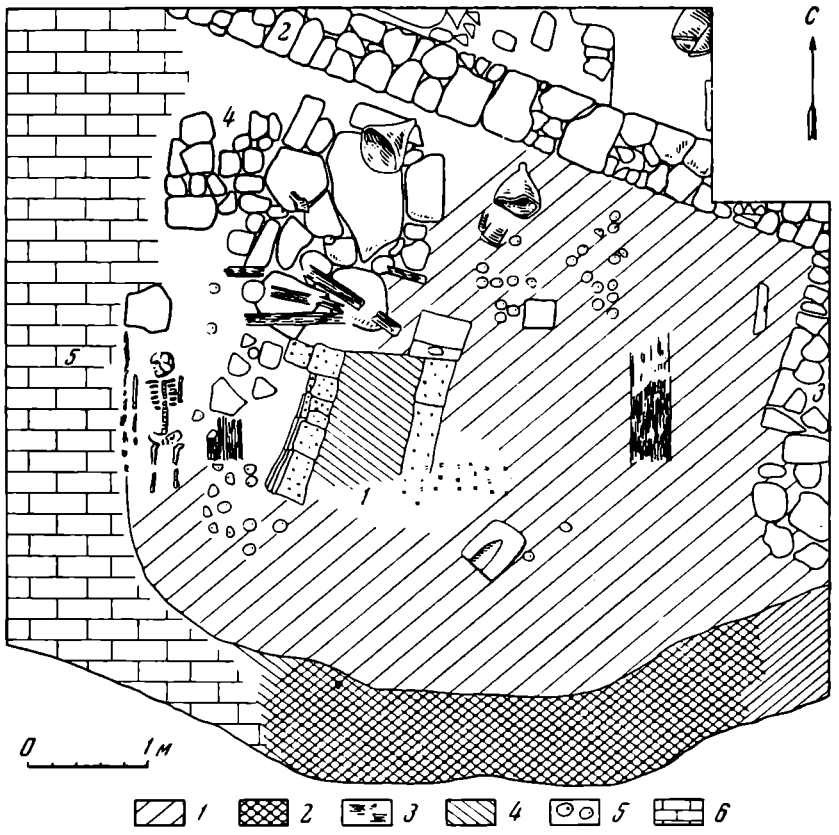


Рис. 5. План части помещения, погибшего в пожаре в IV в. (верхнее пожарище)

1 — верхний горелый слой (IVв.); *2* — нижний горелый слой (Iв.); *3* — уголь, части сгоревших балок; *4* — под печи; *5* — грузила; *6* — сырцовые кирпичи оборонительной стены

уголь и черепки. Южная часть печи обрушилась. О форме и размерах всей печи судить трудно. Под топочного отверстия составлял утрамбованный и обожженный грунт; западная стенка указывает, что печь была сложена из кирпичей, а по внешней стороне обложена глиной. Эта стенка сохранилась на длину 1,3 *м*, ее высота 0,5 *м*, что составляет шесть рядов прямоугольных кирпичей толщиной 8—8,5 *см*; ширина их от 0,17 до 0,2 *м*, длина до 0,35 *м*. Кирпичи положены небольшими уступами внутрь. Восточная стенка, находившаяся на расстоянии 0,85 *м* от западной, разрушена. По-видимому, это была большая домашняя печь, но использовавшаяся для обжига мелкой посуды и грузил. Вокруг печи и перед нею было найдено около 100 грузил и их обломков (рис. 6, *1*—*4*). Грузила в большинстве имеют форму толстой дисковидной вогнутой лепешки, диаметр их 0,1 *м*. Часть этих грузил не обожжена, есть полуобожженные и перекаленные. Дырочки некоторых грузил не обтерты, имеют заусеницы, это показывает, что грузила не были в употреблении. На некоторых грузилах прочерчен орнамент в виде креста, елочки.

Лепешкообразные грузила чрезвычайно характерны для боспорских городов III и IV вв. (Пантикапей, Фанагория, Кепы, Тиритака и др.) [10]. На многих из них встречаются различного рода знаки и изображения,

[10] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, стр. 32, рис. 25, *2* (грузило также со знаком креста); Н. А. Онайко. О фанагорийских грузилах. МИА, 57, 1956, стр. 158—159, рис. 2, *1*; 3, *3*; В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, 37, 1951, стр. 214, рис. 71, *2*.

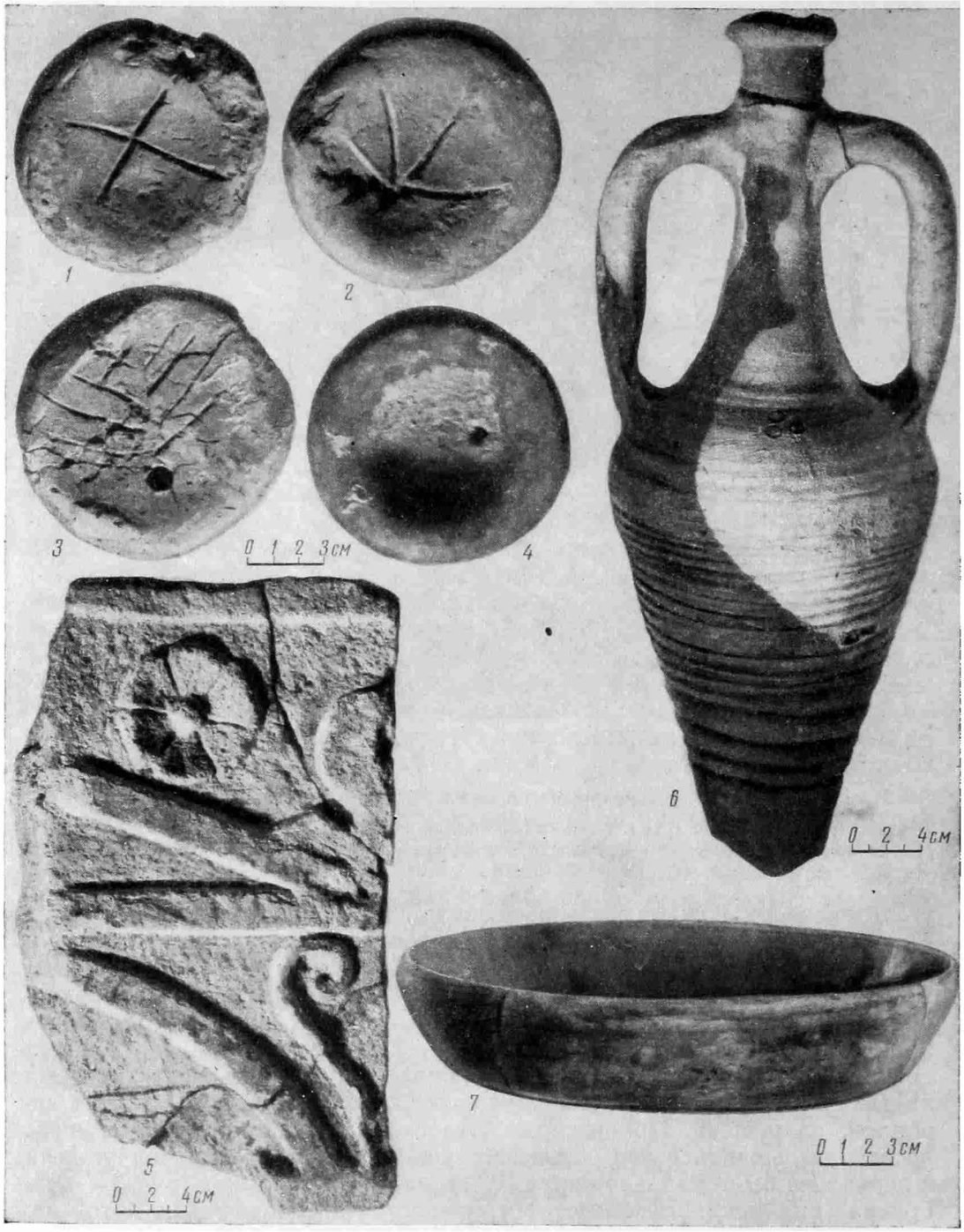


Рис. 6. Находки в доме IV в.

1—4 — грузила; *5* — часть надгробия из фундамента № 2; *6* — светлоглиняная амфора; *7* — краснолаковое блюдо

иногда довольно сложные [11]. Подобные грузила, как правило, вырабатывались тщательнее в III в., чем в IV, и в городах, а не на сельских поселениях. Грузила с городища у хут. Батарейка являют пример наиболее грубой ремесленной работы обитателей сельского поселения.

[11] И. Д. Марченко. К вопросу о боспорских торговых судах. СА, 1957, 1, стр. 232—233, рис. 1—2; М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, 57, стр. 93, рис. 25, *3*.

С севера вскрытое нами помещение было ограничено стеною, от которой сохранился фундамент № 2. Западный конец его скрыт в нераскопанной площади и лежит на сырцах оборонительной стены; восточный — примыкает к отходящему от него фундаменту № 3. Длина открытой части фундамента № 2—6,1 *м*, ширина 0,6 *м*, высота 0,3—0,48 *м*. Фундамент сложен из необработанных обломков известняка, плитняка и прочих камней разного размера, в том числе и из значительных каменных плит (0,6 × 0,4 × 0,1; 0,53 × 0,5 × 0,1 *м*), равных ширине стены. Кладка прочная, но нерегулярная. Связующий материал — глиняный раствор. В кладке имеется ряд камней, вторично использованных: обломки отесанных плит, часть камня с дыркой для штыря, фрагмент надгробия I в. (рис. 6, *5*), часть известнякового желоба. На фундаменте покоились сырцово-кирпичные стены, сохранившиеся до высоты 0,4—0,5 *м*. Сырцовые кирпичи желто-коричневого цвета, толщиной 0,07—0,08 *м*; стены, сложенные из этих кирпичей, упали и прикрыли слой пожарища.

Фундамент № 3 сохранился на длину 2 *м*. Оба фундамента составляли угол помещения. Пол помещения был в восточной части земляной, но в западной части, перед печью, сохранилась вымостка (№ 4), размером 2,15 × 2,37 *м*, плотно сложенная из уплощенных необработанных и из подтесанных, вторично использованных обломков известняка разных размеров, здесь же лежала и плита размером 1,12 × 0,64 × 0,12 *м*. Вымостка, как и фундамент № 2, лежит на сырцовых кирпичах оборонительной стены. Вымостка № 4 и пространство перед печью были покрыты толстым слоем сажи и угля. Непосредственно на площадке в беспорядке лежало значительное количество обломков известняка, железные лемех плуга и обломки ножа и известняковый столбик диаметром 0,17 *м*, высотою 0,11 *м*. Здесь же обнаружены большие куски сгоревших круглых балок размером от 0,05 до 0,1 *м* от обрешетки кровли и конец балки со стесанным углом (вероятно, стропила). У восточного и западного краев раскопа на полу обнаружены части сгоревших матиц (в сечении 0,34 × 0,08 *м*, западная — 0,3 × 0,08 *м*). От кровли были найдены железные гвозди четырехгранного сечения, лежавшие на полу. Отсутствие черепицы среди находок указывает на то, что крыша здания была соломенной или камышевой.

Бросается в глаза сходство открытого помещения с помещениями III в. в поселении у дер. Семеновка [12] на Керченском полуострове (печь с южной стороны, земляные полы с каменной вымосткой в северной части). Примечательно и сходство основных бытовых предметов, обнаруженных в помещениях обоих городищ; они подчеркивают прежде всего теснейшую связь жителей с сельским хозяйством. Открытый в помещении у хут. Батарейка железный сошник (рис. 7, *1*) подобен сошнику из Семеновки [13]. Здесь же найдены: часть железного сельскохозяйственного орудия (рис. 7, *2*), два гранитных четырехугольных жернова [14], каменная ступа, значительное количество зерен ячменя, пшеницы и ржи как рассыпанных по полу, так и лежавших на дне двух широкогорлых амфор; на каменной площадке обнаружены сгоревшая солома и стебли виноградной лозы. Здесь же найдены кости молодых особей мелкого рогатого скота, свиньи и лисицы [15].

---

[12] И. Т. Кругликова. Поселение у деревни Семеновки. КСИА АН СССР, 83, 1961.

[13] И. Т. Кругликова. Железные сельскохозяйственные орудия Боспора III в. н. э. СА, 1959, 3, стр. 137—138, рис. 1.

[14] Подобные жернова найдены в Илурате (В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, 85, 1958, стр. 124, рис. 132), в Киммерике и других боспорских поселениях (В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 136—141; рис. 61, 62).

[15] Определены В. И. Цалкиным.

В пожарище на полу найдено около 5000 фрагментов керамики, подавляющую массу которой составляют осколки широкогорлых красноглиняных амфор, характерных для III—IV вв. На плечах таких амфор нередко встречаются четко процарапанные знаки-граффито. Менее многочисленны обломки небольших светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками. На горлах таких амфор имеются надписи и знаки, нанесенные красной краской. Одна такая амфора, помимо знаков на одной стороне, имеет клеймо в виде трех вдавленных кружочков на другой стороне (рис. 6, *6*). Следующую по количеству группу представляют обломки лепных горшков различных размеров, применявшихся для хранения и приготовления пищи (рис. 8, *1—3*). В одном из горшков (рис. 8, *2*) обнаружены зерна ячменя, видимо, подготовленные для варки.

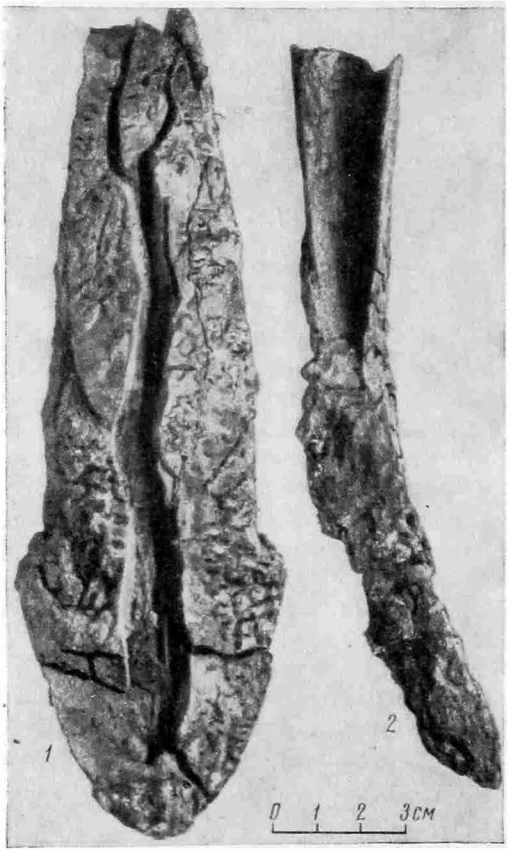


Рис. 7. Сельскохозяйственные орудия IV в.
1 — лемех плуга; *2* — сельскохозяйственное орудие

Краснолаковой посуды немного, всего несколько фрагментов чашек и блюдо с высокими краями, характерное для IV в. (рис. 6, *7*). Найдены фрагменты сероглиняных чернолощеных сосудов. Из прочих находок отметим глиняную пробку-затычку большой амфоры, плоскопирамидальное грузило с кружочком-клеймом посреди широкой грани, часть дисковидных известняковых крышек пифосов. В западной части раскопа найдены плоское (толщиной 0,09 *м*) обтесанное известняковое грузило (0,27 × × 0,2 *м*) с перехватом для веревки [16] и костяной черешковый трехгранный наконечник стрелы.

Анализ материалов из раскопок приводит нас к выводу о том, что пожар в поселении не был случайным, а произошел в результате вражеского нападения. В связи с этим представляет большой интерес скелет мужчины, обнаруженный на полу к западу от остатков печи № 1. Покойник лежал на спине, головою на север, в вытянутом, но несколько искривленном положении, руки были протянуты вдоль тела, голова повернута к западу. При зачистке обрыва четкий во всех отношениях профиль не показал могильной ямы. Костяк лежал на краю пожарища, рядом с грузилами, сажей и упавшей балкой. В черепе погребенного была пробоина диаметром в 2 *см*. При покойном обнаружены бронзовая поясная пряжка, бронзовый наконечник ремня и фрагмент ножа с деревянной рукояткой, лежавшие у пояса с левой стороны, и остатки бронзовой застежки на груди. Возможно, здесь погиб хозяин этого дома.

Поселение, как указывает датирующий материал (амфоры, краснолаковые блюда и др.), подверглось разрушению в IV в., после 324 г., по-

[16] Подобные грузила встречались в боспорских городах и поселениях. См. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки..., стр. 115, рис. 141.

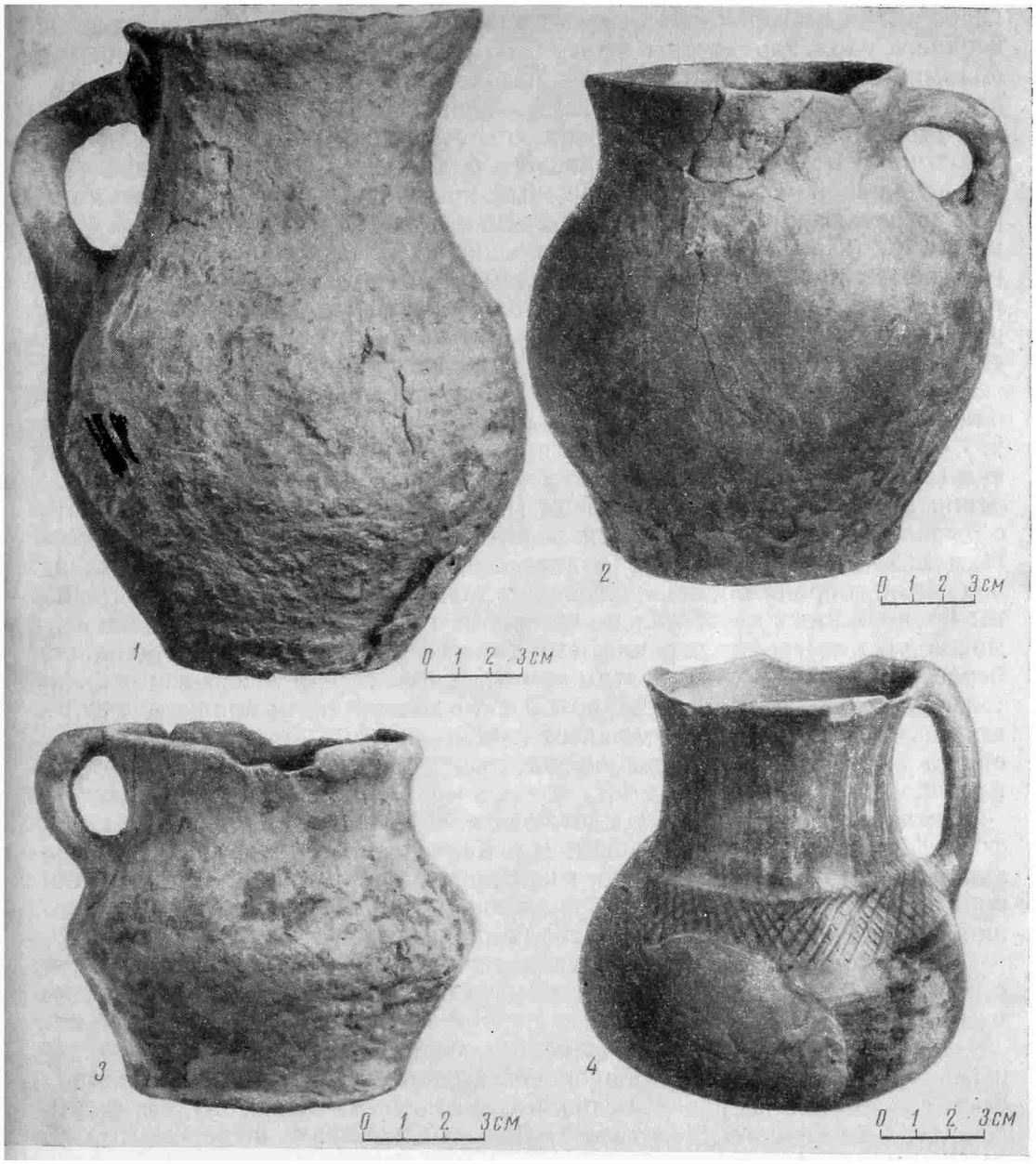


Рис. 8. Глиняная посуда

1—3 — лепные сосуды, найденные на полу сгоревшего помещения IV в.; *4* — средневековый лощеный кувшинчик

скольку на полу, под золою и сажей найдена медная монета Рискупорида VI 324 г. Наиболее вероятно, что хозяин и его дом погибли в результате гуннского нашествия.

Оборонительная стена к этому времени не играла своей первоначальной роли. Около нее внутри крепости отложился мощный культурный слой, и дом, разрушенный в IV в., своим западным краем лежал на сырцах стены, т. е. часть оборонительной стены была подрезана, а ее возвышенный западный край был использован в качестве стены позднеантичного дома.

Слой (5-й), перекрывавший пожарище IV в., как позволяют судить немногочисленные находки, относится к концу античной эпохи. Он не содержал строительных остатков на исследованном участке. В средневе-

ковое время на городище вновь возрождается поселение. Среди находок верхнего слоя характерны фрагменты сосудов с рифлеными стенками, обломки оранжевой пористой средневековой черепицы, фрагменты плоскодонных одноручных кувшинов IX—XI вв. [17], с внутренней стороны покрытых черной обмазкой, амфор этого времени с венцом в виде раструба. Здесь найден обломок средневекового браслета из синего стекла, а также небольшой приземистый лощеный кувшинчик, подобный тем, которые встречаются в кругу салтово-маяцкой культуры и на Северном Кавказе в IX—X вв. (рис. 8, *4*) [18]. Небольшие по размеру раскопки 1960 г. на городище у хут. Батарейка позволили наметить основные вехи в истории городища и принесли значительный материал по истории Боспора, исторической топографии Фанталовского полуострова, фортификации и сельскохозяйственному производству в этом районе в период I—IV вв.

Большой интерес представляет возникновение крепости или укрепленного поселения около начала нашей эры в этом районе. Известно, что боспорские правители проявляли заботу об обороне западных границ государства. Примерно в это же время возникают укрепленные поселения на Керченском полуострове (Илурат, Тасуново, Семеновка), что объясняется напором скифов и особенно сарматов со стороны Крыма. Нам пока было неизвестно о возведении такого рода укреплений на азиатской стороне Боспора. Особенно примечателен тот факт, что границы Боспора находились далеко на восток от хут. Батарейка. Вполне возможно, что постройка укрепления в этом месте была связана с обороной берегов пролива. В связи с этим заметим, что оборонительные стены Китея, расположенного на западном берегу южной части пролива, были в эту эпоху усилены новым мощным панцирем, что было связано также с общей тенденцией создания укрепленных поселений в первые столетия нашей эры на Боспоре.

Исследуемая крепость представляет собою оригинальный образец фортификационного сооружения. На Керченском полуострове в ту же эпоху известны такие крепости, как Илурат, Семеновка, с мощными оборонительными стенами, при сооружении которых хорошо использовались природные условия (скалы, балки, обрывы).

Крепость у хут. Батарейка расположена на равнине, на берегу моря, с использованием лишь незначительного повышения рельефа и построена из сырцового кирпича.

Вызывает большой интерес принцип соединения вала и сырцовой стены. Устройство городских оборонительных стен из сырцового кирпича было обычным для Греции, начиная с архаической эпохи. Афины, Фивы, Спарта, Самофракия, Мантинея [19], Гела в Сицилии [20] и другие города имели сырцовые стены.

Применение сырца для строительных целей в Северном Причерноморье во второй половине VI — начале V вв. до н. э. нам достаточно известно по сырцовым стенам архаических домов в Пантикапее и Тиритаке. Ранняя (конец VI — начало V вв. до н. э.) оборонительная стена Тиритаки была построена в виде сырцовой ограды на каменном цоколе между домами [21]. Позднее сырцовый кирпич на Керченском полуострове для строительства жилищ почти не применялся, однако при сооружении

---

[17] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 51, рис. 57. Такие кувшины известны из Тиритаки, Пантикапея, Кеп, Херсонеса. Много их найдено было на Таманском городище, в Саркеле-Белой Веже (см. С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 249, рис. 33—34).

[18] С. А. Плетнева. Ук. соч., стр. 214—216.

[19] Xenoph. Hellen, V, 2, 5; Pausan, VIII, 8, 5 сл.

[20] Dinu Adamesteanu. Nouvelles fouilles à Gela. RA, XL. IX, Janvier — Mars, 1957, стр. 36 сл., рис. 12—15, AA, 1950—51, стр. 263, рис. 56.

[21] А. А. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии. КСИИМК, 22, 1948, стр. 29, рис. 3.

могил его иногда продолжали применять в пантикапейском [22] и нимфейском [23] некрополях.

Стены архаических домов на о. Березани и в Ольвии, так же как в Пантикапее и Тиритаке, были сложены из сырцовых кирпичей на каменном цоколе [24]. В Ольвии сырец продолжал применяться и в эллинистическое время, что было связано с недостатком поблизости строительного камня.

На Таманском полуострове сырцовый кирпич применялся очень широко на протяжении всей античной эпохи, как об этом свидетельствует устройство сырцовых могил, начиная с VI в. до н. э. [25]. Раскопки в Кепах [26] показали, что стены жилых домов в этом городе строились из сырца не только в римскую, но и в эллинистическую эпоху.

Само применение сырца для строительства и особенно для сооружения оборонительных стен является характерным компонентом греко-античной культуры. Валы усиленно возводились с VI в. до н. э. для укрепления городищ Скифии лесостепной полосы [27].

Еще важнее указать на возникавшие с IV в. до н. э. в Прикубанье меотские и сарматские поселения, укрепленные земляными валами [28]. Любопытно отметить, что акрополи прикубанских городищ были обнесены более мощными оборонительными сооружениями, чем те, которые окружали все поселение. Крепость у хут. Батарейка точно так же являлась цитаделью окружающего ее городища. Поэтому можно видеть в конструкции укрепления у хут. Батарейка объединение греческой и местной фортификационных традиций. Близкой конструкции была сырцовая оборонительная стена укрепления городища у хут. Петуховки на берегу Днепровско-Бугского лимана, сооруженная в конце II или начале I в. до н. э. [29]. Она также имела глиняную подушку (фундамент), положенную на материк; между рвом и стеною имелась возвышающаяся площадка, подобная валу на хут. Батарейка. Наклонная плоскость перед стеной затрудняла подход противника и облегчала оборону.

На основании все более выявляющегося факта широкого применения сырцового кирпича на Таманском полуострове и открытия сырцовой оборонительной стены у хут. Батарейка возникает вопрос о характере оборонительных стен вокруг основных античных городов на Таманском полуострове (Фанагория, Гермонасса, Кепы и др.). Стены этих городов еще не прослежены или недостаточно изучены, несмотря на значительные раскопочные и разведывательные работы. В Фанагории, правда, открыта каменная кладка восточной стены, уходящая в залив, а также остатки камней стены в юго-восточном участке [30], однако эти части являются только фундаментами или цоколями. Можно предполагать, что основной массив был сырцовым.

Строительство сырцовых оборонительных стен в этом районе сохранилось в средневековую эпоху. В 1952—1955 гг. экспедицией Б. А. Рыбакова исследованы сырцовые стены на Тмутараканском городище.

---

[22] Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь..., стр. 14.

[23] Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, 69, 1959, стр. 13.

[24] Е. И. Леви, А. Н. Карасев. Дома античных городов Северного Причерноморья. АГСП, стр. 215, 217.

[25] Н. П. Сорокина. Ук. соч., стр. 13—14.

[26] Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепах в 1957 году. КСИИМК, 78, 1960, стр. 56. Работы последующих годов подтвердили тот факт, что толща культурного слоя эллинистического времени в значительной части создавалась за счет разрушения сырцовых стен.

[27] В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 27.

[28] Н. В. Анфимов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, стр. 21 сл.; В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 37.

[29] М. С. Синицын. Городище у хутора Петуховки Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг. ВДИ, 1952, 2, стр. 243—245.

[30] М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, 57, 1956, стр. 12, 25, рис. 6.

Т. М. АРСЕНЬЕВА

НЕКРОПОЛЬ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ У дер. НОВО-ОТРАДНОЕ

Городище у дер. Ново-Отрадное исследовалось Восточно-крымским отрядом под руководством И. Т. Кругликовой в 1953 и 1959 гг. [1]. Расположено оно на холме на берегу Азовского моря, при впадении в него р. Аджиели.

Раскопками установлено, что жизнь на поселении началась с эпохи эллинизма, хорошо датированные слои относятся к I—II и III вв. Погибло оно в результате катастрофы в последней трети III в. На городище были открыты оборонительная стена и помещения с большим количеством хозяйственного инвентаря.

Осенью 1960 г. строителями дороги на расстоянии 80 *м* к востоку от городища был открыт некрополь, расположенный на пологом склоне холма, спускающегося к долине р. Аджиели. С территории могильника скрепером срезáли пластами землю и отвозили на постройку насыпи дороги. Директором Керченского историко-археологического музея Ф. Т. Гусаровым строительные работы на территории некрополя были приостановлены до проведения охранных археологических раскопок [2].

До начала раскопок были вскрыты и разобраны две могилы, вещи из них перемешаны, ориентацию погребенных и количество захоронений в могилах установить не удалось.

При археологических раскопках на некрополе были вскрыты 42 могилы, последняя, сорок третья, была открыта на нижней террасе городища. Дата всех исследованных могил не выходит за хронологические рамки существования поселения. Наиболее ранняя из них, могила 27, может быть датирована I в. до н. э. по найденной в ней краснолаковой чаше с прямым бортиком, четко профилированной ножкой и растительным орнаментом, нанесенным белой краской по бортику (рис. 1); аналогичная чаша была найдена в некрополе у дер. Кыз-Аул [3]. Фрагменты чаши, близкой по форме и росписи, найдены также в Тиритаке и относятся к тому же времени [4].

---

[1] И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря. СА, XXV, 1956, стр. 237 сл.; Т. М. Арсеньева. Раскопки у деревни Ново-Отрадное в 1959 году. КСИА АН СССР, 86, 1961, стр. 66 сл.

[2] Пользуюсь случаем выразить свою благодарность сотрудникам Керченского музея, оказавшим большую помощь в проведенной работе: Ф. Т. Гусарову, Л. И. Чуистовой, А. Шевченко.

[3] В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, 69, 1959, стр. 200—201, рис. 73, *2*.

[4] Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 309.

Рис. 1. Краснолаковая чаша с росписью по бортику белой краской. Могила № 27

Более поздними являются погребения с фибулами, которые А. К. Амброз датирует III в. (мог. №№ 8, 36, 42), и некоторые могилы с инвентарем II—III вв. (мог. №№ 15, 26, 29). Большинство могил содержит материал I—II вв.

В слое, в котором были открыты могилы, ни обломков древней керамики, ни костей животных, свидетельствующих о тризне, не найдено.

Единственным обрядом погребения новоотрадненского могильника было трупоположение. Во всех случаях, когда по сохранности костей скелетов можно судить о положении погребенных, покойники лежали вытянуто на спине. Только в одной могиле (№ 35) у погребенного ноги были согнуты в коленях. Было ли это результатом того, что покойник лежал с согнутыми в коленях ногами, которые потом упали на бок, или лежал на боку со слегка подогнутыми ногами, определить не удалось из-за плохой сохранности костяка.

Ориентация покойников новоотрадненского некрополя довольно устойчива: большинство из них ориентированы головою на восток, иногда с небольшим отклонением на юг. Только в трех могилах погребенные лежали головою на запад и северо-запад.

По устройству могил все погребения некрополя можно разделить на четыре группы, хронологически одновременные.

К первой группе следует отнести пять неглубоких могил, вырытых в темном суглинке (мог. №№ 11, 18, 23, 36, 37). Однако установить точную глубину их от поверхности не удалось, так как верхний слой был снят скрепером. Могильные ямы этой группы погребений почти не прослеживаются, почти все они в большей или меньшей степени разрушены скрепером, перекрытия могилы не имели. Наиболее интересна в этой группе могила № 36. Скелет плохой сохранности лежал вытянуто на спине, головою на юго-восток, кисти рук заходили на тазовые кости. В головах стоял небольшой лепной сосудик с красной лощеной поверхностью и рельефным орнаментом, но сосудик был настолько фрагментарен, что ни о форме, ни о содержании рельефного орнамента судить нельзя. В области рук лежал бронзовый браслет из круглой в сечении проволоки с расплющенными концами, на которых точечным орнаментом схематически изображены головки змеи (рис. 2, *1*). Похожие браслеты были найдены в погребениях некрополя Танаиса и Неаполя Скифского первых веков нашей эры [5]. В области черепа находились восемь

[5] Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, МИА, 98, 1961, стр. 11, 75, табл. XXXIV, *11*; В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 127, табл. III, *6—8, 10*.

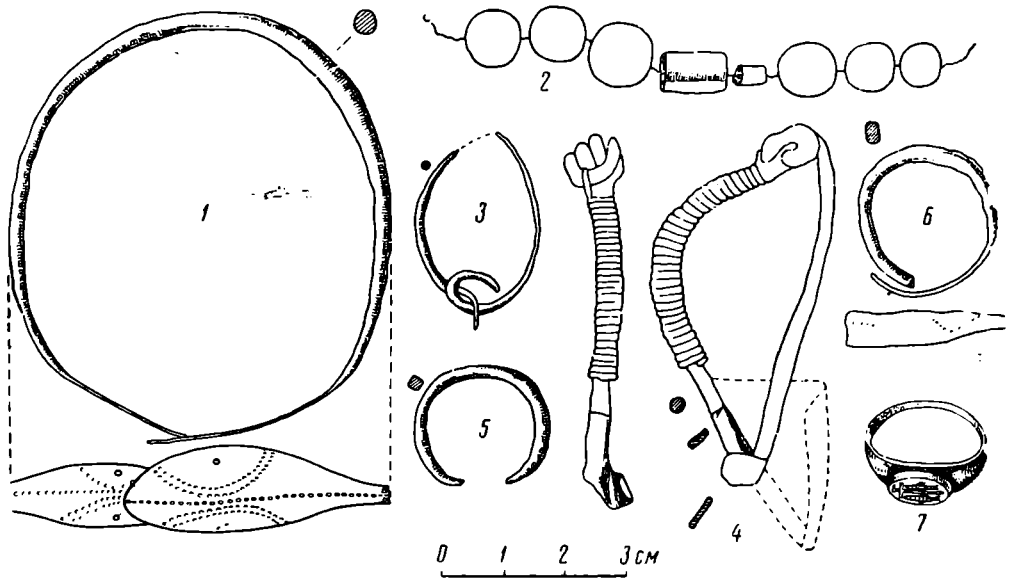


Рис. 2. Вещи из могилы № 36

плоских бусин из синего и зеленого стекла (рис. 2, *2*). Там же лежала бронзовая сережка, сделанная из проволоки, с закрученными концами (рис. 2, *3*). На месте груди найдена бронзовая фибула с подвязным приемником со следами починки (рис. 2, *4*). А. К. Амброз датирует эту фибулу концом II — началом III в. В ногах погребенного лежала просверленная боспорская монета времени Савромата I (конца первой половины II в. по определению Д. Б. Шелова). На пальцах рук были найдены три перстня. Первый из бронзовой проволоки с несомкнутыми концами (рис. 2, *5*), второй с заходящими концами (один из концов отломан, второй расплющен и имеет следы точечного орнамента, рис. 2, *6*).

Самый интересный в этом комплексе — третий перстень с сердоликовой вставкой, на которой вырезан крест удлиненной формы с перекрестиями на концах и две симметрично расположенные по сторонам креста рыбы (рис. 2, *7*; рис. 3). Этот перстень — наиболее ранний из известных на Боспоре памятников христианства. Слово ΙΧΘΥΣ (рыба), первые буквы греческих слов «Иисус Христос, сын божий, спаситель», так же как и само изображение рыбы, встречается как символ христианства на самых ранних христианских памятниках. Христианские символы часто изображаются симметрично рядом с крестом. Симметричное изображение рыб засвидетельствовано на многих христианских памятниках[6]. На сердоликовой вставке из Константинополя похожие по форме рыбы расположены симметрично по сторонам якоря. Вставка датируется III—IV вв. н. э.[7].

Первые известия о христианстве на Боспоре относятся к началу IV в. Издания Шкорпилом надпись с именем Евтропия относится к 304 г.[8]. К 325 г. относится упоминание о присутствии боспорского епископа Кадма на вселенском соборе[9]. Находки более раннего времени, связанные с христианством, на Боспоре до сих пор не были известны.

---

[6] А. С. Уваров. Христианская символика. М., 1908, стр. 106, 141—143.

[7] Altchristliche und Mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke. Berlin, 1909, №№ 1135, 1136, табл. LVI, 1135, 1136.

[8] В. В. Шкорпил. Три христианских надгробия, найденных в Керчи. ЗООИД. XXII, 1900, протоколы, стр. 59.

[9] А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА. 85, 1958, стр. 461.

Наш перстень с крестом и рыбой из погребения № 36, датируемого фибулой концом II— началом III в., свидетельствует о первом проникновении христианства уже в середине III в.— до гибели поселения в 70-х годах III в.

Ко второй группе относятся погребения, ямы которых вырыты в материке, а стенки ям со всех сторон обложены тесаными каменными плитами. Все могилы имеют каменные перекрытия. Дно могильных ям со-

Рис. 3. Перстень с сердоликовой вставкой (увеличено в $3^1/_2$ раза). Могила № 36

ставляет плотно утрамбованная глина (рис. 4, *I, II*). Могил второй группы на некрополе открыто шесть (№№ 1, 2, 7, 13, 14, 17). Седьмая, относящаяся к этой же группе, была вскрыта и разобрана до приезда экспедиции, каменные плиты стенок могилы были сдвинуты с места, перекрытие не зафиксировано. Две могилы второй группы имели у изголовья обрамляющие плиты (мог. №№ 14 и 17). По форме и количеству перекрывающих плит, по устройству стенок, по форме обрамляющих плит, все могилы отличаются друг от друга. Ширина их от 40 до 70 *см*, длина от 1,8 до 2 *м*. Глубина от перекрытия до дна 40—50 *см*.

Все могилы этой группы содержали групповые захоронения — от двух до пяти скелетов (рис. 5). Количество погребенных не зависело от ширины могилы. По-видимому, это были семейные усыпальницы. При повторных захоронениях кости нижних погребенных или смещались в сторону, или погребаемых вновь клали сверху друг на друга. Кости скелетов и большинство вещей чаще всего перемешаны, и установить их принадлежность определенному погребенному почти невозможно.

В третью группу выделяется одиночное захоронение в могиле с подбоем (мог. № 28). Вдоль юго-западного борта могилы, на глубине 0,3 *м*, находился небольшой подбой. Ширина подбоя 0,19—0,2 *м*. Покойник лежал наполовину в могиле, наполовину в подбое, головою на юго-восток. При погребенном были найдены краснолаковые чаши, светильник, глиняный флакон, которые датируют захоронение I в. н. э. Появление на Боспоре подбойных могил можно связать с проникновением сармат [10].

Четвертая группа самая многочисленная, к ней относятся 30 могил. Могильные ямы этой группы вырыты в материке, имеют удлиненную прямоугольную форму со скругленными углами (рис. 4, *III*). Ширина ям колеблется от 0,4 до 0,95 *м*, длина от 0,9 до 2,6 *м*, глубина от 0,25 до

[10] Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. МИА, 19, 1951, стр. 73—74.

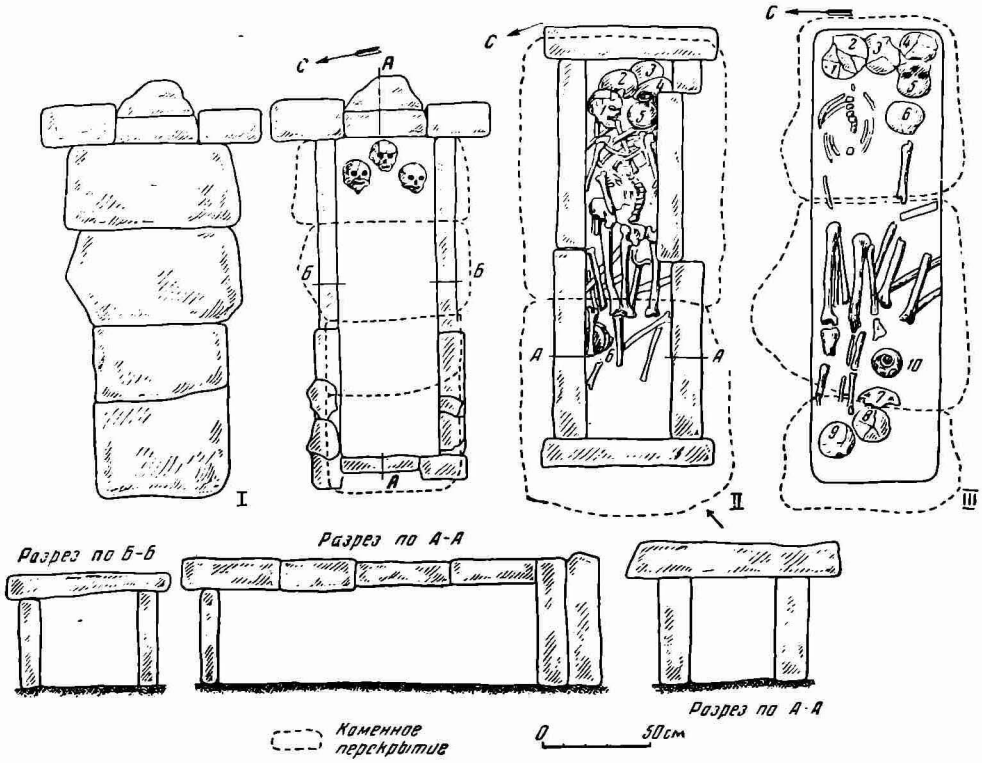


Рис. 4

I — могила №17; *II* — могила № 13 (*1—4* — черепа, *5* — кувшин, *6* — миска); *III* — могила № 4 (*1—9* — черепа, *10* — кувшин)

0,6 *м*. В одном случае длинные стороны ямы были выложены каменными плитами (мог. № 34); возможно, что эта могила является переходным типом от второй группы к четвертой. Стенки могилы № 3 были обложены деревом, сохранившимся на высоту 25 *см*. На дне могилы дерево не прослеживается. В могиле № 43 были обнаружены остатки деревянного гроба. В последних двух могилах найдены железные гвозди от скрепления досок.

Рис. 5. Могила № 7

Почти все могилы четвертой группы имеют перекрытия из каменных плит, обычно целиком или, реже, частично перекрывающих яму. Могила № 35, кроме каменных плит, была перекрыта обломками стенок красноглиняного пифоса.

Нам представляется правильным мнение Е. Г. Кастанаян о том, что могилы с перекрытиями, а также могилы в виде каменных ящиков характерны для некрополей античных городов, так же как и для местных погребальных обрядов. Этот обычай захоронения широко распространился на Боспоре, так как соответствовал обычаям и представлениям местного населения [11].

[11] Е. Г. Кастанаян. Грунтовые некрополи боспорских городов. МИА, 69, 1959, стр. 263—265, 286.

Шесть могил этой группы (мог. №№ 5, 6, 9, 20, 32 и 42) имеют на дне подсыпку из морской ракушки и песка. Такая подсыпка дна могил наблюдается в Тузлинском и Кыз-Аульском некрополях и иногда встречается в сарматских могильниках [12]. Этот обычай восходит к традициям местного населения [13].

В девяти могилах четвертой группы находились групповые захоронения — до девяти погребенных, в остальных могилах захоронения были одиночные. В двух могилах с одиночными захоронениями (№№ 9 и 15) скелеты лежали вдоль одной из длинных сторон могилы, очевидно, другая сторона была оставлена для последующего захоронения.

В могильных ямах с групповыми захоронениями кости скелетов настолько плохо сохранились, а сохранившиеся настолько перемешаны, что о положении костяков судить трудно. В могильных ямах с одиночными захоронениями костяки в большинстве случаев тоже плохой сохранности. Это происходит потому, что большинство ям засыпано песком, а, как известно, в песчаном грунте кости сохраняются плохо.

В нескольких случаях удалось установить положение кистей рук погребенных на тазовых костях. В некоторых случаях ноги были скрещены. Такое положение костяков встречается среди сарматских захоронений Нижнего Поволжья [14]. Влияние сарматской культуры прослеживается и в деформации черепов (три черепа из восьми имеют следы деформации) [15].

Могильный инвентарь всех групп имеет много разнообразных предметов. Исключение представляют могилы первой группы, где, как уже сказано выше, вещей найдено мало, возможно, это связано с разрушенностью и плохой сохранностью могил этой группы. Инвентарь второй, третьей, четвертой групп не различается ни количеством вещей в могилах, ни их ценностью, ни разнообразием.

Наиболее часто встречаются в могилах глиняные сосуды. Их ставили как в головах, так и в ногах погребенных. Чаще всего мы находили целые сосуды, но встречены и разбитые в древности.

Количественно преобладают краснолаковые сосуды. Они представлены большим количеством привозной малоазийской посуды: тарелками разного диаметра, чашками, кувшинами и энохоями.

Часть сосудов может быть датирована по сходству с посудой, найденной в Ольвии, Тиритаке, Мирмекии и Илурате,— первыми веками нашей эры. На некоторых тарелках имеются клейма в форме ступни и сандалии, что позволяет датировать комплексы, в которых они найдены, второй половиной I в. н. э.

Среди привозной посуды интересна половина краснолаковой чаши полусферической формы, с уплощенным круглым дном без поддона (рис. 6). Форма ее восходит к эллинистическому времени — к форме мегарских чаш. Глина чаши плотная, желтовато-коричневого цвета, без заметных включений. Внутренняя поверхность покрыта лаком буроватого цвета с металлическим блеском. Снаружи по краю проходит гладкий, покрытый лаком ободок, остальная внешняя поверхность, включая и дно,— шершавая, присыпана мелким песком по еще сырой глине. Диаметр чаши по краю 13 *см*, высота 8,2 *см*, диаметр дна 4,7 *см*.

---

[12] Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. М., 1957, стр. 14, 15, 29; В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 190, 194, 198, 208; М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. ВССА, стр. 222—223; Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 192.

[13] Е. Г. Кастанаян. Ук. соч., стр. 288.

[14] К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 113; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, стр. 429, 456.

[15] Черепа обработаны М. М. Герасимовой.

В Новоотрадненском некрополе широко представлена также краснолаковая посуда производства местных боспорских мастерских. Сосуды из некрополя позволяют выделить новые формы посуды боспорского производства. Наибольшее количество сосудов боспорского производства было выделено среди краснолаковой керамики Илурата [16]. Но и среди илуратской краснолаковой посуды не обнаружено ни одного закрытого сосуда (это замечание касается и привозной посуды). Боспорская же краснолаковая посуда исследуемого некрополя представлена разнообразными формами энохой, кувшинов, чаш и небольших мисочек (рис. 7, *2—4, 6—8*). Глина этой посуды напоминает глину боспорских черепиц и амфор. Она красноватого оттенка с включениями известковых частиц и пустотами на поверхности. Лак оранжевого, красного и коричневого цветов покрывает на некоторых сосудах всю внешнюю и внутреннюю поверхность, на других сосудах внешняя поверхность покрыта лаком частично. В закрытых сосудах внутри покрыта лаком только верхняя часть края. Слой лака тонкий и сохранился не всюду. Часть сосудов боспорского производства имеет на поверхности следы от вращения на круге. Форма сосудов подражает импортной посуде, отличаясь от последней в деталях. Некоторые сосуды сделаны небрежно, другие более тщательно. По тем же признакам выделяют боспорскую краснолаковую керамику Т. Н. Книпович и Л. Ф. Силантьева среди другой краснолаковой посуды [17]. Так как хронология керамики боспорского производства разработана недостаточно, то не все сосуды (а по ним и могилы, в которых они были найдены) могут быть точно датированы.

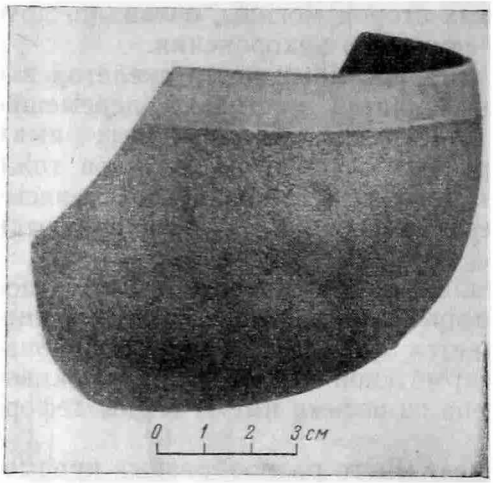


Рис. 6. Краснолаковая чаша. Могила № 1

В меньшем количестве найдены круговые боспорские сосуды без покрытия лаком. В основном это кувшины, напоминающие по форме кувшины из склепов Тиритаки [18], светильники (рис. 7, *1*), аналогичные светильникам боспорского производства из Пантикапея [19], и глиняные флаконы (рис. 7, *5*).

Лепные сосуды найдены в некрополе единичными экземплярами, но на самом поселении и на близлежащих городищах в слоях римского времени лепная посуда количественно намного превосходит круговую [20]. Это можно объяснить тем, что в могилы клали наиболее дорогие и лучшие вещи. Лепные сосуды некрополя находят себе полные аналогии в керамике близлежащих поселений.

Следует отметить найденные в могилах стеклянные кувшин (рис. 8) и бальзамарии конца I—II вв.

Среди украшений наиболее часто встречаются бусы. В могилах они чаще всего находились возле черепов, так как входили в состав ожере-

[16] Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА, 85, 1958, стр. 283 сл.
[17] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 321—322; Л. Ф. Силантьева. Ук. соч., стр. 303 сл.
[18] М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. МИА, 4, 1941, стр. 78, рис. 113.
[19] И. Б. Зеест. Пантикапейская керамика сарматского времени. МИА, 56, 1957, стр. 157, рис. 7, *4*.
[20] И. Т. Кругликова. Ук. соч., стр. 260.

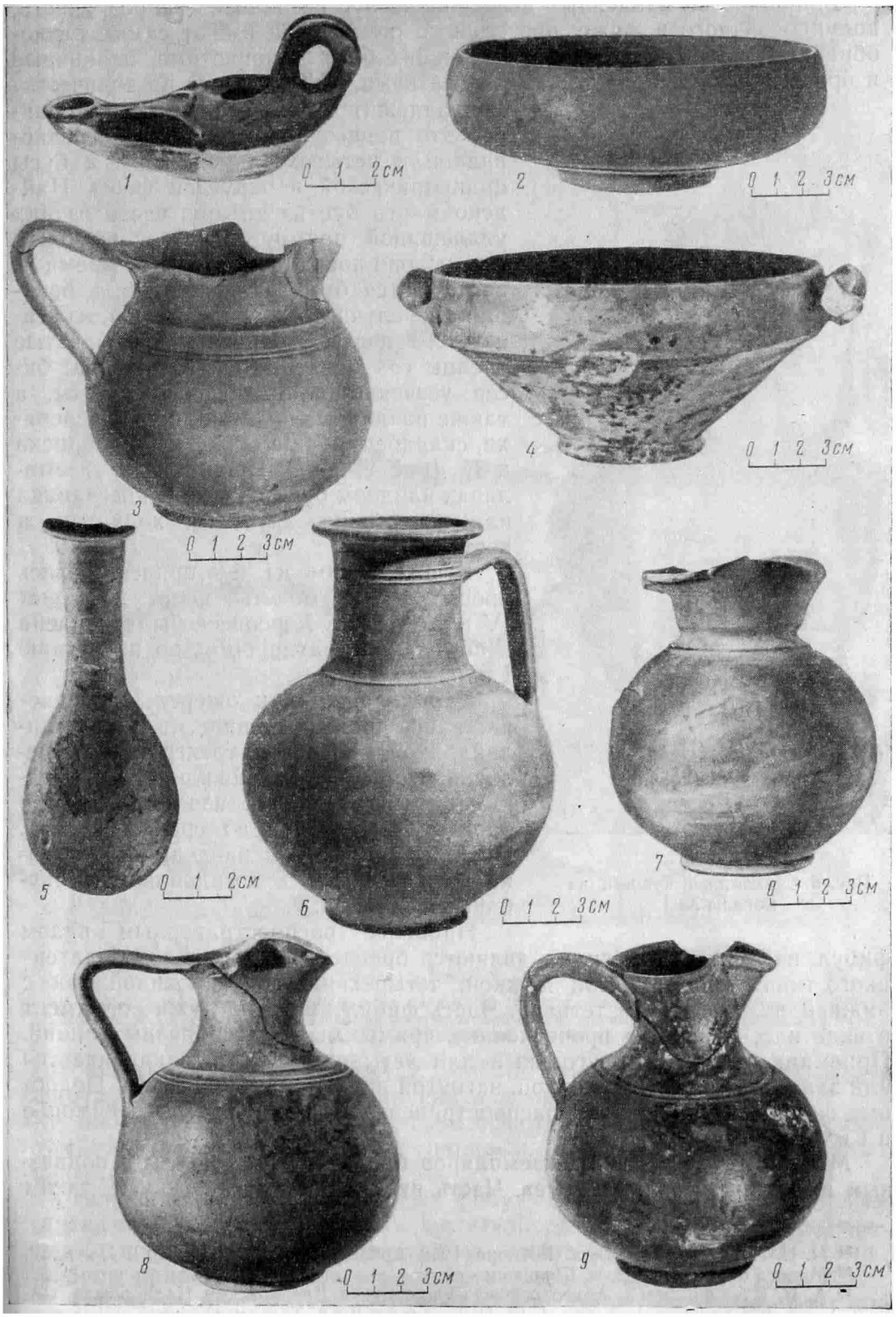


Рис. 7. Сосуды боспорского производства

1 — светильник из могилы № 28; *2* — краснолаковая миска из могилы № 26; *3* — краснолаковая энохоя из могилы № 34; *4* — краснолаковая чаша из могилы № 28; *5* — флакон из могилы № 28; *6* — краснолаковый кувшин из могилы № 29; *7* — краснолаковая энохоя из могилы № 27; *8* — краснолаковая энохоя из могилы № 28; *9* — сероглиняная энохоя, вверху покрытая черным лаком

лий. Иногда крупные бусины, лежавшие в области грудной клетки, могли выполнять роль пуговиц. Часть бус, вероятно, украшала одежду.

Большинство найденных в некрополе бус сделано из непрозрачного, полупрозрачного и реже прозрачного стекла, они имеют самые разнообразные формы (рис. 9, *1*). Среди них бусы одноцветные, мозаичные и орнаментированные поясками и глазками. Второе место по количеству принадлежит бусам, сделанным из гешира. Это подвески каплевидной, стрелковидной и четырехгранной форм и бусы цилиндрической и округлой форм. Найдено много бус из янтаря, часть из них уплощенной прямоугольной и овальной формы, они появились в римское время [21]; встречаются бусы из сердолика, в большинстве случаев округлой формы, из египетской пасты — округлые реберчатые бусины голубовато-зеленого оттенка; бисер усеченно-цилиндрической формы, а также различные подвески в виде черепахи, скарабея, руки с кукишем, амфориска и др. (рис. 9, *2—4*). В единичных экземплярах найдены бусы из бронзы, песчаника или известняка, хрусталя, халцедона и кости.

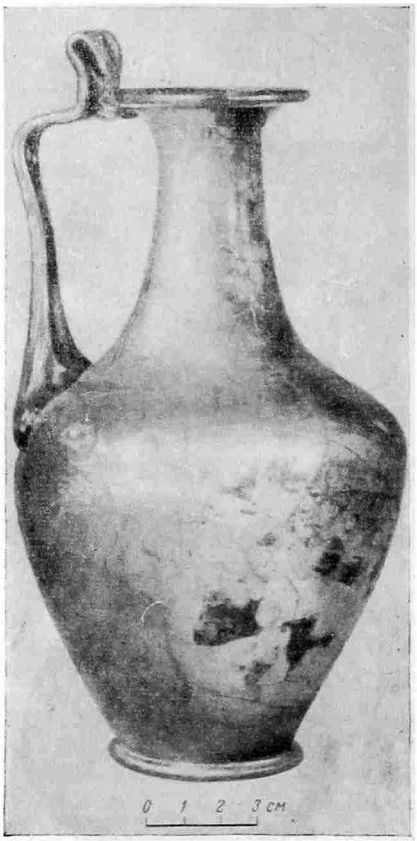


Рис. 8. Стеклянный кувшин из могилы № 1

К ожерельям из бус привешивались просверленные монеты. Одна из монет IV в. до н. э. г. Херсонеса была найдена в погребении, датируемом по инвентарю I в. н. э. [22]

Как украшения к ожерельям подвешивались пронизки в виде маленьких цилиндриков, бронзовой трехгранной стрелочки, спиральной очковидной привесочки (форма последних известна с эпохи бронзы и доживает до средневековья). Похожие привесочки найдены на Украине в слое III в. и в могильниках Прикубанья в I—II вв. [23].

Наиболее распространенным видом фибул, найденных в могилах, являются бронзовые фибулы позднелатенского типа с пластинчатой дужкой, четырехвитковой пружиной как с нижней, так и верхней тетивой. Часть фибул имеет на дужке орнамент в виде насечек, точек, прочерченных прямых и зигзагообразных линий. Приемник у фибул треугольный или четырехугольный, заканчивается или завитком, или проволочкой, загнутой внутрь, или шишечкой. Подобные фибулы были широко распространены в Северном Причерноморье в I в. н. э. [24].

Меньшим количеством экземпляров представлены фибулы с подвязным приемником — «лучковые». Часть их имеет низкую дужку с узким

---

[21] Н. Н. Погребова. Бусы Боспора. 1948, Архив ИА АН СССР, дело 911, стр. 32.

[22] Монета определена Д. Б. Шеловым.

[23] А. В. Бодянский. Археологические находки в Днепровском Надпорожье. СА, 1960, 1, стр. 274 сл., рис. 1, *3*; рис. 4, *10*; Н. В. Анфимов. Тахтамукаевский могильник. Сборник материалов по археологии Адыгеи. Том II. Майкоп, 1961, стр. 200, табл. III, *11*.

[24] А. І. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, VIII, 1953, стр. 79—81, табл. II, *1—4*; М. И. Вязьмитина. Ук. соч., стр. 240, табл. VI, *4*, *6*; Н. В. Анфимов. Ук. соч., рис. 18, *8*, *10—11*; Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 72, табл. XXXIV, *8*; XXXV, *4*; XXXIX, *7*.

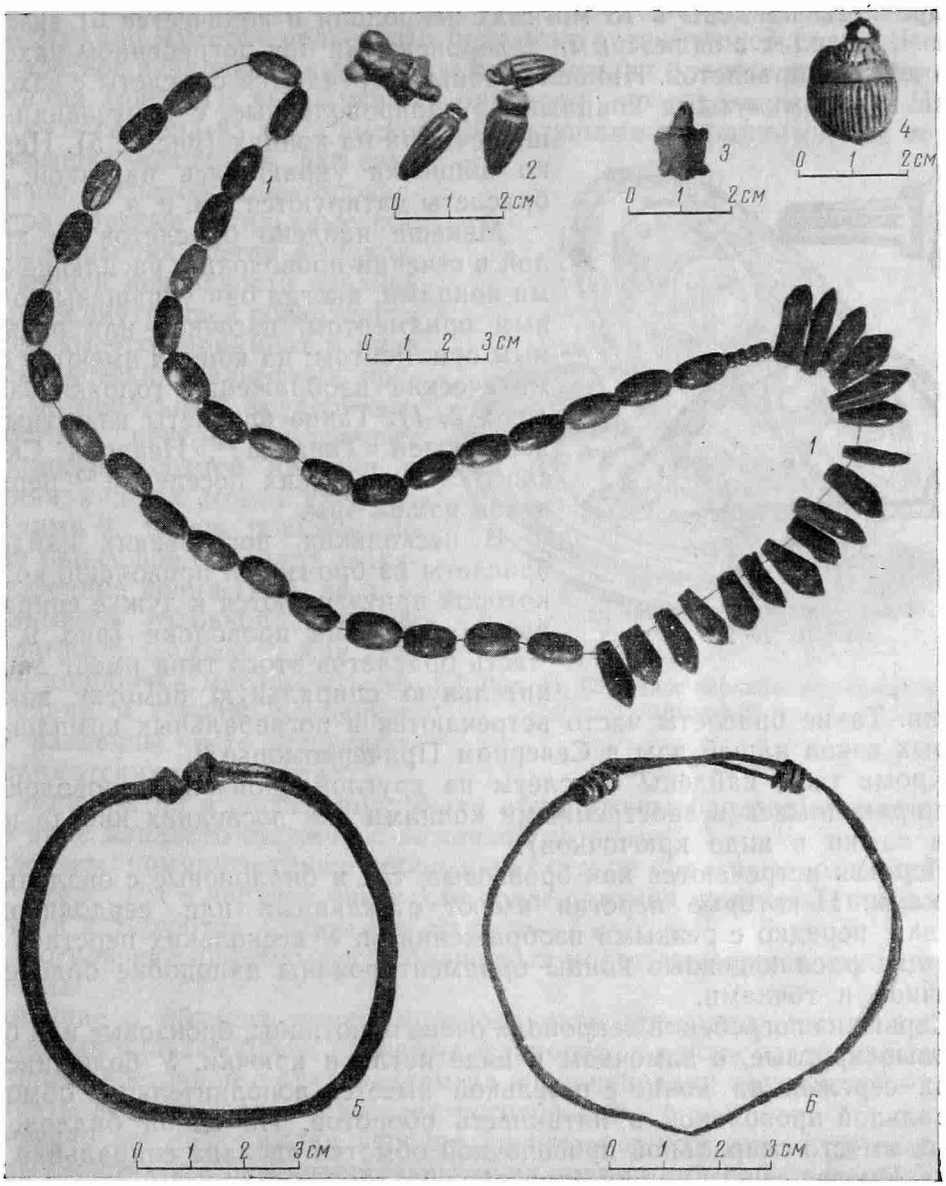


Рис. 9.

1 — бусы стеклянные и гешировые из могилы № 14; *2, 4* — подвески из египетской пасты, могила № 10; *3* — подвеска-черепаха из египетской пасты, могила № 9; *5* — бронзовый браслет из могилы № 17; *6* — бронзовый браслет из могилы № 43

сплошным приемником, их А. К. Амброз относит к I в. н. э.[25]. Другие фибулы этого типа имеют широкий приемник, высокую изогнутую дужку, иногда украшенную спиральной обмоткой или накладным орнаментом, уложенным чередующейся спиралью. А. К. Амброз считает, что эти фибулы относятся к II—III вв.

Единичны находки следующих фибул: с ромбовидными и круглыми щитками; бронзовой фибулы с железной рамкой удлиненной формы, с двумя бронзовыми четырехвитковыми пружинами и двумя иголками и фибулы прирейнско-галльского импорта, типа «аущисса»[26] (рис. 10).

Очень распространенным украшением были бронзовые браслеты, перстни и серьги, что является одной из характерных черт Новоотрадненского некрополя.

[25] А. К. Амброз. Фибулы зарубинецкой культуры. МИА, 70, 1959, стр. 190.
[26] Там же, рис. 20.

Браслеты найдены в 18 могилах некрополя в количестве 61 экземпляра. В могилах с одиночными захоронениями при погребенном находилось до трех браслетов. Наиболее часто встречаются браслеты с заходящими и разомкнутыми концами круглопроволочные, с конусовидными шишечками на концах (рис. 9, *5*). Нередко шишечки украшались нарезкой. Эти браслеты датируются I в. н. э.[27].

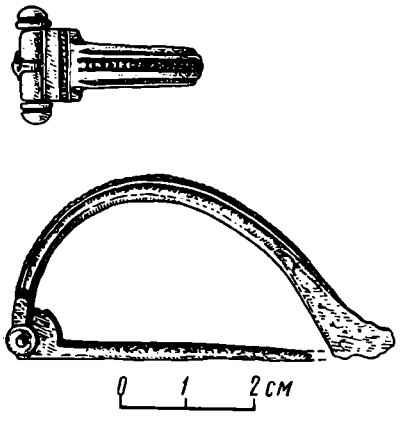


Рис. 10. Фибула типа «ауцисса» из могилы № 28

Меньше найдено браслетов из круглой в сечении проволоки с расплющенными концами, иногда они украшены точечным орнаментом, насечкой или рельефным орнаментом; на концах имеются схематические изображения головки змеи (рис. 2, *1*). Такие браслеты известны из некрополей Танаиса[28], Неаполя Скифского[29] и крымских поселений[30] первых веков нашей эры.

В нескольких погребениях найдены браслеты из бронзовой проволоки, концы которой притягиваются к дужке спиральными оборотами проволоки (рис. 9, *6*). Часть браслетов этого типа имеет дополнительную спиральную обмотку вокруг дужки. Такие браслеты часто встречаются в погребальных комплексах первых веков нашей эры в Северном Причерноморье[31].

Кроме того, найдены браслеты из круглой бронзовой проволоки с расширяющимися и заостренными концами (на последних иногда имеются замки в виде крючочков).

Перстни встречаются как бронзовые, так и биллоновые с овальными щитками. Некоторые перстни имеют стеклянные или сердоликовые вставки, нередко с резными изображениями. У нескольких перстней заходящие расплющенные концы орнаментированы наподобие браслетов насечкой и точками.

Серьги из погребений некрополя очень однотипны, бронзовые или биллоновые круглые, с замочком в виде петли и крючка. У большинства таких сережек на конце с петелькой имеется дополнительная обмотка спиральной проволокой в пять-шесть оборотов. На одной биллоновой серьге вместо спиральной проволочной обмотки сделана спиральная нарезка. Иногда серьги или височные кольца имеют вид несомкнутого кольца или спирального колечка в полтора оборота.

Большинство пряжек из погребений бронзовые и только одна железная; одна бронзовая пряжка имеет железный язычок. Пряжки круглые с подвижным язычком. Часть пряжек имеет обоймы от пояса.

К предметам туалета, найденным в могилах, можно отнести зеркала. Часть зеркал найдена в обломках, что характерно для сарматских погребений[32]. Больше всего зеркал дисковидной формы, диаметром от 7 до 7,6 *см*. Этот тип зеркал характерен для сарматских захоронений I в. до н. э.— I в. н. э. Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья[33]. Три

[27] М. И. Вязьмитина. Ук. соч., стр. 238, табл. VI, *1*.
[28] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 11, 75, табл. XXXIV, *11*.
[29] В. П. Бабенчиков. Ук. соч., стр. 127, табл. III, *6—8*, *10*; IX, *8*.
[30] О. Д. Дашевская. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя Скифского. ВДИ, 1951, 2, стр. 134, рис. 4, *в*.
[31] Т. Н. Knипович. Танаис. Историко-археологическое исследование. М.— Л., 1949, стр. 60, рис. 17, *а*; Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 31, 75, табл. XXXVIII, *4*; Л. И. Чуистова. Новые находки из некрополей Керченского полуострова. МИА, 69, 1959, стр. 240, рис. 3; В. П. Бабенчиков. Ук. соч., стр. 124, табл. III, *9*, *11*, *12*; IX, *10*.
[32] И. В. Синицын. Сарматская культура Нижнего Поволжья, СА, VIII, 1946, стр. 76; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник, стр. 436.
[33] В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 464.

фрагмента зеркал имеют прямоугольную форму. На одном круглом обломке зеркала имеется рельефный орнамент очень плохой сохранности.

Туалетное назначение имеет и круглая плоская бронзовая коробочка-пудреница (рис. 11), выполнявшая одновременно и роль зеркала. Пудреница составлена из двух дисков с небольшими закраинами. На верхней крышке находятся две симметрично расположенные бронзовые полукруглые петельки-ручки. Нижняя крышка слегка выпукла. На внешней поверхности верхней крышки и внутренней поверхности нижней имеется орнамент в виде концентрических рельефных кругов и по небольшой круглой выпуклости в центре. Внутренняя поверхность верхней крышки и внешняя нижней могли служить зеркалами [34]. Очень похожее по форме бронзовое складное зеркало-пудреница конца III в. до н. э. с рельефной головкой Ариадны найдено на о. Самосе [35]. Как туалетная коробочка могла быть использована и створка раковины; такие раковины часто встречаются в сарматских погребениях [36].

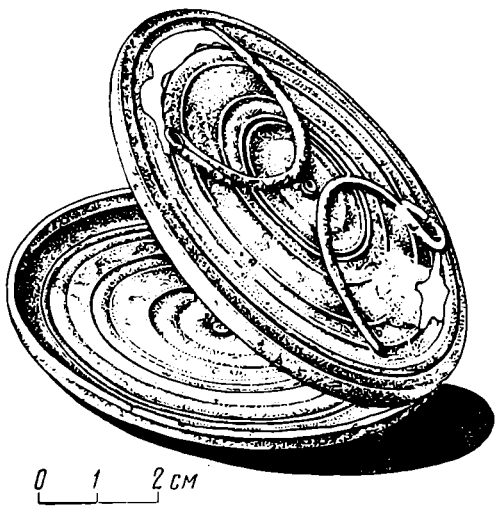


Рис. 11. Складное зеркало-пудреница из могилы № 4

Неоднократно в погребениях были обнаружены бронзовые «копоушки» в виде длинного стержня с ложечкой на конце.

Следует упомянуть также небольшие гладкие бронзовые колокольчики с отверстием в верхней части для подвешивания язычка. Такие колокольчики датируются концом I в. до н. э.— I в. н. э. [37].

В могильнике найдено шесть бронзовых монет, некоторые из них просверлены.

Наличие в могилах монет, краснолаковой керамики, светильников, стеклянных бальзамариев, глиняных флаконов, а также устойчивое преобладание восточной с отклонением на юг ориентации покойников — все эти черты встречаются в греческих погребениях.

Обычай же деформации черепов, положение костяков с руками на тазовых костях и с перекрещивающимися ногами, обычай подсыпки дна могил ракушкой с песком, найденные в погребениях кусочки румян и раковины для их хранения, битые зеркала, бронзовые колокольчики, оселки, а также ножи иногда вместе с костями животных — очень характерны для сарматского мира и свидетельствуют не только о связи древнего новоотрадненского населения с сарматскими племенами, но и о проникновении носителей сарматской культуры в местную среду. Для Новоотрадненского некрополя, так же как для многих других некрополей Боспора, характерно смешение различных обрядов. Наибольшее сходство по обряду погребений, по могильному инвентарю и по времени исследуемый могильник имеет с некрополем у дер. Кыз-Аул [38].

---

[34] Диаметр крышек 7,7 *см*, высота коробочки 0,8 *см*.

[35] Zwierciadlo z same. Сб. «Kultura materialna starozytnej Grecji» Warszawa — Wrocław, 1956, стр. 308—309, рис. 334.

[36] П. Рыков. Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925, стр. 16; В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 500.

[37] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 78.

[38] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 187 сл.

Ю. А. КРАСНОВ, Н. А. КРАСНОВ

ОБСЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДОЛИНЕ МОСКВЫ-РЕКИ

В 1957—1959 гг. авторами настоящей статьи производились разведки и раскопки археологических памятников различных эпох в верхнем течении Москвы-реки. Среди них определенный интерес представляют памятники, относящиеся к дьяковской культуре. Следует отметить, что большинство описываемых ниже памятников впервые подверглось археологическому обследованию.

По обоим берегам Москвы-реки от устья р. Рузы до устья р. Истры нами зарегистрировано 13 поселений дьяковской культуры. Все они располагаются либо непосредственно по берегам Москвы-реки, либо на берегах небольших ее притоков, вблизи от впадения их в Москву-реку (рис. 1).

По топографическому расположению эти поселения можно разделить на три группы. К первой группе относятся поселения, расположенные на мысах коренного берега, образованных долиной реки и впадающими в нее оврагами. Сравнительно небольшие по размерам, эти поселения обычно укреплены целой системой валов и рвов. Таковы городища Бушаринское, близ бывшего Саввино-Сторожевского монастыря, у дома отдыха «Связист» и Мозжинское (Мозжинка I). Другой тип поселений представляет Успенское городище, расположенное на высоком холмеостанце коренного берега, возвышающемся среди низкой речной поймы. Весьма многочисленны поселения третьей группы, занимающие не защищенный никакими естественными препятствиями край береговой террасы. Такие поселения не имеют искусственных укреплений и являются селищами. Селища этого типа известны близ дер. Бушарино, недалеко от Старой Рузы, между дер. Григорово и совхозом Васильевское, у с. Каринское, в урочищах Колтарово и Мозжинка (Мозжинка II и III) под Звенигородом, у с. Ислáвское.

Бушаринское городище [1] расположено в 1,5 *км* к югу от дер. Бушарино Звенигородского района, на высоком мысу коренного берега р. Сетуни, образованном долиной реки и глубоким оврагом. Городище имеет весьма интересную систему укреплений. С севера, запада и востока оно укреплено двумя рядами валов и тремя рвами, полукольцом окружающих верхнюю площадку городища, которая возвышается на 15 *м* над уровнем реки и имеет размеры около 50 × 50 *м*. Высота валов и в настоящее время составляет 2—2,5 *м*. С юга, со стороны реки, городище не

[1] Городище было открыто и обследовано в 20-х годах сотрудниками Звенигородского музея, однако материалы обследования и отчет, хранившиеся в Звенигородском музее, утрачены.

Рис. 1. Схема расположения памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки, обследованных в 1957—1959 гг.

I — городища; II — селища. *1* — селище близ дер. Старая Руза; *2* — селище между дер. Григорово и совхозом Васильевское; *3* — Бушаринское городище; *4* — Бушаринское селище; *5* — Каринское селище; *6* — городище у Саввино-Сторожевского монастыря; *7* — городище у дома отдыха «Связист»; *8* — Колтаровское селище; *9* — Мозжинское городище; *10* — селище Мозжинка II; *11* — селище Мозжинка III; *12* — Ислявское селище; *13* — Успенское городище

имеет укреплений на верхней площадке, зато внизу, под обрывом, достигающим крутизны 70°, на 10 *м* ниже верхней площадки полукругом располагаются еще три ряда валов и рвов, ограждающих площадь размером 40×10 *м*. Валы и рвы здесь не примыкают вплотную к склону, а начинаются в 3—4 *м* от него. Вход на верхнюю площадку городища имеется с напольной стороны и на стрелке, где в системе валов имеются разрывы (рис. 2, *1*).

На городище было заложено несколько шурфов и сделан разрез одного из валов, позволивший выяснить его структуру. Основным цементирующим слоем вала оказалась очень плотная, частично обожженная глина. Можно предположить, что в основу валов входили какие-то деревянные конструкции, заполнявшиеся затем глиной и обжигавшиеся. На это указывают довольно многочисленные следы сгоревшего дерева, обнаруженные при раскопках вала. Конструкции валов из обожженной и простой глины встречаются на многих верхнеокских городищах I тысячелетия н. э. [2].

Как уже указывалось, верхняя площадка городища окружена двумя рядами валов и тремя рвами, причем первый вал отделен от площадки городища рвом, что предполагает дополнительное укрепление перед последним. Удалось выяснить, что таким дополнительным укреплением был деревянный тын из вертикально врытых в землю нетолстых бревен, следы которых найдены в небольшом раскопе, заложенном у кромки рва.

Культурный слой городища состоит из серого гумированного песка и слабо насыщен культурными остатками. Мощность его у краев городища достигает 0,3—0,6 *м*. В центральной части городища и с южной стороны культурный слой едва прослеживается.

Находки на городище составляют в основном обломки сравнительно тонкостенных (0,5—0,6 *см*) лепных горшков, изготовленных из глины с примесью мелкой дресвы и шамота. К сожалению, ни одного сосуда реконструировать даже частично не удалось. Ясно только, что сосуды имели значительно отогнутый венчик, выпуклые бока и были лишены орнаментации, за исключением редко встречающихся нарезок по венчику и защипов по верхнему краю сосудов. Подобная посуда характерна для поздних дьяковских городищ и может быть датирована временем около середины I тысячелетия н. э.

---

[2] Городища у деревень Мощино, Федяшево, Сатинки и др.

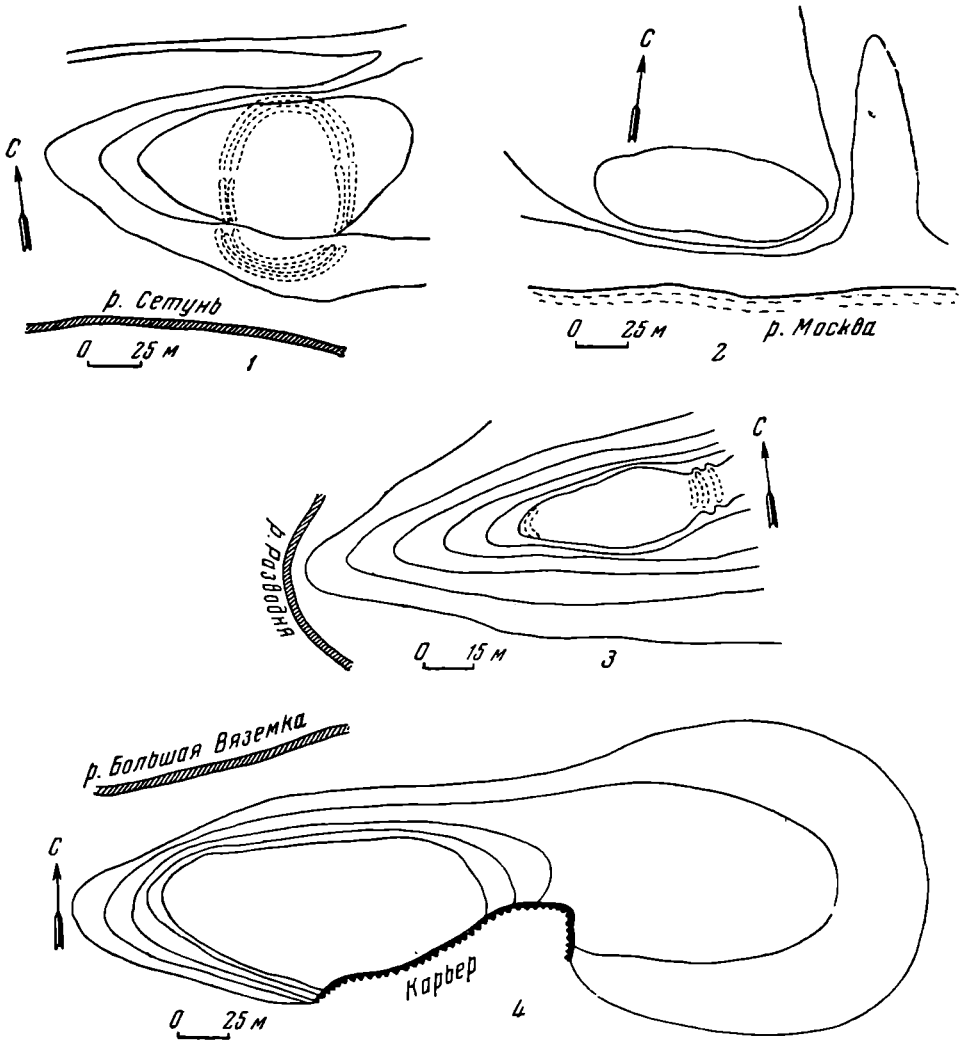


Рис. 2. Схематические планы некоторых городищ и селищ дьяковской культуры в долине Москвы-реки

1 — Бушаринское городище; *2* — Каринское селище; *3* — городище близ Саввино-Сторожевского монастыря; *4* — Успенское городище. Горизонтали проведены через 5 *м*

Городище близ бывшего Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом расположено в 1 *км* к северо-западу от монастыря на вытянутом с востока на запад возвышенном мысу левого берега р. Разводни. Превышение площадки городища над уровнем реки составляет около 30 *м*, размеры городища — 45 × 20 *м*. Площадка городища поросла густым кустарником и деревьями, значительная часть ее попорчена окопами и блиндажами 1941 г. Склоны мыса, на котором расположено городище, очень круты, местами достигают 60—70°. С напольной восточной стороны сохранились следы трех валов и рвов длиной около 15 *м*. Высота валов достигает 1—1,5 *м*. Следы сильно оплывшего вала прослеживаются и в западной части, на стрелке городища (рис. 2, *3*).

Как показали небольшие раскопки на городище, оно имеет два культурных напластования. Верхний культурный слой, отделенный от нижнего довольно четко прослеживающейся стерильной прослойкой, имеет мощность 0,4—0,5 *м* и интенсивно черную окраску. Большинство обломков посуды этого слоя принадлежит сосудам, внешняя поверхность кото-

рых сплошь покрыта глубокими и четкими отпечатками тканей, как грубых, напоминающих плетеную сетку, так и более тонких. Форма сосудов отличается слабо выраженными плечиками, удлиненным горлом и слегка отогнутым венчиком, иногда уплощенным. Толщина стенок таких сосудов — 0,5—0,6 *см*, диаметр горла — 12—15 *см*. Тесто, из которого изготовлены сосуды, хорошо промешано, имеет небольшие примеси песка и мелкой дресвы. На некоторых сосудах есть дополнительный орнамент в виде ямчатых углублений различной формы или отпечатков зубчатого штампа. Такая посуда характерна для ранних слоев дьяковских городищ, относящихся ко времени до нашей эры. Она найдена, например, на Старшем Каширском городище [3], на Мамоновом городище под Москвой [4], на ряде древнейших верхневолжских городищ [5]. В меньшем количестве встречены обломки сосудов баночных форм с отпечатками на внешней поверхности, имитирующими отпечатки тканей. Такая керамика, называемая иногда «крапчатой», часто встречается на подмосковных городищах. Наиболее ярко такая керамика представлена на Сетунском городище [6]. По сравнению с описанной выше сетчатой керамикой, эти сосуды изготовлены из более грубого теста с примесями крупной дресвы, вылеплены также более грубо, имеют закраины у днища. Толщина стенок сосудов достигает 0,8—1,5 *см*. Такая посуда обычно датируется I—III вв. н. э. В небольшом количестве встречены обломки гладких сосудов баночной формы, очень грубых и толстостенных, иногда с орнаментом в верхней части в виде квадратных углублений. Как показал статистический подсчет, такая керамика относится к верхним горизонтам культурного слоя.

Из других находок в верхнем культурном слое следует отметить грузики «дьякова типа», несколько целых и фрагментированных костяных проколок, наконечник костяной стрелы (рис. 3, *3*), обломок куранта от зернотерки, множество костей со следами обработки. Из остеологического материала определены кости лошади и коровы. Этот слой городища можно датировать концом I тысячелетия до н. э.— началом I тысячелетия н. э.

Нижний культурный слой, очень тонкий (0,1—0,15 *м*), отложившийся до насыпки вала, содержал посуду совершенно иного облика. Здесь встречены обломки сосудов с расширяющимися кверху выпуклыми стенками и суженным горлом, прямым или слегка отогнутым венчиком, тонкостенные (0,5—0,7 *см*), слабо или посредственно обожженные. В тесте есть примесь песка или мелкой дресвы. Некоторые сосуды имеют более или менее выраженное острое ребро. Стенки сосудов сплошь покрыты орнаментом в виде штриховки довольно широкими и глубокими линиями (рис. 4, *1*, *2*). Обычно верхняя часть сосудов заштрихована горизонтальными полосами, нижняя — вертикальными. Считать такую штриховку только следами заглаживания вряд ли возможно. Скорее всего это своеобразный прием орнаментации. Иногда в верхней части сосудов штриховая орнаментация дополняется оттисками зубчатого штампа или ямочными вдавлениями (рис. 4, *6*). Посуда со штрихованной поверхностью довольно широко была распространена в лесной полосе в эпоху поздней бронзы. Она найдена, например, на Ловецком поселении на Оке и других памятниках этого района, предшествовавших времени сложения

---

[3] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, 85, 1934, стр. 10, табл. IV.

[4] В. И. Качанова. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. Мамоново городище. Тр. МИРМ, V, М., 1954, стр. 16.

[5] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941, стр. 43; О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, 13, 1950, стр. 126—127.

[6] О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы. МИА, 7, 1947, стр. 125.

городецкой культуры [7], в районе распространения галичской культуры [8]. В Подмосковье керамика со штрихованной поверхностью отмечена на дюнных стоянках, исследованных в конце XIX в. Н. О. Криштафовичем и датированных эпохой бронзы [9]. В небольших количествах в комплексах с сетчатой керамикой она встречается в нижних слоях древнейших верхневолжских городищ [10].

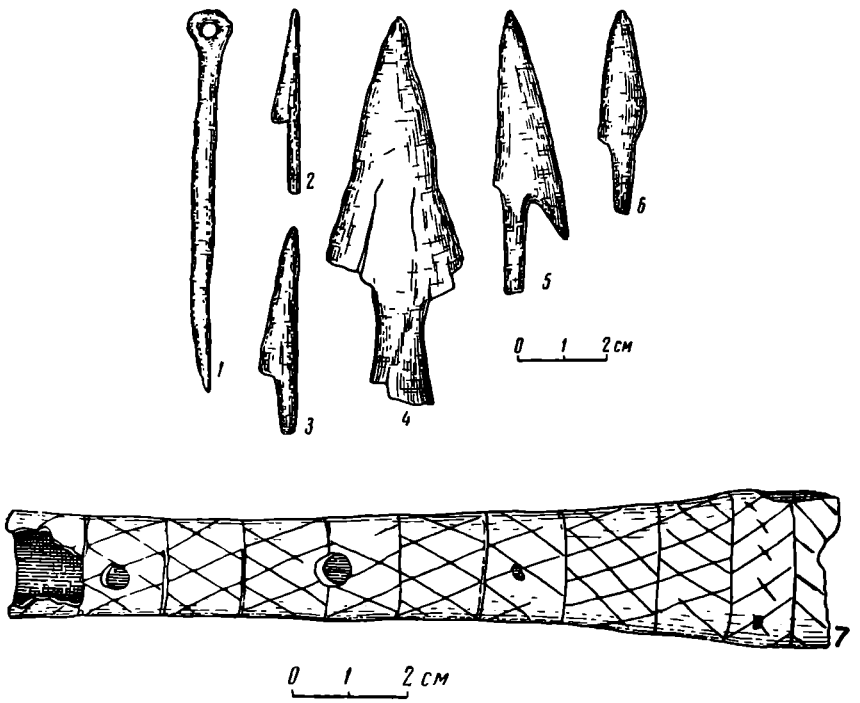


Рис. 3. Костяные предметы из дьяковских памятников в долине Москвы-реки
1—2, 4—7 — Успенское городище; *3* — городище близ Саввино-Сторожевского монастыря

Кроме того, в нижнем слое городища найдена посуда с разнообразным гребенчатым и зубчатым орнаментом (рис. 4, *3—5, 7*); для этого слоя характерно полное отсутствие сетчатой керамики. Из других предметов, найденных в нижнем слое, следует отметить несколько кремневых орудий (скребки, острие, обломок наконечника стрелы листовидной формы) и обломок фигурки утки из кости. Характер находок в нижнем слое городища позволяет предположить его значительную древность. Возможно, он относится ко времени поздней бронзы или к периоду, переходному от бронзы к железу. Был произведен разрез внутреннего вала в восточной части городища, показавший, что вал насыпан из плотной желтой глины и серой супеси.

Городище у дома отдыха «Связист» расположено в 0,5 *км* к западу от Звенигорода на высоком (около 20 *м*) мысу, образованном коренным берегом Москвы-реки и глубоким оврагом, по дну которого протекает безымянный ручей. Городище вытянуто с юго-востока на северо-запад и имеет длину около 60 *м* при ширине 30—40 *м*. Через городище проходит дорога, сильно его разрушившая. С напольной северо-западной стороны сохранились едва заметные следы двух валов и рвов.

---

[7] Н. В. Трубникова. К вопросу о происхождении городецкой культуры. КСИИМК, 75, 1959, стр. 165—166.
[8] М. Е. Фосс. Новые памятники в районе галичской культуры. КСИИМК, 17, 1947, стр. 67.
[9] О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы, стр. 109.
[10] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 103.

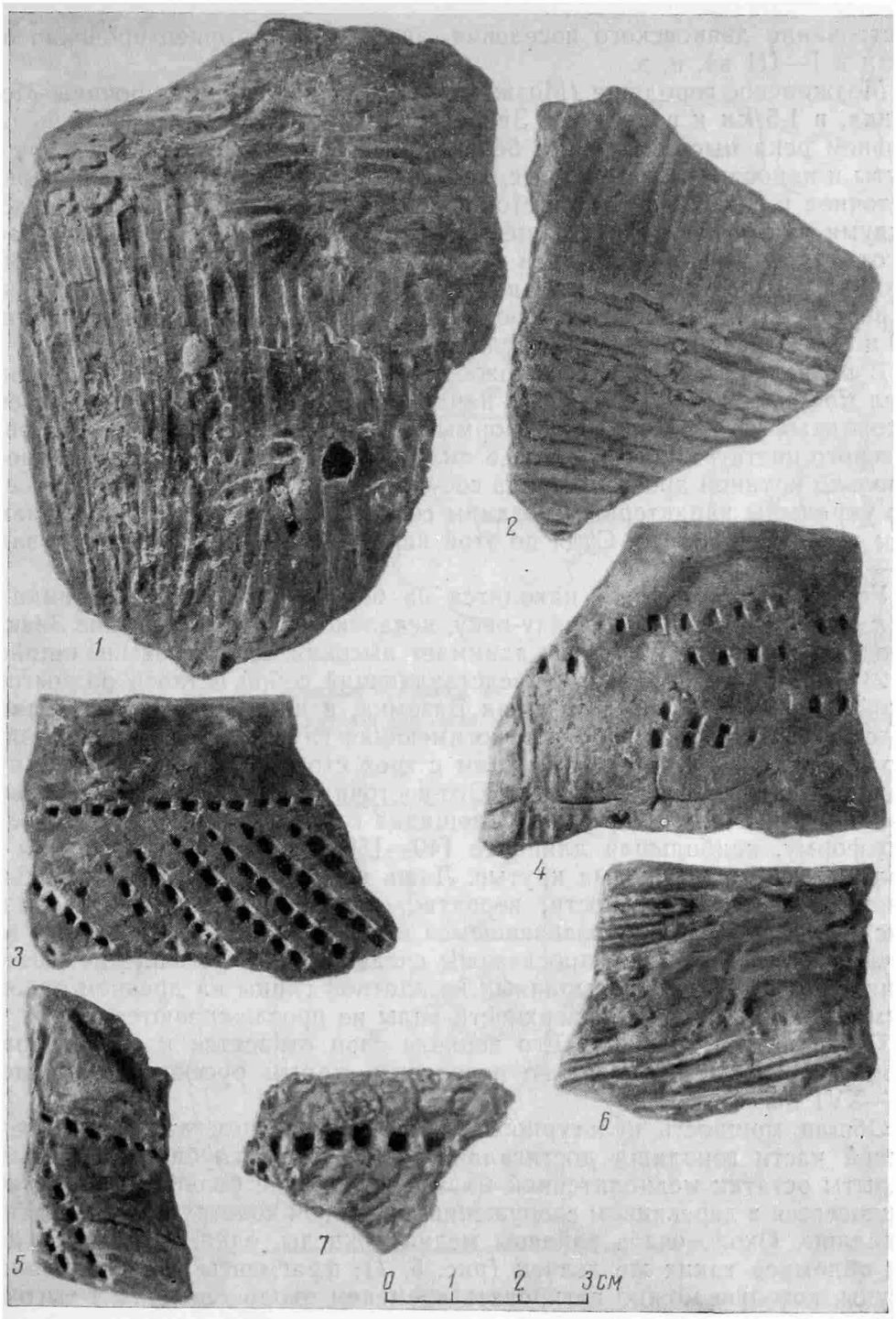


Рис. 4. Обломки сосудов из нижнего слоя городища близ Саввино-Сторожевского монастыря

Культурный слой в обнажениях в юго-восточной части городища достигает мощности 0,6—0,8 *м;* в направлении к северо-западу мощность культурного слоя уменьшается до 0,2—0,3 *м*. Подъемный материал с городища представлен обломками баночных сосудов с отпечатками на внешней поверхности, напоминающими отпечатки тканей, и небольшим количеством славянских круговых сосудов курганного типа. Время су-

ществования дьяковского поселения здесь можно ориентировочно отнести к I—III вв. н. э.

Мозжинское городище (Мозжинка I) [11] расположено в урочище Мозжинка, в 1,5 *км* к востоку от Звенигорода на высоком, около 35 *м* над уровнем реки мысу коренного берега Москвы-реки. Склоны мыса очень круты и поросли, как и сам мыс, деревьями и кустарником. С напольной восточной и северо-восточной стороны городище укреплено одним валом и двумя рвами. Вал в настоящее время сильно оплыл и едва достигает высоты 1 *м*. Сильно заплыли и рвы, прослеживающиеся лишь местами. Площадь городища, ограниченная валом, имеет размеры 40 × 40 *м*. В непосредственной близости от городища, на расстоянии, соответственно, 200 и 300 *м*, расположены два селища, описание которых дано ниже.

В разведочных шурфах, заложенных на городище, культурный слой имел мощность 0,4—0,6 *м*. Здесь найдено значительное количество очень однородных сосудов баночной формы. Обжиг хороший, черепки розовато-серого цвета толщиной 0,6—0,8 *см*. В тесте сосудов отмечена примесь довольно крупной дресвы. Днища сосудов имеют закраины. Стенки сосудов украшены характерным поздним сетчатым орнаментом, напоминающим отпечатки тканей. Судя по этой керамике, городище существовало в I—III вв. н. э.

Успенское городище [12] находится на берегу р. Большая Вяземка в 0,5 *км* от впадения ее в Москву-реку, недалеко от села Успенское Звенигородского района. Городище занимает высокий холм, возвышающийся на 21 *м* над уровнем реки и представляющий собой останец размытого рекой коренного берега. Большая Вяземка, в настоящее время являющаяся просто большим ручьем, но имеющая глубокую и хорошо развитую долину, некогда омывала холм с трех сторон почти вплотную, что видно по следам старых русел. Юго-восточная часть городища сильно разрушена песчаным карьером. Площадка городища имеет подтреугольную форму, наибольшая длина ее 140—150 *м*, наибольшая ширина — около 50 *м*. Склоны холма крутые. Лишь восточная часть его довольно пологая. Здесь в древности, вероятно, находился вход на городище (рис. 2, *4*). В обрыве, образовавшемся в результате выемки песка в восточной части городища, прослежены следы древних укреплений, состоявших из трех валов, насыпанных из плотной глины на древнем склоне холма. На современной поверхности валы не прослеживаются.

Городище двухслойное. Его верхние слои относятся к славянскому селищу XI—XIII вв. и сильно испорчены старым русским кладбищем XV—XVI вв.

Общая мощность культурного слоя в заложенном нами раскопе в южной части городища достигала 1,6—1,8 *м*. На глубине 0,8 *м* были вскрыты остатки меднолитейной мастерской в виде большого очага, находившегося в деревянном сооружении столбовой конструкции, вероятно, в жилище. Около очага найдены медные окислы, одна целая льячка и ряд обломков таких же льячек (рис. 5, *1*), фрагменты гладкой лепной посуды, которую можно датировать временем около середины I тысячелетия н. э.

На уровне материка вскрыты следы углубленного в землю жилища, относящегося к ранней поре существования городища (рис. 6). Жилище

---

[11] Городище открыто в 20-х годах сотрудниками Звенигородского музея. В коллективной работе «Очерки по истории древнерусской деревни» (Тр. ГИМ, 32, 1956, стр. 16, 115) городище ошибочно отнесено к славянским поселениям XI—XIII вв.

[12] Городище было обследовано в 1929 г. А. Чаяновым, в 1953 г.— авторами данной статьи. В 1954 г. на городище были произведены раскопки ГИМ и Звенигородского музея под руководством А. В. Успенской (см. А. В. Успенская. Успенское городище. КСИИМК, 68, 1957). В дальнейшем приводятся лишь те сведения о городище и наших раскопках на нем, которые в той или иной степени дополняют материалы раскопок 1954 г.

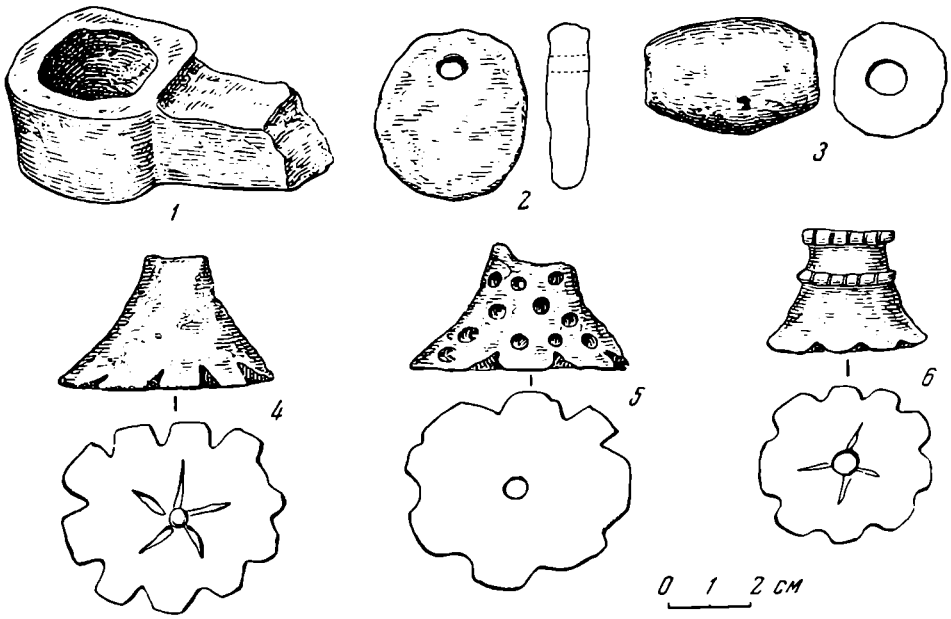


Рис. 5. Глиняные предметы из Успенского городища

1 — льячка; *2,3* — грузила для сетей; *4—6* — грузики «дьякова типа»

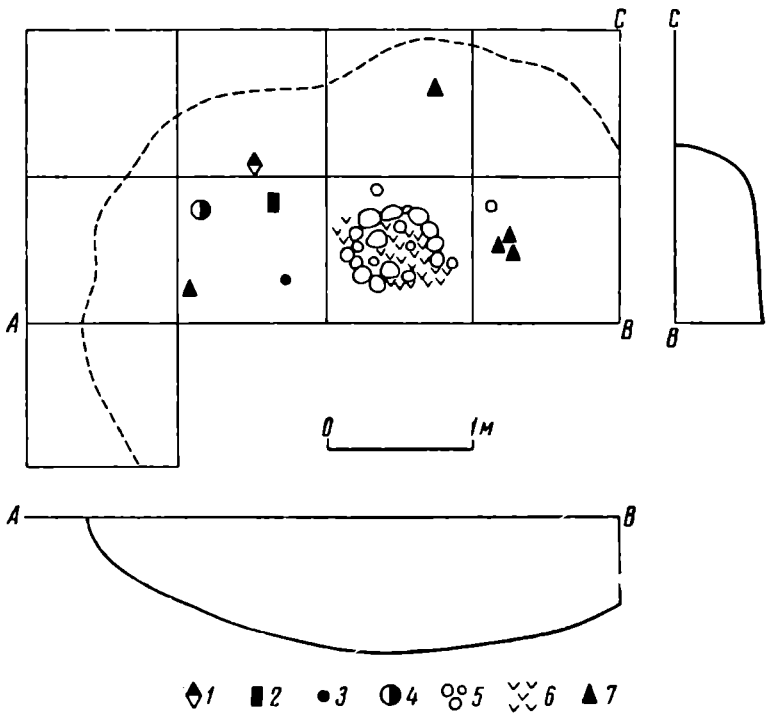


Рис. 6. План и разрезы жилища в нижнем слое Успенского городища

1 — заготовка наковечника копья; *2* — костяной струг; *3* — кремневый скребок; *4* — следы столба; *5* — камни; *6* — угли; *7* — керамика

можно реконструировать как землянку овальной формы диаметром около 6 *м*, имевшую, судя по форме жилища, коническое покрытие. Подобные землянки встречаются на дьяковских поселениях, например на известном Старшем Каширском городище. В заполнении ямы жилища найдены заготовка костяного наконечника копья, кремневый скребок, струг из ребра крупного животного. В центре жилища находился очаг диаметром около 0,6 *м*.

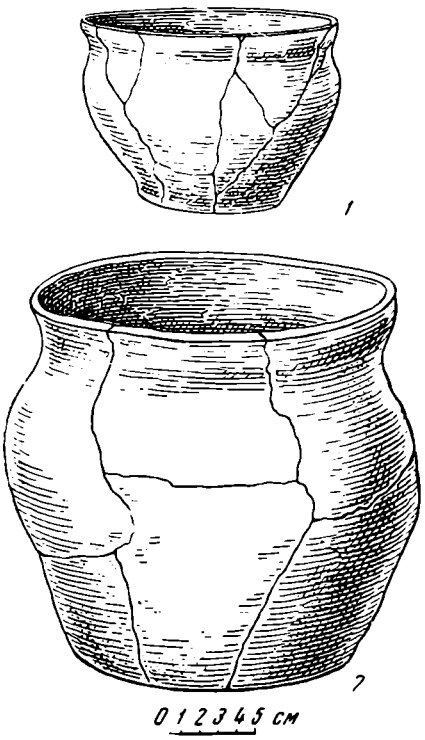


Рис. 7. Сосуды из Успенского городища

Наиболее многочисленную группу находок на городище составляют обломки сосудов. Они очень разнообразны и могут быть разделены на пять групп.

1. Славянская круговая посуда найдена в очень небольшом количестве, ее описание сделано А. В. Успенской.

2. Гладкая лепная посуда может быть разделена на несколько типов.

Тип А. Фрагменты сравнительно небольших приземистых горшков, по профилю близких к ранним гончарным. Эти сосуды имеют значительно отогнутый небольшой венчик, ясно выраженные плечики, днище без закраин. Сосуды изготовлены из глины с небольшой примесью мелкотолченой дресвы и шамота. Поверхность сосудов тщательно сглажена, сосуды вылеплены очень аккуратно и с трудом могут быть отличимы от гончарной посуды. Орнамент отсутствует. Толщина стенок сосудов 0,5—0,8 *см*, обжиг хороший, черепок крепкий, имеет цвет желтый или темно-серый, почти черный (рис. 7, *1*). Подобная посуда имеет аналогии в лепной посуде ранних слоев Суздаля и Ярославля [13], мерянских поселений VI—VII вв., например Попадьинского селища [14], Киучерского могильника IX—X вв. [15] и ряда других памятников второй половины I тысячелетия н. э.

Тип Б. Обломки сравнительно высоких крупных горшков со слегка расширенным от дна туловом. Горло этих сосудов представляет собой воронкообразный раструб с прямо срезанным венчиком. В тесте встречаются примеси крупной дресвы и шамот. Из-за крупных примесей и небрежной обработки поверхности последняя бывает часто шероховатой. Обжиг сравнительно хороший, цвет черепка розовато-серый. Орнамент либо вовсе отсутствует, либо представлен лишь насечкой по венчику (рис. 7, *2*). Подобная керамика имеет аналогии на дьяковских памятниках середины I тысячелетия н. э., например на Березняковском городище [16].

Тип В. Обломки гладких лепных сосудов баночной и близких к ней форм, иногда с намечающимся венчиком, с разнообразными орнаментами из геометрических узоров, нарезок, отпечатков перевитой веревочки

---

[13] Н. Н. Воронин. Суздаль. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 94; его же. Раскопки в Ярославле. МИА, 11, 1949, стр. 184—186.

[14] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 85—87.

[15] Экспозиция Переславль-Залесского краеведческого музея.

[16] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 36.

и т. п. Эта керамика, близкая к так называемой «переходной» керамике Дьякова городища, описана А. В. Успенской.

3. Черная и коричневая лощеная посуда. Найденные обломки принадлежат различным по размерам сосудам, форма которых напоминает посуду описанного выше типа А гладкой лепной посуды или горшки более вытянутых пропорций с выпуклыми стенками и отогнутым венчиком, часто довольно высоким. Толщина стенок 0,6—0,7 *см,* примесей мало, они мелки. Поверхность тщательно обработана, блестящая, черного или коричневатого цвета (рис. 8, *1*). Сосуды близких форм с черной лощеной поверхностью в небольшом количестве встречаются в верхних слоях верхневолжских дьяковских городищ, датируемых серединой I тысячелетия н. э. [17], она есть и в более поздних поселениях. Так, обломки «черной глянцевитой» посуды были найдены на Федяшевском городище вместе с диргемом IX в. [18].

4. Сетчатая, или текстильная, керамика, найденная на городище, делится на два типа. К первому типу, который можно назвать «позднесетчатым», относятся фрагменты сосудов, покрытых отпечатками, имитирующими отпечатки тканей. В большинстве случаев такой орнамент оттиснут специальным твердым штампом, на что указывает и А. В. Успенская описавшая такую керамику из раскопок 1954 г., или же иногда он нанесен ногтем или палочкой. Форма сосудов этого типа — баночная или близкая к ней, со слегка отогнутым венчиком (рис. 8, *2, 3*). Такая посуда найдена нами на упомянутых выше Мозжинском городище и городищах у дома отдыха «Связист» и у бывшего Саввино-Сторожевского монастыря.

Ко второму типу сетчатой керамики относятся обломки сосудов с глубокими и четкими отпечатками тканей, аналогичные большей части посуды описанного выше городища у Саввино-Сторожевского монастыря. Такую керамику можно назвать «древнесетчатой» (рис. 8, *4—6*).

5. В особую группу следует выделить небольшое количество фрагментов довольно разнообразной посуды, обнаруженной в предматериковом слое и в заполнении ямы жилища. Здесь находились обломки сосудов, внешняя поверхность которых покрыта грубой штриховкой, как правило, бессистемной. Эти фрагменты принадлежат небольшим тонкостенным (0,4—0,6 *см*) сосудам, слабо обожженным. Цвет черепка черный, тесто имеет значительные примеси дресвы. Изредка встречается дополнительная орнаментация в виде ямок. Штриховка покрывает иногда и внутреннюю поверхность сосудов (рис. 9, *1, 2, 4*). Эта посуда напоминает штрихованные сосуды из нижнего слоя городища у Саввино-Сторожевского монастыря, но отличается от нее отсутствием четкости в нанесении штриховых линий.

Близка к штриховой так называемая «керамика с полосчатым сглаживанием». Такие сосуды на внешней поверхности имеют широкие и глубокие полосы, оставшиеся от заглаживания. Размерами полос и их более редким расположением они отличаются от штрихованной керамики (рис. 9, *5*). Керамика с полосчатым сглаживанием находит аналогии в нижних слоях Мамонова городища и в керамике восьмого слоя Протопоповского городища, датируемого серединой I тысячелетия до н. э. [19]. Формы штрихованных сосудов и сосудов с полосчатым сглаживанием определить не удалось.

Здесь же были найдены обломки плоскодонных, сравнительно небольших сосудов с расширяющимися кверху выпуклыми стенками, довольно резким перегибом венчика на уровне $^2/_3$ высоты и слегка ото-

[17] О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге, стр. 129, рис. 48.

[18] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 году. АИЗ, 7—8, 1898, стр. 222.

[19] М. В. Талицкий. Керамика Протопоповского городища. СА, X, 1948, стр. 229, рис. 2, *2—3*.

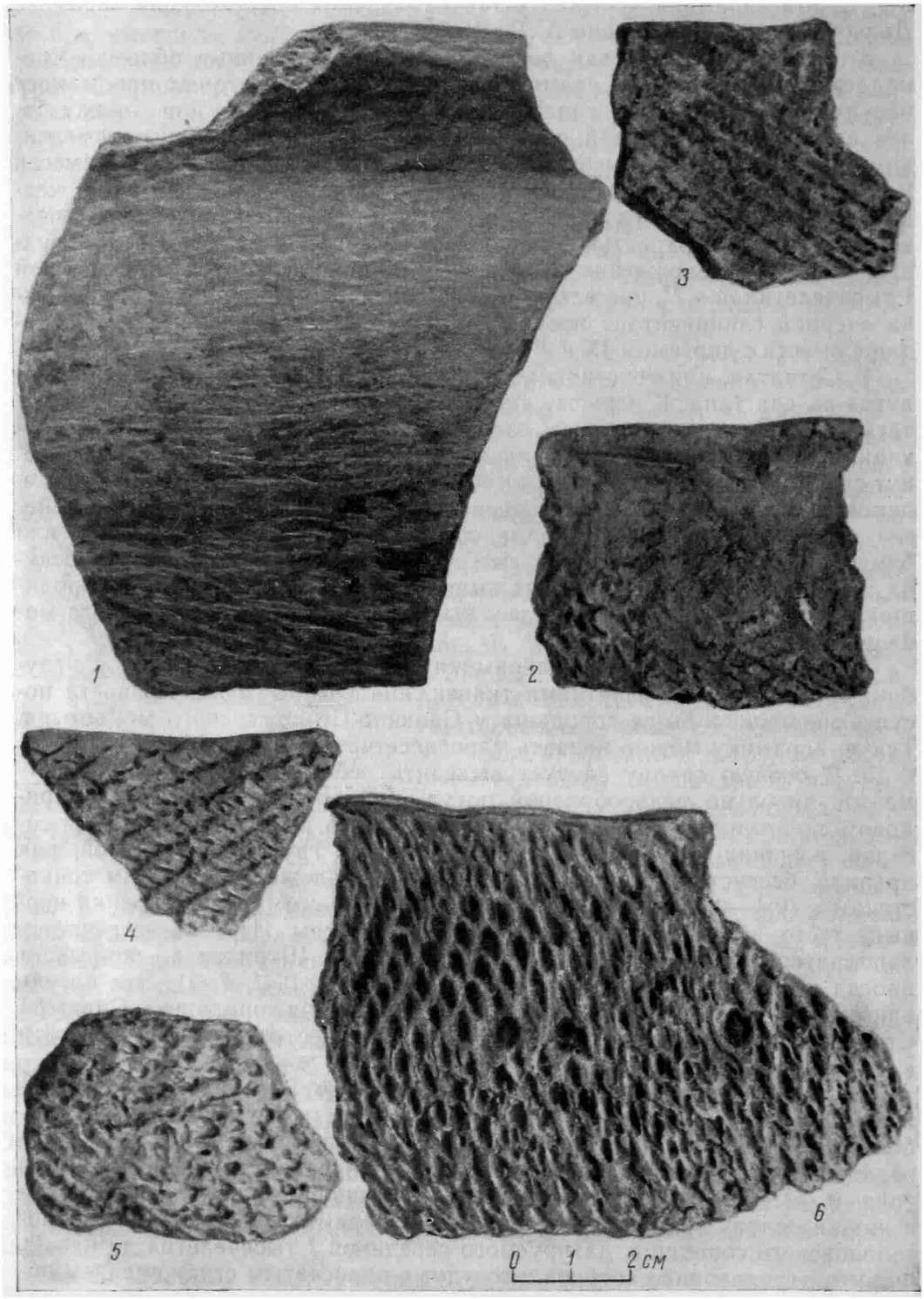


Рис. 8. Обломки сосудов из Успенского городища

гнутым венчиком; орнаментированы по плечикам мелкими ямками, пересекающимися под углом нарезными линиями или отпечатками зубчатого штампа. Близкие по форме и орнаменту сосуды известны из Старшего Каширского городища [20].

[20] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище, табл. IV, 7.

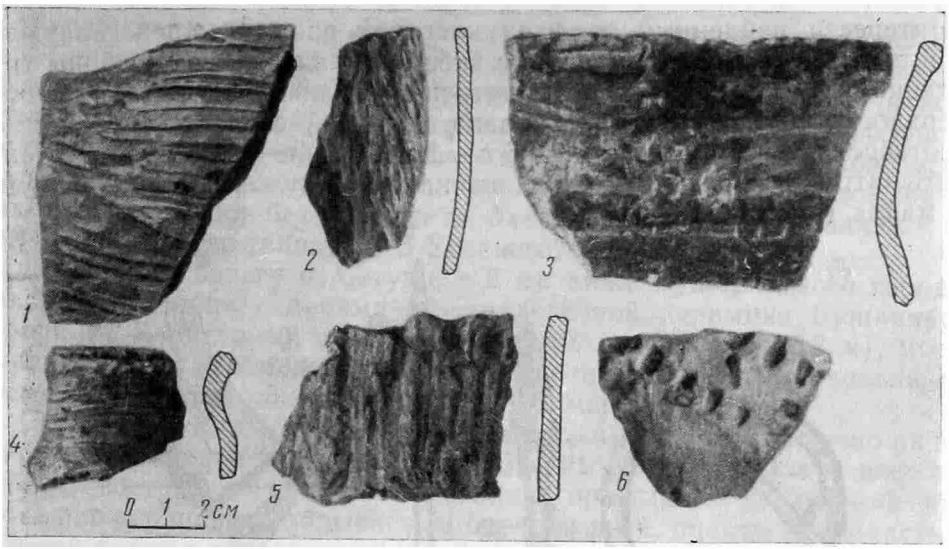


Рис. 9. Обломки сосудов из Успенского городища

Интересны полученные данные о стратиграфическом распределении различных типов посуды на городище, показательные даже при условии значительных позднейших перекопов на городище [21]. Гладкая лепная посуда типа А находилась главным образом во 2—4-м пластах (глубина 0,2—0,8 *м*), гладкая лепная типа Б — в 3—5-м пластах, гладкая лепная типа В — в пластах 5—6-м. Черная и коричневая лощеная посуда обнаружена вместе с гладкой лепной первых двух типов, главным образом в пластах 2—4-м. Позднесетчатая керамика в единичных экземплярах встречалась во 2—4-м пластах, но основная масса ее найдена в 5—7-м пластах. Отдельные обломки древнесетчатой керамики попадались в 4—6-м пластах, в значительном количестве они были найдены в 7—9-м пластах. Штрихованные сосуды и сосуды с полосчатым сглаживанием и другие древние типы залегали в 8—9-м пластах (глубина 1,4—1,8 *м*) и в заполнении ямы жилища.

Весьма многочисленны на городище находки костяных поделок и костей со следами обработки. Большинство их найдено в нижних горизонтах городища — пластах 4—9-м. Большую часть костяного инвентаря составляют различные острия, проколки, иглы (рис. 3, *1*). Найдено несколько наконечников стрел и их заготовок (рис. 3, *2, 4—6*). Среди наконечников стрел имеется однокрылый. По мнению В. А. Городцова такие наконечники являются подражанием скифским бронзовым однокрылым наконечникам VII—V вв. до н. э. и должны датироваться этим временем. Однако они бытовали, вероятно, и позже, в середине и конце I тысячелетия до н. э. Их находки отмечены на городище Топорок [22], Пекуновском [23], Подмокловском [24], где они датируются примерно тремя последними веками до нашей эры. Из других костяных орудий следует отметить два струга или тупика из реберных костей крупных животных. Подобные орудия, употреблявшиеся, вероятно, в кожевенном производстве, известны из ранних слоев дьяковских городищ. Они найдены, например, на Старшем Каширском городище.

---

[21] Верхний слой городища попорчен перекопами в более или менее значительной степени до глубины 0,6—0,7 *м*.

[22] Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок. Тр. 2-го областного Тверского АС, 1906, стр. 261.

[23] О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге, стр. 118, рис. 37, *6*.

[24] Раскопки А. В. Успенской.

Интересен найденный в осыпи костяной предмет, представляющий собой прекрасно отполированную с внешней и внутренней стороны трубку длиной 13,5 *см* и диаметром внутреннего канала 1,5—2 *см*. Внешняя поверхность трубки орнаментирована. С одной стороны трубка имеет два отверстия диаметром 0,4 и 0,5 *см*. Назначение этого предмета определить затруднительно, возможно, это какой-то музыкальный инструмент или манок (рис. 3, *7*).

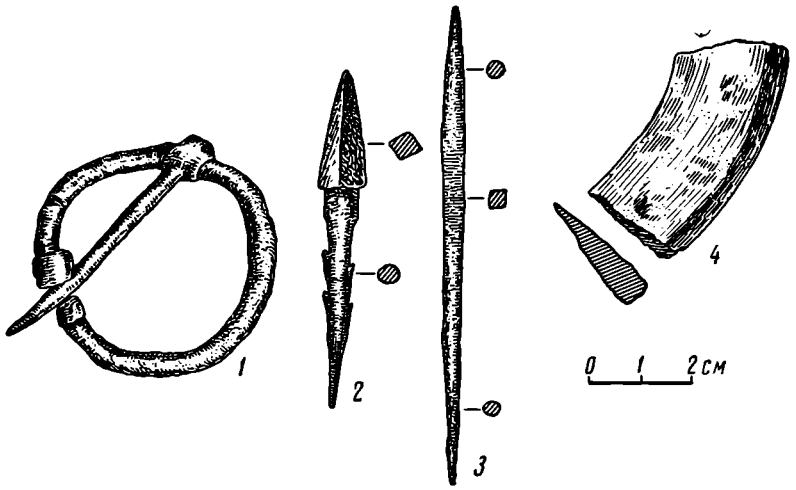


Рис. 10. Железные предметы из Успенского городища

В раскопе найдено несколько железных предметов. В третьем пласте найден наконечник стрелы, представляющий собой кованый стержень длиной 7 *см* с массивным четырехгранным боевым концом и округлым длинным насадом (рис. 10, *2*). В пласте 4-м обнаружены шило (рис. 10, *3*) и круглая пряжка с несколько разомкнутыми спирально загнутыми концами (рис. 10, *1*). Аналогичные пряжки известны на городище Березняки [25] и в ряде других памятников середины I тысячелетия н. э. Найдены также обломки серпа (рис. 10, *4*), ножа и несколько небольших железных обломков.

В культурном слое городища обнаружены также куски железных шлаков, свидетельствующие о местном производстве железа.

Из других находок на городище следует отметить три грузика (рис. 5, *4—6*), грузила от рыболовной сети (рис. 5, *2, 3*), ряд округлых камней, возможно — метательных. В предматериковом слое найдено несколько кремневых отщепов и два скребка.

Остеологический материал из раскопа сравнительно невелик. Удалось определить кости домашних животных — коровы и лошади, и диких — лося, бобра, кабана и медведя.

Полученный материал с Успенского городища позволяет предположить, что это поселение возникло около середины I тысячелетия до н. э. и существовало по крайней мере до V—VI вв.

Остальные обследованные нами поселения представляют собой неукрепленные селища и, судя по керамике, относятся к середине I тысячелетия н. э.

На селище, расположенном на левом берегу Москвы-реки в 1,5 *км* ниже дер. Старая Руза Рузского района, обнаружены гладкая лепная посуда без орнамента и обломки черных лощеных лепных горшков. Это селище, имеющее культурный слой мощностью около 0,25 *м*, значительно разрушено водами реки, подмывающими здесь крутой берег.

---

[25] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 66, рис. 37, *12*.

Вероятно, к этому же времени следует отнести и селище между дер. Григорово и совхозом Васильевское Рузского района, на правом берегу Москвы-реки. Большая часть селища также разрушена водами реки. Культурный слой, прослеженный вдоль берега на протяжении 50 *м*, имел мощность 0,15—0,2 *м*, светло-серую окраску и был слабо насыщен культурными остатками. Здесь собрано несколько мелких обломков гладких лепных сосудов без орнамента, близких по внешнему облику к гладкой лепной посуде типов А и Б Успенского городища.

На правом берегу р. Сетуни, в 2 *км* ниже Бушаринского городища, находится селище с керамикой, аналогичной керамике Бушаринского городища. Культурный слой селища очень тонок (0,15—0,2 *м*), местами выклинивается. Возможно, что городище и селище существовали одновременно. Селище занимает площадь примерно 70 × 50 *м*.

Селище у с. Каринское Звенигородского района расположено на невысоком всхолмлении левого берега Москвы-реки в 300 *м* к востоку от села. С востока к территории селища примыкает неглубокий овраг, с юга оно ограничено обрывистым берегом реки, причем здесь часть территории селища разрушена (рис. 2, *2*). Площадь селища по материалам шурфовки может быть определена в 500—600 *м*^{2}. Культурный слой селища имеет мощность 0,2—0,4 *м*, светло-серый, очень беден находками. В шурфах найдено лишь несколько обломков грубых гладкостенных лепных сосудов близких к баночной форме с примесями в тесте крупной дресвы.

В урочище Колтарово, в 1 *км* к северо-западу от ст. Звенигород, на склоне коренного правого берега Москвы-реки расположено еще одно селище, большая часть которого разрушена гравийным карьером. Первоначально оно занимало площадь не менее 2000 *м*^{2}. Верхний слой селища славянский, на основании керамики датируется XI—XIII вв. В нижнем слое мощностью 0,2—0,3 *м*, отделенном от славянского слоя стерильной прослойкой, найдено несколько обломков гладких лепных сосудов без орнамента и позднесетчатой керамики.

Два небольших селища, частично разрушенных в результате смыва почвы, расположены в урочище Мозжинка близ Звенигорода, в непосредственной близости от Мозжинского городища. Они расположены на мысах коренного берега, отделенных друг от друга глубокими оврагами (поселения Мозжинка II и III). Культурный слой этих поселений едва достигает мощности 0,2—0,3 *м*, местами выклинивается. На селище Мозжинка II найдены гладкая лепная посуда и обломки лепных сосудов с черным лощением. Таким образом, состав керамики здесь такой же, как и на селище близ дер. Старая Руза. Оба эти типа часто встречаются в одном комплексе на поздних дьяковских городищах, как, например, на Барвихинском [26]. Сборы на селище Мозжинка III дали обломки позднесетчатой и гладкой лепной посуды. Вероятно, оба эти селища возникли в результате увеличения населения Мозжинского городища, которое уже не могло уместиться на тесном пространстве, защищенном валами городища, и вынуждено было селиться на свободном пространстве вблизи старого поселения.

Ислáвское селище [27] расположено на высоком правом берегу Москвы-реки на окраине с. Ислáвское Звенигородского района, у церкви. Значительная часть селища занята строениями, часть разрушена рекой. Культурный слой толщиной до 0,7 *м* сильно перемешан, так как на этом месте с XIV в. существовало с. Ислáвское. Из материалов дьяковского времени найдены обломки гладких лепных сосудов, близких к баночной форме,

---

[26] Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, 1936.

[27] Вероятно, это поселение упоминается в работе: С. К. Богоявленский. Материалы к археологической карте Московского края. МИА, 7, стр. 175. Здесь оно названо городищем.

а также с выпуклыми стенками и отогнутым венчиком. Некоторые сосуды орнаментированы насечками и нарезками по венчику.

Обследование археологических памятников I тысячелетия до н. э.— I тысячелетия н. э. показывает, что верхнее течение Москвы-реки было довольно густо заселено племенами дьяковской культуры. Первые поселения этой культуры возникают здесь в середине или во второй половиней I тысячелетия до н. э. В настоящее время трудно проследить связь дьяковского населения долины Москвы-реки с более ранними культурами этого края, но преемственность в глиняной посуде древнейших слоев некоторых городищ (например, Успенского) с керамикой более ранних поселений (нижний слой городища у Саввино-Сторожевского монастыря, дюнные стоянки на Москве-реке, исследованные Н. О. Криштафовичем) позволяет предположить, что и в долине Москвы-реки происходило сложение дьяковской культуры.

Дьяковские поселения, численно увеличиваясь, существуют здесь до второй половины I тысячелетия н. э., после чего сменяются славянскими поселениями. В настоящее время почти невозможно по археологическому материалу проследить, когда произошла в долине Москвы-реки смена угро-финского дьяковского населения славянским. Можно только предполагать, что это был длительный процесс, охвативший всю вторую половину I тысячелетия н. э. В этой связи хочется высказать предположение, что верхние слои ряда дьяковских городищ долины Москвы-реки (как, например, Дьякова городища, Успенского городища и др., в которых встречается керамика, аналогичная найденной на мерянских поселениях второй половины I тысячелетия н. э. в районе Верхней Волги) следует датировать позднее V—VI вв. К сожалению, для пересмотра датировки этих слоев мы располагаем еще недостаточным количеством данных.

У племен дьяковской культуры в рассматриваемом нами районе обычай укрепления поселений возник очень рано. Так, стратиграфические наблюдения показывают, что Успенское городище и городище близ Саввино-Сторожевского монастыря были укреплены во время бытования на них древнесетчатой керамики. Во время возникновения поселения было укреплено Мозжинское городище, керамический комплекс которого характеризуется позднесетчатой керамикой. Этот факт находится в противоречии с выдвинутой Е. И. Горюновой гипотезой, что время появления земляных укреплений на дьяковских городищах «совпадает с периодом повсеместного и полного исчезновения сетчатой керамики, т. е. примерно с III—IV столетиями» [28]. Около середины I тысячелетия н. э. появляются и широко распространяются неукрепленные селища, хотя многие городища продолжают существовать и даже возникают новые (например, Бушаринское городище). Весьма вероятно, что этот процесс изменения форм поселения связан с разложением родовой общины и заменой ее территориальной общиной.

---

[28] Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 47.

С. К. КАБАНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО СОГДА в III—VI веках

В 1952—1958 гг. на трех памятниках долины р. Кашка-Дарьи — на Шор-Тепе, Аул-Тепе и Джангаль-Тепе — при раскопках найдены одинаковые монеты местного, нахшебского чекана, имевшие хождение в период эфталитского государства, с семидесятых годов V в. до 563—567 гг.[1] Несмотря на засвидетельствованную этими монетными находками хронологическую близость названных памятников, комплексы выявленных в них керамических материалов различаются многими существенными признаками. Цель предлагаемой статьи — выяснить причину этого явления, пока единственного в археологии Средней Азии.

Прежде всего необходимо кратко охарактеризовать каждый из названных памятников; эта задача облегчена тем, что о работах на двух из них — Шор-Тепе и Аул-Тепе уже были опубликованы предварительные сообщения. О Джангаль-Тепе была помещена лишь краткая справка, написанная до раскопок[2].

Поселение сельского типа, развалинами которого являлось Джангаль-Тепе, было подпрямоугольным в плане (рис. 1), размером около 0,8 *га*. В наслоениях поселения установлено три строительных периода, но от нижних до верхних слоев не отмечено резких изменений в характере представленной им культуры; в плане культурно-историческом этот памятник — однослойный, хотя толща его отложений местами достигала 7 *м*.

В нижних наслоениях открыта часть коридора с примыкавшими к нему помещениями; они, по-видимому, входили в систему оборонительных сооружений, окружавших все поселение. В коридоре и в наслоениях его уровня выявлены керамические изделия как станковой (рис. 2, *12—14*), так и лепной работы (рис. 2, *15—17*). Стены преимущественно глинобитные, но в них выявлен и прямоугольный сырцовый кирпич размером 54 × 32 × 7 *см*.

В двух небольших раскопах, заложенных в северной части тепе (см. рис. 1), в верхних слоях раскрыты лишь незначительные остатки жилых зданий, стены которых были сложены из пахсы и сырцового кирпича размером 46 × 33 × 7 и 40 × 30 × 7 *см*. В керамическом комплексе также

---

[1] С. К. Кабанов. Нахшебские монеты V—VI вв. ВДИ, 1961, 1, стр. 137—144. Там же помещена схематическая карта бассейна р. Кашка-Дарьи, на которой показаны рассматриваемые здесь памятники. Два из них — Аул-Тепе и Джангаль-Тепе находятся в средней части долины, в зоне Чим-Курганского водохранилища; третий памятник — Шор-Тепе расположен в низовой части долины, близ г. Карши.

[2] С. К. Кабанов. Археологические памятники зоны Чим-Курганского водохранилища. Изв. АН УзССР, 1957, 2, стр. 80.

обнаружены сосуды, как изготовленные на станке, так и слепленные от руки (рис. 2, *21—26*), примерно в равном количественном соотношении.

Нахшебские монеты были найдены на глубине около 1,5 *м*.

Возможно выделить несколько форм сосудов, наиболее характерных для всех (верхних и нижних) наслоений Джангаль-Тепе.

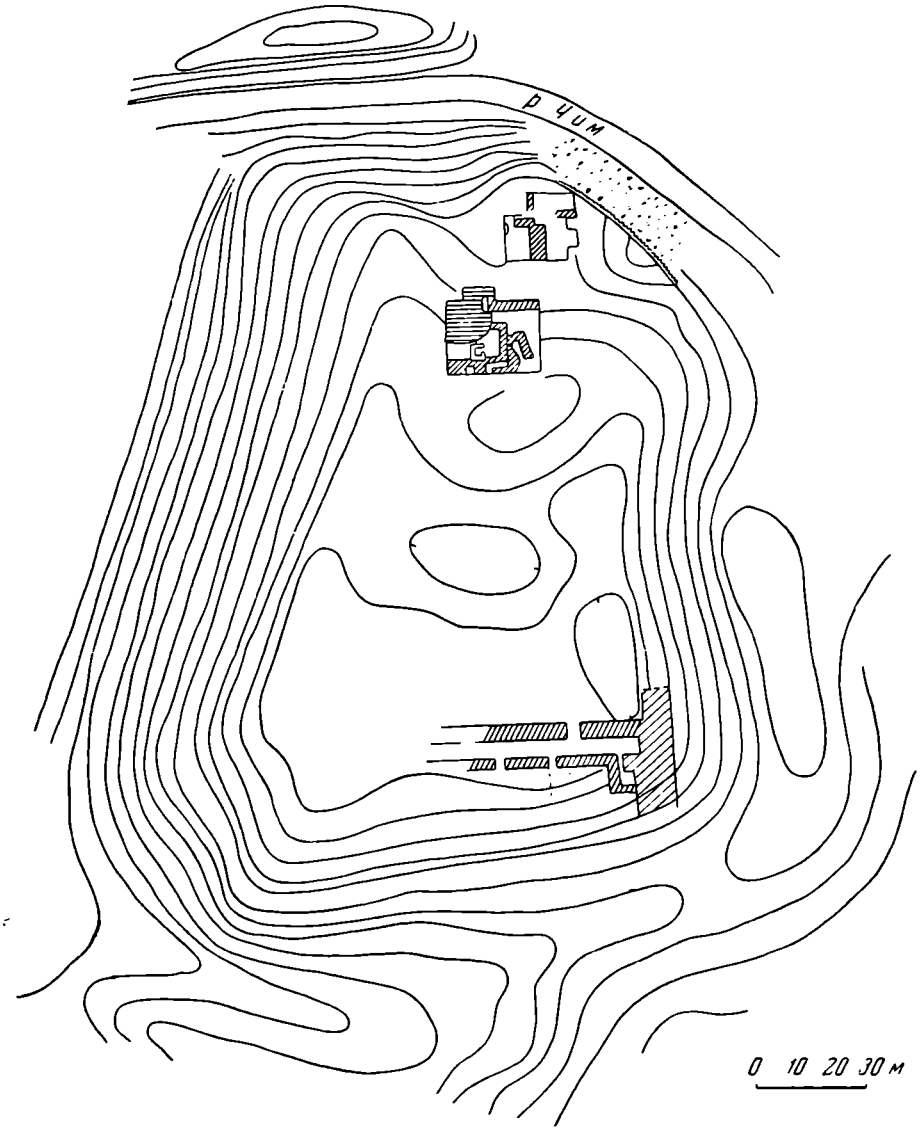


Рис. 1. Джангаль-Тепе. План

Сосуды в виде невысоких чаш с широким устьем и фигурным бортиком (рис. 2, *21*) покрыты серым ангобом. Для сосудов этого типа из нижнего слоя характерно несколько суженное дно.

Сосуды в виде обращенного вниз усеченного конуса (рис. 2, *23*) с резко выраженными валиками, образовавшимися при изготовлении сосуда на гончарном круге. В донышке таких сосудов имеется одно, редко — два-три отверстия. Применялись они, по-видимому, в качестве цедилок при изготовлении сыра или творога.

В нижних наслоениях, в комплексе коридора, найдены фрагменты сосуда со множеством отверстий в стенках и донышке (рис. 2, *13*); подобные сосуды типа цедилки найдены и в Пянджикенте [3].

[3] И. Б. Бентович. Керамика Пянджикента. МИА, 37, 1953, рис. 11.

Лепные курильницы (рис. 2, *15, 16, 26*) на вертикальном стержне с коническим поддоном и с резервуаром в виде глубокой чаши. На некоторых из курильниц налеплены украшения, иногда в виде шипов, что очень сближает их с ранее найденными в Каршинском оазисе сосудами этого вида [4]. Сосуды подобного типа широко известны и в других районах Средней Азии [5].

Подставки для вертелов в виде пластин, расширенных у основания и суженных к гребню; такие подставки очень широко известны в долине Кашка-Дарьи [6]; известны они и в других районах Средней Азии, но заслуживает внимания тот факт, что такие подставки не найдены в более южных районах, а именно — в долине Сурхан-Дарьи и в южном Туркменистане.

[4] С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. ВДИ, 1956, 2, рис. 8.

[5] И. Б. Бентович. Ук. соч., стр. 142, рис. 10; Л. И. Альбаум. Некоторые культовые предметы из раскопок Балалык-тепе. КСИЭ, XXX, 1958, стр. 73—77.

[6] С. К. Кабанов. Ук. соч., рис. 9.

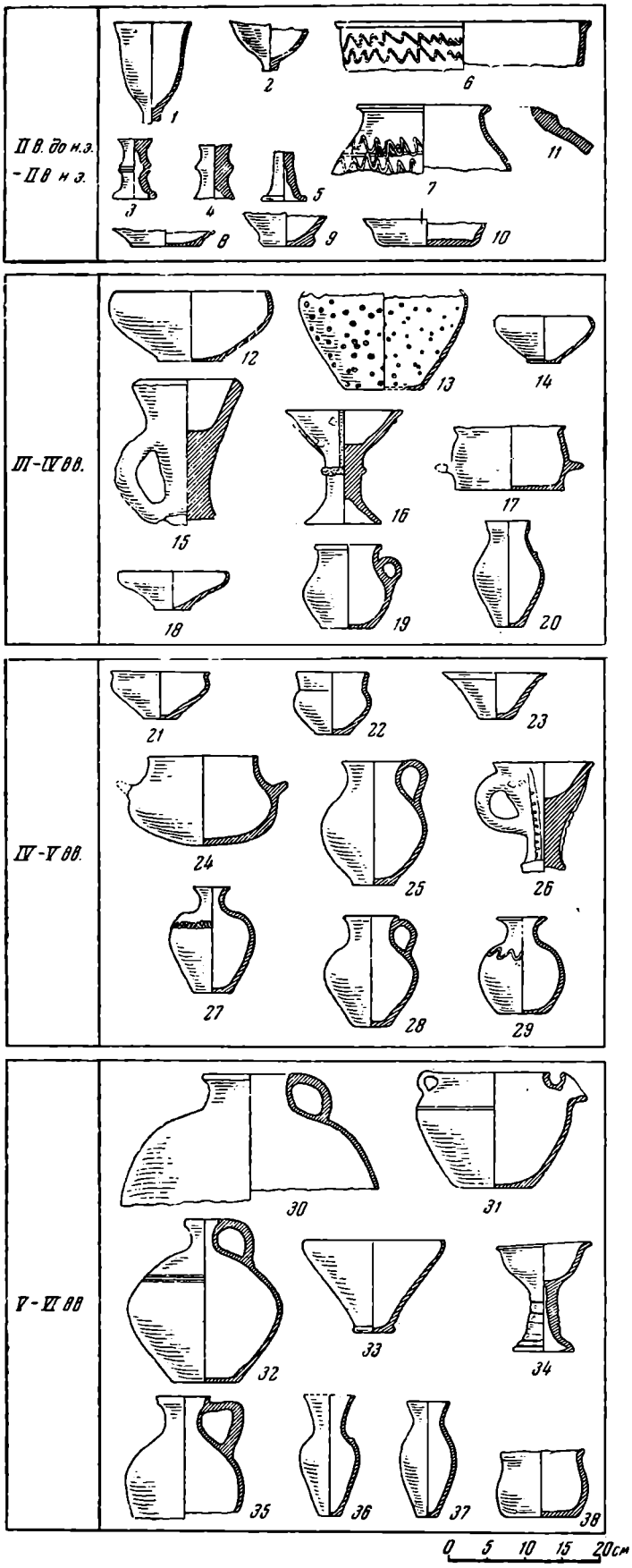


Рис. 2. Таблица керамических форм

Материалы из раскопок в зоне Чим-Курганского водохранилища: *1,3,5—11* — Калян-Тепе; *2, 4* — Большое Кыз-Тепе, *12 — 17*—Джангаль-Тепе (нижние наслоения); *21—26*—Джангаль-Тепе (верхние наслоения); *27—29*—Малое Кыз-Тепе; *30 — 34, 37, 38* — Аул-Тепе. Материалы из раскопок в Каршинском оазисе: *18—20* — Дагай-Тепе; *35, 36* — Шор-Тепе.

Рис. 3.

1 — очажная подставка с зооморфными изображениями; *2* — обломок кувшина с зооморфной ручкой (Джангаль-Тепе); *3* — обломок кувшина с тохаристанским знаком (Шор-Тепе)

В нижних наслоениях Джангаль-Тепе найдена очажная подставка, сильно отличающаяся от других как по размерам (она примерно в два раза больше других подставок по длине), так и по обработке: два ее верхних угла обработаны в виде стилизованных голов барана (рис. 3, *1*). Подобные подставки и ранее были известны в культуре Каунчи II [7] и на Тали-Барзу [8]; Г. В. Григорьев интерпретирует их как предметы, связанные с кочевничеством и пережитками тотемизма.

Комплекс керамических изделий из Джангаль-Тепе отличается обилием сосудов домашнего изготовления, способом лепки от руки; основную массу изделий этого вида составляли котлы, иногда с признаками подражания металлическим изделиям, с опущенной вниз проушной ручкой. Характерны сосуды с закругленным дном (рис. 2, *24*). Отметим еще фрагмент узкогорлого сосуда с зооморфной ручкой (рис. 3, *2*), напоминающей ручки сосудов из Каунчи-Тепе [9].

В зоне Чим-Курганского водохранилища имеется ряд развалин поселений, близких или аналогичных этому памятнику по всем основным признакам их керамических комплексов. В частности, в 1,5 *км* к северо-западу от него находится небольшой бугор — Малое Кыз-Тепе, в котором заключается комплекс, близкий по своему облику к комплексу Джангаль-Тепе (рис. 2, *27—29*).

В комплексе находок из наслоений Джангаль-Тепе преобладают элементы культуры с устойчивыми земледельческими традициями, однако в сложении этой культуры имели значение и традиции, ведущие свое начало от кочевого уклада хозяйства: признаком их являются весьма характерные зооморфные изображения, а также и сосуды с закругленными донцами.

Датировка памятника устанавливается с определенностью. В нем нет наслоений с комплексом керамических изделий, характерным для наслоений первых веков нашей эры (рис. 2, *1—11*), что дает основание определить возникновение поселения не ранее чем в III в.; эту датировку подтверждает и наличие в постройках нижнего слоя прямоугольного кирпича, а не квадратного, характерного для рубежа нашей эры почти повсеместно в Средней Азии, в том числе и в долине Кашка-Дарьи. Верхние наслоения памятника нахшебскими монетами датируются V—VI вв.; ниже мы увидим, что эту датировку возможно уточнить: поселение окончило свое существование в последней четверти V в.

Аул-Тепе было раскрыто раскопками полностью; выяснилось, что этот памятник является развалинами здания со сложной планировкой, харак-

[7] Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе (раскопки 1935), Ташкент, 1940, стр. 24.

[8] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, II, Л., 1940, стр. 93.

[9] Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935, стр. 16, рис. 16.

теризующейся, во первых, симметричностью расположения помещений, во-вторых, наличием внутреннего обходного коридора, соединяющего все помещения [10]; здание с такими же особенностями планировки исследовано в окрестностях Самарканда, близ Кафир-Калы [11].

В ходе работ был получен довольно большой комплекс производственно-бытового инвентаря, преимущественно керамического. В глиняной посуде мы также отметим несколько наиболее характерных форм.

К ним относятся, прежде всего, чашевидные кубки (рис. 2, *33*), фрагменты которых были во множестве найдены во всех помещениях и на всех уровнях. Подобные кубки известны в слое Тали-Барзу IV [12], в Пянджикенте [13], в Калаи-Муг [14], в сельском поселении близ Кафир-Калы. В долине Кашка-Дарьи они известны, кроме Аул-Тепе, еще на ряде памятников, но только в средней части долины Кашка-Дарьи; ни в районе Шахрисябза (верхняя часть долины), ни в районе Карши (нижняя часть долины) такие сосуды не обнаружены.

Вторая керамическая форма, руководящая для комплекса Аул-Тепе, это — широкогорлые сосуды типа кринок со сливом под венчиком (рис. 2, *31*). В долинах Кашка-Дарьи и Зеравшана они встречаются неизменно вместе с отмеченными выше чашевидными кубками. Котлы из комплекса Аул-Тепе — только станковой работы — сделаны из особой жаростойкой массы. Подобные котлы найдены и в Пянджикенте, но там же найдены и котлы лепной работы, возможно, из более ранних наслоений. На Джангаль-Тепе котлы станковой работы не встречались.

Для комплекса Аул-Тепе характерны крупные кувшины с относительно широкими цилиндрическими горлышками и пологими плечиками (рис. 2, *30*); такие же кувшины характерны и для Пянджикента [15]. На одном из кувшинов был обнаружен процарапанный после обжига знак [16], часто встречающийся на согдийских монетах [17]. Разновидности этого знака были обнаружены и на фрагментах других сосудов (рис. 4).

Из сосудов, характерных для комплекса Аул-Тепе, отметим еще узкогорлые кувшины (рис. 2, *32*), известные и в долине Зеравшана [18]. Курильницы отличаются от найденных на Джангаль-Тепе более высокой техникой изготовления (рис. 2, *34*).

На Аул-Тепе нахшебские монеты были найдены на различных уровнях, от пола до верхних слоев, что наряду с однородностью керамического комплекса свидетельствует об однослойности памятника, а также об относительной кратковременности существования здания, развалинами которого он являлся. Вместе с монетами здание возможно датировать от последней четверти V в. до времени разрушения государства эфталитов (563—567 гг.).

Аул-Тепе и Джангаль-Тепе территориально — соседние памятники, их разделяет лишь расстояние в 1,5 *км* и река. Находки одинаковых монет говорят и о хронологической близости этих памятников. Однако даже при самом беглом ознакомлении с керамическими материалами

---

[10] С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи. СА, 1958, 3, стр. 144—151.

[11] Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. Сб. «История материальной культуры Узбекистана», 2, Ташкент, 1961, стр. 194.

[12] Г. В. Григорьев. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда. Архив ЛОИА АН СССР, № 92, сводная таблица.

[13] А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента. МИА, 15, 1950, стр. 89, 91.

[14] Б. Я. Ставиский. Археологические работы в бассейне Магиан-Дарьи в 1957 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.», V, Сталинабад, 1959, стр. 78.

[15] А. И. Тереножкин. Ук. соч., табл. 41, рис. 4.

[16] С. К. Кабанов. Согдийское здание..., стр. 149, рис. 8.

[17] О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, стр. 219.

[18] Б. Я. Ставиский. Ук. соч., стр. 78, рис. 7.

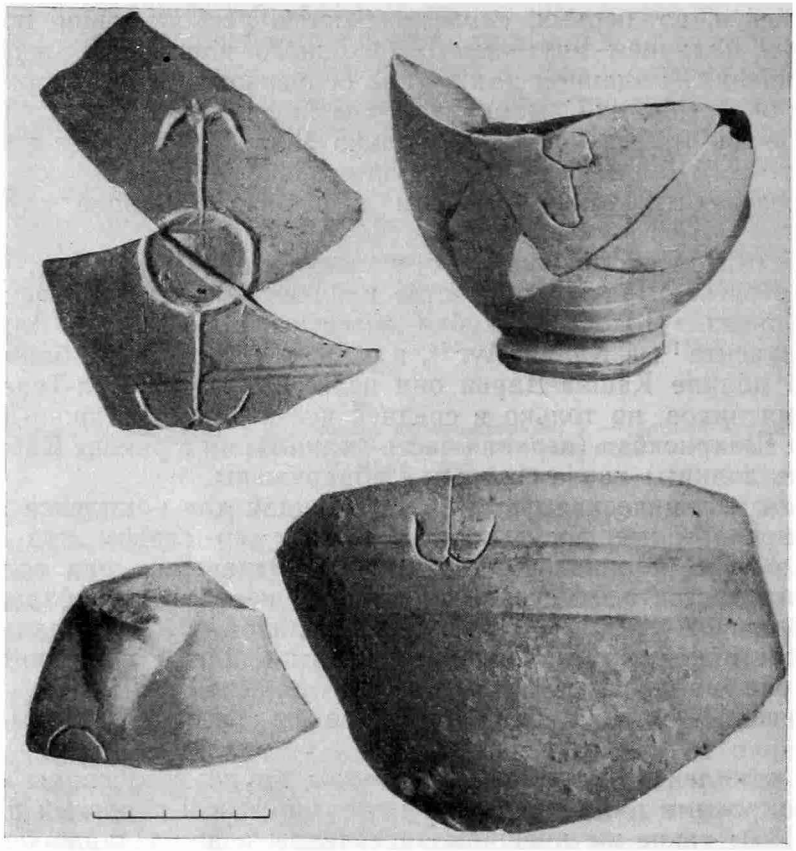


Рис. 4. Согдийские знаки (Аул-Тепе)

обоих памятников нельзя прийти к выводу, что жители поселений, развалинами которых являются Джангаль-Тепе и Аул-Тепе, были соседями. В этом случае надо было бы ожидать, что керамические формы, наиболее характерные для одного памятника, были бы характерны и для другого. Но это далеко не так. Правда, некоторые признаки сближают керамические комплексы обоих памятников, к ним относится сходство крупных сосудов-хумов, наличие орнамента в виде волнистых линий на стенках толстостенных сосудов, наличие сосудов типа цедилок, различающихся, однако, по форме и технике изготовления. Но наиболее характерные признаки посуды различны. Если на Джангаль-Тепе половину керамического комплекса составляют сосуды лепной работы, то на Аул-Тепе они почти не встречаются. На Джангаль-Тепе котлы лепной работы, на Аул-Тепе — только изготовленные на станке. На Джангаль-Тепе не встретилось ни одного фрагмента чашевидного кубка и ни одного фрагмента кринки со сливом под венчиком, тогда как на Аул-Тепе эти сосуды являются наиболее характерными и часто встречающимися. Несомненно, если бы оба эти поселения сосуществовали, то в какой-то степени имелось бы сходство состава керамики, однако этого не наблюдается, перед нами изолированные один от другого комплексы. Но как этот вывод увязать с фактом территориальной и хронологической близости памятников? Решение возможно одно: когда возникло здание, развалинами которого является Аул-Тепе, Джангаль-Тепе уже не было обитаемым. Оба события — разрушение поселения и возникновение здания — произошли в последней четверти V в.: об этом свидетельствуют находки в наслоениях обоих памятников нахшебских монет, выпуск которых начался как раз в это время.

Теперь мы можем обратиться к определению этнической принадлежности населения, оставившего нам Аул-Тепе и Джангаль-Тепе. В отношении первого из названных памятников этот вопрос решен уже в ходе изложения материала: состав керамического комплекса, знаки на сосудах, планировка здания — все это находит свои аналогии в долине Зеравшана, в памятниках, оставленных согдийцами; несомненно, носителями культуры Аул-Тепе были согдийцы.

Из обзора материалов раскопок на Джангаль-Тепе видно, что в своей основе это была древняя земледельческая культура, но в ней видны и признаки культуры кочевников. Были отмечены признаки, связывающие керамический комплекс Джангаль-Тепе с другими памятниками долины Кашка-Дарьи и Зеравшана. Несомненно, это была автохтонная культура. Исходя из общепринятого в науке положения, что долина Кашка-Дарьи, как и долина Зеравшана, с древнейших времен была населена согдийцами, мы можем и носителей культуры Джангаль-Тепе определить как согдийцев; элементы, привнесенные кочевниками, не могут быть неожиданными в силу условий исторического развития Средней Азии, одной из существенных черт которого было постоянное сосуществование оседлого и кочевого населения. Выше уже было показано, что Джангаль-Тепе как поселение существовало в III—V вв., а Аул-Тепе — в V—VI вв. Из приведенных сопоставлений можно прийти к выводу, что оба эти памятника в своих керамических комплексах отражают две ступени в развитии согдийской культуры. Более древнюю из них можно определить как еще не вышедшую из недр рабовладельческого общества, более позднюю, представленную комплексом Аул-Тепе,—как переходную от рабовладельческого общества к феодализму.

Возникает вопрос: если комплексами Джангаль-Тепе и Аул-Тепе представлены две ступени в развитии согдийской культуры, то, имея в виду их хронологическую близость, чем возможно объяснить резкое различие в их содержимом? Ведь если Джангаль-Тепе кончило свое существование в последней четверти V в., а Аул-Тепе только возникло в это время, то невозможно, чтобы за короткий промежуток времени, разделявший эти события (не свыше 20 лет), могли произойти такие сильные изменения в последнем по времени комплексе.

Выше уже отмечалась многочисленность признаков связей Аул-Тепе с памятниками долины Зеравшана. Здесь нужно подчеркнуть еще и свежесть этих связей: многие сосуды из Аул-Тепе и, например, из Пянджикента, в особенности отмеченные выше две «руководящие» формы (чашевидные кубки и кринки со сливом под венчиком), вполне аналогичны, даже по фактуре их невозможно различить. Многочисленность и свежесть связей приводит к мысли, что некоторые группы согдийцев, жителей долины Зеравшана, в последней четверти V в. перешли через Зеравшанский хребет и заняли небольшую относительно территорию в степной, мало населенной части долины Кашка-Дарьи с несложной системой орошения. То обстоятельство, что ни в Каршинском, ни в Шахрисябзском оазисе не выявлено основных признаков культуры Аул-Тепе, подтверждает этот вывод [19].

Следовательно, возможно пока схематически восстановить следующий ход событий: вскоре после возникновения государства эфталитов, в средней части долины р. Кашка-Дарьи большая группа древних поселений, в том числе поселение, развалинами которого являлось Джангаль-Тепе, была покинута. Вскоре эта же местность был занята переселенцами из

---

[19] В 1961 г. автором этой статьи была совершена археологическая разведка в Придаргомскую степь, прилегающую к Зеравшанскому хребту с севера. В результате разведки выяснилось, что этот район с многочисленными развалинами древних поселений превратился в степь именно в V—VI вв., когда подавляющая часть этих поселений была покинута.

долины Зеравшана, оставившими после себя и здание, развалинами которого является теперь Аул-Тепе.

Причина этих событий, по-видимому, кроется в сфере политических отношений эпохи, вскрыть которые на основе археологических данных пока невозможно. Что же касается исторических источников, то, быть может, намеком на эти события может служить указание Бейши о том, что владетельный дом Кан, глава которых находился в долине Зеравшана, подчинил себе большую часть владений в Западном крае, среди них — Шы (Кеш-Шахрисябз) и Нашебо (Нахшеб) [20], т. е. долину Кашка-Дарьи.

Нам осталось рассмотреть третий памятник, в наслоениях которого при раскопках были найдены нахшебские монеты. Это — Шор-Тепе, расположенное в 3 *км* к востоку от г. Карши, на территории густо населенного в древности оазиса.

Шор-Тепе относится к типу двухъярусных тепе — с вышкой и прилегающей к ней площадкой, условно называемой нами двором [21]. Основной раскоп площадью в 120 $м^2$ был заложен нами во дворе. Небольшой раскоп был заложен и на вышке, являющейся, по-видимому, развалинами замка.

В отличие от Джангаль-Тепе и Аул-Тепе, поселение, развалинами которого является Шор-Тепе, оказалось памятником многослойным; древнейшие его наслоения относятся к рубежу нашей эры. Нахшебские монеты были найдены в верхнем слое, на глубине до 1,2 *м*; краткой характеристикой содержимого этого верхнего слоя мы здесь и ограничимся.

Пожалуй, редко можно встретить вместе такой разнообразный по своему характеру материал, как в верхнем слое Шор-Тепе. Материал этот также почти исключительно керамический, подразделить его можно на два основных вида: изделия ремесленного производства и домашнего изготовления.

Из сосудов ремесленного производства наиболее характерны тонкостенные кувшинчики (рис. 2, *36*), встретившиеся на ряде других памятников Каршинского оазиса; сосуды этого вида были найдены и в зоне Чим-Курганского водохранилища (рис. 2, *37*). Кувшины больших размеров по своей форме отличаются от кувшинов из Аул-Тепе более крутыми плечиками и высоким горлышком (рис. 2, *35*); на одном из них обнаружен прочерченный после обжига знак в виде почти равнобедренного треугольника с продолженными и загнутыми концами сторон (рис. 3, *3*). Подобные знаки характерны для монет самаркандских ихшидов VII в., но генетически они связаны не с Согдом, а с Тохаристаном [22]. Ниже мы на этом вопросе еще остановимся.

Из сосудов станковой работы отметим еще фрагменты чаш, очень похожих по форме на сосуды этого вида из Ер-Кургана в Каршинском оазисе.

Основную массу материалов из раскопок на Шор-Тепе составили обломки сосудов лепной работы, из них наиболее характерны светильники с зооморфными ручками в виде баранов (рис. 5); на одном из фрагментов — изображение барана с широкой повязкой на шее. Зооморфные изображения на ручках сосудов — очень характерный признак, сближающий комплекс из Шор-Тепе с некоторыми памятниками бас-

---

[20] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II, М.— Л., 1950, стр. 271.

[21] С. К. Кабанов. Археологические раскопки на Шор-тепе близ Карши. ИАН УзССР, 1954, 1, стр. 82—94. Материалы из раскопок на Шор-Тепе использованы также в статье автора «Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв.», стр. 165—168.

[22] О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента, стр. 219, рис. 5—6; стр. 259—260.

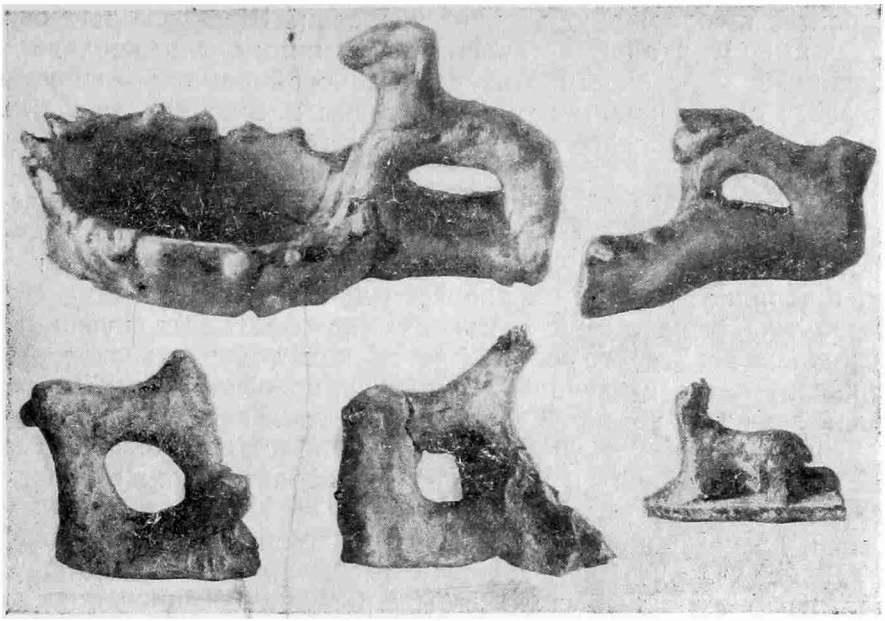


Рис. 5. Светильники и крышка с зооморфными ручками (Шор-Тепе)

сейна Сыр-Дарьи: мы имеем в виду прежде всего материалы раскопок на Каунчи-Тепе [23] и археологические наблюдения на Ташкентском канале [24]. Несмотря на то, что интересующие нас изображения там несколько иные и характерны они для других типов посуды, нельзя не отметить сходства в способе украшений изделий домашнего производства — изображать на ручках сосудов баранов. Г. В. Григорьев полагает, что в хозяйстве древних обитателей Каунчи-Тепе скотоводство играло бо́льшую роль, чем земледелие. На Ташкентском канале изображения баранов на сосудах связаны с курганами, что в условиях Средней Азии указывает на культуру кочевников-скотоводов. Г. В. Григорьев определяет эти изображения, что уже отмечалось, как пережиток тотемизма. А. И. Тереножкин к культовым относит изображение барана с повязкой на шее. Зная, что мелкий рогатый скот был основным достоянием скотоводов, можно прийти к выводу, что и найденные нами изображения баранов являются выражением их магических представлений.

Сходство некоторых керамических форм выражает то общее, что объединяет культуру, выявленную на Шор-Тепе, с названными памятниками бассейна Сыр-Дарьи — это примерно одинаковый уровень развития хозяйства, в котором большое значение имело скотоводство. Но это обстоятельство отнюдь не говорит о том, что это был один и тот же народ: различия в особенностях керамических изделий, хотя бы, например, в том, что зооморфные изображения из Шор-Тепе делались на светильниках и крышках сосудов, а из Каунчи-Тепе — на сосудах типа котлов, видимо, не случайны, они вытекают из других различий, хронологических или этнических. Другой характерной особенностью лепной посуды из верхнего слоя Шор-Тепе было обилие сосудов с закругленным дном. Этот признак также очень характерен для культур кочевников с древних времен [25].

---

[23] Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе УзССР в 1934 г., стр. 16, рис. 16.

[24] А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН СССР, 1940, 9, стр. 33.

[25] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 53—60; А. К. Кибиров. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. Тр. КАЭЭ, II, М., 1959, стр. 82—88 сл.

Характер и содержание верхних наслоений Шор-Тепе дает основание прийти к выводу, что они оставлены кочевниками, относительно недавно перешедшими к оседлости. Сосуды станковой работы — свидетельство их связей с окружающим земледельческим населением, сосуды лепной работы — их собственного изготовления, в них и отразились старые традиции их быта.

Вопрос об этнической принадлежности перешедших к оседлости кочевников, оставивших свои следы в верхних наслоениях Шор-Тепе,— вопрос наиболее сложный, предположительное его решение возможно только в порядке выдвижения рабочей гипотезы.

Выше уже была отмечена находка на фрагменте кувшина знака, происхождение которого определяется как тохаристанское. Но ведь Каршинский оазис в научной литературе не относится к Тохаристану, северной границей которого принято считать Гиссарский хребет, ограничивающий бассейн Кашка-Дарьи с юга. В таком случае возникает вопрос — не случайной ли является эта находка, не привнесена ли она с юга?

Есть и другой вопрос, касающийся письменных источников. В летописи Таншу (VII—VIII вв.) содержится указание о том, что Нашебо занимает древние земли Тухоло[26] (Тохаристана). Как оценить это указание, является ли оно ошибочным или отражает действительное положение, существовавшее в древности?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо совершить небольшой исторический экскурс.

По указаниям китайских источников, во второй половине II в. до н. э. где-то на северном берегу Аму-Дарьи поселились кочевники Большие Юечжи, вскоре затем основавшие огромное государство — Кушанскую империю. «Большой Юечжи лежит почти в 3000 ли от Давани на запад, от реки Гуй-шуй на север. От него на юг лежит Дахя, на запад Аньси, на север Кангюй». Дахя — это, как известно, Тохаристан, северной границей которого принято считать Гиссарский хребет, хотя летопись указывает, что Дахя расположено к югу от реки Гуй-шуй; по-видимому, это указание нужно понимать в том смысле, что основная часть Дахя лежала южнее Аму-Дарьи. Из указания летописи о том, что Большие Юечжи (Даюечжи) поселились севернее Дахя, следует, что в область их расселения можно включить, по крайней мере, низовую часть долины Кашка-Дарьи (Нахшеб) и Бухарский оазис, поскольку оба эти оазиса расположены недалеко от Аму-Дарьи, к северу от нее, что соответствует и указаниям летописи.

Приведем и еще одно указание китайских источников: «Чжан Кянь из Юечжи пришел в Дахя, не получив положительного ответа (по вопросу о союзничестве в борьбе с хуннами.— *С. К.*) от Юечжи»[27], т. е. здесь отмечается факт переезда китайского посланника из одной страны в другую, а следовательно и подтверждается предположение о том, что в древности различались этно-географические понятия «Дахя» и «Даюечжи»: под первым понимался Тохаристан, под вторым — лежащие к северу оазисы, очевидно, Нахшеб и Бухарский оазис.

О том, что страна Дахя (Дася) и страна Даюечжи не одно и то же, говорят и сведения коллектива китайских историков, различающих среди других западных стран отдельно Даюечжи и Дася[28].

Б. Я. Ставиский выдвигает предположение, что ранние этапы развития государства Кушан прошли на землях, расположенных южнее Аму-

---

[26] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., II, стр. 316.

[27] Там же, стр. 148.

[28] Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн. Под ред. Шан Юэ. М., 1959, стр. 81.

Дарьи[29]. При использовании письменных источников Б. Я. Ставиский отдает предпочтение указаниям летописи Хоу Хань-шу (25—256 гг.), относительно поздней, синхронистичной периоду расцвета и началу упадка Кушанского государства. Мы считаем, что лучше было бы в первую очередь использовать данные более ранней летописи — Цянь Хань-шу (202 г. до н. э.— 25 г. н. э.), современной рассматриваемым событиям. В Цянь Хань-шу прямо указывается, что владетель Большого Юечжи, покорив Дахя, ...«столицу основал по северную сторону реки Гуй-шуй» [30].

К трем «Кушаниям», которые называет Б. Я. Ставиский, здесь можно прибавить еще одну: в 25 *км* к северо-западу от г. Карши находится поселок Кассан, возле него расположено обширное городище, нижние слои которого датируются, судя по керамике из обнажений, первыми веками нашей эры.

Приведенные сведения письменных источников дают основание прийти к выводу, что найденный нами на сосуде знак не случайная находка, в нем находят свое отражение этно-генетические связи именно местного населения. Также не можем признать полностью ошибочным указание Таншу о том, что Нахшеб занимает древние тохаристанские земли: автор летописи с исторического далека мог смешать Даюечжи и Дахя, он эти земли знал под названием Тухоло (Тохаристан).

Однако есть и еще указания китайских источников, которые позволяют определить Нахшеб как место поселения Больших Юечжей в Нахшебе, на этот раз в более позднее время: имеются в виду те племена Больших Юечжей, которые остались на востоке после того, как основная их часть во времена Чжан Кяня переселилась на запад и покорила Дахя [31]. В Бейши (386—581 гг.) говорится о владетеле Большого Юечжи, который с востока перенес свою столицу на запад, в г. Боло, о местоположении которого указывается, что он находился в малом владении Ношеболо [32], т. е. в Нахшебе. Вопросу о локализации г. Боло посвящено наше отдельное небольшое исследование [33], здесь мы лишь подчеркиваем указание, свидетельствующее о связях населения древнего Нахшеба с племенами больших Юечжей. Эти племена времени Бейши — известные западным источникам кидариты, названные по имени их наиболее выдающегося владетеля Цидоло (Кидара).

Устанавливается, что кидариты поселились на юге Средней Азии во втором десятилетии V в.[34]. Время ухода их владетеля с большей частью подданных в Индию определяется примерно 468 годом. Существует, однако, предположение, что часть кидаритов (Больших Юечжей) осталась в Средней Азии и подчинилась эфталитам [35]. Выше нами, как можно полагать, с достаточной убедительностью показано, что часть материалов из верхних наслоений Шор-Тепе оставлена недавно перешедшими к оседлости кочевниками. Проведенный выше экскурс в область письменных источников позволяет нам определить этих кочевников как принадлежащих к племенам Больших Юечжей, точнее, к той части кидаритов, которые остались в Нахшебе после ухода их основной массы во главе с Кунхасом в Индию.

---

[29] Б. Я. Ставиский. О северных границах Кушанского государства. ВДИ, 1961, 1, стр. 109.

[30] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., II, стр. 184.

[31] Там же, стр. 184, 191.

[32] Там же, стр. 264.

[33] С. К. Кабанов. К вопросу о столице кидаритов. ВДИ, 1953, 2, стр. 201—207. Большинством авторов, касавшихся вопроса о кидаритах уже после опубликования названной статьи, не принята указанная локализация г. Боло, правда, без критики данных, на основе которых сделана эта локализация. Это обстоятельство освобождает меня от дополнительного рассмотрения вопроса, да вряд ли оно и нужно после опубликования статьи Л. Н. Гумилева «Эфталиты и их соседи в IV веке» (ВДИ, 1959, 1, стр. 129—140).

[34] Л. Н. Гумилев. Ук. соч., стр. 133—134.

[35] История Узбекской ССР, I, кн. I, Ташкент, 1955, стр. 105.

Основным археологическим источником для изучения этнического состава населения в древности являются погребения, дающие, наряду с антропологическими материалами, также и характерные комплексы предметов вооружения и быта. Нами сделана попытка установить этнические группы населения изучаемой области в определенный исторический период, используя для этого факт находки одинаковых монет в наслоениях развалин поселений. Не все вопросы удалось решить с одинаковой убедительностью, однако материалы изучения Джангаль-Тепе, Аул-Тепе достаточны для того, чтобы установить с большей или меньшей определенностью этническую принадлежность их создателей, а следовательно, в некоторой мере осветить вопрос об этническом составе населения долины р. Кашка-Дарьи в III—VI вв.

Г. И. ПЕХ

РАСКОПКИ В ВОЛКОВЫСКЕ В 1958 г.

Город Волковыск (древний Волковыеск) упоминается в русских летописях начиная с середины XIII в. Городище, представляющее собой остатки этого древнего города, расположено примерно в 0,5 *км* от современного города и занимает оконечность холмистой гряды (рис. 1).

Городище состоит из двух площадок. Первая площадка — детинец («Шведская гора») — занимает восточную, наиболее возвышенную часть гряды и поднимается над равниной на 18 *м*. Эта площадка имеет неправильную округлую форму, соответствующую форме возвышенности, на которой она расположена, хотя возможно, что контуры возвышенности были несколько упорядочены. По периметру площадка окружена валом, имеющим наибольшую высоту (до 7 *м*) с западной стороны, т. е. там, где площадка отрезана рвом от продолжения холмистой гряды. Въезд расположен с южной стороны.

Вторая площадка городища — окольный город («Замчище»), расположенная с внешней стороны от рва детинца, имеет значительно бóльшие размеры. В плане она приближается к форме трапеции и защищена валом и рвом только с одной, напольной стороны. В средней части вала есть разрыв — по-видимому, следы древнего въезда. Ров окольного города (в отличие от полностью заплывшего землей рва детинца) имеет глубину 3 *м*.

Раскопки на Волковыском городище впервые были проведены И. Иодковским в 1925 г., а затем Г. И. Пехом в 1948 г. и В. Р. Тарасенко в 1954 г. на детинце и в 1955—1956 гг. в окольном городе [1]. Раскопками 1956 г. на территории окольного города был вскрыт каменный фундамент. В 1958 г. Волковыским военно-историческим музеем имени П. И. Багратиона были произведены раскопки (начальник экспедиции — Г. И. Пех) с целью завершения исследования найденного фундамента и его ближайшего окружения.

Для получения точных стратиграфических данных была произведена зачистка всех профилей раскопа 1956 г., непосредственно связанных с фундаментом. Кроме того, были заложены два небольших раскопа (6 × 8 *м* каждый), примыкающих к фундаменту с запада и северо-запада, а также проложена узкая траншея вдоль его северной стороны.

В процессе расчистки выяснилось, что фундамент частично разрушен и многие камни в нем смещены. Причиной разрушения была близость камней фундамента к поверхности земли; бóльшая часть фундамента была покрыта сверху лишь дерном и тонкой прослойкой земли,

[1] J. Jodkowski. Grodzisko Wolkyowyskie. Grodno, 1925; В. Р. Тарасенко. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. Материалы по археологии БССР, I, Минск, 1957.

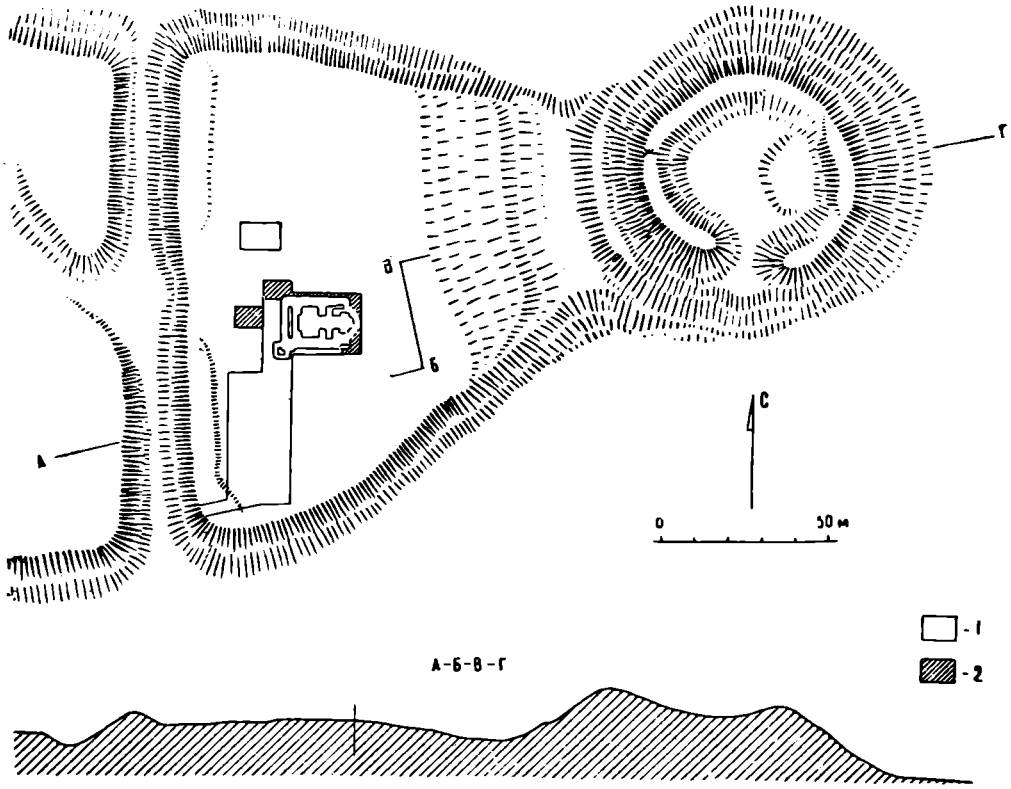


Рис. 1. Городище в Волковыске

1 — раскопки 1955—1956 гг.; *2* — раскопки 1958 г.

подвергавшейся распахиванию, а местами даже перекапывавшейся. Особенно разрушенной оказалась восточная часть фундамента.

Несмотря на это, при зачистке восточной стороны фундамента удалось обнаружить закругление алтарной апсиды. Судя по абрису плана, можно предположить, что это фундамент одноапсидной шестистолпной церкви с подкупольным квадратом, сдвинутым к западной стороне. Выступающая в юго-западном углу фундамента каменная кладка предназначалась, по-видимому, для четырехугольной башни [2].

Фундамент состоит преимущественно из мелких и средних валунных камней; более крупные камни расположены большей частью по краям кладки. Все камни уложены насухо и имеют очень неглубокое заложение (0,35—0,4 *м*), за исключением юго-западного и северо-западного углов, где вследствие резкого понижения почвы глубина кладки, считая от верхнего обреза фундамента, доходит до 1,2 *м*, причем камни северо-западного угла скреплены глиной.

Камни фундамента уложены непосредственно на материковый грунт, кроме мест понижения почвы, где под фундаментом обнаружен культурный слой, содержащий угли, кости животных и фрагменты круговой посуды.

Рядом с фундаментом (главным образом к западу от него) обнаружено большое количество кирпичей-плинф, уложенных рядами в определенном порядке. Все плинфы не имеют следов раствора и, очевидно, еще не были в употреблении [3]. В большинстве плинфы имеют хороший

[2] Длина фундамента (без апсиды) — 20,2 *м*, ширина — 16.2 *м*. Размеры фундамента башни — 5×5 *м*. Ширина фундамента северной стены — 3 *м*, южной — 2,4 *м* и западной — 2,1 *м*; ширина стен башни — 1,5 *м*.

[3] Размер плинф: 26-29 × 14,5-16 × 3,5-4,5 *см*.

обжиг и красный цвет. В их раковистом изломе заметна примесь извести. Довольно много плинф покороблено вследствие сильного пережога. На некоторых есть отпечатки собачьих лап и пальцев детской руки. Среди плинф есть лекальные кирпичи: трапециевидные, служившие для кладки угловых лопаток, со срезанным или скругленным углом — для кладки пилястр и с полукруглой стороной — для выкладки оконных проемов. На некоторых плинфах имеются рельефные знаки в виде знака Рюриковичей, косого и прямого крестов и др. (рис. 2). Наличие этих знаков говорит о том, что плинфы изготовлялись местными княжескими мастерами. Обжиг плинф производился на месте; остатки напольных печей с глинобитными сводами, предназначенных, видимо, для обжига кирпичей, были обнаружены на «Замчище» в 1948 и 1955 гг. Глина для кирпичей, очевидно, бралась у подножия городища. Разнообразие знаков на плинфах, а также существенные колебания в размерах кирпичей позволяют судить о том, что кирпичи изготовлялись здесь не одним, а несколькими мастерами.

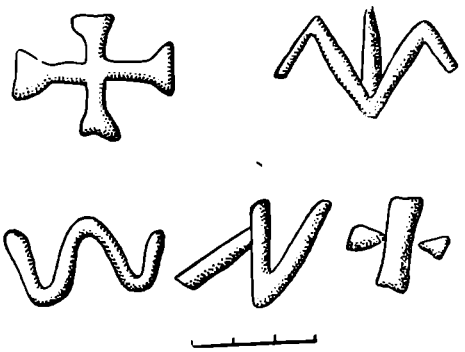


Рис. 2. Знаки на кирпичах

Наряду с производством плинф на «Замчище» обрабатывались камни для украшения фасадов. На месте их обработки (вдоль западного вала, вблизи фундамента) осталось большое количество крупных камней и отколотых от них кусков. Каждый камень имел одну отшлифованную плоскую поверхность (рис. 3). На одном из участков раскопа 1958 г. на площади 16 *м*^{2} было найдено 23 таких камня, а вместе с обнаруженными ранее — всего 27 камней. Камни гранитные, различного цвета (красные, серо-розовые, серо-зеленые и других цветов), размер камней — длина от 35 до 65 *см*, ширина от 20 до 45 *см*, отдельные камни достигают еще большей величины. У одного из камней, имеющего в поперечнике 1 *м*, лицевая сторона отшлифована на три грани (рис. 4). Стратиграфические наблюдения показали, что все отшлифованные камни находятся на той же поверхности, с которой были уложены камни фундамента, и, следовательно, обработка этих камней производилась во время строительства церкви.

На расстоянии около 20 *м* к северу от фундамента церкви обнаружено творило с большим запасом гашеной извести; слой извести достигал здесь толщины 1 *м*. Сверху известь покрыта тем же культурным слоем, которым прикрыты сверху фундамент и отшлифованные камни.

Наличие неиспользованных запасов плинфы, извести и декоративных камней, а также полное отсутствие возле фундамента следов строительного раствора свидетельствует о том, что строительство церкви не было завершено, а остановилось на стадии постройки фундамента. Об этом же говорит и отсутствие здесь погребений, которые обычно встречаются внутри церкви или же вблизи нее, а также вещей, которые могли бы представлять церковный инвентарь.

На «Замчище» достаточно отчетливо выступают четыре различные по структуре прослойки культурного слоя.

Верхняя прослойка, залегающая непосредственно под дерном, состоит из темно-серой супеси и имеет различную глубину залегания — от 0,35 до 0,8 *м*. Судя по керамике, а также по находке пражского гроша Венцеслава II (1278—1305), прослойка эта относится к концу XIII — началу XIV в.

Ниже лежит вторая прослойка, несущая следы сильного пожара и насыщенная плинфой (обломки, щебень и целые экземпляры), углем

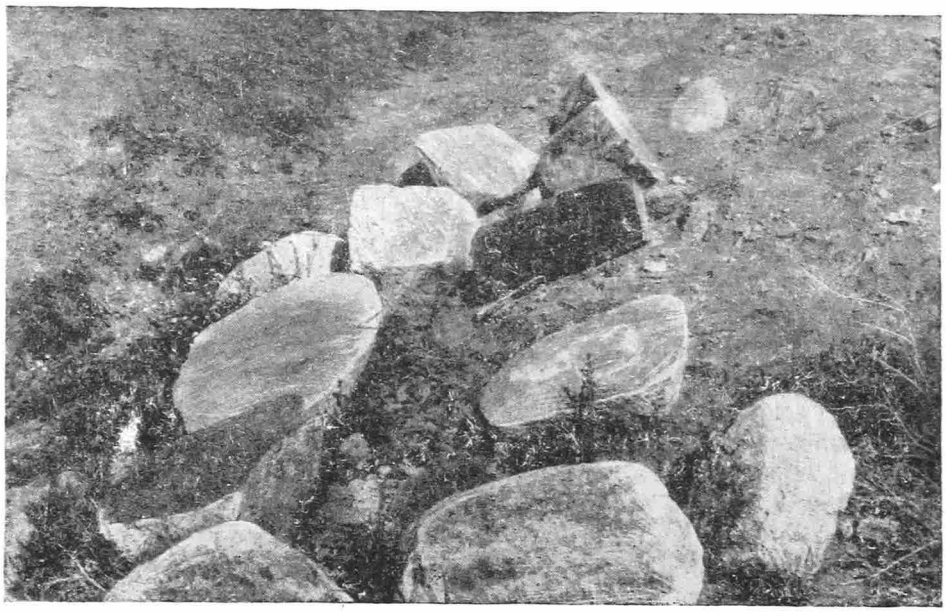


Рис. 3. Камни с шлифованными поверхностями

и крупными кусками полуобгоревшего дерева. Здесь найдены различные предметы, относящиеся к XII—XIII вв., на многих из них заметны следы действия огня. Слой залегает до глубины 0,8—1,75 *м* и у западной стенки раскопа вплотную примыкает к валу. Очевидно, эта средняя прослойка относится в основном к XIII в., что вполне согласуется с летописными данными о бурных военных событиях, которые Волковыск переживал в середине XIII в.

Третья прослойка культурного слоя, залегающая до глубины 2,1 *м*, состоит из темной гумусированной супеси, содержащей включения глины, серо-желтого песка и тонкие прослойки угля. В большинстве случаев прослойка эта доходит внизу до самого материка, хотя кое-где под ней встречаются пятна еще одной, четвертой прослойки, черного цвета. Эта

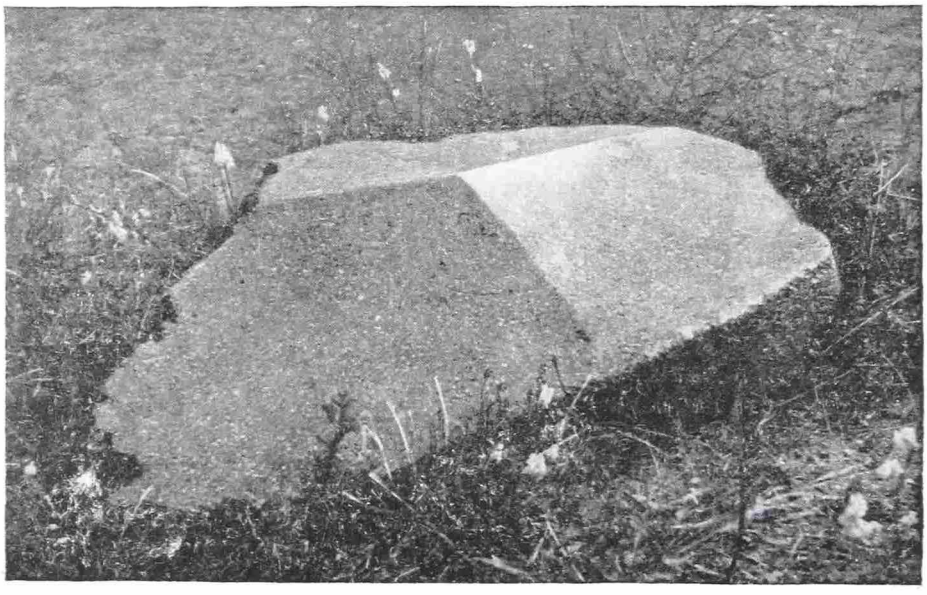


Рис. 4. Камень с лицевой поверхностью, шлифованной на три грани

четвертая прослойка была, видимо, срезана и использована для насыпки вала, поскольку под валом она сохранилась в неприкосновенности, а предметы, характерные для этой прослойки, встречаются в насыпи вала. Особенностью данной прослойки является наличие в ней обломков сосудов со штампованным орнаментом, имеющих сходство с посудой западных славян, что резко отличает их от обычной древнерусской керамики и позволяет датировать нижнюю прослойку XI — началом XII в. Уничтожение нижней прослойки при строительстве вала объясняет, почему камни, заготовленные для строительства церкви, в большинстве лежат непосредственно на материке.

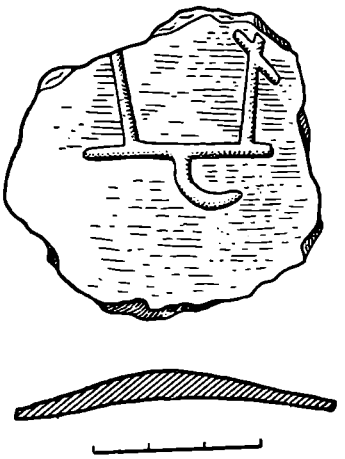


Рис. 5. Клеймо на дне сосуда

Таким образом, выясняется, что основание поселения на территории «Замчища» относится к XI в., а постройка вала окольного города — к первой половине или началу XII в.

В раскопе 1958 г. было обнаружено несколько разрушенных жилищных очагов, врезанных в материковый грунт, однако следов самих жилищ вокруг этих очагов не сохранилось.

Среди находок 1958 г. на «Замчище» первое место занимают обломки глиняных сосудов. Все они изготовлены на гончарном круге, имеют преимущественно горшкообразную форму, плавно выгнутые плечики и отогнутые наружу венчики. Значительно меньше обломков сосудов с прямой шейкой или с вогнутым внутрь краем. Есть фрагменты сосудов с ушками для подвески и крышками. Стенки сосудов в большинстве орнаментированы (линейный орнамент, сочетание линий с волной, нарезами или наколами). В нижней прослойке встречается орнамент, нанесенный штампом в виде кружков, треугольников, вертикальных черточек и пр. Особую категорию составляют фрагменты сосудов с налепными карнизиками, украшенными косо нарезным орнаментом. На днищах сосудов встречаются рельефные клейма в виде креста, колесика, княжеского знака (рис. 5) и др.

Наряду с местной посудой есть привозная с цветной глазурью, а также толстостенные, украшенные рифлением амфоровидные сосуды с узким горлом, полусферическим дном (на одном из обломков амфоры процарапана славянская буква Я, а на обломке амфорной ручки — крест). Найден также обломок тонкостенного сосудика из синего стекла с белыми полосками.

Среди стеклянных изделий — перстень из желтого стекла, многочисленные обломки разноцветных гладких и крученых стеклянных браслетов. В нижней прослойке стеклянные браслеты не встречались, хотя обломки амфор здесь довольно многочисленны. Пряслица из красного шифера есть во всех слоях, включая самый нижний.

Среди железных предметов много ножей (почти исключительно малых размеров), различных наконечников стрел (черешковые двурогие, с ромбовидным и листовидным острием, втульчатые двушипные), гвозди. Найдены также обломки шпор с длинными и пирамидальными шипами, два крупных рыболовных крючка, пружинные ножницы, части трубчатых висячих замков, ключи от висячих и врезных замков, древолазный шип, поясная лировидная пряжка, различные шилья, скобы и другие железные изделия.

Редкая находка — обломок полотна пилы. Многочисленны различные точильные бруски из песчаника и сланца.

Во всех прослойках на «Замчище» найдены железные шлаки, а у подножья «Шведской горы», при разработке глины местным кирпичным заводом (1953), были обнаружены остатки сыродутного горна, большое

количество железных шлаков и несколько обломков глиняных «сопел», вставлявшихся в отверстия стенок домниц для нагнетания воздуха.

Бронзовые предметы: полуовальный в сечении браслет с разомкнутыми концами, обломок витого из двух толстых проволок браслета, пластинчатый перстень, обломок шпоры; интересен рыболовный крючок-блесна со щитком, украшенным циркульным орнаментом. Найдено несколько серебряных изделий — часть колта и рамка от серьги (так называемого киевского типа, с напускными тремя бусинами).

Многочисленны изделия из кости — двусторонние головные гребни, ручки для ножей, различные пластины и накладки с циркульным орнаментом, масса отходов производства в виде лосиных рогов со следами срезов и распиловки. Интересны застежка к одежде, фигурная ногтечистка, четырехконечный нательный крестик, двусторонний штамп для орнаментации глиняных сосудов и дудочка (свирель) из полой трубчатой кости с тремя круглыми отверстиями. Изделия из кожи и дерева в Волковыске вследствие местных почвенных условий не сохраняются.

Все предметы из раскопок 1958 г. не выходят за рамки XI—XIII и, быть может, начала XIV вв. Единственным исключением является серебряная готландская монета середины или второй половины XIV в., найденная в верхнем слое подсыпки вала юго-западной части «Замчища»[4].

На основании раскопочных данных можно считать, что Волковыск уже в начале XII в. был укрепленным городом и находился на довольно высоком экономическом и культурном уровне.

---

[4] Монета — денарий типа 1340—1400 гг. монетного двора Висбю. Определение монеты сделано В. Потиным (Гос. Эрмитаж).

П. А. РАППОПОРТ

РАСКОПКИ В ВОЛКОВЫСКЕ В 1959 г.

В августе 1959 г. экспедиция по изучению древнерусских крепостей провела небольшие работы в Волковыске с целью обследования остатков оборонительных сооружений этого древнего города [1]. При этом были получены данные, несколько дополняющие сведения, приведенные в статье Г. И. Пеха.

1. Была произведена зачистка прорезки вала окольного города, заложенной в предшествующие годы близ южного торца этого вала (рис. 1), в том месте, где вал с тыльной стороны расширяется, образуя округлую площадку; прорезка пересекала как самый вал, так и эту площадку.

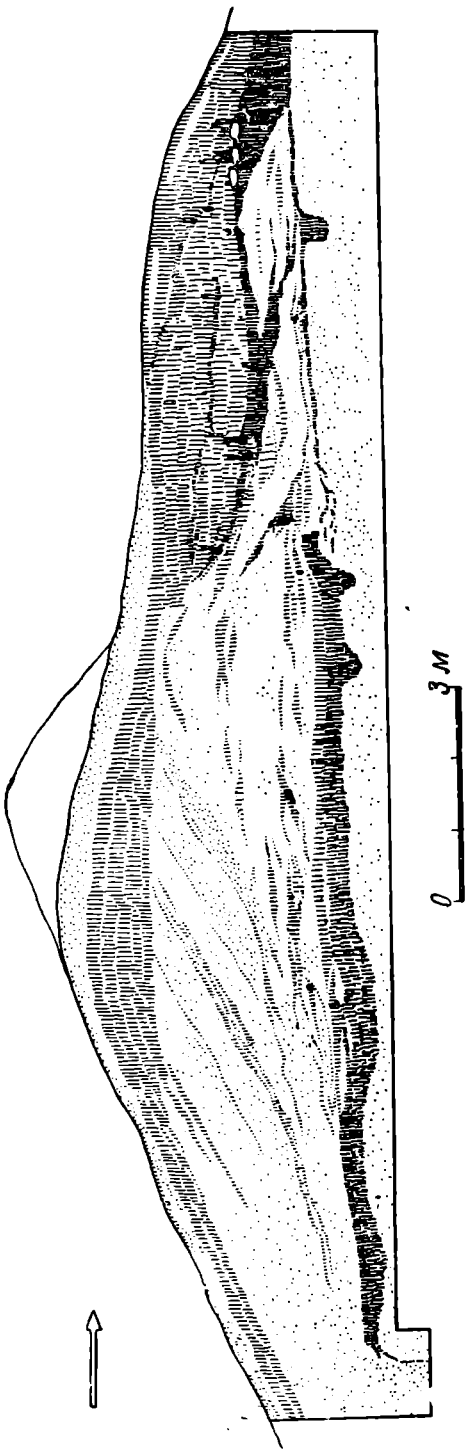
Прорезка показала, что вал насыпан поверх интенсивно-черного культурного слоя толщиной около 0,5 *м*. В этом слое обнаружены обломки глиняной посуды XI в. Насыпь вала состоит из слоев чистого сыпучего песка, с прослойками такого же, но гумусированного песка. Прослойки в нижней части вала расположены более или менее горизонтально, а выше — наклонно. В гумусных прослойках насыпи найдены кости животных и фрагменты керамики XI и, по-видимому, начала XII в. Особенно многочисленны находки в нижних слоях насыпи, где кроме бытовой посуды есть куски амфор и шиферные пряслица. Судя по материалу из насыпи вала и культурного слоя под ним, вал был сооружен в первой половине или, вероятно, даже в самом начале XII в.

О первоначальном размере основания вала можно судить по тому, что культурный слой как в лицевой, так и в тыльной частях вала искусственно обрезан. Места обрезов и отмечают, очевидно, границы первоначального основания вала, ширина которого была равна 12 *м*. О первоначальной высоте вала судить трудно, так как вскоре после сооружения он начал постепенно осыпаться; культурный слой XII—XIII вв. с тыльной стороны от вала заходит уже на песчаную прослойку, несомненно представляющую собой оползень с вала. При строительстве вала площадка городища на участке, примыкающем к валу, была, видимо, расчищена, так как культурный слой XI в., соответствующий культурному слою под валом, на этой части площадки городища почти полностью отсутствует.

Позднее осыпающийся вал был реконструирован; его песчаная насыпь была срезана горизонтально на высоте около 2,5 *м* от основания, а поверх насыпана новая вершина из серого гумусированного супеска. Наклонный слой такого супеска отмечает также и новую линию лицевого склона вала, лежащую поверх песка, осыпавшегося с первоначального ядра вала. Вместе с подсыпкой вершины вала из того же серого

[1] В изучении оборонительных сооружений Волковыска автору помогали А. Горшков, Л. Литвинский и А. Раппопорт.

Рис. 1. Профиль вала окольного города



супеска была сделана округлая площадка с тыльной стороны вала (быть может, башенный выступ). В насыпи этой площадки встречается керамика от XI по XIII в.

Время реконструкции вала — не древнее второй половины XIII — начала XIV в., а судя по обнаруженной Г. И. Пехом готландской монете, вероятнее всего — вторая половина XIV в. Высота вала после реконструкции была не менее 5 *м*, поскольку на соседнем с прорезкой участке вал до настоящего времени имеет высоту более 4,5 *м* от основания.

2. Обследовано городище «Муравельник», расположенное примерно в 0,5 *км* к востоку от городища «Шведская гора» (рис. 2), на изолированном, довольно высоком холме. Вокруг расстилается низменная, частично заболоченная местность. Склоны холма со всех сторон крутые. Площадка городища окружена валом почти по всему периметру, кроме северной стороны. Сама площадка очень неровная, в нее включен также несколько пониженный участок в северо-западной части площадки и большая яма в южной части городища. Въезд расположен с юго-западной стороны городища.

Культурный слой на большей части площадки отсутствует. В тонком гумусном слое (толщиной около 30 *см*) встречаются лишь редкие обломки посуды XI—XIII вв. Однако в шурфе, заложенном в пониженной, северо-западной части площадки, толщина гумусного слоя достигала 2,3 *м*. В самой верхней части слоя найдена посуда XI—XIII вв., ниже находки вообще отсутствуют, а в самой нижней части слоя обнаружена раннекруговая посуда, по-видимому X в., и обломок глиняного пряслица.

Очевидно, городище «Муравельник» относится к очень характерному для данного района типу городищ-убежищ, почти полностью лишенных культурного слоя. Укрепление здесь существовало в X в., а в XI в. было заброшено в связи с основанием поселения на «Шведской горе». Это новое поселение — древний город Волковыск — было, очевидно, с самого начала укрепленным, поскольку прорезка валов детинца, вы-

полненная И. Иодковским в 1925 г., показала, что валы насыпаны поверх слоя черной земли с углем (толщиной 30 *см*), но без всяких культурных остатков, т. е. поверх древнего уровня почвы, а не культурного слоя [2].

3. Обследование фундаментов церкви, раскопанной В. Р. Тарасенко и Г. И. Пехом, позволило дать схематическую реконструкцию плана этого здания (рис. 3). Несмотря на то, что фундамент в восточной части несколько поврежден, общая схема композиции памятника вырисовывается достаточно отчетливо. Это шестистолпная церковь, обладающая некоторыми чрезвычайно своеобразными особенностями: во-первых, с восточной стороны она имела не три, а лишь одну апсиду и, во-вторых, ее центральный подкупольный квадрат расположен не так, как это характерно для подавляющего большинства русских шестистолпных церквей того времени, а сдвинут на одно членение к западу. Эти особенности сближают Волковыскую церковь с Нижней церковью в Гродно [3]. Совпадают в этих двух церквах не только особенности плановой схемы, но и характер декора. Раскопками Г. И. Пеха вокруг фундаментов Волковыской церкви обнаружено значительное

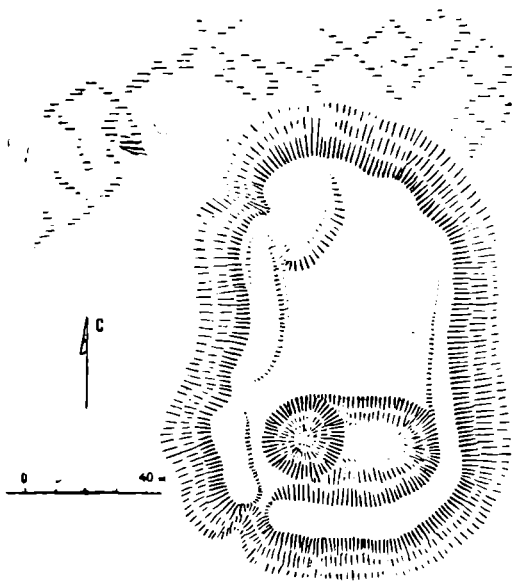


Рис. 2. Городище «Муравельник»

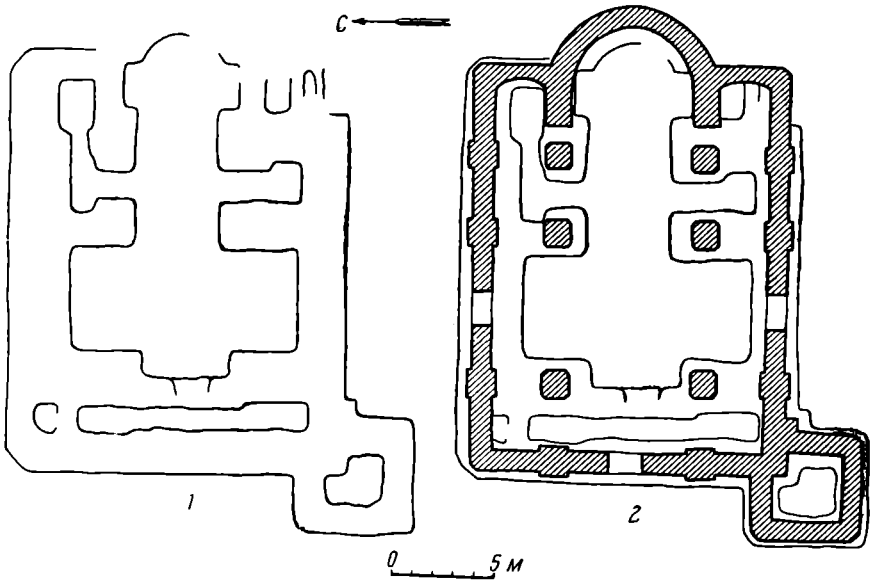


Рис. 3. Церковь в Волковыске

1 — план раскопанного фундамента; *2* — реконструкция плана здания

[2] J. Jodkowski. Ук. соч., стр. 30.

[3] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, 41, 1954, рис. 55. Отсутствие боковых апсид и смещение к западу подкупольного квадрата имеет место также в Свирской церкви в Смоленске и в Пятницкой церкви в Новгороде, однако все остальные особенности этих памятников не совпадают с Волковыской церковью.

количество больших гранитных и гнейсовых валунов различного цвета. У каждого из этих камней одна из поверхностей гладко отшлифована. Несомненно, что камни эти были предназначены служить декоративными вставками в стены здания, подобно тому как это имело место в Коложской и Нижней церквах в Гродно.

По скосу углов фундамента можно судить, что углы здания Волковыской церкви были так же скошены, как углы Нижней церкви в Гродно. Наконец, совпадает в этих памятниках и такая деталь, как наличие (в незначительном количестве) выпуклых знаков на торцах кирпичей. Любопытно, что Волковыская церковь так же, как и Нижняя церковь в Гродно, очень точно ориентирована по странам света, а это довольно редкое явление для русских церквей того времени. Кирпич Волковыской церкви почти точно совпадает по длине и ширине с кирпичом Нижней церкви, но несколько толще..

Таким образом, Волковыская церковь, несомненно, представляла собой не только памятник зодчества Гродненской школы, но и была чрезвычайно близка одному из памятников Гродно — Нижней церкви.

Этот вывод дает нам основание использовать план Нижней церкви в качестве аналогии при реконструкции плана церкви, фундаменты которой были раскопаны в Волковыске. При этом выясняется, что Волковыская церковь была больше Гродненской и имела несколько иные пропорции плана: размер Нижней церкви (по наружным стенам) несколько меньше 12 × 17 *м*, а размер Волковыской церкви примерно 16 × 20 *м*. Другая отличительная особенность Волковыской церкви — наличие башни у ее юго-западного угла.

Датировка церкви как по данным раскопок Г. И. Пеха, так и по аналогии с Нижней церковью в Гродно,— первая половина или середина XII в.

Я. Я. ГРАУДОНИС, Э. Ю. ТЫНИССОН.

РАСКОПКИ ЛИВСКИХ КУРГАНОВ В КРИМУЛДЕ

По письменным источникам ливы в начале XIII в. жили на территории современной Латвийской ССР в нижнем правобережье реки Даугавы и по обе стороны нижнего течения р. Гауи. В этих же районах обнаруживаются своеобразные ливские археологические памятники. По данным археологии и лингвистики [1], ливское население существовало также в северной Курземе, на территории, расположенной севернее рек Абавы и Венты.

В прошлом веке большое число ливских археологических памятников, расположенных по Даугаве и Гауе, было изучено прибалтийско-немецкими исследователями. Если не считать поступавших в музеи случайных находок и некоторых ранних раскопок, носивших скорее всего кладоискательский характер, то можно сказать, что археологическому исследованию ливских могильников, расположенных в бассейне нижней Даугавы и по берегам Гауи, положил начало в 1839 г. профессор Тартуского университета Фр. Крузе [2], считавший, впрочем, найденные им в этих могильниках предметы варяжскими. Изучение ливских могильников было продолжено И. К. Бэром [3], который приписал изученные им древности местному древнему населению Прибалтики. Довольно много ливских курганов в районе Гауи было раскопано любителями в 50—70 годах XIX в. Назовем из них раскопки К. Ф. Сиверса в 1873 г., результаты которых были опубликованы К. Гревингком [4]. В 80—90-х годах там же значительное число курганов вскрыли тартуские археологи Р. Гаусманн, Г. Лоешке и Л. Шредер.

Ливские памятники в Курземе изучены значительно слабее. Можно указать лишь на раскопки А. Биленштейна у Кандавы (Талсинский р-н) [5].

Итоги изучения ливских памятников до 1896 г. были подведены Р. Гаусманном во вступлении к каталогу археологической выставки, организованной в 1896 г. в связи с X Археологическим съездом в Риге [6]. Этот каталог содержит полный список ливских предметов, накопившихся к тому времени в коллекциях музеев Тарту и Риги. В том же

---

[1] A. Bielenstein. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13 Jahrhundert. СПб., 1892, стр. 32 сл., 175 сл.

[2] Fr. Kruse. Necrolivonica oder Alterthümer Liv, Esth- und Curlands. Dorpat u. Leipzig, 1842.

[3] J. K. Bähr. Die Gräber der Liven. Dresden, 1850.

[4] C. Grewingk. Ueber ein Heidengrab von Cremon in Livland und die Unterscheidung heidnischer Liven und Lettengräber. SB. estn 1874, Dorpat, 1875, стр. 159, сл.

[5] A. Bielenstein. Fragmente aus der Ethnographie und Geographie Alt-Livlands. SB. kurl 1864—1871, Mitau, 1884, стр. 306 сл.

[6] R. Hausmann. Einleitung zur Abtheilung Archäologie. RK, Riga, 1896, стр. XXXIV сл.

1896 г. по поводу археологического съезда были произведены раскопки богатого ливского могильника в Турайде у хутора Путели [7].

Для раскопок, произведенных в прошлом столетии, характерен низкий научный уровень: работы проводились без точных измерений, планов не составляли и т. д. Главной целью их было добывание вещей.

Изучением ливских древностей занимался также русский ученый С. К. Богоявленский [8]. Большое число ливских вещей опубликовал финский археолог И. Р. Аспелин в своем атласе финно-угорских древностей [9].

Археологи буржуазной Латвии изучали ливские могильники, особенно в северной Курземе [10] и на правобережье нижнего течения Даугавы [11]. Меньше в этот период исследовались памятники, расположенные в бассейне Гауи. Здесь можно указать лишь на небольшие раскопки, произведенные в 1928 г. Эд. Штурмсом и В. Гинтерсом в Вайнажи (Лимбажский р-н), раскопки Р. Шноре в 1933 г. в Малпилс (Сигулдский р-н) и раскопки, которые Э. Шноре провела в 1936 г. в Аллажи (Сигулдский р-н) и Мазстраупе (Цесисский р-н).

Исходя из полученных в ходе этих раскопок материалов, археологи буржуазной Латвии по-новому поставили вопрос о происхождении ливов. Фр. Балодис первым попытался проследить границу между балтскими и финно-угорскими племенами в разные периоды их истории в пределах территории современной Латвии. Что касается ливского населения в бассейне р. Гауи и правобережья Даугавы, то, по его мнению, ливы пришли сюда только в IX—X вв. н. э. из северной Курземе. К тому же выводу пришли Эд. Штурмс и Э. Шноре [12].

В советской Латвии небольшие раскопки ливских археологических памятников производились в бассейне р. Гауи, а именно: в 1945 г.— А. Карнупсом в Кримулде (Сигулдский р-н) [13], в 1946 г.— Э. Шноре в городе Цесис и в 1953 г.— А. Стубавсом в Турайде, около башни орденского замка [14].

Проблемы истории ливов, в том числе и вопрос об их происхождении и взаимоотношениях с соседними латышскими племенами коснулся в своих работах в послевоенный период и Х. А. Моора [15].

---

[7] R. Hausmann. Übersicht über die archäologische Forschung in den Ostseeprovinzen im letzten Jahrzehnt. Arbeiten des Ersten Baltischen Historikertages zu Riga, 1908. Riga, 1909, стр. 23 сл. Большая часть предметов из Путели была вывезена в Германию. Следует назвать еще и раскопки, которые провели А. Бухгольтс и Н. Буш в 1897 г. в Кабели на берегу Даугавы. См. там же, стр. 26 сл.

[8] С. К. Богоявленский. Раскопки в Лифляндской и Курляндской губерниях летом 1896 г. Тр. X АС, т. III, М., 1900, стр. 92 сл. С. К. Богоявленский высказал также предположение, что ливы проникли на территорию Латвии в позднее время, придя с берегов реки Невы через земли Пскова и Витебска.

[9] J. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1877—1884, № 2003—2114.

[10] E. Šnore. Lībji. Latviešu konversācijas vārdnica. XII, Riga, 1935. Карта на стр. 23285; Ed. Šturms. Zur Vorgeschichte der Liven. ESA X, Helsinki, 1935, стр. 25.

[11] Особо следует отметить раскопки в Саласпилс (Лаукскола) Рижского уезда. См. V. Ģinters. Rituelle Steinkreise auf livischen Gräberfeldern der jüngeren Eisenzeit. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft XXX. Tartu, 1938, стр. 118—125.

[12] Fr. Balodis. Die baltisch-finnisch-ugrische Grenze in Lettland in vorgeschichtlicher Zeit. Mémoires de la Société Finno-ougrienne, LXVII. Helsinki, 1933; его же. Ethnische Probleme und die archäologischen Untersuchungen der letzten Jahre in Lettland. Acta Universitatis Latviensis Filolog. u. filosof. fak., серия III, 2. Riga, 1935; Ed. Šturms. Die vorgeschichtlichen Probleme des Kurenlandes. Sonderdruck aus den Sitzungsberichten der Gesellschaft f. Geschichte und Altertumskunde zu Riga a. d. Jahre 1934.

[13] Отчет в Музее истории Латв. ССР.

[14] Отчет в Институте истории АН Латв. ССР.

[15] H. Moora. Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSP teritorijā. Rīgā, 1952; Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Сб. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 121, 122.

* * *

От ливского населения, жившего по нижнему течению р. Гауи, сохранились курганные могильники на довольно обширной территории (рис. 1). Основная масса ливских археологических памятников сосредоточена в Сигулдском районе, особенно в пределах Кримулдского, Турайдского и частично Сигулдского сельсоветов.

Городища расположены на хорошо защищенных мысах крутого коренного берега р. Гауи (Ливукалнс и др.) или на отдельных холмах (Карлякалнс). Курганы разбросаны группами, состоящими из нескольких десятков, а местами и из сотни насыпей. Курганные группы находятся, как правило, на берегах рек или по краям оврагов. Наибольшее количество тесно расположенных групп курганов обнаружено в Кримулде, на правом берегу Гауи.

Чтобы получить более точные данные о ливских археологических памятниках бассейна Гауи, в 1959 г. совместно Институтами истории АН Эстонской ССР и АН Латвийской ССР были произведены под руководством авторов настоящей статьи раскопки курганов у бывшего хутора Лиепенес (Кримулдский сельсовет Сигулдского р-на).

Лиепенесские курганы образуют две группы (рис. 2). Первая из них, состоящая из 20 курганов, расположена в 70—150 *м* к востоку и северо-востоку от хутора, на краю леса. Вторая группа из 13 курганов находится на краю оврага, в 200 *м* к северо-востоку от первой группы.

Курганы обеих групп насыпаны из коричневато-серого песка и более или менее одинаковы по размерам. Примерно половина всех насыпей имеет диаметр 8—10 *м* и высоту около 1 *м*. Больших курганов, диаметром более 10 *м*, высотой в 1—2 *м* насчитывается в первой группе шесть, во второй — пять. Небольших насыпей, диаметром до 8 *м*, высотой ниже 1 *м*, в первой группе — четыре, во второй — две. За исключением одного небольшого кургана первой группы, имеющего овальную форму, все остальные курганы круглые.

Большинство курганов потревожено кладоискательскими ямами. Почти все курганы поросли кустарником, на некоторых встречаются и большие деревья. Нами в 1959 г. были вскрыты в первой группе насыпи №№ 2, 4, 8 и 18, во второй — №№ 3, 7, 12.

В первой группе наиболее интересным оказался курган № 4 (рис. 3). Под центральной частью его насыпи, имевшей высоту около 2 *м*, обнаружена вырытая в материке могильная яма длиной до 2,7 *м*, шириной 1 *м*, глубиной 0,15 *м*. Яма, направленная почти точно с севера на юг, содержала остатки трупосожжения.

В могиле найден богатый инвентарь. Назовем в первую очередь меч, обращенный рукоятью на север (рис. 4, *1*). Рядом находилась спиральная пронизка длиной в 40 *см*, свитая из бронзовой проволоки, кожаный пояс (рис. 5, *12*), украшенный четырехугольными бронзовыми бляшками. Пояс имеет бронзовую пряжку с прямоугольным основанием и овальной передней частью. На другом конце пояса находилось бронзовое кольцо (разделитель), при помощи которого к поясу прикреплялся ремень (портупея) для подвешивания меча. Портупея ниже раздваивается; на обоих раздваивающихся концах имеется узкий бронзовый язычок, заканчивающийся ушком для пристегивания меча.

К северу от рукояти меча находился глиняный сосуд (рис. 6, *5*) и два наконечника копий, один втульчатый, другой черенковый (рис. 7, *5*). К западу от меча лежал боевой топор, на котором местами сохранились остатки ткани (рис. 7, *7*). Кроме того, в могиле были найдены бронзовая поясная пряжка (рис. 5, *6*), подковообразная пряжка из низкопробного серебра (рис. 5, *1*), клинок небольшого железного ножа и остатки кожаной обуви.

В могильной яме, к западу от сосуда, было обнаружено второе скопление кальцинированных костей, в нем — небольшое железное кольцо.

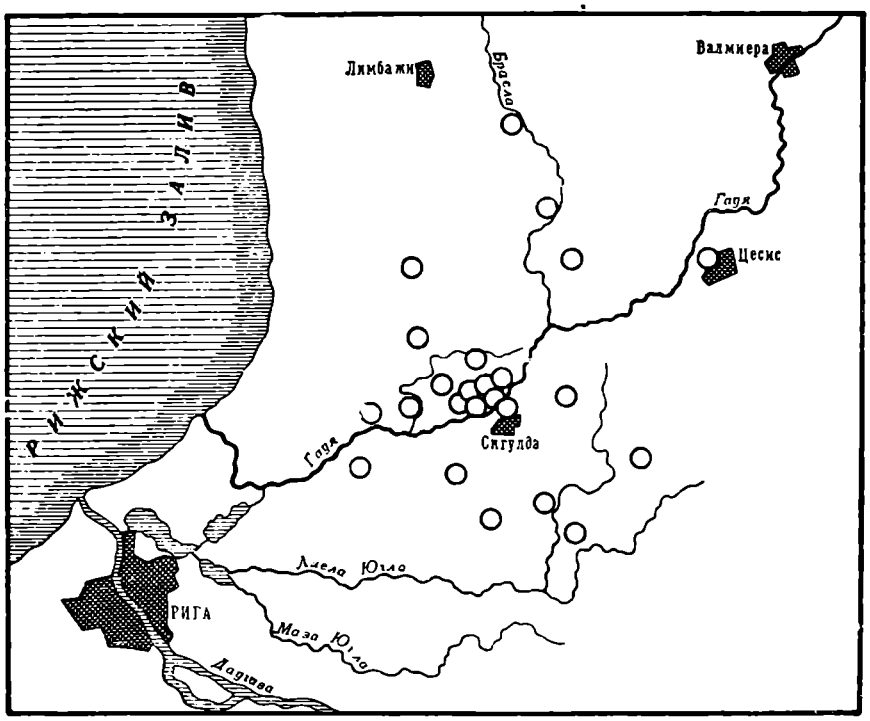


Рис. 1. Ливские могильники в бассейне реки Гауи

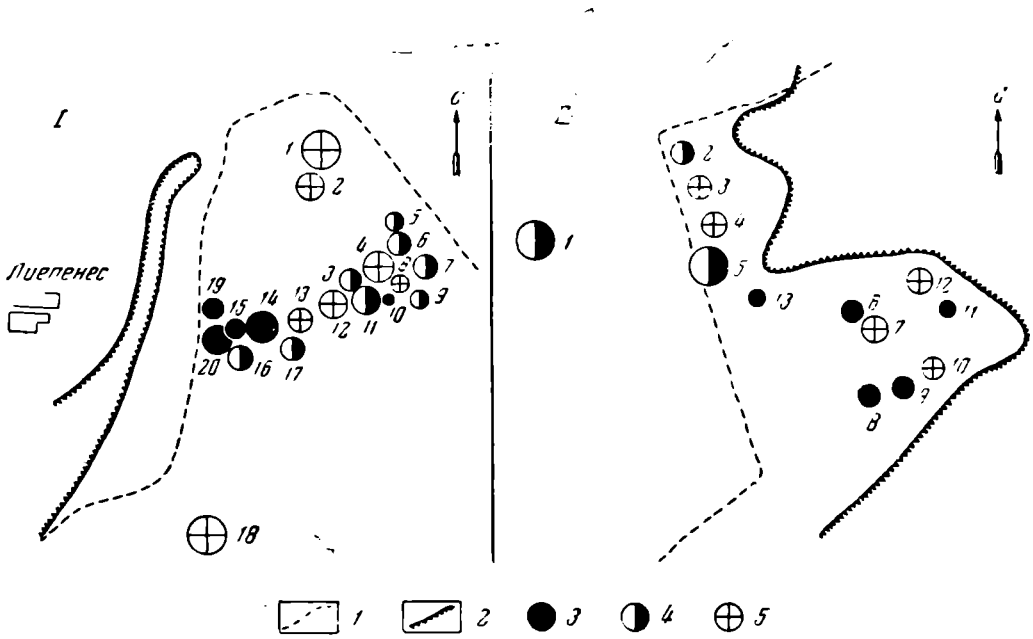


Рис. 2. Курганы у бывшего хутора Лиепенес

1 — граница леса; *2* — овраг; *3* — курган; *4* — курган с ямой; *5* — исследованный курган

Кости окружены небольшими, расположенными по кругу булыжниками. Очевидно, здесь было совершено второе погребение. В юго-западном углу могильной ямы лежало несколько костей собаки.

Для датировки кургана особый интерес представляет меч. Он настолько сильно коррозирован, что форму его рукоятки можно было опре-

делить только рентгеноскопическим путем (рис. 4, *4*). Перекрестия рукоятки короткие, массивные. На верхнем перекрестье видны следы орнамента, напоминающего «∞»-образные завитки скандинавского стиля. Навершие рукоятки трехраздельное. Подобные мечи (типа «Т» по классификации норвежского археолога Я. Петерсена [16]) довольно широко распространены в Прибалтике. Они датируются здесь в основном XI веком [17].

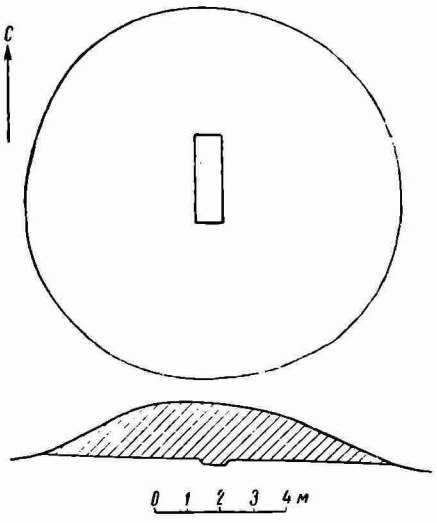


Рис. 3. Курган № 4 первой группы (общий план и разрез)

Топор из кургана 4 имеет широкое спущенное лезвие с выемкой. Топоры этого типа встречаются довольно часто в могильниках Прибалтики, а также в древнем Новгороде в слоях XI в. [18]. По форме обуха, отличающегося от новгородских, наш топор может быть отнесен к несколько более позднему времени.

Для датировки кургана представляет интерес и подковообразная пряжка-фибула. Для нее характерна плоская дуга с продольным выступающим ребром посередине и с концами в виде фасетированных пуговок. Дуга украшена чеканенными треугольниками. Подобные плоские фибулы, но с завернутыми трубочками вместо пуговок на концах, встречаются в русских кладах, датируемых Г. Ф. Корзухиной XI и началом XII в. [19]. Они встречаются также в Новгороде.

На основе приведенного анализа курган № 4 можно датировать XI или началом XII в.

Курган № 18, расположенный южнее других насыпей, по своим размерам и направлению могильной ямы сходен с курганом № 4, но, в отличие от последнего, могила содержала здесь трупоположение. От костяка сохранилась лишь фаланга пальца стопы. Умерший был, очевидно, похоронен головой на север и, судя по значительному количеству железных гвоздей, в деревянном гробу.

Из обнаруженных в могиле предметов следует особо отметить бронзовое блюдо (рис. 8) и глиняный сосуд с

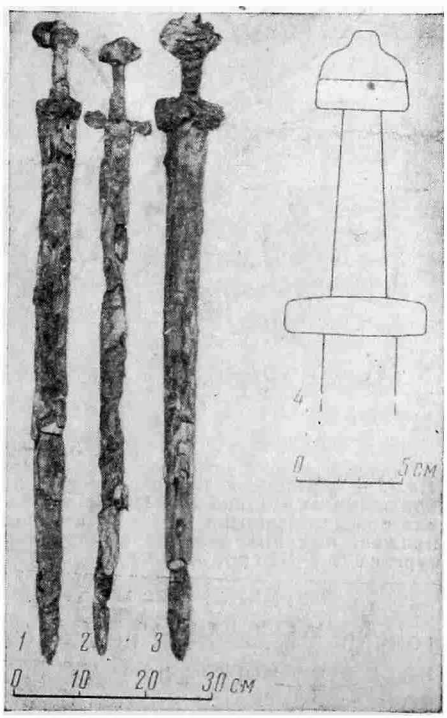


Рис. 4. Мечи из курганов у Лиепенес

1 — из кургана № 4 (I гр.); *2,3* — из курганов №№ 3 и 12 (II гр.); *4* — форма рукояти первого меча по рентгеноскопии

[16] J. Petersen. De norske Vikingesverd. Kristiania, 1919, стр. 150 сл.

[17] B. Nerman. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929, стр. 81.

[18] Нукшинский могильник. МИА Латв. ССР, 1, Рига, 1957, табл. IV, *16, 17*. Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65. 1959, рис. 9, *1*.

[19] Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.— Л., 1954, табл. XXIII, *6, 7*.

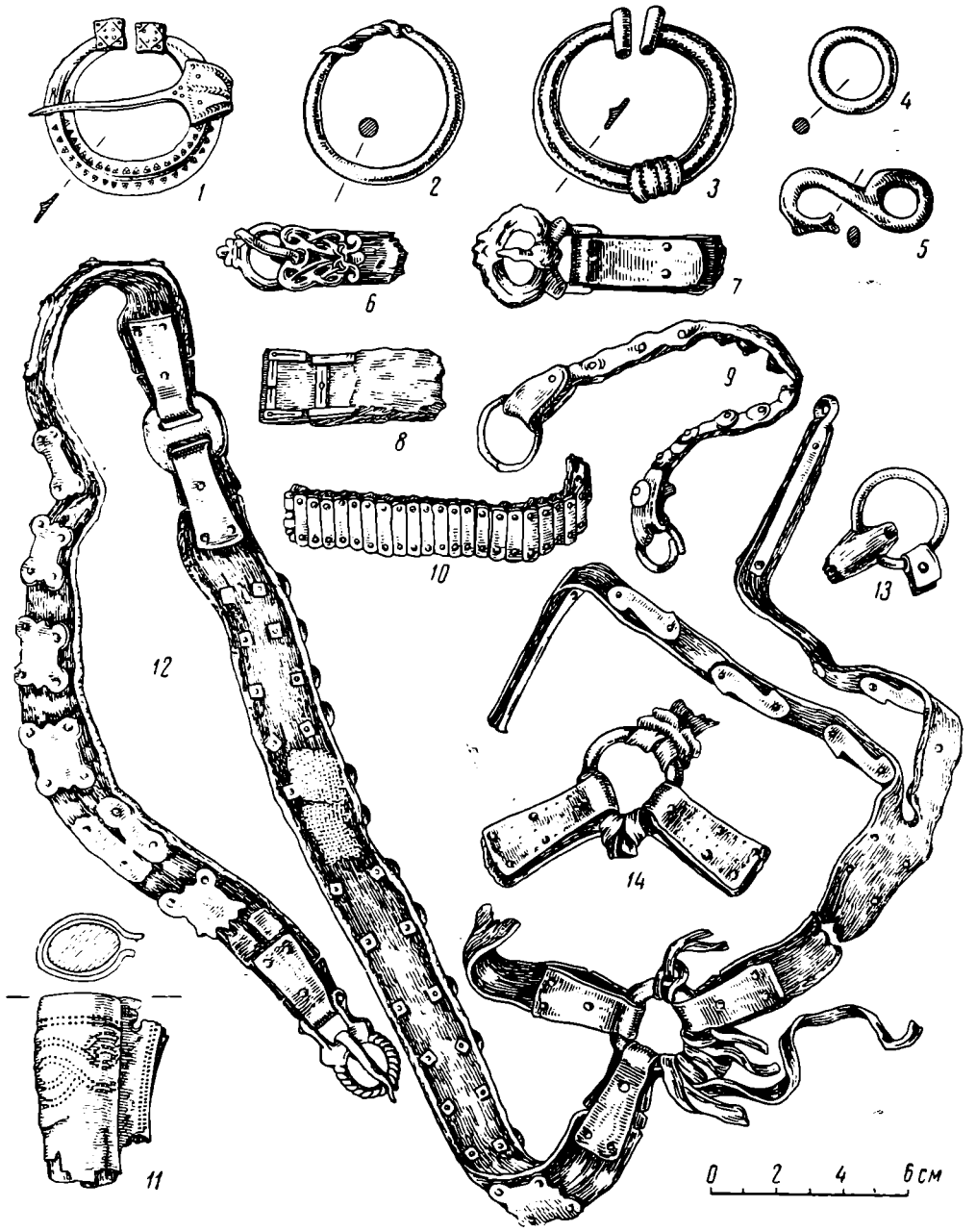


Рис. 5. Вещи из курганов у Лиепенес

1,6,12 — серебряная подковообразная пряжка, бронзовая пряжка и кожаный пояс с бронзовыми бляшками из кургана № 4 (I гр.); *2,4* — бронзовые кольца из кургана № 18 (I гр.); *5,11* — бронзовая поясная застежка и остатки кожаных ножен из кургана № 3 (II гр.); *8,9,10* — бронзовая пряжка, кожаный ремешок с бронзовыми бляшками и фрагмент кожаного ремня с бляшками из кургана № 7 (II гр.); *3,7,13,14* — серебряная подковообразная пряжка, бронзовая пряжка и бронзовые поясные кольца из кургана № 12 (II гр.)

гончарным клеймом на дне (рис. 6, *2*). В отличие от предыдущего кургана в этой могиле не было оружия. Здесь были обнаружены: небольшой нож с остатками ножен, фрагменты неопределенного железного предмета, бронзовое поясное кольцо (рис. 5, *4*), бронзовое, возможно, височное кольцо (рис. 5, 2), небольшая спиральная пронизка из бронзовой проволоки и остатки кожаной обуви.

Блюда, подобные найденному нами, нередко встречаются в кладах XIII—XIV вв. на северо-востоке Эстонии [20]. Но они могут входить и в

[20] R. Hausmann. Der Silberfund von Mehntack in Estland. Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte. Rīgā, 1914, стр. 158 сл.

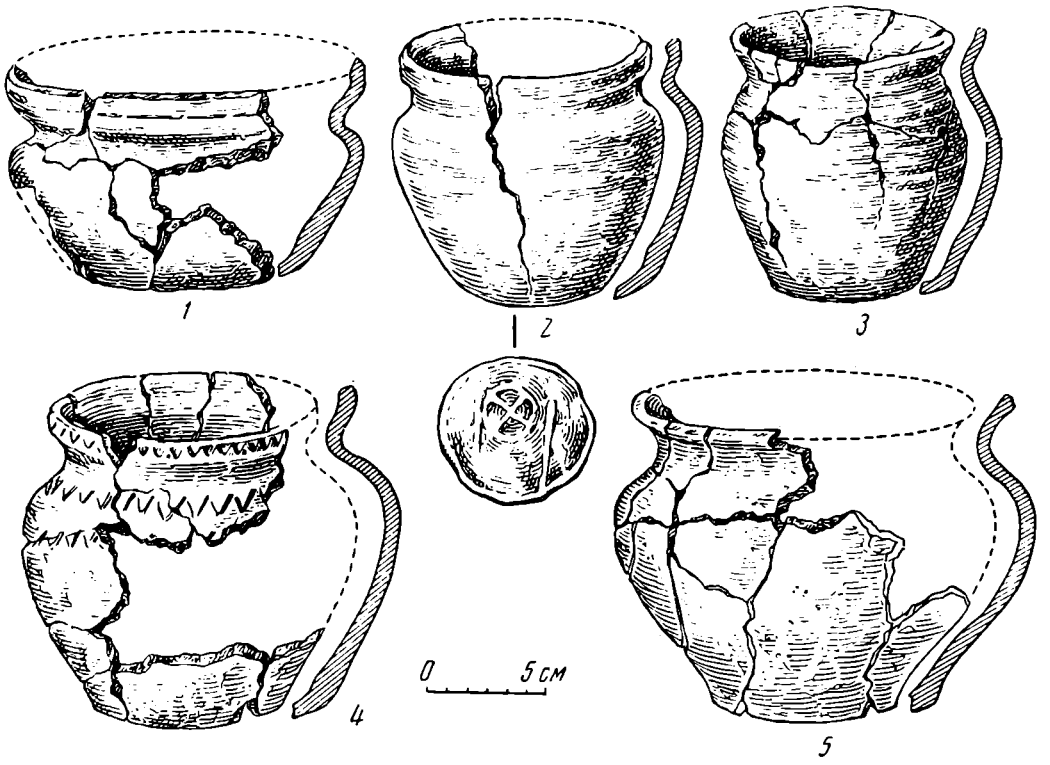


Рис. 6. Глиняные сосуды из курганов у Лиепенес

1,3 — из курганов №№ 12 и 3 (II гр.); *2,4,5* — из курганов №№ 18, 8, 4 (I гр.)

состав более ранних комплексов (в кургане № 4 II группы). Можно предполагать, что курган № 18 относится к XIII в. На это указывает отсутствие в нем оружия, а также его обособленное расположение и наличие в могиле деревянного гроба.

В кургане № 2 погребение было полностью разрушено кладоискателями. Курган № 8 — высотой около 1 *м* — не имел следов повреждения, но могилы в нем не оказалось. В насыпи этого кургана были найдены лишь черепки глиняного сосуда, украшенного волнистой линией (рис. 6, *4*). Возможно, что курган был насыпан лишь в ритуальных целях.

Во второй группе были исследованы три кургана. Один из них — курган № 12 — диаметром 10 *м* и высотой около 1,2 *м*. По размерам, направлению могилы и сопровождающему инвентарю он близко напоминал курган № 4 первой группы. В средней части могилы здесь были обнаружены кальцинированные кости, сверху частично покрытые большим камнем. Вокруг могильной ямы прослеживались кольцеобразно, но нерегулярно положенные камни.

Из находок отметим прежде всего меч (рис. 4, *3*), лежавший рукоятью к северу. В северной части могилы был обнаружен глиняный сосуд (рис. 6, *1*) и рядом с ним два наконечника копий (рис. 7, *3*, *8*). Из остальных предметов назовем бронзовые поясные пряжки и кольца (рис. 5, *7*, *13*, *14*), серебряную подковообразную пряжку (рис. 5, *3*), а также спиральные пронизки из бронзовой проволоки.

Меч, найденный в этом кургане, сходен в общем с мечом из кургана № 4 первой группы. Он отличается от него массивностью рукоятки и перекрестий, которые по своей форме напоминают перекрестья более древних мечей с треугольным навершием (тип «В» Петерсена). На верхнем перекрестье видны следы орнамента, аналогичного нанесенному на

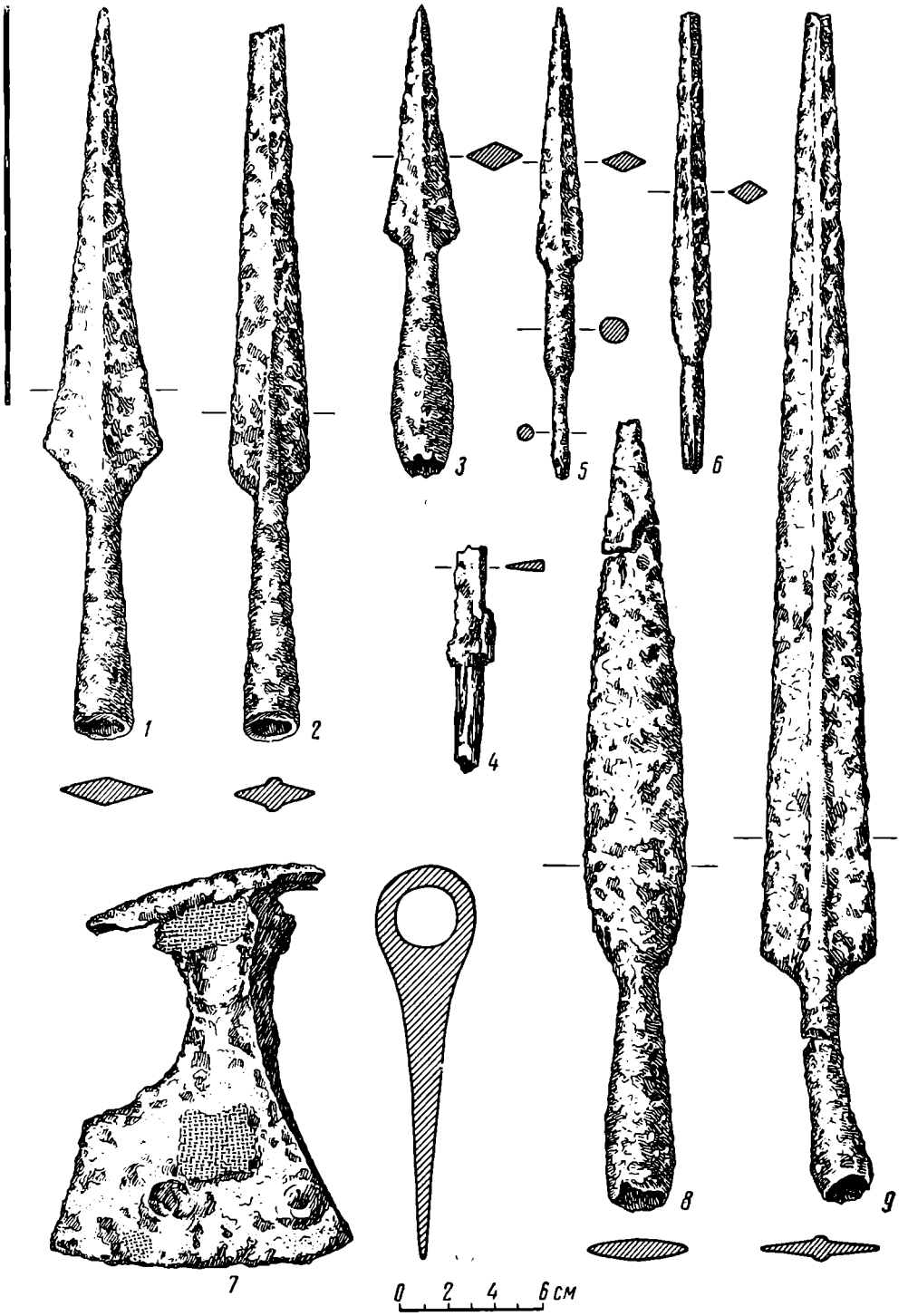


Рис. 7. Вещи из курганов у Лиепенес

1,9 — наконечники копий из кургана № 7 (II гр.); *2,6* — наконечники копий из кургана № 3 (II гр.); *3,8* — наконечники копий из кургана № 12 (II гр.); *4* — фрагмент ножа из кургана № 18 (II гр.); *5,7* — наконечник копья и топор из кургана № 4 (I гр.)

мече из кургана № 4 первой группы. Таким образом, меч из кургана № 12 можно датировать XI веком.

Подковообразная пряжка по форме своей дуги также похожа на пряжку из кургана № 4 первой группы. Но она не орнаментирована и на концах вместо пуговок имеет завернутые трубочки. В Новгороде такие пряжки встречаются в основном в слоях X—XI вв., отдельные экземпляры в XII и даже в начале XIII в.[21].

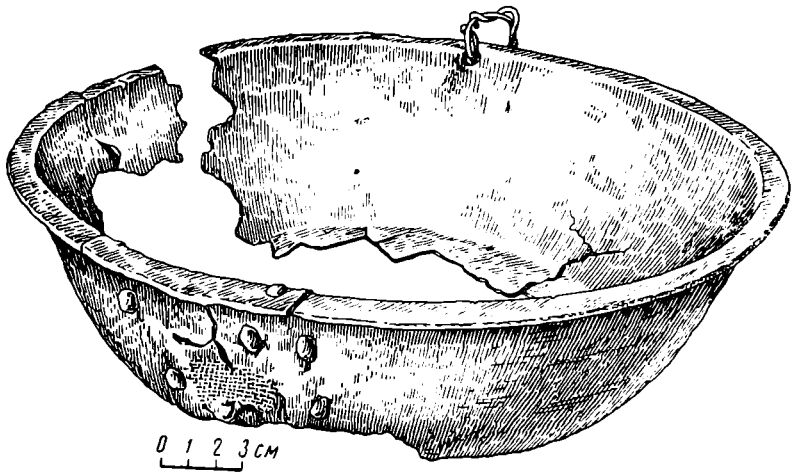


Рис. 8. Бронзовое блюдо из кургана № 18 первой группы

На основе вещевого материала курган № 12 можно датировать тем же временем, что и курган № 4 первой группы, т. е. XI или началом XII века.

Под насыпью кургана № 3, немного к востоку от его центра, была вскрыта могильная яма, ориентированная с севера на юг. В ней было трупоположение, но костяк не сохранился. По расположению сопровождающего инвентаря можно судить, что умерший был похоронен головой на север.

В этой могиле был найден комплекс предметов, подобных описанным выше: меч (рис. 4, *2*), два наконечника копий (рис. 7, *2, 6*), широколезвийный топор и глиняный сосуд (рис. 6, *3*). Кроме того, в могиле были обнаружены спиральная пронизка из бронзовой проволоки, остатки орнаментированных кожаных ножен от ножа (рис. 5, *11*), бронзовая поясная застежка (рис. 5, *5*) и остатки кожаной обуви.

В южном конце могильной ямы были обнаружены остатки скелета собаки, захороненной у ног хозяина.

Найденный в данном кургане меч имеет узкое и длинное перекрестье (длина 12 *см*) и линзообразное навершие. Следов орнамента на них нет. По сравнению с мечом из кургана № 4 первой группы описываемый меч следует считать более поздним. Мечи подобного типа (тип «X») Петерсен датирует X—XIII веками. В Прибалтике такие мечи следует относить к XII—XIII вв. В Новгороде перекрестье сходной формы было найдено в слое рубежа XII—XIII вв.[22]. На основании этого меч из кургана № 3 можно отнести ко второй половине XII или к началу XIII в. Другие предметы, найденные в описываемом кургане, точнее не датируются.

---

[21] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, 65, стр. 241 и рис. 6, *12*.

[22] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, 65, стр. 126, рис. 3, 7.

Курган № 7 (рис. 9) высотой 0,5—0,6 *м*. Могильная яма длиной 3,5 *м*, шириной 1,5 *м* и глубиной 0,2 *м* направлена с северо-запада на юго-восток. Умерший похоронен головой на северо-запад. По краям могильной ямы, вокруг нее и в ней лежали камни. Южную часть могилы покрывала прослойка темного углистого песка. По всей вероятности, она свидетельствует о том, что после захоронения умершего над могилой был зажжен костер. В могиле были найдены глиняный сосуд, два наконечника копья (рис. 7, *1, 9*), небольшой ремешок (рис. 5, *9*), украшенный бронзовыми круглыми бляшками, бронзовая пряжка (рис. 5, *8*), фрагменты кожаного ремня, украшенного бронзовыми бляшками (рис. 5, *10*), и бронзовый язычок от пояса. В южном конце могильной ямы находились остатки скелета собаки.

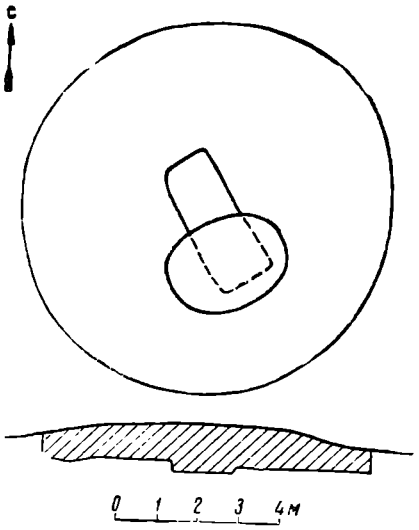


Рис. 9. Курган № 7 второй группы (общий план, разрез)

Наконечники копий из описанного кургана имеют ромбовидное перо с наибольшим расширением его в самой нижней части, у перехода ко втулке. По своей форме они принадлежат к типу «G» по Петерсену. Такие наконечники часто встречаются в Прибалтике, в том числе в ливских курганах по р. Гауе [23]. Некоторые из них украшены орнаментом скандинавского типа. Тип «G» в Скандинавии характерен в основном для X—XI вв., но в Прибалтике он встречается еще и в XII в. Эти наконечники копий позволяют датировать курган № 7 XI—XII веками.

Результаты раскопок 1960 г. уже опубликованы [24], и мы здесь ограничимся лишь перечислением важнейших находок.

Особый интерес представляет курган № 4 второй группы. Расположенная с севера на юг могильная яма содержала трупоположение с исключительно богатым могильным инвентарем. Кроме глиняного сосуда, двух наконечников копий, ножа, подковообразной серебряной пряжки, браслета, поясной пряжки и ряда других предметов, здесь были обнаружены меч, бронзовое блюдо, подобное найденному в кургане № 18 первой группы, железные ножницы, три шиферных точильных бруска и янтарная подвеска. На острие клинка меча находился серебряный наконечник ножен длиной 20,6 *см* (рис. 10). По форме и размерам ему очень близок наконечник, найденный в1896 г. в ливском кургане у Турайде (Путели) Сигулдского района [25]. Третий аналогичный наконечник был найден в 1939 г. в Киеве [26]. Все эти наконечники относятся к XI в. Особый интерес нашему наконечнику придает то обстоятельство, что он найден вместе с мечом типа «Т». Вместе с киевским наконечником была найдена лишь часть клинка, которая, по мнению Г. Ф. Корзухиной, принадлежала к так называемому мечу-сабле.

---

[23] RK, табл. XXIII, 8; B. Nerman. Ук. соч., стр. 105 сл.

[24] Э. Тыниссон, Я. Граудонис. Раскопки ливских курганов в Кримулде. ИАН Латв. ССР, 10, 1961, стр. 37 сл.

[25] Турайдский наконечник опубликован: R. Hausmann. Übersicht über die archäologische Forschung in den Ostseeprovinzen im letzten Jahrzehnt, стр. 24, табл. II. После Гаусмана наконечник рассмотрен в работах Т. Арне, М. Эберта, П. Паулсена, Х. Моора, Г. Ф. Корзухиной и других исследователей.

[26] М. К. Каргер. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви. КСИИМК, IV, 1940, стр. 12 сл., рис. 4—5; Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI века. СА, XIII, 1950, стр. 83 сл.

По наконечнику от ножен и по другим предметам курган № 4 следует датировать XI веком или началом XII в. Наличие в нем бронзового блюда свидетельствует о том, что такие сосуды бытовали в Прибалтике в более раннее время, чем до сих пор это было принято у нас считать. Это подтверждается также результатами изучения этих блюд, опубликованными недавно Т. Поклевским [27].

Курган № 10 второй группы также содержал трупоположение. Из находок назовем обломок клинка меча, два наконечника копий, глиняный сосуд, нож, поясную пряжку и др. Курган датируется второй половиной XI в. или началом XII в. В нем также были обнаружены остатки скелета собаки.

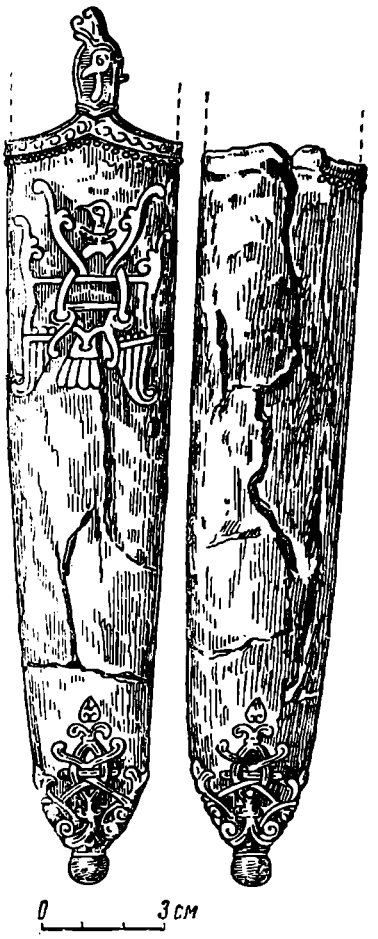


Рис. 10. Наконечник ножен меча из кургана № 4 второй группы

Все три кургана из первой группы, раскопанные в 1960 г., тоже содержали трупоположение. Курган № 1 превосходил по своим размерам все другие насыпи — его высота достигала 2,5 *м*, диаметр примерно 15 *м*. Но несмотря на это, его могильный инвентарь был бедным. Здесь обнаружены лишь несколько гвоздей, два небольших обломка меча, железный нако-

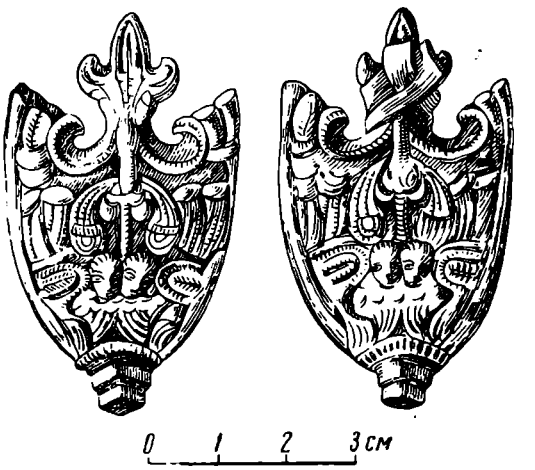


Рис. 11. Наконечник ножен меча из кургана № 13 первой группы

нечник ножен для меча с бронзовым крестом и небольшая бронзовая пряжка. К северу от могилы была похоронена собака. Курган относится примерно ко второй половине XII в. или началу XIII в.

В кургане № 12 были найдены лишь обломки ножа, фрагменты его ножен и остатки ткани. Курган не поддается точной датировке.

В кургане № 13 найден небольшой наконечник копья и обломок клинка меча, на острие которого был обнаружен наконечник ножен, украшенный сложным орнаментом (рис. 11). В северном конце могильной ямы были найдены остатки скелета собаки. Курган можно датировать XI веком.

Раскопки курганов у Лиепенес дали интересный материал, характеризующий мало известный до сих пор погребальный обряд ливов. Отметим, что под ливскими курганными насыпями отсутствует типичный для

[27] T. Poklewski. Misy brązowe z XI, XII i XIII wieku. Acta Archaelogica Universitatis Lodziensis, № 9, Łódź, 1961, стр. 41 сл.

славянских курганов подзольный слой. Из этого следует, что до насыпки кургана место для него подготовлялось лишь удалением почвенного слоя. Затем вырывали неглубокую могильную яму, направленную, как правило, с севера на юг. Умерших хоронили головой на север. Напомним, что до XIII в. обряд захоронения умерших головой на север или на северо-восток был весьма распространен также у эстов.

Под курганной насыпью нередко встречаются камни, положенные вокруг могильной ямы и над ней. Возможно, что в этом сказывалось влияние старой традиции западнофинских племен хоронить умерших в каменных могилах. Судя по отсутствию в насыпи промежуточных прослоек, можно предполагать, что курган насыпался в один прием.

Из раскопанных 11 курганов лишь в двух было обнаружено трупосожжение (курганы № 4 первой группы и № 12 второй группы). Эти курганы относятся к сравнительно более раннему времени — к XI в. или началу XII в. Тем же временем датируются два кургана с трупоположением (курганы № 13 первой группы и № 4 второй группы). Следовательно, на протяжении этого времени у ливов параллельно существовали и трупосожжение и трупоположение. Примерно с середины XII в. господствующим становится обряд трупоположения. Впрочем, по расположению сопровождающего инвентаря трупосожжения не отличались от трупоположений. Курган № 7 второй группы, в котором обнаружено трупоположение с кострищем над могильной ямой, можно по обряду погребения считать своеобразной переходной формой от трупосожжения к трупоположению.

Богатый инвентарь, включавший дорогое оружие (мечи и копья), свидетельствует о том, что лиепенесские курганы представляют собой некрополь ливской знати. Исследованные нами могилы можно до некоторой степени сравнить с погребениями древнерусских дружинников. Своеобразной чертой лиепенесских курганов является отсутствие в них женских и детских погребений.

Нельзя не отметить, что наиболее древние курганы одновременно были и самыми богатыми по заключавшемуся в них инвентарю. Из четырех найденных целых мечей три были обнаружены именно в этих курганах. Только эти курганы содержали серебряные предметы.

Анализ костей похороненных собак показывает, что собаки были крупной породы, напоминающие современную немецкую овчарку[28].

Большой интерес представляет второе скопление кальцинированных костей в кургане № 4 первой группы, лишенное почти всякого сопровождающего инвентаря. Можно предполагать, что здесь вместе с хозяином был погребен его раб.

Полученный в результате раскопок материал позволяет уточнить датировку ливских курганов, охарактеризовать погребальные обряды и, до некоторой степени, выявить общественные порядки ливов. Сделанные нами наблюдения также способствуют более точному пониманию неудовлетворительных в научном отношении отчетов раскопок ливских могильников, которые нам оставили археологи-любители прошлого века.

---

[28] Кости определены заведующим сектором Института зоологии и ботаники АН ЭССР К. Л. Паавером.

Н. Н. ВОРОНИН, М. Г. РАБИНОВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

1

Кремль до недавнего времени оставался одним из наименее исследованных в археологическом отношении районов Москвы. Еще в прошлом столетии при земляных работах в Кремле были обнаружены остатки древних укреплений и некоторые вещи, которые попали в поле зрения исследователей истории Москвы и послужили основанием для научных гипотез и споров [1]. В дальнейшем, при возникновении всякого рода новых точек зрения, ученые ссылались все на те же скудные материалы, полученные в XIX в., так как никаких новых исследований (если не считать поисков библиотеки Ивана Грозного) в Кремле не велось. Таким образом, о центральном и важнейшем для истории Москвы районе мы знали меньше, чем о соответствующих районах других городов. Давно уже были проведены раскопки в древнейших частях Киева, Великого Новгорода, Чернигова, Владимира, Суздаля, Старой Рязани, Ростова, Пскова и ряда других городов, а Московский Кремль все еще оставался белым пятном на археологической карте Москвы. Впервые археологические раскопки, связанные с кремлевским комплексом, были предприняты в 1956 г. Но они коснулись лишь предмостного укрепления Кутафьи на правом берегу р. Неглинной и дали поэтому сведения только об одном из узлов обороны, но не о Кремле как поселении. В 1959—1960 гг. в связи со строительством Дворца съездов появилась необходимость провести археологические наблюдения на значительной части территории самого Кремлевского холма [2].

Началу земляных работ строительства предшествовали небольшие стационарные раскопки. В центральной части площадки строительства, к северу от б. Гренадерского корпуса, были заложены два раскопа общей площадью до 250 $м^2$. Наблюдения же за земляными работами строительства продолжались около двух лет и охватили всю западную и центральную части Кремля (рис. 1). В результате работ 1959—1960 гг. и изучения архивных данных о геологических исследованиях территории Кремля удалось составить представление о его культурном слое, получить разрезы его в направлении север-юг и запад-восток на значитель-

[1] М. Гастев. Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы, ч 1, М., 1841. Планы Москвы. Объяснения к планам, стр. 4, № 55; И. Е. Забелин. Изыскания о древнейшем первоначальном поселении Москвы. Тр. VIII АС, ч. III, М., 1897; его же. История города Москвы, I, М., 1902, стр. 62—71; С. Ф. Платонов. О начале Москвы. Статьи по русской истории. СПб., 1912; А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗОРСА РАО, XI, вып. I и II, новая серия, 1899, стр. 206; С. П. Бартенев. Московский Кремль в старину и теперь, I, М., 1912, стр. 3—9 и др.

[2] Состав Кремлевской экспедиции: Н. Н. Воронин (нач экспедиции), М. Г. Рабинович (зам. нач.), научные сотрудники — А. Г. Векслер, Г П. Латышева, Т. В. Равдина, Г. Ф. Соловьева, М. А. Романовская.

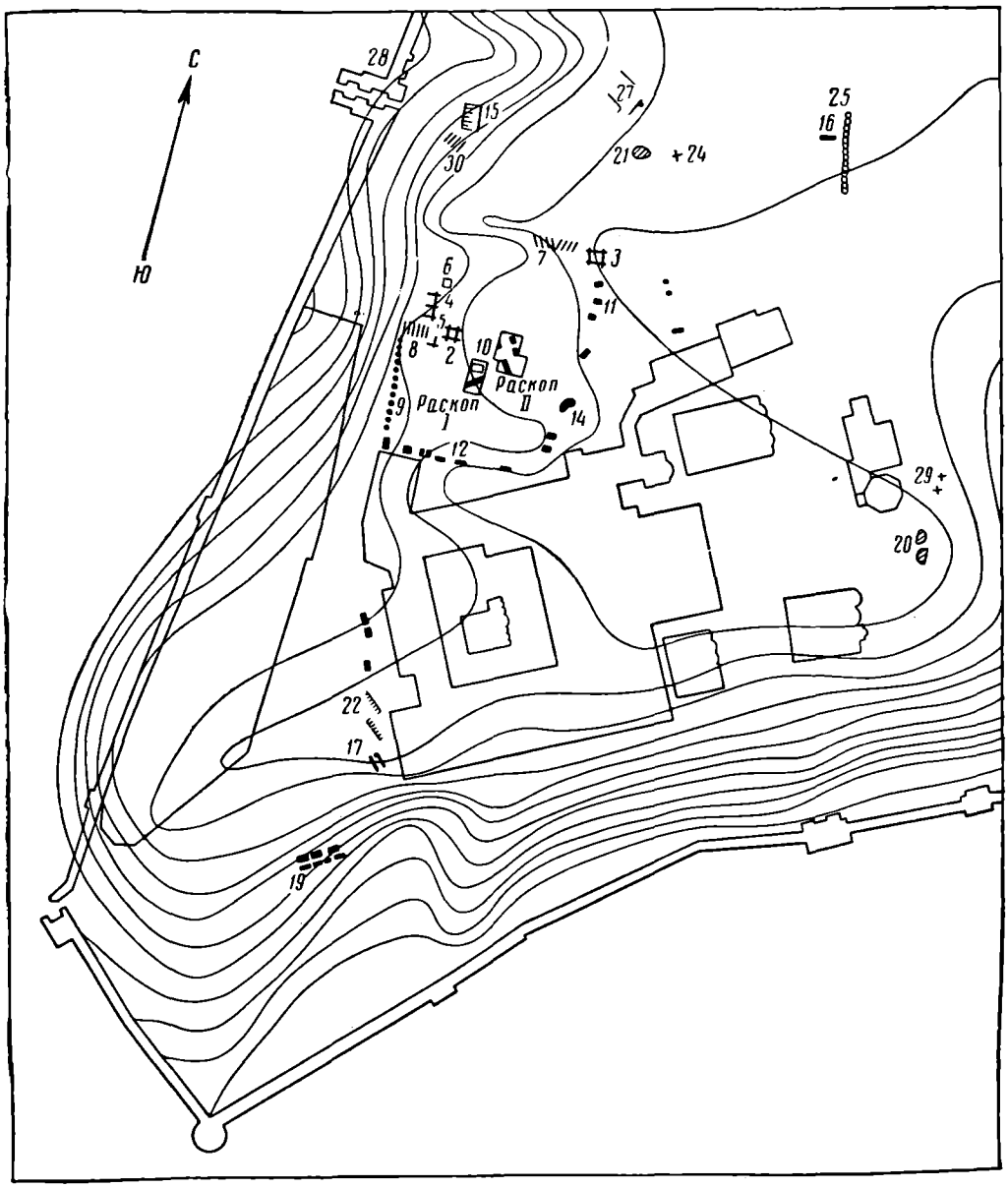


Рис. 1. Сводный план археологических работ в Московском Кремле в 1959—1960 гг.

Горизонтали показывают древний рельеф холма до образования культурного слоя.

Остатки сооружений: *2* — хозяйственная постройка с дренажным устройством; *3* — подвал постройки XV в.; *4, 5* — древняя конструкция основания вала второй половины XII в. и перекрытая ею постройка; *6* — колодец XVIII в.; *7* — мостовые XIV в.; *8* — бревенчатый настил на материке; *9* — каменные здания XVI—XVII вв.; *10* — палаты царицы XVII в.; *11* — здания XVII—XVIII вв.; *12* — лестница и здание XVII в.; *14* — палата царевен XVII в.; *15* — вал второй половины XII в.; *16* — каменная постройка двора Годуновых XVII в.; *17*— палата Софьи Палеолог XV в.; *19* — Запасной дворец XVII в.; *20* — старые приказы XVI в.; *21* — ц. Сергия; *22* — древнейший ров; *24* — сруб подвала XVI—XVII вв.; *25* — водопровод XVII в.; *27* — дворец Анненгоф; *28* — зондаж Кремлевской стены; *29* — погребения XV—XVII вв.; *30* — мостовая XV—XVI вв.

ном протяжении и восстановить рельф древней поверхности Кремля к моменту возникновения здесь поселка. Во время работ был исследован ряд фрагментарно вскрытых сооружений XII—XVIII вв.— укреплений, жилых построек, дворцовых и культовых зданий, и собраны значительные археологические коллекции, хранящиеся ныне в Музее истории и реконструкции Москвы.

Мощность культурного слоя в Кремле колеблется от 0,20 до 21,05 *м*. В отдельных участках древний культурный слой начисто срезан позднейшим строительством, и наслоения относились уже к XIX—XX вв. (например, на площади перед Большим дворцом, в частности у его западной части). Наибольшей мощности (свыше 10 *м*) культурный слой достигает у южной и западной стен Кремля, возле которых в течение веков насыпалась земля, сбрасывавшаяся сверху при разного рода строительных

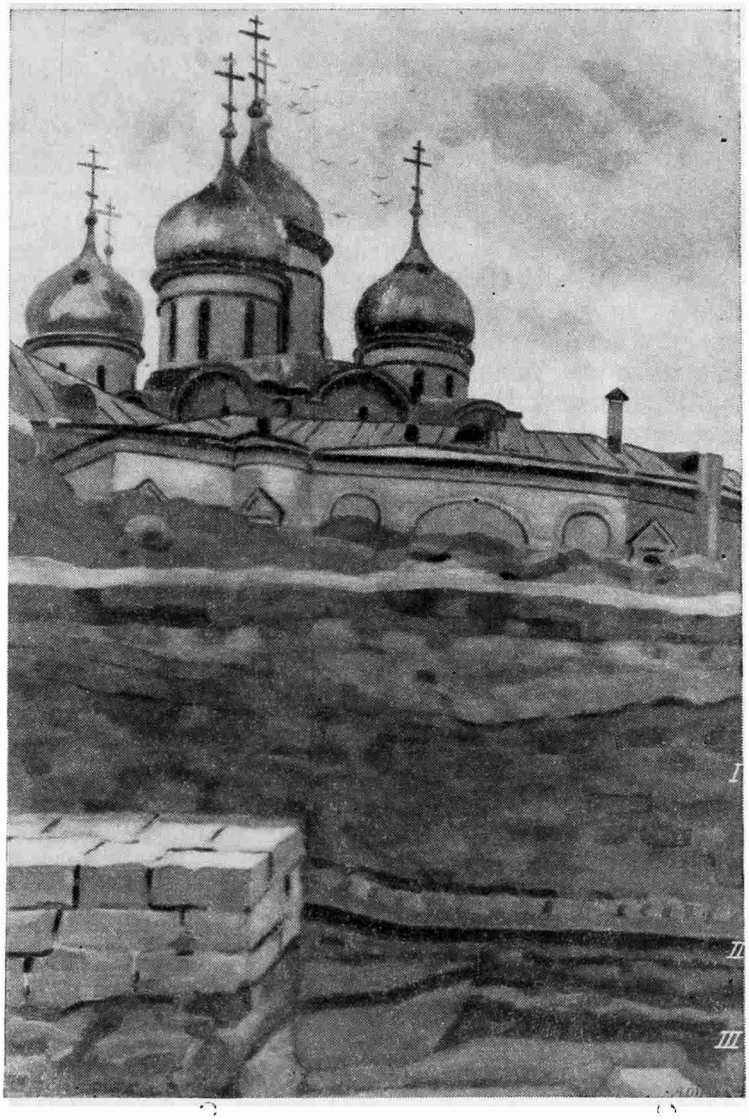


Рис. 2. Схема культурного слоя Кремля

работах. В большинстве же случаев (85 из 112 промеров) толщина культурного слоя в целом колеблется от 2 до 8 *м* (скважины, в которых он достигал толщины 2—4 *м*, составляют 22,3%, 4—6 *м* — 32,1% и 6—8 *м* — 22% общего количества скважин). В районе раскопов I и II толщина культурного слоя была от 4 до 6 *м*.

Культурный слой Кремля по своему характеру оказался чрезвычайно близким к исследованному ранее культурному слою прилегающего к Кремлю Зарядья[3]. Он членится на три основных горизонта (рис. 2).

[3] См. М. Г. Рабинович. Материалы для истории Великого посада Москвы. Тр. Музея истории и реконструкции Москвы, V, 1954, стр. 61.

I (верхний) представляет собой бурую сыпучую супесь или суглинок с очень значительными примесями извести, битого кирпича и иных строительных остатков. В нем лежат фундаменты зданий XVIII—XIX вв. и сооружения городского хозяйства XIX—XX вв. Вещи этого слоя в большинстве относятся к тому же времени, но нередки находки во вторичном залегании и более ранних предметов (например, полихромно-рельефных изразцов, стеклянных браслетов и т. п.) из нарушенных, в связи со строительными и иными работами, древних горизонтов. Таким образом, I слой связан с работами по строительству и благоустройству Кремля в XVII—XX вв. В ряде участков он является и единственным культурным слоем, так как более древние отложения были уничтожены.

II культурный слой представляет собой влажный черный грунт с большим количеством перегноя. В нем хорошо сохраняется дерево, кожа и иные органические остатки. Металлические предметы, встреченные здесь, покрыты зеленовато-синеватой патиной и хорошо сохраняют свою форму. Во II слое изучены части деревянных и каменных построек XIV—XVII вв. Вещевой и керамический материал относится к тому же времени. В верхней части II слоя встречены изразцы, кирпичи размеров, характерных для конца XV—XVII вв., глиняные игрушки сравнительно поздних форм. Посуда преобладает красная, хорошо обожженная (рис. 3, *3*), часто встречается черная лощеная (рис. 3, *1, 2*) и мореная, красная, покрытая белым ангобом, белая неполивная, реже — поливная и красная лощеная. В нижней части II слоя характер керамического материала существенно меняется. Изразцов, черной лощеной и мореной посуды здесь уже нет, очень редки находки белых и ангобированных сосудов (последние большей частью покрыты равномерно круглыми «горошинами» ангоба). Красная посуда все еще преобладает, но наряду с ней все больше появляется фрагментов плохо обожженных, богато орнаментированных «серых» сосудов, преимущественно — горшков и крышек от них (рис. 3, *4*). Изредка встречаются фрагменты поливных восточных сосудов, напоминающих современные пиалы и расписанных под глазурью геометрическим и растительным орнаментом (рис. 3, *5—8*), какие появились на Руси вскоре после монгольского завоевания. Из датирующих предметов можно указать шпоры с зубчатым колесиком, квадратные в сечении железные наконечники стрел, встречающиеся обычно в городских слоях XIV—XV вв., трубчатые замки конца XIII—XV вв., стеклянные прозрачные овальные вставки перстней, найденные в Новгороде также в слоях XIV—XV вв.[4].

Верхняя зона II культурного слоя в ряде случаев оказалась срезанной при строительных и планировочных работах, и зачастую подошва I слоя, относящаяся к XVII—XVIII вв., лежит непосредственно на нижнем горизонте II слоя, относящегося к XIV—XV вв., а иногда и прямо на лежащем ниже III культурном слое.

На участках I и II раскопов II слой не отделялся четко от лежащего ниже III культурного слоя, но переходил в него постепенно, приобретая все более коричневую окраску, связанную с большим количеством остатков дерева — щепы, коры, иногда — ветвей от происходивших где-то вблизи больших строительных работ.

III (нижний) культурный слой — более плотный и слежавшийся, обильнее, чем I и II, насыщен вещевыми находками. В его верхней зоне встречаются поливные восточные сосуды описанного выше типа, а также стеклянные браслеты (зеленые, желтые, фиолетовые, коричневые, чаще гладкие, реже — крученые), непрозрачные зеленые и желтые перстни

---

[4] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 82—83, тип Г; А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. Там же, стр. 186.

Рис. 3. Типы глиняной посуды

Черные лощеные: *1* — кубышка; *2* — рукомойник; *3* — «красный» горшок; *4* — «серый» горшок; *5—8* — фрагменты поливных пиал

(щитковый только один), зонные ярко-зеленые и ярко-синие прозрачные бусы и другие предметы, широко бытовавшие на Руси до монгольского нашествия, а кое-где доживавшие и до конца XIII — начала XIV в. Из датирующих вещей для верхней зоны слоя можно назвать также шпору с шипом, характерную для середины XIII в.[5]. В нижней зоне III слоя среднеазиатские сосуды отсутствуют, зато есть обломки амфор и желтостеклянных бокалов. Поливная керамика представлена изделиями, характерными для домонгольской Руси (например, игрушкой-птичкой, по-

[5] А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 187; Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. СА, 1962, № 1, стр. 137.

крытой зеленой поливой). Больше встречается серой посуды, красной нет Повышается и процент посуды курганного типа (в подошве культурного слоя ее уже более 30%). Встречаются фрагменты сосудов, относящихся, по нашему мнению, к ранней стадии развития гончарного производства, когда орнамент наносился еще без использования вращения круга. Аналогичные сосуды встречены в Новгороде и Пскове в слоях X—XI вв. Показательно распределение находок стеклянных браслетов по горизонтам III культурного слоя. В верхних его пластах, в раскопах I и II, найдено 123 фрагмента стеклянных браслетов (в том числе 83 гладких, 39 крученых и 1 плоский), ниже, в горизонте, особо насыщенном щепой, найдено 97 фрагментов стеклянных браслетов (в том числе 52 гладких, 42 крученых, 2 ребристых, 1 плоский с росписью). Ниже насыщенного щепой слоя до материка найдено всего четыре фрагмента стеклянных браслетов (2 гладких и 2 крученых). Число находок стеклянных браслетов уменьшается по мере удревнения слоя, причем несколько увеличивается процент крученых (с 31,7 до 43,8%). Характерно, что в раскопе II в Кремле стеклянные браслеты на материке не найдены (за исключением случайных перекопов). Они начинают попадаться обычно на 15—25 *см* выше материка, и число их находок увеличивается от нижних пластов к верхним. Основная масса стеклянных браслетов (55%) в Кремле, как и в Зарядье, относится к верхним горизонтам коричневого слоя, датируемым XIII в. Аналогичная картина наблюдается и в Новгороде[6].

В предматериковом слое найдены шиферные пряслица, стеклянные зонные густо-синяя и красная бусины, хрустальная бипирамидальная бусина. Все эти вещи встречаются обычно в слоях, датируемых временем более ранним, чем XII век. Так, стеклянные бусы упомянутых типов найдены в Новгороде в ярусах, датируемых по дендрохронологии 953—1096 гг.[7]; хрустальные бипирамидальные бусы известны по находкам X—XII вв. в курганах Ленинградской, Калининской, Владимирской, Смоленской, Московской и Рязанской областей[8].

Древнейшая нижняя зона III слоя, изученная лишь на незначительных сохранившихся участках, может быть условно датирована по находкам шиферных пряслиц при отсутствии стеклянных браслетов концом XI—началом XII в., иначе говоря, временем Владимира Мономаха.

На краю городища, где культурный слой гораздо более перемешан, попадаются и более поздние вещи, в частности, рыбовидная стеклянная бусина. Возможно, что в этом районе, где уже начинался склон берега, стали селиться в середине XII в.

3

Из фрагментарно изученных сооружений конца XVII—XVIII в. интересны открытые во II раскопе остатки подвалов палат царицы Наталии Кирилловны, некогда примыкавших с севера к Теремному дворцу (рис .4). Известно, что еще в конце XVII в. они были деревянными, но с каменными подклетками, где под жилыми комнатами царицы и царевича Петра находилась какая-то мастерская палата царицы и еще три палаты, в которых жили «государевы богомольцы» (нищие)[9]. Сохранились основания двух пар прямоугольных столбов (размеры от 206 × 254 до 240 × 260 *см*) из хорошо отесанных и подогнанных белокаменных блоков (от 30 × 28 × 20 до 84 × 27 × 21 *см*), положенных на известковом

[6] А. Ф. Дубынин. Археологические исследования в Зарядье (Москва) КСИИМК, 65, 1956, стр. 120; Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Нерев-ского раскопа. МИА, 55, 1956, стр. 120—125.

[7] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 169; Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода, стр. 137.

[8] М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Тр. ГИМ, 33, 1960, прилож. 11, № 2.

[9] Н. А. Сквортцов. Археология и топография Москвы. М., 1913, стр. 445.

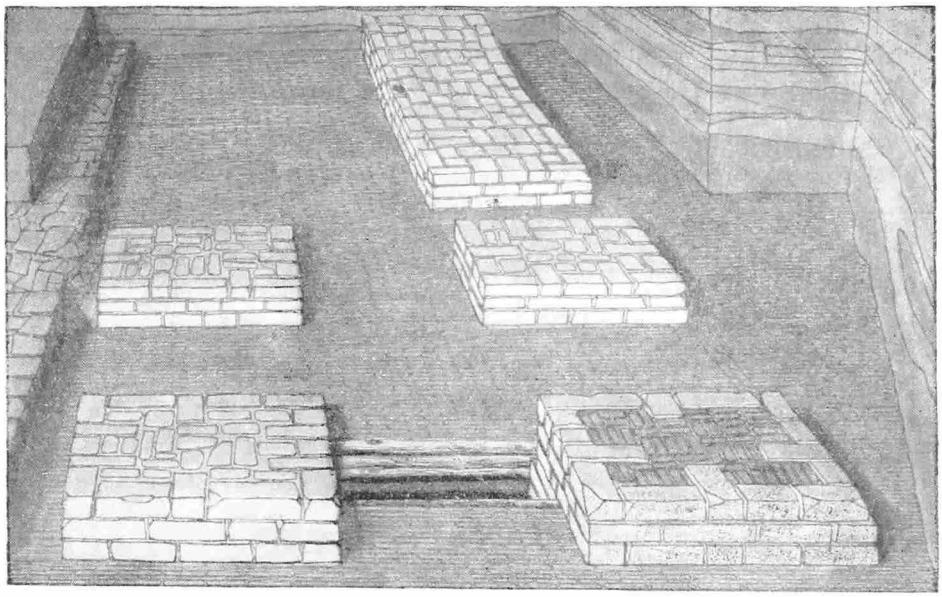


Рис. 4. Подклет царицыных палат XVII в. Вид с севера (реконструкция)

растворе попеременно тычком и ложком. Внутренняя полость столбов заполнена обломками белого камня и большемерного кирпича (30 × 12 × × 7 *см*), бут прослоен горизонтальными кирпичными прокладками. Продольная ось подклета шла с СЗ на ЮВ (расстояние между северной и южной парой столбов 3,50—3,80 *м*). К юго-западному столбу примыкает ленточный фундамент (шириной 2,8 *м*), идентичный по технике столбам. В его кладке был использован обломок белокаменного надгробия с треугольчатым орнаментом первой половины XVI в. В раскопе I был вскрыт такой же фундамент (шириной 1,9 *м*), шедший перпендикулярно первому. Подклет был вымощен кирпичом. В раскопе I прослежены фрагменты первой вымостки из положенных плашмя половинок кирпичей (7,5 × ×13—14×? *см*); этот не слишком тщательно сделанный пол подклета позднее был переложен: на уцелевшие кирпичи был положен толстый слой известкового раствора, а сверху тщательно уложены на ребро кирпичи размером 7,5—8 × 13—14 × 29—30 *см*. Одинаковый размер кирпича показывает, что между настилом первого и второго полов прошло немного времени. Между северными столбами прослежены остатки небольшого погреба, северная и южная стенки которого забраны бревнами.

В I раскопе была расчищена вымостка из белокаменных плит (72,5 × × 65 × 20 *см*; 71,5 × 69 × 14; 71 × 30 × 14,5 *см* и т. п.), лежавших на подсыпке песка толщиной 5—15 *см*. Видимо, это вымостка двора, примыкавшего к палатам с запада, возможно — та самая «потешная площадка» царевича Петра, которая упоминается в литературе [10].

При разборке фундаментов зданий, выстроенных в XVIII в. на месте царицыных палат и к северо-востоку от них, найдено много фрагментов резных белокаменных деталей какого-то разрушенного здания (часть облицовки древнего проема и детали с богатым растительным и геометрическим орнаментом и пр.; рис. 5). Некоторые из них близки резьбе порталов Теремного дворца.

При археологических наблюдениях прослежены остатки нескольких каменных зданий конца XV—XVII вв. (см. рис. 1, *9, 11, 12, 14, 16—21, 26*), в том числе Запасного дворца, приказов, двора Годуновых, Чудова монастыря. Пожалуй, наибольший интерес представляет обнаруженная у юго-западного угла Большого дворца (рис. 1, *17*) часть подклета древнейшего комплекса каменного дворца XV — начала XVI в., обозначен-

[10] Н. А. Скворцов. Ук. соч., стр. 445.

ного на плане С. П. Бартенева как «палаты Софьи Палеолог». Это крытая коробовым сводом камера без окон шириной 4,35 *м* и высотой (до пяты свода) 2,12 *м*, со стенами толщиной 3,5 *м*, сложенными из тесаного белого камня (27—29 × 34—40 *см*). На уровне низа стен прослежен тонкий слой угольков. Пол подвала либо был земляной, либо давно разобран. Помещение сильно разрушено еще в XIX в. и не могло быть исследовано целиком. При расчистке засыпавшего его еще во время строительства дворца К. А. Тоном мусора не было найдено ни одной древней вещи.

Рис. 5. Резная белокаменная архитектурная деталь

К хозяйственным постройкам дворца относится открытый в котловане строительства большой (7 × 7 *м*) сруб, срубленный «в обло» из толстых (28—35 *см*) сосновых бревен, с продольными пазами в их нижней части (рис. 1, *3*). Сруб был врыт в лежащие ниже горизонты культурного слоя и в материк на глубину более 2,5 *м* (10 венцов). Это — погреб с дренажным устройством, аналогичным открытому ранее в Зарядье леднику первой половины XVI в. [11]. Ниже сруба, перпендикулярно его южной стенке, лежало бревно, в верхней части которого был выдолблен канал для стока воды. В засыпке сруба прослежены остатки глинобитной печи, обрушившейся в подвал из верхнего этажа. Сруб, судя по керамическому материалу, относится к концу XIV — началу XV в. Наличие в засыпке сруба больших (4 × 16 × 30 (?) *см*) [12] и маломерных «алевизовых» (5 × 10,5 × × 21,5 *см*) кирпичей определяет время разрушения постройки концом XV — началом XVI в. Видимо, она принадлежала к старому «государеву двору» и была упразднена строительством в это время нового каменного дворца.

При археологических наблюдениях было встречено еще несколько срубов-погребов XV—XVII вв. (рис. 1, *2, 24*). Часть сруба XIV в. изучена в раскопе I. Он меньше описанного (примерно 3,10 × 3,20 *м*), сложен из неошкуренных сосновых бревен диаметром 13—20 *см*, рубленных «в обло» чашками вверх. Венцы сруба были перемечены зарубками от нижнего венца к верхнему (сохранились от одной до восьми). Внутри сруба удалось расчистить остатки рухнувшей кровли, состоявшей, видимо, из тонких слег-стропил, обрешеченных досками, на которых укреплялась крупная дубовая дранка (найдено 20 штук длиной 66—71, шириной 15—20 и толщиной, примерно 0,5 *см*) с симметрично затесанными концами (рис. 6). Пол был земляной. Судя по находкам в засыпке сруба, он был погребом и существовал до второй половины XV в. Самый характер сооружения, построенного из не слишком добротных материалов, и его малые размеры не позволяют предположить, что оно принадлежало к великокняжескому двору. Скорее можно думать, что на краю тогдашней территории Кремля, на склоне р. Неглинной в XIV—XV вв. еще оставались отдельные усадьбы рядового населения.

[11] М. Г. Рабинович. Дом и усадьба в древней Москве. СЭ, 1952, № 3, стр. 63.

[12] Все кирпичи были обломаны. Длина указана по аналогии с известными кирпичами.

Во II культурном слое прослежены остатки нескольких мостовых XIV—XVII вв. Некоторые из них шли в направлении к Троицкой башне (например, рис. 1, *30*), другие их пересекали. Направление мостовых позволит частично уточнить расположение улиц внутри Кремля. Конструкция мостовых обычна: на продольные лаги клали поперечные плахи, зачастую стесывая их верхнюю грань; иногда использовали и неошкуренные бревна; продольные жерди поверх настила набивали, очевидно, не всегда. Судя по некоторым древним планам, в Кремле XVII в. мостовая покрывалась еще досками, набитыми продольно по движению поверх плах (рис. 7), при этом не было нужды в затесывании верхней грани плах. Вероятно, этим объясняется, что более поздние кремлевские мостовые XVII в. настланы из круглых неотесанных бревен, доски же могли не сохраниться.

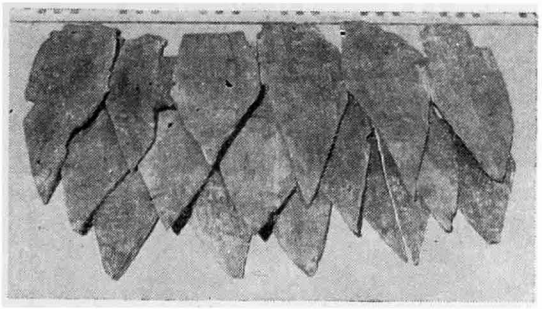


Рис. 6. Погреб XIV в. Кровля из дранки

Заборы усадеб, прослеженные несколько раз, представляли собой частоколы, аналогичные открытым в Зарядье.

Из сооружений городского хозяйства следует отметить водопровод из керамических труб (траншея III; рис. 1, *25*), шедший в направлении СЗ — ЮВ (рис. 8). Каждое звено трубы из белой глины, покрытой внутри зеленой поливой, было длиной 45 *см*. Северная оконечность трубы имела наружный диаметр 18,5, южная — 9 *см* (а внутренний соответственно 14,5 и 5 *см*). Узкий конец звена вставлялся в широкий раструб

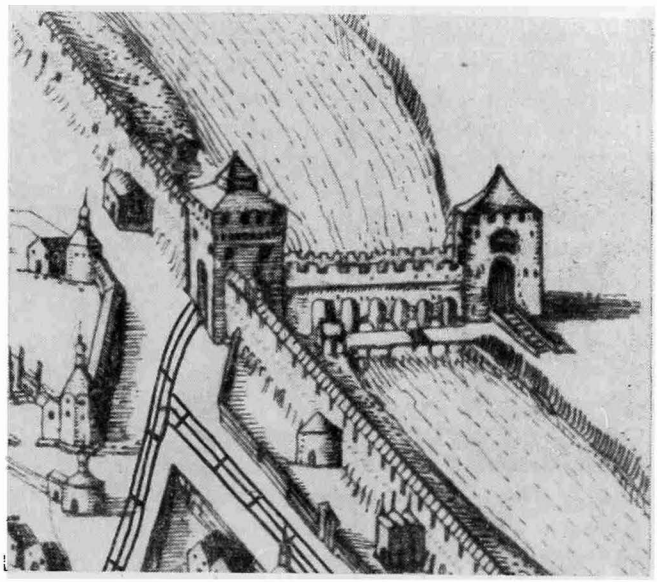


Рис. 7. Мостовые в Кремле по плану конца XVI в. («Годуновский чертеж» Кремля)

следующего. Трубы лежали в специальном коробе, сложенном на известковом растворе из большемерных (7,5 × 13 × 31 *см*) кирпичей на дне траншеи шириной 1 *м*, глубиной 1,8 *м*, прорытой от верха II культурного слоя. По размеру кирпичей, характеру труб и стратиграфии водопровод можно датировать концом XVII — началом XVIII в.

Ко II культурному слою Кремля относятся также погребения (в могильных ямах, вырытых в материке) к востоку от бывшей церкви Иоанна Лествичника (траншея VI; рис. 1, *29*). Изучить их не удалось ввиду малых размеров выработки и плохой сохранности дерева, разрушенного еще в древности. Они были в долбленых колодах и ориентированы головой

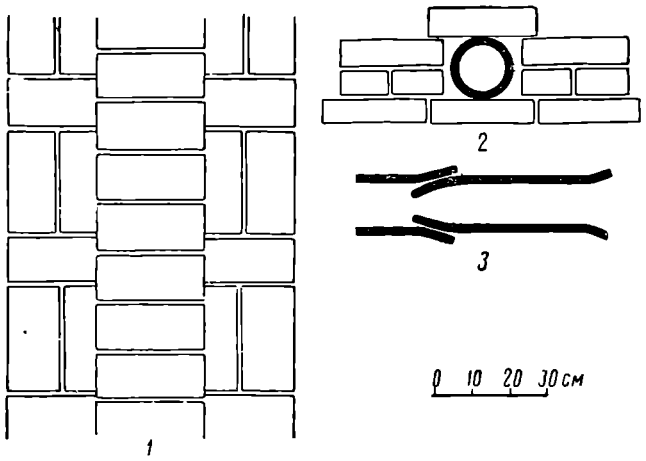


Рис. 8. Водопровод XVII — XVIII вв.
1 — вид сверху, *2* — разрез, *3* — соединение труб

на запад. Ямы вырыты с горизонта конца XV—XVI вв., но возможно, что отдельные погребения были совершены и несколько позднее. Интересна найденная в одном из погребений поливная расширяющаяся кверху круглая чашечка на кольцевом поддоне (высота ее 8,4, диаметр по верху — 14,3, диаметр днища — 8,2 *см*). Сосуд (рис. 9) сделан из светлого глиняного теста и покрыт поливой, которая сохранилась очень плохо,

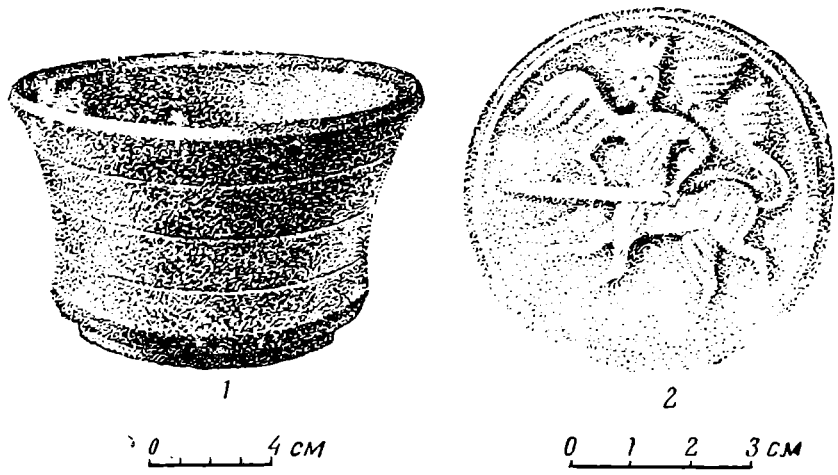


Рис. 9. Погребальный сосудик с изображением китовраса:
1 — общий вид; *2* — изображение на дне сосуда

так что невозможно даже определить ее цвет, и украшен тремя полосами линейного орнамента. На днище внутри сосуда оттиснуто круглым штампом клеймо диаметром 5,3 *см*. В выпуклой круговой рамке помещено рельефное изображение идущего влево крылатого китовраса в короне с тремя зубцами; в руках китовраса — меч, который он обнажает, придерживая ножны правой рукой. Изображение было оттиснуто уже после

изготовления сосуда на гончарном круге, так что на наружной стороне днища остались отпечатки пальцев мастера, прижимавших еще сырой сосуд к штампу. Подобные поливные погребальные сосуды-лампадки, правда, меньшего размера, известны по находкам в Москве в погребениях XVII в.[13]. Но штамп с китоврасом, обнажающим меч, встречен впервые. То обстоятельство, что китоврас обнажает меч левой рукой, а правой придерживает ножны, заставляет предположить здесь ошибку резчика, изготовлявшего штамп. Применение московскими гончарами штампов из обожженной глины известно[14].

Другие находки вещей во II культурном слое обычны (рис. 10). Это — железные нож с косо наваренным стальным лезвием, трубчатые замки, подковки от сапог, крюки для подвешивания, кованые гвозди, шпоры с колесиком, целые большие закройные стержневые ножницы (длиной 22,5 *см*), ромбический черешковый наконечник стрелы, небольшой железный топор со стальным лезвием торцовой наварки и плоским обухом[15], конские удила, замок от конских пут и тщательно откованная, богато орнаментированная железная жиковина от дверей.

Среди керамического материала как из II слоя, так и из более поздних перекопов интересен фрагмент гладкого расписного изразца XVIII в.: на белом поле синей краской нарисована женщина, несущая два ведра (этот бытовой сюжет ранее, кажется, не встречался). Полихромно-рельефные и «красные» изразцы имеют обычный орнамент. Заслуживают внимания фрагменты хорошо обожженных рельефных терракотовых плиток из раскопов I и II (рис. 10, *5*). В раскопе I плитка найдена в описанном выше срубе, засыпанном в конце XV в., а в раскопе II — на границе черного и коричневого слоев, куда она, возможно, попала в результате перекопа. Обе плитки принадлежали к одному зданию и отличаются значительной высотой рельефа, намного превышающей рельефы «красных» изразцов: центральная фигура выступает на 21 *мм*, а двухжгутные (а не трехжгутные, как у красных изразцов) тяги — на 17 *мм*. Орнамент, очень сходный по своим мотивам с белокаменной резьбой, оттиснут в форме, но доработан вручную. Так, явно от руки еще до обжига вырезаны ячейки в лепестках пальметты. В углублениях плитки видны следы побелки — терракота подражала резьбе по белому камню, что характерно для ранних московских архитектурных терракот, известных по храмам второй половины XV в. Упомянем еще фрагмент зеленой поливной миски, сохранивший на внутренней поверхности обрывок какой-то посвятительной рельефной подглазурной надписи «...ВИЧЮ», а также несколько игрушек (медведь в намордник, представляющий собой дальнейшее развитие форм этой игрушки из раскопок в Гончарной слободе, фрагменты фигурок лошадок, птичек-свистулек и т. п., аналогичных игрушкам из Гончарной слободы и Зарядья).

В I и II раскопах, во II слое, найдены две близкие по технике обработки каменные литейные формы для отливки круглых пуговиц с коническим выступом в центре (рис. 10, *7, 8*). Форма из раскопа II — вполне законченная часть по меньшей мере трехдольной формы, в которой можно было в один прием отлить не менее трех похожих, но не вполне тождественных пуговиц. Часть же литейной трехдольной формы из сруба раскопа I не доделана. Резчик только наметил контуры пуговицы на одной стороне будущей формы, а на другой сделал несколько больше — обработал конический центральный выступ, но не успел проработать все

---

[13] М. Г. Рабинович. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье р. Яузы. МИА, 12, 1949, стр. 19 (ямы погребений, в которых найдены такие сосуды, перекрыты строительным слоем 1684 г.).

[14] М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА, 12, 1949, стр. 93.

[15] Аналогичные топоры в раскопках Новгорода датируются в основном XV—XVI вв. См. Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 30.

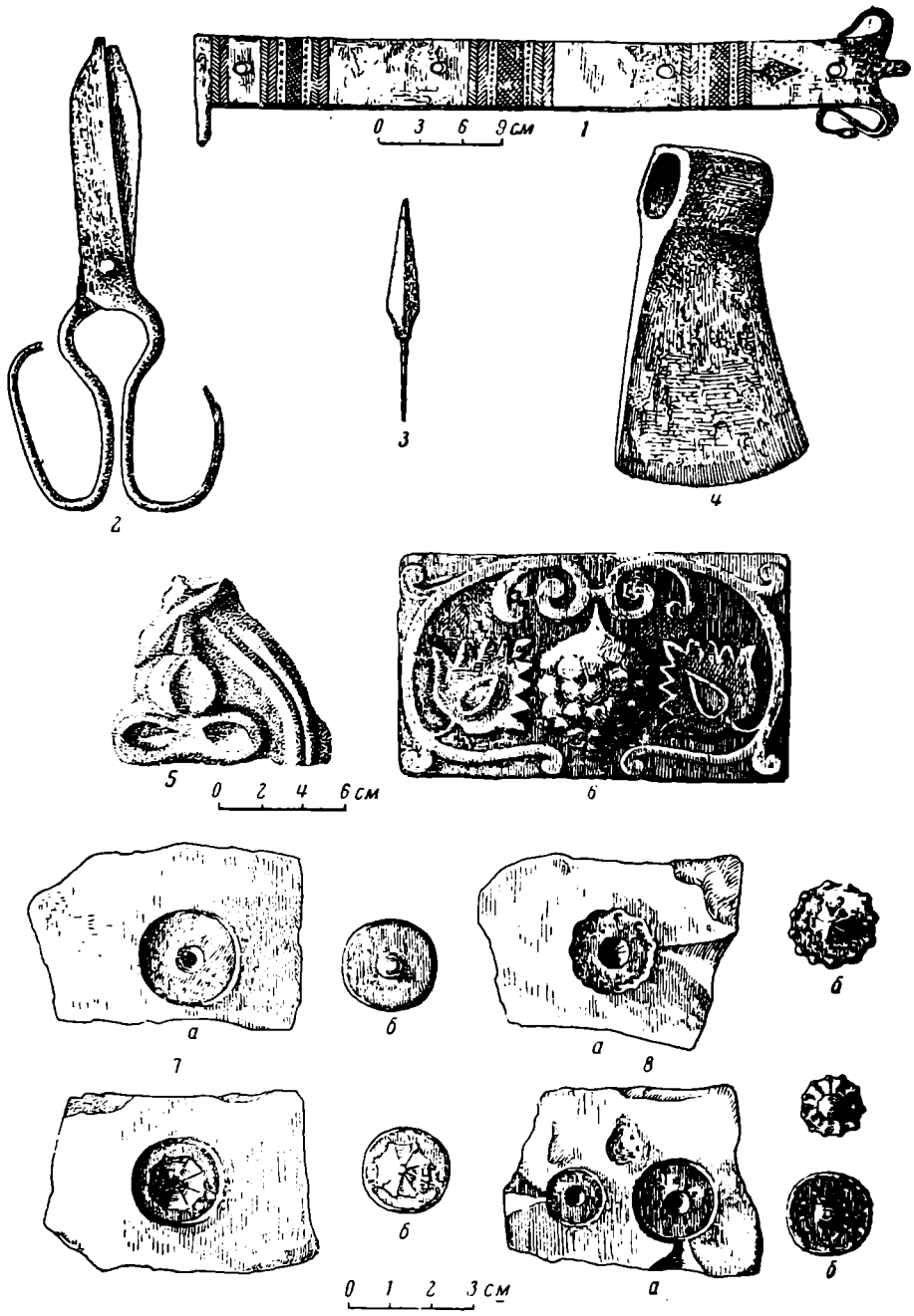


Рис. 10. Находки из I и II культурных слоев

1 — жиковина от двери; *2* — портновские ножницы; *3* — наконечник стрелы; *4* — топор; *5* — часть плитки; *6* — поливной изразец; *7—8* — литейные формы (*а*) и оттиски (*б*)

детали периферии щитка пуговицы. На обеих сторонах он не прорезал еще литков. Вероятно, где-то на берегу Неглинной в конце XIV—XV в. жил мастер, резавший из камня литейные формы. Аналогичная каменная форма для одновременной отливки нескольких подобных пуговиц, отличавшихся лишь деталями орнамента, найдена в Зарядье в 1949 г. также в нижней части черного слоя. Возможно, что мода на такие пуговицы, существовавшая в конце XIV — начале XV в., удовлетворялась литейщиками московского посада, для которых резал формы один мастер.

Для выяснения характера и границ поселения XII—XIII вв. на кремлевском холме первостепенный интерес представляют вскрытые при строительных работах части оборонительных сооружений и наблюдения за распространением третьего (коричневого) слоя.

К началу заселения холма его юго-западный мыс имел иную, чем теперь, конфигурацию (см. рис. 1). Крутой спад берега Неглинной начинался значительно восточнее, примерно у восточной стороны современной Коммунистической улицы, так что здания Оружейной палаты и Потешного дворца стоят уже над склоном древнего берега. Но юго-западная оконечность мыса выдавалась в древности дальше, чем теперь, и обрывалась к берегу гораздо круче. Впоследствии она была срезана, а западная и южная части Кремля у подножия стен обильно заросли культурным слоем, смывавшимся сверху водами и сбрасывавшимся при различных строительных и планировочных работах.

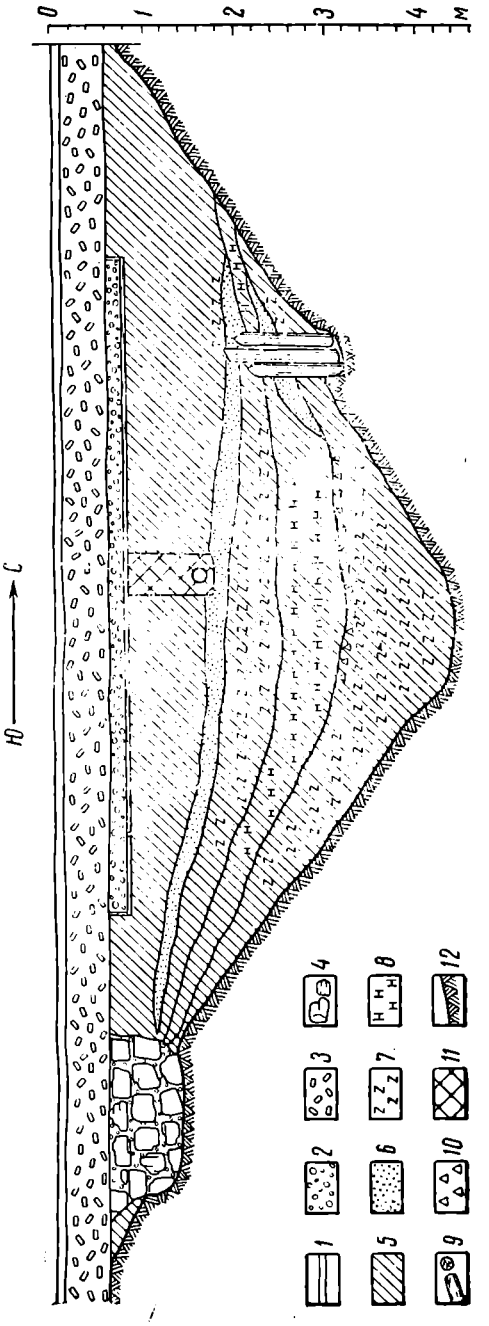


Рис. 11. Разрез древнего рва

1 — асфальт; *2* — известь; *3* — битый кирпич; *4* — белый камень; *5* — коричневая земля; *6* — песок; *7* — щепа; *8* — навоз; *9* — дерево; *10* — кожа; *11* — перекоп; *12* — материк

Траншея возле юго-западного угла Большого дворца разрезала древний ров (рис. 1, *22*), отрезавший мысовую площадку длиной около 130 и шириной около 90 *м* (рис. 11). Ширина сохранившейся части рва вверху 13—15, глубина — 4,3 *м*, падение склонов — 45—50°, дно несколько скруглено. Поскольку культурный слой здесь был срезан при строительных работах XIX в., можно думать, что ров первоначально имел бóльшие размеры, но вряд ли его глубина намного превышала 5, а ширина 16—18 *м*. Таким образом, древнейший кремлевский ров был таким же, как рвы днепровского Вышгорода, Киева и иных древнерусских укрепленных поселений XI—XIII вв.[16]. Исследование заполнения рва показало, что он был засыпан не сразу, но все же в довольно короткий период второй половины XII в. или самого начала XIII в. Здесь найдена курганная и серая керамика, а также один

[16] П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.— Л., 1956, стр. 113—114.

фрагмент переходной керамики от серой к красной. В заполнении рва найден обломок желтого гладкого стеклянного браслета. В процессе зарастания и засыпки во рву устраивались какие-то временные деревянные сооружения хозяйственного характера. Следовательно, надо полагать, что ров принадлежал к укреплениям поселка, сооруженным еще до середины XII в. Это был маленький русский городок мысового или «полуостровного» типа. Этот тип укреплений к концу XI — началу XII в. уже изживал себя [17]. К сожалению, территория этого мысового городка уже недоступна изучению, и судить о его социальном облике мы не можем. Его ров был заброшен за ненадобностью, видимо после постройки новой линии укреплений, и быстро заплыл культурным слоем. Возможно, что это произошло после постройки Андреем Боголюбским по распоряжению Юрия Долгорукого «града» в 1156 г. Известно, что еще в XIX в. был обнаружен ров, проходивший с западной стороны церкви Спаса на Бору [18]. Возможно, что это и была линия обороны новой крепости 1156 г., расположенная к северо-востоку от описанного, более древнего рва. Можно думать, что этот первоначальный поселок уже не вмещался в черту своей крепости и выходил за ее пределы. Правда, для этого предположения мы располагаем очень незначительными данными. Это были отдельные пятна в нижней зоне III слоя, отмеченные находками пряслиц из розового шифера при отсутствии стеклянных изделий.

Границы поселения в XII—XIII вв. определяются распространением третьего (коричневого) культурного слоя, прослеженного при археологических наблюдениях за траншеями, прорезавшими почти всю территорию современного Кремля с севера на юг и с запада на восток. Оказалось, что мощность третьего слоя, достигающая в центральных районах Кремля свыше 1,5 *м*, к северу значительно уменьшается. На линии, идущей к востоку от современных Троицких ворот, III слой, в котором найдена серая посуда и черный крученый стеклянный браслет, достигает всего 48 *см* толщины, а еще севернее, у юго-восточного угла существующего здания Арсенала, этого слоя нет вовсе. Нужно думать, что северная граница московского поселения в конце XIII — начале XIV в. проходила от северной стены существующей Троицкой башни к южной стене здания Арсенала и далее к южному углу здания Судебных установлений. Здесь проследить границу слоя не удалось, так как в материк врезались подвалы зданий б. Чудова монастыря. Район севернее этой линии был заселен лишь в XIV—XV вв., а северная часть современной территории Кремля получила укрепления лишь в конце XV в.

Но и южнее Троицкой башни территория Кремля заселялась постепенно, распространяясь, по-видимому, от мысовой части с юга на северо-восток и на север, в частности по берегу Неглинной. Здесь, в северо-западной части строительного котлована, на старом склоне берега Неглинной, прослежены остатки деревянной постройки, представляющей ряд легких «клетей», больших — 2,5 × 2,5, 3 × 3 *м* и узких — 1,2 × 3 *м*, сложенных в основании из тонких бревен (толщиной 15—18 *см*), а выше — из плах и досок (толщиной 4—5 *см*), углы иногда соединены врубкой («с остатком» или «в ус») или положены впритык. Одна клеть оказалась заполненной конским навозом, который залегал и с восточной стороны клетей. В навозе найден целый деревянный хомут. На дне клетей прослежена тонкая прослойка угля — возможно, след пожара. По-видимому, это

[17] П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв., стр. 26, 62.

[18] М. Гастев. Ук. соч., стр. 4, план, № 55. М. Гастев в комментарии к плану Кремля пишет, что к западу от Спаса на Бору был «палисад против находившегося здесь рва, найденный при копании земли для фундамента Нового Кремлевского дворца». И. Е. Забелин, ссылаясь на эти же слова М. Гастева, пишет, что здесь были найдены «остатки вала и рва» древнейшего поселка еще доюрьевских времен (История города Москвы, стр. 62, 68).

были конюшни, разделенные на стойла. Эти остатки связаны с нижней зоной III культурного слоя; в их уровне найдена только «серая» и курганная посуда; дата — по-видимому, первая половина XII в.

Эта постройка просуществовала очень недолго, так как непосредственно над ее остатками был насыпан западный вал поселка. Несмотря на его сильное разрушение мощным экскаватором, удалось исследовать конструкцию его восточного края, бо́льшая же западная часть уходила

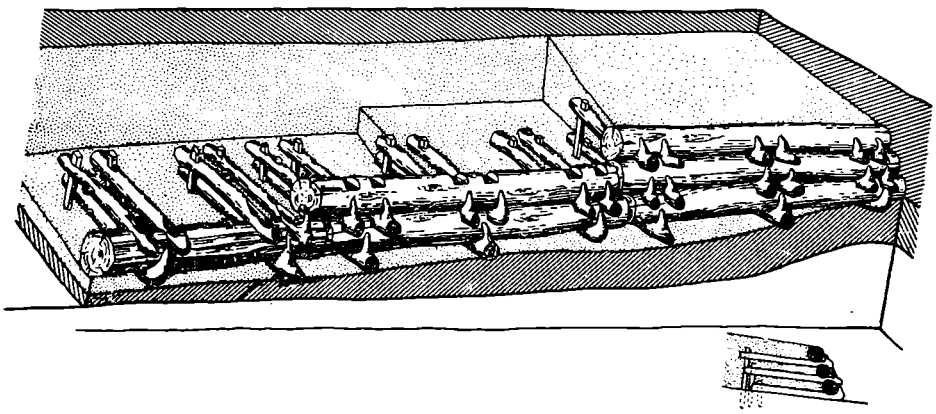


Рис. 12. Крепления западного вала поселка второй половины XII в. (реконструкция)

в обрез котлована, так что наружный, западный край вала, видимо, приходился на линии Потешного дворца. В песчаной насыпи вала встречены включения культурного слоя — кора и щепа, камни, куски глиняной обмазки и бревен, обломок «курицы», единичные фрагменты «серой» посуды. Можно думать, что вал сооружался из грунта смежного участка поселка, как это было, например в Суздале. Под полу вала уходит нижняя зона III слоя, датируемая (по смежному I раскопу) XII в. Особенный интерес представляет монументальное крепление основания вала горизонтальными, отесанными на 12 граней, дубовыми бревнами диаметром 30—35 *см*, связанными с насыпью поперечными «курицами» (рис. 12). Последние сделаны из более тонких (12—18 *см*) кругляков, входящих в пазы бревен и связанных с насыпью вала забитыми в отверстия колышками. Крюки «куриц» и держали бревна «кожуха», мешая им откатываться под давлением насыпи. В верхней части бревен сделаны над нижними парные пазы для аналогичных «куриц». В памятниках русского крепостного зодчества такой прием встречен впервые. Но он хорошо известен в польских крепостях. Таков, например, вал Познани X—XI вв., где каменную насыпь держит в основании такая же конструкция из бревен на деревянных крючьях [19]. Видимо, продолжением той же оборонительной линии являлся вал, восточный склон которого удалось с большим риском проследить в оползавшем обрезе северо-западного угла глубокого строительного котлована против Троицкой башни (рис. 13). Вал высотой около 7 *м* насыпан, как и описанный, из сероватого песка. В его основании прослеживался нижний горизонт III культурного слоя и следы деревянной постройки, аналогичной «клетям» под западным валом; III слой заходит и на полу вала, свидетельствуя лишний раз, что описанный оборонительный пояс возник, очевидно, еще в домонгольское время, прикрыв разросшийся к концу XII — началу XIII в. поселок. Возможно, что сооружение вала из грунта смежного участка поселка было одной из причин плохой сохранности его древнейших отложений XII в.

[19] Poznań we wczesnym średniowieczu, I. Warszawa — Wrozlaw, 1959, стр. 26—36; W. Henzel. Wstęp do studiów nad osadnichtwem Wilkopolski wczesnohistorycznej. Poznań, 1948, стр. 203—209.

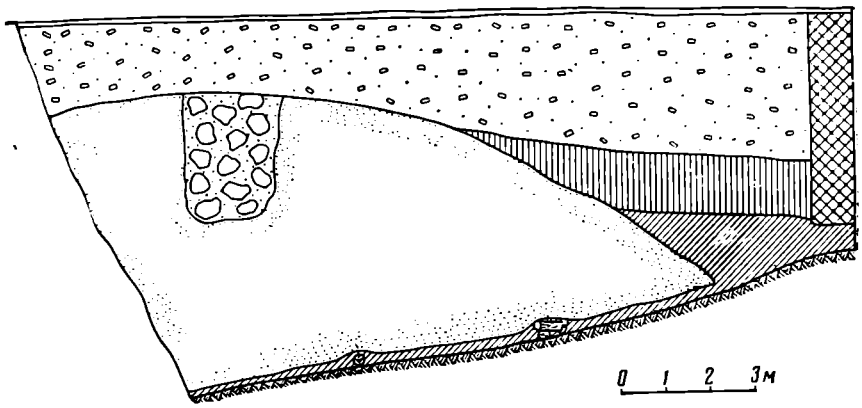


Рис. 13. Разрез вала (условные обозначения см. на рис. 11)

Открытые в III слое жилища принадлежали, по всей вероятности, рядовому населению.

В раскопе II в верхнем горизонте III слоя открыта восточная часть сруба первой половины XIII в., рубленного «в обло», из сосновых бревен диаметром 16—22 *см* (рис. 14). Длина вскрытой в раскопе части сруба (от северной до южной стены) 2,6 *м;* зная, что большинство срубных домов в древней Руси в плане приближалось к квадрату, можно думать, что ширина клети вряд ли превышала 3 *м*. Размеры постройки меньше обычных московских жилых домов (имевших в большинстве случаев площадь 16—20 $м^2$) [20]. Но дом имел дощатый пол, настланный в направлении З — В, и глинобитную печь на деревянных столбах, расположенную в юго-восточном углу. В развалинах печи обнаружены фрагменты двух горшков, один из которых был перевернут вверх дном. Другой горшок интересен богатым линейно-волнистым орнаментом, покрывавшим почти всю его боковую поверхность. Оба горшка относятся к типу «серых». Постройка представляет собой типичное срубное наземное жилище, какие встречались в Москве, в районе Зарядья. Вход в него, судя по направлению досок пола, мог быть с восточной или с западной стороны. В последнем случае внутренняя планировка дома близка к северо- и среднерусскому типу, существовавшему в этих местах в несколько измененном виде до недавнего времени [21].

От другой постройки того же времени (XIII в.) не сохранилось каких-либо деревянных частей, а осталась лишь неглубокая (около 0,7 *м*), врезанная в материк яма неправильной формы, приближающейся к прямоугольнику со скругленными углами размером 2,6 × 2,2 *м*. Пол земляной, плотно убитый, ровный. Предположение, что это подполье несохранившегося наземного жилища, исключается, так как все сооружения этого типа, встретившиеся в Москве ранее, имели срубную конструкцию. Возможно, что это — остатки полуземлянки, но в ее вскрытой части нет ступеней входа (в раскоп не попал северо-восточный угол). Немного большее (3 × 3 *м*) полуземляночное жилище, открытое А. Ф. Дубыниным в Суздале, датируется XIII—XIV вв.; автор отмечает, что это — последнее по времени полуземляночное жилище в Суздале [22]. В Москве же предполагаемая кремлевская полуземлянка является пока единственной. Все известные московские жилища были наземными или даже на подклетах, что характерно для данной ландшафтной зоны [23].

---

[20] М. Г. Рабинович. Дом и усадьба в древней Москве, стр. 53.

[21] Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев, белорусов. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 235.

[22] А. Ф. Дубынин. Археологические исследования г. Суздаля КСИИМК, XI, 1945, стр. 94.

[23] М. Г. Рабинович. Дом и усадьба..., стр. 71—72.

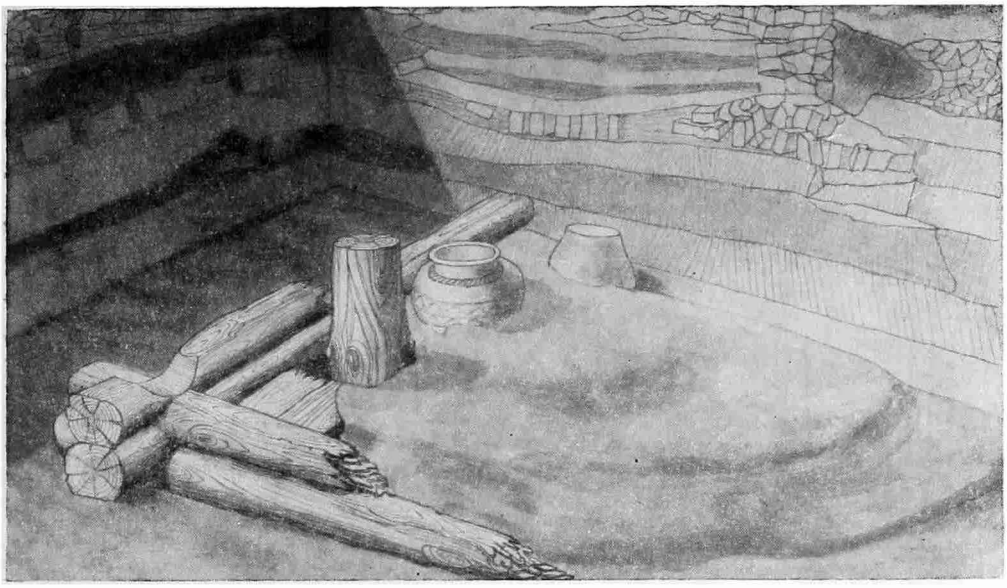


Рис. 14. Остатки наземного жилища XIII в.

III культурный слой значительно богаче находками, чем II. Некоторые из этих находок свидетельствуют о ремесле, развивавшемся в Москве в XII—XIII вв. О получении и обработке железа говорит находка во II раскопе горшка, в котором производилось науглероживание железа. На северной окраине поселка XII—XIII вв. открыты также остатки домницы. О гончарном деле свидетельствуют найденные в раскопе I глиняная птичка-погремушка, покрытая зеленой поливой, и куски бракованных изделий с такой же поливой. Эти находки относятся к первой половине XIII в. и заставляют пересмотреть утверждение о том, что поливная керамика домонгольского времени в Москве всегда привозная [24].

Как и в древнейшем слое Зарядья, в III слое Кремля часты находки, связанные с сапожным производством,— оселки для точки шильев и ножей, железное четырехгранное шило, деревянные рукояти от инструментов, обрезки кожи (интересен, например, перед старого сапога, из которого выкроена детская подошва). Есть также отходы косторезного производства и образцы продукции московских косторезов: на Ивановской площади найдена костяная накладка с прекрасно выполненной сложной пальметтой (рис. 15, *1*), а в раскопе II — костяная игральная шашка (рис. 15, *2*).

Открытым остается вопрос о производстве в Москве стеклянных браслетов. Уже само обилие находок в домонгольском слое фрагментов стеклянных браслетов (их в раскопах I и II найдено на площади 250 $м^2$ 266 шт., что составляет более 40% всех вещевых находок, не считая керамики) наводило на мысль о существовании их местного производства. Найдены были и фрагменты браслетов неправильной формы, как бы покоробившихся, которые могли быть браком производства. Однако химический анализ состава стекла, проведенный Ю. Л. Щаповой в лаборатории спектрального и структурного анализа кафедры археологии МГУ, показал, что значительная их часть сделана в Киеве, а один из браслетов, являвшихся по первоначальному предположению браком местного производства,— даже в западноевропейских мастерских. Все же бо́льшая часть браслетов сделана из свинцового стекла, наиболее простого по условиям варки и технологической обработки изделий, какое применялось

[24] М. Г. Рабинович. Материалы для истории Великого Посада Москвы, стр. 80—81.

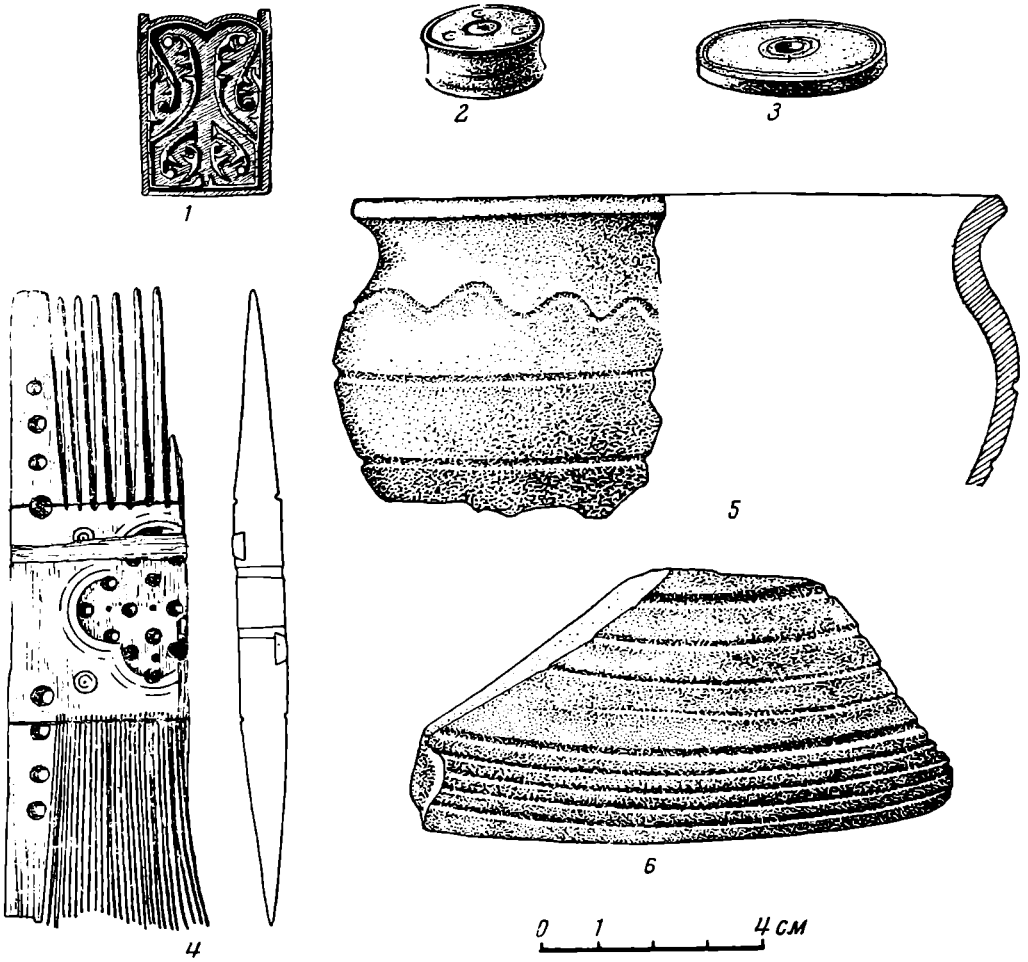


Рис. 15. Находки из III слоя

1 — костяная накладка; *2, 3* — шашки; *4* —деревянный гребень; *5* — горшок; *6* — обломок амфоры

как в киевском производстве с XI в., так и в периферийных русских мастерских домонгольского времени [25].

Кроме стеклянных браслетов, в домонгольском слое Кремля найден ряд привозных вещей, свидетельствующих о торговых связях городка как с другими русскими землями, так и с зарубежными странами (рис. 16). Это прежде всего волынские пряслица из розового шифера, некоторые изделия из стекла — бокалы, перстни, бусы, о которых говорилось выше, глиняные, южного происхождения амфоры, обломки которых найдены впервые в Московском Кремле.

В херсонесских изделиях имеет аналогии небольшой бронзовый замок в виде фантастического зверя с головой львицы, телом лошади и копытами быка (рис. 16, *7, 8*). Дужка замка сохранилась плохо. Корпус длиной 7 *см* состоит из двух половин, отлитых в разных формах. Орнамент на каждой из них разный. Но характер его сходен, и размер отливки совпадает точно. Это продукция какой-то большой мастерской, производившей, видимо, множество однотипных замков, причем корпуса их отлива-

[25] Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин еще в 1950 г. высказали предположение, что «каждый более или менее крупный древнерусский город имел собственное производство стеклянных браслетов, перстней и бус» (К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов в древней Руси. КСИИМК, 49, 1953, стр. 24). Производство стеклянных браслетов открыто в таком городе, как Кострома (М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. КСИИМК, XLVII, 1952).

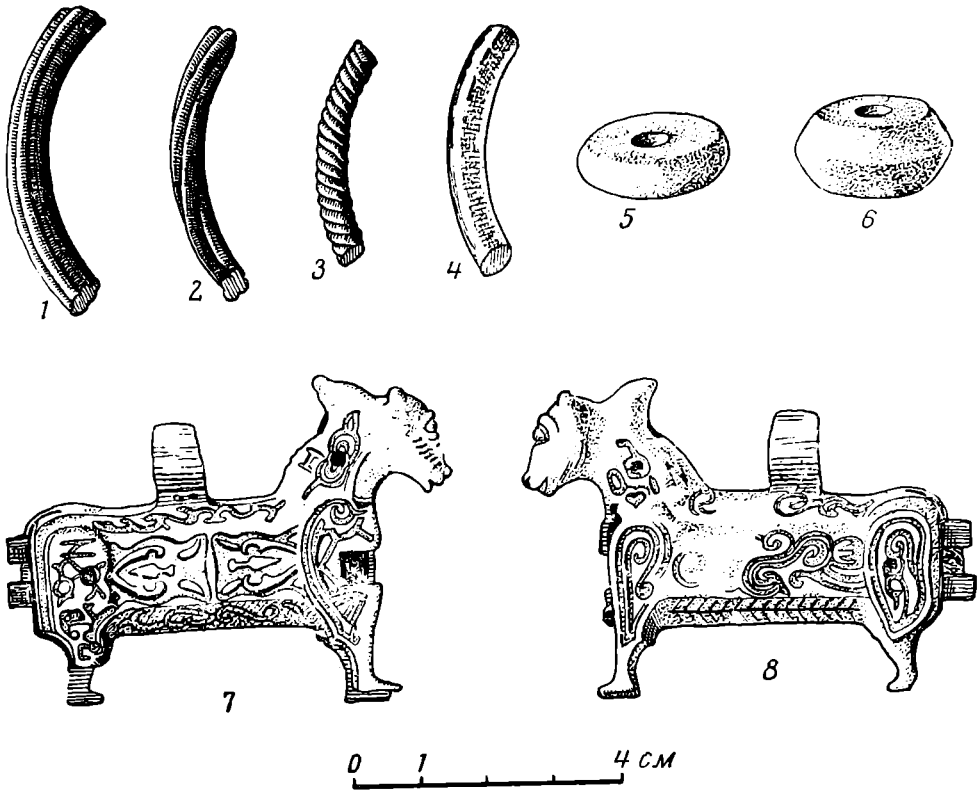


Рис. 16. Привозные предметы

1—4 — стеклянные браслеты; *5, 6* — шиферные пряслица; *7, 8* — бронзовый замок

лись серийно, а потом призводилась сборка. При сборке данного замка мастер, видимо, по ошибке соединил две половинки корпуса, предназначавшиеся для разных замков. На правой задней ноге зверя — орнамент в виде знаков, напоминающих буквы кириллицы. Как будто ясно читается вначале лигатура Н — И, далее можно опознать буквы Е и З, но дальше знаки не читаемы, а из упомянутых «букв» не складывается слово. Возможно, что это вовсе не надпись, а орнамент, подражающий какой-то надписи. Замок датируется XII в. [26].

Любопытным свидетельством торговых связей древней Москвы является находка в I раскопе в нижнем горизонте III слоя (второй половины XII в.) части большого двустороннего прямоугольного гребня с циркульным орнаментом и сквозными сверленными отверстиями (рис. 15, *4*). Гребень сделан из дорогого привозного дерева — самшита, из которого делалось подавляющее большинство древнерусских гребней. Он долго был в употреблении, сломался, но его не бросили, как множество находимых при раскопах деревянных гребней, а тщательно починили. Для этого пришлось вырезать трапециевидные пазы вдоль обоих боков гребня, через красивый орнамент. В эти пазы загнали узенькие, но не самшитовые, а простые березовые планочки. Они, видимо, какое-то время служили свою службу, и гребень можно было употреблять, но затем он снова сломался, и только тогда хозяйка решилась бросить его. Чем объяснялась столь необычная бережливость по отношению к довольно дешевой вещи? Думается, что нехваткой материала, из которого можно было делать или которым можно было чинить гребни. По новгородским

[20] Приносим благодарность А. П. Смирнову и А. Л. Якобсону, сообщившим ряд ценных сведений о подобных замках.

материалам установлен временный перерыв снабжения Руси самшитом с Северного Кавказа в XII в.[27]. Вероятно, и Москва в XII в. ощущала этот недостаток, так же как Новгород.

К более позднему времени, уже после монгольского завоевания (верх III и низ II слоя), относятся уже упомянутые привозные из Средней Азии поливные чаши из светлой глины, в форме пиал с поддоном (рис. 3, *5—8*).

5

Археологические работы в Кремле 1959—1960 гг. показали, что культурный слой этого важнейшего археологического памятника, как и можно было ожидать, сильно нарушен при интенсивных строительных и иных работах с XII по XX в. Тем не менее, при всей фрагментарности полученного материала и отрывочности наблюдений, установлены новые важные факты в исторической биографии столицы.

Теперь нет сомнений, что древнейший поселок возник в устье Неглинной и являлся маленьким мысовым городком, защищенным с напольной стороны рвом. «Город» 1156 г. несколько расширил линию обороны, выдвинув ее к северу и северо-востоку. В этом направлении в XII—XIII вв. и росло поселение, причем его территория по берегу р. Москвы, по-видимому, увеличивалась вначале быстрее, чем по берегу р. Неглинной. Но и в этом направлении город до времен татаро-монгольского нашествия достиг значительно бóльших размеров, чем предполагалось ранее. Однако для доказательства непрерывности территории Москвы в этот период требуются дополнительные раскопки на подоле Кремля, в современном Тайницком саду.

Крепость, прикрывшая в XII—XIII вв. разросшийся поселок на Боровицком холме, представляла собой очень своеобразное по конструкции дерево-земляное укрепление, доходившее до линии современных Троицких ворот. Возможно, что поселение в XIII в. простиралось и несколько севернее этой границы, а на москворецком подоле заняло значительную часть Зарядья, немного не достигая Псковского пер. и подходя к самому берегу. Княжеско-боярский элемент в застройке города этого времени был, по-видимому, весьма незначителен. Правда, двор князя или его наместника скорее всего мог располагаться на недоступной изучению небольшой мысовой части Кремля. На исследованной же нами территории домонгольский слой не содержит каких-либо материалов, которые могли бы быть связаны с княжеским двором. Все культурные остатки домонгольской поры принадлежат рядовому населению и связаны с развитием ремесла и торговли как русской, так и зарубежной. Единичные находки сельскохозяйственных орудий — серпов (в Кремле и в Зарядье) и кос (в Зарядье) свидетельствуют о том, что население еще не вполне оставило земледелие, которое, как и в других средневековых городах, наряду с содержанием скота и рыболовством было важным хозяйственным подспорьем. Древняя Москва не деревня, а город, сначала небольшой, а потом значительный. Княжеский двор выдвинул свои постройки на исследованную территорию Кремля, видимо, уже в конце XIV — начале XV в.: в котловане строительства прослежены относящиеся к этому времени постройки преимущественно хозяйственного характера, дворцовые службы. К XVI в. относятся остатки домов знати, учреждений, церквей, монастырей и дворцовых жилых построек, которые заняли к концу XVII в. всю западную часть Кремля до самой Соборной площади и Троицких ворот. Торговое же и ремесленное население было к тому времени уже давно оттеснено на окраины города, в различные слободы.

Дальнейшая работа над полученными материалами и постановка дополнительных раскопок на кремлевском подоле позволят еще во многом уточнить и дополнить изложенные выводы.

Заметки

Н. Н. КАРЛОВ, С. К. НАКЕЛЬСКИЙ

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОДВЕСКИ ИЗ РОСТРОВ БЕЛЕМНИТОВ И КАСПИЙСКИХ РАКОВИН С р. САМАРЫ

Находки белемнитов в тех районах, где отсутствуют выходы юрских и меловых отложений, представляют большую редкость и значительный научный интерес в связи с вопросом о том, каким образом эти окаменелости были занесены в упомянутые районы.

Подобная находка была сделана С. К. Накельским на территории открытого им позднепалеолитического местонахождения на бечевнике правого берега р. Самары вблизи пос. им. Шевченко и железнодорожной станции Депо-Узел, на расстоянии около 6 *км* к северо-востоку от г. Днепропетровска.

Один из ростров белемнитов, найденных в указанном месте (рис. 1, *1*), расколот пополам вдоль оси и стесан с двух сторон в расширенной части. Судя по характеру стесов, можно предполагать, что они сделаны острым кремневым орудием. Кроме боковых стесов, ростр был преднамеренно укорочен на обоих концах, причем укорочение, по всей вероятности, также произведено кремневым режущим орудием. В результате этой обработки длина найденной части ростра 43 *мм* при первоначальной толщине его в расширенной части около 20 *мм*. По общему характеру ростра и его первоначальным размерам можно заключить, что он относится к роду *Belemnitella* и происходит из верхнемеловых отложений.

Второй ростр белемнита, найденный в том же месте (рис. 1, *2*), сохранился гораздо лучше описанного, так как он не подвергался искусственной обработке; при рассматривании сбоку этот ростр имеет форму выпуклого конуса с отломанной верхушкой, а с брюшной стороны форма его почти цилиндрическая; альвеола длинная, вершина ее приближена к брюшной стороне; на поверхности хорошо заметны нераздвоенные спинно-боковые бороздки и многочисленные разветвленные отпечатки кровеносных сосудов. Этот ростр принадлежит верхнемеловому виду *Belemnitella mucronata* Schloth., характерному главным образом для кампанского яруса (мукронатовые слои) и в меньшей степени для нижнего горизонта маастрихтского яруса меловой системы.

Как кампанские, так и маастрихтские отложения отсутствуют в Днепропетровской области, и их ближайшие выходы расположены в долине р. Северного Донца, не ближе 170 *км* от места находки. В связи с этим возникает вопрос, каким образом эти верхнемеловые окаменелости, чуждые Днепропетровской области, оказались на р. Самаре. Предполагать, что они были принесены сюда водой, нет оснований, во-первых, потому, что оба экземпляра белемнитов не имеют никаких признаков окатывания, а во-вторых, потому, что меловые отложения по р. Самаре нигде не обнажаются на поверхности земли.

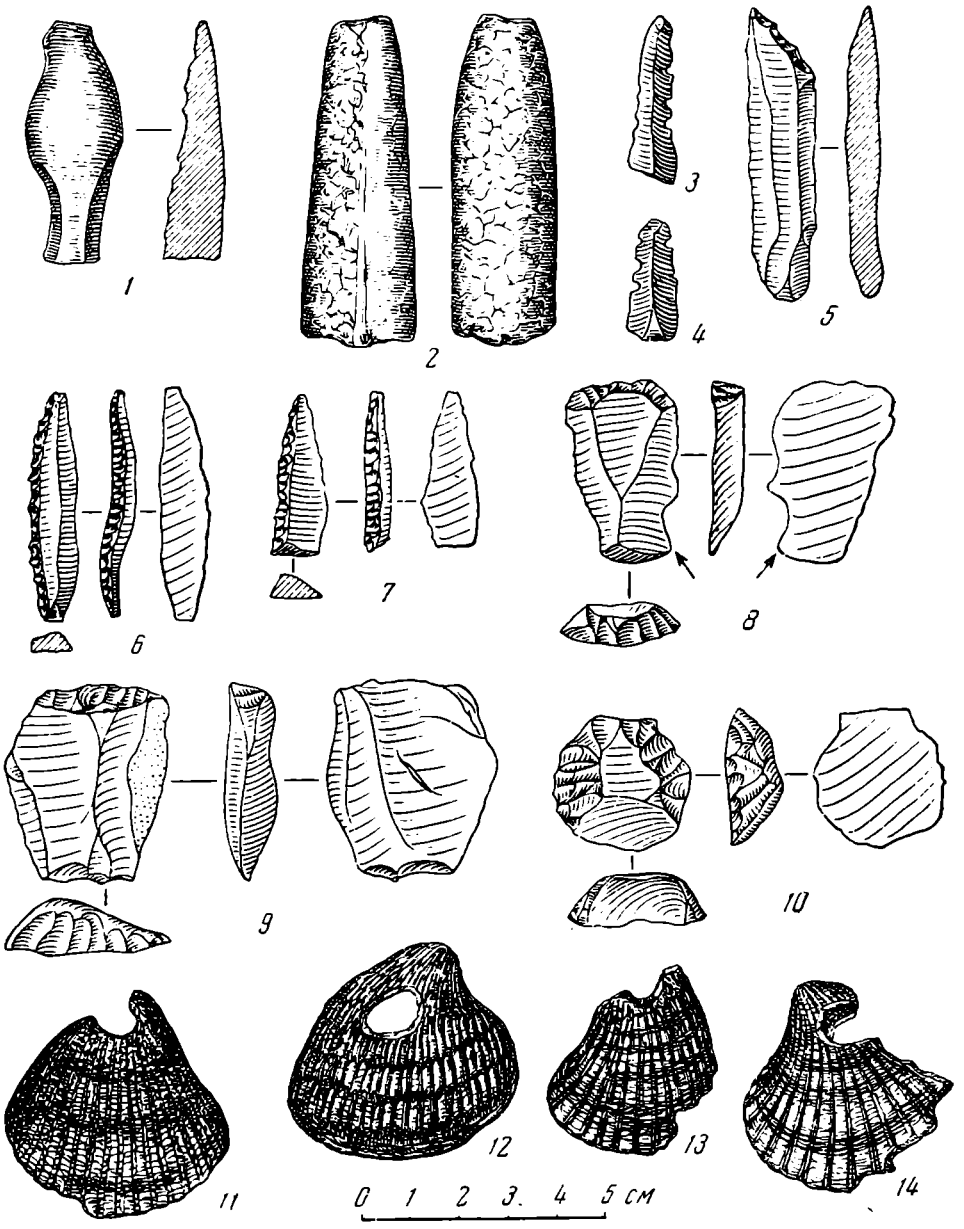


Рис. 1. Археологические находки на р. Самаре близ поселка им. Шевченко

1 — обтесанный ростр белемнита *Belemnitella sp.*, *2* — ростр верхнемелового белемнита *Belemnitella mucronata* Schloth. без следов обработки; *3, 4* — узкие пластинки с боковыми выемками полукруглой формы; *5* — пластинка со скошенным ретушью краем типа «клинка перочинного ножа»; *6, 7* — узкие пластинки с затупленным ретушью длинным краем; *8* — короткий концевой скребок на пластинке, суженной к заднему концу, с одним резцовым сколом; *9* — короткий концевой скребок с прямым лезвием на массивном широком отщепе; *10* — дисковидный скребок на отщепе; *11—14* — просверленные раковины каспийских дидакн

Точно так же исключается предположение о случайном заносе этих окаменелостей на Самару современным человеком, но не подлежит сомнению занос их позднепалеолитическим человеком, так как эти окаменелости найдены в пределах поля с кремневыми орудиями и отщепами, очевидно, вымытыми из культурного слоя позднепалеолитической стоянки.

Из упомянутых орудий наиболее важны следующие.

1. Узкие пластинки с боковыми выемками полукруглой формы длиной до 35 *мм* (рис. 1, *3, 4*), служившие для обточки (скобления) костя-

ных игл до круглого сечения, для чего пластинки закреплялись в деревянных рукоятках. Эти орудия приводятся в качестве руководящих форм из классических мадленских стоянок Франции Г. Обермайером [1] и из мадленских культурных слоев многослойной стоянки Молодова V на Днестре А. П. Чернышем [2].

2. Пластинка со скошенным ретушью краем типа «клинка перочинного ножа (рис. 1, *5*) длиной 62 *мм*, орудия данного типа являются руководящими для шестой хронологической группы, соответствующей позднему мадлену и выделенной в Среднем Приднестровье А. П. Чернышем [3]; они нередко встречаются в многослойных стоянках на Днепре ниже Днепропетровска, в слоях, соответствующих самому позднему мадлену, а также найдены в позднепалеолитической стоянке Владимировка [4].

3. Узкие пластинки с одним затупленным ретушью длинным краем (рис. 1, *6, 7*), достигающие в длину 50 *мм*; эти пластинки представляют как бы переход к микролитам, но в действительности не являются таковыми, поскольку они имеют толщину до 5 *мм*, а их небольшая ширина обусловлена вторичной обработкой крутой затупляющей ретушью одного длинного края (обычно левого, если смотреть со стороны спинки). Г. Обермайер [5] называет эти орудия «клинками с притупленной спинкой» и считает их руководящими формами классического мадлена Франции. А. П. Черныш [6] отмечает их появление в позднемадленских культурных слоях № 3 и № 2 стоянки Молодова V и др. на Днестре. Орудия этого типа бытуют также в раннем мезолите Среднего Приднепровья, например в третьем культурном слое Владимировской палеолитической стоянки, но там, в отличие от найденных на Самаре, они гораздо миниатюрнее и представляют уже настоящие микролиты.

4. Короткий концевой скребок с прямым рабочим краем на пластинке, суженный к заднему концу, и с одним резцовым сколом (рис. 1, *8*); скребок такого рода принимается за руководящую мадленскую форму Г. Обермайером в классических местонахождениях Франции и Моравии (Житна) [7]. Аналогичные орудия весьма многочисленны в позднемадленских и переходных к азилю культурных слоях Владимировской стоянки на р. Синюхе в Подвысоцком районе, Кировоградской области УССР [8]. Скребок этого типа, найденный на Самаре, характеризуется присутствием одного резцового скола на суженном конце, аналогично тому, как это наблюдается на подобных же концевых скребках из мадленских культурных слоев стоянок Костенки III и IV [9].

5. Короткий концевой скребок с прямым лезвием на массивном широком отщепе верхнемелового кремня (рис. 1, *9*). Этот тип совершенно не характерен для микролитической индустрии приднепровского и приднестровского мезолита, в котором концевые скребки выработаны пре-

---

[1] Г. Обермайер. Доисторический человек. СПб., 1913, стр. 226, рис. 118, *l, m, n*.

[2] А. П. Черныш. Поздний палеолит Среднего Приднестровья. Тр. КИЧП, 15, 1959, стр. 91, 94 и 103.

[3] А. П. Черныш. Ук. соч., стр. 98, 102, 103 и 175.

[4] А. П. Черныш. Владимировская палеолитическая стоянка. БКИЧП, 17, 1953, стр. 49, табл. I, *7*; его же. Володимирівська палеолітична стоянка. Киев, 1953, стр. 53, табл. IX, *12*; стр. 56, табл. X, *17*.

[5] Г. Обермаейр. Ук. соч., стр. 226, рис. 118, *e*.

[6] А. П. Черныш. Поздний палеолит Среднего Приднестровья, стр. 98, 103 сл.

[7] Г. Обермайер. Ук. соч., стр. 226, рис. 118, *a*; стр. 355, рис. 194.

[8] А. П. Черныш. Владимировская палеолитическая стоянка, стр. 49, табл. I, *23, 28*; его же. Володимирівська палеолітична стоянка, стр. 25, табл. I, *18, 22*; стр. 30, табл. II, *19*; стр. 33, табл. III, *7* и *8*.

[9] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Тр. Ин-та ИГН АН СССР, 64, геол. серия, № 17, 1948, стр. 178, рис. 90, *14*.

имущественно на сечениях небольших тонких пластинок и имеют полукруглый рабочий край [10]. Он обнаруживает большое сходство с позднемадленскими скребками на отщепах, найденными в некоторых стоянках Западной Европы и Среднего Приднестровья (Ломачинцы II, Оселивка и др.).

6. Круглый дисковидный скребок на отщепе мелового кремня (рис. 1, *10*). Это орудие вполне сходно с небольшими круглыми скребками из позднемадленской стоянки Супонево и менее сходно с аналогичными скребками из позднемадленской стоянки Боршево II [11].

Таким образом, типология кремневых орудий, собранных вблизи места находки ростров белемнитов на р. Самаре, при отсутствии весьма характерных для азиля орудий геометризованной формы, позволяет заключить, что эта находка имеет наиболее вероятный позднемадленский возраст, переходный к азилю. Это предположение подтверждается также тем, что в том же месте был найден фрагмент рога гигантского оленя, относящегося к подвиду *Megaloceros giganteus giganteus* Blum., остатки которого неизвестны в азильских и тарденуазских стоянках [12].

Учитывая сказанное, можно полагать, что оба экземпляра белемнитов были принесены в долину р. Самары человеком позднепалеолитической культуры, который, вероятно, использовал их в качестве украшений (подвесок). Для этого белемнит был подвергнут обработке: ему стесали бока и торцы. О таком использовании этих окаменелостей палеолитическим человеком свидетельствует находка расколотого ростра белемнита в среднем культурном слое позднемадленской стоянки Лисичники на правом берегу р. Серет в районе Залещиков (левобережное Поднестровье). П. И. Борисковский [13], который сообщает об этой находке, указывает на то, что в упомянутом позднемадленском культурном слое были обнаружены остатки ожерелья из ископаемых третичных морских раковин пектункулов (*Pectunculus pilosus*) и подвеска, сделанная из обломка расколотого пополам белемнита. На одном конце этого обломка имеется глубокий желобок для привязывания.

Таким образом, позднемадленские насельники Самары и Серета, несмотря на разделявшее их большое расстояние (свыше 2800 *км*), пользовались одинаковыми окаменелостями — белемнитами для выделки украшений, что не может быть объяснено случайным совпадением и указывает или на существование каких-то связей между поздними мадленцами восточных и западных областей Украины, или же на большую подвижность насельников Днепра и Самары в конце палеолита. На это обстоятельство обращает внимание П. И. Борисковский в специальной статье, посвященной белемнитам из палеолитических стоянок [14].

Наконец, весьма важна находка расколотых по продольной оси ростров белемнитов в позднепалеолитической стоянке Сунгирь около г. Владимира на р. Клязьме [15]. Они были встречены там совместно с обломками крупных двустворчатых раковин, костными остатками мамонта, северного оленя, лося, лошади, бизона, песца и зайца, а также с многочисленными кремневыми орудиями и отщепами. По мнению исследова-

---

[10] А. П. Черныш. Владимировская палеолитическая стоянка, стр. 49, табл. I, *4, 5, 11, 12, 15, 16*; А. П. Черныш, Поздний палеолит Среднего Приднестровья, стр. 107, рис. 53, *1—7*.

[11] В. И. Громов. Ук. соч., стр. 179, рис. 90, *5, 28*.

[12] В. И. Громов Ук. соч., стр. 232; А. П. Черныш, Поздний палеолит Среднего Приднестровья, стр. 109 и 113.

[13] П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, 40, 1953, стр. 131.

[14] П. И. Борисковский. Белемниты в древнем каменном веке. «Природа», 1956, 11, стр. 113—114.

[15] О. Н. Бадер. Палеолитическая стоянка Сунгирь на р. Клязьме. СА, 1959, 1, стр. 154.

теля стоянки Сунгирь О. Н. Бадера, она может быть сопоставлена по возрасту со стоянками Костенки IV, Боршево II и Гонцы.

С этими же стоянками, а также со стоянками Мезин, Амвросиевка, Кирилловка (верхние слои) и др., по всей вероятности, синхронно рассматриваемое нами местонахождение белемнитов, кремней и раковин на р. Самаре. В Среднем Приднестровье ему, очевидно, соответствуют 2, 3 и 4-й культурные горизонты позднепалеолитической стоянки Молодова V; в Среднем Приднепровье — нижние культурные горизонты многослойной Владимировской позднепалеолитической стоянки на р. Синюхе в Подвысоцком районе Кировоградской области, а в Западной Европе — стоянки Мадлен, Мэж, Сент-Мишель, Фонталь, Сагвар, Андернах, Тайнген и др.

Между прочим, находки белемнитов на Самаре проливают свет на происхождение загадочного фрагмента ростра белемнита, который был найден в 1949 г. в верхнем (буском) лёссе г. Днепропетровска К. А. Барановым. Можно предполагать, что этот обломок был занесен сюда доисторическим человеком позднепалеолитической культуры, ибо отсутствие следов окатывания на упомянутом фрагменте не дает оснований для предположения о его водной транспортировке.

Кроме ростров белемнита, С. К. Накельским и др. примерно в том же месте (на правом берегу Самары близ поселка им. Шевченко) было найдено несколько створок раковин каспийских дидакн с просверленными в них отверстиями для продевания тонкого ремешка или сухожилия (рис. 1, *11—14*). По определению В. В. Богачева [16] эти раковины принадлежат вымершему виду *Didacna pallasi* P r a v., очень обычному в древнеэвксинских отложениях, а также виду *Didacna pravoslavlevi* F e d.

Л. А. Невесская [17] рассматривает первую форму как подвид (*subspecies*) *Didacna crassa* E i c h w., указывая на то, что принадлежащие сюда раковины отличаются от основного вида Эйхвальда своим коротким треугольным очертанием со средним коэффициентом удлиненности 0,88, вогнутым задним полем и сильно завернутыми вперед макушками. На побережье Каспийского моря *Didacna crassa pallasi* P r a v. встречается только в хозарских и нижнехвалынских отложениях, так же как и *D. pravoslavlevi* F e d.

Во всем бассейне Днепра указанные выше отложения отсутствуют, а ближайшие к месту находки каспийских раковин на Самаре выходы соответствующих по возрасту древнеэвксинских отложений с дидакнами имеются лишь в Северном Приазовье, близ г. Таганрога, на расстоянии 325 *км* от г. Днепропетровска.

Возникает вопрос: пользовался ли позднемадленский человек современными ему морскими раковинами, собирая их на пляже, или же добывал их в осыпях у подножья обнажений древнеэвксинских песков? Судя по тому, что на раковинах с р. Самары не сохранилось никаких следов их первоначальной окраски, а также принимая во внимание то обстоятельство, что мадленцы, по-видимому, жили значительно позже хозарской и хвалынской трансгрессий Каспия, можно заключить, что в данном случае использовались ископаемые раковины, привлекавшие к себе внимание доисторического человека своим необычайным видом и красивой ребристостью.

По всей вероятности, подобные морские раковины высоко ценились мадленцами, так как они встречаются довольно редко в культурных слоях позднемадленских стоянок Дубовая балка (два экземпляра створок *Didacna* sp. из четвертого культурного горизонта, два экземпляра

---

[16] Личное сообщение, за которое авторы пользуются случаем выразить здесь В. В. Богачеву свою искреннюю признательность.

[17] Л. А. Невесская. Четвертичные морские моллюски Гуркмении. Тр. Палеонтол. ин-та АН СССР, 1958, 65, стр. 38.

раковин *Nassa reticulata* L. из второго горизонта), Кайстровая балка (один экземпляр *Cerithium vulgatum* Brug.) и Осокоровка в порожистой части Днепра (несколько экземпляров просверленных створок каспийских раковин *Didacna pravoslavlevi* Fed., *D. pravoslavlevi karelini* Fed. и *D.* sp., ископаемые раковины из чокракского горизонта Крыма — *Cerithium cattleyae* Baily и *Trochus* sp., а также черноморские раковины *Cardium edule maeoticum* Mil., *Nassa reticulata modesta* Mil. и др.). Значительно большее количество (128 экземпляров) ископаемых морских раковин было найдено при раскопках мадленской стоянки Мезин на р. Десне в Черниговской области [18], где они относятся к двум видам карангатских гастропод — *Cerithium vulgatum* Brug. и *Nassa reticulata* L. Расстояние от Мезина до побережья Черного моря, откуда происходят эти раковины, составляет около 600 *км,* поэтому находка упомянутых раковин в этой стоянке, как отмечают П. П. Ефименко [19], В. И. Громов [20] и П. И. Борисковский [21], указывает на существование каких-то связей мезинских мадленцев с Черноморским побережьем. Этот вывод подтверждается находкой ископаемых крымских раковин *Cerithium cattleyae* и *Trochus* sp., в нижнем культурном слое позднепалеолитической стоянки Осокоровка на Днепре, между Днепропетровском и Запорожьем.

---

[18] І. Г. Підоплічка. Досліджения палеоліту в УРСР. Палеоліт і неоліт України, І, 1, Київ, 1949, стр. 32.
[19] П. П. Ефименко. Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 468.
[20] В. И. Громов. Ук. соч., стр. 117.
[21] П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 279.

М. П. ЗИМИНА

СТОЯНКА ЛОПАЧИ

В 1957 г. в Петушинском районе Владимирской области близ дер. Богдарня на берегу пойменного озера Ершевик сотрудниками геологической станции МГУ было открыто древнее поселение. Памятник в том же году обследовал А. В. Арциховский и отнес его к поздняковской культуре. В 1958 и 1960 гг. автором были призведены частичные раскопки. Стоянка названа Лопачи по наименованию урочища, на котором она находится. Расположена она на останце первой надпойменной террасы, возвышающейся над меженным уровнем р. Клязьмы на 8—9 *м*, над поймой — на 5 *м* (рис. 1). Границы поселения не определены, а по распространению находок на поверхности площадь, занимаемая им, равна примерно 2000 *м*^{2}. На поселении вскрыто 42 *м*^{2}.

Культурный слой стоянки имеет толщину от 0,8 до 1,8 *м*. Сверху залегает слой с остатками славянского времени мощностью 10—15 *см*, ниже — слои неолитического и бронзового века, серовато-коричневого цвета, которые подстилаются однородными слоистыми мелкозернистыми песками желтоватого цвета. Культурный слой насыщен обломками сосудов и орудий, изредка — пережженных костей (других костных остатков нет), иногда попадаются раковины или чешуи рыб. Основной горизонт находок — 0,4—0,6 *м*. Ниже и выше этого горизонта находки встречаются реже. Следов жилищ не обнаружено, но на глубине 0,75—0,95 *м* в первом раскопе обнаружено скопление крупных камней, образующих неправильной формы полукруг. Он заполнен золой, угольками и небольшим количеством расщепленных камней. Вероятно, это остатки очажного сооружения. Коллекция, собранная в результате раскопок, насчитывает более 2000 предметов, в том числе 72 кремневых орудия и

2 бронзовые вещи. Материалом для изготовления орудий служил валунный кремень. Основным полуфабрикатом являлся отщеп и только 15 из 72 орудий сделаны из пластинок.

Орудия представлены следующими сериями: наконечники стрел (4 целых, 10 обломков) — листовидные и треугольночерешковые. Они обработаны двусторонней пологой плоской ретушью по всей поверхности (рис. 2, *1, 2*). Два ромбических наконечника стрел оформлены на

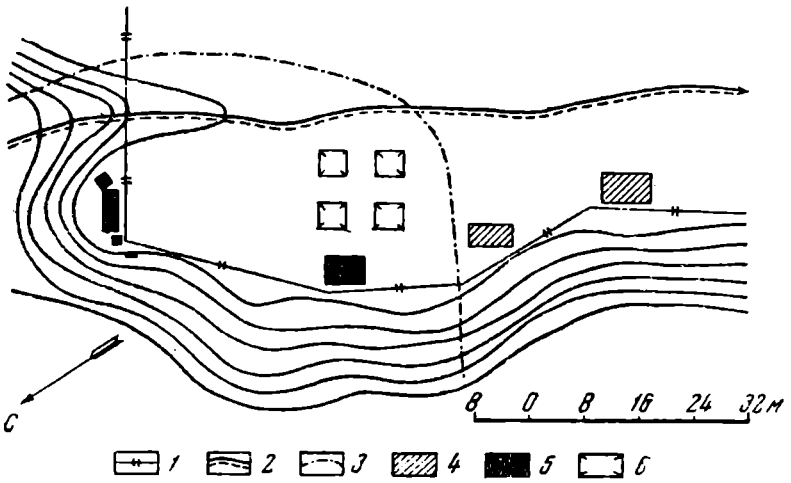


Рис. 1. План стоянки Лопачи

1 — забор; *2* — дорога; *3* — граница распространения находок; *4* —современные постройки; *5* — раскопы; *6* — геологические шурфы. Сечение горизонталей через 1 *м*

небольших пластинках двусторонней ретушью по краю (рис. 2, *3*). Бо́льшая часть скребков изготовлена из сравнительно крупных массивных отщепов и имеет прямой или округлый рабочий край, обработанный крутой плоской ретушью (рис. 2, *4, 5*). Один скребок сочетается с резчиком. Из трех скобелей два могут рассматриваться как фигурные кремни (рис. 2, *7*). Тринадцать обломков ножей ретушированы по одному или двум краям со спинки (рис. 2, *9*). Кроме того, найдены три резчика, сделанные из отщепов, пять сверл из массивных отщепов (рис. 2, *8*). Одно сверло сочетается с резцом, четыре проколки (рис. 2, *10*) и обломок шлифованного топора — из диорита.

Кремневый инвентарь не имеет датирующих признаков. Подобные типы наконечников стрел, скребков, сверл, проколок широко распространены в Волго-Окском междуречье, но по общему облику инвентарь стоянки имеет сходство с кремневыми орудиями Волосовской стоянки (изготовление орудий главным образом из отщепов, формы массивных скребков, фигурные кремни). На стоянке найдены два бронзовых предмета — рыболовный крючок и деталь поясного (?) набора,— не имеющих аналогий.

Керамика стоянки представлена 1300 фрагментами, из которых удалось выделить 31 сосуд (количество фрагментов одного сосуда различно — от 1 до 100). Она четко делится на два комплекса, различающихся между собой по форме сосудов, примесям к глиняному тесту и по орнаменту.

К первому комплексу относятся 13 сосудов, три из них восстановлены (рис. 3). Все три сосуда яйцевидные, с острым или округло-острым дном, но немного суженным горлом и слегла выпуклым туловом (их высота 40, 42 и 7 *см*). Очевидно, остальные сосуды этого комплекса, выделенные по сохранившимся верхним частям, имеют такую же форму.

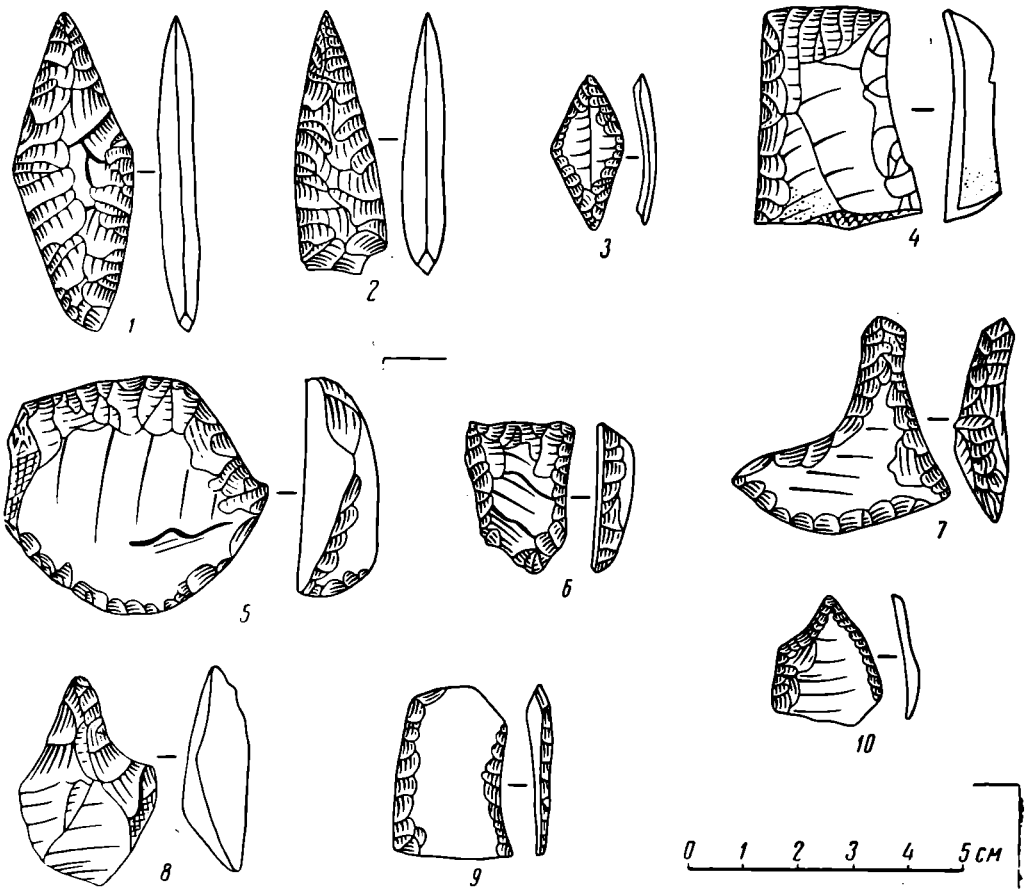


Рис. 2. Кремневый инвентарь из стоянки Лопачи

1—3 — наконечники стрел; *4—6* — скребки; *7* — скобель; *8* — сверло; *9* — нож; *10* — проколка

Венчики у этих сосудов вертикальные, но по другим признакам делятся на два типа: тонкие округлые и толстые прямосрезанные.

Для изготовления посуды обитатели стоянки могли использовать или юрские глины, выходящие в 5—6 *км* от поселения на поверхность, или аллювиальные глины, линзами залегающие в толще террасы, а также в некоторых местах выходящие на поверхность. И те, и другие глины очень жирные, пластичные и без примесей не пригодны к употреблению. Примесью к глине служила дресва. Зерна примеси крупные и в тесте распределены неравномерно. Зерна примеси снаружи обычно не видны и резко выступают на внутренней стороне.

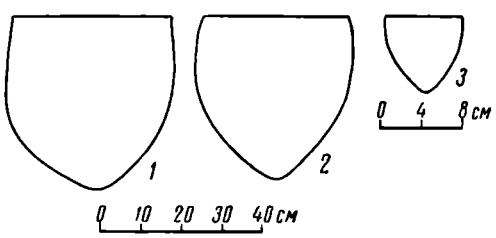


Рис. 3. Формы сосудов первого комплекса на стоянке Лопачи

Формовка сосудов производилась способом ленточного налепа, возможно, спирального. Среди многочисленных обломков сосудов первого комплекса нет черепков с характерными признаками разлома по спаю. О стыке лент свидетельствуют вмятины и оттиски пальцев, отпечатавшиеся при слепке лент с внутренней стороны сосуда. В этих местах стенки утоньшаются вдоль линии оттисков пальцев. Следы пальцев сохранились в наиболее выпуклой части сосуда с внутренней стороны. Наружная и внутренняя поверхности сглаживались мокрой рукой, пучком травы и редко штампом.

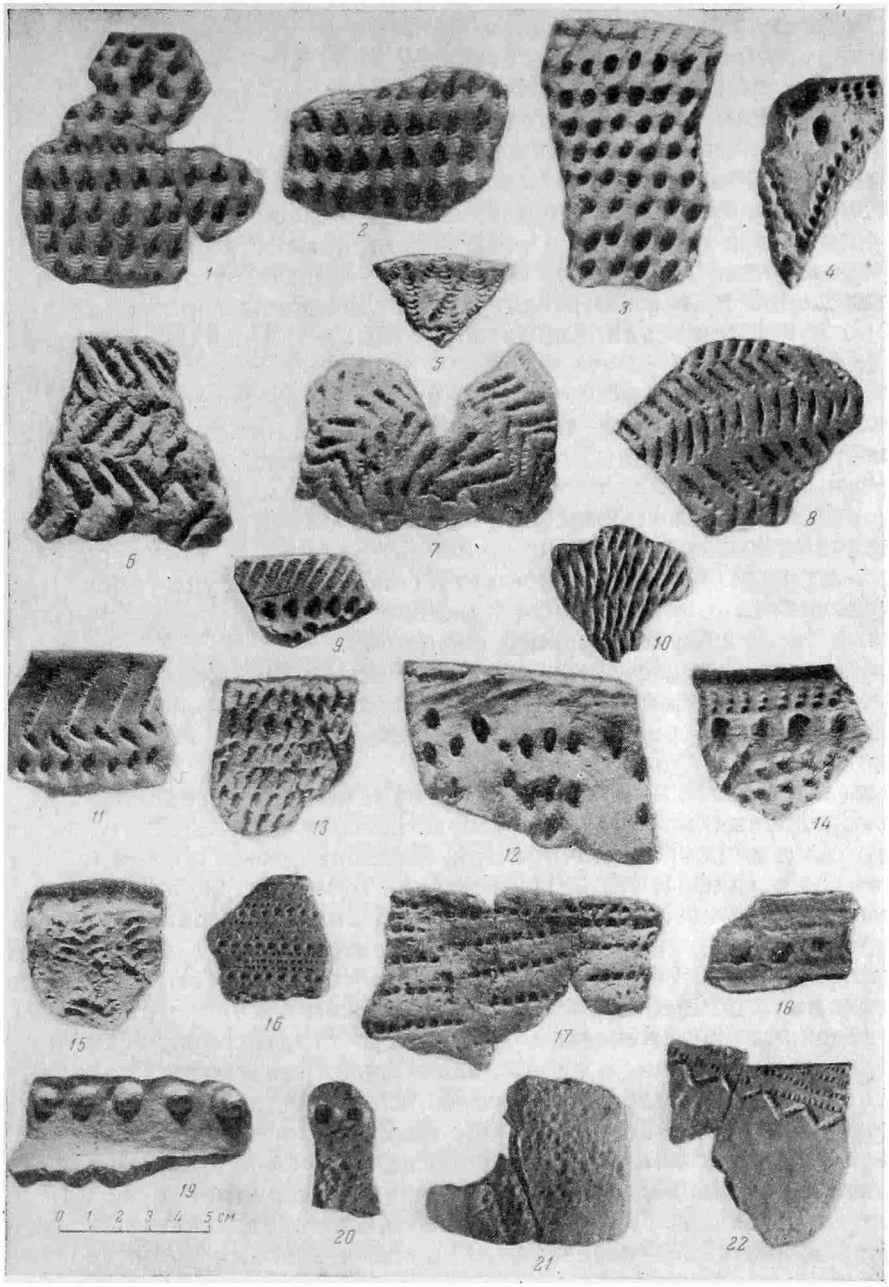


Рис. 4. Типы орнаментов на стоянке Лопачи

1—9, 11 — первый комплекс; *10, 12—14* — второй комплекс

Особенно хорошо сглаживалась наружная поверхность, на некоторых обломках имеются следы слабого лощения. Обжиг костровый, неравномерный. Цвет черепков колеблется в пределах коричневых оттенков, в изломе — темный.

Орнаментом заполняется вся поверхность сосуда или только верхняя часть. Элементами орнамента служат оттиски «лапок», веревочки, гребенки или прочерки. Комбинации этих элементов составляют усложненный узор. Однако в общей массе орнаментов преобладает простой узор, в виде сплошного заполнения лапчатыми отпечатками поверхности сосуда. Ямки часто расположены в шахматном порядке и имеют овальную или близкую к ромбу форму. На венчике имеются косые оттиски веревочки, иногда в виде елочки или углов (рис. 4, *1, 2*). В других слу-

чаях сосуд покрыт вертикальным елочным узором, выполненным одним из упомянутых элементарных оттисков, при этом веревочный елочный узор сочетается с косым крестом или ромбами (рис. 4, *3—5*). Иногда узор состоит из коротких вертикальных оттисков гладкого или гребенчатого шпампов, покрывающих всю поверхность (рис. 4, *8*), или небольших групп (городков) лапчатых вдавлений (рис. 4, *7*). На шейке у некоторых сосудов имеются глубокие ямки с веревочными оттисками. Они располагаются в один ряд, и если весь орнамент ямочный, то эти ямки глубже и крупнее (рис. 4, *9*). К этому же комплексу относятся и сосуды с растительной примесью в глине. Они украшены горизонтальными оттисками гребенки или зигзагообразными отпечатками веревочки (рис. 4, *11*).

Второй керамический комплекс представлен 16 сосудами с хорошо выраженными шейками и плечиками, выпуклыми боками. Форма дна у этих сосудов неизвестна. У сосудов второго комплекса венчики бывают с прямым срезом или со скошенным внутрь. Толщина стенок колеблется от 0,4—0,6 до 0,8 *см*. Примесью к глине служил шамот и песок. При лепке сосудов использовались провяленные ленты. В таких случаях швы между лентами не имеют прочной спайки, а сосуды раскалываются преимущественно по швам. Заглаживание поверхности производилось так же, как и у сосудов первого комплекса.

Для украшения сосудов использовались жемчужинки, мелкие ямки или гребенчатый штамп. Орнамент располагается по шейке и плечикам; обрез венчика, за редким исключением, украшен косыми оттисками гребенчатого или гладкого штампа.

Сочетания указанных элементов орнамента составляли различные узоры. Среди них встречаются узоры из горизонтальных оттисков гребенчатого штампа, разделенных зигзагообразными полосами или мелкими ямками (рис. 4, *16, 22*); сочетание оттисков гребенчатого штампа (прямых или зигзагообразных) с жемчужинками (рис. 4, *18, 22*) или жемчужинки по шейке без других элементов (рис. 4, *19*). К этому же комплексу относится сосуд, поверхность которого покрыта текстильными отпечатками, а по шейке расположен ряд жемчужинок (рис. 4, *20*).

Выделенные керамические комплексы стратиграфически не разделяются, а распределены в слое сравнительно равномерно на всей глубине. Однако на всей площади поселения распределение керамики обоих комплексов не совпадает: в раскопе № 2 и шурфах на мысу, отстоящих на 40—50 *м* от раскопа № 1, второго комплекса нет. Нам неясно, отражает ли такое распределение объективную закономерность или это результат случайности. Последняя может быть следствием недостаточной площади вскрытий на поселении. Определить время существования поселения трудно, поскольку нет датирующих вещей. Поэтому о дате памятника можно говорить очень приблизительно на основе сравнения керамических комплексов.

Аналогии первому керамическому комплексу стоянки Лопачи мы находим на неолитических поселениях рязанской культуры, выделенной А. Я. Брюсовым в Окском поречье: Борковское I и II, Белоомут, Борок, Черепки, Коренец I, Шумаш, Ловецкий городок и др. Большинство из них открыто и обследовано В. А. Городцовым еще в 1889—1890 гг. и часть материала опубликована [1]. Он же составил археологическую карту долины р. Оки [2]. К сожалению, раскопок произведено очень мало, а материал преимущественно подъемный.

---

[1] В. А. Городцов. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки, в связи с открытиями в окрестностях с. Дубрович Рязанской губернии. Тр. VIII АС, III, М., 1897, табл. 23—26.

[2] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. Тр. XII АС, I, М., 1905.

Для окских стоянок характерно украшение (по терминологии В. А. Городцова) лапчатым орнаментом. Веревочный орнамент сопровождается гладким или отпечатками гребенчатого штампа. На территории Мещеры нет ни одного памятника, керамика которого была бы украшена только веревочными узорами. Следует отметить и то обстоятельство, что на всех памятниках, где известны сосуды с веревочным орнаментом, обязательно наличие ямочно-гребенчатых узоров. Стоянка Лопачи является пока единственным исключением. Поселение с керамикой, украшенной зубчатым, прочерченным и веревочным орнаментом, причем последний преобладает, А. Я. Брюсов отнес ко второму этапу рязанской культуры (Ловецкий городок, Борок, Черепки, Борковская I и II, Белоомут) [3]. Стоянка Лопачи по форме сосудов и элементам орнамента одновременна стоянкам второго этапа рязанской культуры.

На поселениях волосовской культуры (Владычино, Ибердус и др.) встречаются сосуды, украшенные типичными рязанскими элементами и узорами. В свою очередь, на некоторых стоянках рязанской культуры (Алеканово, Черепки, Рыково, Коренец) встречаются сосуды с орнаментами и некоторыми чертами гончарной техники волосовской культуры (растительные и раковинные примеси). На стоянке Лопачи также найдено несколько черепков волосовского облика. Такое проникновение некоторых элементов одной культуры на территорию другой всегда имеет место в пограничных контактных районах. Этот хорошо установленный факт свидетельствует о синхронности пограничных стоянок обеих культур — Владычино и Ибердус, с одной стороны, и Черепки, Борок, Лопачи — с другой.

Второй этап рязанской культуры датируется концом первой и началом второй четверти II тысячелетия до н. э. Стоянка Лопачи относится, очевидно, к несколько более позднему времени, потому что в ее керамическом комплексе уже нет ямочно-гребенчатой керамики.

Аналогии второму керамическому комплексу исследуемой стоянки мы находим на поселениях поздняковской культуры, выделенной О. Н. Бадером [4]. Как известно, для стоянок этой культуры характерны сосуды баночных, остроребериых или близких им форм с орнаментом на шейке и плечиках, часто только на шейке, а среди узоров весьма часто встречаются текстильные отпечатки.

Керамический комплекс большинства поселений, относимых к поздняковской культуре, как правило, не смешан ни с каким другим. И только на некоторых поздняковских стоянках наблюдается примесь или ямочно-гребенчатой керамики (Логинов хутор, Засечье), или керамики второго этапа рязанской культуры (Алексаново, Ибердус). Керамический комплекс этих стоянок, как и стоянки Лопачи, неодновременен: один комплекс относится ко времени неолита (первый или второй этап рязанской культуры), второй генетически с первым не связанный,— к эпохе бронзы (поздняковская культура).

Итак, поселение Лопачи существовало длительный период, о чем свидетельствует мощность культурного слоя. Первый керамический комплекс относится ко второму этапу рязанской культуры и датируется примерно серединой или концом второй четверти II тысячелетия до н. э. Второй керамический комплекс относится к поздняковской культуре и датируется приблизительно концом II и началом I тысячелетия до н. э. Соответственно этому мы можем говорить о двух периодах обитания людей на этом месте, хотя в стратиграфии выделить слои не удалось. Стоянка Лопачи является северо-западным пунктом распространения рязанской и поздняковской культур.

---

[3] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 60—65.

[4] О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства на Оке и в верхнем Поволжье в эпоху металла. ВДИ, 1939, № 3.

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ

ФАТЬЯНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК БАЛАНОВСКОГО ТИПА В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1961 г. у дер. Скоморохово Середского района Ивановской области Верхневолжская археологическая экспедиция ИА АН СССР под руководством Д. А. Крайнова приступила к раскопкам нового фатьяновского могильника балановского типа. Открытие могильника балановского типа на территории, до сих пор относимой исследователями к ярославской группе фатьяновской культуры, ставит ряд вопросов о границах распространения восточных фатьяновских племен и их взаимоотношениях. Близкое соседство Скомороховского могильника с памятниками ярославской группы фатьяновских могильников может быть объяснено либо тем, что в этом районе проходила граница между ярославской и балановской группами племен, либо частичным проникновением балановцев на соседнюю территорию, либо, наконец, хронологическим различием этих памятников.

Так как Скомороховский могильник является пока единственным памятником балановского типа в Ивановской области, а общие вопросы деления фатьяновской культуры на территориальные и хронологические группы не решен окончательно, любое из приведенных объяснений может оказаться справедливым. Учитывая значимость вновь открытого балановского памятника, считаем интересным и нужным опубликовать первые результаты его раскопок.

Сведения о Скомороховском могильнике относятся к 1935 г., когда во время земляных работ при устройстве овощехранилища колхозники нашли на глубине около 1,5 *м* кости человека, два горшка, сверленый топор и большой клык животного. Вещи этого погребения, названного нами погребением № 1, не сохранились *. Весной 1961 г. могильник был осмотрен Д. А. Крайновым и О. С. Гадзяцкой, при этом были заложены пробные шурфы у ямы овощехранилища и зачищены ее стенки.

Скомороховский могильник расположен, как и большинство фатьяновских могильников, на пологом большом холме за домами деревни, в западной его части. Место это носит название «Одворица» и частично занято огородами и распахано. Холм, на склоне которого расположен могильник, тянется на 400 *м* с севера на юг. С северной стороны его лежит низкий слабо заболоченный луг, с южной и западной — протекает р. Змейка. Высота холма с этой стороны достигает 8 *м* над уровнем воды. Территория могильника лет 20 назад была покрыта лесом. В настоящее время лес вырублен полностью.

За время раскопок вскрыта площадь в 224 $м^2$. Раскопки велись траншеями, при этом был использован бульдозер. Верхний слой грунта состоит из плотной глины с большим количеством камней; под глиной залегает крупный гравий с песком. Всего было открыто три фатьяновских погребения — № 2, 3, 4. Уже после окончания работ от местного жителя Б. Н. Кукушкина были получены сведения еще об одном погребении, названном № 5. По его словам, при рытье силосной ямы в 1932 г. на глубине 1,5—1,7 *м* были обнаружены каменный сверленый топор синеватого цвета и шесть небольших круглодонных сосудов. Вещи, к сожалению, утеряны.

Погребение № 2 (рис. 1, *I*) обнаружено в траншее II на расстоянии 6 *м* от ямы овощехранилища. Могильное пятно показалось на глубине 30 *см*, выделяясь в слое коричневой глины белесоватым цветом. Эта

* Сведения о находках у дер. Скоморохово были получены от научного сотрудника Ивановского областного краеведческого музея Е. Н. Ерофеевой. В 1935 г. о них писала местная газета «Рабочий край».

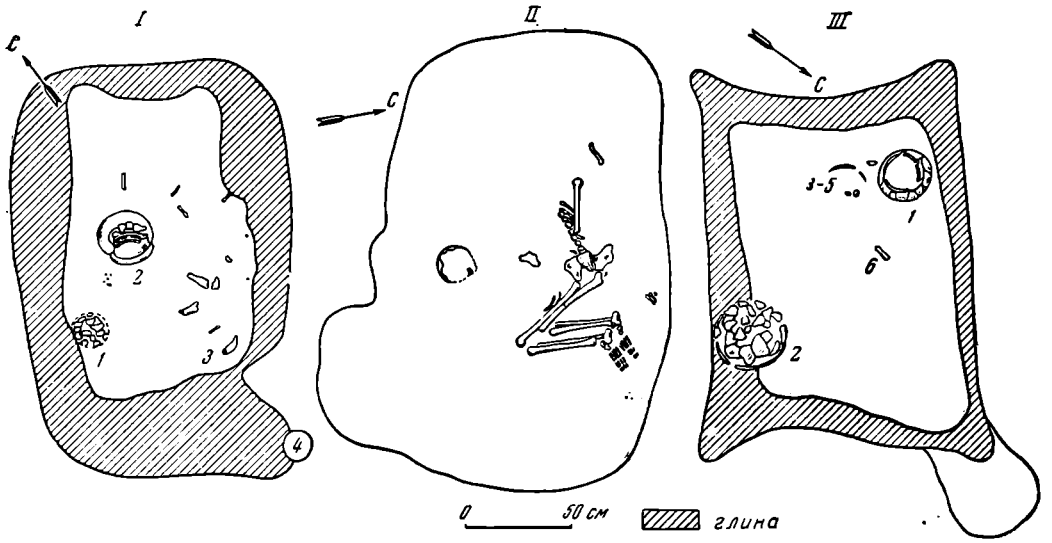


Рис. 1. I — погребение № 2. *1, 2* — сосуды; 3 — клык медведя; *4* — шлифованная каменная плитка; *II*—погребение № 3. *1* — клык собаки; *2* — метоподий собаки; *III* — погребение № 4. *1, 2* — сосуды; *3—5* — медные привески; *6* — ножевидная пластинка

беловатая супесь шла вглубь на 30—35 *см*, переходя в крупный песок с примесью гравия. На глубине 60 *см* могильное пятно имело форму четырехугольника, вытянутого с СВ на ЮЗ, размером 1,3 × 2 *м*. По краям его проходила полоса из плотной коричневой глины шириной 30—40 *см*. Возможно, что стены могилы были специально укреплены глиной. С северной и западной сторон ее за глинистой полосой могильного пятна сразу же начинается песок с гравием. Погребение обнаружено на глубине 85 *см* от поверхности. От скелета сохранились только остатки трубчатых костей ног, видимо, у колена; в северной части могилы — обломок ребра и остатки лучевой кости, в юго-восточной — кость от стопы. Судя по этим остаткам, костяк был ориентирован головой на СВ, но определить его положение трудно. У северо-западной стенки могилы обнаружен сосуд № 1 в обломках, лежавший вверх дном (рис. 4, *5*), в 30 *см* от него к СВ — сосуд № 2, почти целый (рис. 4, *7*). На расстоянии 50 *см* к югу от горшка № 2 — просверленный медвежий клык и рядом с ним тонкая трубчатая косточка. В могиле, у ее южного угла, на глубине 70 *см* найдена шлифованная плитка с округлыми краями, сделанная из красноватого песчаника. Одна сторона ее гладкая и немного вогнутая (диаметр плитки 12 *см*, толщина 2—3 *см*). На дне могилы между горшками и у юго-восточной стены обнаружено несколько древесных угольков. В юго-западном углу могильного пятна на глубине 75 *см*, в слое глины прослежены две тонкие темные прослойки тлена, образующие острый угол. Тлен имеет черный цвет и заметное волокнистое строение, при этом волокна располагаются перпендикулярно длине полоски. Возможно, что это остатки особого могильного сооружения типа вауловских. Других следов сооружения не обнаружено.

Погребение № 3 (рис. 1, *II*) находилось на расстоянии 2 *м* к северу от погребения № 2. Могильное пятно обнаружено в глинистом грунте и отличалось от него более коричневым цветом и большой плотностью заполнявшей его глины. Края ямы не четкие, на глубине 60 *см* размеры ее равнялись 1,2 × 2,3 *м*. На этой глубине могильное пятно имело форму неправильного четырехугольника, ориентированного с ЗСЗ на ВЮВ. Северная стенка могилы отвесная, южная — пологая. Никаких следов

внутримогильных сооружений не замечено. Скелет подростка 12—14 лет лежал на глубине 90 *см* на правом боку в скорченном положении. Сохранились кости ног, таз, позвонки, ребра, одна ключица и плечевая кость. Череп откатился и лежал в 45 *см* к югу от таза. Кости лица истлели, от зубов остались одни коронки. Погребение было потревожено грызунами, косточки их найдены в большом количестве. Погребенный был положен головой на ЮЗ. На черепе с правой стороны около ушного отверстия замечено пятно окиси меди и мелкие обломки медной проволоки диаметром 1 *мм*. Около пяточных костей скелета найдены два метоподия и клык собаки. На дне могилы около ног попадались древесные угольки.

Погребение № 4 (рис. 1, *III*) находилось в стороне от первых двух на расстоянии 28 *м* к ЮВ и в 5 *м* от силосной ямы, в траншее VII. Здесь на глубине 25 *см* в слое коричневатой глины было замечено углистое пятно диаметром 3,5—4 *м*. Углистая яма опускалась до глубины 50 *см* от поверхности. Находок в золе не обнаружено, и, несмотря на то, что фатьяновское погребение было обнаружено почти под этой ямой на глубине 1,2 *м*, трудно сказать, имеет ли эта яма отношение к могиле. Возможно, что золистая яма осталась от поселения XVII—XVIII вв., следы которого явственно видны в траншее VIII. Очертания фатьяновской могильной ямы стали отчетливо видны с глубины 60 *см* и напоминали квадрат со сторонами в 2 *м*. Углы ориентированы по странам света.

Яма была заполнена коричневым песком с мелким гравием и отличалась от окружающего ее светлого сероватого песка. В заполнении ямы встречались древесные угольки. На глубине 1,2 *м* яма имела размер 1,7 × 1,25 *м* и ориентирована по линии СВ — ЮЗ. Могильное пятно имело вид прямоугольника с вогнутыми внутрь сторонами. Стенки могилы состояли из плотной глины и имели толщину 10—15 *см* при высоте около 20 *см*. Дно могилы также покрывал тонкий слой глины в 3—4 *см* толщиной. Помимо глиняного пола была еще, видимо, подстилка из дерева, остатки ее сохранились только под черепом. Костяк не сохранился. От черепа уцелели кости темени и виска. Судя по расположению черепных костей, скелет лежал головой на ЮЗ. Около левого ушного отверстия найдены две медные привески. Одна из них, согнутая из проволоки в полтора оборота, сохранилась, другая рассыпалась. Замечено, однако, что она была согнута в три тонких витка и имела овальную форму. Третья привеска обнаружена под черепом, от нее уцелели только обломки (рис. 4, *1*, *2*). У черепа стоял глиняный горшок № 1. Сосуд № 2 находился в восточном углу могилы и лежал вверх дном, оба сосуда были раздавлены (рис. 4, *6*, *8*). В области груди найдена ножевидная пластинка без ретуши из полупрозрачного серого кремня (рис. 4, *4*). Это погребение, по-видимому, принадлежало женщине.

Наиболее интересными и определяющими характер комплекса являются сосуды и медные привески.

Сосуд № 1 из второго погребения (рис. 4, *5*) имеет высокую, почти прямую шейку с отогнутым краем и тулово, немного суживающееся ко дну. На внешней стороне тулова заметно неглубокое вдавление диаметром 3,5 *см*. Поверхность сосуда коричневатого цвета, хорошо заглажена. Глина с примесью дресвы и шамота. Орнамент нанесен мелкозубчатым штампом и образует две зоны: на шейке — широкий двойной зигзаг, заполненный вертикальными оттисками, на плечиках — одинарный зигзаг. Сосуд № 2 того же погребения (рис. 4, *7*) имеет суженное горло и округлое тулово. Шейка высокая, венчик плавно отогнут. Поверхность желтого цвета, хорошо заглажена, глина с примесью мелкой дресвы и шамота. Орнамент нанесен зубчатым штампом (зубчики затерты) и составляет две зоны, основным элементом которых является зигзаг из трех-четырех попеременно наклонных линий, завершенный снизу пятью шевронами из трех-четырех коротких вертикальных оттисков штампа.

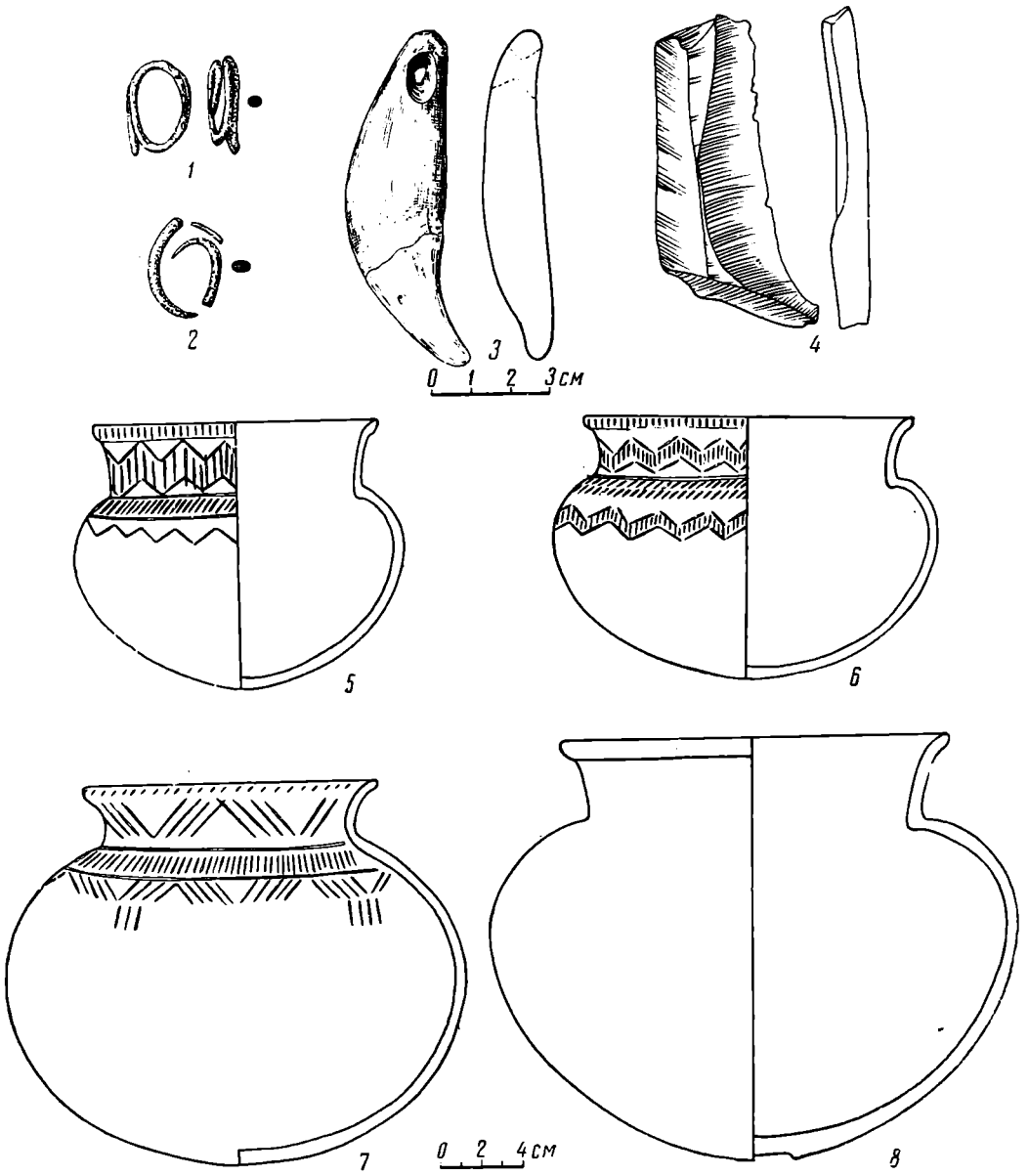


Рис. 2. Вещи из погребений Скомороховского могильника

1,2 — височные привески; *3* — клык медведя; *4* — ножевидная пластинка; *5, 7* сосуды из погр. № 2 *6, 8* — сосуды из погр. № 4

Сосуд № 1 (рис. 4, *6*) из четвертого погребения по форме и орнаменту, а также цвету глины и характеру поверхности близок сосуду № 1 из второго погребения. Отличие состоит в том, что на плечиках вместо одного ряда оттисков штампа нанесены два ряда и под ними идет двойной зигзаг с вертикальной штриховкой, как и на шейке. Шейка от плечиков отделена бороздкой. Сосуд сдавлен с боков и в плане не круглый, а овальный.

Сосуд № 2 того же погребения (рис. 4, *8*) выделяется бо́льшими размерами и отсутствием орнамента. Высокая расширяющаяся кверху шейка по краю венчика с внешней стороны имеет утолщение. Плечи высокие, тулово конусообразно суживается ко дну, на котором вдавлена ямка подквадратной формы диаметром 4 *см*. Поверхность коричневато-серая, хорошо заглажена. Глина с большой примесью песка и шамота.

Все сосуды сделаны небрежно, толщина стенок 0,4—0,5 *см*, а у последнего сосуда 0,5—0,6 *см*.

По форме и орнаменту сосуды Скомороховского могильника близки керамике восточных фатьяновских памятников и в первую очередь Балановского могильника. Сосуды с широким орнаментальным зигзагом, заполненным вертикальными оттисками штампа (рис. 4, *5, 6*), особенно характерны для этой группы, так же как и зигзаг, состоящий из групп наклонных полос, расположенных под углом друг к другу[1]. Интересно отметить, что зигзаг из нескольких наклонных линий почти не известен среди орнаментики соседней с балановской ярославской группы, в то время как на керамике московской группы встречается часто, украшая третью часть всех орнаментированных сосудов. Последнее обстоятельство, а также находки балановской керамики на территории московской группы фатьяновских памятников[2], несомненно, свидетельствует или о значительных связях этой группы с балановской, или об иных границах расселения фатьяновских племен.

В пользу принадлежности Скомороховского могильника к балановской группе помимо керамики свидетельствуют и медные привески в полтора оборота. Как и балановские привески, они имеют утолщенный и острый концы[3]. Сделаны привески из медной проволоки овального сечения[4] (рис. 4, *1, 2*).

Среди прочих находок следует отметить привеску-амулет из клыка медведя, просверленного с двух сторон. Подобные привески как настоящие, так и их имитации, встречаются в фатьяновских могильниках не часто. По одному экземпляру найдено в Фатьяновском, Вауловском, Балановском и Кузминском могильниках[5]. Некоторым своеобразием отличается погребальный обряд Скомороховского могильника. В погребении № 4 прослежено интересное могильное сооружение из глины с прогнутыми сторонами и отростками по углам, по форме напоминающее сооружения типа Ваулова и особенно Балановского могильника[6]. Укрепление стенок могилы глиной отмечено и во втором погребении, при этом в юго-западном углу его в слое глины прослежены остатки древесного тлена, видимо, от внутримогильного сооружения. Трудно сказать, был ли и в четвертом погребении внутри глиняных стенок могилы деревянный каркас. Во всяком случае, дно могилы, укрепленное глиной, было покрыто деревом, остатки которого хорошо видны под человеческим черепом. Случаи укрепления стенок могилы глиной отмечены были

---

[1] О. Н. Бадер. Балановская культура. СА, 1961, № 4, стр. 49, 51, рис. 10, *1, 4*; его же. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии. СА, VI, 1940, стр. 83, рис. 24; стр. 84, рис. 25; М. С. Акимова. Балановский могильник. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 126, рис. 39, *2, 4, 9*; П. Д. Степанов. О фатьяновских поселениях. СА, 1961, № 2, стр. 132, рис. 11; Н. В. Трубникова. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции, 1956. «Уч. зап. Чувашск. НИИ», XVI, 1958.

[2] О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 42, рис. 1. Карта распространения памятников балановской культуры.

[3] О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 54, рис. 13, *18*; его же. Могильник в урочище Карабай..., стр. 71, рис. 12, *1, 2*; стр. 80, рис. 22, *3, 4*.

[4] Е. Н. Черных провел количественный спектральный анализ в лаборатории ИА АН СССР. Результаты (в %): первая привеска — Cu — основа, Pb —0,016, Ag —0,09, Fe —0,0005, Ni —0,003; вторая — Cu — основа, Pb —0,0009, Ag —0,035, Fe — 0,008, Ni —0,0025.

[5] А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА, V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 86, рис. 64; Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, XII, стр. 154, табл. XI, *3*; О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай..., стр. 72, рис. 2, *6*. Кузьминский могильник, погр. 2. Коллекция Эрмитажа.

[6] Д. А. Крайнов. Ук. соч., стр. 110, рис. 5, 6; О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 43, рис. 2; Д. А. Крайнов. Тимофеевский могильник. Раскопки 1959—1961 гг. Архив ИА АН СССР, № 2215.

и ранее в Ваулове, Чуркине, Кузьмине, Горках [7], однако ни разу не было встречено сооружение скомороховского типа из глины.

Скомороховский могильник не дал пока материала, позволяющего говорить о его датировке в абсолютных цифрах. Однако, исходя из указанного выше сходства керамики и металлических украшений из Скомороховского и Балановского могильников, можно предполагать их одновременность. По последней хронологической шкале О. Н. Бадера Балановский могильник датирован XIX—XV вв. до н. э. [8]. До тех пор, пока погребения Балановского могильника не будут разделены на определенные хронологические группы в пределах указанной даты, затруднена датировка ряда фатьяновских памятников, в том числе и скомороховского. Поэтому, принимая во внимание сказанное, а также некоторую близость керамики Скоморохова сосудам Атли-Касы, наш могильник ориентировочно можно отнести к середине II тысячелетия до н. э.

Итак, по предварительным данным Скомороховский могильник может быть отнесен к памятникам балановского типа. Если не считать отдельных находок балановской керамики на территории московской группы, Скомороховский могильник является самым западным балановским могильником, значительно расширяющим границы восточной группы фатьяновской культуры. Открытие этого могильника ставит перед исследователями неотложную задачу по дальнейшему изучению этого памятника и широкому обследованию восточной части Ивановской области, граничащей с территорией, занятой балановскими племенами.

---

[7] Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 120; А. Синицын. Медный век в Верхнем Поволжье, стр. 99; О. Н. Бадер. Лихачевский могильник. СА, 1937, № 2, стр. 22; О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник. Тр. ГИМ, VIII, 1938.

[8] О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 61.

В. А. ПАДИН

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ОКОЛО ТРУБЧЕВСКА

В 1959 г. автором статьи было раскопано три кургана близ дер. Кветуни и два кургана у с. Радутино Трубчевского района Брянской области.

У Кветуни, в урочище «Панщина» (рядом с известным древнерусским курганным могильником) находились две курганные насыпи и примерно в километре севернее возвышался курган, называемый «Святой». Могильник, расположенный в 2 *км* севернее с. Радутино, состоит из двух групп, по четыре кургана в каждой. Курганы распахиваются и сильно нивелированы.

Могильники у обоих пунктов расположены на плато, в 2—3 *км* от Десны. Несмотря на то, что курганы сильно распаханы, они заметны с большого расстояния, так как насыпаны на естественных возвышенностях. Все они в плане круглые, высотой от 0,60 до 1,12 *м*. В большинстве случаев древняя почва не прослеживалась, а верхняя граница суглинистого материка носила следы перемешанности.

Курган «Святой» имел диаметр 15 *м* (рис. 1). Под насыпью найдены отпечатки изгороди из ветвей и кольев типа плетня, охватывавшей кольцом (диаметром 8 *м*) центральную подкурганную площадку и сохранившуюся на высоту 0,24 *м*. С востока обозначился вход на площадку шириною 3,8 *м*, а перед ним — остатки жертвенного костра. В западной и северной поле кургана замечены остатки трех жертвенных костров, два из которых располагались в насыпи, а третий находился непосредственно на древней поверхности. В центре кургана обнаружена неболь-

шая котлообразная ямка, заполненая темноватой землей с небольшим количеством угля. У западного края площадки, окруженной плетнем, находилась большая воронкообразная яма диаметром 1,4 *м* при глубине 1 *м*. Эта яма заполнялась землею и золою с тонким углистыми прослойками. Чуть выше изгороди имелась углистая прослойка толщиной

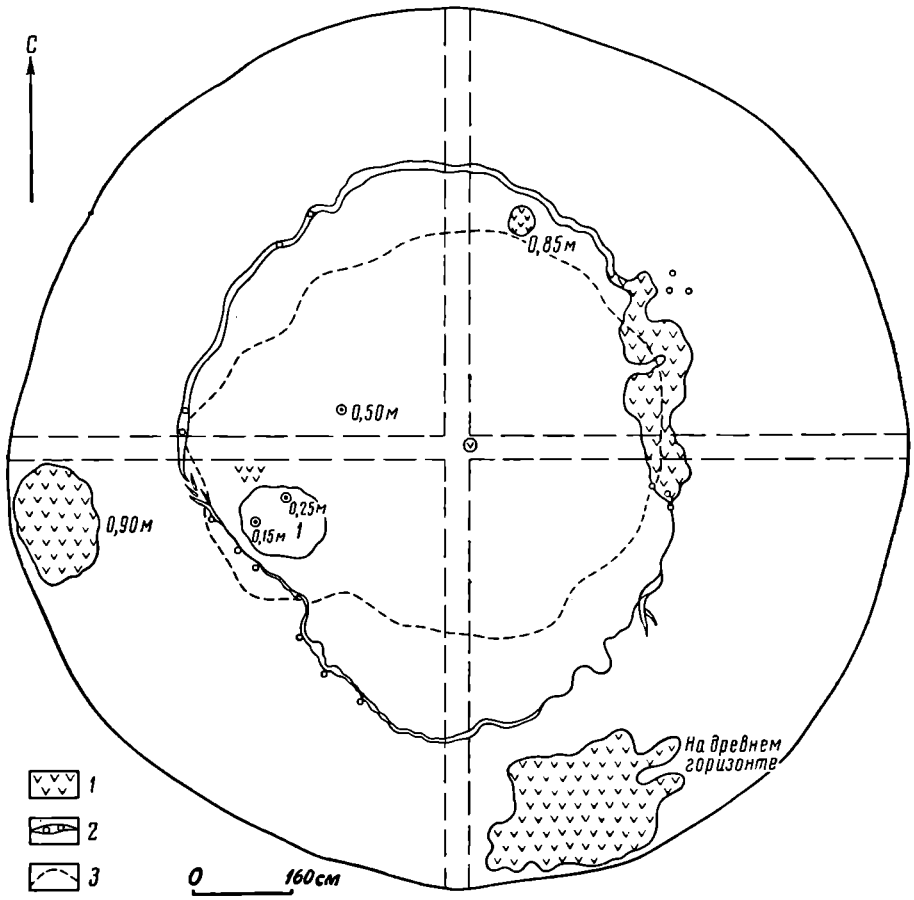


Рис. 1. План раскопа на кургане «Святой»
1 — уголь и зола; *2* — изгородь и колья; *3* — граница углистой прослойки

4 *см*, покрывавшая почти всю огороженную плетнем площадку. Никаких следов погребения под насыпью не найдено, а попались всего три черепка от лепных сосудов.

Курган № 1 в урочище «Панщина» имел диаметр 14 *м*. Насыпь состояла из темной земли. На глубине около 0,4 *м* обнаружен суглинистый слой толщиною до 0,3 *м*, диаметром до 6 *м*, под которым находилась такая же, как и в кургане «Святой», углистая прослойка толщиной около 4 *см*. Земля в насыпи местами была черной и жирной от углистой пыли. Под северо-западной полосой насыпи обнаружилась сплошная масса жирной углистой пыли толщиною около 0,5 *м*, занимавшая площадь в 20 $м^2$. Это был остаток жертвенного костра. Могильная яма имела округлые углы и ориентировалась с запада на восток. Отпечатки двух столбов (высота прослеживалась на 20 *см*) указывают на какое-то деревянное надмогильное сооружение, рухнувшее в яму, что хорошо прослеживается в профиле кургана. В восточной части могилы лежали бронзовые наконечник втульчатого копья сейминско-покровского типа и

листовидный двулезвийный кинжал с ребром по оси лезвия и с прорезной рукоятью (рис. 2). Лезвие и частично рукоять орнаментированы своеобразным узором из ямочек. Рукоять кинжала в какой-то мере напоминает навершия кинжалов из клада Сосновой Мазы. На кинжале замечено гнилое дерево от ножен, а во втулке копья — обломок древка. Оба предмета найдены в 5 *см* выше дна ямы. Следов скелета в могиле не обнаружено.

Кроме упомянутых вещей, на дне ямы, у северной стенки найдены обломок костяной поделки и четыре черепка (два в насыпи и два в могиле). Насыпь кургана была сооружена в два приема, на что указывает суглинистый слой, являвшийся в древности первоначальной вершиной. Несомненно, в два приема был возведен и курган «Святой», но его вершина в результате интенсивной распашки была срезана [1].

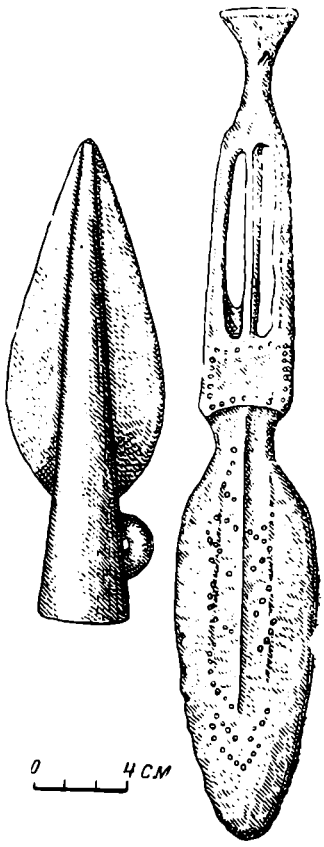


Рис. 2. Наконечник копья и кинжал из кургана № 1 в урочище «Панщина»

Курган № 2 находился в 120 *м* северо-западнее предыдущего кургана и имел диаметр 16 *м*. Местами в насыпи встречались небольшие скопления угля. Под насыпью кургана обнаружены остатки жертвенного кострища диаметром около 7,5 *м*, окруженного кольцевой канавой, вырытой в материке. На внутренней стенке канавы видны следы дерева, по-видимому, досок, которые были плотно поставлены одна к другой. К внешней стенке примыкала стоявшая в канаве изгородь из дубовых столбов диаметром от 6 до 40 *см*, верхними концами отклоненных веерообразно наружу и возвышавшихся на 0,30—0,35 *м*. Концы столбов были овально или прямо срублены. Изгородь ниже дна канавы не опускалась. От пламени костра столбы обуглились, и их остатки хорошо прослеживаются в виде труб, так как необуглившаяся внутренняя часть истлела и не оставила следов. Всего прослежено 58 столбов. Вероятно, их было больше. В южном полукольце канавы лежало с запада на восток обожженное двухметровое бревно толщиною 10—28 *см*. На некоторых участках канавы имелись зола, уголь. Обмазка обожжена.

Первоначально курган был воздвигнут лишь над кострищем и имел глинистую «шапку». Вторичная насыпь перекрывала уже и канаву. Возможно, что до возведения этой насыпи канава какое-то время служила ритуальным целям. Почти в центре кургана заметны следы раскопок «колодцем». Здесь встречены одиночные человеческие кости, древесный тлен и небольшая песчаниковая зернотерка. Под южной полой насыпи в перемешанном грунте найден черепок лепного сосуда.

Курган № 1 Радутинского могильника находился в первой курганной группе и имел диаметр 14 *м*. Под насыпью открыто жертвенное кострище диаметром более 9 *м*. Над кострищем хорошо прослеживалась древняя суглинистая верхушка кургана, а над ней впоследствии была возведена насыпь из земли, смешанной с углистой пылью и золой, причем насыпка ее происходила не в один прием, а длилась значительное время, так как она состояла из множества тончайших прослоек.

---

[1] Я осматривал этот курган более 20 лет назад и должен сказать, что он был в 2—3 раза выше.

Под остатками костра, почти в центре кургана, находилась яма 1 × ×1,7 *м* глубиной 1,5 *м*, сужавшаяся книзу, оринтированная с ЮЗЗ на СВВ. Яма перекрывалась бревнами, которые опирались на стояки. Накатник ямы находился несколько ниже ее края и был засыпан чередовавшимися слоями золы и углей. Над ямой было деревянное сооружение (его форма не установлена), состоявшее из остатков дубовых бревен, в большинстве случаев лежавших горизонтально. Толщина бревен доходила до 0,21 *м*, местами они были обуглены. В яме, особенно книзу, замечены остатки сгнивших конструкций, частично обожженных. Она заполнялась рухнувшей в нее насыпью. Часть накатника на южном конце ямы осталась на месте. Захоронения в яме не встречено. Вероятно, ямы этого кургана и кургана «Святой» являются жертвенниками, а слоистость в их заполнении связана с разновременными жертвосожжениями. Нечто подобное открыл Н. Я. Мерперт у с. Хрящевки [2].

Курган № 2 находился во второй группе и имел диаметр 12 *м*. Насыпь и здесь состояла из земли, смешанной с золой и углистой пылью. Под западной полой насыпи на древней поверхности находились остатки мощного жертвенного костра, содержавшего огромное количество сильно переженных костей, по-видимому, животных. Под кострищем обнаружены ямы от шести стоявших здесь когда-то столбов диаметром до 0,3 *м*.

Во время снятия насыпи во многих местах кургана встречены почти сгнившие бревна толщиною до 0,3 *м*, лежавшие в радиальном направлении. Некоторые бревна были обожжены, но поверх кострища лежало два бревна без каких-либо следов огня. Несомненно, столбы и бревна составляли какую-то шалашеобразную конструкцию, возведенную впоследствии над местом сожжения. Это напоминает деревянные сооружения в курганах у с. Комаровки и близ м. Смелы [3]. Над бревнами часто прослеживалась суглинистая прослойка, перекрывавшая конструкцию. В восточной части кургана под насыпью также иногда замечалась тонкая углистая прослойка. Вполне возможно, что суглинок, как и в предыдущих курганах, являлся верхушкой первичной насыпи, возведенной над деревянной конструкцией, перекрытой впоследствии так же, как и в курганах «Панщины» и первом радутинском, вторичной большой насыпью. Очевидно, в момент возведения курганов рядом жглись жертвенные костры, остатки которых использовались при сложении насыпи. Возможно, что жертвенные ямы длительное время существовали до возведения над ними насыпей.

Черепки, найденные в раскопанных курганах, однотипные, желтовато-бурого, коричневатого или красноватого цветов, с мелкими зернами дресвы или с песком. На одном фрагменте — круглая ямка, сделанная изнутри. Видимо, курганы «Святой», второй на «Панщине» и оба радутинские являлись общинными святилищами. Раскопанные памятники рядом черт напоминают курганы бронзового века Поволжья [4]. Но вопроса о племенной принадлежности их решить пока нельзя. В связи с этим интересна находка на территории Трубчевского района горшка [5] и фрагментов керамики [6], близко напоминающих срубную посуду. Возможно, что эта близость и близость в погребальном обряде исследованных курганов с волжскими объясняются межплеменными общениями, интен-

---

[2] Н. Я. Мерперт. Археологические памятники у села Хрящевки. КСИИМК, L, 1953, стр. 45.

[3] А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, 59, 1955, стр. 91, 93.

[4] Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61, 1958, стр. 77, 81.

[5] В. П. Левенок. Археологические работы Трубчевского музея. КСИИМК, X, 1941, рис. 34, *II*.

[6] Разведки автора послевоенных лет.

сивно развивавшимися в эпоху бронзы, что, однако, должно быть подкреплено дальнейшими исследованиями.

Затруднительно датировать раскопанные памятники. Видимо, они относятся к развитой поре срубной культуры.

Конструктивная близость насыпей, сооружение их в два приема и сходство погребального обряда позволяют считать курганы синхронными один другому, хотя второй курган — радутинский, возможно, выходит за пределы указанной даты. Тип зернотерки, найденной в кургане «Панщины»,— древний. Это указывает на какое-то значение земледелия в хозяйстве населения, оставившего описанные памятники.

И. М. САМОЙЛОВСКИЙ

АЖУРНЫЕ ФИБУЛЫ ИЗ КИЕВА

Находки ажурных фибул на территории Киева представляют не малую редкость. Новая находка двух подобных фибул была сделана автором этой заметки в 1936 г. у Перунова холма, находящегося над Подолом. Здесь в древности находился глубокий овраг, по которому проходил Боричев спуск, ведущий с верхней части древнего города на Подол — нижнюю часть города [1]. Со временем овраг был засыпан землей. При постройке здания на месте засыпанного оврага на значительной глубине и была найдена целая фибула (рис. 1). Фибула — ажурная, бронзовая, позолоченная, овальной формы. В литературе подобные фибулы называются скорлупообразными [2]. Она состоит из двух литых наложенных одна на другую выпуклых частей — верхней и нижней.

Верхняя часть фибулы, называемая чехлом, украшена ажурным узором прекрасной работы. На фоне узора крестообразно расположены пять конусовидных шишечек с четырьмя дырочками по бокам. Обе части скреплены железными заклепками (сохранилась только одна), для чего на выпуклой гладкой поверхности нижней части фибулы сделаны четыре дырочки.

По краям выпуклой поверхности нижней части фибулы проходят две небольшие узкие каймы. Верхняя кайма расположена косо по овалу фибулы и обрамлена сверху и снизу углубленными линиями. Эта кайма украшена разнообразным углубленным орнаментом с позолотой, который прерывается восьмью неорнаментированными полосками. На кайме попарно по ее сторонам, у верхней и нижней линий расположены 14 маленьких сквозных декоративных дырочек одинакового размера. Нижняя кайма фибулы украшена шестью маленькими плоскими выступами, один из них имеет дырочку. По всей нижней части фибулы оказалось 15 декоративных дырочек и четыре дырочки для заклепок. На вогнутой стороне нижней части фибулы находилась бронзовая застежка, от которой у одного края овала сохранились две припаянные пластинки, а на другом крае — припаянная петля: игла не сохранилась. Размер фибулы 11,3 × × 7,8 *см*, высота 3,5 *см*.

Вторая фибула найдена в том же году около Михайловской горы на глубине 2,5 *м* от уровня современной поверхности. Ажурный чехол этой фибулы не сохранился, а имеется только нижняя гладкая овальная

---

[1] И. М. Самойловский. Археологическая карта Киева. Рукопись научн. архива ИА АН УССР. Нахождение фибулы в древнем глубоком овраге, засыпанном землей, дает указание на локализацию Боричева спуска в этом месте.

[2] Л. А. Голубева. Киевский некрополь. МИА, II, 1949, стр. 106—108.

часть, на поверхности которой остались следы позолоты. На выпуклой поверхности имеются четыре сквозные дырочки, предназначенные для прикрепления к ней чехла фибулы. В одной дырочке заметна заклепка (рис. 2). По краю этой выпуклой части фибулы имеется кайма, обрамленная вверху и внизу углубленными линиями с позолотой. На этой кайме расположены попарно восемь небольших декоративных сквозных дырочек. На вогнутой стороне второй фибулы также заметны остатки

Рис. 1. Скорлупообразная ажурная фибула из Киева

Рис. 2. Нижняя часть скорлупообразной фибулы из Киева

от бронзовой застежки, игла не сохранилась. Размер фибулы: 10 × 6 *см*, высота сохранившейся части 2 *см*. Обе фибулы как случайные находки не представляют пары. Не позолоченные части обеих фибул покрыты патиной [3].

Описанные фибулы имеют скандинавское происхождение. В Киеве их находили и раньше. Так, Жозеф де Бай нашел, по-видимому, парные фибулы на Киевском Подоле в 1894 г. [4].

---

[3] Обе фибулы хранятся у автора.

[4] De Baye. Sépulture du X-e siécle à Kiev. Par baron de Baye. Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France, LV, Paris, 1895, стр. 93—108; Л. А. Голубева. Ук. соч., рис. 2а. Обе фибулы хранятся в ГИМ (Москва).

Л. Н. ГУМИЛЕВ

ПО ПОВОДУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УЛАНКОМСКОЙ НАДПИСИ

Уйгурская надпись, открытая в 1955 г. в местности Хара-Ус в 50 *км* от г. Уланкома в Монголии, оказалась весьма ценным памятником военно-политической истории Средней Азии. Публикация и перевод этой надписи выполнены А. М. Щербаком [1], а историческая интерпретация дана С. Г. Кляшторным [2]. Техника перевода не вызывает никаких возражений, но методика интерпретации, датировка надписи и вывод комментатора заставляют принять на себя труд детальной проверки, потому что они идут вразрез всем установившимся в науке представлениям. Разумеется, парадоксальные решения в принципе нужно приветствовать, но только тогда, когда они убедительно обоснованы. Отвергать их тоже следует лишь тогда, когда вскрыты ошибки в рассуждении или цитации, но проходить мимо них ученый специалист не имеет права, потому что в таком случае ошибка становится «переходящей», т. е. механически цитируется позднейшими исследователями, что уводит науку на ложную дорогу. Поэтому отнесемся к интерпретации надписи со всем вниманием.

Уланкомская надпись состоит из семи строк, но последняя дефектна и неясна. Поэтому разбираю первые шесть.

I Мое геройское имя Богаз-тегин. Когда мне было 17 лет, я пошел с войском к Бур-Улугу,

II я захватил тысячу лошадей. Когда мне не было [еще] 19 лет,

III я устроил поход к Оги-Сунуту-Тытаму и послал войско к Чону

IV устроив преследование в Ярмаг[а]не, я преградил дорогу. В полный [високосный?] год

V я захватил Тибет, Тюнлюк, затем тюргешей, у реки Болучу.

VI В 21 год я повел войска к Омузу,

VII спустился вниз и после того, как спустился принц (?), находившийся в Биди,...

Перевод А. М. Щербака ясный и точный, за исключением трех мест: сомнителен трехчленный топоним: «Оги-Сунуту-Тытам». Скорее два первых слова не связаны с третьим, а составляют часть фразы; полный год не високосный и Тибет — название не места, а народа (тибетцев). Думается, что Тюнлюк («ночной») не топоним, но это только предположение, нуждающееся в лингвистической проверке.

Сам А. М. Щербак называет эту надпись уйгурской, расходясь с комментатором С. Г. Кляшторным, относящим ее к тюркскому времени. Интерпретация и датировка этой надписи, предложенная С. Г. Кляшторным [3], вызывает удивление как по приемам исследования, так и по выводу.

Во-первых, основная дата приурочения, избранная комментатором: сопоставление Болучу-огуз с Болчу, где в 711 г. произошло сражение тюрок с тюргешами, произвольна. Не объяснено, почему именно эта битва имеется в виду автором надписи, а не другая в том же месте?

Затем, дата 711 год основана на том, что С. Г. Кляшторный интерпретирует слова «Толун jїлкї» — «полный [високосный] год» как год китайского лунного календаря. Но он не объясняет почему тюрки, имевшие свой календарь, вдруг воспользовались китайским. Впрочем, этого и нельзя объяснить, так как тюрки не принимали китайского летосчисле-

---

[1] А. М. Щербак. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии. ЭВ, 1961, XIV, стр. 23—25.

[2] С. Г. Кляшторный. К историографической оценке Уланкомской надписи. ЭВ, XIV, стр. 26—28.

[3] С. Г. Кляшторный. Ук. соч., стр. 23—25.

ния, но С. Г. Кляшторному дата 711 год нужна для подтверждения его мысли.

С. Г. Кляшторный не считает нужным указать, где располагалась Болучу-огуз. А жаль, потому что без географического осмысления интерпретация надписи не может быть убедительна. К счастью, Г.Е. Грумм-Гржимайло установил, что река Болучу находится восточнее Тарбагатая, в одном переходе от Черного Иртыша [4]. Этим условиям отвечает р. Урунгу в нижнем течении. Здесь и южнее до центрального Тяньшаня кочевали тюргеши и после того как подчинились уйгурам. Таким образом, приурочение столкновения при Болучу к 711 г. отнюдь не обязательно. Битва могла быть гораздо позднее.

Если отказаться от предвзятой и нарочитой интерпретации С. Г. Кляшторного, то отпадает и необходимость в гипотезе заимствования тюрками китайского лунного календаря, нужной для одного лишь случая, чтобы объяснить «полный год» как високосный. Манихеи принесли в Уйгурию вместе с алфавитом летосчисление по селевкидской эре и календарь, в котором девятнадцатилетние циклы имели високосные годы: 1, 4, 7, 10, 12, 15 и 18. Календарь был солнечный, подобно тюркскому, и легко заменил его [5].

Но и в этой гипотезе нет надобности. «Полный год» идет по «живой хронологии» после девятнадцатилетия, перед двадцать первым годом жизни Богаз-тегина. Очевидно, это его двадцатилетие, которое, вероятно, сопоставимо с совершеннолетием. Надобность в гипотезе заимствования календаря отпадает, а тем самым отпадает и сопоставление этого года с 711 г., на чем С. Г. Кляшторный строит свою интерпретацию.

Казалось бы, следовало обратить внимание на топонимы: Бур-Улуг, Тытам, Чон и Омуз, однако этого нет в комментарии. А ведь эти топонимы вскрываются очень легко: Бур — это Бугур, город, лежащий юго-западнее Карашара [6], Тытам — Циктам, к востоку от Пичана [7]; Чон-Чанги, к западу от Урумчи, в древности по-китайски назывался «Западный Пулэй» [8]; Омуз сопоставим с Хэмо (Homo), недалеко от Лобнора [9]. Все эти пункты лежат близко друг к другу, и естественно предположить, что военные операции происходили в Южной Джунгарии, где в 795—805 гг. уйгурский хан Кутлуг вел успешную войну с тибетцами. Вполне естественно допустить, что ему помогал, командуя одним из отрядов, его старший сын, уйгурское имя которого в китайской хронике не приведено. Наследник престола всегда носил титул «тегин».

Но в статье С. Г. Кляшторного декларативно утверждается, что «герой уйгурской надписи Богаз-тегин в конце 711 г. принимал участие в походе тюркского войска против тюргешей и, следовательно, был союзником (вассалом?) кагана Мочжо». Но титул «тегин» означает «наследник престола», а никак не вассал. Законным наследником тогда был Могилян, племянник хана, но хан хотел передать престол своему сыну Фугюю, имевшему титул «малый хан», а не тегин. Кто же тогда Богаз-тегин?

Дальше С. Г. Кляшторный объясняет, что загадочное слово «тюнлюк» — не что иное, как «страна Тендюк», упомянутая Марко Поло. Эту страну Тендюк комментатор помещает в Ордосе, ссылаясь на многих авторов. Но сначала посмотрим самого Марко Поло. У него сказано, что Тандук — это место битвы Чингис-хана с «Попом Иваном», т. е. Ван-ха-

---

[4] Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урунхайский край, II, Л., 1926, стр. 313.

[5] Н. Ф. Катанов. Восточная хронология. Изв. СВАЭИ, I, Казань, 1920, стр. 211.

[6] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений по исторической географии Срединной и Восточной Азии. Чебоксары, 1960, стр. 559.

[7] Там же, стр. 555.

[8] Там же, стр. 550.

[9] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.— Л., 1953, карта.

ном кераитским [10]. Кераиты обитали на берегах Селенги, Шилки, Аргуни и в восточной части Внутренней Монголии. Ордос в это время был в составе Тангута (китайское — Сися). На этом можно остановиться, так как ясно, что Тандук не Ордос, а поэтому отпадает и само отождествление Тюнлюк — Тандук. Откуда же возникла ошибка? С. Г. Кляшторный хочет, чтобы Тюнлюк был рядом с Тибетом, ибо тибетцы овладели в 710 г. частью Хэси, и для этого стремится поместить его в Ордос, к чему нет оснований [11].

Зато безусловно правильно отождествление Ярмагана с Джармганом, городом в юго-восточной части Хотанского оазиса. Но остальные топонимы: Бур-Улуг, Оги-Сунуту-Тытам, Чон и Омуз остались нераскрытыми. Да они и не могут быть раскрыты способом, принятым комментатором.

Наконец, бесспорно ошибочна фраза: «В этот период (708—712) Тибет был наиболее сильным союзником западнотюркского каганата». На самом деле каганат прекратил самостоятельное существование в 658—659 гг. и стал частью империи Тан. Управлялся он «даваньским наместником», которому в помощь иногда посылались потомки ханов Ашина, жившие в Чанъани как заложники. Императорское правительство полагало, что их происхождение может быть использовано для усмирения кочевых племен, полвека назад подчинявшихся их предкам. Тибет же все время вел войну против империи Тан.

Если мы примем отождествления С. Г. Кляшторного: Ярмаган — Хотанский оазис, Тюнлюк — Ордос и Болучу-огуз — местность или река около Тарбагатая, то значит Богаз-тегин со своим войском проделал путь из Хотана в Ордос и из Ордоса в Западную Джунгарию за один год. Какие лошади могли бы выдержать такой маршрут по пустыням и горам?!

И последнее. Тюрки в 711 г. в Ордос не вторгались, а до Хотана не доходили за все время существования второго каганата, ибо Хотан был прикрыт цепью китайских крепостей, расположенных в Хами, Турфане, Куче, Карашаре и Бешбалыке (последний был взят тюрками только в 720 г.). Однако С. Г. Кляшторный делает крайне смелый вывод, что в начале VIII в. «уйгурский курсив начинает соперничать с руникой и в лапидарной графике». Обычно замена алфавита происходила при смене государственной идеологии, что имело место в 763—765 гг., когда Уйгурия обратилась в манихейство. Если датировать надпись 795—805 гг., когда уйгуры воевали с тибетцами и подавляли тюргешей в Джунгарии, то не возникает никакого противоречия ни с топонимикой надписи, ни с ходом событий. Но тогда и вывод С. Г. Кляшторного мы можем отвергнуть, как не имеющий оснований.

Каждый вид источников требует к себе специального, даже оригинального подхода. Поэтому когда Томсен расшифровал орхонские надписи и выявил их огромное значение для истории Срединной Азии, сразу возник вопрос: а как этим источником пользоваться? И сразу же возникли два направления, взаимно дополняющие друг друга,— историческое и филологическое. Историки совмещали версии надписей с версиями китайских и арабских источников. Филологи уточняли смысл отдельных слов и выражений, подыскивая аналогии в тюркских языках. Такое содружество, несмотря на обилие споров, давало положительные результаты и весьма продвинуло науку вперед. Самым важным моментом было здесь взаимное ограничение и обоюдный контроль, препят-

[10] Марко Поло. Книга, М., 1955, стр. 86.

[11] В сноске 7 своей статьи С. Г. Кляшторный предлагает сравнить с Тюнлюком «равнину Тюн», упомянутую в памятнике Кюль-тегина. Однако текст гласит: «Тюркский народ хотел селиться не только справа (на юге) в Куз-Чугая, но и в Тюнской равнине», (С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, М., 1951, стр. 34, текст 6, 7). Значит, Тюнская равнина была на севере, что снижает локализацию ее не только в Ордосе, но и вообще на южной стороне Гоби.

ствовавший рождению необоснованных гипотез, ибо историк не в состоянии настолько знать тюркскую лингвистику, чтобы не делать в ней ошибок, а филолог не имеет возможности до такой степени изучить историческую обстановку, чтобы без помощи сводных исторических работ улавливать смысл переводимых текстов. То, что было справедливо при зарождении этой отрасли науки, т. е. 70 лет назад, еще более верно и значительно теперь, когда литература вопроса выросла настолько, что стала необозримой.

Еще в 1947 г. С. Е. Малов высказал суждение, что переводы древнетюркских надписей, сделанные неспециалистом-филологом, будут неполноценны и могут повести к неверным обобщениям. Особенно опасно, когда историк, знакомый с тюркским языком, подгоняет перевод под свои ранее созданные воззрения. В этой связи он подверг резкой критике интерпретацию Суджинской надписи А. Н. Бернштамом и убедительно доказал ее несостоятельность.

С. Е. Малов был вполне прав, так как при развитии науки неизбежна дифференциация, исключающая совмещение таких двух столь различных методов, как филологический и историко-географический, у одного исследователя. Но этот тезис лишь косвенно относится к нашей теме, т. к. в интерпретации С. Г. Кляшторного основное место занимает собственное впечатление, опирающееся на солидную библиографию, сосредоточенную в подстрочных примечаниях. Но поскольку впечатление возникло не в результате логического хода, очевидного читателю, а родилось как ассоциация, вызванная привычным звучанием тех или иных тюркских слов, то оно не может быть убедительным без исчерпывающей аргументации, отсутствие которой показано проведенной проверкой.

Метод С. Г. Кляшторного можно назвать «фонетико-библиографическим», так как в нем филологическую критику подменяет отыскивание сходных звучаний, а исторический анализ — сноски и ссылки, часто не имеющие отношения к делу. Таким методом создаются переходящие ошибки, которые являются значительным препятствием для развития науки.

В. А. КУЗНЕЦОВ

НАДПИСИ ХУМАРИНСКОГО ГОРОДИЩА

В 1960 г. в Институт археологии АН СССР поступили письма от жителя с. Хумара Карачаевского района Карачаево-Черкесской АО Д. Х. Бесленеева и директора Карачаевского пединститута Х. О. Лайпанова, в которых сообщалось о находке на Хумаринском городище плит с неизвестными надписями. В том же году эти плиты были разысканы нами с помощью учителя местной школы А. Х. Апсова и вывезены в Москву.

Хумаринское городище расположено на плоской вершине горы Калеж (по-черкесски «крепость»), ограниченной с севера глубокой балкой Инал, с юга — балкой Шугара. Западная часть горы Калеж омывается бурными водами Кубани. Таким образом, городище представляет собой естественное укрепление, господствующее над долиной Кубани. Вершина горы опоясана отвесными обнажениями скалы, образующей своеобразный природный эскарп, что еще более усиливает оборону городища.

Как показало обследование, Хумаринское городище было по всему периметру окружено мощной каменной стеной, ныне разрушенной,

оплывшей и имеющей вид вала. Общая протяженность стены — более 1900 *м*, площадь городища, окруженная стеной — 5 *га*. Единственный удобный подход к городищу находится с восточной стороны, обращенной к Скалистому хребту. Однако и с этой стороны местность сильно пересечена. Древний въезд на городище несомненно находился здесь. В северо-восточном углу городища возвышается огромный холм конической формы с крутыми склонами и плоской вершиной, диаметром 12 *м*. Высота холма около 25 *м*; к нему сходятся оборонительные стены. Холм доминирует над территорией городища и особенно над восточной стеной, бывшей наиболее уязвимой. Нет сомнения в том, что это цитадель городища и основной узел его обороны [1].

Побывавший на Хумаринском городище в начале XX в. Н. Е. Талицкий, имея в виду данный холм, писал, что склоны его вымощены тесаным камнем [2]. Благодаря этому обстоятельству холм-цитадель уже в наши дни был превращен в карьер по добыче камня для строительства совхозных ферм с. Хумара. Во время разборки стены, опоясывавшей цитадель, и были найдены плиты с надписями. Наш осмотр показал, что цитадель действительно была укреплена в верхней части мощной стеной шириною 6 *м*. Основание ее, по-видимому, было ступенчатым. Сложена стена из хорошо отесанных квадров серо-желтого песчаника. Многие квадры сохранили следы тесла в виде узких полос. Квадры имеют в длину 1 *м*, толщину 0,4—0,5 *м* и уложены поочередно вдоль и поперек стены, т. е. тычком и ложком.

На восточном участке, в 200 *м* от цитадели, нами было найдено обнажение, в котором частично прослеживалась конструкция стены. Стена несомненно состоит из двух панцирей, сложенных из тесаных квадров и плит на известковом растворе. Промежуток между панцирями забутован рваным камнем. Высота стены на этом участке 2 *м*, ширина без раскопок не устанавливалась, но она, по-видимому также весьма значительна и достигает нескольких метров..

Рассматриваемые надписи высечены на обломках панцирных квадров, одни на гладких, другие на обработанных теслом поверхностях (рис. 1). Размеры обломков: плита № 1 — 39 × 36 × 34 *см;* № 2 — 47 × ×33×14,5 *см*; плита № 3—42×33,5×11 *см*; плита № 4—61×35× × 13,5 *см*. Знаки высечены острым орудием, средняя высота их 6—8 *см*. Следует отметить, что плита № 2 имеет преднамеренно вытесанное плечо (рис. 1, *2*), в которое, очевидно, вставлялась какая-то строительная деталь. На короткой боковой стороне плиты № 4 сделаны три паза в виде прямых желобков. Последние имеют одинаковую ширину 2,2 *см* при глубине около 1,5 *см*. Ясно, что пазы также имели конструктивное значение.

В феврале 1962 г. я получил письмо от А. Х. Апсова, в котором он сообщал о том, что на городище при разборке восточной оборонительной стены найдены плиты с целыми надписями. По прибытии на место мы установили, что одна плита накануне была разбита рабочими Хумаринского совхоза, а обломки ее разошлись по штабелям заготовленного камня. Три плиты благодаря энергичной помощи учителей А. Х. Апсова и Д. Х. Бесленеева удалось перевезти с городища в с. Хумара.

Плита № 5 содержит трехстрочную надпись из 23 знаков (рис. 2, *1*). Два знака верхней строки повреждены. Размеры плиты: 64 × 33 × 23 *см*. Плита № 6 содержит однострочную надпись из 10 знаков, высеченных на одной из боковых сторон (рис. 2, *2*). Размеры плиты: 56 × 33 × 14 *см*.

---

[1] МАК, VII, 1898, табл. XX, нижний снимок. Краткое описание Хумаринского городища, см.: Д. М. Павлов, Искусство и старина Карачая. СМОМПК, 45, Махачкала, 1926, стр. 261.

[2] Н. Е. Талицкий. Очерки Карачая. СМОМПК, XL, Тифлис, 1909, стр. 7.

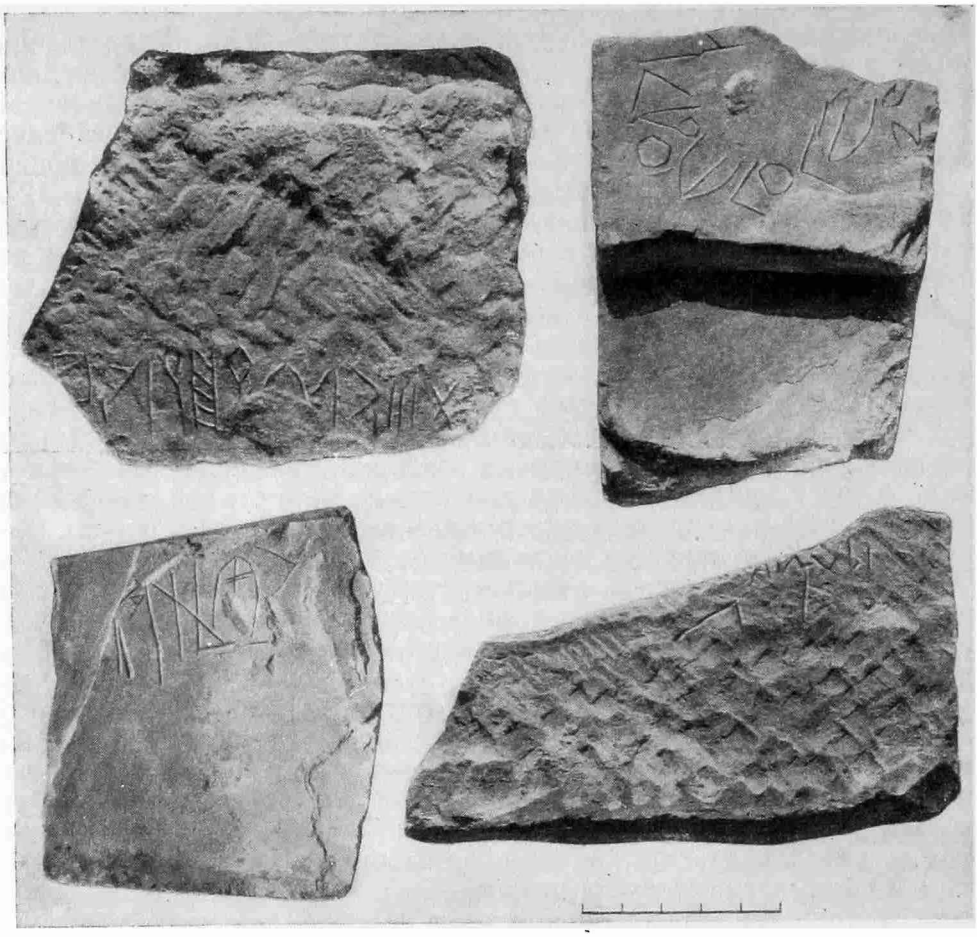


Рис. 1. Плиты с надписями, найденные в 1960 г.

Верхний ряд: *1*—надпись № 1; *2*—надпись № 2. Нижний ряд: *3*—надпись № 3; *4* — надпись № 4

На поверхности плиты № 7 высечен знак типа тамги (рис. 2, *3*). Размеры плиты: 42 × 40 × 10 *см*.

Несколько позже выяснилось, что благодаря счастливой случайности уничтоженную накануне надпись успел зарисовать студент Кабардино-Балкарского университета А. Д. Бесленеев, находившийся в Хумаре на каникулах. А. Д. Бесленеев любезно передал нам свой рисунок (рис. 3, *1*).

Открытые на Хумаринском городище надписи сразу обратили на себя внимание своей необычностью. Они не относятся к числу довольно широко распространенных в этом районе Северного Кавказа греческих эпиграфических памятников. Наличие в одной из надписей (плита № 1) так называемой «печенежской лестницы» указывало на совершенно иной их характер. Уже на месте мы решили, что имеем дело с руническими надписями. Впоследствии, пользуясь древнетюркским руническим алфавитом, составленным С. Е. Маловым [3] для орхоно-енисейской рунической письменности, удалось определить еще пять знаков (⤴, Э, X, D, ⟩), которые не оставляли особых сомнений в принадлежности хумаринских надписей к числу древнетюркских рунических. Добавим, что большинст-

[3] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.— Л., 1951, стр. 17; его же. Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстариса, 6—7, М.— Л., 1936, стр. 17—38.

Рис. 2. Плиты, найденные в 1962 г.

1—2 — с надписями; *3* — с отдельным знаком (то же см. рис. 4, *9*)

во знаков, встреченных на Хумаре, имеет аналогии в надписях на баклажках Новочеркасского музея и камнях Маяцкого городища [4]. Последние прочтены А. М. Щербаком на основе тюркских алфавитов и языков [5]. По заключению А. М. Щербака, хумаринские надписи относятся к числу западнотюркских рунических [6]. В настоящее время А. М. Щербак работает над прочтением и лингвистическим анализом хумаринских надписей.

Таким образом, древнетюркская принадлежность хумаринских рун по формальным признакам устанавливается достаточно определенно. Остановимся на их дате. На территории Юго-Восточной Европы руни-

---

[4] М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. СА, XIX, 1954, стр. 263—268.

[5] А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону, СА, XIX, стр. 269—282.

[6] Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность А. М. Щербаку.

ческая письменность была распространена в IX—X вв.[7]. Эта дата вполне приемлема и для наших надписей до тех пор, пока не будут получены материалы для более точных выводов. Указанную дату подтверждают небольшие археологические материалы, полученные нами в разведочном шурфе, заложенном в северо-восточной части городища. Шурфом выявлен культурный слой толщиной около 0,2 *м*, насыщенный

Рис. 3

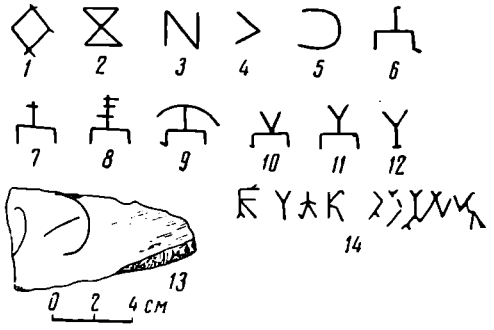


Рис. 4

Рис. 3. Надписи Хумаринского городища:

1 — надпись, зарисованная А. Д. Бесленеевым; *2* — плита с надписью, хранившаяся в 1960 г. в школьном музее с. Хумара

Рис. 4.

1—12 — знаки на камнях Хумаринского городища (*1, 2, 9* и *12* — зарисовки автора, остальные по рисунку А. У. Ешерова); *13* — фрагмент керамики со знаком; *14* — надпись на сосуде (по рисунку, присланному из Пятигорского музея краеведения)

обломками керамики коричнево-красного цвета, с линейным и волнистым орнаментом. Керамика эта по характеру фактуры, цвету и орнаментации близка керамике верхнекубанских городищ X—XI вв.— Адиюхского и Кубинского[8]. К тому же времени можно отнести и основную часть собранного нами подъемного материала.

Следует коснуться отдельных знаков, нанесенных на некоторые камни, происходящие из той же оборонительной стены[9] (рис. 4). Пять знаков можно связать с древнетюркским руническим алфавитом, составленным С. Е. Маловым и А. М. Щербаком (рис. 4, *1—5*). Они наличествуют и в описанных выше хумаринских надписях. Интересна вторая группа, состоящая из шести знаков (рис. 4, *6—11*). Первые три знака находят себе почти точные аналогии в знаках на керамике из Саркела. А. М. Щербак, издавший сводку этих знаков, указывает на близость их к княжеским знакам Рюриковичей, относящихся к X—XII вв.[10]. Сходные знаки вырезаны на костяном кистене из Саркела и на одном камне Маяцкого городища[11]. Как известно, русский период в жизни Саркела продолжался с 965 до 1117 г. Четвертый знак (рис. 4, *9*) точных аналогий не имеет, но он очень близок подобному знаку, изображенному на одном из саркелских кирпичей[12]. Следующие два знака (рис. 4, *10—11*)

---

[7] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 265; А. М. Щербак. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 365.

[8] Т. М. Минаева. Городище Адиюх в Черкесии. КСИИМК, 60, 1955, стр. 117—118; ее же. Городище близ аула Кубины в Черкесии. ИСОНИИ, XXII, вып. IV, Орджоникидзе, 1960, стр. 183, рис. 6, *4*, рис. 10 и 11.

[9] Четыре знака (рис. 4, *1, 2, 9, 12*) зафиксированы нами лично в 1960—1961 гг., остальные знаки были зарисованы бригадиром Хумаринского совхоза А. У. Ешеровым, который передал нам свои зарисовки в феврале 1962 г.

[10] А. М. Щербак. Ук. соч., стр. 363, табл. VI.

[11] М. И. Артамонов. Саркел-Белая Вежа. МИА, 62, 1958, стр. 75—76, рис. 55; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, 43, 1911, рис. 16.

[12] А. М. Щербак. Ук. соч., табл. XIX, рисунок первый во втором ряду.

состоят из тех же элементов, которые составляют описанные выше знаки. Хотя в материалах Саркела полные аналогии им подобрать не удалось, они по всем графическим признакам соответствуют остальным знакам Хумары и Саркела [13]. Последний знак (рис. 4, *12*) находит точные аналогии в знаках на саркелских кирпичах [14]. Таким образом, знаки Хумаринского городища подтверждают датировку этого памятника, намеченную выше по керамике. Представляется вполне вероятной одновременность этих знаков и надписей. Хронологическое сопоставление надписей, керамики и отдельных знаков приводит нас к заключению о том, что время Хумаринского городища можно ориентировочно определить как X—XI вв.

Необходимо отметить одну важную деталь: на некоторых плитах (например на плитах № 6 и 7) поверх надписей нанесен раствор, сохранившийся в виде белых пятен (рис. 2, *1*). Это свидетельствует о том, что данные плиты были обращены надписями внутрь стены. Об этом нам неоднократно заявляли и рабочие совхоза, разбирающие стену цитадели. Очевидно, что надписи относятся к периоду строительства крепости, а не были высечены позже строительства.

Наиболее сложен вопрос о том, какой народ мог оставить надписи Хумары. А. М. Щербак памятники западнотюркской руники, аналогичные нашим, связывает с печенегами, появившимися на юго-востоке Европы в X в. [15]. Исторически пребывание печенегов в предгорьях Северного Кавказа вполне возможно: анонимный персидский автор в рукописи X в. «Худуд-ал-Алам» упоминает «хазарских печенегов», которые на юге граничат с аланами [16]. Но строительство такого мощного укрепления, каким является Хумаринское, кажется слишком маловероятным для кочевников-печенегов. Пожалуй, более вероятными тюркоязычными создателями хумаринской письменности могли быть древние болгары, прочно засвидетельствованные историческими источниками на территории Прикубанья вплоть до X в. [17]. М. И. Артамонов надписи на камнях Маяцкого городища и на новочеркасских баклажках также считает болгарскими или хазарскими [18]. Крайне интересные сведения о письменности болгар сообщил в свое время А. Куник. «Можно допустить,— писал он,— что болгары-язычники имели и свое собственное письмо еще до перехода через Дунай. Эн-Недим, сообщивший нам сведения о письме Русов (язычников ?) 10 века, упоминает также о письменности (языческих ?) болгар. В одной из следующих глав мы еще вернемся к этому предмету и сообщим сведения об алфавите одного гуннского племени (Черных болгар?) на Кавказе, встречающиеся у одного древнего сирийского писателя» [19]. К сожалению А. Куник, насколько нам известно, не сдержал своего обещания.

---

[13] Аналогичной формы знаки существовали на территории Северного Причерноморья уже в сарматскую эпоху. См. Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 66, рис. 19; стр. 89, рис. 41, *в*. В эпоху позднего средневековья у кавказских народов бытовали тамги, очень близкие некоторым рассмотренным знакам и, по-видимому, генетически с ними связанные. См. В. П. Пожидаев. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент, уч. зап. КНИИ, IV, Нальчик, 1948, стр. 247, табл. III, ряд. X.

[14] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, 131, 1935, рис. 38, *75—76*.

[15] А. М. Щербак. Ук. соч., стр. 386—387.

[16] V. Minorsky. Hudud-al-'Ālam. «The Regions of the World», London, 1937, стр. 160.

[17] Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия. ВВ, 1950, III, стр. 363, К. Патканов. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, СПб., 1883, март, стр. 29. Купибулгары локализуются на р. Кубань.

[18] М. И. Артамонов. Надписи на баклажках..., стр 263.

[19] Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, I, СПб., 1878, стр. 127.

К X в. относятся сведения, сообщаемые Ибн-Русте. Описывая земли хазар, он говорит, что «это страна обширная, одной стороной прилегающая к великим горам, тем самым, в отдаленнейших окраинах которых живут тулас и лугар и которые простираются до Тифлисской страны»[20]. Нам уже приходилось обращать внимание на этот отрывок из Ибн-Русте[21]. Области Тулас и Лугар в стране хазар отмечены и в «Худуд-ал-Алам»[22]. Нет никакого сомнения в том, что под «великими горами» имеется в виду Кавказ. Любопытны этнические наименования лугар и тулас. В первом И. Маркварт справедливо усматривает видоизмененный этноним булгар, причем помещает этих булгар на Кубани или побережье Меотиды[23]. Второй термин вызвал различные толкования. Исходя из его разночтения таулас, А. Я. Гаркави пытался этот народ связать с тавpос, т. е. крымскими таврами[24]. По другому еще более парадоксальному мнению И. Марквapта, в данном случае речь идет о таласских тюрках[25]. Однако позднее И. Маркварт, учитывая географические ориентиры, указанные Ибн-Русте, считает тул-ас аланским племенем[26]. К тому же выводу пришел и Фр. Вестберг[27]. Основанием для подобных заключений послужила приставка ас (асы) — этническое наименование, непосредственно связанное с аланами, с чем нельзя не согласиться.

Остается невыясненным корень тул — таул. В нем можно без особого труда узнать тюркское таули — горцы, слово, которое и сейчас иногда употребляется карачаевцами и балкарцами как самоназвание. В таком случае мы получаем составной этноним таул [и]ас, т. е. горцы-асы. Если лугар (булгар) по И. Марквapту локализуются на Кубани и Меотиде, то тулас можно поместить на территории Центрального Кавказа, который непосредственно граничит с Грузией — «Тифлисской страной» Ибн-Русте, т. е. в современной Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Здесь и поныне живут носители этнических наименований «таули» и «асы» — карачаевцы и балкарцы[28]. Все это делает возможным предположение об определенной связи таули-асов Ибн-Русте и Худуд-ал-Алем с хумаринскими рунами.

На основании всего сказанного Хумаринское городище представляется одним из интересных археологических памятников в верховьях Кубани. Дальнейшие археологические исследования его перспективны хотя бы потому, что возможности обнаружения новых рунических надписей весьма велики. Будущим исследователям предстоит также определить место Хумаринского городища не только в системе верхнекубанских средневековых городищ, но и среди синхронных памятников юго-востока Европы. Сейчас можно лишь указать на его очень выгодное географическое и стратегическое положение недалеко от входа в ущелья Кубани и Теберды, на крупном военно-торговом пути, шедшем через Клухорский

---

[20] Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, СПб., 1869, стр. 16.

[21] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 73.

[22] V. Minorsky. Ук. соч., стр. 32.

[23] I. Marquart. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, Leipzig, 1898, стр. 96.

[24] А. Я. Гаркави. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе. Тр. IV АС, II, Казань, 1891, стр. 243.

[25] I. Marquart. Ук. соч., стр. 96.

[26] I. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. XXXIII.

[27] Фр. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, XIII (новая серия), СПб, 1908, стр. 23.

[28] В. Ф. Миллер. Осетинские этюды. III, М., 1887, стр. 7; Б. А. Алборов. Почему осетины называют балкарцев «асы». Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев» Нальчик, 1960, стр. 108 сл.

перевал к побережью Черного моря [29]. Сооружение таких мощных каменных стен, какие мы видим на Хумаринском городище, очевидно, было под силу только феодальному обществу. Можно предположить, что Хумаринская крепость была одновременно крупным феодальным замком.

Памятники западнотюркской рунической письменности и отдельные знаки на камнях связывают Хумаринское городище с широким кругом древностей юга нашей страны, в первую очередь с такими памятниками, как Маяцкое городище и Саркел. Необходимо также подчеркнуть, что открытие древнетюркской рунической письменности в верховьях Кубани имеет принципиальное значение для археологии и истории Северного Кавказа. С документальной точностью устанавливается обитание тюркского населения на Северном Кавказе задолго до монгольского нашествия XIII в. Существовавшие вплоть до последнего времени представления о том, что тюркские этнические элементы появляются в горах и предгорьях Кавказа лишь после монгольского нашествия, оказываются несостоятельными. Постепенно накапливаются пока отрывочные данные, говорящие о довольно значительном распространении древней тюркской рунической письменности на Северном Кавказе. Так, в 1960 г. во время наших раскопок у северного Зеленчукского храма X в. был найден коричнево-бурый черепок с процарапанным по внешней поверхности знаком, имеющим прямые аналогии в тюркском руническом алфавите (рис. 4, *13*). В апреле 1962 г. в Институт археологии АН СССР поступило письмо из Пятигорского музея краеведения, где сообщалось о том, что на тулове одного сосуда, хранящегося в музее, имеется «загадочная» надпись (рис. 4, *14*). Последняя по всем своим графическим особенностям также может быть отнесена к письменам типа рунических. Эти факты говорят о том, что в будущем на Северном Кавказе можно ожидать новых интересных открытий, связанных с рунической письменностью.

Выявление древнетюркской рунической письменности в верховьях Кубани наносит новый удар по старым представлениям о монолитном этническом составе Алании, ибо тюркские надписи найдены в одном из основных ее районов. Тезис о смешанности и значительной племенной (и языковой) пестроте исторической Алании получает еще одно доказательство. Наконец, исключительное значение хумаринские памятники должны приобрести для дальнейших исследований в области этногенеза современных тюркоязычных народов Северного Кавказа — карачаевцев и балкарцев.

[29] А. Н. Дьячков-Тарасов считал даже, что в Хумаре существовал перевалочный пункт этого пути. А. И. Дьячков-Тарасов. Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ.— «Новый Восток», кн. 28, М., 1930, стр. 154.

Т. А. ХЛЕБНИКОВА

ЕЩЕ ОДНА НАХОДКА БОЛГАРСКИХ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Летом 1960 г. экспедицией Казанского филиала Академии наук СССР была приобретена находка болгарских ювелирных изделий в виде двух височных колец и четырех [1] наручных браслетов. Вещи найдены весной 1958 г. близ с. Мокрые Курналы Алексеевского района ТАССР, на левом берегу р. Курлянки, левого притока Камы. Их нашел пастух села М. В. Садыков на краю свежей пашни, близ самого берега речки, на глубине 30—40 *см* от современной поверхности. Место находки пред-

[1] Браслетов в кладе было пять. Один затерян до работы экспедиции.

ставляет собой край первой надлуговой террасы, на которой в 20 *м* от находки начинается обнаруженное экспедицией болгарское селище домонгольского периода [2]. Места клада вещей и селища распаханы лишь в год, когда была сделана находка, но для посева не использованы ни тогда, ни позднее.

Золотые височные кольца имеют три желудевидные бусины на проволочном разомкнутом кольце, и еще три бусины подвешены на цепочках. В кольце расположена фигурка птички, украшенная зернью и сканью. Общая длина привесок — 12 *см* (рис. 1, *3—4*). Тщательный морфологический анализ этих изделий позволил провести следующие наблюдения за их изготовлением.

В основе кольца — медный жгут сечением 1,5 *мм*. Он окован тонким листовым золотом толщиной 0,8 *мм*. Шов оковки сделан впритык. Оковка плотно пригонялась к медной основе кольца, что хорошо видно в изломе его. Кольцо имеет несколько овальную форму и размеры 4,2 × × 3,6 *см*. Бусы как насаженные на кольца, так и подвешенные на концах цепочек полые. Они составлены из двух половинок, изготовленных из того же тонкого листового золота, что и оковка кольца. Те, что насажены на кольцо, сделаны ажурными: две половинки их не спаяны вплотную, как у бусин, подвешенных на цепочах, а раздвинуты на 5—6 *мм*. В этом пространстве размещены пять миниатюрных полых бусинок биконической формы. Поверхность бус и на кольце, и на подвесных цепочках обильно украшена зернью различного диаметра (от 0,3 до 1,7 *мм*). На висячих бусах использована мелкая и крупная зернь, а для украшения бус на кольце применена зернь мелкая и средняя. В украшении бус использована и скань из двух перевитых проволок диаметром 0,6 *мм*. Она наложена по центру бус и у концов их, ею обвито кольцо между бусин.

Фигурка птички (брюшко, шейка, головка и крылья) сделана также из листового золота и богато украшена зернью и сканью из тонкой скрученной вдвое проволоки. В украшении фигурки птички преобладает скань. Тонкая перевитая проволока (0,6 и 0,8 *мм*) украшает сплошь крылья птички и шейку. По тулову скань расположена в виде кружков диаметром от 1,1 до 4,5 *мм*. Хвостовая часть фигурки птички, основание крыльев и головка украшены мелкой зернью. От головки к хвосту отходит трехгранный жгутик, свитый из проволоки диаметром 0,4 *мм* втрое На головке, на месте глаз, в полураскрытом клюве и у передка тулова птички припаяна зернь диаметром 0,2 *мм*. Фигурка птички прикреплена к кольцу в трех точках: к обеим боковым и к центральной нижней бусине. С последней ее соединяет стерженек из двух проволок диаметром 0,4 *мм*, обвитых крученой двойной более тонкой проволочкой.

Цепочки изготовлены из проволоки 0,2 и 0,4 *мм*. Звенья их имеют восьмеркообразную форму. Концы проволоки каждого звена тщательно спаяны, так что на месте спайки лишь слегка заметны утолщение или неровность. На проволоке звеньев цепочки при рассмотрении под увеличительным стеклом прослеживаются следы техники ее изготовления волочением. Это слабые параллельные бороздки по длине проволоки. О том же свидетельствует равная ее толщина на всем протяжении.

Этот тип височных колец считается характерным для болгар. Такие височные кольца известны в Билярском [3], Болгарском [4] и Суварском [5]

---

[2] Т. А. Хлебникова. Отчет 2-го отряда археологической экспедиции КФАН 1960 г. Архив КФАН, ф. 5.

[3] ГИМ, инв. 50490, № 441—442 по описи драгоценного металла; А. Ф. Лихачев. Драгоценный клад, найденный в Казанской губ. в 1882 г. Тр. VII, АС, II, 1891, стр. 173.

[4] ГИМ, собр. Румянцевского музея, инв. 54746, № 233, 430—439, 445—446, 473 по описи драгоценного металла.

[5] ГИМ, инв. 705, № 238 по описи драгоценного металла; А. П. Смирнов. Сувар. Тр. ГИМ, XVI, М., 1941, стр. 170.

Рис. 1. Болгарские ювелирные изделия

1—6 — вещи из Мокро-Курналинского клада; *7* — браслет из Старо-Нохратского городища

городищах, в кладах 1869 [6] и 1888 [7] гг. найденных близ Болгар. Принадлежность их болгарам, возникновение этого рода украшений на основе славянских трехбусинных колец и их датировка обоснована А. П. Смирновым [8].

Описываемый тип височных колец отличается сложностью и изящностью формы, тонкостью работы и является завершающим в эволюционном ряду болгарских трехбусинных колец. Простейшими среди них являются трехбусинные кольца без подвесных бусин. Бусы на кольце украшены по центру двумя рядами скани и пояском зерни. Кольцо между бусин обвито тонкой сканой проволокой. Более сложным является другой тип височных колец, отличающийся от предыдущего наличием бусин на подвесных цепочках. Эти типы височных колец из золота и серебра известны по ряду памятников и кладов [9]. Такие кольца производились также из медных сплавов [10]. Эволюция височных колец от простейших до наиболее сложных форм произошла до XII в. Об этом свидетельствует совместная находка их в Спасском кладе 1869 г., который датируется XI—XII вв. [11], и кольца типа Мокро-Курналинских в кладе 1888 г., также XII в. [12].

Браслеты, найденные вместе с описанными височными кольцами, все серебряные плетеные, проволочные. Размеры их 7—8 × 6—6,3 *см*. Толщина проволоки 1—1,2 *мм*. Плетение из пяти проволок сложное, неплотное, в виде петель. Концы браслетов сведены вместе и расплющены (рис. 1, *2, 5, 6*). Два браслета сильно патинированы, что вызвано большим содержанием меди в сплаве. Два других браслета почти не имеют патины. Они сделаны, видимо, из более чистого серебра. Этот тип браслетов является самым распространенным у болгар. Только с одного Билярского городища их известно более 20 штук [13]. Кроме того, такие браслеты известны около Болгарского [14] и Хулашского [15] городищ. В коллекции Государственного музея ТАССР такие браслеты имеются из разных мест бывшей Казанской губернии. Некоторые браслеты этого типа имеют на концах шатоны, украшенные зернью и сканью. Кроме браслетов, среди болгарских украшений встречаются шейные гривны, изготовленные той же техникой плетения.

Дата браслетов определяется по наличию их в Болгарском кладе 1869 г. XI—XII вв. и в кладе 1888 г. XII в., по их нахождению в памятниках бесспорно домонгольского времени. Наличие шатонов, окаймленных тонким перевитым жгутиком и зернью на некоторых экземплярах браслетов представленного типа, вполне согласуется с указанной датой.

---

[6] Гос. Эрмитаж, инв. 501; А. А. Спицын. Из коллекций императорского Эрмитажа. ЗОРСА, VIII, 1, СПб., 1906, табл. V—VI.

[7] А. П. Смирнов. Волжские булгары. Тр. ГИМ, XIX, М., 1951, стр. 156—157; Гос. Эрмитаж, инв. 502.

[8] А. П. Смирнов. Русский элемент в культуре волжских болгар. Историко-археологический сборник, М., 1948; его же. Волжские булгары, стр. 155—157.

[9] ГИМ, инв. 54746, № 233 по описи драгоценного металла; инв. 12502, 12317, 12561, № 427—428, 430—431, 433—436, 438—439, 443, 448, 473 по описи драгоценного металла; инв. 43951, 43952, 44481, оп. 1475, № 1—4, оп. 1476, № 1—2; ГМТР, инв. 5427—27, инв. 13380; Гос. Эрмитаж, кол. 501: А. Ф. Лихачев. Ук. соч., табл. IV, 15; А. А. Спицын. Ук. соч., табл. V; И. Толстой, А. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. V, СПб., 1897, стр. 97, 126; А. М. Ефимова. Бутаевский вклад ювелирных изделий волжских болгар. СА, 1960, 3, стр. 195—196.

[10] ГМТР, инв. 7719, 7733, 5427—21; ГИМ, инв. 1248, экспозиция XI зала.

[11] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 155—156.

[12] Там же. стр. 156—157.

[13] Кол. ГИМ, инв. 40616—40618, 28540, 36634—5, 54746 и др.; А. Ф. Лихачев. Ук. соч., стр. 174, 176, табл. IV; A. M. Tallgren. Collection Zaoussäilov au Musée National de Finlande a Helsingfors, II, Helsingfors, 1918, табл. VII, *1—2*.

[14] И. Толстой, Н. Кондаков. Ук. соч., стр. 96—98

[15] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Тр. КФАН, серия истор. наук, 1954, стр. 88.

Судя по ряду других ювелирных изделий, можно считать характерным для XI—XII вв. соединение в одном изделии нескольких приемов украшения. Таким образом, описываемый Мокро-Курналинский клад вещей в целом может быть датирован XI—XII вв.

Наиболее вероятное время зарытия клада — XII век, когда участились походы русских на Каму.

Экспедицией КФАН 1960 г. приобретен также серебряный браслет, найденный около городища домонгольского времени, известного в литературе под названием Старо-Нохратского [16]. Браслет найден в 1953 г. за пределами валов городища на соседней пашне, примыкающей к городищу с юго-восточной стороны. Он изготовлен из толстой проволоки. Размеры его 8,5 × 6 *см* (рис. 1, 7). Проволока сложена вдвое и перевита, затем уже перевитая проволока еще раз сложена вдвое и опять перевита. Получилось довольно плотное витье, на первый взгляд похожее на плетение. Концы браслета расплющены и украшены шатонами с камнем и зернью вокруг них. Браслет массивный, тяжеловесный и сделан грубовато.

Витые проволочные браслеты и гривны широко распространены в изучаемый период [17] и хорошо известны в болгарском ювелирном искусстве [18]. Украшение шатонами и зернью, как упоминалось выше, может считаться характерным для болгарского ювелирного искусства XI—XII вв. Все это позволяет датировать браслет Старо-Нохратского городища тем же периодом, что и Мокро-Курналинский клад, т. е. XI—XII вв.

XI—XII века — время расцвета болгарского ювелирного искусства. В этот период болгарские золотых и серебряных дел мастера достигли наибольшего мастерства. Трехбусинные височные кольца Мокро-Курналинского клада вещей — выразительная иллюстрация этого. Изящная форма, тонкая, мелкая, почти ажурная отделка привлекают внимание. Техника зерни и скани достигла у болгарских ювелиров наивысшего развития. По справедливому замечанию Б. А. Рыбакова, болгары «создали своеобразную культуру зерни и скани» [19]. Они применяли также технику волочения золотой и серебряной проволоки различного диаметра.

Вещи клада, исходя из их высокой материальной ценности, художественных и технических достоинств, можно считать принадлежавшими болгарке из состоятельных слоев общества. В подражание этим дорогим вещам, украшавшим костюм женщин господствующего класса общества, болгарские ремесленники изготовляли височные кольца простейших типов и плетеные браслеты из медных сплавов. Эта продукция находила массовый сбыт среди рядового городского и сельского населения государства. Многочисленные образцы этих изделий в собраниях Государственного музея ТАССР и Государственного исторического музея в Москве служат тому подтверждением.

---

[16] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 78—81; Н. Ф. Калинин. Отчет об археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН по рекам Ахтаю и Бездна в 1946 г. Архив ИИМК, дело 143; архив КФАН, ф. 5, оп. 290.

[17] ОАК за 1891 г., стр. 102; ОАК за 1893 г., стр. 42; ОАК за 1900 г., стр. 124; ОАК за 1906 г., стр. 118; ОАК за 1908 г., стр. 171; А. Спицын. Ук. соч., стр. 256; К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки, 1. Результаты работ археологической экспедиции 1937—1950 гг. Ереван, 1952, стр. 175, рис. 152; Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М., 1954, табл. X—XI, Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. V, Киев, 1902, табл. XXI; А. Х. Халиков, Е. А. Безухова. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1906, стр. 39, 56; Е. Рыдзевская. Клад серебряных вещей из Терслева. ЗОРСА, XI, 1915, стр. 210, 212, табл. XXV.

[18] Кол. ГИМ, инв. 34841, 40616, 40618: A. M. Tallgren, Ук. соч., табл. VII, *5*.

[19] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 335.

Ю. М. ЗОЛОТОВ

ПАМЯТНАЯ ДОСКА МОСКОВСКОГО ПОДЪЯЧЕГО XVII в.

Во время реставрации церкви Николы на Берсеневке (построена в 1656 г.) был найден обломок белокаменной плиты с надписью (рис. 1) [1]. На обломке сохранилась часть надписи — нижняя строка с пятью словами. Тем не менее эта надпись представляет несомненный интерес, так

Рис. 1. Памятная доска подьячего Ивана Алексеева

как говорит об одном из жителей московского посада XVII в., известном по документам, и весьма существенно дополняет его характеристику.

Надпись на плите гласит:

«...ИВАНА АЛЕКСЕЕВА ГОСУДАРЕВА СЛОВА ПИСЦА».

Исполнена она очень хорошо, красиво, грамотно (старательно проставлены разные виды ударений, употреблявшиеся в то время) [2]. Шрифт — вязь. Относится она, по-видимому, к 40—50 годам XVII в., когда распространяется штамбовка округлых частей букв [3]. В публикуемой надписи она еще не приобрела столь резких геометрических форм, какие характерны для вязи конца XVII в. (см. буквы «е» «о» «с»). В надписи имеется пять лигатур: «ив» и «ан» в слове «Ивана», «др» в слове «гсдрева» — «государева», «ап», и «иц» в словах «слова писца». Имеется также сокращение слова с выносом буквы под титло: «гдрева» — «государева», где вынесена буква «с», а также два простых выноса букв: «к» в слове «Алексеева» и «с» в слове «писца».

Никаких дат плита не содержит, однако известно, что памятники

[1] Выражаю благодарность заведующему музеем «Покровский собор» И. В. Яковлеву за разрешение использовать этот памятник для публикации.

[2] Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 375—377.

[3] Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 388; В. Н. Щепкин. Вязь. Тр. МАО, 1904, 20, вып. 1, стр. 64.

такого типа появляются только в середине XVII в.[4], что подтверждает также предложенную выше датировку надписи. В исторической литературе они носят название «памятные доски»[5], а в свое время назывались «таблицы», «подписи», «надписи»[6] и отмечали (часто очень точно) места захоронения[7]. Устанавливали их на стенах церкви, в подклете которой или снаружи, около стены, находилось погребение. Понятно, что такой памятник отмечал могилы особо почетных лиц прихода, местной знати и богачей, среди которых были иногда строители или поновители церкви[8], так как только такие люди удостаивались чести быть погребенными внутри церкви или около ее стен. Кроме такой стенной плиты, погребение богача отмечалось обычно еще и белокаменным массивным надгробием. Все это стоило больших денег, и такой способ увековечения памяти был доступен только весьма состоятельным людям. К таким людям, несомненно, должен был принадлежать и Иван Алексеев. Судя по тому, что его фамилия поставлена в родительном падеже, весьма возможно, что доска была установлена в память кого-либо из родственников Ивана Алексеева, но в данном случае это, конечно, не имеет особого значения. Вместе с тем, документы говорят о том, что обладатель столь пышного по тем временам надгробия и не менее пышного титула, на самом деле занимал весьма скромное место на феодальной лестнице.

«Росписной список города Москвы» 1638 г. отмечает «...за Чертольскими вороты в сельце в Семчюжском у церкви Успения Пречистые Богородицы... двор дворцового подьячего Ивана Олексеева»[9]. Если учесть, что в этом документе московские подьячие представлены очень широко и полно (476 чел.)[10], то вряд ли можно сомневаться в том, что Иван Олексеев «Росписного списка» и Иван Алексеев надписи — одно и то же лицо. Пышный титул Ивана Алексеева, по-видимому, соответствовал его положению важного чиновника приказа Большого Дворца. Как мы уже сказали ранее, Иван Алексеев, судя по его богатому памятнику и почетному месту захоронения, должен был быть человеком знатным, имевшим определенный вес в обществе.

Социальный состав московских подьячих был довольно пестрым, но преобладали среди них все же феодалы, дворяне. Царь делал все для того, чтобы совершенно закрыть доступ в подьячие людям простого звания. Указ 1641 г. запрещал поступление в подьячие не дворянам.[11] И хотя этот Указ нередко, в силу необходимости, и нарушался, все же подавляющее число московских подьячих XVII в. были из дворян. Думаем, что Иван Алексеев, служивший в одном из самых важных, близких к делам Двора приказов, был также феодалом и, судя по всему, довольно состоятельным. Интересно отметить, что приходская церковь Ивана Алексеева в XVII в. была деревянной[12]. Скромная деревянная церковка на самом краю Москвы, еще именовавшемся сельцом Семчюжским, очевидно, не удовлетворяла посадского аристократа, и он, подражая высшей феодальной знати, велел похоронить себя внутри каменной церкви[13].

---

[4] В. Б. Гиршберг. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв., Сб. «Нумизматика и эпиграфика», I, М., 1960, стр. 7.

[5] В. Б. Гиршберг. Ук. соч., стр. 8. Название, безусловно, точное. Вот как, например, объясняется в одном из таких памятников причина его установки: «...для знания и вперед для воспоминания на сей цске и подписано». А. Мартынов. Надгробная летопись Москвы. «Русский архив», 1895, № 5, стр. 102— памятная доска Петра Вартомерова.

[6] В. Б. Гиршберг. Ук. соч., стр. 7.

[7] А. Мартынов. Ук. соч., стр. 98 — памятная доска Тимофея Новосильского и Анны Маракушевой, 1664 г.

[8] А. Мартынов. Ук. соч., стр. 98.

[9] Росписной список города Москвы. Тр. МОРВИО, I, М., 1911, стр. 189, 192.

[10] Там же, стр. XVIII.

[11] Русская историческая библиотека, X, СПб. 1886, стр. 234.

[12] И. К. Кондратьев. Седая старина Москвы. М., 1893, стр. 528, 529.

[13] В. Б. Гиршберг. Надписи из Георгиевского монастыря. Сб. «Археологические памятники Москвы и Подмосковья». Тр. МИРМ, 5, М., 1954.

Критика и библиография

АРХЕОЛОГИЯ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ

С конца XIX в. и в первой половине XX в. изучением археологических памятников Вьетнама занимались французские колонизаторы. Большинство их составляли невежественные дилетанты: офицеры французской армии, чиновники колониальной администрации, католические священники и т. д. Они погубили для науки много ценных археологических памятников. Но археологией Вьетнама одновременно занимался и ряд серьезных французских ученых, которые открыли и раскопали большое число важных памятников старины, исследовали многие проблемы археологии Вьетнама. Однако и невежественные дилетанты, и серьезные ученые были типичными колониалистами. Они работали в полном отрыве от вьетнамского народа и не только не подготовили ни одного археолога из среды вьетнамцев, но и не разрешали заниматься археологией вьетнамцам. В итоге после изгнания в 1954 г. французских колонизаторов в Демократической Республике Вьетнам не оказалось ни одного исследователя, получившего специальную археологическую подготовку в каком-либо учебном заведении или под руководством какого-либо специалиста-археолога.

Но ряд вьетнамских ученых, главным образом молодого поколения, самостоятельно овладели основами археологической науки и при помощи археологов стран социалистического лагеря развернули исследования по археологии Вьетнама: разработку теоретических вопросов, публикацию археологических материалов, разведки и раскопки, музейно-экспозиционную и педагогическую деятельность. Эта работа идет со все возрастающим размахом уже более семи лет.

В настоящее время археологическая работа в Демократической Республике Вьетнам организуется и проводится в основном тремя научными учреждениями: Вьетнамским институтом истории, Ханойским университетом и Историческим музеем в Ханое. В этой работе, особенно в охране археологических памятников, принимают также участие местные археологические музеи и комитеты культуры провинций ДРВ.

Институт истории, начиная с марта 1959 г., издает ежемесячный научный журнал на вьетнамском языке «Исторические исследования»[1]. Журнал редактирует видный вьетнамский историк и общественный деятель, директор Института истории, проф. Чан Хюи Лиеу. «Исторические исследования» являются единственным в Демократической Республике Вьетнам периодическим изданием, посвященным истории, и, естественно, главное внимание уделяют истории Вьетнама XIX и особенно XX вв. Но археологическая тематика тоже находит свое место на страницах журнала. В восьми номерах из вышедших двадцати трех помещены статьи по археологии.

Вьетнамские ученые пристально следят за успехами советской археологической науки и настойчиво овладевают опытом, накопленным советскими археологами. Об этом живом интересе свидетельствуют опубликованные в «Исторических исследованиях» переводы напечатанных в советских археологических изданиях статей Д. А. Крайнова «Археология и краеведение» (№ 15; июнь 1960 г.) и А. Л. Монгайта «Кризис буржуазной археологии» (№ 19, октябрь 1960 г.). Но, конечно, главное внимание в журнале уделяется проблемам археологии Вьетнама.

Современное состояние вьетнамской археологической науки кое в чем напоминает состояние советской археологической науки в начале 30-х годов. Перед вьетнамскими археологами на первом месте стоят методологические вопросы и вопросы критической переоценки старого археологического наследия. Немалая часть печатающихся в ДРВ археологических работ принадлежит перу общественных деятелей и историков, не являющихся специалистами-археологами. Во вьетнамской археологии смело выдвигается вперед научная молодежь, выступающая с теоретическими статьями и большими обоб-

[1] Nghiên Cứu Lich Sử. Журнал имеет сквозную нумерацию. Последний выпуск, с которым я имел возможность познакомиться, № 23 за февраль 1961 г.

щающими книгами. В то же время видное место в деятельности вьетнамских археологов занимают разведки и раскопки.

Ряд боевых статей в «Исторических исследованиях» посвящен вопросу об оценке археологических работ французских колонизаторов во Вьетнаме. Дискуссию по этому вопросу открывает статья Нгуен Лыонг Бить «Некоторые замечания об археологических работах французских колонизаторов во Вьетнаме в прежнее время» (№ 4, июнь 1959).

Автор подвергает резкой, справедливой критике французскую археологию во Вьетнаме, отмечает, что она была дилетантской, примитивной, была лишена строгого научного характера. Принципиальные, теоретические установки французских археологов во Вьетнаме были порочными. Все прогрессивные явления, имевшие место в истории Вьетнама в разные эпохи, французские колониалисты рассматривали как принесенные извне завоевателями. Получается, пишет автор, что в течение десяти тысяч лет акты нашествий наших внешних врагов всегда приносили счастье вьетнамскому обществу и играли роль возбудительной силы, двигавшей вьетнамское общество вперед. Это ложная, враждебная концепция. Автор указывает в заключение, что задача вьетнамских археологов — исправить ошибки в области изучения прошлого Вьетнама, возникшие под влиянием колониалистской археологии, подвергнуть глубокой критике реакционные концепции и фальсификацию колониалистов в области археологии Вьетнама, разоблачать акты вандализма и разбоя, совершенные колониалистами по отношению к археологическим сокровищам Вьетнама

Тому же вопросу посвящена статья Лонг Диен и Ван Тхань «По поводу статьи Нгуен Лыонг Вить» (№ 6, август 1959). Авторы согласны с основными положениями, выдвигаемыми в статье Нгуен Лыонг Бить, и подчеркивают порочность теоретических установок французских археологов колониалистов. Но одновременно они обращают внимание на то, что некоторые французские археологи во Вьетнаме, как, например Мансюи и Колани, работали планомерно, систематически, на достаточно высоком научном уровне. Эти археологи, утверждают авторы статьи, собрали значительное количество археологической документации, которая в какой-то мере помогает осветить древнюю историю Вьетнама. Ошибочные теоретические установки этих археологов необходимо разоблачать, но было бы неправильно попросту сбросить со счетов и игнорировать их работы.

Против этой статьи очень резко выступил Нгуен Лыонг Бить. Его новая статья на ту же тему называется: «Не преклоняться перед учеными — археологами колониализма, ясно понимать и критически подходить к их ошибкам и недостаткам» (№ 11, февраль 1960 г.). Автор подчеркивает, что дело заключается не только в ошибочности теоретических установок французских археологов, работавших во Вьетнаме, не только в том, что они фальсифицировали древнюю историю Вьетнама. Их работы были, кроме того, плохо организованы, велись без плана и без системы, на крайне низком научном уровне. Не только их обобщения, но и их полевая археологическая документация должны быть подвергнуты суровой критике и пересмотру. Автор подчеркивает, что при колониальном режиме наука и техника колониалистов были лишь орудиями завоевания, принуждения и эксплуатации.

Эти же положения развиты дальше в статье Дао Ты Кхай «Что сделали французы в области археологии и исторических памятников Вьетнама» (№ 13, апрель 1960 г.). Значительная часть статьи посвящена критическому разбору работы французского археолога и искусствоведа Безасье «Очерк аннамитского искусства». Автор статьи показывает, что Безасье фальсифицировал факты, построил нигилистическую, антинациональную теорию, оставляющую еще свои следы в умах тех, кто читал его работу или кто у него учился. Безасье ошибочно утверждает, что история вьетнамского искусства будто бы начинается только с XI в. н. э. Даже замечательные памятники донгшонской культуры он исключает из истории вьетнамского искусства. В своей статье Дао Ты Кхай приводит также страшный мартиролог памятников археологии, архитектуры и искусства народов Вьетнама, уничтоженных французскими колонизаторами. Тут и замечательный Донгшонский могильник позднего бронзового века, в значительной степени погубленный для науки варварскими, ненаучными раскопками таможенного чиновника Пажо. Тут и древние вьетнамские крепости и храмы, разрушенные французскими колонизаторами, чтобы построить на их месте административные здания и католические церкви. Тут, наконец, и множество древних памятников вьетнамской архитектуры, включая знаменитую пагоду Тиа Мот Кот в Ханое (Пагода на одном столбе), уничтоженных французскими войсками во время войны. Заканчивая свою статью, Дао Ты Кхай указывает, что французские археологические учреждения во Вьетнаме, такие как Музей Луи Фино, Французская Школа Дальнего Востока и др., представляли собой арсенал оружия для колониалистских ученых, цель которых заключалась в духовном подавлении народов Вьетнама. Взаимоотношения между народами Вьетнама и французскими колониалистами были взаимоотношениями между хозяином дома и грабителями, которые в этот дом проникли.

Развернувшееся на страницах «Исторических исследований» обсуждение вопроса о роли французской колонизаторской археологии во Вьетнаме, несомненно, является плодотворным. Ведь вьетнамским историкам и археологам повседневно приходится пользоваться французскими археологическими работами; идеи, заключенные в последних, оказали немалое влияние на формирование старшего поколения вьетнамских уче-

ных. В оценке этих работ должна быть полная ясность. В такой оценке авторы рассмотренных нами статей в общем единодушны, и она является справедливой. Что же касается отдельных расхождений, то в связи с ними нам хотелось бы отметить следующее. Было бы, конечно, ошибкой брать всех французских археологов во Вьетнаме за одни скобки. Необходимо проводить дифференциацию критикуемых авторов. Необходимо, в частности, отделять невежественных дилетантов от специалистов. Но детальное ознакомление с археологическими работами, проведенными во Вьетнаме даже наиболее серьезными из французских специалистов, показывает, что они выполнены на недостаточно высоком научном уровне. В многочисленных вышедших в 20-х годах статьях и книгах Мансюи, посвященных описанию ранненеолитических (бакшонских) пещер Вьетнама, совершенно отсутствуют карты, планы, разрезы. В посвященных каменному веку работах Колани и Фромажэ почти вовсе отсутствуют рисунки описываемых ими каменных орудий, а публикуемые фотографии дают о последних очень слабое представление. Столь же слабо документированы и археологические работы Патта. Нам представляется несомненным, что вьетнамским археологам предстоит критически пересмотреть не только обобщения французских ученых, но и все их конкретные констатации, относящиеся к характеру культурного слоя того или иного поселения, типам инвентаря и т. д.

Перейдем к опубликованным в «Исторических исследованиях» статьям, посвященным отдельным археологическим памятникам Вьетнама. В конце 1959 г. вьетнамскими археологами было раскопано на площади 150 *м*^{2} открытое незадолго до того позднеолитическое поселение Ко-нюэ в провинции Фу-тхо, к северо-западу от Ханоя. Материалы этого поселения подробно описываются в статьях Нгуен Ван Нгиа (№ 11, февраль 1960 г.) и Дао Ты Кхай (№ 12, март 1960 г.). Раскопками был вскрыт культурный слой толщиной около 1 *м*, содержавший остатки нескольких очагов, кости диких и домашних животных, каменные орудия, обломки керамики и украшения. Каменные орудия представлены многочисленными, разнообразными и тщательно целиком отшлифованными топорами. Встречено много заготовок топоров, а также орудия, шлифовка которых была начата, но не закончена. Следы металла отсутствуют. Керамика разнообразна по форме и по орнаментации. К числу украшений относятся обломки браслетов из камня. Авторы статей отмечают высокое совершенство обработки камня в Ко-нюэ и сходство каменных изделий из Ко-нюэ с каменными изделиями из Донгшон. Видимо, здесь было долговременное поздненеолитическое поселение. Дао Ты Кхай датирует его временем 2000—1500 лет до н. э. Приходится пожалеть, что в статьях не опубликованы рисунки предметов из Ко-нюэ.

Уникальному бронзовому предмету, случайно найденному в конце 1960 г. рыбаками в обрыве берега Красной реки, в провинции Иен-бай к северо-западу от Ханоя, посвящена статья С. С. (№ 22, январь 1961 г.). Речь идет о сосуде с крышкой, имеющем около 0,8 *м* высоты, 0,6—0,7 *м* в диаметре и вес 60 *кг*. Сосуд покрыт полосами геометрического орнамента, а также имеет изображения шести лодок с пассажирами в фантастических головных уборах. Над лодками летят птицы. Перед каждой лодкой изображены крокодилы. На крышке сосуда помещены четыре парные скульптуры мужчин и женщин. Они не имеют аналогий. Что же касается изображений на самом сосуде, то они близко напоминают изображения на известных донгшонских барабанах Вьетнама. Есть все основания относить этот сосуд к донгшонской культуре. Он является показателем весьма высокой техники литья бронзы. Автор статьи предполагает, что в сосуде хоронили покойников.

Рассмотренные нами статьи, разумеется, не отражают всего прогресса вьетнамской археологической науки. В Демократической Республике Вьетнам, как и в некоторых других странах, размах археологических исследований опережает издательские возможности. Археологическая наука свободного, сбросившего цепи колониализма Вьетнама еще очень молода. Но она успешно развивается. С каждым годом увеличивается размах археологических раскопок, число археологических работ, выходящих из печати. Вооруженные марксистско-ленинским научным методом, археологи Демократической Республики Вьетнам добиваются все новых успехов.

П. И. Борисковский

«Археологическая карта Казахстана» (реестр памятников и альбом карт). Академия наук Казахской ССР. Институт истории, археологии и этнографии. Изд-во АН КазССР, Алма-Ата, 1960. Цена 5 р. 25 к. Составители карты: Е. И. Агеева, К. А. Акишев (отв. редактор), Г. А. Кушаев, А. Г. Максимова, Г. Н. Сенигова.

Эта книга, вышедшая к 40-летию Казахской ССР, необычная в нашей археологической литературе. Она является первой в нашей стране попыткой сплошного картографирования такой гигантской территории, как Казахстан (2 753 000 *км*^{2}) и тем самым — первым подсчетом археологических богатств страны. В других союзных республиках подобной сводки еще нет, хотя работа по составлению археологических карт ведется везде.

Трудно переоценить значение этого издания. Ведь еще очень недавно Казахстан был почти «белым пятном» не только в отношении археологии, но и ряда других наук. А теперь, в результате многих разнообразных исследований мы имеем толстый, большого формата том и альбом карт к нему, где описаны все известные в настоящее время памятники древности. Это значит, что археологические исследования в Казахстане могут сейчас обоснованно планироваться. Яснее стало — что́ еще нужно доисследовать, а те или иные разведки и раскопки будут вестись уже не в отрыве от соседних территорий, а явятся неотъемлемой частью археологического изучения республики. Это особенно важно для истории Казахстана, где письменных источников сравнительно мало и целые большие эпохи мы представляем себе, главным образом, по археологическим материалам.

Книга имеет 449 страниц с 40 рисунками в тексте (из них 12 цветных), 9 таблиц археологических предметов на 16 листах и 44 листов карт. Текст состоит из краткого предисловия, очерка археологического изучения Казахстана, основного реестра памятников — 4911 номеров, расположенных по листам карты, реестра памятников без точного местонахождения — 420 номеров по областям. В конце даны указатели: основной литературы, архивных материалов и музейных коллекций, именной и географический и сводные предметные таблицы по областям Казахстана. В альбоме имеются: карта маршрутов археологических экспедиций, схема деления карты на квадраты, таблица условных обозначений и 40 листов самой археологической карты по четыре квадрата в листе, отпечатанных в три краски.

Даже из такого краткого описания видно, что в этом издании дана не только карта, но и сводка всех имеющихся материалов по археологии Казахстана — литература, архивы, музейные коллекции и краткая история археологического изучения республики с описанием всех крупных экспедиций. Можно сказать, что сейчас в «хозяйстве» казахстанских археологов наведен порядок и все материалы доступны обозрению и изучению, чего в остальных союзных республиках пока еще, к сожалению, нет. В этом другая важная, положительная сторона этой книги. Конечно, в таком большом сводном коллективном труде не может не быть множества всяческих недостатков. Несомненно, каждый археолог, работающий в той или иной области Казахстана, найдет в материале своей территории и упущения, и неточности, и ошибки. Так, на стр. 365 (№ 308) Аши-Булак (в Восточном Казахстане) обследован С. С. Черниковым не в 1953, а в 1937 г.

Но эти ошибки не так уже существенны, и я не ставил себе целью их выискивать. Остановлюсь на более общих недостатках, относящихся ко всему изданию. Крупнейшим из них я считаю нечеткость и недостаточную полноту указателей. Непонятно, какая разница между именным и географическим указателем. В первом даны географические названия отдельных конкретных памятников (поселения, курганы и т. п.), во втором — географические пункты, но без указания, какие памятники около них находятся. Правда, и в том и в другом есть ссылки на номера описания, так что разобраться можно. Но получилось ненужное деление одних и тех же данных на два указателя. Приведу пример. В именном указателе читаем «Трушниково, поселение эпохи бронзы, № 1779»; в географическом — «Трушниково, с., Восточно-Казахстанская обл., Больше-Нарымский р-н — 1779, 1782—1784, 1786, 1787». Не проще ли было объединить эти данные, а в именном указателе дать фамилии исследователей. Это ведь тоже интересно. Очень жаль, что нет указателей по эпохам и видам памятников. Я понимаю, что это трудно, так как пожалуй большинство их (главным образом нераскопанные курганы), точно датировать нельзя. Но все же многие памятники датируются и свести их в группы было бы очень хорошо. Полезен был бы и список датированных курганов, городищ, поселений, наскальных изображений, каменных изваяний и т. п. Обязательно нужно было бы дать краткие аннотации к списку архивных фондов и музейных коллекций, без них получились столбики ничего не говорящих цифр (номеров коллекций). Кстати, в этом списке не указаны археологические коллекции нескольких областных музеев — Северо-Казахстанского, Кокчетавского и Гурьевского.

Литература дана огромная — 897 названий. Пропусков, на мой взгляд, мало, учитывая оговорку, что это литература, использованная при составлении карты. Могу указать только на следующие работы, прямо относящиеся к археологической карте [1]. Следует отметить, что литература о древних горных разработках Казахстана гораздо богаче, чем она дана в библиографии и «Очерке».

«Очерк археологического исследования Казахстана» дает, в основном, полный, хотя и чрезмерно краткий, обзор археологических работ и экспедиций. Было бы, конечно, лучше, если бы авторы «Очерка» подробнее и более четко остановились на итогах — что нового внес наш материал в историю Казахстана, а также на основных научных проблемах археологического изучения территории республики. Очень унылый вид имеют сноски. Фраза «См. указ. 1» повторяется на 15 страницах 197 раз, лучше было бы ого-

---

[1] Г. Е. Быков. Геологический очерк бассейна оз. Убаган, М.—Л., 1940; И. П. Фальк. Записки путешествия академика Фалька, СПб., 1824: W. Radloff. Aus Sibirien. Leipzig, 1893; C. E. Ujfalvy de Mazō-Kovesd. Le Sir-Daria. Paris, 1879; A. M. Tallgren. Die Kupfer — und Bronzezeit in Nord — und Ostrussland. Helsinfors, 1911; J. Sievers. Briefe aus Sibirien, СПб. 1796; I. G. Gmellin. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1749. Göttingen, 1751.

ворить это в начале, а в тексте давать номера библиографии в скобках. Есть в «Очерке» и пропуски и ошибки. Следовало бы упомянуть о раскопках В. В. Радловым в 1865 г. известного Берельского кургана; о А. А. Спицыне, собравшем большой по тем временам материал по археологии Казахстана; о С. И. Руденко, копавшем в 1927 г. курганы в Восточном Казахстане; о раскопках Б. Н. Ждановым андроновского могильника у курорта Боровое и о работе К. В. Сальникова «Бронзовый век Зауралья», оказавшей большое влияние на изучение эпохи бронзы в Казахстане. Сноска 3 неверна — Гмелина в библиографии нет. На стр. 15 упоминается «долина р. Чиликты». Такой реки нет. Есть Чиликтинская долина, а Г. Бокий копал в урочище Чаган-Обо.

Необходимо было также дать описание многолетних экспедиций по годам, с краткой характеристикой раскопанных памятников. Особенно не повезло в этом отношении Центральноказахстанской и Восточноказахстанской экспедициям. Нельзя согласиться с утверждением авторов, что «в 1957 г. археология Казахстана вступила в свой новый этап развития: перешла от разведочных рекогносцировочных работ к многолетним стационарным раскопкам» (стр. 24). Раскопки О. А. Кривцовой-Граковой, С. П. Толстова и С. С. Черникова задолго до этой даты были и многолетними и стационарными.

Есть ошибки и в хронологических таблицах памятников. Сужу по Восточному Казахстану (табл. IX), где материал можно было бы расположить значительно удачнее. На табл. III эпоху бронзы можно было разделить более четко и ввести графу — «первые века нашей эры», дав в ней предметы из погребения у с. Бармашинка, изданные А. Н. Бернштамом. Обращает на себя внимание, что часть таблиц имеет абсолютные даты, а часть нет. Но сами по себе эти таблицы — большое достижение и большой труд. В них впервые можно увидеть и сопоставить памятники разных эпох на всей территории Казахстана, тем более, что в этих таблицах много еще не изданного материала, но удобнее было бы перенести их в альбом. Сами карты и описания к ним выполнены хорошо, а это основная, наиболее трудоемкая часть работы. Описания в большинстве случаев ясные, немногословные и составлены в одной последовательности изложения материала. Поэтому ими пользоваться легко. Особенно хороши листы самой археологической карты. Они отпечатаны на хорошей бумаге, наглядны, легко читаемы, с четкими и простыми условными знаками. Очень помогает печать в три краски — сепией даны населенные пункты, границы и дороги, синим — гидрографическая сеть и черным — только условные знаки. К недостаткам надо отнести следующее: неточное указание местонахождения некоторых памятников, например, на стр. 200 сказано «у конефермы колхоза», то же на стр. 341 и др. Памятники следует ориентировать на постоянные географические пункты или местные предметы. А так получается, что если в колхозе конеферма будет ликвидирована или переведена в другое место, что часто и происходит, то памятник найти будет уже очень трудно. На карте маршрутов экспедиций отсутствует маршрут С. П. Толстова 1950 г., хотя в библиографии эта его работа указана. Несомненно, можно будет отыскать в этих разделах и еще ошибки, но они не изменят общей оценки. Полиграфически издание выполнено хорошо, за исключением цветных вклеек с пейзажами, которые отпечатаны плохо. Рисунки и фотографии в тексте, наоборот, хороши, не только технически, но и тем, что публикуется большей частью неизданный материал (кроме рис. 1, где изображены не «Развалины Аблайкита», как написано под рисунком, а совершенно неправильная реконструкция этого памятника).

В предисловии авторы пишут: «...настоящая карта является только началом археологического картографирования древностей Казахстана» (стр. 6). С этим нельзя не согласиться. Поэтому хочу высказать пожелание, чтобы через некоторое время вышли в свет в таком же оформлении «Дополнения к археологической карте Казахстана», где наряду с новыми материалами были бы исправлены и некоторые погрешности этого издания.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на все замечания, работа эта очень ценная, нужная и выполнена с большой тщательностью и полнотой. Я по собственному опыту знаю, какая эта трудная, кропотливая и часто неблагодарная работа — составление археологической карты. Поэтому могу с полным правом сказать, что авторы Археологической карты Казахстана справились с этой грандиозной работой хорошо, создав солидную основу и для дальнейших раскопок и для планирования археологических исследований в республике.

Хочу в этой связи высказать некоторые общие соображения по вопросам, возникающим после ознакомления с книгой. При взгляде на карту становится ясно, что на территории Казахстана, в силу ее величины и различия физико-географических условий, нет такого одного ключевого памятника, раскопки которого могли бы ответить на все или хотя бы на основные неясные вопросы истории страны. В южных областях, при раскопках городов и поселений, можно проследить становление феодальных отношений у оседлого населения и взаимоотношения кочевников и земледельцев. Но такие важнейшие вопросы, как происхождение кочевого скотоводства и становление патриархально-феодальных отношений можно выяснить главным образом раскопками курганов, не смущаясь тем, что многие из них окажутся разграбленными. Большое значение здесь имеют и памятники последнего этапа андроновской культуры А это — территория западных, центральных и восточных областей. Проблема же происхождения и становления казахского народа может быть решена только на основе всей суммы фактов, всего материала, как археологического, так и письменного. Следует обратить внимание и на то, что в Казахстане пока что хуже всего изучены палеолит, неолит и тюркские памят-

ники. В этих разделах археологии нужны большие работы. И наконец, до сих пор не завершено сплошное территориальное обследование. Обратимся к карте. Лист 25 (Мантышлак) — две случайные находки; лист 27 (сев.-зап. берег Аральского моря) — две неолитические стоянки и три случайные находки; лист 18 (течение рек Иргиза и Тургая) — девять случайных находок, две неолитические стоянки, три курганные группы, одно каменное изваяние и один мазар. Да и судя по карте маршрутов экспедиций, Западный Казахстан обследован еще очень недостаточно — хуже, чем остальные области. Большие необследованные территории (за исключением пустынь) есть также в полосе между р. Орь и оз. Тенгиз, к западу от Аягуза и к западу от Павлодара. Нет пока и разведочных маршрутов по берегам Аральского моря, Балхаша и по р. Чу.

Исходя из этого, я полагаю, что на территории республики наиболее целесообразно планировать пять больших многолетних экспедиций — Западноказахстанскую, Центральноказахстанскую, Восточноказахстанскую, Семиреченскую и Южноказахстанскую, тем более, что большинство из них уже работает. Каждая из экспедиций должна иметь свою проблематику и свой многолетний план работ, в том числе и разведочных. В целях большей концентрации средств и лучшей обработки материала имеет смысл время от времени делать годичный перерыв в какой-либо из них. Необходимо создать перспективный план археологических работ в Казахской ССР. Археологическая карта Казахстана весьма облегчает выполнение этой важнейшей задачи.

В заключение хочется поздравить коллектив авторов с успешным окончанием огромной работы и пожелать скорейшего появления такой же Археологической карты в других союзных республиках.

С. С. Черников

Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, вып. 87, М., 1961 г. (С приложением статьи Г. Н. Лисицыной «Вопросы палеогеографии неолита районов северо-запада европейской части СССР».) 579 стр., 209+20 рис., 3 карты. Резюме на французском языке.

Большая монография Н. Н. Гуриной по археологии северо-запада европейской части СССР написана на основе ее многолетних полевых работ в этой области. Она распадается на две неравные части — общую, занимающую 171 страницу, и «Приложения», содержащие описания материалов и занимающие более 300 страниц.

Труд Н. Н. Гуриной — безусловно очень ценный вклад в археологическую литературу по северу европейской части СССР и несомненно привлечет к себе внимание специалистов по этой проблеме. И он тем более важен, что большинство публикуемых ею памятников впервые вводятся в научный оборот. Рецензируя этот обширный труд, я не собираюсь, как обычно, суммировать положительные и отрицательные его качества. Первые во много раз превышают вторые. Мне хотелось бы главным образом остановиться на тех дискуссионных вопросах, по которым у нас с Н. Н. Гуриной имеются некоторые разногласия.

Первым таким вопросом является вопрос о времени и направлении, откуда происходило первичное заселение Карелии. Мне уже приходилось высказывать свое мнение по этой проблеме [1], и я не изменил его и после прочтения данной монографии. В главе «Первичное заселение территорий Карелии и Ленинградской области» Н. Н. Гурина почти все свое внимание посвящает соответствиям, наблюдаемым в типах каменных орудий и в приемах их обработки в рассматриваемой ею области и в Финляндии в мезолитическую эпоху. Общий вывод из этого мы находим в ее «Заключении» на стр. 153, где она пишет: «Основываясь на сходстве их (людей мезолитической эпохи, впервые проникших на территорию Карелии и Ленинградской области.— *А. Б.*) материальной культуры с материальной культурой племен, населявших современную Финляндию, можно прийти к заключению о их родственных связях. По всей вероятности, в Медвежьегорский район (речь идет о трех стоянках близ г. Медвежьегорска, которые Н. Н. Гурина считает наиболее древними.— *А. Б.*), где обнаружены памятники, первые пришельцы проникли из Финляндии, хотя не исключена возможность и продвижения их с Северо-запада, из областей, занятых племенами «Арктического палеолита».

Время этого расселения Н. Н. Гурина определяет как поздний мезолит, т. е. IV тысячелетие до н. э.

Этот вывод мне кажется мало обоснованным. Н. Н. Гурина обращает в данном случае внимание только на черты некоторого сходства трех находящихся в Карелии стоянок мезолитического, по ее мнению, времени с аналогичными стоянками в Финляндии и почему-то не считает нужным привлечь для сравнения материалы из восточных областей СССР. Вызывает сомнение и определение ею возраста этих стоянок. Он установлен по следующим признакам: по типам кварцевых орудий и характеру их обработ-

[1] А. Я. Брюсов. Заселение севера европейской части СССР по археологическим данным. Уч. зап. ЛГУ, серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948.

ки; по отсутствию керамики; по высотному положению стоянок. Вопрос о том, являлись ли эти стоянки местом длительного жительства или кратковременного посещения охотниками или рыболовами серьезно не рассмотрен. Между тем, если допустить последнее предположение и считать медвежьегорские (и многие такие же финляндские) стоянки местами кратковременного посещения, то характер материала, которым пользовались охотники для изготовления своих орудий, не может играть никакой роли: пользовались тем материалом, который был под руками, кремня же в этих местах нет. А этот материал, очень трудно поддающийся ретуши, обусловливал приемы его обработки, отличающиеся во многих отношениях от приемов обработки кремня. Та же картковременность пребывания на данном месте могла быть причиной отсутствия на этих стоянках керамики. Даже в наше время северные охотники зачастую пользуются в таких случаях сделанными на месте берестяными сосудами, бросая их по использовании тут же. Что же касается высотного положения стоянок, то, не отрицая значения эпейрогонического метода, следует подчеркнуть, что он не всюду и не всегда приложим. Он хорош для определения приблизительной даты существования стоянок, располагавшихся по берегу моря, причем для абсолютных дат необходимо знать скорость поднятия или опускания берега в послеледниковое время. Внутри же страны могли действовать и другие факторы, в данном случае, например, перекос ванны Онежского озера. Характерно, что предложенная Нуммедалем эпейрогоническая гипотеза для определения возраста «кремневых мест» (Flintplassene) в Северной Норвегии встретила очень холодный прием у археологов: за последние два десятка лет я не встречал упоминания о ней даже в скандинавской литературе.

И наконец, при описании трех медвежьегорских и 32 «ранненеолитических» стоянок Карелии Н. Н. Гурина ни в одном случае не приводит планов раскопок этих стоянок и не сообщает о размерах раскопок; поэтому трудно судить, насколько полно исследованы эти стоянки. Если же они исследованы только частично, то не исключена возможность находок на этих стоянках керамики и кремневых или сланцевых орудий неолитического типа. Даже на перечисленных ею стоянках «без керамики» в двух случаях, по ее же собственному показанию, керамика была найдена — на стоянке Сегозеро IV-а и Сегозеро X (стр. 184), а на «мезолитической» стоянке Медвежьегорская I были найдены обломки крупных шлифованных сланцевых орудий (стр. 178).

Вообще проблема мезолита на севере Европы до совсем недавнего времени оставалась неразрешенной. В 1957 г. во втором издании своих «Очерков по истории племен европейской части СССР [2],», несмотря на посвященные этому вопросу работы Г. Кларка [3], Е. Фройндта [4], К. Альтина [5], я вынужден был признать, что «при почти полной неразработанности проблемы соотношения мезолита и неолита» я считаю преждевременным «касаться вопроса о хронологических границах мезолита» [6]. Это особенно касается Карелии, археологические памятники которой почти не сохраняют костяных изделий и почти не содержат крупных кремневых орудий. Да и теперь, после выхода в свет позднейшей работы К. Альтина [7], открытия Д. А. Крайновым на Волге стоянки Золоторучье I, В. М. Раушенбах — мастерской «Голый Камень» в Свердловской области, находок М. М. Герасимовым — под г. Тарусой, находок местными краеведами ряда пунктов на р. Оке с типичными северными мезолитическими кремневыми орудиями, проблема мезолита в Карелии остается неразрешенной. Однако все эти факты и наличие восточнее Карелии, в Архангельской и Вологодской областях, ранненеолитических, как я их назвал, стоянок [8] свидетельствуют, что мезолит Северной Европы в Скандинавии, к северу от р. Оки и в Зауралье представлен кремневыми орудиями и костяными изделиями совершенно своеобразной формы. Было бы странно думать, что Финляндия и Карелия составляли в этом отношении исключение. Поэтому я остаюсь при прежнем мнении, что в настоящее время еще преждевременно говорить о мезолитических памятниках Карелии и предполагать первичное заселение Карелии с запада в эту эпоху. Во всяком случае проблема мезолита северо-запада СССР является еще дискуссионной. Но я считаю себя вправе придерживаться высказанных мною ранее предположений о заселении южной части этой территории и, разумеется, восточных областей, с востока на основании тех доказательств, которые были приведены в моих «Очерках».

Вторым разногласием между мною и Н. Н. Гуриной является вопрос о роли керамики спиррингс в Карелии. Впрочем расхождение у нас в этом вопросе не так уже

---

[2] A. Brjüssow. Geschichte der neolithischen Stämme im europäischen Teil der UdSSR. Berlin, 1957, стр. 1—2.

[3] J. J. D. Clark. The Earliest Settlement of the West Baltic Area in the Light of Recent Research, PPS, XVI, 1950, Новая серия.

[4] E. A. Freundt. Komsa — Fosna — Sandarna. Problems of the Scandinavian Mesolithicum. AAKbh, 1948, XIX.

[5] C. A. Althin. Man and Environment. A View the Mesolithic Material in Southern Scandinavia. MLUHM, 1953—1954, Lund, 1954.

[6] A. Brjüssow. Ук. соч., стр. 1.

[7] C. A. Althin. Chronology of the Stone Age Settlement of Scania, Sweden. AAL, 1, 1954.

[8] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

велико. Оно заключается в том, что, по мнению Н. Н. Гуриной, керамика типа сперрингс является самой ранней на всей территории Карелии, а ямочно-гребенчатая керамика относится к позднему времени, принесена другой волной переселенцев и вытеснила в конце концов керамику типа сперрингс. Я же считаю, что та и другая керамика существовали в Карелии одновременно, но керамика сперрингс типична для северной, а керамика ямочно-гребенчатая — для южных частей Карелии. Пришло ли северное население в Карелию ранее южного или одновременно с южным, судить трудно. Но факты, установленные в последние годы, показывают, что древнейший чистый тип ямочной керамики, положивший начало развитию ямочно-гребенчатой керамики и обнаруженный также в Карелии (стоянки Суна 4 и Суна 5), относится ко времени не позднее начала III тысячелетия до н. э., а возможно, и к более раннему времени (древнейшая часть стоянки Караваиха на р. Еломе в Вологодской обл., датируемая атлантическим периодом, стоянка Погостище I на р. Модлоне, датируемая временем перехода от мезолита к неолиту и др.). Поэтому нет никаких доказательств считать керамику сперрингс более древней, чем ямочная керамика.

Чтобы покончить с вопросом о том, откуда происходило население Карелии, обращаю внимание на памятник, о котором Н. Н. Гурина почему-то очень мало говорит в своей монографии. Правда, этот памятник — Оленеостровской могильник — достаточно полно был опубликован Н. Н. Гуриной ранее [9] Но мне кажется, что, имея в виду спорность датировки, следовало бы уделить ему внимание и в этом труде. Н. Н. Гурина датирует Оленеостровской могильник началом III тысячелетия до н. э. Многие археологи, и я в том числе, датируют его концом мезолита. Этот памятник замечателен, помимо всего прочего, тем, что в его инвентаре наблюдается смешение восточных и юго-западных признаков — например, большое число костяных наконечников стрел с биконической головкой и не меньшее количество кремневых наконечников стрел свидерского типа; в антропологическом материале также выяснено наличие западных, европеоидных, и восточных, монголоидных, признаков. Отсюда можно было бы заключить, что часть первичного населения Карелии пришла сюда с юго-запада.

Вообще же трудно себе представить, чтобы север Европы, заселявшийся, по-видимому, в позднемезолитическое и ранненеолитическое время, не испытал влияния населения, пришедшего из разных областей в разное время. Установить сейчас последовательность этих волн переселенцев трудно, если не невозможно. Но выяснить направление этих волн, надо думать, возможно.

Третьим пунктом моего расхождения с Н. Н. Гуриной является вопрос о форме неолитических жилищ. Не повторяя всех сделанных мною ранее возражений [10], приведу только одно из них в виде вопроса: почему во всех случаях раскопок торфяниковых стоянок обнаруживаются следы наземных деревянных жилищ? Возможно ли, чтобы человек, безусловно умевший, как показывают эти примеры, строить деревянные наземные дома, строил их только там, где остатки древних поселений покрылись впоследствии торфом, а во всех остальных случаях закапывался в землянки? Поэтому я сильно сомневаюсь в правильности определения Н. Н. Гуриной углублений на стоянке Курмойла I как следов жилых землянок. Обе эти ямы имеют по верху максимально немногим более 2 *м* в поперечнике, а на дне еще менее. Взрослый человек не мог бы даже лечь во всю длину своего роста на дне углубления № 1 (см. чертежи на стр. 243). Очевидно, что обе эти ямы имели хозяйственное назначение.

Последнее наше расхождение касается понимания термина «неолит». Но поскольку оно касается только терминологической тонкости, я не буду на этом останавливаться и приму лишь к сведению то, что Н. Н. Гурина понимает под термином «эпоха раннего металла». По содержанию это — то же самое, что я назвал бы «поздним неолитом».

Повторяю, что все эти вопросы носят дискуссионный характер. Но, кроме этих вопросов, в монографии Н. Н. Гуриной имеются и другие, по которым хотелось бы сделать несколько замечаний не в порядке возражений.

Н. Н. Гурина пишет, что в Карелии и на севере Ленинградской области «текстильная керамика представляет собою до некоторой степени инородное тело» и что «носители текстильной керамики» принесли ее с Верхней Волги из современных Костромской и Ярославской областей. Здесь опять приходится обратить внимание Н. Н. Гуриной на области к востоку от Карелии. Там имеются хорошо датированные стоянки, культурный слой которых уходит под толщу субатлантического торфа и которые, следовательно, относятся к началу I тысячелетия до н. э. (стоянка Селище на р. Модлоне в Вологодской области, стоянка Кубенино 2 у истоков р. Онеги в Архангельской области). Значительную часть керамики на этих стоянках составляет текстильная керамика. Еще больше на этих стоянках штрихованной керамики. При этом на стоянке Селище были найдены типичные для дьяковской культуры орнаментированные костяные ручки ножей. А поскольку в этих местах подобные стоянки по всему характеру их инвентаря являются прямым продолжением предшествовавших стадий развития местной каргопольской культуры, можно с достаточной уверенностью судить об этносе носителей этой культуры как о предках финских народов.

---

[9] Н. Н. Гурина. Оленеостровской могильник. МИА, 47, 1956.

[10] А. Я. Брюсов. Неолитические жилища лесной зоны европейской части СССР. Сб. «Вологодский край». Вологда, 1959.

Н. Н. Гурина, конечно, может сослаться на то, что результаты раскопок этих стоянок не опубликованы и были ей неизвестны. Однако с материалами этими можно было познакомиться в хранилищах московских музеев, и это представляло бы не бо́льшие трудности, чем знакомство с коллекциями Национального музея в Хельсинки. Повторяю, что одним из недостатков монографии Н. Н. Гуриной является то, что очень тщательному рассмотрению аналогий между карельским археологическим материалом и материалом Финляндии и поволжских областей не соответствует такой же тщательный анализ соответствий с материалом ближайших областей на востоке.

В заключение остановлюсь на некоторых мелких погрешностях в труде Н. Н. Гуриной.

Перечисляя области распространения приема орнаментации глиняных сосудов ромбическими ямками (стр. 75), Н. Н. Гурина почему-то обходит молчанием довольно широкое применение «ромбического штампа» в керамике каргопольской культуры, т. е. к востоку от Карелии.

На стр. 90 неверно утверждение, что на Панфиловской стоянке «форма землянок восстановлена В. А. Городцовым по частям, выходящим на площадь проведенных траншей. Остальные части землянок не были вскрыты». В. А. Городцовым была раскопана на Панфиловской стоянке только одна землянка, и притом целиком.

Неверно указание на стр. 91, что высотная отметка стоянки на р. Юге составляла «не более 1 *м*» над уровнем Чухломского озера. Стоянка эта находилась на 1 *м* выше уровня воды в р е к е, а не в озере. Кроме того, там же в описании стоянки ошибочно объединены каменные очаги, обнаруженные Л. Н. Казариновым на правом берегу реки, с двумя углублениями, обнаруженными М. Е. Фосс, А. В. Збруевой и мною на левом берегу той же реки.

На стр. 93 указывается, что Федоровская стоянка расположена «на сравнительно низком берегу реки (Вёксы.— *А. Б.*), не выше 0,5 *м* над современным уровнем воды». Это может относиться только к той части стоянки, которая заходит в пойму реки и,— как правильно говорит Н. Н. Гурина, «доходит до современного берега реки и частично залегает в воде» (раскопки Л. Н. Казаринова). Но основная часть этой стоянки (раскопки М. Е. Фосс, А. В. Збруевой, А. Я. Брюсова) расположена на высоком берегу реки, по меньшей мере на 3—4 *м* выше уровня воды в реке (к сожалению, точных замеров произведено не было). Я не посмел бы даже утверждать, что в обоих случаях дело идет об одной и той же стоянке.

На стр. 126 Н. Н. Гурина повторяет распространенное мнение об охоте на лосей по насту, причем будто бы «лось проламывал своей тяжестью наст, ранил ноги и изнемогал при беге...». Но кожа на ногах лося так тверда, что с трудом поддается даже острому ножу. Охота по насту на лосей основана на том, что при беге по твердому насту у лося кровоточат копыта и, по показаниям охотников, лось при таких условиях едва может пробежать 0,5 — 1 *км*.

При всей ценности труда Н. Н. Гуриной приходится сожалеть, что большой иллюстративный материал страдает некоторой односторонностью. На многочисленных таблицах и рисунках мы видим большое число мелких кремневых и кварцевых орудий, обломков глиняных сосудов и т. д. Во многих случаях эти рисунки повторяют один и тот же тип орудия или орнамент на сосудах, но очень мало дано планов расположения стоянок, планов и разрезов раскопок. Желательно было бы более равномерное распределение тех и других иллюстраций. Более того, иногда автор в тексте упоминает о «стоящем особняком» наконечнике стрелы со стоянки Усть-Рыбежна 2 (стр. 462) или «особенно важном значении для верного понимания поселения Усть-Рыбежна 2... 11 глиняных льячек» (стр. 482) и т. д., но изображений именно этих предметов не дается.

Рассматривая труд Н. Н. Гуриной, я не касался таблицы Относительной хронологии археологических памятников Карелии (стр. 31—32). Аналогичную таблицу можно найти и в труде Г. А. Панкрушева [11], причем выводы обоих авторов сильно расходятся. Я полагаю, что в настоящее время составить такую точную таблицу невозможно, так как большинство памятников раскопано только частично. В этом отношении методика Г. А. Панкрушева, привлекающего для этой цели только те памятники, материал которых позволяет делать статистические выводы, мне кажется более надежной, но все еще не безупречной по той же самой причине — неполной обследованности памятников.

При всех недостатках книги отрадно то, что археологи, изучающие древности севера СССР, обогатились новым капитальным трудом Н. Н. Гуриной по «Древней истории северо-запада европейской части СССР».

А. Я. Брюсов

---

[11] Г. А. П а н к р у ш е в. Датировка памятников Карельской культуры. Сб. «Вопросы истории Карелии». Петрозаводск, 1959.

И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Изд. АН АзССР, 1960, 183 стр. с илл. и карт. Резюме на англ. яз. Тираж 700 экз. Цена 1 р.

Монография ставит своей целью показать те большие возможности, какие дает современная аналитическая химия для решения различных проблем археологии. Как известно, наиболее плодотворные результаты в настоящее время достигаются в пограничных областях знания, когда методы и приемы исследования одной науки привлекаются для решения задач другой науки. По этому пути и направляет свои исследования И. Р. Селимханов, получив при этом определенные результаты. Монография И. Р. Селимханова содержит введение, пять глав и список литературы. В тексте много таблиц и рисунков.

Во «Введении» (стр. 5—8) высказываются общие соображения относительно значения точных химико-аналитических исследований руд и археологических сплавов для решения различных историко-археологических вопросов, прежде всего для разработки истории древней техники. Очень кратко освещается история вопроса и формулируются задачи дальнейших исследований. Автор правильно подчеркивает, что при изучении предметов древней культуры к методам химического анализа предъявляются особые специфические требования.

В главе I (стр. 9—19) содержится обзор важнейших химико-аналитических исследований археологических медных и бронзовых предметов, а в главе II (стр. 20—29) — детальный критический обзор имеющихся немногочисленных анализов металлических предметов из археологических раскопок на территории Азербайджанской ССР. При этом отмечается, что неполные и неточные анализы предшествующих исследователей, выполненные несовершенными методами, не позволяют делать правильные научные выводы.

В главе III (стр. 30—78) подробно обсуждаются возможности определения химическими методами в древних бронзах следующих элементов: олова, свинца, меди, цинка, мышьяка, сурьмы, серы, серебра, висмута, золота, платины, железа, никеля, кобальта, фосфора, молибдена и ванадия. При этом приводится более детальный, чем это сделано в предыдущей главе, критический обзор результатов определения перечисленных элементов в древних бронзах, выполненных предшествующими исследователями, указаны недостатки и погрешности применяемых аналитических методов, вскрыты причины ненадежных или неправильных результатов. Подробно описаны рекомендуемые более совершенные химические методы определения большинства названных элементов, позволяющие получить вполне надежные данные для обоснования историко-археологических выводов.

Химические методы определения отдельных элементов уточнены применительно к задачам исследования археологических объектов. Описанию аналитических методов в главе III предшествует детальное рассмотрение весьма важного вопроса об отборе средней пробы. В основном вся эта часть работы написана на надлежащем научном уровне. Можно лишь сделать отдельные критические замечания по частным вопросам.

Не совсем точно утверждение автора на стр. 73 относительно того, что при определении микропримесей висмута в древних медных сплавах применение так называемых мокрых химических методов затруднительно. Для решения этой задачи можно было бы применить, например, селективный и высокочувствительный колориметрический метод с использованием тиомочевины. Для определения более 0,5% цинка в археологических сплавах химическим методом (стр. 61) автор рекомендует производить его осаждение 8-оксхинолином и затем взвешивать или титровать полученный осадок. Весьма вероятно, что в данном случае лучше всего определять ион цинка титрованием раствором комплексона III (трилон Б), который зарекомендовал себя как ценный аналитический реагент.

Самая большая по объему глава IV (стр. 79—129) посвящена методике количественного спектрального анализа древних медных сплавов в дуге переменного тока. При этом рассматривается важный для спектрального метода вопрос приготовления эталонов, по составу соответствующих анализируемым сплавам, а также способы подготовки проб. Большое внимание уделено различным деталям методики выполнения спектрального анализа, без которых невозможно получить достаточно воспроизводимые и надежные результаты. В зависимости от поставленной цели рекомендуются различные модификации спектрального метода. В частности, для количественного определения основных элементов сплавов автор применил способ объективного фотометрического интерполирования, разработанный Л. Е. Введенским и рекомендуемый инструкцией ГОМЗ; он дает возможность получать данные анализа с удовлетворительной точностью.

В монографии описаны спектральные методы определения небольших количеств олова, свинца, цинка, мышьяка, сурьмы, золота, висмута, никеля, кобальта и др. Определение названных элементов производится с высокой чувствительностью — 10^{-3} — 10^{-5} %, достаточной точностью и не отнимает много времени. Для выполнения определений требуется не более 20—30 *мг* пробы, что для древних предметов имеет немаловажное значение.

Следует подчеркнуть, что аналитические методы описаны в главах III и IV настолько обстоятельно и проработаны настолько тщательно, что легко могут быть воспроизведены в любой лаборатории.

В главе V (стр. 130 и сл.) рассматриваются вопросы, имеющие значение для изучения истории древней техники и археологии. К таковым относятся: 1) определение полного состава медных сплавов, бытовавших в Азербайджане в рассматриваемую раннюю эпоху; 2) разрешение вопроса, какие примеси в этих сплавах можно отнести к случайным и какие преднамеренно внесены; 3) установление происхождения руд, из которых древние металлурги выплавляли медь и ее сплавы.

При обсуждении названных задач автор опирается на надежные химико-аналитические данные, которые не вызывают каких-либо сомнений в их достоверности. Это придает убедительность делаемым историко-археологическим выводам. Что касается критической оценки таких выводов, то это не может входить в нашу задачу. Большая по объему экспериментальная работа, выполненная автором монографии, заслуживает положительной оценки. Для решения историко-археологических задач автор весьма успешно использовал спектральный химический анализ, а также усовершенствованные классические аналитические методы. В связи с этим, однако, нужно отметить, что не следовало бы стремиться решать все проблемы только названными методами. В аналитической химии нет и не может быть универсальных методов, одинаково пригодных для любых объектов и любых определяемых элементов. Современная аналитическая химия располагает большим числом разнообразных и притом хорошо разработанных физико-химических и химических методов изучения состава вещества, которые могли бы оказаться весьма полезными и при решении историко-археологических задач. Известно, что в настоящее время большого совершенства достигли и часто применяются на практике фотометрические, полярографические, амперометрические и другие методы, каждый из которых имеет свои преимущества, возможности и ограничения. Умелое использование таких методов могло бы дать много ценного для разработки историко-археологических вопросов с минимальной затратой труда, времени и материалов.

Особое значение здесь могут иметь химические и физико-химические методы ультрамикрохимии, которые были разработаны в последние десятилетия в связи с изучением главным образом трансурановых элементов в количествах, не превышающих нескольких микрограммов в объеме раствора 10^{-3}—10^{-6} *мл*. Поскольку ультрамикрохимические методы требуют ничтожных навесок анализируемого вещества, то они могут найти широкое использование при изучении практически любых уникальных археологических объектов без их порчи. Во многих случаях весьма полезными могут оказаться более простые по технике выполнения микрохимические и полумикрохимические методы, которые требуют сравнительно небольшой навески (порядка нескольких миллиграммов или десятков миллиграммов). К сожалению, автор явно недооценил возможностей всех этих методов.

В рецензируемой монографии имеются отдельные неточности, которые, однако, не меняют ее общей положительной оценки. Книга И. Р. Селимханова будет прочитана с интересом аналитиками-химиками и спектроскопистами, а также исследователями в области истории техники и археологии.

А. И. Бусев

И. Г. Спасский. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 3-е дополненное издание. Изд-во Государственного Эрмитажа. Л., 1962, 224 стр., 190 илл. Тираж 10 000. Цена 1 руб. 25 коп.

В предисловии к третьему изданию своей «Русской монетной системы» И. Г. Спасский скромно пишет: «У нас давно не издавалось обзорных историко-нумизматических работ подобного рода». Существуют две причины, по которым следует оспорить это утверждение. Первая состоит в том, что в русской исторической науке никто и никогда до И. Г. Спасского не издавал обзорных нумизматических работ подобного рода, т. е. сочетающих строго научный анализ всей совокупности бесчисленных памятников русского денежного обращения за полтора тысячелетия с увлекательностью изложения, умением просто рассказать о сложном и живо изобразить вещи, кажущиеся на первый взгляд сухими и скучными. Во-вторых, это все же третье издание книги, опубликованной впервые в 1957 г., а затем в 1960 г. Беспрецедентный в русской нумизматике выход трех изданий одной книги на протяжении пяти лет объясняется, конечно, не только тем, что обзорных книг по русской нумизматике давно не было (потребность в таких книгах действительно очень велика), а главным образом достоинствами самой рецензируемой книги. Это очень хорошая книга, тиражи которой моментально распродавались и автор которой получил не один десяток доброжелательных читательских откликов.

Строго говоря, работа И. Г. Спасского принадлежит к жанру научно-популярной литературы. Однако, как это всегда бывает с лучшими образцами такого жанра, она оказывается заметным явлением не только в пропаганде, но и в развитии научных знаний. Три существенных обстоятельства хотелось бы отметить в этой связи.

Во-первых, книга И. Г. Спасского впервые отражает весьма внушительный итог быстрого и разностороннего развития нумизматических знаний об истории русского денежного обращения, достигнутого в советское время и особенно в послевоенные годы большим коллективом исследователей. Достаточно сравнить рецензируемое издание с

первым, вышедшим всего пять лет назад (второе издание было стереотипным), чтобы увидеть, как быстро растут успехи этих исследований. Автор существенно переработал некоторые разделы, а порой и изложил заново целые проблемы, возникшие буквально в последние годы.

Во-вторых, этой книге чужда компилятивность, неизбежно снижающая качество изложения в рядовых научно-популярных работах. Книга И. Г. Спасского и не могла быть компилятивной. В основе ее изложения лежат фундаментальные исследования самого автора, заново разработавшего в других своих книгах и статьях такие узловые проблемы русской нумизматики, как история денежного обращения XVI в., нумизматическая история польско-шведской интервенции начала XVII в., история реформы Алексея Михайловича. Одна из кардинальных проблем русской нумизматики — история петровских реформ русского денежного хозяйства — нашла серьезную научную разработку на страницах самой рецензируемой книги. Однако и там, где автор основывает свое изложение на трудах других нумизматов, он меньше всего занимается компиляцией. И дело здесь не столько в том, что автор каждый раз находит новые штрихи к характеристике тех или иных нумизматических периодов, сколько в несомненном воздействии его научного метода на всех без исключения современных нумизматов, занимающихся проблемами истории русского денежного обращения. И. Г. Спасский является основателем нового направления в нумизматических исследованиях, положившего в основу хронологических наблюдений анализ технических данных монеты. Применение этого метода дало начало новому этапу в развитии современной нумизматики — сплошному критическому пересмотру всех существующих нумизматических фактов с целью установления их точных дат и определения безусловной принадлежности. Эта громадная работа еще далеко не завершена, но основные успехи советской нумизматики связаны с ней.

В-третьих, подводя итог исследованиям русского денежного обращения за последние пятьдесят лет, книга И. Г. Спасского не только демонстрирует успехи этих исследований, но и отражает их недостатки, позволяя ставить вопрос о наиболее насущных задачах дальнейшего развития нумизматических знаний.

На протяжении последних десятилетий русская нумизматика вполне закономерно развивалась по пути углубленного исследования главнейших ее проблем. Пристальному изучению подверглись такие важные разделы истории денежного обращения на территории Восточной Европы, как период бытования римского денария I—V вв. (В. В. Кропоткин, М. Ю. Брайчевский), обращение арабского дирхема VIII—XI вв. (Р. Р. Фасмер, В. Л. Янин), обращение западноевропейского денария XI—XII вв. (Н. П. Бауер, В. М. Потин); были внимательно изучены слитки XII—XV вв. (А. А. Ильин, Н. П. Бауер, М. П. Сотникова), удельные монеты XIV—XV вв. (А. В. Орешников, А. А. Ильин, С. И. Чижов и др.), царская чеканка XVI—XVII вв. (И. Г. Спасский, А. С. Мельникова). Однако до сих пор все эти материалы, образующие звенья единой цепи последовательного развития и окончательного становления хорошо всем известной русской монетной системы, не были соединены. Попытка, предпринятая И. Г. Спасским, хорошо показала, что цепь общей концепции истории русского денежного обращения оказывается слабее всего на стыках отдельных крупных проблем, где порой возникают самостоятельные проблемы первоочередного значения.

1. Проблема происхождения древнейшей гривны. Вопрос о первоначальном возникновении древнейшей русской денежно-весовой единицы стал остро дискуссионным в последние годы потому, что остается совершенно не изученным так называемый первый безмонетный период восточноевропейского денежного обращения. Существо проблемы заключается в том, что, проникнув на рубеже VIII—IX вв. на территорию Восточной Европы, арабские монеты застали здесь местную гривну неизвестного происхождения, поскольку, встав во главе использовавшей дирхем денежно-весовой системы, она была чужеродна метрологии дирхема. Эта гривна находится в рациональном отношении с римским денарием. Однако между обращением последнего и проникновением дирхема лежит трехвековой безмонетный период, во время которого существенно менялась этническая карта восточноевропейского Юга, углубляя разрыв между римским денарием и куфическим дирхемом.

И. Г. Спасский в своей книге поддерживает концепцию преемственности древнейшей гривны от первоначальной совокупности римских денариев, полагая, что сохранению весовых единиц и терминов способствовало бытование в безмонетный период какого-то количества монет, сделавшихся уже украшениями (стр. 33, 51). Сам по себе этот тезис спорен, поскольку археология практически не знает пробитых римских денариев, а этническая преемственность славян VIII—IX вв. от восточноевропейских племен первых веков не доказана.

Мне кажется, что вопрос о связи весовых единиц конца первого тысячелетия с метрологией римского денария следует ставить на более широком фоне славянских древностей, не путая его с вопросом о славянстве черняховской культуры или о функциональном характере бытования римской монеты у племен Поднепровья. Где бы ни жили предки славян в первые века н. э. и откуда бы они ни пришли в Восточную Европу, во II—IV вв. н. э. они активно взаимодействовали с Римом: широкое распространение денария в это время не восточноевропейское, а общеевропейское явление.

С другой стороны, усвоение весовой единицы не обязательно должно произойти лишь в процессе интенсивного внутреннего денежного обращения. Потребность в весовой единице диктуется и накоплением, и нуждами ремесленного производства.

Поиски недостающего звена между римским денарием и древнейшей славянской гривной следует все же вести путем взвешивания серебряных украшений I тысячелетия, не ограничиваясь при этом восточноевропейским материалом. Думается, что такие поиски способны принести пользу и разработке общей проблемы славянского этногенеза.

2. Проблема местных центров чеканки в Восточной Европе в IX—XI вв. Этот вопрос, возникший в последнее время, чрезвычайно важен для характеристики общего уровня денежного обращения в указанное время. На мой взгляд, формулируя эту проблему (стр. 35), И. Г. Спасский напрасно вовсе опускает вопрос о дирхемах и подражательных монетах, обрезанных в кружок. Обрезка монеты в кружок и изготовление подражательной монеты — явления одного и того же порядка, подготовившие самостоятельную чеканку Киева рубежа X—XI вв.

Что касается самой киевской чеканки, то состояние изученности древнейших русских монет в нашей нумизматике давно уже перестало соответствовать современному уровню науки. В изложение проблемы И. Г. Спасский вносит новые штрихи, показывает трудности осмысления этих монет, занимающих весьма своеобразное место в истории русского денежного обращения. На шести страницах им сказано все существенное об этих монетах, что может сказать о них русская нумизматика сегодня. Однако потенциальные возможности этого материала чрезвычайно велики. Нужен корпус златников и сребреников, нужно подробное исследование всего обширного комплекса связанных с ними проблем.

Я не разделяю серьезного отношения И. Г. Спасского к проблеме «спорных надписей» на некоторых сребрениках. Вопрос об этих надписях на протяжении сотни лет является предметом дилетантской дискуссии и, по-видимому, может быть легко решен квалифицированным содружеством нумизматов и палеографов.

3. Проблема безмонетного периода. Наименее изучен в настоящее время период безмонетного обращения Руси в XII—XIV вв. На это время приходится наиболее существенный разрыв в концепции последовательного развития русской монетной системы. В конце безмонетного периода (последняя треть XIV — первая четверть XV вв.) на территории самостоятельных русских государств возникает местная чеканка, опирающаяся в каждом центре на собственную денежно-весовую систему. Между тем в начале этого периода на всей территории северной Руси существовала единая система. Возникновение на протяжении XII—XIV вв. областных систем идет об руку с процессом феодального дробления средневековой Руси подобно тому, как позднее образование единой национальной денежной системы сопутствует созданию национального государства. Поскольку этот важнейший процесс осуществляется в безмонетный период, не дающий в руки нумизмата его специфических источников, в русской нумизматике не ставился сколько-нибудь конкретно вопрос о путях зарождения областных систем. Нет четкой постановки этого вопроса и в рецензируемой книге.

Касаясь безмонетного периода, автор сосредоточил свое внимание на исключительно важной проблеме форм денежного обращения, выдвинув чрезвычайно интересное предположение об использовании каури в качестве средства мелкого обращения в некоторых центрах Руси. Между тем не менее важной была бы характеристика основных письменных источников, способных лечь в основу наблюдений над конкретной историей областных систем, показывающая, например, некоторые возможности, заложенные в анализе «Памяти как торговали доселе новгородцы», в сравнении разновременных показаний, отражающих динамику развития областной системы и т. д.

Коснусь одного связанного с историей областных систем частного вопроса, затронутого в книге И. Г. Спасского, т. к. его истолкование кажется мне ошибочным. Излагая замечательное открытие М. П. Сотниковой, установившей, что со второй половины XIV в. до середины XV в. новгородские денежные слитки отливались в два приема, И. Г. Спасский присоединяется к мнению М. П. Сотниковой о том, что двойное литье было формой государственной фальсификации, способом хищения серебра путем понижения качества металла в нижней отливке, разоблаченным в 1447 г., когда литье слитков было прекращено вообще (стр. 93).

Принимая такое истолкование двойного литья, исследователи тем самым допускают, что до 1447 г. в Новгороде существовали два разных рубля — счетный рубль, т. е. совокупность 216 новгородских денег общим весом около 170 *г* серебра, и рубль-слиток, который до разоблачений 1447 г. принимался равным гривенке серебра (около 200 *г*). Однако письменные документы второй четверти XV в. не знают такой разницы понятий. Суммы исчисляются в рублях без каких-либо оговорок. С другой стороны, летописцу 1447 г. известны два вида рублей — «старые» и «новые», которые, по контексту, оказываются разными видами слитка, переделанными на монету в 1447 г. Так как нам известны только два вида новгородских слитков — слиток без шва и слиток двойного литья, естественно связывать с первым наименование «старый рубль», а со вторым «новый рубль». Старый рубль содержит чистого серебра около 200 *г*. Количество серебра в «новом рубле» до сих пор не подсчитывалось, но предварительный расчет по данным, опубликованным М. П. Сотниковой, показывает, что оно было близко 170 *г*. Если это наблюдение правильно, то оно позволяет наметить несколько важных решений. Во-первых, двойное литье не было способом тайной фальсификации. Оно было формой открытого преобразования рубля. Наличие шва позволяло различать «новые» рубли от «старых». Пресловутое дело Федора Жеребца могло возникнуть тогда, когда какие-то злоупотребления мастера подорвали доверие к обоим видам рублей. Он мог отли-

вать слитки без шва из металла пониженного качества, мог изменить в свою пользу пропорцию в слитках двойного литья. Открыть его злоупотребления возможно лишь путем тщательного подсчета количества серебра в каждом слитке. Во-вторых, если «новый» рубль возникает еще в середине или во второй половине XIV в., т. е. задолго до начала собственной монетной чеканки в Новгороде, значит отделение рубля от гривенки возможно еще в недрах безмонетного обращения. В данном случае основой отделения мог быть пример прибалтийской марки, которая к тому времени уже разделилась на весовую и денежную. В-третьих, обнаруживая существование рубля в 170 *г* уже в XIV в., мы поймем механизм образования позднейшего 216-денежного новгородского рубля, порожденного сочетанием принятой в 1420 г. при начале чеканки московской новой денги и уже существовавшего к тому времени 170-граммового рубля.

4. Проблема областных монетных систем XIV—XV вв. Еще лет пятнадцать тому назад удельный чекан мог признаваться наиболее благополучной областью русской нумизматики. Монеты этого периода были классифицированы и определены многими исследователями XIX—XX вв., в том числе в классическом труде А. В. Орешникова. Теперь, когда И. Г. Спасским предложен и успешно применен в нумизматике XVI—XVII вв. метод сопоставления штемпелей, следует признать, что дальнейшая работа в изучении монетных систем XIV—XV вв. станет возможной лишь после колоссального и кропотливого сопоставления всех монетных типов удельного времени и определения многочисленных типов, до сих пор остающихся неопределенными. Сейчас такая работа проделана лишь для чекана Василия Темного (Н. Д. Мец) и нескольких небольших групп монет. Конкретная история рязанской, тверской, нижегородской, новгородской и псковской систем окутана густым метрологическим туманом, который рассеется только после того, как станет известной относительная хронология внутри каждой из этих территориальных групп. Вполне очевидно, что только тогда будет пролит и сколько-нибудь яркий свет на проблему происхождения областных систем, коль скоро станет возможным ретроспективное использование данных по XV веку.

Несомненно, наиболее существенными были бы исследования магистрального пути развития национальной денежной системы — изучение московской чеканки. Здесь наименее удовлетворительно состояние вопроса о монетах Ивана III и Василия III. Хотя именно в период этих княжений закладывались основы общерусской системы, до сих пор большинство монетных типов указанного времени не получило конкретной атрибуции тому или иному князю. Это обстоятельство не позволяет пока даже приступить к серьезному изучению денежного кризиса, предшествовавшего реформе 1530-х гг.

Одна из наиболее существенных проблем нумизматики XIV—XV вв., затронутая в книге И. Г. Спасского, касается взаимосвязи русских областных систем. Разумеется, до того, как будут решены основные метрологические проблемы XV в., трудно всерьез говорить о конкретных формах этой взаимосвязи. Однако само исследование монетных норм различных центров XIV—XV вв. должно исходить из тех обстоятельств, что на первоначальном этапе существования областных систем, еще в безмонетный период XII—XIII вв., все они обслуживались слитком одного веса, который, таким образом, служил как бы переводным коэффициентом для разных систем, происходящих от одного корня; что и в позднейшее время существует такой коэффициент (алтын); что отмечается известная синхронность реформ в разных центрах (например, около 1410 г. в Москве, Новгороде, Пскове, Нижнем Новгороде). Думается, что и безболезненное образование единой русской системы при Иване III опиралось на эту исконную взаимосвязь областных систем, в силу которой московская денга середины XV в. оказалась равна половине новгородской.

Книга И. Г. Спасского возбуждает множество мыслей, из числа которых я изложил здесь несколько, показавшихся мне наиболее существенными. В заключение отмечу высокое полиграфическое качество издания, снабженного отличными иллюстрациями, и излишнюю осторожность издательства, определившего явно недостаточный тираж книги.

В. Л. Янин

Хроника

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ГОС. ЭРМИТАЖА ЗА 1961 г.

12—14 марта 1962 г. в Гос. Эрмитаже состоялась научная сессия, посвященная итогам работы музея за 1961 г. Среди заслушанных докладов некоторые были посвящены вопросам археологии.

А. Д. Столяр в докладе «К вопросу об истоках первобытного искусства» проанализировал историю изображения пещерного медведя на памятниках палеолитического искусства и предложил реконструкцию развития образного восприятия.

Г. Д. Белов сообщил об итогах работы Херсонесской экспедиции 1961 г., в задачу которой входило окончательное раскрытие XXII квартала на Северном берегу. При раскопках обнаружены незначительные строительные остатки эллинистического времени, которые сопровождались материалом, характерным для III—II вв. до н. э.— обломками синопских и родосских амфор, херсонесской и синопской черепицы, расписными херсонесскими кувшинами. Значительный интерес представляет цистерна «Н», служившая для сбора дождевой воды. В ней обнаружены — целая синопская амфора, по-видимому, второй половины II в. до н. э., кубок цилиндрической формы, кувшин для масла, обломки пергамских чашек и терракотовая головка кабана. В раннеримское время здесь возникает новое здание, от которого лучше всего сохранилось помещение с вырубленным в скале погребом. Это здание прекращает существование в начале III в. н. э. Позднее на этом месте возводится здание с рыбозасолочной цистерной «Л», кладовой с 19 пифосами и колодцем «М». Из материала, найденного в ней, следует упомянуть обломки горл амфор с красными знаками, обломки краснолаковых блюд со штемпелем в виде креста, амфору с процарапанным крестом на плечиках, донышки 120 стеклянных сосудов. В цистерне найдено также 330 монет разного времени.

Б. Я. Ставиский сообщил, что Среднеазиатская экспедиция Гос. Эрмитажа приступила в 1961 году к исследованию нового памятника — буддийского монастыря, расположенного в северо-западной части городища Старого Термеза (холм Кара-Тепе). Раскопки велись в трех местах — в надземном храмовом здании и в двух пещерах. Выяснена планировка зданий: надземный комплекс состоял из центральной целлы, окаймленной с трех сторон обходным коридором, и небольшого бокового помещения, а пещерные комплексы — из культового помещения, также окаймленного четырьмя сводчатыми коридорами. Найдены следы украшений монастыря — фрагменты настенных росписей, куски каменных рельефов и обломки алебастровых статуй со следами позолоты и полихромии. Особого внимания заслуживают куски каменных зонтиков, являвшиеся, по-видимому, частью буддийской ступы. На основании находок монет кушанских царей Б. Я. Ставиский датирует монастырь II—III вв. н. э.

Т. В. Грек доложила о найденных в Кара-Тепе санскритских надписях на керамике. Они сохранились на 45 черепках от 8 сосудов и нанесены черной тушью. Надписи выполнены двумя почерками — карошти (на двух сосудах) и брахми (на остальных) и по палеографическим данным датируются I—III вв. н. э. Пока еще не удалось прочитать все надписи, но анализ уже прочитанных слов позволяет предположить вотивный характер надписей, свидетельствующий о пожертвовании сосудов священному водоему «кунда».

Доклад Б. И. Маршака был посвящен истории Согда VI—VIII вв. По мнению докладчика, имеющийся археологический материал позволяет выделить периоды упадка и расцвета города и связать их с некоторыми политическими событиями, известными по письменным источникам.

Анализу торговых связей Северного Кавказа в VII—VIII вв. по материалам находок шелковых тканей был посвящен доклад А. А. Иерусалимской. Эта большая группа тканей (около 100 фрагментов) была обнаружена давно, но до сих пор не привлекалась исследователями для изучения истории Северного Кавказа в указанный

период. Изучение тканей позволило выделить среди них следующие группы: сирийско-византийскую, иранскую, китайскую, местную и среднеазиатскую (согдийскую). Особенный интерес представляет, по мнению докладчика, последняя, так как она позволяет на конкретном археологическом материале впервые установить связи Северного Кавказа со Средней Азией.

Астраханская экспедиция Гос. Эрмитажа, как сообщил Л. Н. Гумилев, раскапывала в 1961 г. могильник, расположенный в дельте Волги. Установлено, что это двуслойный могильник: в разрушенное сарматское кладбище впущены погребения с тремя обрядами захоронения (трупосожжение, трупоположение с конем и трупоположение с сосудом в изголовье). Последние, возможно, относятся к тюркской эпохе.

О работах Псковской экспедиции Эрмитажа доложил Г. П. Гроздилов. В 1961 г. экспедиция продолжала исследовать площадь Довмонтовой крепости, являвшуюся административным центром средневекового Пскова. Работы велись на нескольких участках. Особый интерес представляют открытые в юго-западной части крепости остатки каменного здания, при расчистке которых найдено 432 свинцовые печати XIV—XVI веков. По-видимому, это здание являлось хранилищем государственных документов. В нижних слоях этого участка найдена лепная и сделанная на гончарном круге керамика, а также золотая монета византийских императоров Константина и Романа, позволяющая предположить, что этот участок начал застраиваться уже в X веке. Экспедиция приступила к изучению устройства древнего рва, засыпанного при Петре I, а также продолжала работы на территории Кремля.

В. Д. Белецкий, изучавший печати, открытые Псковской экспедицией, отметил, что из 432 экземпляров 220 являются государственными псковскими печатями, 7 принадлежат городам Псковской земли, 197 — псковским наместникам новгородских архиепископов. Большая часть комплекса датируется XV — началом XVI веков. Самые поздние печати связаны с новгородскими архиепископами Серапионом I (1506—1509) и Серапионом II (1551—1552) и определяют дату гибели архива серединой XVI века. Кроме этого комплекса на том же раскопе были найдены еще две печати. Одна — государственная псковская печать, оттиснутая матрицами 1424 года, имеет надпись — «печать псковских посадников» и пока является единственным экземпляром посадничесих псковских печатей.

С. А. Беляев

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ

7—9 февраля 1962 года в г. Ростове-на-Дону состоялась конференция, посвященная археологии Нижнего Подонья. В конференции, организованной Ростовским областным музеем краеведения, Ростовским гос. университетом и Институтом археологии АН СССР, приняли участие работники научных учреждений и музеев гг. Москвы, Ленинграда, Киева, Воронежа, Таганрога, Новочеркасска, Азова, Краснодара, Симферополя и Ставрополя.

Открывая конференцию, директор Ростовского областного музея краеведения К. А. Величко отметил важность созванной конференции как первого археологического совещания, подводящего итоги по изучению исторического прошлого Нижнего Подонья.

Во вступительной речи Д. Б. Шелов (ИА АН СССР) подчеркнул значение археологии Подонья в решении многих исторических проблем.

Доклад С. М. Маркова (Ростовский музей) был посвящен археологическому изучению Нижнего Подонья в послевоенные годы. На Дону работали крупные экспедиции, организованные центральными учреждениями (ИА АН СССР, Эрмитаж, Ленинградский гос. университет) и Ростовским обл. музеем: Волго-Донская, Нижне-Донская, Кобяковская, Елизаветовская и другие. Значительное количество экспедиций было проведено местными организациями (Ростовский, Таганрогский, Новочеркасский, Азовский музеи и Ростовский гос. университет).

Вопросам изучения палеолита, неолита и эпохи бронзы Подонья было посвящено 7 докладов. Изучение памятников древнейшей культуры края за последние три года значительно продвинулось вперед. Открыты и исследованы новые памятники палеолита и неолита, которые раньше почти не были здесь известны. Собран значительный материал по степным культурам эпохи бронзы, о которых раньше приходилось говорить лишь на основе плохо документированных раскопок дореволюционных лет.

В докладе Н. Д. Праслова (Таганрогский музей) были подведены итоги исследований каменного века на территории северо-восточного Приазовья. Древнейшее заселение района докладчик относит к домустьерскому времени. Среди памятников мустьерского времени большое значение имеют две стоянки у хут. Рожок.

Каменный инвентарь позднепалеолитических стоянок в Каменной балке имеет большое сходство с кавказскими памятниками. К самому концу позднего палеолита

Н. Д. Праслов относит стоянку Югино II, к неолиту — стоянки в долине рек Миуса и Крынки.

О новом неолитическом поселении Ракушечный Яр у ст. Раздорской сообщила Т. Д. Белановская (Ленинградский университет). На поселении обнаружены остатки наземных жилищ с углубленной очажной частью. Собранный материал (орудия труда из камня и кости, керамика, украшения, кости животных) свидетельствуют, что обитатели поселения занимались скотоводством, охотой, рыбной ловлей, собирательством и, возможно, земледелием.

В. Я. Кияшко (Ростовский университет) доложил о двух курганах, раскопанных в зоне строительства Новочеркасской ГРЭС. В курганах открыты погребения ямной и катакомбной культур. Докладчик отметил заметное отличие памятников катакомбной культуры правобережья Дона от памятников левобережья.

О раскопках курганов с погребениями эпохи бронзы у хут. Мокрый Чалтырь рассказал А. И. Демченко (Ростовский университет).

Доклад об исследованиях курганов у хут. Верхне-Янченко сделал В. С. Бочкарев (Ростовский музей краеведения). Наиболее интересным погребением в курганах являлось захоронение в катакомбе с богатым инвентарем (реповидные сосуды, глиняная курильница, нож, каменный молот и другие предметы) и черепами быков и костями овцы. Этот комплекс датируется серединой II тысячелетия до н. э.

Интересное сообщение о реставрации и реконструкции повозки из катакомбного погребения у хут. Кудинова сделал Е. А. Румянцев (Эрмитаж). Повозка относится к древнейшему колесному транспорту, известному на территории СССР. Она состоит из рамы простой конструкции и четырех колес со ступицами, насаженных на оси, наглухо закрепленные в раме. Рама и колеса изготовлены из хорошо обтесанных и плотно пригнанных досок, соединенных длинными шипами.

Э. С. Шарафутдинова (ЛОИА АН СССР) в докладе «Жилища эпохи бронзы на Кобяковом поселении» выделяет два типа жилых сооружений, бытовавших одновременно: землянки и наземные жилища. Землянки делились стеной-перегородкой на две части: кухонную и так называемую «чистую». Кровля одной землянки, по мнению докладчика, представляла пирамидальный сруб, покрытый камышом. Интересной деталью является применение камня для облицовки стен. Керамика из жилищ обоих типов одинакова. Докладчик считает, что облик ее позволяет сближать Кобяково поселение с позднебронзовыми памятниками Северного Причерноморья и Северного Кавказа.

С. Н. Братченко (Ростовский музей) в своем сообщении на материалах Лысого кургана и других памятников сделал попытку выделить на Нижнем Дону погребения так называемой смешанной ямно-катакомбной культуры.

Ряд докладов был посвящен изучению памятников античного времени, главным образом исследованиям Недвиговского, Елизаветсовского, Кобякова городищ и их могильников. Эти исследования позволили по-новому осветить экономику, культуру и быт населения Нижнего Дона в скифо-сарматскую эпоху.

В. П. Шилов (ЛОИА АН СССР) сделал доклад «Нижнее Подонье в доримскую эпоху». Касаясь позднебронзового века и раннескифской эпохи, докладчик на основе анализа металлических изделий пришел к выводу о связи Нижнего Подонья с Северным Кавказом, Приуральем и странами Юго-Восточной Европы.

С докладом «Танаис в свете последних археологических открытий» выступил Д. Б. Шелов. Он наметил общие вехи истории города и охарактеризовал его как крупный торгово-ремесленный центр, сыгравший значительную роль в экономике, социальном и культурном развитии племен Подонья и Нижнего Поволжья. Танаис возник около середины III в. до н. э. у нынешнего хут. Недвиговки. Версия о существовании двух Танаисов, отметил докладчик, сейчас окончательно опровергнута.

А. И. Болтунова (ИА АН СССР) сделала доклад о раннем периоде истории Танаиса. Она указала, что данные археологического изучения Елизаветовского городища не позволяют видеть в нем город, основанный, по свидетельству Страбона, эллинами, владеющими Боспором. Оно представляет собой скорее варварское поселение на острове Алопекия, как предполагал еще Миннз. В наличии двух укрепленных поселений в Танаисе А. И. Болтунова усматривает отражение деления жителей Танаиса на две общины — «эллинов» и «танаитов», засвидетельствованное в надписях первых веков н. э. Западное поселение на основании преобладания в нем варварских черт, представляется как поселение общины «танаитов». Термин «танаиты» докладчик понимает как термин этнический.

Доклад С. И. Капошиной (ЛОИА АН СССР) был посвящен проблемам изучения памятников сарматского времени на Нижнем Дону. Кобяково городище докладчик характеризует как земледельческое поселение с развитым ремеслом, рыбным промыслом и широкими торговыми связями. Большое значение имеют исследования курганов в Багаевском районе (1960—1961 гг.), где найдены бронзовые вазы, происходящие из италийских мастерских (Помпеи, Геркуланум).

Ю. П. Ефанов (Ростовский университет) в докладе «Сарматы на Дону по письменным источникам» основное внимание уделяет этногеографии сарматских племен в первые века н. э. На основе анализа литературных источников (Страбон, Птолемей) и некоторых эпиграфических памятников, докладчик сделал попытку локализации отдельных групп сарматских племен.

В. М. Жибура (Ростовский музей) в докладе о керамике некрополя Кобякова городища выделил группу керамики местного производства и остановилась на вопросах ее классификации и датировки.

С докладом о гончарных мастерских на поселениях донской дельты первых веков н. э. выступил С. Н. Братченко (Ростовский музей). Он сообщил об открытых за последние годы на Кобяковом и Подазовском городищах обжигательных печах, орудиях гончарного производства и выбросах бракованной посуды, позволившей определить характер керамической продукции мастерских.

В докладе М. И. Вязьмитиной (ИА АН УССР) дана характеристика поселения у с. Золотая балка на Днепре. Ранний период поселения характеризуется глинобитными жилищами, поздний — каменными постройками усадебного типа с прямолинейной планировкой. Своеобразие культуры поселения состоит в сочетании скифских, сарматских, античных, фракийских и кельтских элементов, а также элементов, свойственных зарубинецко-корчеватовской культуре. Докладчик высказал предположение о возможности отождествления поселения с Птолемеевским Сароном.

Средневековой тематике на конференции было посвящено два доклада. М. А. Фронджуло (ИА АН УССР) сделал доклад об исследованиях поселений VIII—IX вв. на юго-восточном и южном берегах Крыма. У с. Планерского были открыты прямоугольные жилые и хозяйственные постройки, у с. Приветного обнаружена гончарная печь. Докладчик считает возможным отнести эти поселения к памятникам особой, местной культуры, созданной сарматизированным населением Боспора, сохранившимся здесь после гуннского нашествия.

Доклад Л. М. Казаковой (Азовский музей) был посвящен характеристике материалов, обнаруженных в процессе наблюдений за земляными работами в г. Азове. Л. М. Казаковой выделен слой золотоордынского времени, залегающий непосредственно на материке (Азак-Тана). Он характеризуется обилием красноглиняной ангобированной керамики, о местном происхождении которой свидетельствуют обнаруженные гончарные обжигательные печи. Кроме того, встречены обломки сосудов хорезмийского и крымского происхождения.

На конференции была принята резолюция, в которой отмечается большое значение проведенных за последние годы археологических исследований в нижнем Подонье. В ней также особенно отмечена активность местных организаций (Ростовского, Таганрогского, Азовского, Новочеркасского музеев и Ростовского университета) в проведении археологических исследований в крае и то внимание, которое проявляют местные советские органы к охране памятников древности.

Конференция приняла решение продолжать и расширять археологические исследования на Дону, обратив особенное внимание на изучение северных и восточных районов области, почти не затронутых исследованием; уделить большее внимание средневековым памятникам и раннескифского времени; в течение 1963—1965 гг. провести паспортизацию памятников и составить археологическую карту края; расширить издательскую деятельность и опубликовать материалы конференции.

С. Н. Братченко

VIII ВСЕСОЮЗНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

С 5 по 11 марта 1962 года на историческом факультете Ленинградского университета проходила VIII Всесоюзная студенческая археологическая конференция. В прошлые годы (с 1954 по 1961) конференция созывалась студентами кафедры археологии МГУ и проводилась в Москве. Ленинградские студенты впервые стали организаторами встречи молодых археологов страны.

В работе VIII Всесоюзной студенческой археологической конференции участвовало более 80 делегатов из 29 городов Советского Союза. К началу конференции был выпущен сборник «Тезисы докладов VIII Всесоюзной конференции студентов-археологов», содержащий изложение 36 докладов, представленных студентами-археологами 23 городов.

Основная работа VIII Всесоюзной студенческой археологической конференции проходила по секциям. Кроме секционных заседаний для участников конференции были организованы специальные лекции по важнейшим проблемам археологии.

Основным проблемам палеолита в СССР была посвящена лекция П. И. Борисковского. М. К. Каргер остановился на проблеме древнерусского города и рассказал о раскопках Изяславля. С. И. Руденко прочитал лекцию «Пазырыкские курганы и проблема происхождения скифов». М. П. Грязнов и П. А. Раппопорт в своих лекциях затронули вопросы теории и методики археологических исследований.

М. И. Артамонов пригласил участников конференции в Эрмитаж, где провел семинар на тему «Скифы» и показал вновь открытую выставку, посвященную памятникам культуры скифов.

Кроме того, были организованы специальные экскурсии в Музей антропологии и этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, в Отдел первобытной культуры и в Особую кладовую Гос. Эрмитажа.

На конференции работали секции: археологии эпохи камня и раннего металла, Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии и Кавказа, Поволжья, Прибалтики, античной и славяно-русской археологии. На конференции было заслушано более 50 докладов и выступлений.

Вопросам палеолита были посвящены доклады Н. Анисюткина (Ленинград) «О хронологии грота Шайтан-Коба», В. Петроленкова (Воронеж) «Верхнепалеолитическая стоянка Аносовка II по раскопкам 1956, 1960 и 1961 гг.», М. Чермановой (Алма-Ата) «Первая многослойная палеолитическая стоянка в Казахстане».

Памятникам неолитического времени были посвящены выступления Л. Ягуповой (Уфа) «О новых неолитических памятниках Башкирии», А. Васильевой (Петрозаводск) «Стоянка Бесовы Следки III», А. Румянцева (Ленинград) «Неолитическая стоянка Ракушечный Яр», В. Старкова (Москва) «Жертвенные места неолитического времени на территории Среднего Урала», В. Третьякова (Ленинград) «К вопросу о керамике нарвского типа».

Памятники энеолитического времени получили освещение в работах С. Кочкуркиной (Петрозаводск) «Поселения и жилища эпохи неолита и раннего металла в Карелии», В. Круца (Киев) «Поселение и могильник энеолитического времени у с. Дериивка в Среднем Поднепровье», Г. Авалишвили (Тбилиси) «Энеолитическое поселение в окрестностях г. Тбилиси».

Изучению памятников эпохи бронзы были посвящены доклады В. Мамонтова (Волгоград) «Катакомбные погребения эпохи бронзы в кургане № 30 у с. Старица Астраханской области», В. Сафронова (Ленинград) «О происхождении турбинской культуры», З. Шатберашвили и Ц. Лашхи (Тбилиси) «Раскопки курганов эпохи средней бронзы в Дманисском районе Грузинской ССР», Ю. Демченко (Ростов-на-Дону) «Два кургана эпохи бронзы у хутора Мокрый Чалтырь», Л. Крыловой (Саратов) «Танавское городище как памятник срубной культуры», В. Бочкарева (Ростов-на-Дону) «Курганы эпохи бронзы у хутора Кудинова».

Археологии эпохи железа были посвящены сообщения Л. Мочоёлидзе (Тбилиси) «Погребения эпохи железа в Брили (Грузинская ССР, Верхняя Рача)» и В. Дворниченко (Москва) «Костяные пряжки предскифской эпохи».

На секции археологии Сибири и Дальнего Востока были заслушаны доклады А. Скульской (Владивосток) «Памятники эпохи раннего железа в Приморье», А. Кривоноса (Москва) «Карасукская керамика», А. Деревянко (Благовещенск) «Древние культуры Среднего Амура», Н. Васильевой (Алма-Ата) «Новые материалы о первом этапе кочевников Центрального Казахстана», Д. Савинова (Ленинград) «Обкладка луки седла из чаатаса в Копёнах», В. Борисова (Москва) «К вопросу о датировке орхоно-енисейской письменности».

Ю. Егоров (Иркутск) рассказал об археологических исследованиях в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС, проведенных в 1961 году отрядом студентов Иркутского государственного университета. Об исследовании археологических памятников у д. Еловка Кожевниковского района Томской области подготовили сообщение А. Баранес, А. Косарев, В. Славнин (Томск).

Проблемам этногенеза народов Поволжья посвятили свои доклады В. Патрушев (Йошкар-Ола) «Древнемарийские поселения I тысячелетия н. э.», В. Бочков (Йошкар-Ола) «Раскопки 1961 года на Ижевском городище», Е. Казаков (Казань) «Погребальный обряд Танкеевского могильника», Р. Осипова (Чебоксары) «Чуракинский могильник в Чувашии», С. Владимиров (Чебоксары) «Болгарское селище близ д. Большое Янгильдино», Р. Сысоева, Н. Калегина, Р. Рубцова (Ижевск) «Новые археологические памятники чепецкой культуры». Р. Фахрутдинов (Казань) представил доклад «О характере оборонных укреплений домонгольской Булгарии». Археологии Поволжья и Приуралья были посвящены также сообщения Р. Янгузина (Уфа) «Раскопки курганного могильника в Орджоникидзевском парке г. Уфы», С. Васюткина (Уфа) «Керамика верхнего слоя поселения Романовка 8», В. Бровкина (Иваново) «Кочкинский могильник», К. Русановой (Пермь) «Раскопки Петуховского городища в 1961 г.», В. Миронова (Саратов) «Некоторые проблемы происхождения городецкой культуры в свете материалов Танавского городища».

На секции славяно-русской археологии выступили М. Щукин (Ленинград), давший анализ лепной керамики из поселения Лепесовка; А. Пряхин (Воронеж), доложивший об изучении славянских памятников в бассейне Верхнего Дона; В. Коченова (Горький), рассказавшая о поисках славянских памятников XII—XIII вв. на территории Горьковского Заволжья; Н. Омельченко (Киев), посвятивший свое выступление славянским памятникам Каневского Поднепровья.

Вопросы археологии средневековой Прибалтики рассматривались в докладах Р. Якубенайте (Вильнюс) «Постройки XIII—XIV вв. у подножья горы Гедемина в Вильнюсе», В. Салини (Рига) «Раскопки Леясдоельского могильника», М. Аун (Тарту) «Раскопки могильника позднего железного века на острове Сааремаа (Эзель)».

На секции античной археологии А. Паршиков (Одесса) в докладе «Проксении Ольвии» представил первую полную сводку этих важнейших для истории античного города документов. А. Сихарулидзе и Г. Апакидзе (Тбилиси) выступили с сообщениями о раскопках последних лет на территории «Великого Питиунта».

Изучению античного Боспора были посвящены доклады Т. Анфимовой (Краснодар) «Торговая фактория Боспора на Средней Кубани (Елизаветинское городище)», Л. Илья-

совой (Краснодар) «Внешняя политика Боспора на азиатской стороне в V—II вв. до н. э.», Л. Ефановой (Ростов-на-Дону) «Некрополь Кобякова городища».

На секции археологии Средней Азии были заслушаны сообщения А. Оразбаева (Ашхабад) «Археологическое изучение городища Шехр-Ислам», И. Шиганова (Ашхабад) «Археологические памятники в окрестностях Ашхабада», О. Мусаева и С. Мухтарова (Душанбе) «Раскопки курумов (могильников) в Ошском районе Таджикской ССР», К. Байпакова (Ленинград) «К вопросу о локализации главного города Отрарского оазиса в IX—XII вв.».

Интересную работу «Гянджинские шеддадиды и их монеты» подготовила С. Дадашева (Баку). П. Шорин (Москва) выступил с докладом «Монетные клады как источник для истории древней Руси».

Участники конференции выразили пожелание, чтобы в дальнейшем конференции созывались не только в Москве и Ленинграде, но и в других городах страны, где имеются университеты, большие музеи и коллективы ученых-археологов.

А. В. Гадло

РАБОТА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ НА НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ ПО ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО КРАЯ

Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской по инициативе покойного А. И. Козаченко начиная с 1960 г. ежегодно проводит научные конференции по изучению истории Московского края. В конференциях принимают участие краеведы, главным образом учителя школ, работники музеев Московской области, преподаватели пединститутов Москвы, Коломны, Орехово-Зуева, студенты. На конференциях регулярно работает секция археологии, которой руководит Ю. С. Крушкол.

Секция археологии на I научной конференции по изучению Московского края, состоявшейся в марте 1960 г., заслушала доклад Ю. В. Куртова (Люберцы), посвященный общим вопросам археологии Подмосковья, и доклад Ю. А. Краснова (Звенигородский район) об археологических исследованиях Звенигородского историко-краеведческого музея в 1957—1959 годах.

Значительно более широко доклады с археологической тематикой были представлены на II конференции, состоявшейся в марте 1961 года. Можайский краевед В. И. Горохов сделал сообщение об истории открытия Троицкого городища под Можайском. Большой интерес вызвал доклад А. Ф. Дубынина (Москва) о результатах многолетних раскопок Троицкого городища. Об археологических разведках в Ногинском районе доложил Е. И. Диков (Ногинск). Ю. А. Краснов выступил с докладом «Топография древнего Звенигорода по археологическим данным». Н. А. Рощина (Коломна) сообщила об истории археологического изучения окрестностей г. Коломны. Кроме того, участники секции были ознакомлены с содержанием доклада Н. П. Милонова (Рязань) об археологических исследованиях, проведенных автором в 30-х гг. в северной части Московской области.

26—27 марта 1962 г. состоялась III научная конференция по изучению истории Московского края. На секции археологии было заслушано четыре доклада. Е. И. Диков выступил с докладом «Расселение славян на территории бывшего Богородского уезда», в котором показал, что среднее течение р. Клязьмы и ее притоков было районом со смешанным вятичско-кривичским населением. В курганном инвентаре некоторых могильников прослеживается влияние мещеры. Н. Н. Акимов (сел. Радовицы Шатурского района) в докладе «К древней истории юго-западной части Мещеры» наметил основные этапы истории древнего населения этого района. Большой интерес представляет сообщение об открытии автором доклада в 1961 году на берегу Радовицкого озера мезолитической стоянки. Докладчик приходит к выводу, что в эпоху неолита, бронзы и раннего железа этот район Мещерской низины был весьма густо заселен. Ю. А. Краснов выступил с докладом «Славянская колонизация Московского края». По мнению докладчика, финно-угорское население позднедьяковских городищ заселяло Московский край вплоть до X в. Первую, еще слабую волну славянской колонизации Московского края докладчик отнес к IX—X вв., а массовую колонизацию славянами территории Московского края, приведшую к коренному изменению этнического состава населения здесь,— к XI—XII векам. Доклад Н. А. Рощиной (Коломна) «Из истории Коломенского Кремля» был посвящен реконструкции первоначального облика этого замечательного памятника русского оборонительного зодчества. На III конференции археологическая секция была самой многочисленной.

В 1961—1962 гг. в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской работал также постоянный научный семинар по изучению Московского края. Среди других вопросов истории Московского края на заседаниях семинара рассматривались и вопросы археологии Подмосковья.

Ю. А. Краснов

Л. В. ОШАНИН

9 января 1962 г. в г. Ташкенте скончался заслуженный деятель науки Узбекской ССР, доктор биологических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР и заведующий кафедрой антропологии Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина профессор Лев Васильевич Ошанин.

Л. В. Ошанин родился 7 марта 1884 г. в Ташкенте в семье выдающегося исследователя Средней Азии зоогеографа В. Ф. Ошанина. Воспитанник биологического факультета Петербургского университета и Военно-медицинской академии Лев Васильевич начал свою научную деятельность в Ташкенте в 1920 г.

Перу Л. В. Ошанина принадлежит свыше 30 печатных работ, большинство которых посвящено изучению сложных проблем этногенеза народов Средней Азии[1]. Отличительной особенностью этих работ является присущее Л. В. Ошанину стремление широко и всесторонне сочетать результаты антропологических наблюдений и материалов с данными археологических, этнографических и лингвистических исследований.

В 1926—1928 гг., тщательно проанализировав обширный антропологический материал и сопоставив его с археологическими и другими данными, Л. В. Ошанин выдвинул гипотезу о скифо-сарматском происхождении туркмен. Выводы Л. В. Ошанина по данному вопросу прочно вошли в отечественную и зарубежную литературу.

Вслед за этим Л. В. Ошанин разработал и поставил ряд других проблем энтогенеза народов Средней Азии, в частности вопросы относительно автохтонности двух европеоидных рас, сложившихся между бассейнами Аму и Сыр-Дарьи и в Закаспии, о древнейшем населении Хорезма и Мавераннахра и пришлых из Дешти-Кипчака тюркоязычных племенах как предках узбеков, об антропологическом составе киргизов, казахов, каракалпаков, узбеков и таджиков, о начальных этапах процесса монголизации типа и тюркизации языка древнейшего европеоидного населения Закаспия и многие другие.

Последняя по времени и оставшаяся в рукописи работа Л. В. Ошанина была посвящена детальному описанию костных останков Тимура и тимуридов, обнаруженных при исследовании в 1941 г. погребений в склепе мавзолея Гур-Эмир в Самарканде.

Делом жизни Льва Васильевича явился его капитальный сводный труд «Антропологический состав населения Средней Азии и энтогенез ее народов», изданный в трех книгах в 1957—1959 гг. и во многом основанный на результатах возглавлявшихся Л. В. Ошаниным антропологических экспедиций.

Надо особо подчеркнуть четкость научных позиций Л. В. Ошанина как советского исследователя, непримиримо враждебного пантюркистским, панираниствским и иным антинаучным измышлениям буржуазных расистов. Работы покойного исследователя сыграли большую роль в борьбе с зарубежными фальсификаторами истории, пытавшимися отрицать давнее происхождение и глубокие исторические корни энтогенеза таджиков, узбеков и некоторых других народов Средней Азии.

В памяти всех знавших Льва Васильевича навсегда останется его светлый образ большого ученого и чуткого, отзывчивого, исключительно скромного и сердечного человека.

Б. В. Лунин

---

[1] Перечень печатных работ Л. В. Ошанина см. в сб. «История материальной культуры Узбекистана». Вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 13—16.